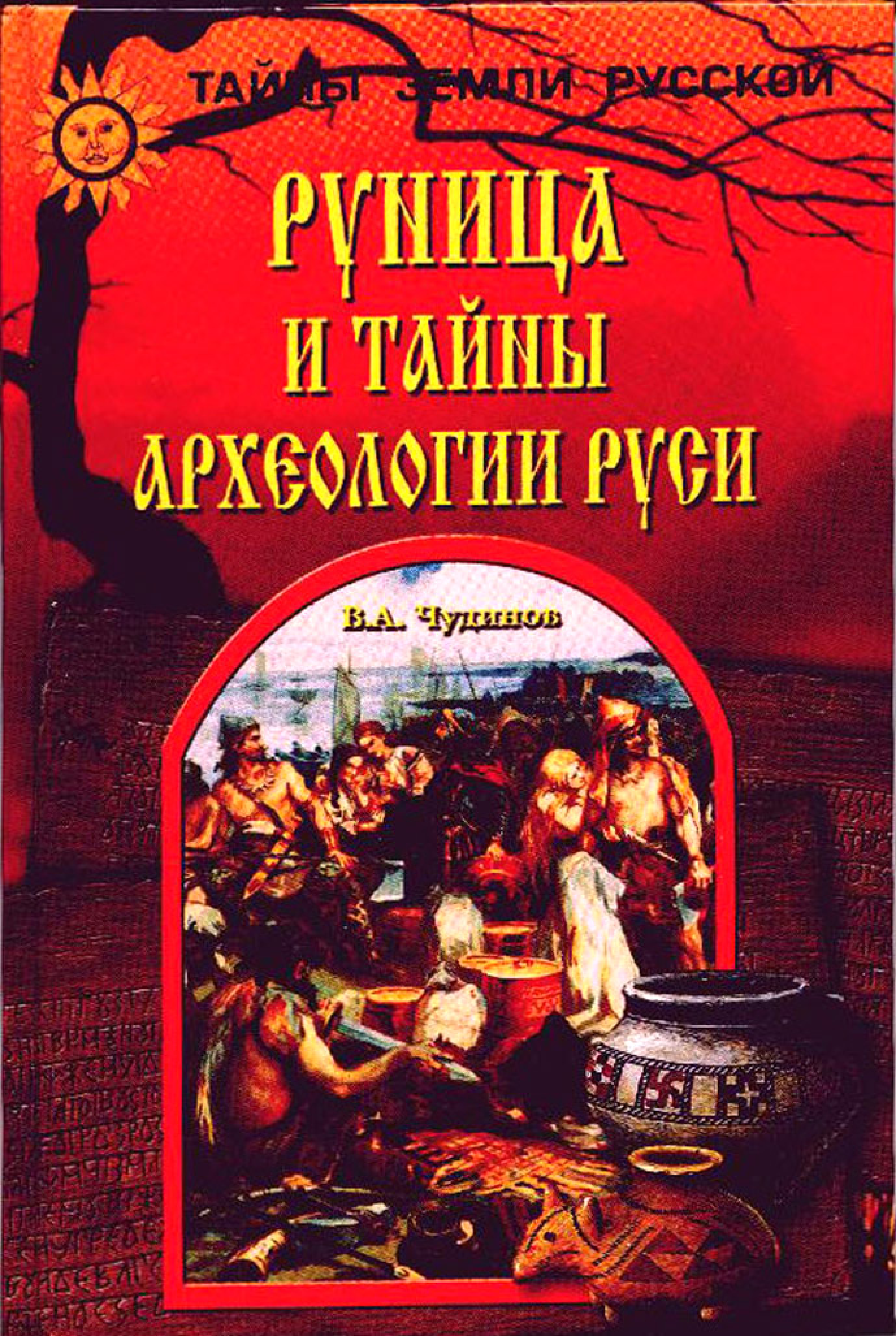

ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ
РУНИЦА
И ТАЙНЫ
АРХЕОЛОГИИ РУСИ
В.А. Чудинов

ББК 63.3
Ч 84

ISBN 5-9533-0140-5



ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга необычна. Прежде всего она основана на новых и очень многочисленных дешифровках надписей, нанесенных на изделия средневекового периода, причем эти чтения публикуются впервые, так сказать, с пылу-жару. И все выводы об исторических событиях и фактах основаны на этих документах, весьма достоверных первоисточниках.

Дешифровок много. По сути дела данная книга представляет собой альбом дешифровок славянского слогового письма русского средневековья, руницы, знаки которой наносились на самые разнообразные предметы домашнего хозяйства, ремесленные орудия, на гривны и монеты, украшения, предметы языческого и христианского культов, на иконы и иллюстрации в книгах; этими знаками наши предки писали друг другу письма на бересте. Это означает, что при не очень большом количестве авторского текста тут весьма много иллюстраций, которые в общем-то и составляют основное содержание книги. Ибо самой первой задачей данного издания является демонстрация многообразия надписей руницей, которого почти никто себе не представляет.

Но, конечно, надписи на предметах интересны не сами по себе, а лишь после их чтения, перевода на современный язык и комментирования. В основном я совмещаю сами надписи с ними же, переписанными более совершенными знаками (транскрипцией), и с их преобразованием в буквы современного русского шрифта (транслитерацией) на одном рисунке. Затем следует воспроизведение чтений уже не на рисунке, а в тексте в виде транслитерации (полужирным шрифтом прописными буквами), за которой следует перевод на современный русский язык (курсивом прописными буквами). Многообразие надписей демонстрирует самые различные цели их авторов, но прежде всего показывает очень высокий уровень грамотности не только городского, но и сельского населения. Поэтому второй моей задачей стал показ тех конкретных областей человеческой деятельности, где применялось слоговое письмо.

Ну, а далее раскрывается основная цель исследования — демонстрация удивительно высокой степени пронизанности русской средневековой культуры письменными текстами. Наши предки предстают теперь как люди очень высокой грамотности, гораздо более высокой, чем мы могли себе представить. Предметы труда и быта, записки для себя и для близких людей, тайнопись в случаях сомнительной передачи денег или в любовных записках, читаемый смысл в знаках собственности и княжеских знаках, закладные надписи на восточных монетах и русских гривнах, слоговое обозначение мест чеканки первых русских монет и руничное подражание татарским монетам в период монголо-татарских завоеваний, надписи в виде узоров на украшениях и в виде частей рисунка на иллюстрациях рукописей и книг, надписи в виде складок на иконках и иконах, названия языческих божеств на валунах и идолах, и многое другое — все это открывается по большей части впервые, давая ощущение какой-то небывалой приближенности людей тысячелетней давности к современной образованности. Поняв, насколько плотно окружали надписи и тексты быт средневековых русских, поневоле испытываешь чувство гордости за свой народ, который к началу XX века в глазах интеллигенции представал отсталым и невежественным. Ничего подобного в домонгольской Руси не было!

Впрочем, не хочу предварять конкретные разделы исследования, где читатель имеет право сам почувствовать азарт первооткрывателя, знакомясь с той или иной стороной средневекового быта. Поэтому сначала я хотел бы обратить внимание на обстоятельства написания данной работы. Задумана она была как продолжение серии из нескольких книг, посвященных средневековым русским надписям. Когда я приступил к ее написанию, я не видел особых сложностей, пытаясь лишь собрать воедино уже напечатанные статьи и заметки и дополнив их теми дешифровками, которые я проделал давно, но по каким-то причинам не смог опубликовать ранее. Однако по ходу работы выяснилось существование не охваченных мной ранее археологических источников, и, кроме того, в процессе чтения я смог усовершенствовать методику выявления скрытых надписей, что существенно увеличило их массив. От первоначального замысла пришлось отказаться, проводя параллельно с составлением текста книги большую исследовательскую деятельность. В результате задуманный объем материала был перекрыт в несколько раз.

Моя эпиграфическая деятельность проходила в кругу доброжелательного отношения многих заинтересованных лиц; некоторых из них, к сожалению, уже нет в живых. Так, в феврале 2000 года ушел из жизни доктор филологических наук Геннадий Прокопьевич Мельников, живо интересовавшийся подвижками в области славянских дешифро-

вок с позиций стадиального и культурно-историческою языкознания. К сожалению, практически ничего из задуманного в области нашей совместной работы осуществить не удалось. В декабре 2001 года скончался академик Борис Александрович Рыбаков, приветствовавший исследования руницы и обещавший собрать имевшийся у него материал по его собственным раскопкам. Этот исследователь, по существу в одиночестве и идя наперекор многим авторитетным мнениям, создал археологическое направление в исследовании русского язычества. Особенно важным для моих исследований являются его положения о формировании основ славянской мифологии еще в палеолите, которые нашли буквальное подтверждение в виде обнаружения надписей ряда славянских божеств, относящихся именно к палеолиту. С другой стороны, ряд его положений по средневековой проблематике не нашел подтверждения в моей эпиграфической деятельности, в частности, его трактовка общей архитектоники Збручского идола. К сожалению, теперь наша полемика по этим вопросам невозможна. В марте 2002 года произошла еще одна потеря — ушел из жизни академик Олег Николаевич Трубачев, всегда очень осторожно и взвешенно принимавший новое. Тем не менее он не возразил против моего первого исследования и был в курсе моих последующих публикаций. В его лице не только наука вообще, но и эпиграфика в частности лишилась одного из своих признанных лидеров. Так что потери последнего времени, как для отечественной науки, так и для меня лично, просто огромны.

К сожалению, не все складывалось ладно и в моих отношениях с ныне здравствующими коллегами. Как говорил поэт, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Так, мои критические высказывания по поводу ряда конкретных дешифровок Геннадия Станиславовича Гриневича, который стартовал гораздо раньше меня (примерно лет на 10), привели его не к обычной научной дискуссии, а к прекращению всяких контактов вообще и к помещению в журнале «Русская мысль», где он публиковался, откровенной брани в мой адрес. Правда, позже на мои лекции по надписям руницы в центральном лектории Политехнического музея приходили его сторонники, предлагая нам «помириться», однако я с Гриневичем не ссорился. Я всегда выступал за открытую дискуссию и продолжаю придерживаться этой точки зрения и сейчас. То, что большинство дешифровок Гриневича неудовлетворительно, видно, так сказать, невооруженным глазом. Если же будут предложены более совершенные результаты, я готов их обсуждать. Точно так же я готов обсуждать и справедливость своих результатов, полагая, что в спорах рождается истина. Однако никаких последствий тот разговор на моей лекции в Политехническом музее не имел.

Поначалу неплохие отношения складывались с Александром Игоревичем Асовым, который не только взял на себя смелость первой публикации в России «Велесовой книги», написанной смешанным рунично-кирилловским письмом, но разыскивал рукописи самых различных систем письма, имевшихся на Руси. Пока что научная общественность относится к «Велесовой книге» как к фальшивке, начиная с первых известий о ней в 60-х гг. XX века. Памятник действительно сложный, и требуется открытая научная дискуссия с привлечением данных «за» и «против». Мне показалось, что в тексте первой дощечки этой книги, чья прорись сохранилась, имеются признаки существования слоговых знаков, то есть я нашел один из аргументов «за». Это положение показалось интересным А.И. Асову. Однако в моей недавней книге «Загадки славянской письменности» в одной строке в скобках я имел неосторожность упомянуть один из псевдонимов А.И. Асова как его подлинную фамилию, ссылаясь на сборник А. Платова «Мифы и магия индоевропейцев», откуда я и почерпнул эти сведения. Сведения оказались неверными, и я невольно выступил их распространителем, за что приношу свои извинения. Кроме того, я нашел неточность в интерпретации А.И. Асовым надписи на памятнике Бусу, но прокомментировал ее с шуткой, которая тоже обидела Александра Игоревича. Приношу свои извинения и за шутку. В мои задачи вовсе не входит обижать коллег, тем более добывающих новый эпиграфический материал.

Некоторое недоразумение произошло и в отношениях с Ларисой Андреевной Новиковой, научным сотрудником Института археологии РАН. Она мне любезно разрешила перерисовать несколько изображений из своей подготовленной к печати работы о курильницах катакомбной культуры Кавказа, сказав, что я могу их использовать в моих лекциях, в том числе и публичных. Эпиграфический фрагмент одной из курильниц (из Веселой Рощи-II) я поместил в моей брошюре (научном докладе) 1998 года «Славянская мифология и очень древние надписи», где сделал попытку чтения надписи. При этом я, естественно, опустил ряд несущественных для эпиграфики деталей — размеры изделия, трещины, бордюр, достаточно приблизительно изобразил общие пропорции, словом, поступил так, как поступают все эпиграфисты при цитировании археологического памятника. Л.А. Новикова усмотрела в этом искажение памятника, и определенное самоуправство с моей стороны. Я приношу свои извинения и искренние сожаления за данное недоразумение. Публиковать памятник во всех деталях — это неотъемлемое право археолога, и я на себя взять ответственность такого рода никак не мог. Эпиграфическая цитата из памятника на то и цитата, чтобы передавать лишь одну из его сторон (а именно эпиграфическую),

но не облик памятника во всей его полноте. Иначе вместо цитаты получится плагиат, а я вовсе не претендую на первую публикацию данного археологического памятника, принадлежащую всецело Л.А. Новиковой.

А вообще-то гораздо охотнее я принес бы перечисленным людям благодарности: Г.С. Гриневичу — за пробуждение им моего интереса к данной области эпиграфики; А.И. Асову — за его инициирование моего исследования письменности «Велесовой книги»; Л.А. Новиковой — за предоставленный ею фактический археологический материал катакомбной культуры Кавказа, из которого следовало, что руница была известна и там. Но еще больше мне хотелось бы поблагодарить доктора филологических наук Галину Александровну Богатову из Института русского языка РАН — за постоянный интерес к моей эпиграфической деятельности и предоставление возможности знакомить различные аудитории с этой стороной истории русской культуры; доктора исторических наук Елену Александровну Мельникову из Института российской истории РАН — за консультации на первых порах исследования и предоставленный археологический материал; кандидата исторических наук Галину Гавриловну Ершову, научного сотрудника Института археологии РАН — за весьма полезные замечания по рукописи моей книги; доктора философских наук, профессора Герасима Андреевича Югая — за предоставленную возможность постоянных выступлений на семинаре РАН по евразийской культуре с сообщениями по эпиграфической тематике; доктора философских наук, профессора Анатолия Евгеньевича Лукьянова — за ценные обсуждения моих выступлений на семинаре РАН по евразийской культуре.

Любое новое направление исследований вносит изменения в сложившуюся картину мира. Не является исключением и данная работа, с позиций которой становятся иногда сомнительными, а иногда и неверными некоторые устоявшиеся научные положения. Например, выясняется, что гривны и восточные монеты на Руси были не столько деньгами, сколько залоговыми средствами, так что исландские чтения надписей на них (а этим исследователи занимаются уже несколько десятков лет) лишены всякого смысла. Оказываются неверными и многие кирилловские чтения, не принимающие во внимание существование руницы, так что древнейшая русская надпись на корчаге из Гнёздово под Смоленском не только пронизана знаками руницы, но и являлась сосудом из-под молока, а не из-под горчицы или нефти. Так что в моей книге имеется много критических замечаний в адрес сложившихся точек зрения и неверных интерпретаций. Полагаю, что это не повод для обид, а основа для дальнейших дискуссий, где по ряду положений, я, возможно, окажусь неправым. Но такова научная жизнь, за

успехами в одном могут следовать неудачи в другом. Каждый из нас не бог, каждому дано право на заблуждение. Важно лишь не путать научную позицию с личностными оценками. Однако известно, что устранение заблуждений и прояснение многих сомнительных положений способствуют прогрессу науки. Уже понимание того, что даже в средние века наши предки широко пользовались письмом на всех уровнях, начиная с бытового и кончая государственным, приводит к мысли, что Русь являлась одной из весьма цивилизованных стран того времени. А это, в свою очередь, ставит вопрос о мере культурных заимствований, в которых она нуждалась начиная с X века. И если раньше историография объясняла многие изменения на Руси (введение христианства, использование восточных монет, наличие варяжских дружин у князей и т.п.) культурной отсталостью и приобщением Руси к Европе за счет соответствующих культурных заимствований, то теперь картина оказывается гораздо более сложной. Но такова цена любой подвижки в науке: решается, причем окончательно, ряд нерешенных проблем, но зато возникает ряд новых задач, подчас даже гораздо больший в количественном отношении. И еще более огромный пласт загадок разворачивается по отношению к новой подвижке своими новыми гранями, подчас совершенно неожиданными. Так, например, судя по печатям на гривнах, большинство из них было сделано в Литве (или, по крайней мере, брались в заклад в Литве). Между тем, существование Литвы как государства русского и по языку, и по многим аспектам культуры как-то выпадает из отечественной историографии.

Надеюсь, что данная книга внесет вклад в новое понимание средневековой Руси — Руси цивилизованной, грамотной, сложной в своей экономической, политической и культурной жизни.

Москва, сентябрь 2003 года.



ВВЕДЕНИЕ
КАК ЧИТАТЬ ЗАГАДОЧНЫЕ ЗНАКИ

Эта книга является доказательным и пионерским исследованием совершенно фантастической проблемы: существования на Руси в средние века самобытной и очень древней системы письма, так называемой руницы, которая изображала своим знаком не отдельный звук, а целый слог. Из-за того, что руница является не буквенной, а слоговой письменностью, у нее нет алфавита — вместо него существует примерно вдвое больший по объему силлабарий (репертуар всех слоговых знаков, расположенных в определенном порядке). О самой рунице я уже достаточно много поведал в вышедшей чуть ранее книге «Загадки славянской письменности»[1], а также в двух своих монографиях — об истории дешифровки славянских знаков[2] и о построении силлабария[3].

На этот раз речь пойдет не о системе письма и не о том, как могут выглядеть графически знаки руницы, а о культуре Руси на основе этой письменности. Прежде всего, этап доказательства существования руницы уже пройден во многих смыслах: выявлен силлабарий, очерчены группы и виды документов, на которые нанесены надписи, рассмотрены различные графические стили, научная общественность познакомилась с самим фактом бытования этого письма на Руси. Выставка литературы, посвященной славянскому слоговому письму, прошла в стенах Государственной исторической библиотеки в начале 2002 года. Примечательно, что при презентации моей книги «Загадки славянской письменности» на радиостанции «Эхо Москвы» на вопрос «Какая письменность существовала до кириллицы и глаголицы?» радиослушатели, дозвонившиеся на радиостанцию первыми, дали верный ответ — славянское слоговое письмо — и получили эту книгу в подарок. Таким образом, широкая общественность уже имеет представление о третьем виде письма на Руси и тем самым завершен этап первого знакомства с данной системой письма.

Следующий этап должен показать руницу не как особый вид славянского шрифта, а как средство общения, способ передачи новой для нас информации, которую мы не можем получить никаким иным путем. Этот этап можно сопоставить с изучением иностранного языка, например, английского. В школе и вузе его изучение представляет самоцель, но когда человек выезжает в англоговорящие страны, язык раскрывается с иной стороны — только благодаря ему становится возможен контакт с жителями этих стран. Применительно к исследованию руницы это означает, что, поскольку ею были пронизаны все области деятельности человека — быт, ремесло, украшения, постройки, ритуалы, языческие идолы и даже любые изображения на плоскости, включая иконы, — читая руничные тексты, мы можем существенно расширить свои знания именно в этих областях. При этом степень насыщенности письмом не только была сопоставимой с современной, что уже выходит за рамки традиционных представлений о средних веках, но и существенно превосходила ее, а это уже никак не укладывается в голове: неужели наши предки были образованнее нас?! Однако решение этой проблемы находится вовсе не в ключе образованности. Просто средневековье мыслило вещь только в единстве со словом, ее обозначающим, — устным и письменным. Скажем, каждый инструмент, допустим столяра, имел свое название — например, *долото*. Это название не изменилось и до наших дней. Но у нас название существует только на этикетке во время продажи; при эксплуатации этикетка выбрасывается, а сама вещь остается без письменно фиксированного названия. Иначе обстояло дело в средние века: название вещи впечатывалось в саму вещь и может быть прочитано сейчас, спустя 8, а то и 11 веков! И дело тут не в повышенной образованности наших предков, а в ином мировоззрении: ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО. Вещь, с их позиций, только тогда понимается вещью, **когда она названа**. И название должно быть единым с вещью. Поэтому современное представление о средневековых предметах как о преимущественно «немых» ложно.

После этого утверждения у любого читателя, мало-мальски знакомого с проблемой, возникает законный вопрос: откуда я взял все эти положения, когда НИЧЕГО ТАКОГО НЕТ! Известны тысячи археологических находок, возможно, даже десятки тысяч, и они, за крайне редким исключением, ВСЕ НЕМЫЕ. Иными словами, **на них не видно никаких знаков вообще**! Тут не то что о письменности, даже об элементарной грамотности говорить приходится с большим трудом. И даже лучшая сводка данных последнего времени по названной проблеме, монография А.А. Медынцевой о грамотности Древней Руси (X–XIII вв.)[4] насчитывает всего менее сотни примеров. О какой прони-

занности письменностью может идти речь? Или это насмешка? Желание заострить вопрос? Своеобразное оригинальничание автора? Его невежество по вопросу средневекового письма?

Подобные возражения придумал не я, мне их приходится слышать из нечастых контактов с профессиональными эпиграфистами, которые, имея дело с чтением кирилловских надписей, можно сказать, ежедневно, вовсе не видят руницы, а когда я им ее показываю, считают меня безудержным фантазером.

Нет, уважаемый читатель! Я утверждаю совершенно серьезно, что письменность существовала в гораздо больших масштабах, чем мы привыкли думать, однако мы ее не только не умеем читать, НО НЕ ВИДИМ ВООБЩЕ. Для нас она — «человек-невидимка» Уэллса. Археологи держат надписи на ней в руках, наиболее добросовестные ее прекрасно копируют и... совершенно об этом не подозревают. Если бы до наших дней дожил обычный ремесленник X века, он бы в изумлении воскликнул: «*До чего же вы, люди XIX—XXI вв. БЕЗГРАМОТНЫ! Вы не замечаете ОЧЕВИДНОГО!*» И будет прав, ибо не люди средневековья страдали от слабого распространения письменности, в чем подозреваем их мы, а, напротив, МЫ СТРАДАЕМ СВОЕОБРАЗНОЙ «КУРИНОЙ СЛЕПОТОЙ», НЕ ВИДЯ В УПОР СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАДПИСЕЙ! Это мы в смысле руницы пока БЕЗГРАМОТНЫ! Так вот я и предлагаю своеобразный ликбез, некий ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НАДПИСЯМ средних веков, чтобы понять, мимо чего мы с таким чувством превосходства проходили мимо. Я показываю не столько то, что надписи существовали, сколько их обилие, наглядность и, самое главное, нужность и важность их для общества, их вплетенность в быт и ремесло той эпохи.

Сразу по ходу этого рассуждения хочу заметить, что данное исследование изобилует иллюстрациями, которые и призваны вначале показать предмет с надписями на нем, а затем продемонстрировать значение письменного текста и, наконец, вникнуть в особенности данного предмета с надписями. Так что, по большому счету, эта книга посвящена не столько надписям, сколько ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО - СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

Но помимо этого я хочу показать, что раньше люди писали вовсе не так, как мы пишем сейчас, когда почти все и вся у нас оговорено: вид букв, орфография, правила переноса и выделения, направление письма и прочее. Ничего этого не было прежде: людям позволялось писать и тесно и широко, настолько тесно, что буквы сливались воедино, образуя лигатуры, или настолько широко, что буквы попадали в разные строки, писались на боку или с разворотом в обратную сторо-

ну (зеркально). Поэтому каждый новый текст, нанесенный на какой-либо предмет, требует серьезного изучения, прежде чем окажется возможным его прочтение. Чтение было процессом долгим и серьезным, к тому же связанным с очень длительной традицией именно трудного начертания, и никто не спешил узнать смысл надписи «с лёта», с единого прочтения, а наслаждался самим процессом разгадывания. Я даже полагаю, что таковы были правила для сакрального, то есть священного письма, каким являлась руница в очень далеком прошлом. Можно сказать, что она специально не предназначалась для чтения в реальном масштабе времени как письмо буквенное, но должна была дать читателю наслаждение самому разгадать смысл написанного. Чем больше вложено трудов, тем значительнее представлялся результат. Иными словами, значительным было не столько содержание (как правило, оно было тривиальным, дублируя название вещи), сколько сам процесс чтения.

Это обстоятельство следует прочувствовать, ибо без него многое из последующего окажется непонятным. Приведу несложный пример пока из области кириллицы. Так, В.А Богусевич[5], описывая раскопки на горе Киселевцы в Киеве, опубликовал изображение донца горшка XIII века с выдавленным на нем клеймом (рис. 1).

Привычные буквы соединились друг с другом, и в результате появилась масса возможностей для фантазирования. В самом деле, что здесь написано? ШУНУ? ТУНТУ? Помня, что буква И писалась тогда как Н, может быть, следует читать ПУИТУ? А, возможно, надо читать «вверх ногами», и тут начертано ТИШ? А если первая буква — это лежачая А, то уж не АИШ ли? Мне, например, представляется, что тут написано ПУНТ, но это всего лишь один из возможных вариантов, на котором я не настаиваю. Но иллюстрирую я этим примером не конкретное чтение, а те затруднения, которые возникают при лигатурном написании. И ес-

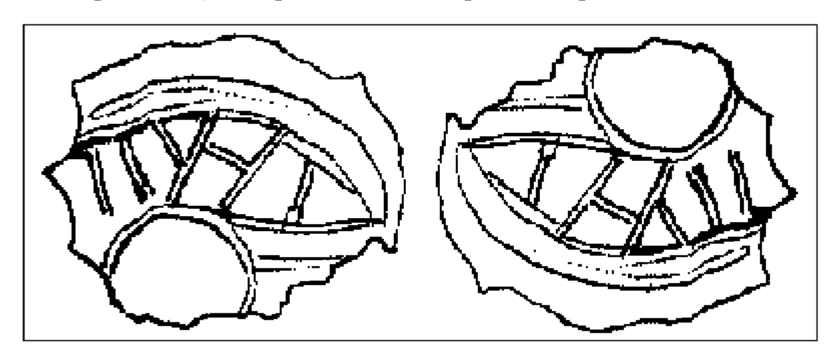


Рис. 1. Надпись на донце горшка из Киева

ли мы в наше нетерпеливое время только досадуем на то, что сразу надпись «не читается», то наш средневековый предок, напротив, предвкушал истинный «пир души», когда видел подобную надпись и полагал, что ближайший час-полтора у него будет занят интересным интеллектуальным досугом. Ведь любим же мы разгадывать кроссворды, вовсе не сетуя на потерянное время.

Понятно теперь, насколько сложен труд эпиграфиста, который из массы возможностей должен выбрать единственно верную. Я отношусь ко всем этим исследователям с величайшим уважением, даже если не всегда соглашаюсь с их вариантами чтения, поскольку понимаю, какой труд за этим стоял. И вместе с тем вынужден просить прощения за то, что своими результатами перечеркиваю многие достижения признанных ученых. Именно поэтому всю свою работу я пишу от первого лица, не употребляя принятого в науке местоимения «мы», поскольку за моим мнением не стоит авторитет какого-то коллектива. Не выражаю я и точку зрения государственной организации (напротив, все государственные организации, где мне приходилось выступать, постарались дистанцироваться от моих взглядов). Я, как литературный герой Шерлок Холмс, стараюсь вести частное расследование; его мнение часто не совпадало с официальными взглядами полиции, но помогало найти истинных виновников преступления. Я тешу себя надеждой, что и мое частное мнение окажется ближе к истине, чем толкования Б.А. Рыбакова, Т.Н. Никольской, Е.А. Рыбиной, А.А. Медынцевой, Е.А. Мельниковой, М.А. Тихановой и ряда других эпиграфистов-историков. И потому решаюсь публиковать эту книгу, рассчитанную на широкого читателя, прежде, чем соответствующую монографию.

На чем основана моя уверенность в собственной правоте? Во-первых, на знании руницы, добытом долгим и упорным трудом, а также на своем опыте, отшлифованном чтением порядка двух тысяч документов. Во-вторых, на новом, еще не применявшемся прежде подходе. Поэтому во введении прежде всего хочу описать свой метод (вовсе не дедуктивный, но тоже основанный на собирании и анализе на первый взгляд несущественных деталей), который уже отличается от того, что принято в славянской эпиграфике, хотя сначала никакого отличия не было вовсе. Просто каждый десяток прочитанных надписей не только прибавляет мастерства чтения, но и совершенствует методику, а это приводит к новым результатам. В-третьих, на анализе возражений от профессиональных эпиграфистов. Этой стороне дела я тоже уделяю достаточное внимание.

Я себя не отделяю от современных мне исследователей, которым первоначально очень уступал, да и начал я вовсе не с погружения в

богатство словесной письменной культуры русского средневековья. По образованию я физик, по второму образованию — филолог, но больше четверти века преподаю в вузе философию. Стартовые условия, прямо скажем, в глазах историков просто никудышные. Недавно мне попалась на глаза статья О.М. Давудова, начинающаяся как раз с рассмотрения новых взглядов на историю последних лет, правда, применительно к истории Дагестана — но, разумеется, пример имеет более широкий смысл. «*Отсутствие цензуры привело к тому, что пропагандируются самые сумасбродные идеи, издается все что угодно, в том числе и ложь, облаченная в респектабельные монографии. Создаются исторические мифы и легенды... Причем в роли «гениальных» историков-реформаторов и смелых «открывателей» выступают физики, химики, литературоведы, учителя школ, преподающие различные неисторические дисциплины, то есть люди, не получившие признания в области своей квалификации и далекие от исторической науки, не обремененные основами исторических знаний, не владеющие исторической терминологией и методологией. История, как и естественные науки, сложнейшая наука, она — не ремесло физика, химика, литератора, математика*»[6]. Этот пассаж, эдакая филиппика в пользу того, чтобы каждый занимался своим ремеслом, а еще лучше в условиях цензуры, отражает растерянность историков, попавших из оранжерейных условий, в которых они с удовольствием занимались своим делом в годы советской власти, в новый мир — в условия демократии, где каждый волен высказывать свое мнение. Раньше физиков и химиков на пушечный выстрел не подпускали к такой идеологической науке, как история, ибо последняя должны была доказывать, что существующая форма правления и существующие исторические события — наилучшие из возможных. Поэтому студентов принимали на исторические факультеты по рекомендациям районных комитетов ВЛКСМ, а за наличие «идеологических диверсий» в статьях, то есть за любое отклонение от «генеральной линии» можно было лишиться партбилета со всеми вытекающими отсюда последствиями, и прежде всего — с запретом заниматься любимой наукой. Ибо существовала единственно верная историческая методология — марксистско-ленинская (уж как философ я-то это знаю не понаслышке). Теперь же — дело иное. Многовековое отсутствие публичной исторической критики (а такая критика имеет право на существование подобно критике художественной) привело к тому, что научная общественность, видя шаткость ряда имеющихся научных положений исторической науки, пытается их преодолеть на основе иной терминологии и иной методологии.

Положение исторической дисциплины, как, впрочем, и философии, не сопоставимо с положением естественных наук. У нас не болит сердце оттого, что Ньютон понимал силу (одно из фундаментальных физических понятий) как произведение массы на ускорение, Аристотель — как произведение массы на скорость, а Гук — как произведение массы на смещение тела (скорость — это первая производная от смещения тела, а ускорение — вторая производная от него же по времени). Иными словами, мы не печалимся по поводу того, какова природа физической силы и какой математический формализм следует подвести под эту величину. Но я — гражданин своей страны и представитель своего народа, и когда историки утверждают, что Россия, призвав Рюрика, взяла свою государственность от варягов (у которых ее в то время скорее всего и не было), или, что до святых равноапостольных Кирилла и Мефодия мои предки не могли писать и читать по-русски (а историки предлагают нам считать, что русские пользовались греческими или латинскими буквами), такая, мягко говоря, неправда от лица исторической науки причиняет мне настоящие страдания. И если историки сами не желают исправить вред, наносимый их ложью, я просто вынужден взяться за перо, чтобы утвердить истину независимо от того, кто я — физик, литератор или бухгалтер. Но таково положение дел и в любой другой профессии. «*Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи сапожник*», — сказал наш знаменитый баснописец. И это абсолютно верно, но лишь до той поры, пока сапоги можно носить, а пироги — поедать. Если же сапоги не налезают на ноги, а пироги оказываются несъедобными, сапожники будут вынуждены печь для себя и пироги, а пирожники — тачать сапоги, хотя, разумеется, худшего качества, чем это могли бы сделать профессионалы. Так что историкам следует прежде всего посожалеть не об отсутствии цензуры и возврате к оранжерейным условиям, а об искоренении ими же созданных в угоду тому или иному политическому заказу исторических мифов. Вот тогда научная общественность займется своим ремеслом, не претендуя на область историографии.

Заметим, в желании обидеть оппонентов О.М. Давудов подчеркивает, что в качестве критиков историков выступают якобы люди, «*не получившие признания в области своей квалификации*». Возможно, что есть и такие, однако, как мне кажется, тут историк перегибает палку. Д.М. Володихин, критикуя одного из математиков, **получивших признание в собственной профессии**, А.Т. Фоменко, вместе с тем пишет: «*Между тем в России математические, и в частности компьютерные, методы применяются в исторических исследованиях традиционно; историческая наука вот уже несколько десятилетий как при-*

знала их родными; известнейшие специалисты (такие, как ныне покойный И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Б.М. Клосс) широко использовали математическую статистику в своих работах; наконец, восемь лет как функционирует отечественная ассоциация «История и компьютер», которая к октябрю 1999 года объединяла полторы сотни ученых со всех концов страны»[7]. Поэтому протест против деятельности математиков в области исторической науки мне непонятен. Математики могут быть разными, как получившими признание в собственной науке, так и не получившими, и желание заняться изучением истории вовсе не говорит о том, что эти люди не состоялись как математики. Равно как и то, что получение признания в математике еще не говорит за то, что эти же люди получат признание у историков; а приведенная цитата свидетельствует о том, что есть полторы сотни математиков, весьма уважаемых историками. И то, что они математики, нисколько не умаляет их вклада в историческую дисциплину.

Точно так же непонятны претензии О.М. Давудова и к физикам. Мне, например, очень нравится книга П.А. Ваганова «Физики дописывают историю», напечатанная от имени ЛГУ под редакцией доктора исторических наук Я.А. Шера[8]. Приводятся примеры весьма плодотворного «вмешательства» физики в эту гуманитарную область знания, когда, с одной стороны, уточнялись исторические датировки, а с другой стороны, разоблачались подделки исторических памятников. Опять-таки речь идет о плодотворном сотрудничестве. Вместе с тем разоблачение любой подделки связано с определенными небольшими научными скандалами с той группой историков, которые признали фальшивку за историческую реликвию. Но историческая наука от разоблачения очередной фальсификации только выигрывает. Кстати, фальсификации существуют во всех науках, как вольные, так и невольные. В свое время методами спектрального анализа были открыты не только такие химические элементы, как, например, гелий, но и такие, как короний и небулий. Правда, два последних вскоре «закрыли», ибо оказалось, что они представляют собой не новые элементы, а особые высокоионизированные состояния уже известных элементов. И оттого, что эти два новоявленных элемента были исключены из периодической системы, и физика, и химия только выиграли. Так что претензии к физикам от лица историка неоправданны. Физика может в ряде направлений помочь истории.

Не могу принять такого обвинения и на свой счет, поскольку как философ, я более четверти века преподаю философию, являюсь доктором наук и профессором, действительным членом ряда научных академий, в том числе и РАЕН, автором более 280 работ, научным руко-

водителем нескольких аспирантов, часть которых уже стала кандидатами философских наук. Полагаю, что не всякий из моих коллег столь же успешно состоялся в своей профессии.

Неверно было бы думать, что в области естественных наук отсутствует та же широкая общественность, которая теперь заявила о себе в исторической науке. Я много лет был секретарем группы философских проблем физики при Московском обществе испытателей природы, и передо мной прошла череда инженеров, геологов, биологов, математиков, отставных военных, которые были недовольны трактовкой ряда физических понятий. И я не могу сказать, что они «*пропагандировали самые сумасбродные идеи*», хотя их взгляды расходились с точкой зрения официальной физики. Так, инженер Лев Александрович Дружкин, бывший руководителем секции физики МОИП, исследовал продольные электромагнитные волны и писал о сложном устройстве фотона («миф» с точки зрения официальной науки), а другой инженер, Владимир Акимович Ацюковский, развивал положения об эфиродинамике, которая на базе известных законов гидромеханики более успешно объясняла ряд электродинамических и квантово-механических явлений. И он тоже с позиций официальной физической доктрины занимался «лженаукой», за что и был изгнан из МОИП. Ныне эфиродинамика вылилась в новое направление физики и постепенно получает все более широкое признание. Поэтому необремененность рядом положений исторической науки может иметь не только негативный, но и позитивный смысл как основа свежего взгляда, нетрадиционного и потому довольно перспективного нового подхода. Так что сетования традиционного историка я могу понять лишь в одном смысле — как сожаление об утрате монополии на то, что считать истиной, и как неподготовленность к условиям конкуренции. Казалось бы, о чем здесь сожалеть? Если оппонент имеет более низкую научную квалификацию, то нет особых проблем в том, чтобы аргументированно доказать свою точку зрения. Но ее следует теперь именно доказывать, а не просто декларировать от лица государства, и вот именно это создает определенный дискомфорт.

Следует заметить, что и физика, и математика требуют необычайно высокой квалификации исследователя в области научного языка, крайне отточенного использования терминологии, создания точнейших определений, где не может быть ни одного лишнего слова. Такого уровня языка в исторической науке нет, там существует масса двусмысленностей и неоднозначностей. Поэтому приход физиков и математиков в историческую дисциплину — это не нашествие варваров, а визит крайне искушенных специалистов, которые могут обогатить данную отрасль

знания. К тому же в наши дни любая наука становится комплексной и требует для движения вперед привлечения положений из других наук. Историческая статистика немыслима без математической статистики; к методам датировки в истории относятся как геологический стратиграфический подход, так и чисто физический радиоуглеродный анализ. Так что отмахнуться от прихода в историческую науку представителей других научных дисциплин не только не удастся, но и в принципе неоправданно.

Особенно это касается внедрения в исторические исследования эпиграфики, которая позволяет читать надписи, современные изучаемым историческим памятникам. Пока что сведения, получаемые таким путем, историкам заменить нечем, и их важность для понимания исторических процессов трудно переоценить. Именно здесь, на мой взгляд, у отечественных историков имеется огромное отставание от мирового уровня, которое они не только не хотят признавать, но даже не замечают.

Знакомство с эпиграфикой началось у меня с чтения книг по дешифровкам древних систем письма. Свою роль сыграли и книга К. Керама[9], которую я приобрел еще в юности, и брошюры А.А. Молчанова о таинственных письменах первых европейцев[10], и сборник о тайнах древних письмен и проблемах дешифровки под редакцией И.М. Дьяконова[11]. Но радость от успехов эпиграфистов прошлого и настоящего была, так сказать, просто результатом одного из многих увлечений. Другим увлечением я считаю то, что я любил разгадывать кроссворды и сканворды, получая от этого интеллектуальное наслаждение — а ведь это сродни дешифровкам неизвестной письменности.

Переломным этапом для меня стало знакомство со статьей Г.С. Гриневича в журнале «Русская мысль» за 1991 год[12] и с его монографией 1993 года[13]. Из этих публикаций я узнал, что, помимо изучавшихся мной на филологическом факультете МГУ (на отделении русской филологии) кириллицы и глаголицы, существует славянское слоговое письмо, которое другие эпиграфисты называют *руница*, что оно поддается дешифровке, и что отдельные фрагменты прочитанных текстов звучат вполне осмысленно. Правда, под обаянием статьи я находился всего две недели, воодушевившись мнимой простотой чтения руницы настолько, что сразу принялся искать в своей библиотеке еще непрочитанные надписи; но первые же попытки самостоятельного чтения показали ограниченность предложенного Г.С. Гриневичем силлабария, а выходы этого исследователя за пределы восточнославянских примеров обнаружили его полную произвольность и бездоказательность. Да и из приблизительно 20 примеров по археологическим находкам восточных славян верный смысл был угадан всего в 2 случаях. По мере

нахождения все новых текстов, неизвестных Гриневичу, я встречал все новые знаки, неизвестные ему, и, напротив, убеждался в ложности ряда предложенных им графем, пока не понял, что этот исследователь опубликовал лишь первые опыты, выдав их за окончательный результат. С того момента эпиграфист-любитель Геннадий Станиславович Гриневич перестал быть для меня авторитетом, хотя и остался в моей памяти первопроходцем. И поэтому его монография, вышедшая в 1993 году, меня не столько порадовала, сколько удивила: в ней не было ни одного нового примера по восточнославянским надписям, зато присутствовали *совершенно фантастические* и нереальные экскурсы в письменности других народов. Что же касается его работы над славянскими текстами — в монографии имелась лишь слабая попытка найти хоть какое-то оправдание нелепым чтениям надписей (без исправления самих чтений), уже опубликованных в его предыдущей статье. Зато приводились популярные и достаточно известные сведения по истории эпиграфики, но без личного отношения к ним, из-за чего его собственная позиция оставалась неясной. Затем мне дали рукописный вариант списка литературы, который отсутствовал в первом издании монографии, и в нем преобладали публикации популярного характера, а ссылки на иностранные работы были даны с ошибками. И это не обычные компьютерные сбои при переходе из программы в программу, а просто элементарное незнание иностранных языков. Для эпиграфиста-языковеда это уже более чем странно.

Тогда же мне пришла в голову мысль, что этот исследователь, увлекшись самой возможностью читать древние славянские надписи, *тоже фантазирует*, но не так, как в отношении неславянских надписей. Это означает, что, будучи в принципе правым по поводу слогового чтения текстов, он остановился на полпути и, создав приблизительный силлабарий (частично из славянских, в значительной части из неславянских знаков), с помощью этого весьма несовершенного инструмента попытался читать ряд текстов, достаточно вольно обращаясь с их графемами. Так что если при чтении неславянских текстов получались загадочные стихи, вполне достойные Алисы из Страны чудес, например, *а вети ени / я сини жега / е гонря якы / и е е еси / и еси баи / то и те зъи / я сини жету / хыть руй же тезъи / то кылу и,* то при дешифровке славянских строк степень фантазирования резко снижалась. Скажем, вместо слова **КАВЕМЪСЯ** (то есть *КАЕМСЯ*) он прочитал **КАВЕДИЕ** (что понял как *КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ*). Иными словами, из четырех слогов два прочитаны верно. Из этого следовало, что понятие «фантазии» не всегда и не в полной мере применимо к результатам дешифровок, и что количество вымысла по мере совершенствования

мастерства исследователя довольно ощутимо снижается. Вместо черно-белого восприятия чужого творчества необходимо создавать более тонкую картину с полутонами.

По мере знакомства с материалом меня удивило некоторое непонятное противоречие. С одной стороны, ни я, ни Г.С. Гриневич, ни более ранние исследователи, державшие в руках надписи руницы, не были первыми, кто обратил внимание на то, что на Руси встречаются надписи со знаками крайне странного вида, часть которых напоминает буквы известных алфавитов, но основная масса настолько своеобразна, что спутать эти графические начертания с какими-то другими совершенно невозможно. Не боясь преувеличения скажу, что на них обратили внимание несколько десятков археологов и едва ли не каждый второй крупный, а некоторые, типа Городцова, Самоквасова или Монгайта, даже упоминали о них в печати. Кроме того, насчитывалось не менее десятка эпиграфистов (я их подробно рассмотрел в своих монографиях), которые пытались прочитать эти знаки (впрочем, без особого успеха). С другой стороны, большинство их коллег, которые тоже держали в руках находки с аналогичными надписями, резко возражали против наличия на Руси или в других славянских странах какой-либо докирилловской письменности. И тем более странным было видеть, как издевательски негативно они относились ко всяким попыткам прочитать непонятные знаки. Почему-то с вершины академического Олимпа они предпочитали одергивать всех тех энтузиастов, которые хотя бы как-то приблизились к разгадке этой странной письменности. Казалось бы, таких людей следовало поощрять, ибо в случае успеха можно было бы показать духовное величие Руси на ранних этапах ее истории; в случае же неуспеха списать неудачу за счет молодости или неопытности автора. Для маститых ученых это беспроигрышная игра.

Ан нет — не тут-то было! Академик Б.А. Рыбаков собственноручно подписал статью, направленную против молодого ученого Н.В. Энговатова, только подошедшего в начале 60-х годов XX века к проблеме существования неизвестного славянского письма и не определившего верно ни одного знака, даже не имевшего представления о слоговом его характере. Ученого «высекли» и в Институте русского языка, и в Институте археологии, и в Институте славяноведения. Увидев столь неадекватную реакцию на свои изыскания, молодой человек застрелился. Правда, когда в 1999 году я напомнил Борису Александровичу об этом эпизоде, он посожалел и сослался на то, что он только подписал статью, которую ему принес В.Л. Янин. Однако, когда я привел более позднее его выступление на одном из конгрессов славистов, где он повторил свой тезис о том, что романтика славянских древностей тол-

кает ряд энтузиастов на сомнительные изыскания в области письменности, и назвал несколько фамилий, в частности одного поляка, занимавшегося исследованием «прапольской азбуки», он ответил, что этого уже не помнит. Вероятно, не помнил своих «подвигов» и другой академик, о котором укрепилось мнение как о «совести» нашей науки, Д.С. Лихачев, который организовал отрицательные отзывы на работы ленинградца Николая Андреевича Константинова, первого человека, который стал читать «приднепровские знаки» слоговым способом в 1963 году. Могу сослаться и на собственный небольшой опыт, когда академик Олег Николаевич Трубачев, симпатизировавший мне как человеку, отказался пропустить мой доклад на Национальную конференцию к 13-му Международному конгрессу славистов, посчитав мою тему «сомнительной». Из этого небольшого списка академиков вовсе не следует, что так думают только они; они лишь озвучили то, что думают многие «профессионалы». И я тем самым вовсе не хочу сказать, что перечислил неких «гонителей передовой научной мысли». Вовсе нет! Я очень уважаю этих ученых, внесших большой вклад в отечественную науку; кроме того, они весьма достойно вели себя и в плане научной этики, помогая молодым специалистам встать на ноги. Тогда откуда же такая охранительная реакция «тащить и не пущать»? Почему они еще на дальних подступах к проблемам третьей славянской письменности вели прицельный огонь на поражение? Почему, по крайней мере, не отмалчивались?

Нечего и говорить, что если академики со свойственным им тактом лишь выражают сомнения в возможности существования иных типов славянского письма (а такого сомнения в печатном виде вполне достаточно, чтобы сломать начинающему ученому научную карьеру), то рядовые доктора наук высказываются куда более откровенно. Для них любой человек, который только заикается о существовании иной системы славянского письма, объявляется безудержным фантазером. Я по наивности этого не знал и был очень удивлен, когда на своем сообщении в Институте археологии в 1996 году услышал от археолога-востоковеда Е.В. Антоновой мнение, что мои откровения вряд ли кому нужны — кроме них есть же настоящая наука! Буквально то же мнение было повторено совсем недавно, как раз на той Национальной конференции, куда меня не допустил О.Н. Трубачев, но где я все-таки выступил, из уст уважаемого эпиграфиста Т.В. Рождественской: «*Это фантазии, а не наука*!» Еще раньше лет на 10, правда, не в мой адрес, а в адрес самой проблематики руницы (я тогда только подбирался к собственным исследованиям) высказалась Е.А. Мельникова: «*Зачем это, ведь существует наука*!» Короче говоря, читать кириллицу — это

наука; читать глаголицу — тоже наука, даже читать германские руны на славянских изделиях — вообще высочайшая наука; читать руницу — это *фантазирование*.

Я только что продемонстрировал фантазии Г.С. Гриневича разного уровня — и безудержную, и на 50% вовсе не фантазию. Честно говоря, я ждал того же и от эпиграфистов: раскритикуют одни мои дешифровки, несколько пожурят другие и сочтут приемлемыми третьи. Однако произошло нечто иное: они даже и *смотреть не желали на конкретные результаты*, будучи убеждены, что здесь всё — ложь и обман. Это мне напомнило гонения на астрономию со стороны церкви, когда стало ясным, что на Солнце имеются пятна. Астрономы предложили священнослужителям самим взглянуть через телескоп на наше светило. Но гонители ответили, что поскольку телескоп — сатанинское изобретение, они в него смогут увидеть не только пятна на Солнце, но и черта с рожками, и смотреть дружно отказались. Так впервые я столкнулся с тем, что наука, которая себя демонстрировала как объективная и тонкая, продемонстрировала откровенный субъективизм и очень грубый подход. Получалось, что не только на Солнце есть пятна, ощутимые дефекты заметны и в современной эпиграфике.

Поначалу это сбивает с толку. Скажем, на мече X века из Киевского национального музея истории[14] начертано на обеих сторонах CΛΛB ΛQIIW, что я читаю СЛАВ(А) ЛЮДОДЬШЕ (вариант ЛЮДОДЮШЕ). Но это, оказывается, *фантазия*. С точки зрения «строгой науки» надо читать только первую часть, СЛАВ(А). О второй части лучше вообще ничего не говорить, или, как поступила А.А. Медынцева, взять и перевернуть ее вверх ногами, ΛΛIIbV, а затем прочитать МИРЪ. Но ведь две вертикальных палочки не И, третий знак — не Р, а четвертый уж тем более не Ъ! **Это неважно**! Над знаками *можно* издеваться как угодно, лишь бы подогнать их под кириллицу. И это тем более удивительно, что на другом мече примерно того же времени и той же мастерской начертано ΛHOΛΓ Λ IKOBΛΛb (именно так, с большими пропусками между буквами), где первую часть та же А.А. Медынцева читает ЛЮДОТА или ЛЮДОША (не обращая внимание на то, что в пробел между О и А должна поместиться не одна, а 2–3 буквы) [15]. Следовательно, теперь очень похожее имя ЛЮДОТА или ЛЮДОША звучит вполне научно! Получается, что в одном месте слово ЛЮДОДЬША читать ни в коем случае нельзя, на его месте надо читать некоторую абракадабру ЛЮДОМИРЪ, а на другом месте читать ЛЮДОТА или ЛЮДОША не только можно, но и вполне научно! Более того, никто не спросил у А.А. Медынцевой, что означает Людота или Людоша — наука имеет право *не объяснять*! А вот

я как *фантазер* на своем выступлении получил вопрос, *что означает* ЛЮДОДЬША на который как за неимением времени, так и потому, что прежде не задумывался, ответил: не знаю. Это было явно не в мою пользу! Я хоть и *фантазер*, должен был оказаться *научнее науки* и дать ответ на то, на что *наука* его еще не дала. И теперь я вполне способен дать такой ответ. Тут мы имеем дело с западноевропейским мужским именем, которое в Италии звучит как Лодовико, во Франции — как Людовик, в Германии — как Людвиг. На Руси, судя по чтению, его полная форма звучала как Людодик, искаженное Людовик (на Руси, как и в других странах, собственные имена изменяются, например, Георгий-Гюргий-Юрий или Георгий-Егор; Иоганн-Иван; Иосиф-Осип, Константин-Коснятин и т.д.). А далее по словообразовательной модели Татьяна-Таня-Танюша или Иван-Ваня-Ванюша можно образовать словоформы Людодик-Людодя-Людодюша или Людодьша. Но не Людота и не Людоша, подобно тому, как от имен Татьяны и Ивана нет уменьшительных вариантов Таты и Ваты или Таши и Ваши. С точки зрения же «строгой науки» все, что говорит А.А. Медынцева, доктор исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН, — святая истинная правда, и если есть Людота, значит должны быть Таты и Ваты, а если есть Людоша — значит должны существовать Таши и Ваши. Такова «наука». А русский Людовик как Людодик — это *мои фантазии*, очевидно, равно как *Танюши* и *Ванюши*. Я не мог такого *вычитать* из руничной части надписи, поскольку *никакой руницы нет*! Она — *моя фантазия*!

Точно так же и надпись на новгородской грамоте № 89, где начертано NAWH, то есть НА, затем по ошибке помещен слоговой знак W со значением ШЕ, наконец И, я читаю единственно возможный вариант НАШЕЙ (имеется в виду какой-то предмет женского рода, принадлежавший автору надписи). Но это, оказывается, тоже — *мои фантазии*! А.В. Арциховский полагал, что грамота «*по-видимому, не дописана*» (хотя справа и слева — огромные поля, показывающие, что если бы автор надписи захотел писать дальше, у него нашлось бы место, так что перед нами на самом деле законченный документ), и что «*имеются лишь буквы ИМЮН*»[16]. Не правда ли, какая вдруг выглянула глубина «строгой эпиграфической науки»! Как ловко прочитано! Это не какие-то там *фантазии* насчет НАШЕЙ — это ИМЮН! Правда, остается небольшой вопрос, так, сущая мелочь — что означает это самое слово ИМЮН? Может быть, это имя собственное? Или название месяца? Или какой-то предмет? Но какое нам, в сущности, до этого дело! Это *фантазеры* вроде меня просто обязаны объяснять каждый свой шаг, будто на допросе в милиции, для *строгой науки* объяснения

вовсе *не обязательны*. Сказано ИМЮН — значит ИМЮН! И не беда, что надпись повернута вверх ногами, НМ⊲N, и прочитана задом наперед, так что перевернутая буква А, ⊲, почему-то оказалась Ю. Вот такие чудеса в решете!

«*Что за перевернутый мир у этих эпиграфистов*, — может воскликнуть изумленный и непредубежденный читатель. — *Получается, что отсутствие чтения или чтение с ошибками выдается за науку, а правильное чтение — за фантазию! Ведь* ***невеждой*** *называют именно того, кто* ***не знает****, а вовсе не того, кто знает и умеет!*» Вот именно! Я хоть и *фантазер*, но правильно читаю и даю объяснения, тогда как «строгая наука» не делает ни того, ни другого. Но ее ни в невежестве, ни в фантазиях не обвиняют. И такая двойная мораль существует потому, что эпиграфисты для РАН — свои, а я для них — чужой. И чужой даже не потому, что пришел из другой науки, а потому, что стою на иных позициях.

Ну, а как быть, если не хочется читать задом наперед и вверх ногами, чтобы вычитать нечто вроде ИМЮНА? У эпиграфистов на это есть несколько ответов. 1) Вовсе не заметить знаки. Так поступила, например, представительница той самой «науки» Татьяна Викторовна Рождественская. Опубликовав ряд граффити на стенах православных храмов, она, в частности, поместила пропись и граффито XII века на стене Софийского собора Полоцка[18], ОҮ ΛΝ ПЕТЪРЪМА. В принципе эпиграфист обязан прочитать надпись, хотя бы кирилловскую часть. Но если прочитать слово ПЕТЬРЬМА, то надо прочитать и предыдущую часть, чего «серьезный специалист» делать не умеет. Конечно же, в данном случае она поступает сугубо научно, а вот я, читая ОТЦА САКОВА ПЕТИРИМА, явно валяю дурака. Нет тут никакого СВЯТОГО ОТЦА, нет фамилии САКОВА и вообще нет даже кирилловской надписи ПЕТЬРЬМА. Все это от лукавого! 2) Посчитать, что перед нами «буквообразные знаки», то есть знаки, только напоминающие буквы, но ими не являющиеся. А еще лучше 3) сказать, что перед нами какие-то «тамгообразные знаки», поскольку в таком случае читателю не придет в голову даже простенькая мысль о том, что если знаки «буквообразны», значит, они что-то могут обозначать. Согласно современной эпиграфике все знаки рядом с кириллицей — это случайные царапины, тамги, знаки собственности, *но абсолютно ничего читаемого*!

Теперь я постараюсь объяснить, каким образом эпиграфика дошла до жизни такой. Вообще говоря, не только у живых существ, но и у научных коллективов, а также у разных направлений науки существует инстинкт самосохранения. Если бы его не было, многие научные дисциплины были бы разорваны на части и проглочены смежными

направлениями науки. Наука системна и страдает не только от утраты какой-то своей части, но и от добавления чего-то нового. Еще в своей кандидатской диссертации по философии я показал, что любой *индивидуум* (латинская калька греческого слова *атом*) не только оправдывает свое название «неделимое», но одновременно является и *инкомпонатом* (калька слова *асинт*), то есть «несочетаемым». Иными словами, он может погибнуть, как погибает человек, которому пришивают чужой орган (его отторгает собственная иммунная система организма). В данном случае, чтобы не погибла славянская эпиграфика от добавления в нее любой новой письменной системы и высказываются отрицательные суждения о самой такой возможности.

В самом деле, встанем на секунду на мою точку зрения. Признав, что я не фантазер, надо согласиться с тем, что приведенные научные ляпы вроде ИМЮНА, ЛЮДОМИРА и непрочитанного ОТЦА САКОВА ПЕТИРИМА — продукт научной недобросовестности современных эпиграфистов, то есть поставить им по их специальности «двойку». Конечно, таких примеров немного, но они есть. И при этом мало утешает то, что в других случаях эпиграфисты оказываются на высоте. Другие случаи — это как раз отсутствие в надписях руницы, хотя и тут подчас не читается даже кириллица. Уже само это признание больно бьет по авторитету «специалистов». Но дальше потянется шлейф и других ляпсусов, а затем придется вспомнить, что руница долго не признавалась, не замечалась в упор, ее стремились опорочить и оболгать. Следовательно, речь идет уже не просто об отдельных просчетах, но о целиком неверной позиции. Получается, что эпиграфисты многие десятилетия отстаивали антинаучную точку зрения, и что как раз они, а не *фантазеры*, ставили палки в колеса научного прогресса. И поэтому их престиж — отчасти дутый. Так что признав мою правоту, они должны будут признать собственную неправоту. Разумеется, на такое моральное самоубийство они не пойдут.

Думаю, что наука будет развиваться по иному сценарию, уже опробованному в политике. Вспомним: в конце 80-х годов, когда советская власть сдавала одну позицию за другой, многим казалось, что восторжествует демократия, придут новые люди — те самые, которые боролись с коммунистической идеологией. Получилось же совсем не так. Первым «демократическим» президентом СССР стал бывший секретарь Ставропольского обкома КПСС М.С. Горбачев, а первым президентом «демократической России» — бывший секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин. Да и новые русские миллионеры на поверку оказались выходцами — кто из аппарата ЦК КПСС, кто из партийно-правительственной номенклатуры. И никакие их критики на поверхно-

сти не объявились. То же, очевидно, ожидает и эпиграфику: сначала «поборники строгой науки», чтобы не выглядеть глупо, начнут для себя читать руницу по моим рецептам, все еще публично обвиняя меня в безудержном фантазировании, а затем в определенный момент времени (хотелось бы до него дожить) не только признают руницу публично (конечно, без излишнего шума), но еще и будут всех уверять, что они-де всегда стояли на признании слогового письма, но что-то от них независящее было не так (не та эпоха, невозможность свободного изложения своих взглядов и т.д.). А их нынешние горячие протесты по большей части забудутся, или будут вспоминаться как милые шутки, имеющие совсем иную мотивировку, — например, направленные на большую точность моих чтений.

Я описал это столь подробно, чтобы читатель не искал чтения руницы в работах других современных эпиграфистов и понял, что он не найдет в их трудах ее упоминания, а уж если где-то и отыщутся вскользь оброненные слова по ее адресу, то скорее всего это будут «фантазии дилетантов».

На этом завершился мой первый этап исследований, связанный как с чтением явных надписей, так и с выяснением истории отношений двух ветвей эпиграфики — кирилловской, считающей себя «наукой», и руничной, идущей от любителей и объявленной «ненаучной фантазией». Отойдя от Г.С. Гриневича, я доверился уже не эпиграфистам, а одной из категорий профессионалов-историков, а именно археологам, и стал выискивать в монографиях, в том числе и прошлого века, журнале «Советская археология» и «Кратких сообщениях» Института археологии, а также в сборниках «Археологические открытия» иллюстрации, где ученые сообщали о странных надписях, совершенно нечитаемых. Таких надписей, не очень интересных в целом, обнаружилось не более нескольких десятков. Мне наивно казалось, что если уж сами археологи указывают на существование каких-то некирилловских надписей на славянских изделиях, то эпиграфисты будут обязаны с этим считаться.

Так что дело оставалось за малым: пролистать археологическую литературу и найти нужное число примеров. Тут я действовал в том же ключе, что и мой предшественник Г.С. Гриневич, только более настойчиво и более аккуратно, не набрасываясь на надписи неславянского происхождения, что существенно расширило число именно славянских находок. Так было до чтения статьи М.К. Каргера[19], посвященной древнему Киеву; в статье о результатах находок на древнем пожарище имелась иллюстрация в виде сосуда с надписями, о которых археолог ни звуком не обмолвился, хотя все знаки были похожи на буквы кириллицы и прекрасно читались. Меня молчание археолога не

столько озадачило, сколько немного обидело, поскольку надпись была видна, что называется, невооруженным взглядом. До сих пор я не думал, что и археологи могут в упор не видеть руницу на находках, обнаруженных и описанных ими же самими (рис. 2).

Надпись гласила ЗЬНСЛТ. Я понял, что это — не буквы, а знаки руницы, и прочитал ЗЕРЕНЪ СЬ ЛЕТА или ЗЕРЬНЫ СЬ ЛЕТА. Тут мне стало понятно, почему археолог ничего не стал говорить об этом: ему тоже было ясно, что это не буквы, но что это могло быть еще — обсуждать не имело смысла, ибо втягиваться в сомнительные дискуссии о якобы иной письменности на Руси ему было ни к чему. Проще промолчать, и он промолчал. Но с этого момента (с середины июня 1994 года) и археологи перестали быть для меня авторитетом. Более того, они для меня разделились на «молчальников» и «охальников». Первые просто ничего не говорили о каких-либо неизвестных знаках, а если они и встречались, то при фотографировании тень падала на них так, что обычный взгляд ничего не обнаруживал. Так, например, поступали Б.А. Колчин или тот же М.К. Каргер (к счастью, оба были в этом отношении непоследовательны). Другие, как, например, А.В. Арциховский, очень сердились на нечитаемые знаки и придумывали им разные объяснения, например, «проба пера» или «машинальные чертежи во время скучных лекций». Т.Н. Никольская не сердилась, но относила нечитаемые знаки к чужим письменностям, отчего родные изделия объявлялись предметом импорта, например грошовые глиняные иконки. Е.А. Рыбина пошла еще дальше и объявила нечитаемые знаки хаус- и хофмарками наподобие немецких. В этом она следовала за А. Котляревским, объявившим в небольшой брошюре на немецком языке «Археологические стружки» (Дорпат, 1871) кресты Изборска и подобные начертания «знаками собственности». Это был очень удобный способ, чтобы «охальники» стали «молчальниками», но под благовидным предлогом: знаки собственности не имеют чтения. Шире всего такой благородной «фигурой умолчания» воспользовался Б.А. Рыбаков, узаконивший ее в своей статье 1940 года[20]. После него и остальные археологи перестали комментировать обнаруженные на



Рис. 2. Мое чтение надписи на сосуде с зерном

находках знаки.

По сути дела я тут кратко пересказываю историю «презумпции виновности» руницы, которую уже излагал в моих предыдущих публикациях. Когда Х.М. Френ, академик Петербургской Академии наук, в 1836 году опубликовал первую надпись на рунице[21], он полагал, что она сделана синайским письмом. Если бы ему удалось прочитать содержимое документа по-синайски, научная общественность вряд ли стала бы возражать против пополнения списка славянских азбук еще и неким восточным письмом. В 40-е годы XIX века за дешифровку взялся датский исследователь Финн Магнусен, который пытался показать, что надпись сделана германскими рунами[22]. Но и эта дешифровка оказалась плохой. Даже несмотря на то, что Андреас Шёгрен пытался ее «дотянуть» до приемлемых чтений[23]. И опять-таки, поскольку в то десятилетие русские признавали приоритет немцев во многих областях, если бы было дано хоть и неверное, но более или менее правдоподобное чтение, наши филологи согласились бы с тем, что, кроме кириллицы и глаголицы, существует и еще одно славянское письмо — в виде германских рун. Тем более что в Прильвице (Германия) были найдены еще в конце XVII века славянские скульптурки с подписями, выполненными германскими рунами, и еще в 40-е годы XIX века славянская научная общественность была убеждена, что славяне использовали германские руны в качестве третьей системы славянского письма.

Однако всю ситуацию изменил один человек, хорват по национальности, действительный член ряда академий наук, в том числе и Петербургской. Имя его — Ватрослав (иногда пишут Иван Ватрослав) Ягич. Уже в 80-е годы XIX века он повел систематические атаки на Прильвицкие находки, доказывая, что они все фальсифицированы[24]. Вообще говоря, часть находок Прильвица действительно была изготовлена в XVIII веке, и тогда же на вновь изготовленные «находки» были нанесены надписи; это — так называемая коллекция Яна Потоцкого, что было выявлено великогерцогской специальной комиссией еще до работ Ягича. Но другая коллекция, приобретенная Машем, этой же комиссией была признана подлинной. Но Ягич из года в год подбирал материал с целью опорочить и первую коллекцию и в конце концов убедил сначала научную общественность Берлина, а затем и филологов России в том, что поддельны вещи, найденные где угодно среди славянских древностей, если только на них присутствуют германские руны. Проанализировав не только упомянутые выше находки, но также надписи на Краковском медальоне и на одной находке из Чехии и приняв во внимание улучшенные чтения надписей на Микоржинс-

ких камнях Польши, предложенные рядом исследователей, академик Ягич все-таки приходит к выводу уже и в публикации на русском языке: «*Это обозрение, богатое, к сожалению, лишь отрицательными результатами, доказывает, что при нынешнем состоянии науки* ***все мифологические бредни о Стрелецких фигурках должны быть безусловно отвергнуты как неумелый подлог XVIII столетия; что вслед за ними и Микоржинские камни проваливаются как подделка XIX столетия; точно так же и Краковский медальон.*** *Слабые следы славянских имен на подлинных надписях не обнаруживают ни малейшего отступления от германских рун*»[25]. А до этого он показал, что все так называемые германские руны на славянских памятниках Прильвица (Стрелеца) подделаны. Так что окончательным итогом его деструктивной деятельности стало объявление фальшивками абсолютно всех памятников славянской письменности, на которых имелось нечто, хоть отдаленно напоминающее германские руны. Но реальные результаты были еще хуже: с этого момента любая славянская письменность, имеющая незнакомые начертания, с самого начала подозревалась в незаконном, криминальном происхождении. По сути дела он не только перечеркнул все достижения славистики XVIII века в области поисков новых видов славянского письма, но и нанес упреждающий удар, подвергнув сомнению любые, в том числе и еще не обнаруженные, виды славянских знаков.

Подобно тому, как я скрупулезно изучил все (именно так, все без исключения) дешифровки Г.С. Гриневича, я взял на себя труд проанализировать ряд этих «фальшивок» по Ягичу. И что же выяснилось? Большинство из них либо вообще не содержало германских рун, а было написано руницей, ошибочно принятой Ягичем за германские знаки, либо наряду с германскими рунами, но в других местах своей поверхности, неизвестных Ягичу, содержало и надписи руницей. Этого не мог знать не только Ягич, но и предполагаемый фальсификатор — именно это и доказывает их подлинность. Этой проблеме я посвятил специальную брошюру, которую закончил такими словами «*Разумеется, с И.В. Ягичем можно согласиться в том, что тот или другой эпиграфист не смогли дать приемлемого чтения. Но они не знали, что перед ними не руны, а знаки славянского слогового письма! И.В. Ягич совершенно отсекал такую возможность: если надпись «не читается», следовательно, она поддельная. Ограниченности своего мышления он не допускал ни на миг, всюду видя злоумышленников. И сейчас мы показали, что в данном случае прав был все-таки Крольмус, видевший перед собой надпись славянина, и Лецеевский, полагавший перед собой тексты исторического содержания, а не И.В. Ягич, объявивший*

самые камни и фигурки с надписями фальсификатами. И все-таки мы считаем, что критика Ягича была полезной. В науке всегда так: сначала что-то признается безоговорочно, потом происходит переоценка ценностей критическим оком, и, наконец, выясняется, что критиковать следует и самого критика. Вот тогда и остается только то, что выдержало проверку, а не любые предположения современников.

Мы рады, что нам удалось вернуть в качестве памятников германского рунического и славянского слогового письма хотя бы часть предметов, которые в свое время были незаслуженно выведены из научного оборота»[26]. Таким образом, посчитав критику Ягича полезной для определенного времени (для преодоления некритичного положения, в каком находились эпиграфисты XVIII века), я все же оставляю упрек ему в том, что обычная и полезная источниковедческая работа переросла у него в *презумпцию фальсификации* по отношению к любым прежде неизвестным видам славянской письменности. Поскольку он поместил свой тщательно спланированный удар по славянским древностям не где-нибудь, а в «Энциклопедии славянской филологии» в 1911 году, все последующие поколения филологов, воспитанные на этой публикации, стали стоять насмерть против любых попыток анализа неизвестных видов славянского письма. И это относится не только к рунице, но и к другим славянским шрифтам, которые я рассмотрел в своей предыдущей книге[1]. Так что нынешние исследователи могли и не знать, что, противопоставляя «фантазии» «науке», они по сути дела лишь повторяют тезисы В. Ягича. Тезисы, в своей основной массе *фальшивые*.

...Но вернусь к поискам новых надписей руницей. Потеряв доверие к археологам, я понял, что выискивать надписи на изображениях следует только самому. Это в несколько раз расширило число находок, но вместе с тем и создало очередной барьер между мной и эпиграфистами. Одно дело утверждать, что я смог прочитать прежде непрочитанные, но вполне атрибутируемые как «неизвестного начертания» надписи, и совсем другое — браться читать знаки собственности, известные как «нечитаемые», причем нечитаемые в принципе. Ведь тут прежде нужно было убедить коллег в том, что я занимаюсь не бессмысленным делом, а заодно не читаю какие-то случайные царапины, потертости, дефекты изображения и прочие графические элементы, совершенно внешние по отношению к археологической находке и не входившие в замысел ее создателя. Уже на этом этапе я понял, что убедить коллег будет крайне сложно, если вообще возможно. К этому добавилось и подозрение, что я уже с гораздо большим основанием «*постулирую новую*

письменность», то есть, выражаясь по-простому, претендую на научное открытие общеславянского (по крайней мере) значения, а «*что позволено Цезарю, не позволено простому смертному*». Иными словами, будь я хотя бы директором НИИ, академиком РАН, то и в этом случае мне, скрепя сердце, позволили бы подобную дерзость лишь в качестве «шутки гения», но в моем нынешнем положении для меня нет никаких оправданий. И если ведущий специалист Института славяноведения РАН Б.Н. Флоря из года в год утверждает, что у славян до Кирилла и Мефодия никакого иного письма не было, значит, так оно и есть: «*Великая Моравия стала первой славянской страной, где солунскими братьями Кириллом и Мефодием в середине — второй половине IX века были заложены основы славянской письменной традиции на родном языке. Из этого первоначального очага славянская письменная традиция в последние десятилетия IX–X вв. стала распространяться в другие славянские страны*»[37]. С моей точки зрения, традиция славянской письменности существовала гораздо раньше (причем на много тысяч лет), и в каждой славянской стране своя. Кирилловская традиция относится лишь к самой последней стадии, отнюдь **не создавшей** письменность славян, *а лишь приспособившей* существовавшую письменность в христианско-сакральную.

В том же кирилловском ключе пишут и другие авторы, особенно научная молодежь, всерьез утверждающая, что «*появление письменности не было случайным событием, которое произошло по воле нескольких людей. Ему предшествовал долгий путь развития славянских племен от родового строя к ранним феодальным государствам. Именно на последнем этапе возникла потребность в создании собственной письменной культуры, без которой до этого славяне обходились многие сотни лет*»[38]. Получается, что у племен нет потребности в письме. Нелепость!

Я как раз нахожусь в положении человека, отрицающего эти ОЧЕВИДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ; с моей точки зрения, письменность и **письменная культура** у славян существует НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ ЛЕТ, однако в данном труде мне не хотелось бы обсуждать эту проблему и даже проблему существования руницы ЗА НЕСКОЛЬКО СОТ ЛЕТ ДО КИРИЛЛА. Я поставил гораздо более скромную задачу демонстрации существования руницы у славян Руси в течение НЕСКОЛЬКИХ СОТЕН ЛЕТ ПОСЛЕ КИРИЛЛА. Для меня в данной работе и этого хватит за глаза; книгу просто распирает от обилия материала, и я уже подумываю о том, чтобы часть его перекинуть в следующий том. Просто пока я обозначил те сложности, которые возникли у меня, как только я оторвался от указаний археологов на существование непонят-

ных знаков. Далеко не каждый археолог вообще видит эти знаки, так что требовать от него, чтобы он каждый раз изумленно восклицал: «*Поглядите-ка, ребята, на моей находке полно каких-то значков, а я в них ни бельмеса не смыслю*!» — значит требовать невозможного. Даже если он и увидит непонятные знаки, он либо предпочтет вызвать эпиграфиста и сослаться на его мнение (но самих эпиграфистов можно перечесть по пальцам, и они тоже не читают эти знаки), либо, что гораздо проще, вообще никак о них не сообщать, следуя мудрой мысли, что тот, кому они нужны, заметит и так, а другим их и даром не надо. И вообще, лучше не будить спящую собаку.

Вернемся к надписям руницы, которые постепенно стали напоминать мне узоры. Иногда, однако, попадались подлинные шедевры. Они вполне понимались как письменность, но, увы, нечитаемая. В качестве примера хочу привести надписи на перстнях из Киева (по монографии Н. Кондакова)[29] (рис. 3). Конечно же, узор есть некоторая графическая абстракция, а не текст. Но вглядимся в изображения на рисунке.

Если средняя надпись, возможно, является традиционным узором, то изображения на щитках крайних перстней несимметричны и потому узором считаться никак не могут. Так что поняв, как выглядит эта пока во многом загадочная письменность, я стал копировать прежде всего те знаки на археологических находках, которые являлись несимметричными узорами. Иногда, на всякий случай, я копировал и симметричные узоры (это потом сослужило мне хорошую службу), но без большой охоты. Можно сказать, что это был период эпиграфической учебы, когда я запоминал не столько результаты чужих чтений (таковых было мало), сколько стандартные уклонения археологов от необходимости читать знаки — дескать, надписи прочитать нельзя, поскольку они нечитаемы, либо они не славянские, либо вообще это не надписи, а знаки собственности или узор. Но иногда приводились и резуль-

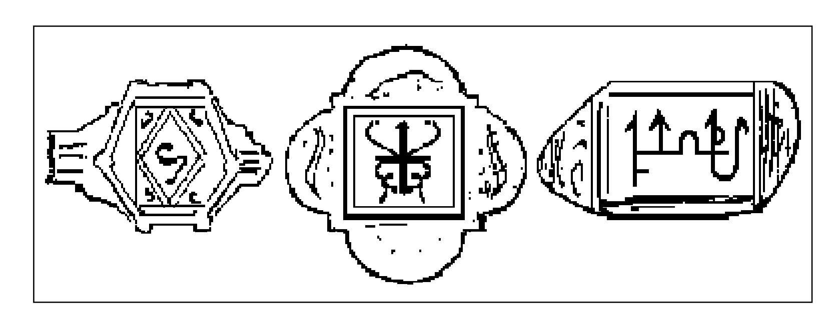


Рис. 3. Надписи на перстнях

таты чтений, довольно плохие, как я сейчас понимаю, вызванные неподготовленностью археологов к встрече с незнакомыми знаками, с непониманием системы руницы, с подгонкой некирилловских текстов под привычные буквы кириллицы.

Правда, встречалась и крайность другого рода, когда знаки были неорганизованны и даны как бы россыпью, а с другой стороны, частью соединены друг с другом концами, образуя связки или так называемые *лигатуры*. Здесь наличие письменности уловить тоже достаточно сложно. В качестве примера привожу надпись на костяном кистене Всеволода[30] (рис. 4).

Я уже говорил насчет узора — что он казался мне вполне осмысленным. Уже на этом этапе возникли сложности с пояснением моим знакомым предмета моих исследований. Если обратиться к рис. 3, то, увидев надпись на правом перстне, они могли согласиться с тем, что там изображены знаки какой-то неведомой системы письма, но декор центрального и левого перстня категорически отказывались считать письменными знаками. Так что первую проблему можно было бы назвать **проблемой узора**: письменность, стилизованная под узор, воспринималась как узор, а не как текст! Иными словами, устоявшаяся точка зрения обладала презумпцией невиновности: доказывать иное должен был я, а не мой собеседник-традиционалист. Так что появилась первая трудность: **я предлагал видеть в узоре вполне читаемый текст**. Разумеется, это было не только новшество, но и большая дерзость с моей стороны. И признать мою правоту не могли прежде всего эпиграфисты, которым мой подход уже с этого момента виделся совершенно нетрадиционным, а потому и неверным.

Тут я должен на некоторое время остановиться и поразмышлять о проблеме узора. С моей точки зрения, узор — это просто стилизованное изображение либо *формы предмета* (например, растительный узор),

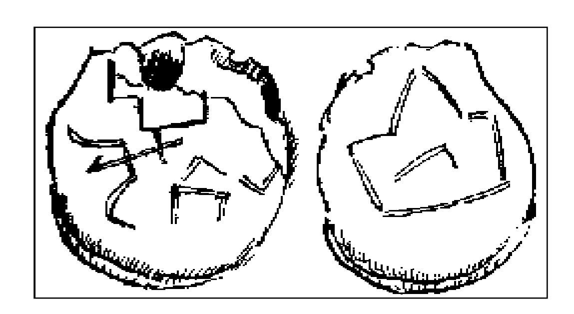


Рис. 4. Костяной кистень Всеволода из Рославля

либо, к чему я подвожу читателя, *формы письменных знаков*, образующих осмысленный текст. Археологи пока привыкли к первому и совершенно не предполагают наличие второго. Я же в данной книге демонстрирую как раз текстовую основу многих русских узоров (особенно наглядно это видно в главе, посвященной украшениям). Иными словами, с моей точки зрения, творцы узоров их вовсе не изобретали, а просто округляли до степени узора привычные письменные знаки. Особенно похожими на знаки руницы мне показались узоры на браслетах (рис. 5), опубликованные двумя украинскими исследователями[31], со статьей которых я познакомился в апреле 1994 года. Тогда меня просто привлекли сами рисунки, теперь я в состоянии их прочитать.

Получается слово **РУЧИЦЫ**, которое мне известно не было. Но оно не известно и другим ученым, поскольку вышло из употребления; а означает оно *БРАСЛЕТЫ*. Так я столкнулся с тем, что чтение «узоров» может дать новые для нас, но когда-то существовавшие в русском языке слова. Так что применение созданного мной на основе других чтений силлабария привело к ощутимому результату: к выявлению нового древнего слова и к пониманию его смысла. В данной книге таким словам я посвятил отдельную главу. Но тут важно то, что впервые получился результат, неизвестный моим коллегам-эпиграфистам: **руница может давать новую информацию, отсутствующую в кирилловских текстах.**

С этого момента мое чтение надписей переходит из хобби в мою новую профессиональную деятельность, связанную с обработкой текстов, написанных руницей. Теперь для меня важным становится многое: материал письма, мотив обращения автора надписи к рунице, а не к кириллице, общая композиция надписи, ее размещение на археологическом памятнике. До некоторой степени получается, что я знаю и могу вычитать больше того, что знают и могут вычитать эпиграфисты-историки. Следовательно, как это ни парадоксально, профессионалом становлюсь и я. Сначала я этого не осознал, но после того как перешел к чтению смешанных текстов и невольно забрел на территорию, на которой до меня спокойно паслись такие весьма уважаемые мной коллеги, как А.А. Медынцева, Е.А. Мельникова, Т.В. Рождественская, мне вдруг бросились в глаза их

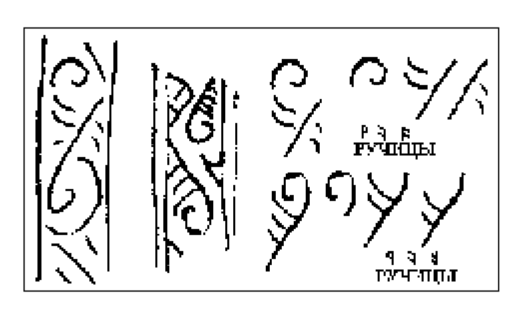


Рис. 5. Мое чтение узора на браслетах

очевидные промахи, которых никто прежде не замечал, так как они были вызваны незнанием руницы, неучетом ее присутствия в текстах и вели иногда к совершенно произвольным трактовкам документов. В этих случаях для меня наши роли поменялись. Теперь мне их чтения стали казаться фантастическими, а их претензия на научную трактовку некоторых видов документов (например, надписей на гривнах или восточных монетах) — просто анекдотичной. Разумеется, я вполне разделяю уважение и признательность к этим исследователям, когда они вводят в научный оборот новые эпиграфические памятники и дают их первоначальное чтение и толкование. Тут у меня претензий нет. Нет замечаний и по части чтения очевидных и простых текстов. Но сложные тексты (хотя тоже не все) в их трактовке иногда становятся просто неузнаваемыми. Кроме того, у меня появились претензии и к археологам по поводу прорисей при публикации ряда археологических памятников — они явно недостаточны и в некоторых случаях просто скрывают существующие надписи.

Такая ситуация меня опечалила, ибо увеличила дистанцию между мной и моими коллегами по исследованиям. Мне, честно говоря, вовсе не хотелось опережать штатных специалистов Института археологии и Института российской истории в области их профессиональной деятельности, поскольку работа в коллективе всегда полезнее работы в полном одиночестве. Но сложность тут чисто психологическая: они работают много десятков лет, контактируют с зарубежными коллегами и считают себя признанными учеными; никакой критики в свой адрес они никогда не слышали и вообще не понимают, что их за что-то можно критиковать. А тем более «дилетанту», занимающемуся «фантазированием». Боюсь, что ситуация до конца моих дней останется той же — разговором глухого со слепым.

Следующий прорыв получился каким-то незаметным, и я не сразу осознал его значение. Я лишь обратил внимание на складки левого рукава небольшой иконки XIII века из древнего Червена[32] (рис. 6), прочитав их как знаки руни-



Рис. 6. Мое чтение надписи на иконке из Червена

цы с текстом ИКОНЪКА ВЫКЪЛАНАЯ. Это случилось в июле 1993 года, но большого значения я этому не придал. Чего только не бывает! Кому-то из творцов иконки пришла в голову мысль пошутить, и он стилизовал надпись под складки.

Однако дальше я стал внимательнее присматриваться к складкам и вскоре обнаружил, что подобная «шутка» повторяется довольно часто. Правда, на это «вскоре» ушла пара лет. Похоже, что творцы иконок «шутили» настолько часто, что это перешло в своеобразный стиль. Затем, через год, выяснилось, что надписи имеют и шитые иконы, а еще позже я убедился в том, что складки подавляющего большинства христианских икон читаются и обозначают всех действующих лиц, одних полнее, других просто словом ЛИКЪ. А затем я понял, что такими были и светские иллюстрации, причем не только в печатных книгах, но и в рукописных. Это уже было новое открытие, которое увеличивало число текстов до сотен и даже тысяч (по числу древних икон и книжных миниатюр), а размер текстов — до нескольких десятков слов. Так что в 1995 году я понял, что открыл новую разновидность руничной тайнописи — стилизацию под складки икон. Так что помимо узоров наши предки писали и складками одежды.

Но в то же самое время это означало полную потерю контакта с научной аудиторией историков-профессионалов, ибо если даже чтение узоров вызывало у моих собеседников здоровый скепсис, то мое чтение складок приводило их в полное недоумение. Зачем читать то, что совершенно явно не предназначено для чтения? Ведь когда люди начинают считать не то, сумму чего им знать интересно, а все подряд — встречных людей, проезжающие автомашины, количество слов в строке книги, — остальные начинают всерьез интересоваться состоянием их психического здоровья. А как обстоит дело со здоровьем у меня? Не впадаю ли я в манию чтения всего того, что хотя бы отдаленно напоминает знаки руницы?

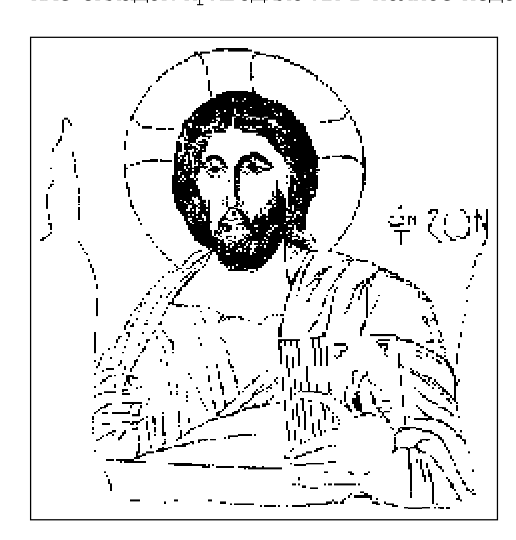


Рис. 7. Спаситель. Мозаика Спасителя в Константинополе

Нет, не впадаю. Складки складкам рознь. Одни из них

совершенно естественные, и их никак нельзя прочитать, то есть при чтении получается абракадабра. Другие же старательно вычерчиваются и помещаются у изображения на самом видном месте, всячески подчеркиваются, а при их чтении получаются вполне осмысленные фразы. Так что дело вовсе не во мне, а в авторах средневековых изображений. И к этому мнению я пришел в течение семилетнего исследования складок именно на произведениях религиозной живописи (для исследования лучше всего применение так называемых лицевых икон, то есть контурных прорисей, ибо полутоновые черно-белые, а тем более цветные фотокопии часто оставляют точное положение складок недостаточно ясным, что затрудняет их чтение).

Чтобы не быть голословным, хочу показать чтение надписи небольшого фрагмента весьма знаменитой иконы Христа Спасителя из Константинополя[33] (рис. 7).

На левом плече Спасителя (от зрителя справа) находятся складки, вполне читаемые. И я это сейчас продемонстрирую. Сначала я просто воспроизведу рисунок складок, как он есть, а потом разложу лигатуры на отдельные знаки, а знаки, на иконе разложенные на отдельные элементы, напротив, соединю. Тем самым, чтобы знаки были узнаваемыми, приходится произвести некоторое вмешательство, так сказать, «редактуру», то есть преодолеть специальный момент зашифрованности, присущей исходному образцу.

Здесь мне пришлось уплотнить знак М, срезать верхушку со знака L, отделить вершину в виде Г с соседней лигатуры, затем выделить там два следующих знака, после чего протранскрибировать, то есть подписать эталонные знаки, и транслитерировать, то есть записать буквами кириллицы. Получилась привычная для верующего христианина формула: МОЛЮ, ГОСПОДИ! Она тривиальна, но именно потому осмысленна! Если бы автор этих складок начертил их просто как складки, а не как выражение текста, получилось бы что угодно, но не каноническое выражение. Разумеется, это не единственный текст на иконе, читаются и другие детали изображения, но я выбрал для демонстрации наиболее ясные. И они прекрасно иллюстрируют сам мой способ трактовки изображения как системы надписей славянской руницей (рис. 8).

После этого я понял, что складками авторы текстов писали не только на русских грошовых иконках, но и на иностранных огромных настенных мозаиках. Это уже означало не просто открытие тайнописи местного масштаба, но перерастало в открытие тайнописи всего христианского мира. Поэтому в субъективном плане мое самочувствие, ухудшившееся в связи с непониманием коллег, ухудшилось еще более, ибо

прежде всего мое внимание обратилось на греческое происхождение данной мозаики, то есть на то, что руница оказывалась не только славянской, но и по меньшей мере балканской. Кроме того, все то, что удавалось вычитать из этих текстов, существенно расходилось с господствующей точкой зрения. И если раньше моими оппонентами могли выступать сначала только эпиграфисты, а чуть позже и археологи, то теперь в их ряды должны будут влиться и искусствоведы. И их первый вопрос — каким образом **греки** X века в Константинополе клали мозаику, следуя **русским** православным выражениям? Для чего им это было нужно? И если эпиграфистов единицы, а археологов десятки, то искусствоведов — сотни. И я своими исследованиями затрагиваю их профессиональные интересы. А еще хуже обстоит дело с иконами — на значительной их части тексты, мягко говоря, не канонические. Не хватало мне еще вступить в дискуссию с историками христианства! Но, с другой стороны, в мои руки попали подлинные тексты, избежавшие редактирования на протяжении столетий прежде всего потому, что католическое духовенство к этому моменту забыло руницу. А подлинные тексты дорогого стоят! Так что в данном отношении эпиграфика подвела меня к раскрытию ряда тайн происхождения христианства.

Теперь меня перестало смущать то, что с общепризнанной точки зрения я читаю *невесть что*. Однако, когда я был вынужден в поисках руницы вчитаться в привычные кирилловские тексты, я обнаружил, что эпиграфисты часто не читают обычные кирилловские буквы, *если они написаны некрасиво*! Это последнее открытие меня ошеломило. Оказывается, простой человек в средние века просто обязан был писать образцово-показательно, чтобы профессор в XX или XXI веке мог сказать, что он действительно писал! Чтобы не быть голословным, приведу надпись на пряслице, которую я приводил отдельно; теперь я ее показываю на самом предмете (рис. 9).

На пряслице написано: *НЕДЕЛЬКИНЬ ПРЯСЛЕНЬ*, однако В.Л. Янин читает только первое слово, начертанное опытной рукой, и не читает менее красивое второе, очень коряво кириллицей начертаное слово



Рис. 8. Редактура текста

[34], которое я читаю **ПРЯСЛЕНЬ** (хотя многие буквы начертаны тут зеркально, а некоторые слиты в лигатуру). У этого исследователя получается некоторое выборочное чтение. В принципе эпиграфист имеет на это право, но должен предупредить читателя, что он отказывается читать какую-то часть надписи по определенным соображениям. Однако тогда эпиграфист должен всегда предполагать, что исторический документ заведомо богаче того, что мы можем из него извлечь сегодня, и не думать, будто бы он – лишь единственный профессионал, способный читать надписи прошлого. А из этого вытекает, что я читаю *невесть что*, тогда как признанные эпиграфисты это *невесть что* **не читают**, и **не читают даже того, что им положено**. В любом случае, моя позиция предпочтительнее. Ведь всегда проще срезать избыточное, чем восполнить утраченное. Эта мысль уже звучала как упрек эпиграфистам; теперь я ее привожу в качестве определенного этапа моих эпиграфических усилий.

Таким образом, обо мне нельзя сказать, что я *ошибочно* (то есть *бессознательно*) читаю то, что другие читать отказываются. Я *не ошибаюсь в своей интенции* в том смысле, что *такова моя принципиальная позиция* – читать прежде нечитаемое. И мои претензии к отечественным эпиграфистам состоят не в том, что они что-то читают не очень удачно (я могу грешить тем же), а в том, что они часто отказываются читать даже то, что обязаны делать – кирилловские тексты! Иными словами, **не владея руницей, они не вполне владеют и кириллицей**. Так в моих глазах был разрушен ореол знатоков, к которым причисляются нынешние специалисты по славянской эпиграфике. И у меня уже пропало желание равняться на них.

На этой ступени я стоял, когда печатал два года назад свою первую монографию. Но с тех пор случился прорыв еще в трех направлениях. Во-первых, я стал видеть надписи уже по фотографиям объектов, хотя *их не видели* те люди, которые их держали в руках и даже фотографировались на их фоне. В качестве примера хочу привести изображение на не слишком хорошей фотографии[35] вместе с моей прорисью тех же знаков, из чего следует, что я вижу не случайные выщербины и дефекты камня, но славянские **надписи** (рис. 10). Это уже не складки,



Рис. 9. Мое чтение надписи на пряслице из Новгорода

которые видят все, но не придают им значения, это детали самого камня, которые по фотографии следует отделить от естественных трещин и выщерблений. Разумеется, тут уже необходимо четко представлять, что следует найти на камне.

Здесь, кроме камня и травы, вроде бы ничего не видно, хотя на самом деле прямо перед нами начертано множество надписей. Я не буду обращать внимание читателя даже на то, что начертано на валуне сверху, укажу лишь на надпись у нижней кромки рисунка, глядящую на зрителя. Видите? Если нет, я помогу. Вот что увидел и записал я (рис. 11).

Оказывается, тут начертан связный текст **ПЕРУНЪ, НЪШЬ ПЕРУНЪ. ТОПЛЕНЪ ВЪ ОЗЕРЕ ПЪЛЕЩЕЕВОМЪ**, то есть *ПЕРУН, НАШ ПЕРУН. ТОПЛЕН В ОЗЕРЕ ПЛЕЩЕЕВОМ*. Понятно ли теперь будет читателю, как следует всматриваться в предмет, на котором хочется найти надпись? Во все глаза, обращая внимание на едва заметный контраст. И тогда предмет вдруг раскроется, покажет свое информационное богатство.

Итак, камни могут говорить, но пока что, до меня, надписи на них не читал никто. Трудно сказать, насколько далеко может повести это открытие, но уже теперь ясно, что появляется надежда на понимание самой сути языческих валунов — кому они были посвящены и какой стороной отражали языческие культы наших предков. На сегодня эта сторона язычества, по крайней мере в России, исследована довольно слабо. Это, так сказать, «сельское язычество» или даже «язычество на лоне природы», которому в двух монографиях Б.А. Рыбакова места не нашлось. Да и в наиболее полной сводке по языческим культовым объектам — монографии И.П. Русановой и Б.А. Тимощука о языческих святилищах славян — этой проблеме посвящена всего пара абзацев[36]. А сейчас даже эти два исследователя не смогли бы заняться данной проблемой, ибо в составе отдела славяно-русской археологии Института археологии РАН уже не ра-



Рис. 10. Синь-камень Плещеева озера



Рис. 11. Мое чтение надписи на Синем Камне

ботает Б.А. Тимощук и ушла из жизни в 1998 году И.П. Русанова[37]. Так что по этому направлению исследований в Москве на сегодня профессионалов нет. Недавно эту истину мне подтвердил в частной беседе и главный редактор КСИА Валентин Васильевич Седов.

Продвинувшись в своем анализе каменных изображений, на которых никто никогда не видел никаких надписей, я пришел к выводу о том, что сами фотографии часто даны в слишком мелком масштабе, передавая общий вид памятника, но не детали рельефа его поверхности. Достаточно было при сканировании общепризнанных изображений увеличить масштаб, и надписи стали выявляться. Но это — прорыв в совершенно новую область исследования, которую я хотел бы назвать «микроэпиграфика». Вот пример. Так чаще всего изображают идола из Новгородской области (рис. 12).

А вот что можно увидеть, если дать то же изображение в увеличенном виде[38]. Хотя тут надписи есть, но в них следует вглядываться. Справа я постарался некоторые надписи вынести отдельно на том же уровне, на котором они нанесены на изображении, и прочитать (рис. 13).

Теперь видно, что на камне есть надписи, и их много, я прочитал малую часть имеющихся. Хотя упоминаются имена как Макоши, так и Перуна, а также есть слова РУСЬ и РУНА, но преобладает имя Перуна, кому и посвящен идол. Тем самым появилась возможность дать точную атрибуцию славянским идолам, чего до сих пор в отечественной археологии не было.

В наше время, когда оформились такие науки, как физика микромира, микробиология и микрохирургия, вполне можно провозгласить и существование микроэпиграфики. Правда, ее применение делается в предположении, что наши далекие предки умели писать сантиметровые надписи на метровых памятниках и надписи в доли миллиметра на разного рода пластинках, накладках и

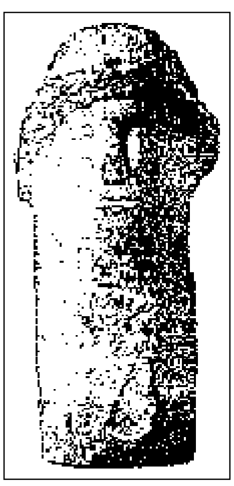


Рис.12. Идол из-под Новгорода

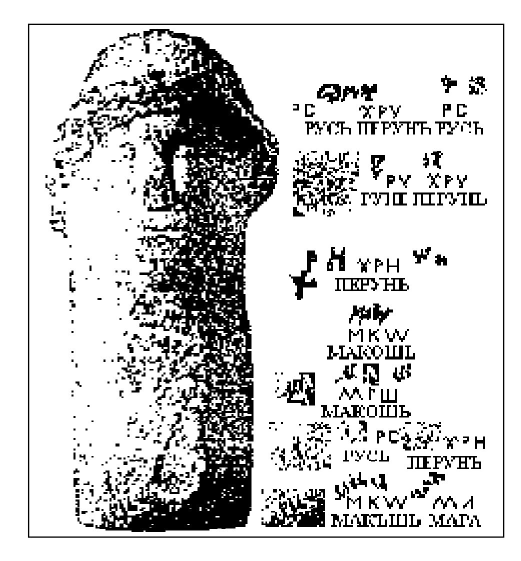


Рис. 13. Мое чтение надписей на том же идоле

бляшках размерами в сантиметры, что кажется моим коллегам совершенно неправдоподобным. Но это лишь ломает сложившиеся представления о совершенстве культуры наших дней и несовершенстве людей средних веков, восстанавливая историческую справедливость. Правда, последние два века постоянно показывают нам, что наши предки были гораздо искуснее, чем мы о них думали.

Наконец, мое последнее крупное открытие в методике чтения надписей руницы — это наблюдение надписей «светлым по темному», к чему я был морально совершенно не готов. Здесь требуется привести новый конкретный пример. Рассмотрим обычное изображение сапожного шила из монографии Т.Н. Никольской о земле вятичей, по ошибке названного «наконечник стрелы»[39] (рис. 14).

Я перевел изображение из вертикального в горизонтальное (так удобнее читать). Никаких надписей на нем, естественно, не просматривается. Однако если усилить степень контрастности и несколько увеличить изображение, надписи не то что появятся, но *могут быть за-*

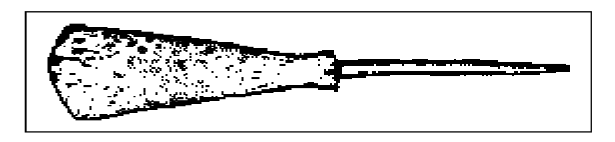


Рис. 14. Изображение сапожного шила

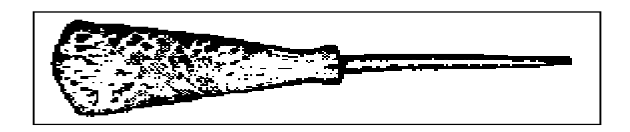


Рис. 15. Выявление надписи методом сильного контраста

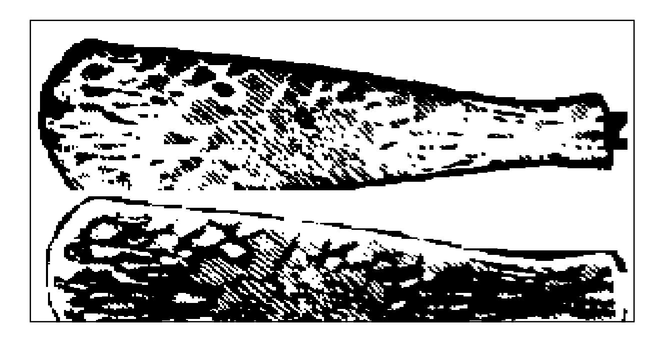


Рис. 16. Получение «выворотки»

подозрены, правда, как некоторые светлые блики на темном фоне (рис. 15). Впрочем, видна лишь некоторая сеть линий, не ассоциируемая с письменностью.

В качестве письма можно заподозрить верхнюю строку, где видны какие-то светлые знаки на темном фоне. Ее можно еще более увеличить и обратить цвет, сделав *выворотку*, то есть получив негативное изображение той же строки. Я покажу эти фазы последовательно. Пока что я показал, как выглядит увеличенное контрастное изображение.

А так выглядит фрагмент изображения, подозреваемый в существовании надписи, до и после обращения цветов на компьютере (рис. 16). Далее я принимаю данные петли за текст и выделяю три группы надписей, слитые в лигатуры. Я их отделяю друг от друга и удаляю лишние штрихи. Я предполагаю, что каждая лигатура обозначает целое слово.

Далее осталось разделить лигатуры на отдельные знаки (рис. 17). Поскольку я уже довольно хорошо представляю их внешний вид (примерно так, как мы привыкли к виду обычных букв нашего сегодняшнего гражданского русского шрифта), я могу их отделить друг от друга



Рис. 17. Отделение лигатур друг от друга

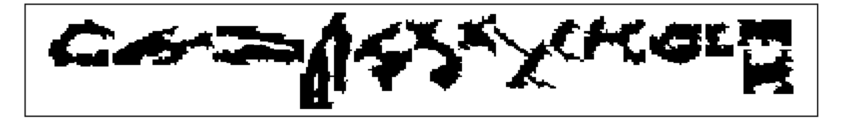


Рис. 18. Выстраивание строки знаков руницы

и выстроить в строку. При этом читаю слева направо и сверху вниз каждую лигатуру отдельно. Последний знак первой лигатуры я перевернул из лежачего положения в стоячее. Эта фаза соответствует разделению текста на слова при чтении кириллицы. Тут я уже в состоянии прочитать текст, но для любого неискушенного человека это далеко не очевидно, ему требуется дать «подписи». И я их даю, но на следующем изображении (рис. 18).

Здесь прежде всего делаю транскрипцию, естественно, слоговую, то есть под каждым выявленным знаком подписываю такой же, но эталонный знак. Эталонные знаки я получил методом усреднения из большого множества прочитанных текстов. Они помогают лучше понять суть средневековых начертаний и позволяют сравнивать различные надписи друг с другом, выявляя отличия в характере шрифта.

Буквы кириллицы, которые часто тоже встречаются в текстах, я, естественно, транскрибирую буквами же кириллицы (рис. 19). Но, чтобы они внешне отличались от знаков руницы, я их делаю строчными, а не прописными. А затем перехожу к транслитерации, то есть к новому переписыванию текста (рис. 20). Он был написан руницей, а теперь я его переписываю кириллицей.

Данный образец будет выглядеть так: **СЬ НЪВЫМЪ КЪЖЪХОМЬ СЬ КОСТИ,** затем тот же текст курсивом в современной орфографии, то есть *С НОВЫМ КОЖУХОМ ИЗ КОСТИ,* иногда из экономии места, в скобках. Интерпретация: «на шиле его владелец написал, что к шилу прилагается новый футляр из кости (что для шила уместнее, чем из кожи), то есть рабочий инструмент идет в комплекте с чехлом».

Моменты, начиная с разделения лигатур, являются традиционными; но вот усиление контраста и обращение цветов – это новинка, которую уместно назвать «контрастированием». Этот метод основан на том,



Рис. 19. Транскрибирование текста



Рис. 20. Транслитерирование текста

что любое углубление или выемка на поверхности исследуемого объекта, незаметные для глаза, могут запечатлеться на фотографии или при хорошей прориси, и тем самым будут выявлены методом контрастирования. А такие следы сохраняются дольше всего, даже когда краска, которой они были нанесены, совсем облетела. Таким образом, надписи существуют в *латентном*, то есть скрытом, виде, когда их прочитать с помощью специальных методов можно, но воочию они не видны.

Такое восстановление исходной надписи можно сравнить с промывкой потемневшей от времени картины, на которой часто уже ничего нельзя разглядеть. Виной тому лак, который надо аккуратно удалить и поставить взамен новый. Ни один искусствовед не скажет, что если картина потемнела от времени, то на ней ничего не изображено. Но в эпиграфике пока что положение иное, и латентные надписи считаются даже не утраченными, а вовсе не существовавшими. Хотя в ряде случаев эти надписи просто требуют элементарной «промывки», то есть увеличения и «контрастирования». В принципе метод выявления латентной надписи может быть поставлен в один ряд с известными в других областях культуры методами, однако для эпиграфики он пока не применялся.

Я продемонстрировал анализ только одной строки текста, но их может быть несколько, так что предмет, выкопанный из земных глубин и принадлежавший к древностям отечественной истории, может иметь гораздо более богатое содержание, чем кажется в результате беглого осмотра. Кстати, иногда бывает и так, что новые надписи выявляются уже после того, как прочитаны первые, бросавшиеся в глаза знаки — археологический объект выдает свою информацию по частям подобно тюбику.

Конечно, один маленький текст из двух-трех слов практически не добавляет информации к тому, что мы уже знаем о наших предках. Но по мере того, как мы начинаем суммировать эти однотипные небольшие письменные высказывания, шаг за шагом вырисовывается очень своеобразная и непривычная картина. Суть ее заключается в том, что во все века средневековья (на самом деле и раньше, но это уже выходит за рамки данной книги) люди **помечали** все свои изделия материальной и духовной культуры — инструменты, изделия, кирпичи зданий, сосуды, детали одежды, украшения, оружие, монеты, каменные изваяния, миниатюры рукописи, книжные иллюстрации, лубочные картинки, — словом, все, к чему прикасалась их рука, **короткими сопровождающими письменными текстами**. В этом отношении они не только не отставали от нас, но, возможно, даже опережали. Поэтому считать, что письменность на Руси появилась только после изобретения кириллицы,

значит не представлять себе ни в малейшей степени письменную культуру Руси и в еще меньшей степени письменную культуру славян. Ибо руница сосуществовала не только с кириллицей первые несколько веков второго тысячелетия н.э., она точно так же сосуществовала с глаголицей лет за 600 до этого с римским письмом, и с письмом этрусков, венетов и ретов с самого начала эпохи железа, то есть с VIII века до н.э. Просто от этих эпох до нас дошло намного меньше документов, которые исчисляются уже не тысячами, а лишь десятками, но они тоже есть. Так что по мере формирования государств Этрурии, Венеции, Реции и Норика в них тоже возникли и стали расширяться области применения алфавитной письменности, но в качестве второй, тогда как первой выступала все та же руница. Так что руница — это общеславянское достояние, и в следующей книге я постараюсь показать, как на ней писали все славянские народы. И не только они, но и немцы из Пруссии-Боруссии (то есть Порусья), греки Балкан, христиане римских катакомб, авторы научных трактатов Возрождения и ряд других социальных слоев и народов Европы.

Но задача данной книги иная. Тут я хочу показать, что **именно на Руси руница задержалась до конца средневековья**, вплоть до XVII века, хотя из широкого употребления в Европе она успела выйти в античности. И ее применение было не просто дублированием кириллицы, которая отнюдь не сразу и не везде на Руси вошла в употребление в X–XIII вв., а составляло основу духовной культуры. Иными словами, **без руницы нормальная жизнь Руси была невозможна.**

Однако есть и другая задача. Она заключается в том, чтобы **выявить соотношение между двумя системами письма**: традиционно-славянской, во многом языческой слоговой руницей и вновь возникшей алфавитной письменностью православных славян, кириллицей. Было время, когда употребляли оба вида письма; представляет интерес понять, для каких целей в разных сферах употребления письменности использовалась руница и для каких — кириллица.

Но основная задача книги все же не первая и не вторая, а третья — понять, на чем и каким способом наносились оба вида знаков и **почему славянские надписи составляли существенную часть быта, светской и религиозной деятельности средневекового жителя Руси**. Понять, что писали, как писали и зачем писали. И тем самым говорить о средневековых традициях, которые частично дожили даже до XIX века.

Наконец, есть и четвертая задача. В связи с частыми упреками в мой адрес насчет «фантазирования», произносимого эпиграфистами от лица якобы «солидной науки», хотелось бы разобраться, насколько велика степень моего уклонения от истины и какова степень такого

же отклонения этих эпиграфистов. Не окажется ли, что все на деле обстоит как раз наоборот? Что как раз те, которые вещают от имени науки, занимаются подчас беспочвенными спекуляциями, не зная руницы?

Таким образом, книга не столько о самих надписях, сколько о том, какую роль играли в русской средневековой культуре подписанные ими предметы, каково было их назначение и почему без чтения надписей на них мы составили себе о них неверное мнение. Короче говоря, речь идет о новой, неизвестной прежде археологии Руси, где гидом для нас служат надписи руницей.

Разумеется, я не могу проанализировать все найденные археологами надписи — для этого понадобились бы десятки подобных книг. То есть вначале я действительно хотел вложить в эту сводку результаты как опубликованных, так и неопубликованных исследований, проведенных за предшествующие годы. Но после того как я стал внедрять свою новую методику, дешифровок появилось уже столько, что пришлось выбирать из них. Поэтому приведенные в этой книге надписи являются выборками, а не полным комплектом, так сказать, некоторыми представителями целой группы сходных объектов. Вообще говоря, когда ставится крупная цель, от каких-то второстепенных, хотя и важных, вещей приходится отказываться. Так что отказ от «поголовного» анализа вещественных памятников как раз и является такой добровольной жертвой. Возможно, что когда-нибудь эпиграфика опубликует некий корпус прочитанных надписей, однако в наши дни это невозможно. Неоднократные попытки Института археологии РАН хоть както описать все находки не приводили к успеху и прежде всего потому, что скорость описания имеющегося археологического материала не превышала, а то и существенно отставала от приращения этого материала, добытого в результате текущих археологических раскопок.

Другой добровольной жертвой стал отказ от анализа полученных текстов с позиций уже известных начертаний букв и знаков руницы. Современные эпиграфисты, проводя палеографический анализ, обязательно сравнивают буквы анализируемого текста с уже известными, то же самое делается и в отношении вычитанных из текста имен собственных. Эту жертву я приношу по ряду соображений. Прежде всего такой анализ занимает либо половину, либо больше половины статьи по каждой археологической находке, так что при включении его в эту работу объем моей книги следовало бы удвоить, на что я пойти не могу. Кроме того, такой материал довольно невыразителен для чтения. Далее, поскольку основной целью исследования является выявление знаков руницы, мне следовало бы в первую очередь сравнивать анали-

зируемые тексты с известными ее знаками. Но палеографии руницы пока не существует (ее еще предстоит создать, и я полагаю, что скорее всего и эту задачу придется решать мне), так что одна из целей сопоставительного анализа пропадает. Кроме того, и ряд начертаний кириллицы, исследуемый в данной книге, прежде никогда не рассматривался официальной наукой и вводится мною в научный оборот впервые. Эти варианты кирилловского шрифта тоже пока сравнивать не с чем. Так что тут еще не подготовлена научная почва. Далее, когда я вижу, как на деле эпиграфисты проводят сопоставление русского текста, найденного под Ярославлем, с рунами древней Исландии, находя определенные соответствия в начертании знаков (а чем больше репертуар знаков какой-либо письменности, тем больше вероятность нахождения в ней знаков, похожих на исследуемый), или с индийским письмом брахми, или с синайской письменностью, я понимаю, что при желании могу найти соответствие любой букве кириллицы и любому знаку руницы в каком-нибудь экзотическом шрифте, например в письме *кохау ронго-ронго*. Но это никого ни в чем не убеждает, и сравнение петелек и мачт нового текста с каким-нибудь известным шрифтом становится некоторой «обязаловкой» академического исследования, где эпиграфист лишь демонстрирует читателю свою эрудицию. Однако эта эрудиция вовсе **не гарантирует защиты анализируемого текста от эпиграфических фантазий самого эпиграфиста**. Иногда как раз блестящая эрудиция эпиграфиста (как я имел возможность убедиться на примерах чтения Е.А. Мельниковой, М.Л. Серякова и Х.М. Френа) и заводит его в трясину сомнительных ассоциаций. Именно поэтому я отказываюсь от такой «аргументации».

Не анализирую я и имена собственные на предмет их соответствия уже опубликованным в новгородских грамотах. Скажем, если я читаю на пряслице имя Татьяны, Варвары, Клавдии и даже Амалии, я не обращаюсь к списку имен, вычитанных на новгородских грамотах, чтобы показать правомерность моего чтения. Я молчаливо полагаю, что такие имена достаточно хорошо известны в быту и обосновывать тут, собственно говоря, нечего. Когда же под пером А.А. Медынцевой слово АМАЛИН (начертано буквально как АМАЛЕН) трансформируется в женское имя НАМАЛЕ (в дательном падеже), никакие поиски соответствий меня не могут убедить в правильности данного чтения эпиграфиста. А тем более что, однажды прочитав неверно один из текстов как имя собственное СЕЛЯТА, этот эпиграфист стал ссылаться на него как на эталон и подгонять под него смешанный текст СЕ ЛЕТО ЯТА — оказывается, это тоже СЕЛЯТА. А затем пошли-поехали и другие «древнерусские» имена — БЫЛЯТА/БЫНЯТА, ТИХОТА и прочие.

И опять мы видим, что **ссылка на прецедент отнюдь не гарантирует правильности чтения**.

В самом начале своей критико-эпиграфической деятельности, когда я рассматривал работы Г.С. Гриневича, я удивлялся тому, что он совершенно никак не обосновывает свои гипотезы относительно чтения и не придает значения анализу своей копии на предмет ее аутентичности оригиналу, но зато извлекает из словаря И.И. Срезневского какие-то совершенно третьестепенные значения слов, которые вообще не имеют прямого отношения к его случаю. Мне казалось странным, почему, получив на иконке чтение КАВЕДИЕ, он не подумал, что дошел лишь до стадии полуфабриката, и что ему надо прикинуть, учел ли он все возможные варианты прочтения знаков, но сразу решил, что получил окончательный результат, которые и обосновал нахождением слова КАВЕДЬ в смысле КАМЕННОЕ ИЗВАЯНИЕ. Ему показалось, что ГЛИНЯНАЯ ИКОНКА названа КАМЕННЫМ ИЗВАЯНИЕМ. Ну ладно, ему простительно, его считают энтузиастом-любителем. Однако оказалось, что тем же грешат и профессионалы. И вместо того, чтобы подумать, что имя НАМАЛА вряд ли могло существовать, а, следовательно, чтение неудовлетворительное, А.А. Медынцева не сочла возможным изменить первоначальное мнение даже в более поздних публикациях.

Из приведенных примеров (а их на самом деле весьма много, в чем можно будет убедиться, читая данную книгу) можно сделать вывод о том, что на сегодня положение в отечественной эпиграфической науке оставляет желать лучшего. Я не могу сказать, что среди эпиграфистов отсутствует критическое направление, однако оно направлено лишь против «дилетантов». Конечно, фантазии начинающих любителей весьма заметны, бросаются в глаза, и чтения типа ВРЕВОРУСУ, НАРАМ-НЯМ или СВЧЬЖЕНЬ были своевременно и вполне правомерно раскритикованы. Что же касается профессионалов, то тут существует научная этика, которая не рекомендует критиковать чтения НАМАЛЫ и СЕЛЯТЫ, хотя таких имен на Руси никогда не было. Да и кто стал бы таким критиком, если на всю Россию эпиграфистов не более десятка и все прекрасно знают друг друга? Скажем, кто взялся бы критиковать чтения А.А. Медынцевой, если она является единственным специалистом по кирилловской эпиграфике в Институте археологии РАН? Так, пряслице с надписью НАМАЛЕ нашла в 1959 году Л.А. Голубева, но никакого чтения не дала, обратилась к А.А. Медынцевой, и с ее слов опубликовала чтение НАМАЛЕ в 1974 году. Может быть, Л.А. Голубева и прочитала бы АМАЛИН, но для этого надо было взять на себя ответственность, а этого как археолог она сделать не могла. В РАН

существует разделение труда, и коль скоро существует должность эпиграфиста, стало быть эпиграфист и является специалистом по определению. А уж если ошибается специалист, то его может покритиковать разве что светило, например, академик В.Л. Янин. Но у академика В.Л. Янина такой огромный спектр интересов и такое широкое поле ответственности, что входить в чужую епархию у него нет ни времени, ни сил, ни желания. Так что из москвичей вряд ли кто захочет наводить критику. Что же касается питерцев, то Москва вряд ли входит в сферу их интересов, у них есть свое поле деятельности, свои корифеи и свои проблемы.

Жаль, что эпиграфика — не просто «вспомогательная историческая дисциплина», но из числа последних, ее часто забывают включить в учебники, где фигурируют и геральдика, и картография, и нумизматика, и метрология. Кафедр эпиграфики пока нет ни в одном отечественном университете, профессионалов по ней не готовят. В этом смысле, как это ни парадоксально, даже ведущие специалисты РАН по эпиграфике — такие же самоучки, как и те дилетанты, которых они критикуют. Учебников по русской и славянской эпиграфике нет, нет и писаной методики того, как проводить эпиграфическое исследование. Существует только прецедент: мы следуем традициям чтения разных надписей, как отечественным, так и зарубежным. По мнению А.А. Медынцевой, «*в наше время расширение объема материала, подлежащего эпиграфическому исследованию, усложнение целей, которые ставит перед эпиграфикой общее развитие исторической науки, продолжило тенденцию к выделению эпиграфики в самостоятельную научную дисциплину*»[40]. Иными словами, выделение эпиграфики в самостоятельную науку на сегодня — только *тенденция*, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Возможно, что когда-нибудь, хотя и не скоро, и официальная археология пойдет по предлагаемому мной пути и будет считать одной из своих первостепенных задач чтение смешанных и слоговых надписей на археологических памятниках. Пока что, к сожалению, наше мировоззрение определяют строки Дмитрия Лихачева, высказанные им по поводу тысячелетия русской культуры (на самом деле русской культуре не менее 30 тысяч лет): «*Я думаю, что с крещения Руси, вообще, можно начинать историю русской культуры. Так же, как и украинской и белорусской. В общем, культура восходит к каменному веку, к неолиту или палеолиту. Но характерные черты русской, белорусской и украинской культуры Древней Руси — восходят к тому времени, когда христианство сменило собой язычество. Христианство — письменная религия, приобщившая Русь к высокоразвитой мифоло-*

гии, к истории европейских и малоазийских стран»[41]. К сожалению, эти слова представляют собой мифологию от лица гуманитарной науки Руси: в действительности, язычество — не менее письменная культура Руси, чем христианство. И она, языческая письменная культура, напротив, приобщила европейскую и малоазийскую мифологию к высокой мифологии Руси. Правда, об этом я буду говорить в моих следующих книгах. Налицо пока лишь противопоставление: Русь языческая упорно связывается нашими гуманитариями с отсталостью и невежеством, тогда как Русь христианская — с просвещением и прогрессом. Я не признаю такого противопоставления. Для меня обе культуры Руси — это культуры моих предков и меня самого и делить их на чистых и нечистых — все равно что ругать одну руку и восхвалять другую. Но культура христианская на сегодня известна очень хорошо, тогда как письменная культура язычества и двоеверия на сегодня почти неизвестна. Она-то и составляет костяк той неизвестной археологии Руси, которую я постараюсь раскрыть заинтересованному читателю как в этой, так и в последующих публикациях.

И все-таки данную книгу я адресую не нынешним «специалистам» (которые в лучшем случае пожмут плечами, а в худшем будут придираться к третьестепенным мелочам, доказывая, что ничего подобного рунице не было и быть не могло, поскольку это невозможно), а будущим поколениям исследователей, которые разделят мои взгляды на особую роль руницы в культуре Руси и всей древней Европы. Но, возможно, чем-то данная книга будет полезна и нынешним ученым, ибо я анализирую и то, что было опубликовано ими же, что несомненно принадлежало славянам в те времена, к которым относились датированные самими же археологами находки. В этом смысле я не подвергаю ревизии или даже некоторому сомнению их датировки, хотя нередко вступаю в противоречие с их этнической атрибуцией памятника. Скажем, если на украшении скандинавского типа я читаю надпись «Смоленск», я допускаю возможность существования скандинавского прототипа, но памятник считаю славянским, а не скандинавским. И если на восточной монете из-под Ярославля я вижу русскую надпись ЗАКЛАДЬ, я не разделяю мнения историков, что эта надпись имеет исландское происхождение и должна пониматься в русском переводе как БОГ, а считаю ее сугубо славянской. И в этом смысле я ничуть не фантазирую, а стараюсь поправить фантазирующих историков-эпиграфистов, которые то же слово на гривнах читают как СЕЛЯТА или БЫНЯТА — я справедливо полагаю, что и то и другое чтение неверно потому, что не учитывает знаки руницы. Короче говоря, исхожу из призыва врачей НЕ НАВРЕДИ и вмешиваюсь в выводы уважаемых коллег лишь

там, где они сами показывают образцы непрофессионального подхода. Так что, помимо демонстрации новых направлений исследования, я стараюсь, насколько возможно, исправить некоторые, самые вопиющие ошибки. Историки тоже люди, и они могут ошибаться. Как и я. Так что если я сам, будучи увлеченным своей идеей, переступлю границы разумного, меня, как я уверен, поправят мои коллеги-историки. И такова любая наука — она не догма, а лишь руководство к действию.

И еще. Мне очень помогло то, что прежде чем браться за глубокое самостоятельное исследование надписей славянской руницей на славянских же изделиях Руси, я самым внимательным образом проанализировал эпиграфическое творчество моего предшественника, Г.С. Гриневича. Выше я уже писал о его заблуждениях; теперь я хочу обратить внимание на то, что отрицательный научный результат — это тоже результат, из которого я понял, чего мне ни в коем случае не следует делать, если не хочу провалить хорошее начинание. Прежде всего — я читаю надписи Руси, и именно русские, причем этническую атрибуцию делал не я, а сами археологи. И только после этого я могу вступать в полемику с эпиграфистами по поводу некоторых видов археологических памятников, например, по поводу монет, найденных на территории Руси и написанных славянской руницей, но почему-то читаемых либо с опорой на исландские руны, либо на буквы кириллицы. Гриневич же читал тексты самого экзотического происхождения, хотя поначалу — тоже надписи с территории Руси, но не только русские, а и балто-угорские, хазарские, готские. Именно поэтому его славянский силлабарий оказался довольно маленьким, но зато перегруженным совершенно посторонними знаками. А главное, этому силлабарию нельзя доверять. Далее, я стремлюсь получить не видимость прочитанного слова или словосочетания типа КАВЕДИЕ или ЛАТКА НЕ РЪВИ, НЕ ЧАРЕ И НЕ, а полноценное слово, увязанное с внешним видом или функцией археологического памятника, например, на подсвечнике читаю слово СВЕТИЛО, а на иконке, где Гриневич видел КАВЕДИЕ, — КАЕМСЯ. Тем самым я показываю, что написано не какое-то абстрактное и непонятное современному читателю слово, но слово родное, русское, славянское. Наконец, я стремлюсь не перескакивать с предмета на предмет в поисках все новых надписей, оставляя каждый тип начертаний в единственном бытовании и потому непроверяемым, как все оригинальное, а, напротив, читать целую серию однотипных руничных помет, чтобы понять, какие слова или части слов пишутся традиционно, а какие представляют собой новацию. Только тогда читатель может быть уверен, что я читаю не случайные царапины и не досужий домысел любителя причудливых начертаний, а вполне нормальный текст, который мог бы возникнуть в

голове и нашего современника. Иными словами, моя задача — не удивить читателя самой возможностью чтения или редким видом незнакомой графики, а довести до его сведения прямо противоположное чувство — ощущение повседневности и заурядности руничных текстов, проникших во все поры средневековой русской культуры. И если мой предшественник ждал, что его читатель станет почитателем и воскликнет: «*Ай да молодец Гриневич! Как лихо он прочитал средневековые надписи!*», то я жду прямо противоположной оценки: «*Ай да удальцы наши предки из средних веков! Как много и разнообразно они писали*!» И такая реакция читателя прозвучит в моих ушах как самая горячая благодарность за очень нелегкий труд по дешифровке пока еще никем в наши дни не прочитанной славянской письменности.

С другой стороны, я нигде не вмешиваюсь в вопросы хронологии, полагая, что они относятся к компетенции историков и археологов. В их арсенале есть соответствующие методы — стратиграфический, дендрологический, палеографический. Казалось бы, в рунице должна быть своя палеография, которая тоже могла бы помочь, выступая независимым методом датировки древних текстов. Теоретически да, однако пока такой метод до нужной разрешающей способности не разработан и в ближайшее время вряд ли может быть создан. Проблема состоит в том, что если рукописные кирилловские книги писались в строку в массовом порядке в монастырях, где существовали целые группы писцов, то, напротив, образцы текстов руницы пока что встречаются в единичном виде, представляют собой преимущественно лигатуры, и групповым творчеством здесь пока что не пахнет. А среди разрозненных находок слишком велик индивидуальный разброс. К тому же среди лигатур гораздо сложнее выявить стандарт, без которого невозможно понять отклонения. Поэтому самый больной вопрос для археологов, вопрос датировки, в данной книге совершенно не пересматривается. И здесь я ссылаюсь на то, что уже принято в современной науке.

Из этого, однако, не следует, что тексты, начертанные руницей, в принципе в будущем не могут привести к необходимости продатировать отдельные находки. Просто вопросы хронологии новый метод решает не в первую очередь. Первоочередные проблемы, которые он в состоянии решить, — это определить функциональное назначение многих вещевых археологических находок, а также их государственную и областную принадлежность, ибо чаще всего на изделиях писали руницей слова КИЕВ, РУСЬ или СМОЛЕНСК, ЛИТВА. Тем самым автоматически решался вопрос и об этнической принадлежности, ибо сло-

ва РУСЬ, БЕЛОРУСЬ, ЛИТВА означали не просто славянский этнос, но именно русских, тогда как слова МАКЕДОНСЬКА РУСЬ или РУСЬ СКЛАВИНОВ, а тем более СЛАВЯНСЬКА РУСЬ означали области Европы, занятые славянами. Так что руница интересна для археологии прежде всего тем, что огромное количество находок получает через нее этническую, государственную, а иногда и областную привязку, что позволяет говорить **о существовании в Средние века единой системы вещевой паспортизации.** В данной книге я не ставлю перед собой задачу раскрыть эту систему в полной мере, однако показываю на ряде изделий ее существование. Кроме того, опираясь на руницу, мне посчастливилось **обнаружить и элементы паспортизации людей** этой же эпохи, когда удается узнать не только имя и фамилию умершего тысячу лет назад человека, но иногда даже его род занятий и имя господина, которому он служил. Выяснилось также, что некоторые изделия специально предназначались для определенной категории людей, например, сумки для монахов, где на рамке для замка были написаны приятные для христианина слова о наличии у него веры. Так что руница позволяет пояснять ряд бытовых подробностей, которые до того было невозможно узнать никаким иным способом.

Методология науки утверждает, что создание нового метода исследования в зародыше несет в себе зачатки новой отрасли существующей дисциплины. Во всяком случае, такое в мировой эпиграфике уже случилось в XX веке, когда эпиграфисты вслед за Майклом Вентрисом начали читать критское линейное письмо Б, транслитерируя его латинскими (а не привычными греческими, хотя письмо передавало греческий язык) буквами. Поскольку это письмо бытовало в Древней Греции в минойский период, новую отрасль древнегреческой эпиграфики назвали миноистикой. Я полагаю, что нечто подобное произойдет и в результате чтения текстов на славянской рунице и надеюсь, что эта книга явится одним из краеугольных камней новой ветви славянской эпиграфики — **славянской рунистики.**

Главное, что мне хотелось бы показать в этой книге, — что письменным текстам наши предки в Средние века уделяли гораздо больше внимания, чем нам представлялось до сих пор. И привычным славянским знакам руницы они поверяли то, что выходило за рамки кириллицы. Прежде всего руны пронизывали сферу быта, делая его гораздо более сакральным, чем в наши дни. Люди не просто наносили коротенькие тексты с бытовыми названиями или пожеланиями на повседневные предметы — гребешки, пряслица, инструменты ремесла, изделия из кожи и т.д.; через эти знаки они поддерживали связь с древнейшей культурой славян, с верой в то, что руны оградят их от

злых духов, от несчастий и болезней. Даже когда натиск кириллицы усилился и слоговым способом стали изображать лишь отдельные слова или даже их фрагменты, — и тогда еще пуповина, соединявшая Древнюю Русь и Русь, входившую в Новое время, не порвалась. Все это прекрасно видно на приведенных в книге примерах. Далее, усиливающаяся княжеская власть предпочитала создавать свой символ, «княжеский знак», в виде монограммы из знаков руницы, хотя и сюда проникали уже буквы кириллицы. Однако именно присутствие сакральной письменности славян придавало монограммам князей необходимую устойчивость в общественном сознании. Сакрально-руничными были и таблички на кирпичах зданий, указывая, куда следует входить, куда выходить и какие комнаты или иные помещения находятся поблизости. Те же сакральные знаки-надписи ставились и на украшения — на долгую службу, для предохранения от несчастий. Разумеется, к помощи руничных знаков прибегали и ремесленники, и воины. Довольно неожиданным было обнаружение слоговых текстов руницы на гривнах и других денежных знаках. Короче говоря, руница окружала жизнь наших предков со всех сторон.

Разумеется, находя все новые и новые надписи и определяя их содержание, я не только занимаюсь исследованием вещей, но и создаю дополнительные доказательства по существованию руницы. Конечно, для тех, кто уже знаком с моими предыдущими работами, такой потребности нет. Однако те, кто знакомится с этим видом письма впервые, а также те, кого не убедили мои более ранние исследования, найдут тут для себя много интересного. Главное, что они откроют перед собой неизвестный прежде **мир руничных надписей**, убедятся в его небывалом разнообразии как по форме исполнения, так и по содержанию. И, прикоснувшись к этому чистому роднику исконной и сакральной славянской письменности, испытают чувство гордости за своих далеких предков, за их фантастически богатую духовную культуру и проникнутся идеей служения Родине, такой неисчерпаемой не только в настоящем, но и в ее относительно далеком прошлом.



НЕПРИВЫЧНЫЕ НАЧЕРТАНИЯ

ЯРЛЫКИ И ЗАБЫТЫЕ НАЗВАНИЯ ВЕЩЕЙ

Первый вопрос, который мне часто задают, таков: «*Вы читаете надписи необычным шрифтом. Конечно, это занимательно, как некий цирковой фокус. Но дает ли такое чтение что-либо новое? Какова научная ценность ваших результатов?*»

В этом разделе мы поговорим о названиях вещей, начертанных на самих вещах, или, в крайнем случае, о материалах, из которых они сделаны. На первый взгляд непонятно, зачем, скажем, на подсвечнике писать, что это — подсвечник, неужели и так не видно? Но разве в наши дни это не так? Разве на автобусе или железнодорожном локомотиве нет таблички, где как раз и написано, что это — автобус или локомотив, что он сделан в такой-то стране и таком-то городе. В наши дни любое изделие сопровождает бумажный ярлычок, на котором написано его название; в средние века многие названия писались на самих изделиях, и эта надпись как раз и выступала, говоря современными понятиями, в качестве ярлыка. Правда, в отличие от нынешнего, этот ярлык так и остался на вещи, и для историка это очень ценная находка: она позволяет узнать древнее название этого типа предмета.



Рис. 21. Надпись-ярлык на подсвечнике из Новгорода

Историю предметов домашнего обихода, насчитывающую около тысячи лет, я хотел бы совместить с историей собственных поисков, которой всего-то лет десять. Но она по-своему интересна, поскольку показывает, каким образом можно постепенно от самых простых надписей с очень понятными словами перейти к надписям трудно выделяемым и очень далеким от нынешнего звучания обозначений исследуемого предмета.

Подсвечник из Новгорода. Первым словом, которое я смог прочитать вполне самостоятельно, было название подсвечника из Новгорода. Это случилось в 1992 году. Вначале я приведу картинку (рис. 21) как фрагмент целой серии рисунков из московской газеты «Аль Кодс» за 1994 год[1], где я поместил свою самую первую статью о дешифровках, а потом расскажу о том, что за вещица попала в мое поле зрения, насколько легко было найти на ней надпись, и как эта надпись стала постепенно читаться и пониматься.

Естественно, что сразу ничего не получается, и для того, чтобы начать читать руницу, нужны были достаточно простые тексты. Они мне попадались, но никогда не было уверенности в том, что я читаю правильно. Вот если бы надпись совпала с назначением предмета, тогда другое дело: я бы понял, что нахожусь на верном пути и что чтение проходит как надо. И на примере новгородского подсвечника счастье мне улыбнулось — я нашел, что искал.

Вообще говоря, я давно имел пристрастие к приобретению археологической литературы, и когда начал интересоваться славянским слоговым письмом, решил пошарить у себя по сусекам и поискать какие-либо изображения с непонятными знаками. Но таких изображений долго не попадалось. Позже я понял, почему: археологи публикуют только то, что вполне понятно, а подпись под рисунком типа «*изображение найденного предмета с непонятными знаками*» весьма травмирует самого исследователя. Такое ему можно простить только тогда, когда речь идет о какой-то вновь открытой археологической культуре, где остается еще много загадочного; но когда публикуется изображение какого-нибудь бытового предмета средневековой Руси, вполне узнаваемого и знакомого, то говорить о «загадочных знаках» на нем — значит расписываться в некоторой профессиональной неполноценности.

Итак, листая юбилейный сборник, посвященный 50-летию раскопок в Новгороде, на с. 215, я наткнулся на фотографию деревянного подсвечника XIV века, обнаруженного в раскопе на улице Кирова (рис. 22). В тексте на с. 216 он даже не был упомянут, хотя названы предметы, чьи фотографии были размещены рядом, — три железных светца и «*интересный глиняный светильник*»[2]. Деревянный подсвечник, следовательно, никакого интереса не вызвал и прокомментирован не был.

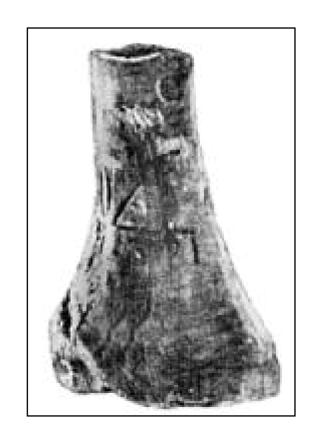


Рис. 22. Подсвечник из Новгорода

Сама фотография привлекла мое внимание тоже не сразу — темная, подсвечник был нарочно освещен с боков так, чтобы тень падала на центр изображения, на саму надпись. В наши дни компьютерная техника позволяет мне дать точную репродукцию этой фотографии. При этом я ее по возможности осветлил, чтобы хоть сколько-нибудь можно было видеть надпись.

Но все равно, надпись скорее угадывается, чем видится. Так что авторы статьи поступили мудро: и фотографию дали, чем избавились от возможных упреков в замалчивании находки, и ничего о ней не сообщили, чтобы не обсуждать наличие на ней нечитаемых знаков. Поэтому для моей первой статьи я перерисовал изображение от руки и от руки же нарисовал знаки.

Позже я уже применил сканирование, но, еще не вполне владея возможностями компьютера, внутри изображения как мог расчистил площадку от густой тени и от руки нанес надпись. Получилось четче, чем при рисовании на бумаге, но не совсем так, как мне хотелось бы видеть данный предмет, если бы фотография была нормальной (рис. 23).

На этот раз я написал в статье следующее: «*На рис. 5 изображены три светильника, то есть лампы, в которые вставлялся фитиль с глиняной основой, а в эти деревянные сосуды заливалось масло. На левом из них можно прочитать надпись СЬВЕТИЛО, то есть СВЕТИЛЬНИК, а на двух других — ЗАЛИТЬ и ЗАЛИТЬ МАСЛА. Заметим, что слоговые знаки тут часто соединяются вместе, образуя лигатуры, а внешний вид их довольно своеобразен, напоминая кресты, углы и прочие угловатые фигуры. Это — так называемый «колючий стиль» новгородского слогового письма*»[3].

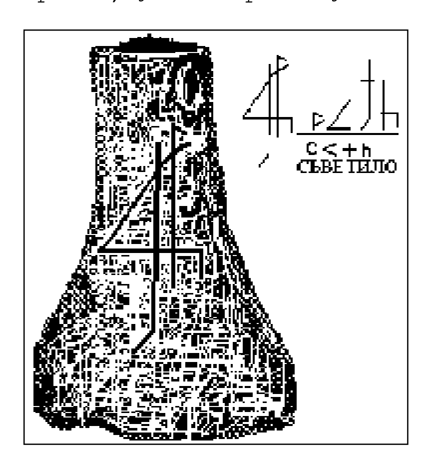


Рис. 23. Комбинированное изображение того же подсвечника

Конечно, я не писал о том, как я разложил эту лигатуру. На ней хорошо выделялся слоговой знак ВЕ; приглядевшись, можно было выделить и ЛО/ЛА, но на этом дело застопорилось. Даже когда стало понятным, что продолжением наверху является знак СЕ/СЬ, общий смысл улавливался с трудом, ибо всякого рода сочетания типа СЕВЕЛО, ВЕСЕЛО, ВЕЛОСЕ были бессмысленными. Лучше стало, когда я решил, что слоговой знак СЕ полезнее читать как СЬ, тогда появились

слова СЬВЕЛО, ВЕСЬЛО, ВЕЛОСЬ; однако, хотя слова СВЕЛО и ВЕСЛО являлись русскими, они не соответствовали характеру подсвечника. И лишь когда я догадался, что есть еще слог ТИ, то лучше всего подошло слово СТВЕЛО; после вставки в него вновь обнаруженного слога оно превратилось в СЬВЕТИЛО. Итак, я понял, что подсвечник назывался 6 веков назад СЬВЕТИЛО, а сейчас источники света мы называем СВЕТИЛЬНИКОМ. Правильность моего чтения подтверждалась характером бытового предмета; вместе с тем я получил удовольствие от того, что он назывался все-таки чуть иначе, чем сегодня. Я понял, что таким способом можно не просто убеждаться в правильности собственного чтения и тем самым преследовать цели самообучения, но и реконструировать названия, которые уже ушли из современного обихода, либо совсем, либо, как это было со СЬВЕТИЛОМ, несколько изменились.

Разумеется, дальше я опущу все эти проблемы с выявлением надписи на бытовом предмете, а оставлю только то, что относится к рассмотрению его сути — но на своей первой надписи я все-таки хотел показать читателю творческую кухню эпиграфиста. Дальнейшие две надписи я даю тоже в порядке их дешифровки, а далее дело было поставлено на поток, и последовательность чтения уже никакого значения не имела, поскольку теперь в истинности результата я уже был уверен.

Проколки. Этим словом археологи называют большие и толстые иголки, которые слишком велики, чтобы называться иглой или шилом. У человека со стороны может возникнуть представление, что это — древнее название соответствующих предметов. Руница дает редкую возможность проверить это предположение. В статье «О русском названии проколки» я прочитал лигатуру на инструменте из кости типа толстой иглы, изображение которого с надписью было помещено в статье археологов из Ярославской экспедиции[4] (рис. 24). В лигатуре явно виднелись «довески» справа вверху и внизу, которые и следовало отделить. Первый знак в виде буквы Х означал ЗА или ЖА, верхний маленький справа — ЛЕ, малый знак внизу — ВО. Я прочитал эту краткую надпись IX–XI вв. как **ЖАЛЕВО**, что означает *ПРОКОЛКА*, от слова ЖАЛИТЬ, то есть ПРОКАЛЫВАТЬ[5].

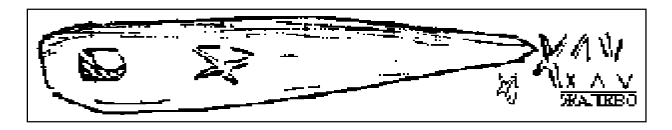


Рис. 24. Мое чтение надписи на проколке с Тимеревского поселения

Как видим, слово образовано не от глагола КОЛОТЬ, от которого с приставкой возникло слово ПРОКОЛКА или с озвончением слово ИГОЛКА (то есть УКОЛКА), и не от глагола ШИТЬ, дающего слово ШИЛО, а от глагола ЖАЛИТЬ, что значительно точнее. Так что у пчелы или осы природа создала ЖАЛО, а человек повторил его в своем изделии, которое он мудро назвал ЖАЛЕВО, то есть ЖАЛЬНОЕ, ЖАЛЯЩЕЕ. Хорошее, полезное слово, жаль (опять от глагола ЖАЛИТЬ), что его забыли. Полагаю, что ЖАЛЕВО — это общее название всех колющих предметов, как то: иголки, шила, вязальной спицы, пробойника и т.д. И именно в силу такого многогранного смысла оно обозначало раннее универсальное орудие. Слова для каждой разновидности жалева появились позже.

Я не предполагал, что когда-либо встречусь с этим словом снова, но пришлось. Правда, не среди предметов из Руси, а среди предметов из Польши.

Археологами Польши в городке Островок в Ополе был найден ряд изделий X–XIII вв. из коры (видимо, сосновой) и среди них — шило[5] (рис. 25). На нем можно было видеть точно такую же лигатуру, как и на иголке из Тимерева, только знаки ЛЕ и ВО соединились своими диагоналями, образовав прямую линию. Если бы я встретился с таким начертанием с самого начала, я вряд ли бы смог догадаться, как его разложить; более того, я мог бы предположить, как это сделал бы любой археолог, что передо мной — просто орнамент. Но мне повезло, что сначала я встретил более удобную для чтения лигатуру, и что это слово нашлось на изделии из Руси. Польское орудие я привлек только для подтверждения чтения, но не для анализа, который я провожу лишь для русских предметов. Так что теперь я знаю, что и шило, и иголка раньше назывались одним прекрасным славянским словом ЖАЛЕВО. Так было по меньшей мере с IX по XIII век, но, возможно, и дольше. И конечно же, такое название должно было существовать в первом тысячелетии н.э.

Браслеты. Следующее исследование посвящено славянскому названию браслета. Слово «браслет» — не русское, возможно, английское (глагол to brace — «связывать»; существительное bracelet — «брас-

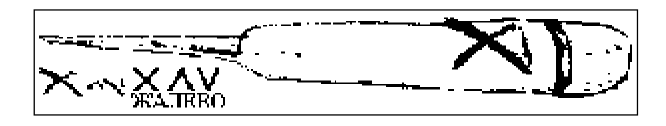


Рис. 25. Мое чтение надписи на шиле из города Островок-Ополе

лет, наручники»). Тем не менее на Руси в средние века этот предмет существовал, но имел иное название. Я попытался это название восстановить. Правда, к этому времени я уже научился читать надписи в самых разных видах, в том числе состоящие из «волосатых» или закрученных в узлы линий. Но, разумеется, пришлось немало повозиться. Зато получился интересный результат (рис. 26).

На браслете из Салтыковских курганов[7] я читаю: **МУЖЬСКИ РУЧИЦА РУНОВЫ**, что означает *МУЖСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ БРАСЛЕТЫ*[8] (под РУНАМИ понимались знаки славянской письменности, как буквенной, так и слоговой). На браслете из Белоруссии[9] — **ЖЕНОВИ РУЧИЦИ** (*ЖЕНСКИЕ БРАСЛЕТЫ*) [8]; надпись тоже представляет собой орнамент. Следовательно, слово РУЧИЦЫ как раз и означало БРАСЛЕТЫ. Но этими примерами дело не ограничилось.

В Рюриковом городище была найдена формочка[10] (рис. 27) для отливки трех изделий. На одном из них мы читаем **РУЧИЦЫ РУНОВЫ**, на другом **МУЖЕСЬКО (ручице)** и на третьем **РЯСЬНА**, что означает *РУНИЧЕСКИЕ БРАСЛЕТЫ*, *МУЖСКОЙ* (браслет) и *РЯСНА* (*ПОДВЕСКИ*) [11]. Слово РУЧИЦЕ вполне понятно, это то, что надевается на руку, в отличие от того, за что рука берется, то есть от РУЧКИ или РУКОЯТИ. Тоже интересное слово, и тоже весьма жаль, что оно вышло из употребления. Кроме того, оно задало свою словообразовательную модель: согласно ей, браслет на уровне плеча должен называться *ПЛЕЧИЦЕ, на ноге — *НОЖИЦЕ. А звездочкой я обозначил, как это принято в лингвистике, предполагаемые, но еще не найденные в текстах слова. Так что наши предки вполне обходились словами на славянской основе и не нуждались в заимствовании чужих слов в том же значении. Иными словами, язык был этнически самодостаточен. А вытеснение словом БРАСЛЕТ слова РУЧИЦА связан с международной деятельностью, с межэтническими контактами, со стремлением быть понятными другим народам.

Пряжка пояса. Слово ПРЯЖКА ассоциируется с УПРЯЖЬЮ; людей же никто не запрягал, и поэтому название данного металличес-

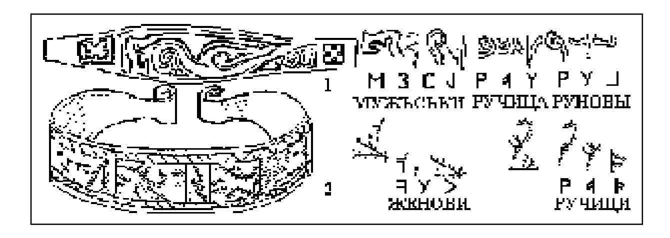


Рис. 26. Мое чтение надписей-орнаментов на браслетах

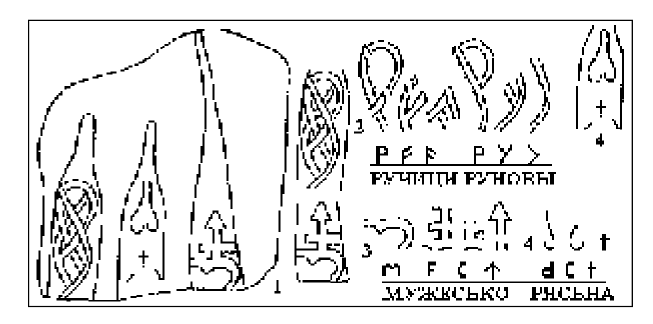


Рис. 27. Мое чтение надписей-узоров на формочке из Рюрикова городища

кого приспособления для застегивания пояса должно было в древности быть иным. Для проверки этого предположения были проанализированы две пряжки — XI в. из Новогрудка[12] и IX–X вв. из Михайловского могильника в Поволжье[13], позиции «а» и «б» соответственно. На них представлены одинаковые знаки, хотя в различном графическом оформлении (рис. 28). Я прочитал их **ЗАНОЗА** (на второй пряжке после нижнего знака пришлось снова вернуться к чтению верхнего), что, возможно, обозначало первоначально такую характерную деталь пряжки, как *ЯЗЫЧОК*[14].

Слово ЗАНОЗА, конечно, колоритнее и точнее, чем ЯЗЫЧОК, ибо ЗАНОЗА вонзается в кожу и держит намертво, тогда как ЯЗЫК способен только лизать ее. Слово ЗАНОЗА существует и сейчас, но означает острый предмет, чаще всего микроскопическую щепочку, проникающую глубоко под кожу; это, как правило, предмет естественного происхождения. В данном же случае мы имеем ЗАНОЗУ в качестве продукта человеческой деятельности. Более того, так, видимо, называлась пряжка не любого фасона, например, не в виде крючка и петельки, а только впивающаяся в кожу ремня. Так что данное средневековое слово не только понятнее, но и точнее нынешнего. Впрочем, при анализе украшений в соответствующей главе мы познакомимся и со средневековым словом, обозначающим пряжку.

Многообразие пломб. Как по-русски называлась пломба? Без этого гаранта сохранности изделия трудно вести складское хозяйство и заниматься торговлей. Слово «пломба» заимствовано, возможно, из латинского языка со значением «свинец», ибо свинец по-латыни звучит как PLUMBUM. Конечно, пломбы можно изготавливать из разных материалов (в наши дни появляются пломбы из пластмассы), но именно свинец с его сочетанием твердости и мягкости подходит для целей сохранности лучше всего. Ибо пока его не трогают, он сохраня-

ет свою форму и в дождь, и в град, и в морозы, и в пекло. Но стоит человеку приложить усилия, чтобы воспользоваться вещью (помимо желания владельца) — и он деформируется, что позже обнаруживает хозяин вещи.

В средние века торговля на Руси процветала, и археологи обнаружили массу пломб. В их статьях приводится несколько изображений образцов. Вообще говоря, эпиграфисты к началу XX века знали о большом количестве свинцовых пломб, вымытых течением реки у польского города Дрогичина. Дрогичинские пломбы многократно описывались и были приняты за эталонные. Но надписи на них с позиции кириллицы не читаются, часто они содержат всего одну букву, так что извлечь из них целое слово весьма сложно. Поэтому я был очень рад, когда нашел в археологической литературе описание пломб из Руси. Некоторые из них показались мне не только содержащими полноценный текст, но и к тому же были удобочитаемыми. Такими были, например, пломбы XVI века из Новгородской крепости Орешек[15] и пломбы XII–XIII вв. из Старой Рязани[16] (рис. 29). На первой из них надпись расположена поперек, а отдельные знаки вообще вверх ногами, так что порядок чтения, вообще говоря, идущий слева направо и сверху вниз, в ряде мест нарушался. Тем не менее знаки тут отделены друг от друга, что очень облегчает чтение, и мне удалось прочитать два слова, **ВОРЕШЕКА ВЬЖАТЕСЬ**, что я понял как *ОРЕШКА ВЖАТЕЦ*, то есть *ВЖАТЕЦ ГОРОДА ОРЕШКА*, ПЛОМБА ГОРОДА ОРЕШКА, в котором и было найдено данное изделие. Слово ОРЕШЕК написано как ВОРЕШЕК потому, что в рунице любые согласные обозначались просто одним штрихом, и при таком написании можно было гадать, с какой буквы начинается слово — это УРЕШЕК, ИРЕШЕК или ЕРЕШЕК. Поэтому, хотя написание ВОРЕШЕК хуже, чем ОРЕШЕК, оно все-таки однозначно определяет качество гласного звука, хотя и сообщает лишний согласный, которого в слове нет.

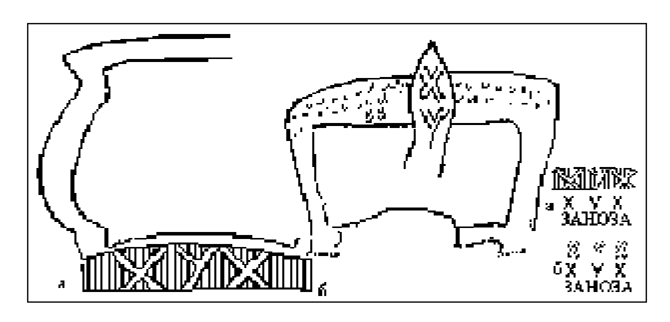


Рис. 28. Мое чтение надписи на пряжках

Заметим, что пломба называется ВЖАТЕЦ, то есть то, что вжато, вдавлено внутрь. Окончание СЬ вместо ЦЬ (а в те дни звук Ц был мягким, подобно современному украинскому) говорит за то, что тогда этот звук в городе Орешке могли произносить кратко, и из сочетания ТСЬ, которое мы обозначаем как ЦЬ, первый звук Т звучал слабо, а то и вовсе выпадал. Вот и писали СЬ вместо ЦЬ. Так что настоящим русским средневековым названием пломбы было все-таки ВЬЖАТЕЦЬ, или, в современном произношении, ВЖАТЕЦ, а не ВЖАТЕСЬ. Слово очень удачное, показывающее, что все знаки на пломбе были вдавлены внутрь, врезаны.

Ну, а если наоборот, знаки на пломбе приподняты над поверхностью, выдавлены вверх и рельефно выделяются? Словообразовательная модель подсказывает, что для такой пломбы должно существовать иное слово, *ВЫЖАТЕЦЬ. И действительно, такое слово мы находим на второй пломбе из Старой Рязани — ВЫЖАТЕ(Ц)[17]. Пломба на рисунке дана мною дважды: как она представлена в оригинале (а), и как следует ее развернуть для правильного чтения (б). Так что, хотя окончание слова на данном примере не дописано, я считаю, что мое предположение о существовании слова ВЫЖАТЕЦЬ подтвердилось и потому в его написании снимаю звездочку.

Читаю я надписи и на двух других пломбах XVI–XVII вв. из Запсковья[18] и XII в. из Вышгорода под Киевом[19] (рис. 30). Первая имеет чтение **ВЬЖЕТЪСЬ** (*ВЖАТЕЦЬ, ВДАВЛЕНЕЦ*). Но форма слова более новая, продвинутая, ибо серединка слова АТЕ сократилась в Пскове до ЕТ. Что же касается второй пломбы, то с ней пришлось повозиться довольно много, ибо все слова на ней начертаны в виде лигатур, имеющих вид или орнамента (на обороте пломбы), или одиноко стоящих букв.

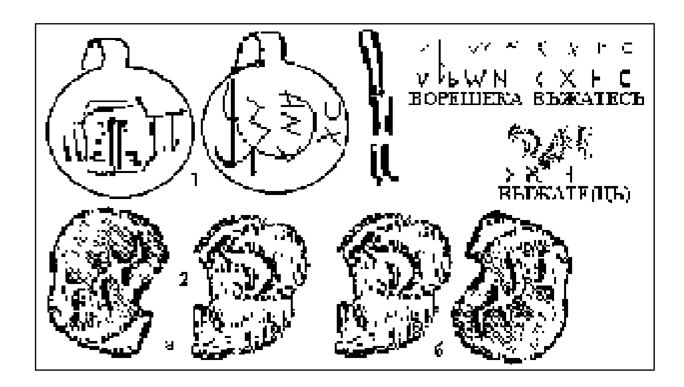


Рис. 29. Мое чтение надписей на пломбах Орешка и Старой Рязани

Все же на обороте можно было прочитать слово **ВЫЖАТЕСЬ** (*ВЫЖАТЕЦЬ*), а на лицевой стороне в предположении, что на пломбе дано зеркальное отражение, я прочитал два знака как слово **КЪЗЬМЫ** (*КОЗЬМЫ*), а лигатуру в кружке – как **ДЪМЪАНА** (*ДАМИАНА*; видимо, пломба принадлежала церкви этих святых) соответственно[20]. Отметим, что церковная пломба выглядит много богаче других, уже рассмотренных: на ней выдавлен портрет святого. Вероятно, этой пломбой запечатывали церковное имущество, а возможно – и вход в храм Козьмы и Дамиана.

По мере поисков изображений русских пломб в археологической литературе я понял, что их оказалось не так уж мало, и я решил здесь воспроизвести все, что смог обнаружить. Так, еще две пломбы выполнены с великолепным начертанием надписей (рис. 31). Первая из них была найдена в Новгороде и ошибочно принята М.В. Седовой за перстень[21], однако позже изображения этого «перстня» среди других ювелирных изделий не оказалось[22]. На изделии можно прочесть **ВЫЖЕТЕСЬ**[23] (*ВЫЖАТЕЦЬ*). Обратим внимание на то, что, как и в Пскове, вместо корня ЖАТ тут произошла его фонетическая подвижка в сторону произношения как ЖЕТ.

Другая пломба XIV–XV вв. была ошибочно принята за печать; она найдена опять в Пскове[24] и отличается чрезвычайной изобретательностью в составлении лигатуры, напоминающей какую-то экзотическую китайскую решетку. Надпись я читаю как **ВЬЖЕТЪСЬ** (*ВЖАТЕЦЬ*) [25]. Это новое чтение подтверждает предыдущее: в Псковской земле с ее особенным говором вместо ВЬЖАТЕЦЬ произносили ВЖЕТЕЦЬ. Я собираюсь привести рассмотрение целой серии пломб; их слишком

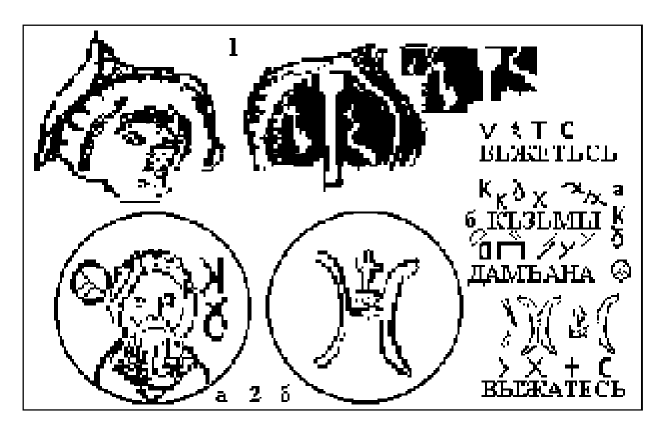


Рис. 30. Мое чтение надписей на пломбах Пскова и Вышгорода

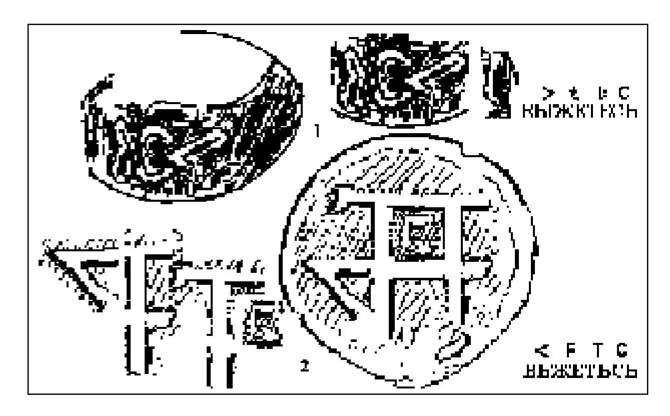


Рис. 31. Мое чтение надписей на пломбах Новгорода и Пскова

мало, чтобы писать о них целую главу, но достаточно, чтобы рассмотреть в данном разделе некоторые их варианты. Во всяком случае, по нескольким первым примерам ясно, что иногда пломбу можно принять либо за перстень, либо за печать.

Из двух следующих пломб (рис. 32) одна, XII–XIII вв., была найдена в Чернигове[26] и тоже ошибочно принята за печать; на ней можно прочитать два неполных слова, **ВЪЖАТЕ** (*ВЖАТЕЦ*), и **ЧЬРЬ** (видимо, начало слова **ЧЕРНИГОВЪ**, но, возможно, и слово **БЕЧАТА** (*ПЕЧАТЬ*)) [27]. На другой пломбе, найденной в Минске[28], где археологи подозревают наличие изображения святого, я читаю слова **ВЬ РУСЬ**, что, видимо, помечало нечто для перевозки из тогдашней Литвы в Русь.

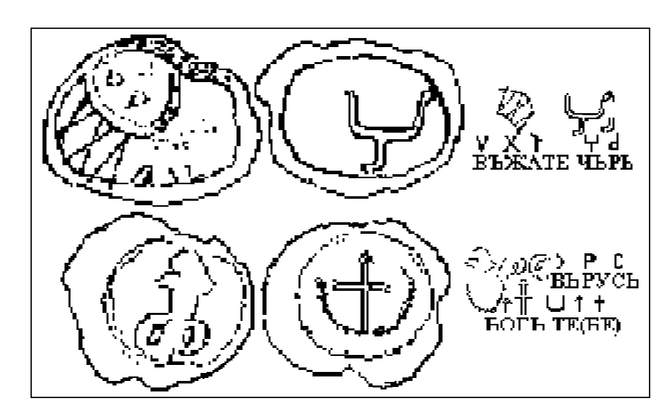


Рис. 32. Мое чтение надписей на пломбах Чернигова и Минска

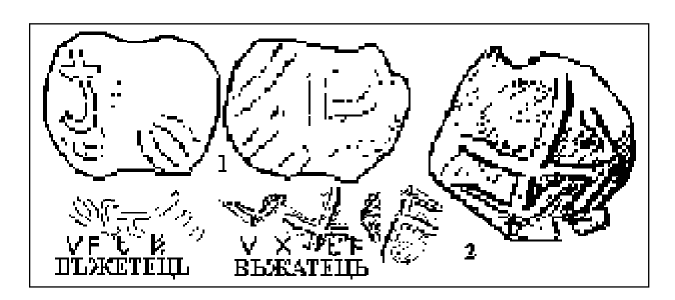


Рис. 33. Мое чтение надписей на пломбах из Ярополча и Мстиславля

На обороте я читаю слова **БОГЪ ТЕ(БЕ)** [29]. Увы, как мне кажется, последнее пожелание соответствует современному МИР ПРАХУ ТВОЕМУ! Иными словами, вероятно, пломба сопровождала то, что нынешние военные называют «грузом 200», то есть покойника. Заметим, что на этой пломбе нет слов ВЖАТЕЦЬ или ВЫЖАТЕЦЬ. Так что не все пломбы подписывались словом ВЖАТЕЦ/ВЫЖАТЕЦ.

Пломба XII века из Ярополча Залесского[30] содержит полную надпись, **ВЪЖЕТЕЦЬ**, как и красивая пломба XII–XIV вв. из древнего Мстиславля[31] (рис. 33) (в опубликованном раньше сообщении я прочитал ВЪЖАТЕ) [32]. Получается, что в Псковской земле произносили это слово так же, как и в Белоруссии и как в Ярославском княжестве. Возможно, что в данном случае мы имеем свидетельство о переносе ударения с корня на следующий слог.

Как видим, лица, оттискивающие на пломбе ее название, были весьма изобретательны: один и тот же узор или чередование знаков вряд ли повторялись дважды. Чередуется и орфография: ВЫЖАТЕЦЬ, ВЪЖАТЕЦЬ, ВЪЖЕТЕЦЬ, ВЪЖЕТЕСЬ и т.д. Это говорит за то, что специальных канонов начертания или устойчивой орфографии для всей Руси тогда не было, хотя в каждом регионе писали однотипно.

Удивительно, что существовали не только металлические (свинцовые), но и каменные пломбы. В качестве образца рассмотрим каменные пломбы Москвы[33] (рис. 34). Надписи на них все те же, одна неполная, **ВЪЖА**, другая полная, **ВЪЖАТЕСЬ**[34]. Разумеется, на камне гораздо проще вырезать углубления, чем, оставляя рельеф, срезать все прочее. Поэтому надпись ВЫЖАТЕЦЬ на каменных пломбах вряд ли можно найти.

Как видим, названия ВЫЖАТЕЦЬ и ВЖАТЕЦЬ оказались достаточно частыми, но во всех рассмотренных нами случаях на конце изображался знак СЬ вместо ЦЬ. Видимо, за долгую эволюцию этого слова

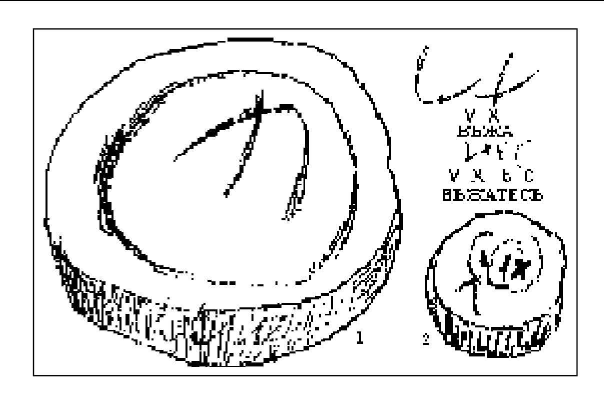


Рис. 34. Мое чтение надписей на каменных пломбах Москвы

ЦЬ стало произноситься как СЬ. Но и в этом виде оно мне нравится, и не потому, что свое лучше заимствованного, а потому, что оно точнее отражает суть пломбы – вдавленное или выпуклое изображение.

Пинцеты. В наши дни мы с удовольствием пользуемся стальными пинцетами с закругленными захватами, полагая, что они появились совсем недавно и были скорее всего заимствованы из Франции, поскольку слово ПИНЦЕТ заимствовано из французского языка, где оно пишется pincette. Это инструмент в виде щипчиков для захватывания мелких, скользких и хрупких предметов. Как же назывался этот инструмент прежде?

Ряд моих опубликованных в журналах и сборниках заметок посвящен старинным названиям некоторых предметов, которые можно прочитать на них, опираясь на слоговые чтения. Так, в заметке о средневековом русском названии пинцета приводятся два изображения этого вида зажимов: VIII–IX вв. из Белой Вежи[35], позиция «а» на рисунке, и XVII в. с северной окраины России[36], с острова Фаддея в Северном Ледовитом океане, позиция «б», и из Трубчевска Брянской области[37], позиция «в» (рис. 35).

Все три надписи читаются одинаково **ЖЬМЕЛО** и **ЖЬМЕ(ЛО)**, обозначая русское название этого вида ручного инструмента (*ПИНЦЕТ*) [38]. На первый взгляд слово выглядит диковато, но, вообще говоря, смысл его понятен. Исходным глаголом является ЖАТЬ, отсюда – производное существительное ЖИМ, так что предмет, которым можно что-то сжать, можно назвать ЖИМЕЛО или ЖЬМЕЛО. В современном русском языке с ним соотносится слово ЗАЖИМ. К сожалению, слово ЖМЕЛО тоже было вытеснено из русского языка его иностранным эквивалентом.

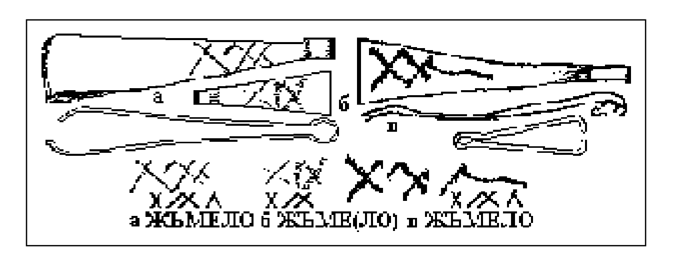


Рис. 35. Мое чтение надписей на пинцеты из Белой Вежи, с острова Фаддея и из Трубчевска

Крупные щипцы. Для них в России наших дней существует слово, тоже заимствованное из французского языка, — пассатижи. Но как они назывались прежде? Как можно видеть по одной из находок XI в. из Новогрудка[39] (рис. 36), такого вида ручной инструмент был известен в средние века, хотя сейчас мы этого названия не знаем.

Однако, прочитав его название на его корпусе в качестве слоговых знаков, я понял, что он метафорически назывался **ВОПИЛО**[40], и это можно понять как *ВОПЯЩУЮ МОРДУ* какого-то животного. На него пассатижи бывают похожи, когда открывают губы. Что ж, весьма образно и остроумно. Заметим, что ВОПИЛО — это не ЖМЕЛО. По смыслу оно соотносится со словом *КУСАЧКИ*, которое тоже означает морду животного, но *кусачего*. Если мое предположение верно, то очевидно, что нормальное положение кусачек закрытое, тогда как вопила — открытое. Собственно говоря, так и показано на рисунке.

Единственно, что несколько смущает, так это отсутствие подтверждения — надпись ВОПИЛО я встретил только в одном случае. Хотелось бы найти хотя бы еще одну.

Неужели бумеранг? Чего только не встретишь при рассмотрении средневековых славянских надписей! Однажды, когда я разглядывал иллюстрацию из одного болгарского источника, я удивился форме не-

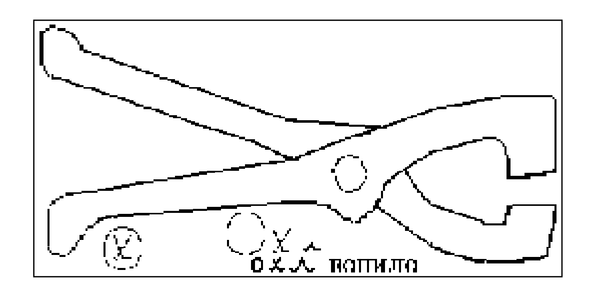


Рис. 36. Мое чтение надписи на пассатижах

кой костяной лопатки какого-то животного, покрытой в одном месте надписью. Это была удивительная находка из слоя X–XII вв. в болгарской крепости Перник[41] (рис. 37). На первый взгляд костяной предмет похож на австралийский бумеранг, с которым я его и сопоставляю. Однако, несмотря на внешнее сходство, необходимо уточнить название предмета, прочитав надпись.

Надпись начинается с большого знака КЪ, затем можно выделить пунктирный знак РУ, параллельные линии образуют ДИ, пересечение наклонной черты с окружностью есть ЛО. Так что чтение гласит **КЪРУДИЛО**, где Д есть озвонченный звук Т. Стало быть, предмет оказывается *КРУТИЛОМ*[42], что означает славянское название бумеранга.

На этом, однако, чтение данной надписи не кончается, ибо черточки и кружочки означают цифры, а кривизна линии ДИ означает, видимо, кривую траекторию полета снаряда. К сожалению, на рисунке показано, что вначале (если за начало считать острие треугольничка знака Р) полет идет по кривой, закругляющейся влево, но затем, видимо в связи с исчерпанием энергии вращения (лопатка животного обладает малой массой, зато большим сопротивлением воздуха), кривизна уменьшается и полет становится почти прямым, так что полного соответствия австралийскому бумерангу (более массивному, но менее согнутому, зато скрученному по оси, как пропеллер), как показано на рисунке, нет. Поэтому сказать, что перед нами славянский бумеранг, нельзя, ибо этот снаряд назад не возвращается. Но тем не менее это настоящее метательное орудие с вращением. Что же касается цифр, то штрихи означают единички, а кружочки — двойки. Скорее всего две единички означают 20, тогда как три кружочка — 6. Так что мы имеем величину 26. Вероятно, такова дальность полета — 26 единиц дальности. Полагаю, что это — двойных шагов, равных примерно 1,5 м. Тем самым дальность составляет примерно 39 м, почти 40 м, что вполне приемлемо для оружия.

Кстати, наличие помимо названия еще и описания основных свойств предмета вполне соответствует нашим представлениям об этикетке. Так

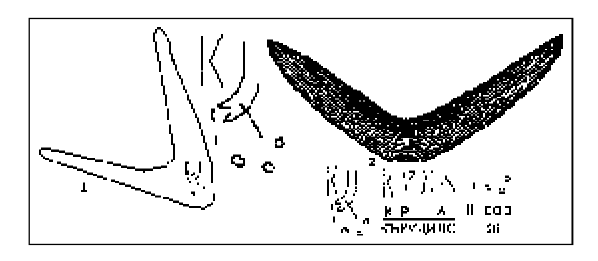


Рис. 37. Предмет из Перника, австралийский бумеранг, и мое чтение названия

что, если угодно, перед нами этикетка славянского почти-бумеранга, КРУДИЛА, позволяющая представить себе его боевые возможности. Честно говоря, прежде ни о чем подобном я не только не слышал, но даже представить себе не мог. И это — находка для истории культуры, позволяющая понять эволюцию предметов с вращением в полете, которая заканчивается появлением бумеранга. В данном случае мы видим предупреждение для пользователя о возможном искривлении траектории, чтобы метатель внес соответствующее упреждение. Опять приходится сожалеть, что данный пример всего лишь один.

Висящее оружие. Раз уж речь зашла об оружии, было бы интересно остановиться на таком не очень знакомом в наши дни холодном оружии ближнего боя, каким являлся кистень. Слово КИСТЕНЬ, вероятно, заимствовано из греческого, где kustiz означает ПУЗЫРЬ. Действительно, это оружие в виде чаще всего костяного шара или тела вращения, которое, видимо, было на ремнях подвешено к руке. Во время боя этим грузом на ремнях разили противника. Так что слово это — не русское. А как называли кистень на Руси в средние века, да и вообще славяне? Для этого надо прочитать надпись на нем, если такая найдется.

Интересные надписи мы видим на кистене из города Рославля (бывшего Ростиславля) Смоленской земли XIII века[43] (рис. 38). Сам кистень имеет форму плоского диска, и на обеих его сторонах нанесены разные знаки, причем слева в виде лигатуры, напоминающей человеческое лицо, а справа — россыпью. Знаки явно не кирилловские, и для прочтения гораздо предпочтительнее правое изображение. Его и начали читать раньше.

В 1991 году вторую сторону кистеня попытался прочитать Г.С. Гриневич так: ВЪСЕВОЛОЖЕВЪ[44] (рис. 39, слева). На первый взгляд, его чтение здесь вполне благополучно, ибо из 6 знаков все прочитаны. Между тем у меня имеются весьма серьезные претензии к его эпиграфическому подходу. Прежде всего, не прочитана лигатура из трех зна-

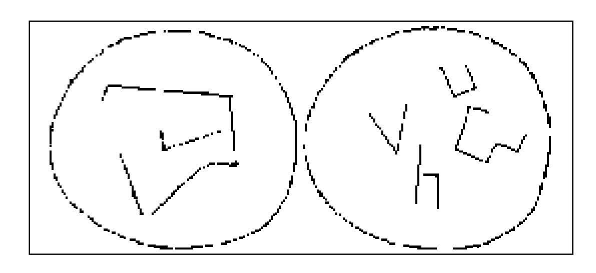


Рис. 38. Две стороны кистеня из Рославля

ков на одной стороне кистеня. На второй стороне также имеется лигатура из трех знаков, где прочитаны только два. Таким образом, из 9 знаков надписи прочитаны 5, но от себя добавлен и прочитан один лишний знак. Это заставляет меня считать, что надпись прочитана ровно наполовину. Вообще говоря, эпиграфисты не имеют права дописывать знаки от себя, поправляя якобы ошибавшегося автора надписи. Здесь я усматриваю не печальную необходимость, а пример недопустимой вольности в обращении с текстом памятника. Тем более что дописан знак, который имеет чтение СА (и только у Гриневича он читается как СЕ), и, следовательно, объективно, надпись должна быть прочитана как ВЪСАСЕВОЛОЖЕВЪ. Вместе с тем, несмотря на ошибки, основной смысл надписи Гриневич все же уловил.

Разумеется, я иду своим путем (рис. 39, справа). На самом деле первая лигатура (вид слева на рисунке) легко разлагается на знаки ВИ (в центре), СЕ и ЖЬ (слева и справа), образуя слово **ВИСЕЖЬ**, которую я понимаю как *ВИСЯЩИЙ ПРЕДМЕТ*. Прочитанная ранее Г.С. Гриневичем часть образует слово **ВЪСЕВОЛОЖЕВЬ**, где знаки, однако, читаются несколько в иной последовательности, чем это делал Гриневич; никаких вставных, придуманных эпиграфистом знаков тут нет. Так что полная надпись такова: **ВИСЕЖЬ ВЪСЕВОЛОЖЕВЬ** (*ВИСЯЧИЙ ПРЕДМЕТ ВСЕВОЛОДА*), с мягким конечным ВЬ, возникшим из-за иного расположения угловатого знака V. Слово ВИСЕЖЬ мне ранее никогда не встречалось. Вообще говоря, от глагола ВИСЕТЬ могут быть образованы русские слова разного типа — ВИСУЛЬКА, ВИСЮЛЬКА, ВИСЕЛКА, и они действительно звучат по-русски; слово ВИСЕЖЬ имеет некоторый польский призвук.

Позже археологи нашли и вторую весьма похожую надпись из Рославля[45] (рис. 40). Правда, теперь они атрибутировали это оружие как «навершие посоха», приняв отверстие для ремня за место для помещения самого посоха. Легко видеть небольшие отличия этого второго кистеня от первого. Надпись ВИСЕЖЬ теперь соединяется и в нижней части, так что лигатура становится похожей на княжескую корону; слоговой знак ЛО, уже имевший тенденцию к тому, чтобы стать княжеским знаком, теперь окончательно становится им. Так что для

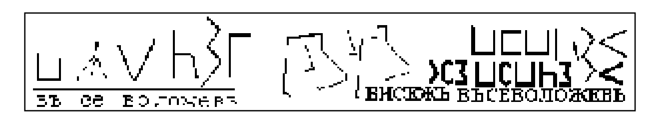


Рис. 39. Чтение Г.С. Гриневича (слева) и мое чтение (справа) надписи на кистене

первоначального чтения этот вариант надписи уже был бы слишком сложным. Странно, но Г.С. Гриневичу этот второй пример аналогичной надписи известен не был.

Надпись **ВЪСЕВОЛОЖЕВЬ** тут сохраняется; но добавляется княжеский знак, который имеет собственное чтение, **ВЪСЕВОЛОТЬ** в смысле *ВСЕВОЛОДЪ*. Кстати, это показывает, что писали так, как слышали. Данное чтение не только дополняет предыдущее, но и является его независимым обоснованием. Здесь мы еще раз убеждаемся в ненужности добавочного знака, появившегося в чтении Г.С. Гриневича, и в том, что не прочитанная им надпись действительно являлась монограммой, а не узором или рисунком. Итак, приходится согласиться с тем, что в средние века существовало слово ВИСЕЖЬ со смыслом ВИСЯЧИЙ ПРЕДМЕТ. Хотя оно и неблагозвучно, но его словообразовательная модель понятна: от глагола НОСИТЬ производное слово будет НОСЕЖЬ, от ВОЗИТЬ – ВОЗЕЖЬ, от ТАЩИТЬ – ТАЩЕЖЬ и т.д. В современном русском языке «работают» другие словообразовательные модели.

Предмет, переносимый в руке. Хотя я осознал принцип, я не предполагал, что мое словообразовательное предположение насчет НОСЕЖА может действительно сработать. Примером, подтверждающим мою гипотезу, оказалась надпись на костяной печати XVII века из Витебска (рис. 41), где кирилловская часть текста читалась первоиздателем ПЕЧАТА ПИРОГОВА, а середина не только не читалась, но и осталась вообще без внимания[46].

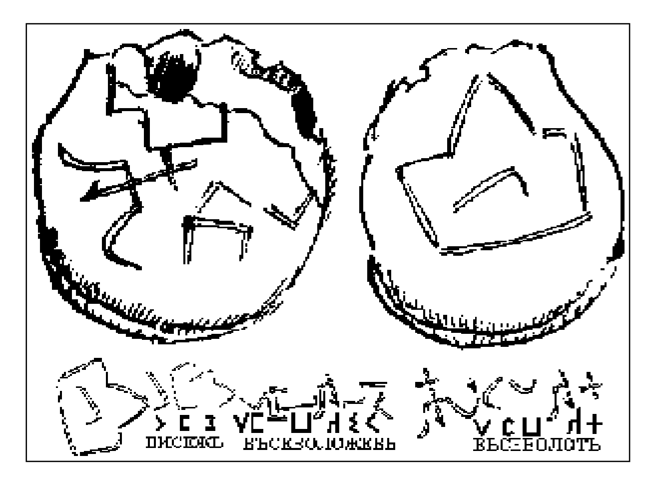


*Рис. **40**. Второй кистень из Рославля и мое чтение надписи на нем*

На мой взгляд, внешний край печати обрезан, так что срезанными оказались крыши букв П, Е, Т, К, В, что исказило вид даже кирилловской надписи. Я ее читаю иначе: **ПЕЧАТА КРОГОВА** (*КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ*), а две вертикальные палочки, принимавшиеся за П, отношу к числу 2 слоговой части надписи. Обращаю внимание на слово КРОГОВА вместо КРУГОВА: оно более архаическое. Это слово нам еще пригодится для анализа других надписей. Слоговая часть в центре читается **НЪСЕЖЬ КАТЬКИЙ 2** (*НОША КРУГЛАЯ ВТОРАЯ*). Иными словами, речь идет о переносной печати[47]. Вообще говоря, слово НОСЕЖЬ кажется довольно прозрачным и понятным, хотя его фонетическая форма и не слишком эстетична.

Другой пример встречи с этим словом представляет собой печать князя Ивана Семеновича Бабы из Друцка[48] (рис. 42), сына князя Семена Дмитриевича Друцкого (первая половина XV века). Как видим, данная надпись на два века древнее, и, видимо, поэтому читается легче. Здесь легенда означает **ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ИВАНА СЕМЕНО** (*ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ИВАНА СЕМЕНОВИЧА БАБЫ*), а средняя часть – **НЕСЕЖЬ КАТЬКИ(Й)** (*НОША КРУГЛАЯ*). Так что предыдущее чтение подтверждается, хотя внешний вид знаков руницы в лигатуре центральной части печати совсем иной. Возникает предположение, что данное словосочетание существовало прежде всего в Белоруссии. Среди различных посторонних знаков центральной части можно встретить и смешанное начертание слова **ПЪЧАТЬ** – *ПЕЧАТЬ*.



Рис. 41. Мое чтение надписей на печати из Витебска



Рис. 42. Мое чтение надписей на печати Ивана Семеновича Бабы

Третий пример я взял не из печатей; в качестве переносной вещи использовалась костяная походная солонка из городища в урочище Паляновщина у села Жовнина, найденная недалеко от города Воиня в слое X–XI вв.[49] (рис. 43). Я читаю надпись **СОЛЬ. НЬСИЖЬ**, что означает *СОЛЬ, НОСИЖЬ* (*СОЛЬ, ПЕРЕНОСНОЙ ПРЕДМЕТ*). Правда, чтение этого текста не очень надежно в силу обилия пересечений на лигатуре. Однако, если все же признать правомерность и этого чтения, то можно прийти к выводу, что словами НЕСЕЖЬ, НОСЕЖЬ или НОСИЖЬ обозначался предмет, переносимый в руках или подвешенный на шею. Короче говоря, так называли походный вариант некого известного стационарного предмета, в случае печати — переносной кругляш.

Орудие письма. На Руси широко применялись металлические орудия для процарапывания по бересте, известные по другим странам начиная с античности под именем СТИЛЬ. Было интересно узнать, обладали ли и отечественные предметы соответствующими названиями. Для этого были проанализированы формы двух стилей, из Галича[50] и

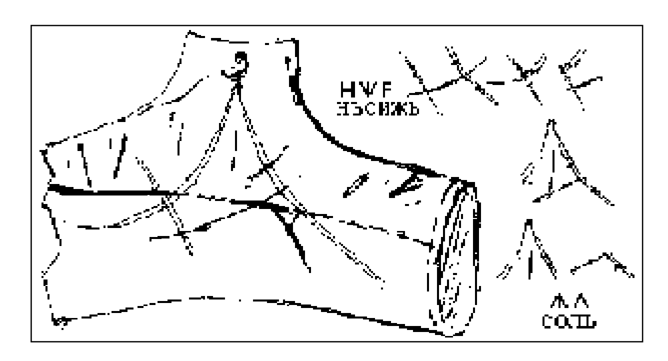


Рис. 43. Мое чтение надписи переносной солонке

из Звенигорода на Бельце[51] (рис. 44), на рисунке позиции «а» и «б» соответственно. Из формы их тупых концов вполне можно составить слоговую надпись.

Я читаю ее СТИЛЬ[52]. Иными словами, южная Русь использовала то же слово, что и другие страны, восходящее к латинскому слову stylos для обозначения стерженька для письма. Что же касается других аналогичных стержней, то название у них другое, которое мы сейчас и определим. Так, на стиле XI–XIII вв. из Ижеславля под Рязанью[53] в смешанной надписи (первый знак слоговой, второй кирилловский) ясно читается слово **РЕЦЬ**, что можно считать «цокающим» вариантом слова *РЕЧЬ*. То же слово, но начертанное верно, **РЕЧЬ**, мы читаем на чисто слоговой надписи на стиле XI в. из Новогрудка[54]. Так что собственное название металлического предмета для письма на севере Руси было РЕЧЬ. По смыслу это очень близко к латинскому слову, которое обозначает и инструмент для письма, и возвышенный или низкий уровень речи. По-русски, выходит, этот инструмент являлся синонимом речи вообще, символизируя, разумеется, ее письменный вариант. Это слово в таком значении ныне не употребляется.

Название письменных знаков. Естественно, что большой интерес представляло название славянских слоговых знаков и в несколько меньшей степени — название букв в средние века. Дело в том, что название БУКВА не является славянским. Филологи полагают, что оно заимствовано из германских языков вместе со словом БУК, обозначающим породу дерева, на дощечках из которого и вырезались первые германские и славянские книги.

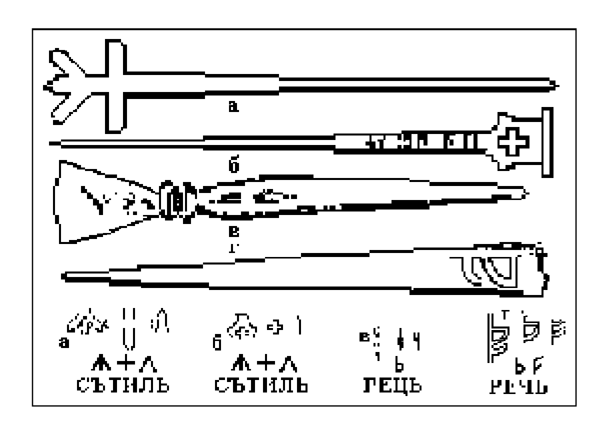


Рис. 44. Русские орудия для письма и мое чтение надписей на них

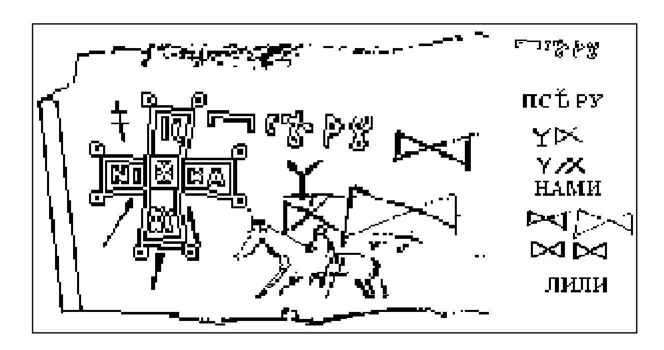


Рис. 45. Фрагмент надписи из с. Крива-река и мое ее чтение

Этой проблеме я посвятил небольшую статью, в которой перечислил в соответствии иллюстрации и надписи. В частности, приводилась надпись, принятая Павлиной Петровой за знак шамана[55] (рис. 45), которая, однако, читается как **ПСѢ РУНАМИ ЛИЛИ**, что означает *ПИСАЛА ПИСЬМЕННЫМИ ЗНАКАМИ ЛИЛИЯ*, где ЛИЛИЯ или ЛИЛИ – болгарское популярное женское имя[56]. Как видим, надпись тут смешанная, и это не смущает Лилию как автора надписи всё – и знаки руницы, и буквы кириллицы – назвать *РУНАМИ*. И если уж речь зашла о болгарских надписях, то, хотя я в ту статью и не включил, могу привести этот пример здесь – надпись Ивановской стенописи, где изображен крест и оставлен автограф писца[57] (рис. 46). Этот фрагмент справа я читаю **ПИСАЛ РУНА ГЕОРГИ** (*ПИСАЛ ПИСЬМЕННЫМИ ЗНАКАМИ ГЕОРГИЙ*). И здесь слово РУНА написано слоговым способом, а весь оставшийся фрагмент – буквами кириллицы, и так же все это – РУНА как письменный знак, что и подтверждает мое предположение.

Есть, разумеется, надписи и Руси, где любопытный пример – это надпись на пряслице из Старой Рязани[58] (рис. 47); тут можно прочи-

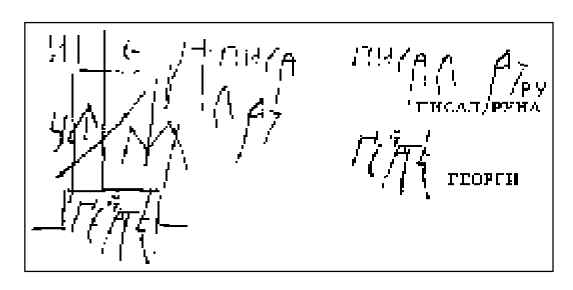


Рис. 46. Ивановская стенопись и мое чтение фрагмента надписи

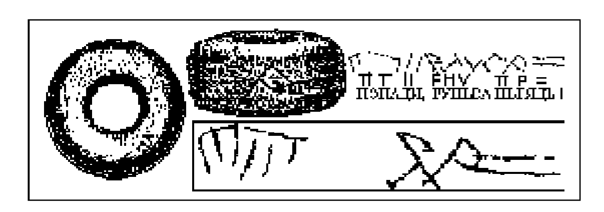


Рис. 47. Мое чтение надписи на пряслице из Старой Рязани

тать **ПОПАДИ, РУНЪВА ПЪРЯДЬ** (*ПОПАДИ, РУНОВА ПРЯДЬ*). Мне кажется, что ее смысл состоит в пожелании пряхи, чтобы нитка попала на веретено, а не мимо него; ибо нитка настолько перекручивается при сучении, что ложится узлами, напоминающими *РУНЫ*[59].

Если под РУНОВОЙ ПРЯДЬЮ понимается нитка, принимающая любые узоры, то РУНЫ — это знаки любой природы, включая узелковые. Так что данный текст косвенно включает в руны и узелковые знаки.

Еще интереснее надпись на формочке для отливки височного кольца XII–XIII вв. из древнерусского города Серенска[60] (рис. 48), где слово РУНА дано в виде краткого прилагательного РУНОВЫ.

В центре показан общий вид формочки, а затем крупным планом — интересующий нас фрагмент надписи. На этом изображении, зеркальном по отношению к орнаменту на формочке, можно прочитать текст: **РУСЬ. РУНОВЫ ЖЕСТКИ** (*РУСЬ. РУНИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ*)[61]. Какого рода эти изделия, мы уточним позже, но пока видим, что, поскольку они начертаны знаками руницы, они РУНОВЫ, то есть содержат *ПИСЬМЕННЫЕ ЗНАКИ*.

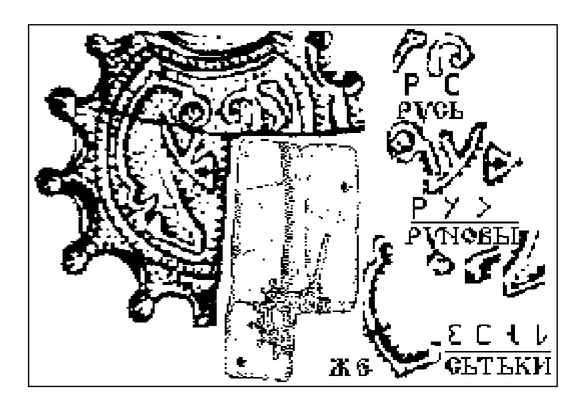


Рис. 48. Мое чтение узора на формочке для отливки сережек из Серенска

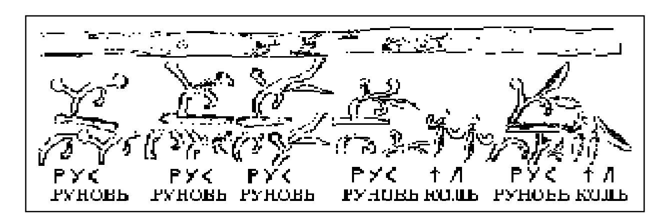


Рис. 49. Мое чтение знаков на можжевеловой палке из Новгорода

Еще одним текстом, называющим слоговые знаки рунами, является надпись-орнамент на можжевеловой палке XI–XII вв. из Новгорода, которую сочли за знаки собственности на эталоне меры длины, русского локтя[62] (рис. 49). С моей точки зрения, каждый узор в виде веточек с листьями есть лигатура из слоговых знаков; тем самым все 5 надписей на стержне читаются: 3 раза **РУНОВЬ** и 2 – **РУНОВЬ КОЛЪ** (*КОЛ, ПОКРЫТЫЙ РУНАМИ*). Скорее всего перед нами – некий магический жезл[63]. Здесь тоже имеются лишь знаки руницы, поэтому и кол – РУНОВ. Так что прилагательным от слова РУНЫ на всех примерах выступает слово РУНОВА, а не РУНИЧЕСКАЯ. Вероятно, данное прилагательное имеет смысл сохранить и в современном языке для характеристики руницы как РУНОВОЙ или РУНИЧНОЙ письменности. А слово РУНИЧЕСКАЯ оставить за характеристикой германских или тюркских рун.

Следующий пример касается надписи, принимаемой за средневековую хазарскую, на стене пещеры в комплексе «Каменная могила» (в 18 км под Мелитополем, на берегу р. Молочной, у Азовского моря). На стенах различных залов, а также на одиночных камнях находятся «руны» (слоговые надписи), которые кто-то хочет собрать воедино[64]. Я читаю надпись **ЛОЖИ У КАМОРА РУНА**, то есть *СЛОЖИ В КАМЕРЫ РУНИЧЕСКИЕ КАМНИ*[65] (рис. 50). Под последними понимаются камни, покрытые знаками руницы.

Конечно, перечисленными примерами использования слова РУНЫ применительно к славянским слоговым знакам дело не ограничивается; можно вспомнить, например, рисунок, содержащий надпись

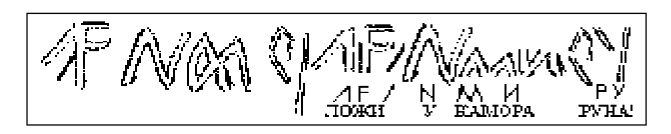


Рис. 50. Мое чтение надписи на стенах пещеры из Каменной Могилы

МУЖЬСКИ РУЧИЦА **РУНОВЫ**. Есть и другие надписи, подтверждающие высказанную мною точку зрения.

В результате я пришел в своей статье к такому выводу: «...*все знаки как в древности, так и в средние века назывались у германцев и славян РУНАМИ независимо от того, были ли они алфавитными или слоговыми. А это означает, что в древности и в средние века использовались магические свойства рун, для чего их и наносили на различные предметы; позже стали особо подчеркивать рунический характер надписей, что мы и видим в названиях рунических сережек или рунического кола. Так что часть представленных здесь предметов является не только памятниками слогового письма, но и примером магических орудий*»[66]. Этот вывод я подтверждаю и сейчас. **РУНА — это знак любой системы письма, обладающий магическими свойствами и потому желанный на любых бытовых предметах.** Так понимали это слово на Руси в средние века.

Название книги. Итак, в домонгольской Руси не было ни слова «буква» (черноризец Храбр употреблял в этом смысле слово «письмена»), ни слова «книга». Вместо слова «знак руницы» и часто вместо слова «письмо» (в смысле буквы) употребляли слово РУНА. А какое слово замещало современное название «книга»?

На этот вопрос у меня долго не было ответа, пока я не нашел одну болгарскую надпись из района Мадара в Болгарии, начертанную у входа в пещеру[67] (рис. 51).

На рисунке вновь видны знаки, но не праболгарские (то есть не тюркские руны), а знаки кириллицы и славянского слогового письма. Чтение слева направо начинается с верхней части ромба, ЛИ; затем читается знак в виде двойного треугольника, ЛИ (два таких разных

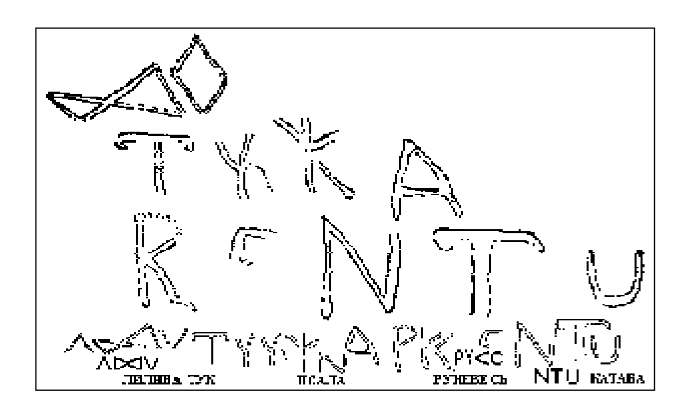


Рис. 51. Надпись у входа в Мадарскую пещеру

знака означают одно и то же, как в кириллице Д и D); наконец, низ ромба – ВА. Получается **ЛИЛИВА**, то есть ЛИЛИЯ в несовершенной слоговой записи. Затем идет кирилловский текст с лигатурами, **ТУК ПСАЛА**, то есть ТУТ (по-болгарски – ТУК) ПИСАЛА. Нижняя строка содержит слоговую лигатуру РУНЕВЕ, то есть РУНЫ; а затем предлог **СЬ**, то есть С и в слоговой записи слово **КАТАБА**, что в свете сказанного можно понять либо как иное арабское название КНИГИ (КНИГА по-арабски называется КИТАБ), либо некого письменного источника ТИПА КНИГИ, например, СВИТКА. Получаем надпись: *ЛИЛИЯ ТУТ ПИСАЛА РУНЫ С КНИГИ*. Так что в данном случае мы видим надпись девочки, овладевшей грамотой (что в условиях средневековья было, видимо, большой роскошью, доступной лишь немногим лицам женского пола), – она весела от того, что умеет писать и буквами кириллицы, и слоговыми знаками, которые она списывает с какого-то письменного текста.

Замечу попутно, что если Лилия могла писать РУНЫ (то есть славянские слоговые знаки) С КНИГИ, стало быть, КНИГИ у славян БЫЛИ. А между тем черноризец Храбр упрекал славян за отсутствие книг. Другое дело, что они назывались КАТАБЫ (а не КНИГИ), но это уже детали. И почему мы должны верить монаху Храбру, презиравшему язычников (*поганых суще*) со всей их поганьской культурой, и не верить болгарской девушке Лилии, писавшей в ту же пору руны с китаба? Таким образом, у славян было нечто, что по-арабски называлось «книга» (или нечто «писанное»). Так что перед нами не просто надпись, а весьма интересная славянская зарисовка, показывающая, что в средние века писать могли даже женщины. Кстати, имя девушки – Лилия, и это имя до сих пор весьма популярно среди славянок Болгарии – это ведь не Лейла! Так что и в данной надписи нет ничего тюркоболгарского.

Правда, эта тема до конца не исчерпана, ибо болгары имели гораздо более тесные контакты с арабами, чем Русь. А вот какое славянское слово ходило в то же время на Руси для обозначения книги, и существовало ли оно, пока не знаю. Ибо, как отмечает Макс Фасмер, «*Праславянское *kъniga, судя по «книгочей», нужно возводить... к китайскому kьen, свиток*»[68], так что слово КНИГА – заимствованное. Но это – направление дальнейших поисков.

Ювелирные изделия. Нам уже встретилось слово ЖЕСТКИ в словосочетании РУНОВЫ ЖЕСТКИ на формочке для отливки колта, височной подвески в качестве женского украшения. Казалось бы, название женских подвесок сугубо славянское; тем не менее слоговые надписи на соответствующих ювелирных изделиях приводят к иным

выводам. Поэтому рассмотрим весьма интересную «сережку», возможно, принадлежавшую Марии Палеолог. О ней написала статью Блага Алексова, найдя ее в Djurište[69] (рис. 52). Сережку изобразили развернутой. На ней много надписей; в каждом картуше находится какое-то изображение. В одном из них это двуглавый орел, символ Византии. В другом помещена большая буква М и греческие буквы ПАЛЕ; впрочем, сам картуш можно прочитать как О, что дает слово **М. ПАЛЕО-(ЛОГ)**. Возможно, сережка действительно принадлежала Марии Палеолог.

Но нас волнует другое: надписи-узоры, выполненные славянским слоговым письмом. На верхней кромке, обратно (вверх «ногами»), написано **ВИСЬЛОВА ЖЕСЬТЬ**, то самое слово, которое нас интересует. Возможно, что его можно понять как *ВИСЯЧАЯ СЕРЕЖКА*. Посредине, совпадая по ориентации с буквой М, написан текст **РУСЬ МОРАВЬСЬКА**, что означает МОРАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО (место изготовления сережки), а последний текст, изображенный опрокинуто по отношению к головам орла, я читаю **ВОЧЕЛЬЕ ЦАРЬСЬКОМЬ**. Итак, перед нами *ВИСЯЧАЯ СЕРЕЖКА В ЦАРСКОМ ОЧЕЛЬЕ*, изготовленная в *МОРАВСКОМ КНЯЖЕСТВЕ*[70].

Словосочетание ВИСЯЧАЯ СЕРЕЖКА выглядит странным (а какой еще может быть сережка?); сережка может быть УКРАШЕНИЕМ, и тогда сочетание слов ВИСЬЛОВА ЖЕСТЬ может быть понято как *ВИСЯЧЕЕ УКРАШЕНИЕ*. Но в таком случае слово ЖЕСЬТЪКА может быть понято как УКРАШЕНЬИЦЕ.

Еще одну надпись можно видеть на литейной формочке из Пскова[71] (рис. 53), где помещалась отливка створчатого браслета. Повернув изображение надписи зеркально и показав ее в крупном виде, я читаю: **РУСЬ, ЖЕСЬТЬКИ**, что означает *РУСЬ, УКРАШЕНЬИЦА*. Слоговой знак ТЬ отсутствует, но вместо него поставлен апостроф.

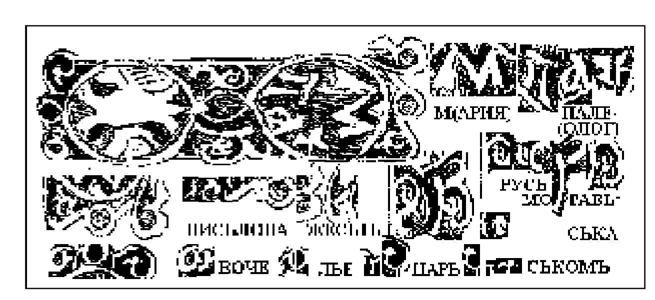


Рис. 52. Сережка из Дюрište и мое чтение с надписей

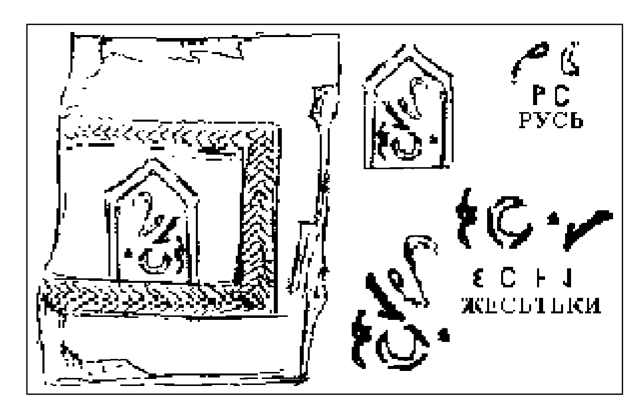


Рис. 53. Мое чтение надписи на формочке из Пскова

На перстне XVI—XVII вв. из полярных областей России[72] (рис. 54) можно прочитать слово **ЖЕСЬТЬ**, то есть ЖЕСТЬ, в разных вариантах. Смысл — *ЮВЕЛИРНОЕ ИЗДЕЛИЕ, УКРАШЕНИЕ*.

Вообще говоря, слово ЖЕСТЬ означает, согласно Максу Фасмеру, заимствованное из тюркских или монгольских языков слово со значением «медь» или «бронза»[73]. Видимо, позже оно получило значение МЕТАЛЛ ВООБЩЕ, а еще позже — МЕТАЛЛ С УКРАШЕНИЕМ, что мы и видим на рассмотренных примерах.

Солонка. Интересны надписи и на деревянных сосудиках (рис. 55). Так, в Польше, в Гданьске, был найден сосудик[74]; надпись на нем я читаю **ЩЕПОТЬ**. Это непонятно, ибо под щепотью обычно понимается небольшое количество сыпучего материала (соли, сахара), которое можно удержать тремя пальцами руки. Однако в данном случае, видимо, речь идет о названии самого сосуда, который я считаю солонкой. Неужели сосуд называется ЩЕПОТЬЮ? Однако, аналогичную надпись нахожу

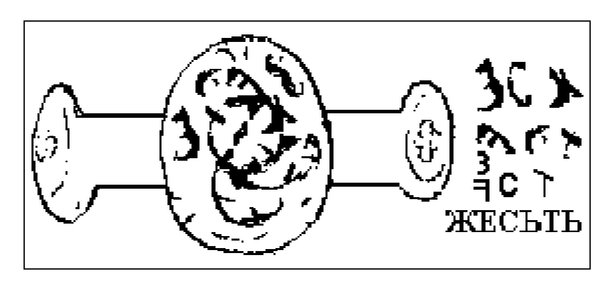


Рис. 54. Мое чтение надписи на перстне из полярных областей

и на сосудике из Новгорода[75], которую читаю **ЩЕПОТЬ ИВА(НА)** [76]. В таком случае сомнения должны отпасть: солонка, а также любой иной сосудик для сыпучих тел назывался прежде ЩЕПОТЬЮ. И это понятно: очевидно, сосудик изготавливался из ЩЕПЫ, которая отличалась гигроскопичностью, то есть повышенным поглощением влаги, чтобы содержимое не было влажным. Возможно, что и сосуд первоначально назывался *ЩЕПОТА, что потом перешло в ЩЕПОТЬ. А затем под ЩЕПОТЬЮ стали понимать сложенные вместе три пальца.

Сосуд с горлом средней ширины. Здесь речь пойдет о глиняной амфоре не вполне обычной формы. Как известно, в древности широко использовались узкогорлые крупные сосуды для хранения жидкостей — амфоры, а также более широкогорлые емкости, в которых хранили зерно — пифосы. Существовали они и в средневековой Руси. При этом название «амфоры» в русской средневековой литературе отсутствует, возможно потому, что это слово начинается с буквы «а», которую русские в начале слова очень не любят. Поэтому меня заинтересовали древние крупные сосуды на Руси.

Прежде всего мне захотелось понять различие во внешнем виде между амфорой и пифосом. В качестве примера последнего я рассмотрел фотографию реконструированного сосуда XI–XIII вв., найденного М.К. Каргером в Киеве[77], с надписью, которую я прочитал **ЗЕРЬНЬ СЬ ЛЕТА** (ЗЕРНА С ЛЕТА) [78] (рис. 56).

Как видим, наиболее широкая часть сосуда находится наверху, ручки по отношению к горлу малы и широко расставлены, а само горло широкое и очень низкое. В сосуде исследователь обнаружил остатки зерна. С другой стороны, существуют два вида амфор X–XIII вв., показанные на рисунке справа от пифоса, которые различаются тем, что

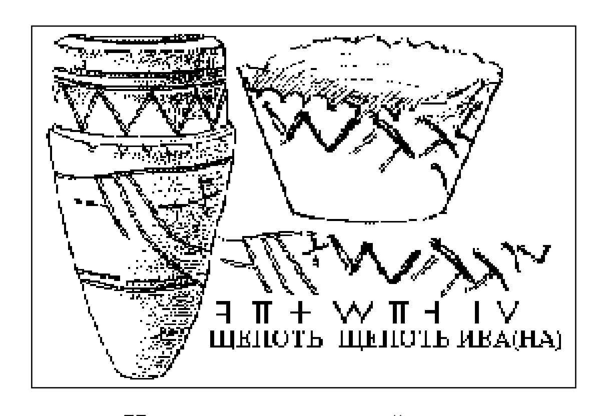


Рис. 55. Мое чтение надписей на солонках

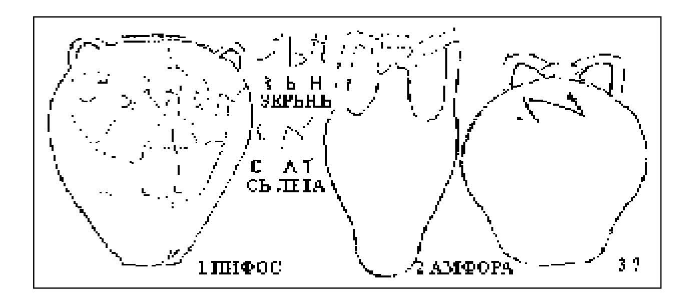


Рис. 56. Мое чтение надписи на пифосе

у той, что слева (классический греческий тип) [79], ручки и горло высокие, а сосуд вытянут по вертикали, тогда как у самой правой[80] ручки и горло среднего размера и расставлены на средней ширине. На этой амфоре помещен знак N, и археолог Л.А. Голубева приводит слова С.А. Высоцкого о том, что этот знак означал емкость в 50 л[80]. Откуда такие данные взял сам С.А. Высоцкий, мне проследить не удалось. Но я особо обращаю внимание на то, что данный знак имеет совершенно иное значение, так что здесь мы сталкиваемся с фантазией эпиграфистов.

В амфорах второго типа с древних времен хранили вино (рис. 57). Так, на горлышке амфоры черняховского времени (III в. н.э.) из поселения Ломоватое[81] я смог прочитать надпись красной краской (мысленно устранив подтеки) слоговыми знаками **ВИНО ВЫЛЕЖА(ЛО)** (*ВИНО ВЫДЕРЖАННОЕ*). Иными словами, в амфоре действительно хранилось вино, хотя названия сосуда из этой надписи определить нельзя. В более позднее время назначение сосуда осталось прежним, только надписи выполнялись кириллицей. Тут уже русское название амфоры определить можно, как это видно по реконструкции знаков киевского сосуда XI века, гласящих (чтение Б.А. Рыбакова) **БЛАГОДАТНЕША ПЛОНА КОРЧАГА СИЯ**[82], что, как я полагаю, означает

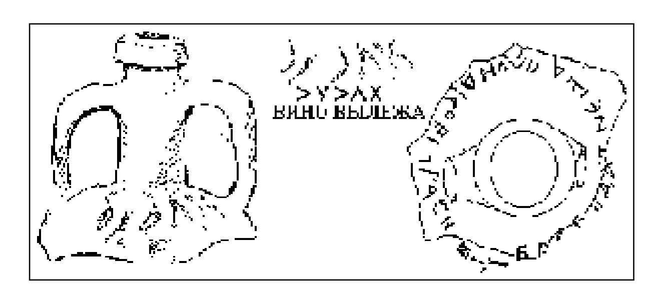


Рис. 57. Амфоры и моя дешифровка надписи на одной из них

ВИНА БЛАГОДАТНЕЙШЕГО ПОЛНА ЭТА КОРЧАГА (на мой взгляд, Б.А. Рыбаковым пропущено ключевое слово ВИНА, вместо которого он поместил неуместный в данном случае крест). Тем самым данный вид амфор назывался КОРЧАГА.

Сосуды промежуточного типа между амфорами и пифосами, насколько мне удалось проследить, обычно содержали знак N, но не имели специального обозначения, тогда как АМФОРА по-русски называлась КОРЧАГА. Получается, что сосуд третьего вида вроде бы не имел никакого названия. Вот это я и решил понять, проследив знак N. Ведь он мог оказаться не только буквой латинского, греческого или кирилловского алфавита, но и знаком руницы со значением КА.

Подсказка пришла с неожиданной стороны. Сосуды с надписью N известны с античного времени; поздней античности на Руси соответствовала черняховская культура. Вот там мне и попалось изображение не просто с буквой N, а с целым выражением NH[83], которое можно прочитать как **КАНЪ**. Однако, рядом с NH изображена буква А, но в лежачем положении. Она означает, что читать надо не КАНЪ, а **КАНА** (на рисунке надпись изображена справа от сосуда позиции 1). Если бы надпись была греческой, то надобность в лежачем положении буквы А отпадала. Но вряд ли греки писали бы слово НЕА — оно по-гречески ничего не означает. Стало быть, это смешанная славянская надпись, где слоговые знаки начертаны вертикально, а буква — горизонтально, чтобы отличить стиль письма. Остроумно придумано!

Как обозначался данный вид сосуда, можно понять, прочитав надпись на обломках КАН более позднего времени, например, на черепке из киевского Подола[84] (на рисунке позиция 2) (рис. 58). Я прочитал эту надпись вначале КАНЪ, но затем, приняв с благодарностью подсказку с сосуда из Тирии, прочитал **КАНА**. Это слово для русского уха не чуж-

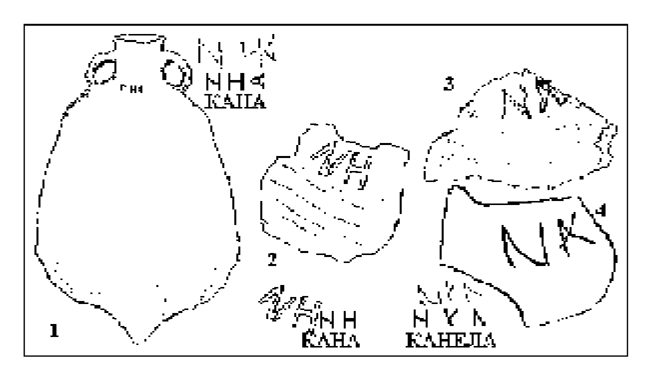


Рис. 58. Мое чтение надписей на канах

до, ибо не только соответствует английскому слову CAN в значении *БИДОН, ЖБАН*, немецкому слову KANNE в значении *КУВШИН, КРУЖКА, БИДОН, ФЛЯГА*, но и слову *КАНИСТРА*, известному на Руси в наши дни. Тем самым, помимо корчаг и пифосов, у русских имелись и КАНЫ.

Однако, хотелось бы проверить правильность такой интерпретации и на других примерах. Так, археологам встретилось два обломка амфор X–XII вв. с очень похожими надписями – из Вышгорода, позиция 3[85], и из Киева, позиция 4[86], где, однако, был добавлен лишний знак, превративший слог НА в лигатуру. Я читаю лигатуру как НЕЛА, а все слово – как **КАНЕЛА**. Очевидно, от одного и того же латинского корня произошло название и КАНЫ, и маленькой КАНЫ – КАНЕЛЫ.

На этом я закончил свою заметку о названиях сосуда с горлом средней величины, которую я опубликовал в сборнике ИППК МГУ[87] (рис. 59). Однако позже мне попались в руки новые примеры, которые я и хочу обсудить.

Прежде всего представляет интерес обломок горла красноглиняной амфоры из-под Киева[88], на котором можно прочитать КОНИ. То ли речь идет о КАНИСТРЕ, что маловероятно, то ли слово КАНЫ начертано по ошибке через КО. Такого рода описки были часты при отсутствии орфографических правил, КО обозначало КА.

Далее, очень любопытен пример слова КАНЬ, начертанный на фрагменте амфоры из Саркела (рис. 60). История интерпретации этой надписи весьма любопытна. Нашел обломок амфоры М.И. Артамонов[89], но Р.А. Симонов почему-то предположил, что на нем начертаны числа и тамгообразные знаки[90]. Далее процитируем А.А. Медынцеву: «*В расшифровке Симонова числа на этом фрагменте идут сверху вниз в таком порядке: (РО) 170, (РКси) 160, (РМ) 140 и, вероятно, (РП) 180. Помимо букв – цифровых записей, на фрагменте сохранились и остатки слов; слева от колонки с цифрами: НИКИ (у Симонова ошибочно НИКО), справа, в самой верхней и нижней строках – тамгообразные знаки. Таким образом, налицо полное совпадение в системе записей с таманским кувшином, совпадают даже знаки по количественному обозначению. Неизвестно,*

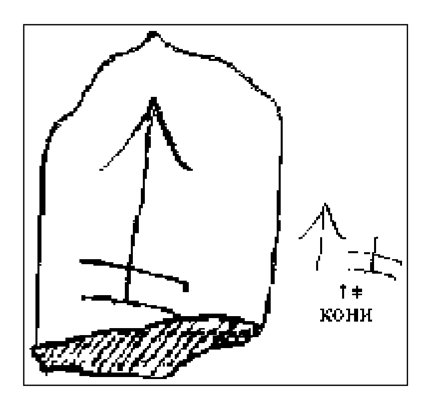


Рис. 59. Мое чтение надписи на горле амфоры из-под Киева

что обозначают буквы НИКИ. Скорее всего это сокращенная форма имени (Nikiforoz?). *На одном из фрагментов амфоры из Тамани обнаружено такое же сокращение*[91]. *Знаки-тамги в правой колонке очень близки, верхний из них находит полные аналогии в знаке на фрагментах сосудов из Плиски*[92]»[93]. Как видим, чтение тут чисто кирилловское, что неудивительно, но ничего путного из него не получается.

Я читаю не только надпись КАНЪ, но и слово КЪРОГОВА (на это слово в смысле «круговая» я предлагал обратить внимание при чтении так называемой «печати Пирогова»); далее, принимаю буквы Р вдоль левой вертикальной линии за бордюр (а не за «тамги»), и по вертикали читаю слоговые знаки как ВЪ ЗЕМЛЕ. У меня получается фраза **КАНЪ КЪРОГОВА ВЪ ЗЕМЪЛЕ** (*СРЕДНЕГОРЛАЯ АМФОРА КРУГОВАЯ В ЗЕМЛЕ*). Знаки правее и ниже прочитанных начертаны очень тускло и не вполне ясны. Что же касается предполагаемого «цифрового» чтения фрагментов надписи, то его основания мне не понятны, неясен и цифровой замысел этого исследователя, хотя понятен весь ход вытекающих из него рассуждений Р.А. Симонова. Неясно мне и согласие А.А. Медынцевой с выводами Р.А. Симонова.

Еще один пример – надпись КЬНЕЛА на корчаге из Белгорода Киевского[94] (рис. 61), где три отдельно стоящих знака, неглубоко начертанные другим инструментом, квалифицированы как скандинавские руны. Их прочитала скандинавистка Е.А. Мельникова, перевернув на 180°,

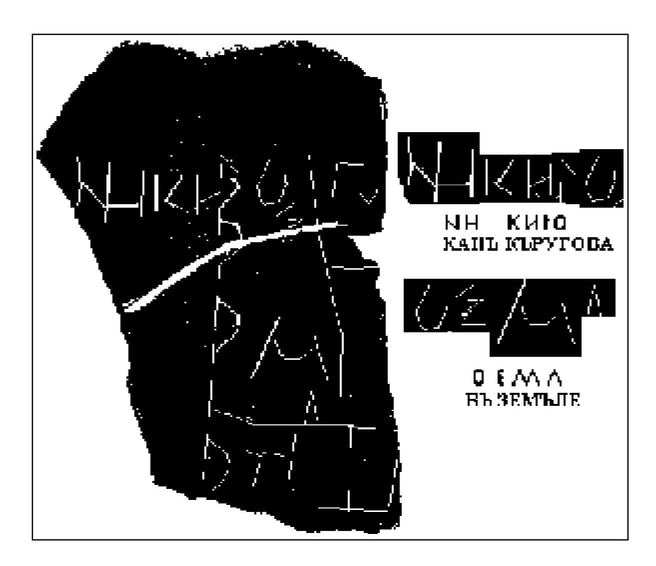


Рис. 60. Мое чтение «цифровой» надписи на кане

как ᛣ|ᛦ (но не обратив на это внимания) и добавив: «*Все они могут быть идентифицированы как скандинавские младшие руны. Надпись выполнена небрежно: знаки различаются по высоте (средний значительно выше других) и наклону. Второй и третий знаки идентичны рунам* i *и* R *младшего рунического ряда... Графика же первого знака... допускает его различные интерпретации...; представляется наиболее вероятным отождествление знака со старшей руной* g, *хотя подавляющее большинство старших рун вышло из употребления значительно раньше... В этом случае надпись читается как* giR *и может быть интерпретирована как имя* Girr... *Другим возможным, хотя и менее вероятным вариантом прочтения первого знака является* «**а**»... *При интерпретации знака как «а» надпись читается как* aiR. *Слово сопоставимо с древне-исландским* eyrir, *«эйрир», весовая единица эпохи викингов, равная 27 г*»[95].

Честно говоря, когда я это прочитал, у меня перехватило дух. Одно чтение давало 4 знака, другое 5, тогда как начертано было 3. Я уж не говорю, что значение «27 грамм» было настолько нелепо, что его даже не следовало упоминать; я поражаюсь вообще поискам «скандинавского следа» на киевской амфоре. А самое главное, совершенно не вижу надписи ᛣ|ᛦ ни в прямом, ни в перевернутом виде. То есть с начертанием первого знака (по Мельниковой — третьего) я согласен, но второй знак имеет, помимо вертикальной линии, еще и отросток вправо вверх (у Мельниковой он должен был получиться влево вниз), а его нет. Третий знак имеет вид L (по Мельниковой, это должен быть V), а не X, так что **исходно анализировалось не то, что было начертано на амфоре**. Поэтому полученный результат — это фантазия Елены Александровны. А ссылка на него — некритичное отношение к нему ее коллеги Альбины Александровны Медынцевой, которая и попросила ее о таком чтении, будучи убежденной в том, что речь идет именно о скандинавской надписи.

На самом деле эта надпись, как и все прочие на этой амфоре, — русская, и начертано тут слово **КЬНЕЛА**, то есть *КАНЕЛА* — сред-

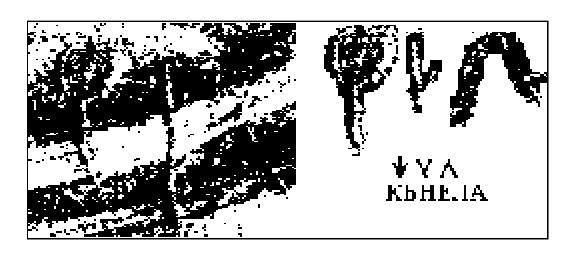


Рис. 61. Мое чтение надписи на корчаге из Белгорода

них размеров амфора с горлом средней величины (правильнее было бы написать КАНЕЛА, но в предударном слоге КА и КЬ малоразличимы). Ясно, что такое чтение требовало знания руницы, которого у наших эпиграфистов пока нет, что и вынуждает их делать различные экзотические предположения (о скандинавском, болгарском и прочих «следах»).

Так что амфоры у русских назывались КОРЧАГИ, КАНЫ или КАНЕЛЫ. При этом для обозначения КАНЫ сначала писали NH, а затем уже оставили первый слог, N. Так что этот знак, как я показал, означает не емкость в 50 литров, а название КАНА[86]. Его я прежде не встречал ни в одном средневековом русском тексте и ни в одном словаре.

Костяной цилиндр. При раскопках Старой Рязани был найден костяной цилиндр с надписью, которую А.Л. Монгайт прочитал как «Н.И.»[96] (рис. 62). На мой взгляд, однако, здесь начертано **КАДИЛО**, что вовсе не означает церковное кадило, а представляет собой озвонченное слово *КАТИЛО*, то есть, ТО, ЧТО КАТАЮТ, а попросту *СКАЛКУ*. Кстати, слово СКАЛКА возникло, видимо, как сокращение слова СКАТАЛКА, то есть, ТО, ЧТО СКАТЫВАЮТ. Как видим, смысл двух слов, старого и нового, один и тот же.

Это озвонченное слово очень напоминает слово КРУДИЛО на бумеранге из Перника, имея с ним к тому же и сходное словообразование. Такие взаимные пересечения разных слов очень важны, они очерчивают словообразовательные тенденции прошлого, позволяя видеть определенную систему там, где на первый взгляд усматривается какое-то странное отклонение от действующей в наши дни и потому привычной традиции.

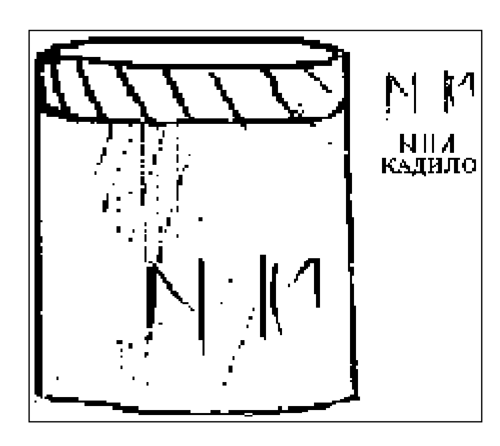


Рис. 62. Мое чтение надписи на цилиндре

Формочка для литья. На формочке XII–XIII вв. из Серенска имеется ясно видимая надпись (рис. 63), которую археолог обнаружила, но прочитать не смогла[97], я читаю: **НЪ ЗАКАЗЪ ЛЕКА** (*НА ЗАКАЗ ФОРМОЧКА*). Тем самым ФОРМОЧКА, видимо, прежде называлась ЛЕКА. Раньше я полагал, что так называлась отливка[98]. Вполне понятно, что латинское слово

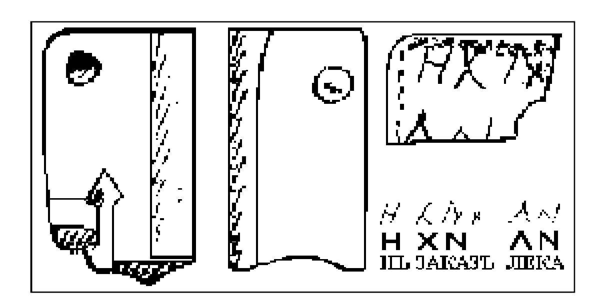


Рис. 63. Мое чтение надписи на формочке из Серенска

ФОРМА вряд ли могло бытовать в средневековой Руси. Что же касается слова ЛЕКА, то оно могло поначалу иметь форму ЛЕЙКА, что можно себе представить в еще более древнем виде как глагол в повелительном наклонении с побудительной частицей, ЛЕЙКА!

Подтверждением такого нового понимания слова ЛЕКА как формочки, а не отливки, служит найденная в Киеве формочка[99] (рис. 64) с текстом **ЖЕСЬТЬКЪВЫ ЛЕКИ МАКЪСИМОВЫ** (*ФОРМОЧКИ ДЛЯ УКРАШЕНИЙ МАКСИМОВЫ*). В этом тексте отливки уже названы как ЖЕСЬТЬКИ, так что речь должна идти о формочках. Кстати, эта надпись является не только подтверждением чтения слова ЛЕКИ, но и подтверждением чтения слова ЖЕСТЬКИ. Кроме того, на ней имеется и кирилловская часть с именем владельца, мастера Максима.

Окончательно подтверждает правильность чтения слова ЛЕКА надпись на формочке из Пскова[100] (рис. 65). На ней я читаю: **ЛЕЙ ВЪ ЛЕКУ** (*ЛЕЙ В ФОРМОЧКУ*). На первый взгляд такое предложение непонятно, ибо лить можно только в формочку, а не мимо нее. Однако вариантов литья могло быть несколько, например, можно было

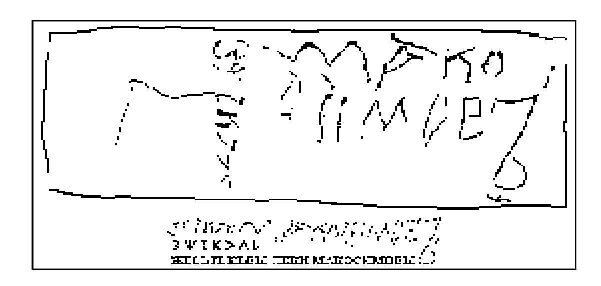


Рис. 64. Мое чтение надписи на формочке из Киева

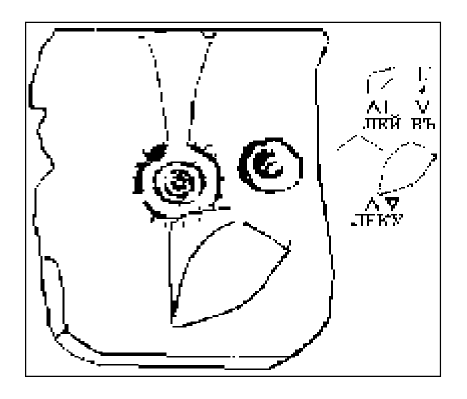


Рис. 65. *Мое чтение надписи на формочке из Пскова*

лить поверх формы, чтобы металл растекался небольшой лужицей — в таком случае не требовалась бы крышка литейной формы. Так что надпись ЛЕЙ В ЛЕКУ означала, что крышка существует и вливать металл следует в отверстие формы. Кроме того, отверстий могло быть два, одно для металла, другое для выходящего воздуха, и для достижения некоторых специальных целей можно было рекомендовать подмастерью лить не только В ЛЕКУ, но и в противолежащее отверстие. Так что данная надпись — вовсе не излишество.

Толкушки. На толкушке XII–XIII вв. из Переяславля Рязанского нанесена лигатура[101] (рис. 66), которую я читаю **ТОЛЬКАЛО** (*ТОЛКАЛО*). Таким образом, толкушка там называлась ТОЛКАЛО[102]. А на толкушке-мутовке из Рюрикова городища под Новгородом[103] (отмечается, что мутовки, еловые палки, широко использовались в домашнем хозяйстве для вымешивания теста, смешивания жидкостей, мытья крупы и т.д.) начертана лигатура, и, если я ее верно читаю, из нее можно образовать то же слово **ТОЛЬКЪЛО** (*ТОЛКАЛО*). Правда, в таком начертании кроется иное ударение: на корень.

Таковы 19 новых для наших дней, но древних слов, существовавших в средние века в русской речи и речи других славян. Они не только удовлетворяют наш познавательный интерес, но и помогают правильно понимать читаемые в данной книге средневековые надписи. Однако не меньший интерес, как я полагаю, имеют и надписи-этикетки со знакомыми словами.

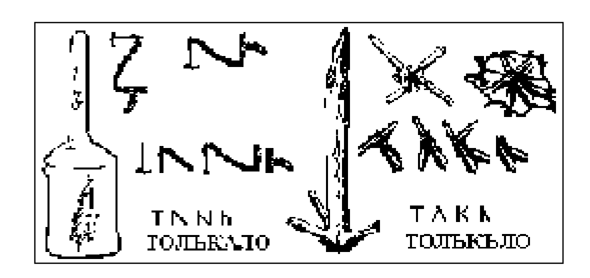


Рис. 66. *Мое чтение надписи на толкушке*

Некоторые виды оружия. На русском оружии из кости есть надписи, представляющие интерес: на стреле из Новгорода[104] и на острие стрелы (предположительно) из Гнездилова под Суздалем[105] (рис. 67). На стреле XII в. из Новгорода я читаю **СЬТЬРЕЛА** (*СТРЕЛА*); на наконечнике X в. из Гнездилова читаю **ПИКА**[106]. Первое чтение не вызывает сомнения потому, что прочитанное название совпадает с археологической атрибуцией. Но во втором случае В.А. Лакшин предположил, что речь идет также о наконечнике стрелы. Никакие мои попытки прочитать данный текст как-то иначе, чем ПИКА, к успеху не привели. Поэтому я вынужден констатировать, что археолог в данном случае ошибся. И хотя нового слова я не прочитал, для себя я понял, что костяные вставки могли быть в средние века не только на стрелах, но и на пиках. А это уже — некоторое расширение познания. Так что руница сослужила службу и в этом случае.

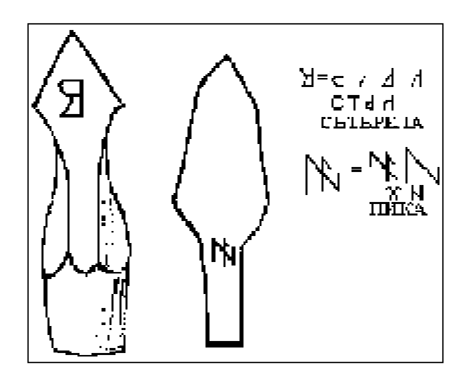


Рис. 67. Мое чтение надписей на костяных наконечниках

Кстати, тип наконечника, как следует из рисунка, разный для стрел и пик. А именно: наконечник стрелы, видимо, имеет дырку внутри для того, чтобы туда вставить круглое древко меньшего диаметра. Напротив, наконечник пики имеет плоскую грань, по размеру меньше древка пики. И это вполне объяснимо: у стрелы диаметр древка очень небольшой, и при вколачивании в него плоской лопаточки он мог бы расщепиться. Напротив, для пики такой способ крепления вполне подходит. Так что наши предки конструировали свое оружие вполне разумно.

В данном случае вполне достаточно единичного упоминания слов СТРЕЛА и ПИКА, поскольку они существуют в современном русском языке и, следовательно, дополнительного доказательства их существования не требуется.

Осколок форточки. Предположить существование слоговых надписей на стекле было не трудно, но такие мысли как-то в голову не приходили, ибо стекло вовсе не является писчим материалом. Береста, дерево, кость — это увязывается с нашим представлением об архаической письменности. Но стекло!.. Каково же было мое удивление, когда в статье С.А. Высоцкого я прочитал следующее: «*Наши попытки отождествить открытые на стекле Софийского собора знаки с буквами какого-нибудь алфавита успехов не имели. Трудность по-*



Рис. 68. Мое чтение надписи на осколке из Киева

добных сравнений находится в том, что мы точно не знаем, где у знаков верх, а где низ, и обстоятельства находки стекла также» (перевод с украинского мой) [107] (рис. 68). Так что, оказывается, неясно, где тут верх, а где низ, хотя на рисунке текст развернут совершенно верно. Небольшое лукавство археолога вполне понятно, ибо допустить существование «загадочных» знаков на стекле Софийского собора Киева (это же здание № 1 Киевской Руси!) он не мог, а как их прочитать — не знал. Вот и поместил их изображение в ежегоднике «Киевская старина», малотиражном специальном журнале, который мне удалось достать только в библиотеке Института археологии РАН. Ну, а если бы ему удалось прочитать эту краткую надпись, то она наверняка бы вылилась в целую статью, достойную занять видное место либо в «Советской археологии», либо в «Известиях АН СССР», не меньше! И он был бы прав!

При взгляде на текст мне ясно: он написан слоговыми славянскими знаками, причем очень понятно (с почти неслитной единственной лигатурой) и красиво. Здесь я привожу его дешифровку: **СЬТЕКЛО** (*СТЕКЛО*) [108]. Кстати сказать, верх и низ данной надписи определяются однозначно и без труда; на самом деле Высоцкого смутил непривычный вид знаков и нечитаемость надписи (если допустить, что она буквенная, то она состоит из одних согласных).

Так что на осколке стекла начертано СТЕКЛО. Зачем? Полагаю, что окна могли закрывать в то время бычьим пузырем, слюдой, горным хрусталем; первые два по ряду параметров от стекла легко отличимы, и подпись им не нужна. Но ХРУСТАЛЬ выглядит в точности как стекло, и наверняка дорогие окна отделывали именно им. Вот тут строителям очень важно понять, с чем они имеют дело — со стеклом или с хрусталем. Надпись для этого очень важна.

Ключ. Слоговую надпись можно усмотреть на орнаменте рукоятки железного ключа X века из Гдовского района Псковской области[109] (рис. 69). Внизу точками нанесен орнамент, который я принимаю за смешанную рунично-кирилловскую надпись и читаю **КЪЛЮЧ Б**, то есть *КЛЮЧ Б*.

Собственно говоря, надпись КЛЮЧ я читал и ранее[110], но буква Б как-то не вписывалась в чтение. Все дело в том, что прежде я обращал внимание на сам процесс чтения, но не на связь надписи с назначением

вещи. Писать на ключе КЛЮЧ хотя и не бессмысленно, но излишне. Совсем другое дело, если к одному замку есть два ключа, КЛЮЧ А и КЛЮЧ Б. Скажем, КЛЮЧ А находится у хозяина помещения, а КЛЮЧ Б у его ближайших членов семьи. Тогда во избежание путаницы есть смысл подписать каждый ключ, и в случае потери знать точно, какой из них потерян, что позволит выявить виновника.

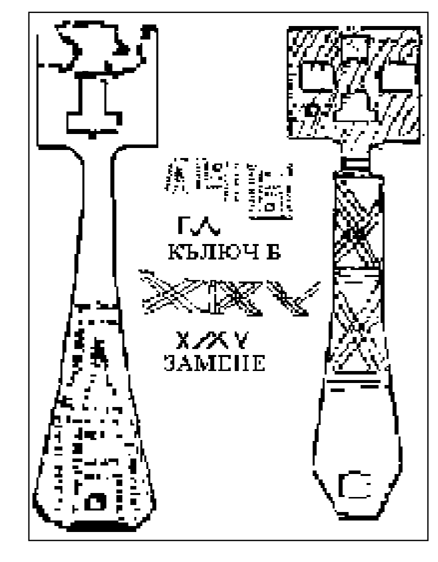


Рис. 69. Мое чтение надписи на ключе

Второй ключ IX–X вв. был найден в Белоруссии[111], и его надпись может быть прочитана как **ЗАМЕНЕ**, что означает *ЗАМЕНЫ*, или, говоря современным языком, *ДУБЛИКАТЫ*. Ситуация та же, что и с КЛЮЧОМ Б.

Берестяной поплавок. Берестяной поплавок X–XIII вв. крупных размеров найден в Новгороде; на нем начертана надпись[112] (рис. 70). Правда, существование надписи археологи как-то не афишируют. Надпись я читаю **ДИСЬКЪ** (*ДИСК*). (Прежде читал слово **ДОСЬКЪ** (*ДОСКА*), и это вполне понятно, поскольку прочитать совокупность разомкнутых линий довольно сложно.) Надо понимать, поплавков разного вида и размера было много, и они скручивались для поддержания снасти, тогда как этот должен быть оставлен в виде диска, что и начертал его хозяин. Название обеспечивало сохранение поплавка в плоском виде. Интересно, что это заимствованное слово знали рыбаки из Новгорода в средние века. Что же касается обычной практики скручивания, то она показана на рисунке[113] (рис. 71).



Рис. 70. Мое чтение надписи на поплавке из Новгорода

Я предполагал, что надпись на поплавке настолько редкая, что она мне больше не встретится. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил изображение

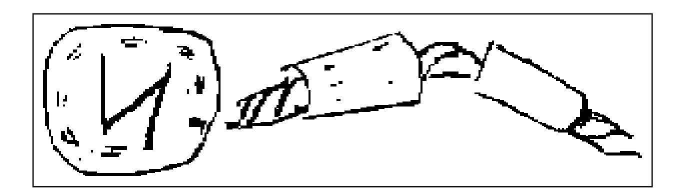


Рис. 71. Обычная форма использования поплавков

еще одного такого же поплавка, но теперь уже деревянного. Этот диск с острова Шпицберген, где в XVII веке жили русские рыбаки-полярники, был просто прорисован на рисунке предметов быта и атрибутирован как часть туеса[114] (рис. 72). Я не разделяю этой атрибуции и показываю крышку туеса от рисунка диска справа.

На рисунке видно, что крышка туеса меньше диска, а соединяющие ее скобы проходят в отверстия, расположенные значительно ближе к центру крышки, чем на диске. Следовательно, атрибуция произведена неверно. Но более всего впечатляет надпись. Вообще говоря, она совсем не выглядит надписью, и если бы несколько лет назад я не прочитал текст на берестяном поплавке из Новгорода, то не обратил бы внимания и на это деревянное изделие. Текст здесь вдвое длиннее, чем на поплавке из Новгорода и гласит: **ДИСЬКИ НЕВОДА** (*ДИСКИ НЕВОДА*). Таким образом, теперь отпадают всякие сомнения в назначении диска. А отверстия в нем, видимо, предназначались для пропуска веревки.

Кухонная доска. В окрестностях Пскова была найдена деревянная кухонная доска с надписями[115] (рис. 73). Я читаю их **ДЬСЬКЪ**, что означает *ДОСКА*. В отличие от предыдущей надписи здесь один и тот же второй слоговой знак может быть прочитан как СИ, что дает более мягкое звучание, чем при обозначении знаком СЕ. Надпись в



Рис. 72. Мое чтение надписи на деревянном поплавке со Шпицбергена

форме ДЬСИКА возможна лишь при ударении на корень, ДО-СЙК-А, который к тому же произносится не вполне отчетливо. Приставка ДО произносится тоже мягко, как ДЬ.

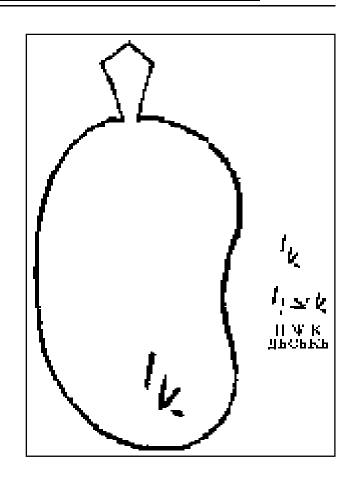


Рис. 73. Мое чтение надписи на доске из Пскова

Еще одна доска XVI–XVII вв. была найдена в Мангазее – городе полярных моряков[116] (рис. 74). Правда, здесь надпись весьма сложная, допускающая массу различных прочтений, поэтому вариантов дешифровки может быть несколько. Наиболее приемлемым на сегодня мне кажется такой: **ЛОТОКЪ ДЬЛЯ РЪЗЪДЕЛА МОРЪСЬКИХ ЗЬВЕРЕЙ. РАЗЪДЕЛА ДОСЬКА БОТИКА.** Это означает: *ЛОТОК ДЛЯ РАЗДЕЛА МОРСКИХ ЖИВОТНЫХ. РАЗДЕЛЬНАЯ ДОСКА БОТИКА*. Ботик – это корабль небольших размеров.

Прежде я читал **ЛОТОКЪ ДЬЛЯ ВЫМЪВЕ И РАЗЪРУБА РЫБЪ ЛИ УХИ**[117] (*ЛОТОК ДЛЯ ВЫМЫВА И РАЗРУБА РЫБ*, а нижнюю часть – как *ИЛИ УХИ*). Но уху нельзя вымыть или разрубить, да и слово ВЫМЫВА очень сомнительно, поэтому чтение было плохим, хотя общий смысл отличался от предыдущего не слишком сильно.

Костяной цилиндр. Найден в Ижеславле и относится к XII–XIII вв.[118] (рис. 75). Я читаю надпись **КАСУШЬКА**, что означает *КОСУШКА, КОСАЯ САЖЕНЬ*. Следовательно, перед нами фрагмент единицы длины. Обращаю внимание на использование слогового знака КА вместо положенного КО – о такого рода заменах уже было сказано выше. Произносилось же, видимо, все-таки КОСУШКА.

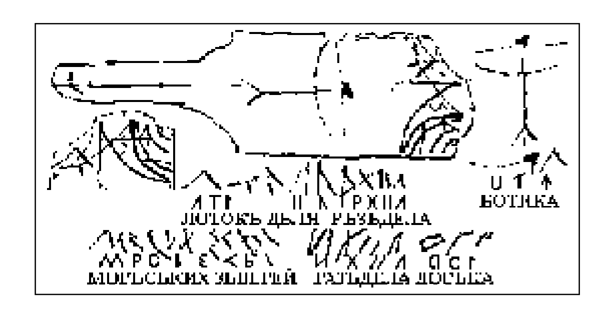


Рис. 74. Мое чтение надписи на разделочной доске моряков из Мангазеи



Рис. 75. Мое чтение надписи на мерном цилиндре из Ижеславля

Костяная рукоятка. В Белоозере, в слое XIII века, найдена костяная рукоятка[119] (рис. 76), на которой я читаю **ЛОВЪКА КОСА** (*УДОБНАЯ КОСА*). Хозяин решил выделить удобную в обращении косу среди всех прочих, сделав эту надпись. Мы бы сейчас сказали КОСА, КОТОРОЙ УДОБНО РАБОТАТЬ, но наши предки выражались лаконичнее.

Роговая скребница. В Толстовском районе Калужской области, в деревне Свинухино при раскопке городища, в слое XI–XII вв. был обнаружен фрагмент изделия из рога лося с дырочками[120] (рис. 77). Надпись читается однозначно: **МОЗОЛИ**, что я понимаю не как название изделия, а как его назначение – соскребать после бани *МОЗОЛИ* с ног. Иными словами, перед нами костяная скребница средневековой Руси. В наши дни для этой цели используют кусочки пемзы, пористого вулканического камня, у которого дырочек с твердыми краями значительно больше, чем на рукотворной скребнице. Интересно отметить, что на рассматриваемой роговой скребнице были сделаны отверстия для пальцев, чтобы ее было удобно держать в руке.

Ложка из коры. В одной из статей я проанализировал польские средневековые надписи на изделиях из коры. Археологами Польши в городке Островок в Ополе был найден ряд изделий X–XIII вв. из коры (видимо, сосновой) [121]. На изделии мы видим лигатуру, которую я читаю как **ЛОЖЬКА** (*ЛОЖКА*) [122] (рис. 78). До этого я никогда не видел ложек из коры и не подозревал, что такие когда-либо существовали. А тем более с надписью «ЛОЖКА».

Такого рода надписи, видимо, встречаются редко. Каково же было мое удивление, когда я встретил описание футляра для ложки, обнару-

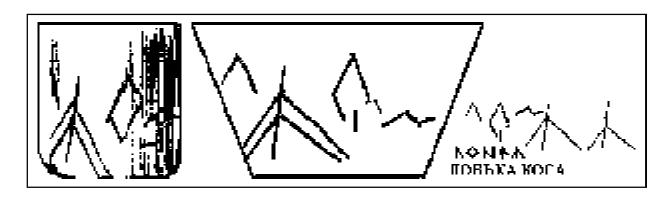


Рис. 76. Мое чтение надписи на костяной рукоятке

женного в слоях XIII–XIV вв. в Новгороде, где исследователи так и написали, «футляр для ложки»[123] (рис. 79). На футляр нанесен орнамент, который я и читаю: **ЛОЖЬКИ** (*ЛОЖКИ*). Я никогда бы не подумал, что ложки в средние века представляли собой такую ценность, что для них требовался футляр. Возможно, это была металлическая посуда, ложки из золота или серебра. Но в любом случае данная надпись-орнамент представляет интерес.

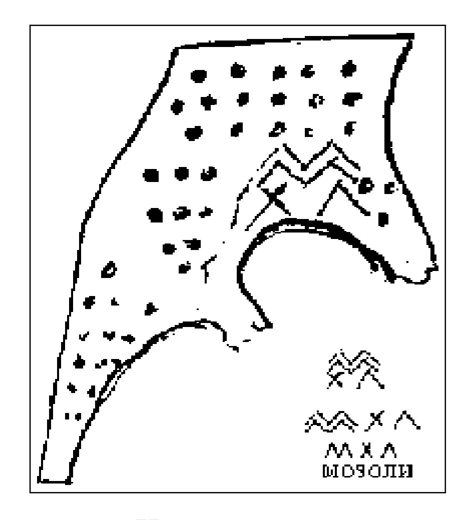


Рис. 77. Мое чтение надписи на изделии из рога

Общий итог. Этими одиннадцатью примерами в дополнение к уже рассмотренным надписи-этикетки отнюдь не исчерпываются; многие из них нам не раз еще встретятся в дальнейшем рассмотрении. А в данном разделе я просто хотел показать, что такой тип надписей в средневековой Руси существовал достаточно широко, и что он очень полезен, поскольку не только позволяет выявить уже ушедшие из нашего обихода слова, но и проверить правильность чтения отдельных знаков руницы по совпадению названия с общим назначением предмета. Правда, степень распространенности этих слов была разной: вероятно, слова КАДИЛО вместо СКАЛКА и ТОЛКАЛО вместо ТОЛКУШКА использовались лишь в Рязани и тем самым были диалектными; слово КРУДИЛО могло быть только болгарским, тогда как слово ЖЕСТЬ являлось общеславянским. Для определения ареала существования данных слов требуются дополнительные исследования. Но сейчас важно другое – руница дает новый метод исследования, позволя-

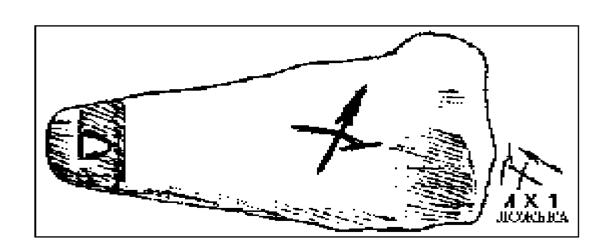


Рис. 78. Мое чтение надписи на ложке из г. Ополе-островок

ющий читать то, что прежде «не читалось», и воскрешать то, что, казалось, давно забыто.

Есть и другой смысл в приведенных примерах: они позволяют понимать дальнейшие чтения. Скажем, если речь идет о надписях на браслетах, а там встречаются слова ЖЕСТЬ и РУЧИЦЕ, то теперь становится понятным, что первое слово означает УКРАШЕНИЕ, а второе — БРАСЛЕТ. Таким образом, я продемонстрировал небольшой «словарь новых слов» для современного читателя, но слов вполне старых для людей средневековья. Кроме того, я не особенно удивлюсь, если какие-то из них окажутся помещенными либо в современных трудах по исторической лексикографии, либо в словарях более раннего времени. Хочу еще раз повторить, что назначение данного раздела — не полномасштабное исследование устаревших или исчезнувших русских слов, а лишь демонстрация методов их выявления. А то, что в конце концов получился весьма полезный и применимый к дальнейшему исследованию результат, — это приятный сюрприз.

Разумеется, приведенное в данном разделе отнюдь не исчерпывает ни новых для нас, но древних слов, которые я исследую в данной книге, ни тем более привычных и сегодня бытовых слов, употребляемых в средневековых текстах. Со многими из них мы еще встретимся в дальнейших разделах. Пока же я хотел высветить в первую очередь элемент новизны, приятной неожиданности от вычитывания в руничных текстах слов, понятных по значению, но неожиданных по своей форме. Поэтому я отобрал весьма небольшое их число, стараясь прежде всего акцентировать прагматическую сторону использования руницы. Но при соответствующем продолжении это направление исследования может обогатить нас не десятками, но сотнями такого типа слов.

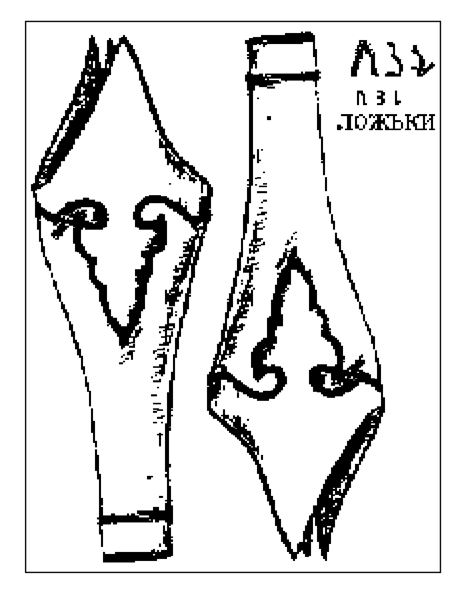


Рис. 79. Мое чтение надписи на кожаном футляре из Новгорода

Вышедшие из употребления слова можно разделить на два типа: на те, которые были потом заменены на иностранные, и на вытесненные другими отечественными. К первому типу я отнес бы слова РУЧИЦЕ, ВЖАТЕЦ, ВЫ-

ЖАТЕЦ, ЖМЕЛО, ВОПИЛО, КРУДИЛО, ВИСЕЖЬ, РЕЧЬ, РУНА, ЛЕКА, КАМОРА, ЗАМЕНЫ вместо слов БРАСЛЕТ, ПЛОМБА, ПИНЦЕТ, ПАССАТИЖИ, БУМЕРАНГ, КИСТЕНЬ, СТИЛЬ, БУКВА, ФОРМОЧКА, КАМЕРА, ДУБЛИКАТЫ. Ко второму относятся слова СВЕТИЛО, ЖАЛЕВО, БЕЧАТА, НЕСЕЖЬ, КАТАБА, ЗАНОЗА, ЖЕСТКА, ЩЕПОТЬ, КАНА, КАНЕЛА, КАДИЛО, ТОЛКАЛО вместо слов ПОДСВЕЧНИК, ПРОКОЛКА, ПЕЧАТЬ, КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ, КНИГА, ЯЗЫЧОК, УКРАШЕНИЕ, СОЛОНКА, КОРЧАГА, СКАЛКА, ТОЛКУШКА. Из них слова КАТАБА, КАНА и КАНЕЛА являются заимствованиями, тогда как остальные — чисто славянские. Знакомство с этими двумя пластами слов помогает глубже понять особенности славянского словообразования и языковые предпочтения наших предков, где, например, весьма велик процент слов среднего рода: СВЕТИЛО, ЖАЛЕВО, ЖМЕЛО, ВОПИЛО, КРУДИЛО, КАДИЛО, ТОЛКАЛО, РУЧИЦЕ. Чуть больше слов женского рода: РЕЧЬ, РУНА, ЛЕКА, КАМОРА, БЕЧАТА, КАТАБА, ЗАНОЗА, ЖЕСТКА, ЩЕПОТЬ, КАНА, КАНЕЛА, ЗАМЕНА. И совсем мало — мужского рода: ВЖАТЕЦ, ВЫЖАТЕЦ, ВИСЕЖЬ, НЕСЕЖЬ, КЛЮЧ.

Имеют значение и слова, чей смысл до сего дня не изменился. И если такие, как ПИКА, СТРЕЛА, ДОСКА, ЛОТОК, РАЗРУБ, КОСУШКА, КОСА, ЛОЖКА вполне возможны в речи обычного человека даже с невысоким социальным статусом, то слова СТЕКЛО или ДИСК предполагают знакомство потребителей со стеклянными изделиями и с диском как формой поплавков. Для сегодняшнего русского эти простые бытовые слова весьма приподнимают образ горожанина Руси средних веков, который до сих пор под влиянием научной и популярной литературы был достаточно низок. Таким образом, вхождение в лексический пласт средневекового русича обогащает прежде всего наше представление о культуре Средневековья.

Прочитанные в данном разделе надписи, передающие названия предметов, начертаны на самих предметах, образуя единый словесно-вещевой комплекс, где имя слито с археологическим памятником. Это придает коротким текстам особую достоверность. Здесь невозможно сказать ни то, что прочитаны случайные царапины или чистые узоры, не имеющие никакого звучания, ни то, что перед нами процарапаны знаки собственности, не имеющие фонетического чтения, ни то, что памятник начертан германскими или тюркскими рунами. Названия предметов соответствуют назначению самих предметов, даже если данное слово не дожило до наших дней, и это — лучший критерий правильности чтения. Иными словами, это еще один повод не давать скучного для читателя анализа петелек и мачт прочитанных знаков, чем обычно

эпиграфисты доказывают правильность своего чтения кирилловских текстов. С другой стороны, «впечатанность» слова во внешний облик предмета несет «аромат эпохи», показывает слитность вещи и ее названия, нерасторжимую для средневекового сознания. Эта особенность средневековой русской культуры представляет интерес теперь уже не только для филолога, но и для культуролога.

Несмотря на неверные, с нашей точки зрения, написания ряда названий, например, КАСУШКА вместо КОСУШКА, КРУДИЛО и КАДИЛО вместо КРУТИЛО и КАТИЛО, ВЖАТЕТС и ВЫЖАТЕТС вместо ВЖАТЕЦ и ВЫЖАТЕЦ, что скорее всего объяснялось терпимостью, «демократичностью» кирилловской орфографии переходного периода (от руницы к кириллице), поражает распространение грамотности как среди ремесленников, так и среди обычных людей. Ведь эти надписи наносились специально либо для себя, либо для потребителей. А то, что, с нашей точки зрения, является орфографическими ошибками, именно ошибками вовсе и не являлось, поскольку орфографических норм тогда не существовало, и записи НЕСЕЖЬ, НЕСИЖЬ, НОСЕЖЬ и НОСИЖЬ считались равноценными. Но для исторической диалектологии такие начертания — находки, ибо они позволяют понять, как реально произносились отдельные русские слова много веков назад.

Эти находки были невозможны, пока эпиграфисты читали лишь буквы кириллицы, полностью игнорируя любые другие знаки, которые они, несомненно, видели (они же не слепые, и к тому же их глаза много тренированнее глаз археолога). Видели, но не хотели, не смели, не имели права не только читать эти знаки (чего они и не смогли бы сделать, не зная их значения), но даже обращать внимание на само их существование.

Поэтому даже такое краткое рассмотрение некоторых надписей не обошлось без конфликта с устоявшимися точками зрения, согласно которым на одних сосудах якобы производятся арифметические подсчеты, хотя надпись руницей гласит о том, что перед нами круговая кана, закопанная в землю, а на других — типа массивной и тяжелой канелы из Белгорода Киевского — якобы начертано древнеисландское выражение «27 грамм». Таким образом, новый подход в виде чтения знаков славянской слоговой письменности помог отбросить неудачные научные предположения. Столкнулись мы и с тем, что **исходно анализировалось не то, что было начертано на амфоре** (фантазия Е.А. Мельниковой).

Кроме того, стало ясно, что время от времени даже крупные эпиграфисты, к которым, несомненно, принадлежит С.А. Высоцкий, стал-

киваясь с чисто руничными текстами, понимают, что перед ними текст, однако их «*попытки отождествить открытые на стекле Софийского собора знаки с буквами какого-нибудь алфавита успехов не имели*». Это — доказательство самобытности руницы, сделанное самим эпиграфистом-славистом! Какие же еще нужны доказательства бытования руницы на Руси? Лучший эпиграфист Украины в XX веке признается, что существует надпись, знаки которой не совпадают ни с одним алфавитом мира! Но ведь они же начертаны? В Киеве, стольном граде Киевской Руси, в святая святых — Софийском соборе, на стекле, отлитом, по всей видимости, киевскими мастерами, **стало быть — это знаки самих киевлян**! Только упорное нежелание признать у славян существование третьего типа письма наряду с кириллицей и глаголицей заставило прекрасного специалиста покраснеть и пробормотать сквозь зубы, будто он, человек, прочитавший к тому времени не одну сотню надписей, не в силах определить, где на осколке стекла верх, где низ. Да ведь это курам на смех! Прекрасно видя уже первый знак **С**, С.А. Высоцкий развернул все изображение совершенно верно, отлично понимая, где верх, где низ. Но ведь надо же было сказать читателям что-то вразумительное, и посему великолепно прорисованные знаки, кстати говоря, имеющие вполне совпадающие с греческими сигмой, каппой и лямбдой и латинской буквой t начертания, были объявлены нечитаемыми. Конечно, мы не дети и вполне понимаем, что и С.А. Высоцкий прекрасно понял, что и по-гречески, и по-латыни надпись читается как **СТКЛ**, но вот что делать дальше, было неясно. Так же, как и М.К. Каргер в 1949 году, С.А. Высоцкий в 1972 году мог поступить двояко. Либо, поддавшись соблазну, прочитать текст **СТКЛ** как *СТЕКЛО* и тем самым объявить во всеуслышание о существовании неизвестной ранее славянской письменности, либо напечатать какую-то околесицу в ежегоднике «Киевская старина», как правило, не доходящем до Москвы. Он предпочел эту «минуту позора» великолепной возможности стать первооткрывателем. Почему? Да все по одной-единственной причине: *постулировать новую славянскую письменность — смерти подобно*! Ни один коллега этого ему не простит. Произойдет то, что случилось с болгарским академиком Иваном Гошевым, постулировавшим существование «протоглаголического» письма, якобы обнаруженного на развалинах Круглой церкви в Преславе. А.А. Медынцева, осмотрев надписи, заявила: «*Развитие негреческих «протоглаголических» букв путем их упрощения под влиянием кириллицы в буквы, известные нам по кирилловскому письму, представленные на таблицах Ивана Гошева, хотя и*

выглядят убедительно, не более, как очередное теоретическое предположение, не подкрепленное никакими фактическими материалами. Напротив, пересмотр эпиграфического материала из Круглой церкви ясно показывает бездоказательность гипотезы Ивана Гошева, казалось бы такой обеспеченной новыми и неопровержимыми данными, точно локализованными и датированными»[124]. Захотел бы С.А. Высоцкий, чтобы та же А.А. Медынцева, глядя на 4 знака на осколке стекла из Софии Киевской, сказала бы: «*Чтение С.А. Высоцким неясной надписи как СТЕКЛО выглядит не более, чем очередное теоретическое предположение, не подкрепленное никакими фактическими материалами*»? Поставит ли данный уважаемый исследователь на карту свою репутацию специалиста ради одной-единственной надписи с соблазнительно легким чтением и само собой понятным значением? Нет, конечно! Чтобы отважиться на отстаивание «гипотезы» (она уже давно не гипотеза, а вполне доказанный факт) существования руницы, Высоцкому следовало бы, отложив все дела, заниматься лет 10 исключительно чтением соответствующих надписей — возможно, тогда он смог бы как-то убедить коллег. Но такой роскоши, как переход на чтение руничных текстов, оставив все другие занятия, ему, разумеется, никто бы не позволил.

На этом фоне его предположение о том, что знак N, начертанный на амфоре, означает 50 литров (ничем не обоснованное предположение), кажется просто наивной мелочью, на которую не стоит обращать внимания, хотя это опять-таки чистая фантазия эпиграфиста. А слово КАНЬ или КАНА, которыми буквально пестрят среднегорлые амфоры, ни один из эпиграфистов до сих пор не знает. И никаких предположений насчет знаков NН никто из них не делает.

Как видим, хотя я и не ставил цели непременно покритиковать своих коллег по эпиграфическому цеху, это поневоле пришлось сделать, поскольку боязнь *постулировать новую письменность*, с проявлениями которой они сталкивались многократно (и задолго до того, как я приступил к своим исследованиям), привела их к ряду просчетов. И хотя мы пока столкнулись с небольшим числом подобных недоразумений, все же можем с сожалением отметить: **даже самые опытные эпиграфисты иногда фантазируют** (да еще как!).

ИМЕНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ

В этом разделе речь пойдет об именах людей, то есть об аналогах имен вещей, только применительно к людям, которые упоминаются во владель-

ческих, дарительных и посвятительных надписях. Разница между ними очень невелика: в одном случае пишется имя человека в именительном падеже, либо в родительном, тогда как в другом — в дательном. Кроме того, мы рассмотрим и некоторые другие грамоты, где тоже упоминаются имена людей, или мест, или речь идет об авторах надписей.

Насколько важны подобные исследования? Вначале, когда я прочитал лишь несколько таких памятников письменности, я не понял их специфики. Человеческие имена — это неплохо, но скучновато. Но когда я перешел за пределы первого десятка памятников письменности, до меня, наконец, дошло, в чем состояла их изюминка — в том, что только они позволяли показать в деталях, как происходило вытеснение слоговых знаков из текстов кириллицей, и как, в свою очередь, кириллица организовывалась в слова по законам слоговой графики, создавая невыносимые трудности для эпиграфистов. А это уже становилось интересным. Таких исследований до меня еще никто не проводил, и картина наступления одного вида письменных знаков на другие в деталях пока совершенно неизвестна.

Современному читателю-непрофессионалу кажется, что кириллица появилась сразу и во все века выглядела приблизительно одинаково. Однако это не так. Чтобы не быть голословным, предлагаю рассмотреть довольно позднюю владельческую кирилловскую надпись XVII века, сделанную на глиняном кувшине в Москве[1] (рис. 80).

В пользу того, что она владельческая, говорит сам текст: **«КУВШИН ДОБРА ЧЕЛОВЕКА ГРИГРИЯ ОФОНСЕВА»**, то есть, видимо, *ГРИГОРИЯ АФАНАСЬЕВА*. Несколько странно то, что произношение тут зафиксировано новгородское, ОФОНАСИЙ вместо АФАНАСИЙ. Так что хозяином кувшина является «добрый человек» Григорий Афанасьев. Обратим внимание на пропуск буквы «О» в имени и буквы

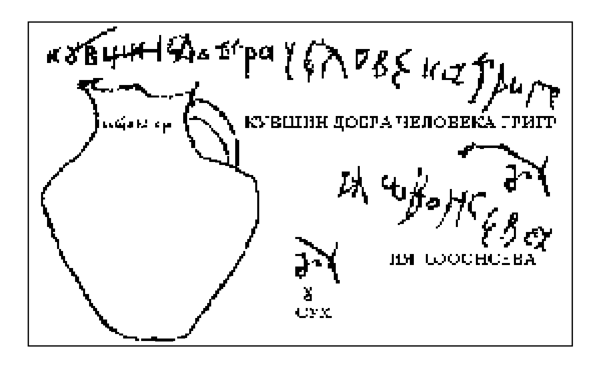


Рис. 80. Мое чтение надписи на кувшине из Москвы

«А» — в фамилии. Правда, выше этого текста существует смешанный текст из двух знаков, одного — руницы, а другого — буквы Х, и он читается **СУХ**. Иными словами, кувшин СУХОЙ, то есть он *ПУСТ*. Интересно тут то, что одиночные слоговые знаки в этом последнем для руницы веке еще встречались, но уже не в основном корпусе надписи, а, так сказать, на полях. Позже, через несколько десятилетий, на письме не стало и этого. Здесь перед нами кириллица представлена в одном из наиболее поздних рукописных стилей, в виде *скорописи*; еще позже рукописные стили сменяются печатными шрифтами. Так что перед нами находится последний рубеж существования знаков руницы в кириллице. Таковы бытовые тексты.

А в качестве наиболее ранней по времени кирилловской надписи Болгарии (таковой ее считают болгарские ученые), относящейся к периоду 880–890 гг., привожу изображение печати на керамической плитке из Преслава[2] (рис. 81) с именем чернеца Георгия. Как видим, надпись посвятительная; она гласит **ГИ, ПОМОЗИ ТВОЕМОУ РАБОУ ГЕОРГИУ ЧЬРЬНЬЦЮ, ИСЮНКЕЛУ БЛЪГАРЬС(ЬКОМУ)**, то есть *ГОСПОДИ, ПОМОГИ ТВОЕМУ РАБУ ГЕОРГИЮ МОНАХУ, ЕПИСКОПУ БОЛГАРСКОМУ*. Можно видеть, что в центральном узоре надпись **ЖИВИНА РУСЬ** в этом тексте начертана славянской руницей. Так что здесь приведен наиболее ранний славянский текст смешанного письма.

Тем самым очерчивается отрезок времени длиной в 800 лет, в течение которого происходило постепенное вытеснение руницы кириллицей. При этом, как ни странно, для многих специалистов руницы на приведенных текстах как бы нет. В этом состоит ее особенность, присутствуя, производить впечатление отсутствия.



Рис. 81. Мое чтение надписи на печати болгарского епископа Георгия

Показав, как менялась по начертанию отдельных букв кирилловская графика, я хотел бы обратить внимание читателя на ряд кирилловских владельческих надписей на берестяных грамотах, чтобы выявить некоторые их особенности. Вот, например, что написано на новгородской грамоте № 127 XIV–XVI вв.: **ИСАКА**[3] (рис. 82). А на грамоте № 323 XII века — **МАРИИ ЦРН** (*МАРИИ ЧЕРНИЦЫ, МАРИИ-МОНАХИНИ*)[4]. В первом случае

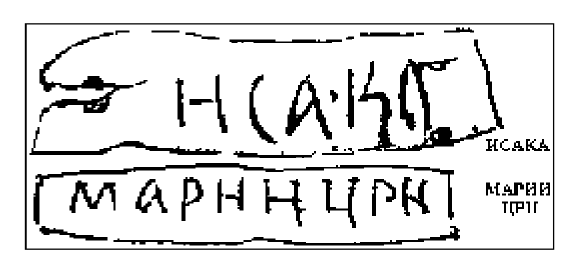


Рис. 82. Чтение надписей на владельческих грамотах

имя стоит в родительном падеже, во втором — падеж может быть как родительным, так и дательным, он не определен.

Особенностями этих грамот является то, что береста аккуратно обрезана по краям, составляя нечто вроде рамочки (отдаленно напоминающей царский картуш вокруг надписи с именем фараона в древнеегипетской письменности). Поля невелики. Вероятно, грамоты лежали в качестве бирки на чем-то, что принадлежало конкретным людям, — например, на их письмах (в виде берестяных грамот), на их личных вещах, на их деньгах... А.В. Арциховский отмечал в связи с этим: «*Перед нами этикетка, обозначавшая что-то, принадлежавшая монахине Марии. Подобных берестяных этикеток найдено уже несколько*»[4].

Среди владельческих надписей встречаются и довольно непривычные, например, на грамоте № 319 XIII–XIV вв.[5] (рис. 83): **ЕВАНОВЕ ПОПОВЕ**. Арциховский по этому поводу замечает: «*Еванове попове» — две притяжательные формы. Еван — обычное новгородское произношение и написание имени Иван; йотованное «Е» в нем ставится часто. Этой берестяной лентой было обернуто что-то, принадлежавшее Ивану*»[5].

Существуют и поручительные грамоты, например, грамота № 79 XII в., на которой начертано **А ВОДАЙ МИХАЛЕВИ** (*А ОТДАЙ МИХАЛЕВУ*[6]) (рис. 84). Странно тут выглядит написание ВОДАЙ вместо ОТДАЙ. Однако я усматриваю тут влияние руницы: слоговой знак в виде палочки мог означать любой гласный звук, и, чтобы обозначить именно нужную гласную, писали слоговой знак с В, например,



Рис. 83. Чтение надписи на грамоте № 319



Рис. 84. Чтение надписи на грамоте № 79

КАВЕМЪСЯ в смысле КАЕМЪСЯ. Так что надпись ВОДАЙ, на мой взгляд, означает ОДДАЙ, где двойное Д графически было представлено одной буквой, ибо такова была традиция руницы — писать удвоения одним слоговым знаком.

На другой грамоте, возможно, дарительной, относящейся к XIII–XIV вв., № 58, нацарапано **МАРЕМЕАНЕ** (*МАРИИ-АННЕ*) [7] (рис. 85). Это имя произносилось как МАРЕМЬЯНА, однако Е и И под влиянием традиций руницы часто путались, а слово АННА в составе двойного имени МАРИЯ-АННА опять-таки под влиянием традиции слоговых начертаний можно было и буквами изображать с одним начертанием Н. Как видно даже по этим примерам, воздействие слоговых традиций на орфографию кирилловских начертаний было довольно значительным.

Хотелось бы отметить форму куска бересты, на которую наносились такого типа надписи. Она прямоугольная, со слегка скругленными углами, справа и слева от надписи имеются довольно обширные поля, что позволяет считать грамоту не только целым, завершенным документом в эпиграфическом смысле слова, но и настоящим документом в юридическом смысле слова. Из этого вытекает вывод, что если бы грамота имела другую форму, например, округленную, она бы, вероятно, потеряла свою юридическую силу.

Владельческие и другие аналогичные надписи наши далекие предки делали не только на бересте, но и на других предметах. Вот как, например, выглядела надпись на маленькой каменной иконке XII–XIII века из Любеча, на лицевой части которой был изображен погрудный пор-



Рис. 85. Чтение надписи на грамоте № 58

трет святого: **ЯКОВЪ**[8] (рис. 86). Заметим, что правила переноса букв тогда отсутствовали и автор надписи перенес на следующую строку единственную гласную букву Ъ. Хотя это уже не кусочек бересты, все равно можно отметить существование вокруг надписи широких полей.

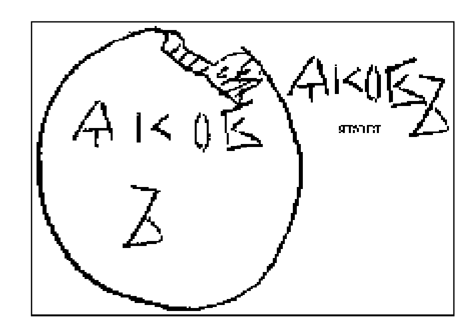


Рис. 86. Чтение надписи на иконке из Любеча

Некоторые кирилловские надписи напоминают ребусы или лигатуры руницы. Такова, в частности, надпись на крышке бочки из Новгорода[9] (рис. 87), которую я читаю **БОРИСКИ**. Впрочем, начало слова, БОРИ, видно довольно отчетливо, но остальную его часть можно только домыслить. Вначале я предполагал, что данная надпись является смешанной, но затем понял, что для ее дешифровки вполне хватает кирилловских букв. Тут тоже вокруг надписи существует обширное свободное пространство, что напоминает традиции владельческих берестяных грамот.

До сих пор я приводил в качестве примера надписи чисто кирилловские. Однако такого же типа были надписи и смешанные, кирилловско-руничные. Так, на одном из ведер Новгорода XV века[10] (рис. 88) начертано **СЕМЕНА**, что означает *СЕМЁНА*, где первый знак является слоговым СЕ. Кстати сказать, почти во всех грамотах имя СЕМЁН пишется СМЕН, то есть первый слог продолжает читаться так, как будто он является не буквой С, а слоговым знаком СЕ. Археологи полагают, что такова была традиция в Новгороде, но причину традиции не объясняют. Если же предположить, что С является не буквой, а слоговым знаком СЕ, причина такой традиции оказывается совершенно прозрачной: остаток (реликт) смешанного написания.

Ряд надписей нанесен на поверхности сосудов, что иногда тоже приводит к проблемам. Так, например, вполне спокойно, без ложных отклонений, эпиграфистами была прочитана надпись на кане XII–



Рис. 87. Мое чтение надписи на крышке бочки



Рис. 88. Мое чтение надписи на ведре

XIII вв. из Новогрудка: **ОЛѢКЪСИ**, что значит *АЛЕКСЕЙ*[11] (рис. 89). Возможность такого прочтения была обеспечена, как видно, тем, что на поверхности сосуда сохранилось много букв надписи, без которых о ее содержании приходилось бы только гадать. Я полностью соглашаюсь с таким чтением, вполне допуская начертание имени владельца на поверхности сосуда.

Однако находка такой же каны XIII века в Суздале с аналогичной надписью привела исследователей к совершенно иному выводу: надпись — «*это монограмма из трех букв **ОЛЕ**. В.В. Седов считал, что в сосуде хранилось оливковое масло — олеи* (***ОЛѢИ***)»[12]. Заметим, что обе надписи — и **ОЛѢКЪСИ**, и **ОЛѢИ** — пишутся через ЯТЬ. Получали ли в Суздале в далеком XIII веке оливковое масло целыми амфорами — это большой вопрос, как и предположение о том, что на Руси такое масло использовалось в принципе. Я хорошо помню годы своей юности, когда в советское время это масло впервые появилось в розничной торговле — многие домохозяйки долго пытались понять, стоит ли ради него изымать из употребления отечественное традиционное подсолнечное масло. В его пользу работал только один аргумент — высочайшая степень очистки. Но это — свойство не самого масла, а зарубежной технологии его производства. Не думаю, чтобы в средние века существовала такая совершенная технология. Поэтому гипотезу об оливковом масле я считаю маловероятной. Почему не предположить, что речь и в этом случае идет о недописанном слове **ОЛѢКЪСИ** — совершенно непонятно.

Я привел в качестве примера чисто кирилловские тексты, из которых следует, что даже их читать не всегда просто. А теперь очень осторожно попробуем прочитать некоторые смешанные надписи, где фигурирует либо имя человека, либо название местности, либо местоимение, их заменяющее. Прежде всего обратим внимание на берестяные грамоты и начнем с наиболее простых из них, с берестяных поплавков, на которые были нанесены владельческие надписи. Чтение берестяных грамот представляет для наших целей особый интерес, поскольку, когда речь заходит о рунице, мои оппоненты спрашивают меня: а много

ли грамот имеют знаки славянского слогового письма? И я понимаю, что это — как бы дополнительный тест на распространенность. Если много, то тогда действительно можно говорить о том, что руница и в средние века входила в тело русской письменности. Если же нет, тогда и говорить не о чем. Так что надписи на грамотах я искал с особенным тщанием, и когда находил, был очень доволен. Только в данном случае сложность моего поиска мало совпадает с обычным представлением о его результатах. Чем крупнее текст из только рунических знаков, тем легче его обнаружить. Поэтому первыми я нашел несколько чисто слоговых текстов. Позже обнаружились тексты смешанные, где знаки руницы перемежались с буквами кириллицы. И, наконец, своим высшим пилотажем я считаю обнаружение одиночных знаков руницы в большом массиве кирилловского текста. Но вот именно такие перлы и оказываются малозначащими для обычных людей. Они для них просто никак не эффектны, совершенно не впечатляют и к тому же стоят на грани элементарной описки. Скажем, в слове «Семён» отсутствует первая гласная буква «Е» и надпись выглядит СМЕНА, как мы только что видели в качестве примера на новгородском ведре. Мои оппоненты мне говорят, что человек просто по рассеянности пропустил букву. Однако, как объяснить тот факт, что в подавляющем количестве берестяных грамот слово СЕМЕН пишется как СМЕН? Вот правописание грамот только одной книжки из серии «Новгородские грамоты на бересте», из раскопок 1962—1976 гг.: СМЕНА — № 483, СМЕНЕ — № 414, 416, 534, СМЕНУ — № 414, СЕМЬ(НЪ) — № 522[13]. Соотношение получается 5: 1. Так что говорить о случайной описке при написании этого имени не приходится, опиской можно считать скорее нормальное написание СЕМЕН.



Рис. 89. Чтение надписей на канах

А.В. Арциховский и В.Л. Янин так и пишут об этом открытым текстом: «*СМЕН — обычная новгородская форма имени Семен*»[14]. Спрашивается, почему «обычная новгородская форма написания»? На это эпиграфисты ответа не дают. Зато его даю я: слоговой знак руницы СЕ выглядит так же, как и буква кириллицы С, поэтому начертание СМЕН читается СЕМЕН. Так что для меня такие находки весьма значительны.

Из всего массива грамот со смешанным и чисто слоговым написанием, насчитывающим порядка 4 десятков, я отобрал несколько таких, в которых встречались имена собственные или названия владельцев. Это — меньшая часть массива, но и она дает определенное представление о смешанных начертаниях.

Владельческие грамоты. Первоиздатели сравнивают грамоту № 432 с предыдущей, № 431, обе XII–XIII вв. (рис. 90), и замечают: «*Оба поплавка от рыболовных сетей несут одно и то же имя Ильи, написанное, однако, разными почерками и с соблюдением разных орфографических приемов. Указанное обстоятельство заставляет обратить внимание на принадлежность раскапываемой усадьбы, где были найдены оба поплавка, к Ильиной улице древнего Новгорода. Не исключено, что эта находка фиксирует существование уличного имущества, в данном случае бывших в собственности всей Ильиной улицы рыболовецких снастей*»[15]. Это — интересное предположение, которого я буду придерживаться при чтении грамот. Обе грамоты первоиздатели не читают, хотя и записывают; № 432 — как **ИЛИН**, а № 431 — как **ИЛИИ.НА**. На мой взгляд, в 432 написано **ИЛЬИНА**, но

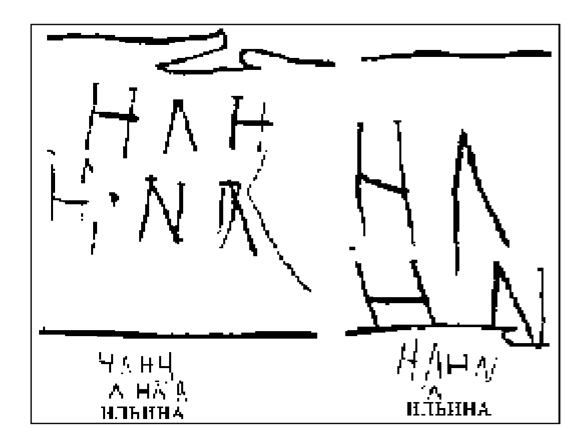


*Рис. **90**. Мое чтение надписей на берестяных грамотах № **431** и **432***

знак L имеет слоговое чтение ЛЬ, а последняя буква N читается тоже не как буква, а как слоговой знак НА. Однако доказать это на грамоте № 432 сложно; не дав чтения, первоиздатели тоже понимали, что написанные знаки надо читать как-то иначе. Но вот грамота № 431 такую возможность уже дает. На ней написано вначале 4 знака, причем второй из них — ЛЬ, а четвертый — НЪ, так что до точки читается **ИЛЬИНЪ**. Это как раз и означает *ИЛЬИНА*. А чтобы читатель не усомнился, что последний знак Н не буква И, он поясняется после точки буквенной транслитерацией **НА**. Таким образом, на обеих грамотах следует читать не ИЛИН и ИЛИИ.НА, а **ИЛЬИНА** в смысле *ИЛЬИ НА УЛИЦА*. Иными словами, предположение первоиздателей данным текстом подтверждается[16].

Далее рассмотрим грамоту № 116 XII века из Новгорода (рис. 91). На ней сохранились по краям дырки от отверстий, показывающие, что береста сшивалась в цилиндр. «*На стенку нанесен правильный зигзаг и под ним написано ЛУШЕВАН... Лушеван — вероятно, имя или прозвище владельца туеса*»[17]. На бересте действительно есть надпись кириллицей, но я ее читаю вместе со знаком руницы **СЕ — ЛУШЕВАН** (*ВОТ — ЛУШЕВАН*). Но основная надпись выполнена слоговым письмом в виде зигзага с лигатурами, который первоиздатели, естественно, за надпись не считают; ими прочитано только имя ЛУШЕВАН. Я читаю: вначале **ТУЕСЬ** (*ТУЕС*), затем аналог кирилловской записи **СЕ — ЛУШЕВАН**, далее — **МАЛЫШЬ-ШЬКОЛЯРЪ, МАЗИЛКА НЕМОЙ**, и вновь **СЕ — ЛУШЕ**. Таким образом, надпись оказывается много пространнее.

Из данного чтения ясно, что туес принадлежал школьнику, почему и появилась данная владельческая надпись. Но хозяин туеса, возможно, обладал дефектами речи[18]. Смешанная надпись на боковинке туеса школьника Лушевана весьма напоминает крышку туеса школьника Онфима, но написана веком раньше. Причина обращения к тайнописи — не только озорство мальчишки, но и желание не выдавать свой дефект

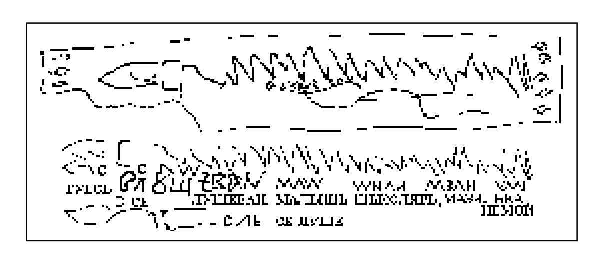


Рис. 91. Мое чтение надписи на новгородской грамоте № 116

и доброе ироническое отношение к себе. Как видим, часть, начертанная руницей в виде зигзага, существенно пополняет наше представление о Лушеване; теперь мы знаем, кто он, и как относится к себе, и что он трижды пытался подписать туес — первый раз внизу, самыми крупными знаками, второй раз вверху знаками руницы помельче и, наконец, кирилловскими буквами на средней строке, самым мелким почерком (сохранив все же знак руницы СЕ).

С точки зрения кирилловской эпиграфики перед нами находится простой зигзаг, не достойный внимания эпиграфиста. Уже на этом примере видно, что новая, руничная эпиграфика относится к памятникам письменности много внимательнее.

Другой памятник — смоленская грамота № 6[19] (рис. 92). Она плохо датируется стратиграфически в силу неясности залегания слоев в месте находки, а также палеографически — из-за малочисленности знаков. На ней имеется всего одна лигатура из двух знаков и один надстрочный знак, но именно из-за их малого количества с ними оказалось очень трудно работать. Совсем недавно я читал **ТЕ МУЖИ**, ⊦ ⋀⋀ ≢ , полагая, что речь идет о бирке, сопровождающей деньги; кто такие ТЕ МУЖИ — должен знать и отправитель, и адресат[20]. Однако третий знак все-таки не ЖИ, а НИ (мачта с двумя, а не тремя перекладинками), а первый знак — все-таки скорее НЕ, чем ТЕ. В 1993 году я читал эту надпись ТИМОШИ, полагая ее тоже владельческой. Но сейчас я склоняюсь к иной версии чтения: **НЕ МЬНИ** (*НЕ МНЕ*). Иными словами, нечто принадлежит не автору надписи. Теперь все три знака, как мне кажется, прочитаны правильно. С точки зрения кирилловской эпиграфики данная грамота — полная бессмыслица.

Третьим примером является грамота № 72 (рис. 93) из Новгорода XIV века, на которой А.В. Арциховский прочитал «*Иванко, сын Демьянко*»[21]. О надписи строкой ниже этот эпиграфист ничего не говорит. На мой взгляд, данная надпись является владельческой, причем это целый документ, а не фрагмент какой-то иной грамоты. Поскольку Иванов было несколько, данный Иван характеризуется как сын Демьяна, но не как ИВАН ДЕМЬЯНОВИЧ, и как **ИВАНКО, СЫН ДЕМЬЯНКО**, что

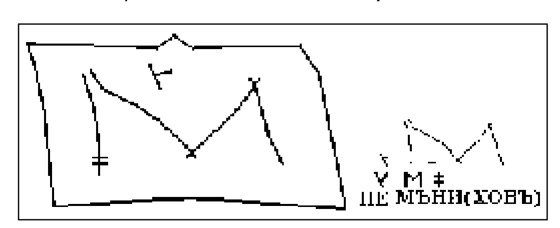


Рис. 92. Мое чтение грамоты № 6 Смоленска

отражает его невысокий социальный статус. В 2000 г. я прочитал нижнюю надпись как **ИВАНЪКА**, заметив при этом, что она была нанесена дважды: сначала крупными штрихами были нанесены знаки I, V и У на примерно одинаковом расстоянии, что дало слово ИВАНА, а затем из знака У был создан знак N с чтением КА, что дало чтение ИВАКА. Поэтому автор надписи вынужден был вставить дополнительный знак У с чтением НЪ[22].

Однако я тогда не объяснил, почему так поступил автор надписи. Сейчас я понимаю, что он помечал владельческие надписи для себя по-старинке, руницей, и потому крупно и с большой разрядкой начертал внизу слово ИВАНА, в родительном падеже. Но потом, поняв, что, передав имя, не передал низкое происхождение Ивана, решил заменить ИВАНА на ИВАНКА, для чего и переделал последний знак с НА на КА, добавив слева одну мачту. Вот тогда-то он и понял, что получилось ИВАКА вместо ИВАНЪКА, и добавил пропущенный знак, но начертал не НЪ, как положено (в виде Н), а знак НО с чтением НЪ, хотя и тут ухитрился сделать настолько маленькую ножку, что У превратилось в V. Так что имена и прозвища не только на Украине, но и на Руси оканчивались на КО, и это окончание склонялось, как в современном украинском языке (например, Киевский государственный университет имени *Т.Г. Шевченка*).

Дарительные грамоты. Возможно, к ним относятся и те грамоты, на которых указан получатель чего-то, что не является подарком. Однако имена там стоят в дательном падеже и этого достаточно для их отнесения к данной категории.

О новгородской грамоте № 89 (рис. 94) А.В. Арциховский высказался так: «*Она, по-видимому, недописана. Имеются лишь 4 буквы, ИМЮН... Отсутствие прочих букв нельзя объяснить разрывом: с обеих сторон пустые места. Для палеографии данных мало. Стратиграфическая дата – XI век*»[23]. Грамоту я изобразил в соответствии с положением А.В. Арциховского наверху, показав и его чтение. На мой взгляд, чтение не только неверное (слова **ИМЮН** в русском языке нет), но и грамота расположено преднамеренно неверно, с разворотом на 180°,



Рис. 93. Мое чтение грамоты № 72

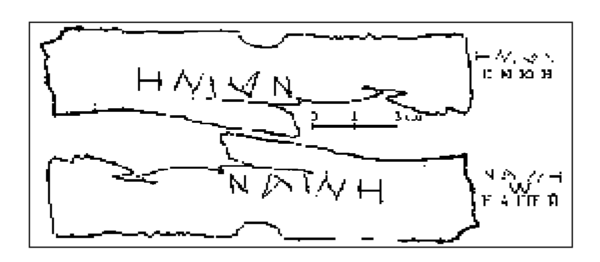


Рис. 94. Чтение надписи на грамоте № 89 А.В. Арциховским и мною

чтобы букву А можно было бы прочитать как Ю. Все дело заключается в третьем знаке, который напоминает латинскую букву W и никак не должен был встретиться у славян. Но из грамоты Лушевана уже известно, что данный знак представляет собой обозначение слога ШЕ, так что эту грамоту можно прочитать как **НАШЕЙ** (дательный падеж от слова НАША) [24]. Такого рода владельческие грамоты известны, например, А ВОДАЙ МИХАЛЕВИ (т.е. А ОТДАЙ МИХАИЛУ) – № 79, как рассмотрено выше. Помещение знака руницы в кирилловский текст – просто описка. Скорее всего смысл данной грамоты – сопровождение некоторого пожертвования *НАШЕЙ ЦЕРКВИ* (или какой-то иной организации, обозначаемой словом женского рода), однако для уточнения этого предположения нужна дополнительная информация.

Другим образцом является новгородская грамота № 396 (рис. 95). А.В. Арциховский о ней пишет: «*Это кусок бересты, на котором нанесены 19 буквообразных знаков в строчку и пять маленьких знаков по дуге. Среди 12 знаков – варианты И и Н. Транскрибировать невозможно... Стратиграфическая дата – рубеж XII–XIII веков*»[25]. Грамота читаема, но в ней несколько лигатур чисто слоговых знаков, почему я тоже не сразу мог ее прочитать. Я читаю ее **СЬ НОВЪГОРОДА – ЧЕНЪТЬСУ**, что означает *ОТ НОВГОРОДА – ЧЕРНЕЦУ (МОНАХУ)*. Очевидно, речь шла о каких-то пожертвованиях со стороны Новгорода монаху. Но причиной тайнописи является не незакон-



Рис. 95. Мое чтение грамоты № 396

ность получения денежных средств от новгородцев, как я полагал ранее[26], а традиционность начертания руницей, принятая среди образованных людей, в данном случае — монахов. В 1996 году я читал СЬ НАРОРОДА ЦЕНЪСУ, в 1993 — УНОША ДАРОВОЙ ЖЕ, что показывает, как непросто читать лигатуры.

Текст грамоты № 396 косвенно подтверждает мое предположение в отношении грамоты № 89; если Новгород перечислял пожертвования монаху (видимо, настоятелю монастыря), он мог перечислять их и определенной церкви.

Долговые квитанции. Разновидностью владельческих надписей можно считать долговые записки, где кредиторы отмечали, кто и сколько гривен у них взял. Это, так сказать, был прообраз бухгалтерского учета. Одной из таких бухгалтерских квитанций является надпись на новгородской грамоте № 458 (рис. 96).

Данная грамота XII века весьма лаконична и по-своему очень красива[27]. О ней первоиздатели сообщают следующее: «*Это целый документ. Стратиграфическая дата: XII век. Палеографических противоречий этой дате нет. Документ по левому и правому краям имеет прорезы для прикрепления его к какому-то предмету — тюку, мешку, коробу и т.п. — и представляет собой ярлык с именем адресата или владельца. Разделить его на слова можно так: ВОЛОСЕ 4. В тюке находилось какие-то четыре предмета, принадлежавшие или адресованные Волосу. Имя Волос (Влас, Власий) было широко распространено в Новгороде*»[27]. Странно, что в таком случае не было написано «ВОЛОСА» или «ВОЛОСУ», то есть не употреблен родительный или дательный падеж. Кроме того, непонятно, почему не было обращено внимание на знак в виде Н, начертанный перед основной надписью. На мой взгляд, этот знак есть слоговой знак **НЪ** в значении предлога НА, так что вся надпись читается **НЪ ВОЛОСЕ 4**, что означает *НА ВОЛОСЕ — (ДОЛГ) 4 (ГРИВНЫ)*. Тем самым данная береста — не бирка с именем отправителя или адресата, а долговой жетон. Слоговой знак употреблен по традиции, причем выделен как более мелким шрифтом, так и начертанием под линией строки[28]. Цифра «4» дублируется также по углам отдельными знаками со значением «1». Странно,

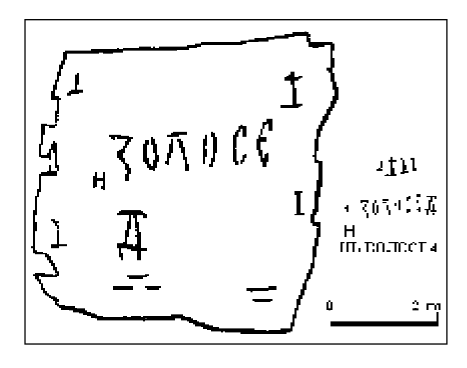


Рис. 96. Мое чтение грамоты № 458

что ни знак «Н», ни знак «I» не вошли в опись эпиграфистов хотя бы на правах «знаков неизвестного назначения». Наконец, мне жаль, что эпиграфисты не увязали антропоним ВОЛОС с именем бога ВЕЛЕСА, который также был известен как ВОЛОС. В христианское время имя ВОЛОС вполне могло быть по созвучию заменено на ВЛАС или ВЛАСИЙ. На этом примере я демонстрирую известную истину: исторический памятник много информативнее того, что извлекают из него исследователи. Впрочем, в этом случае я усматриваю не небрежность, а сознательное неприятие эпиграфистами знаков Н и I, поскольку их появление с точки зрения кирилловской эпиграфики необъяснимо. Вместе с тем у меня возникает предчувствие, что и мое чтение этой грамоты еще не окончено.

Другим примером является новгородская грамота № 450 (рис. 97). Она найдена на Тихвинском раскопе. С точки зрения эпиграфистов, «*это вырезанный из начатой и недописанной грамоты кружок бересты диаметром 4,9 см. В верхней части текст: СЕАЗЪИЛ. Стратиграфическая дата: XII век. Палеографических противоречий этой дате нет. «Се азъ Ил...» – обычная формула начала духовных грамот: «Се аз (имя рек), отходя живота своего...». Здесь, судя по первым буквам имени, автором текста мог быть Илия, Илиодор, Иларион и т.п.*»[29]. На мой взгляд, однако, оснований как для атрибуции грамоты как начала завещания, так и для чтения начала имени «Ил...» нет. Последней буквой явно является Д, а не Л, а предпоследний знак меньше остальных и является слоговым **НЬ**, точно так же как на предыдущей грамоте № 458. Кроме того, вряд ли кто-то из недописанного завещания стал бы вырезать кружочек. На мой взгляд, перед нами целый документ, такая же долговая расписка, как и грамота № 458. С чтением первых букв я согласен, **СЕ АЗЪ**, то есть *ЭТО Я*. А дальше, как и в грамоте № 456, следует **НА 4**, то есть *НА МНЕ 4 (ГРИВНЫ)*. Так ростовщик пометил свой собственный долг – деньги, взятые для каких-то нужд.

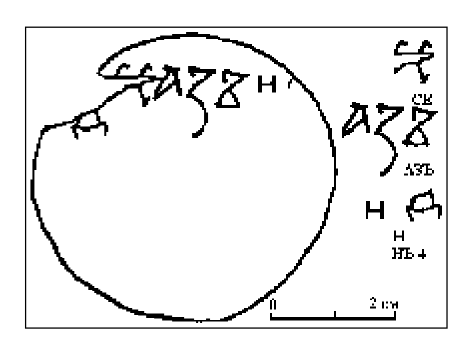


Рис. 97. Мое чтение грамоты № 450

Теперь можно сравнить обе грамоты. Поскольку в грамоте № 450 выражение СЕ АЗЪ дано в именительном падеже, то, как мне думается, то же предположение насчет падежа следует теперь применить и к грамоте № 458. Тогда слово ВОЛОСЕ следует понимать как начертание имени

ВОЛОСЬ с обычным в Новгороде обозначением Ь как Е. А предлог НЪ должен быть поставлен *после* имени. В таком случае эту грамоту следует прочитать **ВОЛОСЕ НЪ 4, IIII**, то есть *ВОЛОСЬ НА 4 (ЧЕТЫРЕ)*. Это означает, что ВОЛОСЬ (под которым я понимаю общину поклонников языческого бога Волоса) взял 4 гривны. А сумма долга, проставленная в виде цифры под титлом, дублируется прописью по углам документа. То же самое можно сказать и о грамоте № 450. Только тут пропись суммы долга в виде отдельных единичных знаков, обозначающих четверку, едва начата — сразу за знаком Н следует косая черта, — но далее кредитор, взявший деньги у самого себя, решил обойтись без бухгалтерской расшифровки. Ведь долг самому себе — это не документ, а лишь напоминание, и потому не нуждается в формальностях типа расшифровки, а также в обязательной квадратной форме бересты. Именно поэтому береста вырезана в виде кружочка — простое напоминание ростовщику, чтобы при подсчетах вспомнить, куда ушли 4 гривны.

Третьей долговой распиской является грамота № 593 (рис. 98). Первоиздатель сообщает о ней следующее: «*Это небольшой отрывок... УОИ ΥЛЪ... Стратиграфическая дата — первая половина XI века. Для палеографии мало данных. Отмечу лигатуру ΥЛ. Грамота разделяется на слоги так... ОУЙ ΥЛЪ. Кто-то, чье имя оканчивается на «...УЙ», — типа Балуй, Мелуй, Межуй, — «писал»*[30]. Из прориси грамоты, однако, видно, что порядок букв в тексте иной, не ОУ, а УО, и, кроме того, У — зеркальное, другого размера и жирности, то есть принадлежит другому почерку. Однако этот факт не отмечен первоиздателем, ибо в этом случае меняется вся интерпретация надписи. А вообще-то здесь различимы несколько текстов. Первоначально было написано перевернутое на 180° слово ИО... с началом третьей буквы, что, вероятно, образовывало имя ИОНА; надпись была либо владельческой, и по ней Иона должен был что-то получить, либо долговой, и по ней Иона что-то задолжал. Однако имя осталось недописанным, следовательно, либо Ионе его доля богатства не полагалась, либо было неизвестно, сколько он задолжал. Надпись тем самым была спорной, и кто-

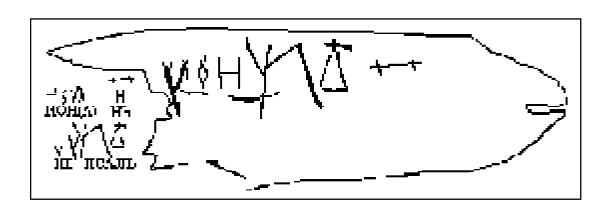


Рис. 98. Мое чтение надписи на грамоте № 593

то мог бы выдать Ионе его долю либо взыскать с него долг. Далее, чуть ниже (поскольку первоначальное положение грамоты было развернуто на 180⁰, в нынешнем положении это будет чуть выше) начертан несколько удлиненный, но опять-таки более низкий слоговой знак НЪ, что отличает именно долговую квитанцию. А вот какой долг числился «НА ИОНЕ», кредитор не помнил. Поэтому он, расстроившись, поспешил начертать поверх крупными знаками свою оплошность; она состояла из лигатуры ѰЛЪ в смысле ПИСАЛЪ и слогового знака НЕ. Тем самым долг Ионы оставался, но неопределенность его в цифровом выражении удостоверялась этим росчерком. Окончательный текст грамоты я усматриваю таким: **ИОНА НЪ (?) — НЕ ПСАЛЪ** (*ИОНА — НА (?). НЕ ЗАПИСАЛ*). Слово НЕ написано слоговым знаком по привычке и весьма крупно, чтобы кредитор мог понять, что он по ошибке забыл записать полную сумму займа Ионы. Кроме того, видимо, слоговая надпись была традиционной и, следовательно, непререкаемой[31]. Опять следует обратить внимание на то, что квитанция имеет вид не квадрата, а овала, видимо, из-за того, что опять не может являться документом в юридическом смысле: на ней не проставлена сумма займа.

Как видим, и здесь мой коллега, не зная руницы, дал ложную атрибуцию грамоты: с его точки зрения выходило, что кто-то (БАЛУЙ, МЕЛУЙ, МЕЖУЙ) решил пометить сам факт своего письма, вроде того, как сейчас мальчишки оставляют на заборах свои автографы. В действительности, однако, здесь упущены два знака руницы (НЪ и НЕ) и имя ИОНА, не отмечена владельческая форма грамоты (овал), и потому долговая квитанция принята за некую детскую шалость.

Поминальные грамоты. Еще одной группой надписей являются поминальные записки, которые прихожане передавали священнику в церкви, чтобы он помянул кого-то «за здравие», а кого-то — «за упокой». В них тоже встречаются в большом количестве слоговые знаки. Для примера рассмотрим новгородскую берестяную грамоту № 504 (рис. 99).

Хотя в описании данной грамоты XII–XIII вв. сказано, что это обрывок документа, я этого не нахожу: тут помещено пять имен так, что они аккуратно вписаны в контуры бересты[32], поэтому я считаю данную грамоту целым документом. Это поминальная грамота с весьма любопытными начертаниями слов. Первое слово Фома написано как ФОМ, после чего стоит словоразделитель в виде точки; очевидно, что знак М надо читать как МА, а все слово — как **ФОМА**. Тем самым мы видим тут слоговую описку. Второй раз тот же слог встречается в слове **МАРИЯНА** (*МАРИЯ-АННА*), который написан как ЛАРИЯНА, поскольку сочетания Л и А как раз и выглядят как М, а М означает

МА; следовательно, подлинным чтением этого имени должно быть **МААРИЯНА**, ибо помимо слогового знака МА тут есть еще и буква А. Написание же ЛАРИЯНА настолько удивило В.Л. Янина, что он прочитал его как... ИЛАРИОНА (!). На самом деле автор записки написал вначале МРИАНА, читая первый знак не как букву, а как знак руницы, а потом, поняв, что в кириллице нужно написать А, дописал черточку к правой части М, так что получилось А; при этом М лишилось правой половины, превратившись в Λ.

Второе имя в списке – **ТИМОФЕЙ**, но оно начертано как ТИМОФ; точно так же, как последнее имя в списке, **АНАНИЙ**, начертано как ОНЪН. Это – правила орфографии слогового письма, где обычно не пишется концевой Й; здесь, однако, автор надписи пошел дальше и опустил уже ЕЙ и ИЙ. Наконец, самым любопытным является предпоследнее слово. Вначале автор надписи хотел начертать слово ОНАНИЙ и уже вслед за О написал две мачты Н, но вспомнил, что забыл помянуть еще одно лицо, чье имя начинается на О, зачеркнул Н и начертал ОСКАЬ. С точки зрения кирилловского письма после гласных Ь невозможен; но с точки зрения слогового письма знак Ь означает РЬ, так что помянут **ОСКАРЬ**. Понятно, почему В.Л. Янин в отношении Оскара и Анания написал «*остальные имена неразборчивы*»[32]. Итак, мы видим, что концы первого, второго, четвертого и пятого слова, а также начало третьего написаны либо со слоговыми знаками, либо со слоговыми опущениями. Следовательно, кириллицей писала рука, привычная к слоговому начертанию. В связи со сказанным весьма интересно отметить начертание имени Пантелей как ПАНТЕЛЕЬ в грамоте № 561. Тут Ь использовался как Й, то есть в своем кирилловском значении (так он произносится в качестве Ь разделительного). Следовательно, начертание ОСКАЬ передает именно слоговой конечный знак РЬ. Итак, написаны имена: **ФОМА, ТИМОФЕЙ, МААРИЯНА, ОСКАРЬ, ОНЬНИЙ**[33].

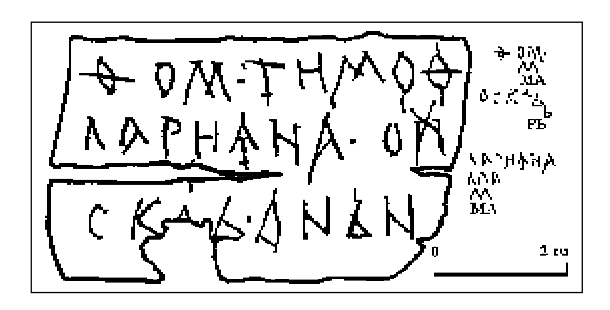


Рис. 99. Мое чтение имен на грамоте № 504

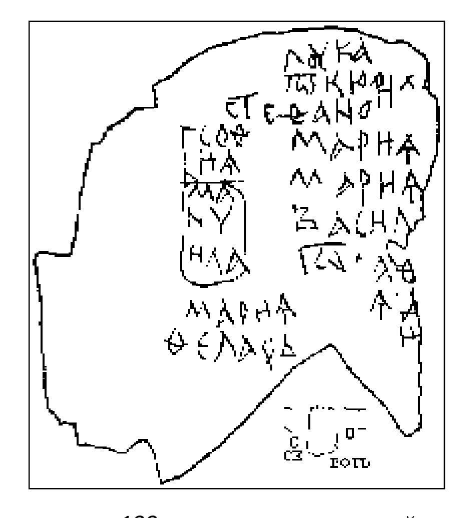


Рис. 100. Мое чтение надписей на грамоте № 553

Три знака можно выделить на грамоте № 553 (рис. 100). Это цельный документ XII–XIII вв., я поместил даже нижний фрагмент[34]. Написан он на обрезке днища берестяного лукошка и представляет собой обычную поминальную грамоту, где перечисляются имена Луки (дважды), Иоанна (дважды), Кирилла, Стефана, Мануила, трех Марий и т.д. Меня интересует знак, находящийся слева от имени Софии и обводящий имя Мануила. Верхний из них читается **СЕ**, нижний – **ВОТЬ**, так что вместе они образуют два указательных местоимения, вероятно, обращающих внимание священника на начало поминания. Итак, сначала надо сказать СОФИЯ, а затем – МАНУИЛ. И лишь после этого читать столбик справа, начиная от Луки. Прежде я читал слово **ВЪСЕ**[35]. Таким образом, перед нами слоговая ремарка автора надписи.

Фрагмент еще одной новгородской берестяной грамоты представляет собой отрывок документа XII–XIII в., утративший нижние строки; я опустил левую часть грамоты[36] (рис. 101). Это тоже поминальная грамота, перечисляющая имена Петра, Ивана, Маремьяны, Анны и т.д. Меня интересует большой знак справа на полях, напоминающий римскую цифру IV. На мой взгляд, так написано слово **ДЬВА**, где знак ДЬ сливается со знаком ВА в виде лигатуры. Этот знак указывает, сколько раз надо читать поминания, в данном случае *ДВА*. А на грамоте № 559 на левых полях стоит 6 черточек, что обозначает, что поминать надо 6 раз. Здесь мы опять видим слоговую ремарку автора надписи[37].



Рис. 101. Мое чтение надписи на грамоте № 506

Грамота-молитва. Относится к 40–60 гг. XII века[38] (рис. 102). Первоиздателями рассматривается как заговор от болезни. Сихаил — христианский ангел или архангел-демоноборец, известный по упоминаниям в заговорах. Отмечается, что третья строка не имеет надежной интерпретации, что мне вполне понятно, ибо тут перед нами — лигатура из слоговых знаков. Текст надписи прочитан так: **ИС ХС (ИИСУС ХРИСТОС). НИКА. СИХАИЛЪ, СИХАИЛЪ, СИХАИЛЪ. АНЬГЕЛЪ, АНГЕЛЪ, АНГЕЛЪ ГИДЕНЬ (ГОСПОДЕНЬ), Г... ИМЯ-АНЬГЕЛА.** Странно, что перед словами ИМЯ АНГЕЛА стоит почти нечитаемая лигатура, которая, видимо, это имя и называет. Но зачем скрывать имя? Вероятно, это можно узнать, прочитав его.

С моей точки зрения, в литературе можно выделить слоговые знаки ГЪ, ДЕ, Я, РИ и ЛО, что вместе образует текст: **ГЪДЕ ЯРИЛО** (*ГДЕ ЯРИЛО*). Стало быть, именем ангела господня будет не столько Сихаил, сколько ЯРИЛО. Или, точнее, христианскому Сихаилу языческое имя будет ЯРИЛО. Таким образом, мы имеем редкий случай демонстрации двоеверия с точным обозначением языческо-христианского соответствия духовных персонажей. С 1996 по 2000 гг. я читал этот текст чуть иначе: ГТѢ. Ясно, почему данное место грамоты написано тайнописью: за упоминание языческих богов даже в заговорах полагались различного рода наказания. Так что перед нами употребление тайнописи по религиозным соображениям[39].

Грамота-записка. Среди многих берестяных грамот с именами смешанного письма встретилась одна весьма необычная, ибо смешанным письмом тут оказывается не привычное уже рунично-кирилловское, а рунично-латинское. Это — грамота № 753 (рис. 103). Хотя исследователи поломали над ней немало копий и провели немало часов, разгадать ее смысл им удалось. И, как ни странно, причиной тут было не незнание руницы, а незнание латиницы, точнее — неспособность принять тот смысл, какой вытекал из нормального чтения.

Итак, грамота была найдена на Троицком раскопе. «*Это целый берестяной лист, в левой части которого имеется короткая запись латинскими буквами, состоящая из двух строк* ***(-) ILGEFAL/***

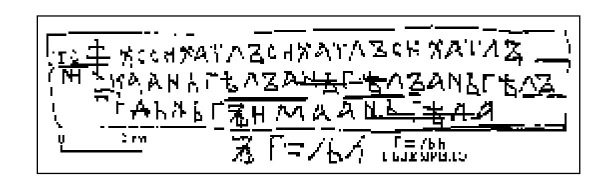


Рис. 102. Мое чтение надписи на грамоте № 734

IM[K] IE*. Ниже второй строки очень тонкими штрихами нанесены еще какие-то знаки, лишь отдаленно напоминающие буквы, — скорее всего орнаментального характера. В первой строке левее основной записи довольно слабыми штрихами прочерчена фигура, интерпретация которой затруднительна: можно предполагать в ней нечетко выполненное инициальное P или инициальное T; но не исключено и то, что эти штрихи являются просто орнаментальными. Во второй строке буква, записанная нами как K, не совсем надежна: может быть, ее следует интерпретировать как N с маленькой лишней черточкой. Неясно также, является ли короткий штрих над первым I знаком долготы или он просто случаен, как штришок над соседним L... Стратиграфическая дата: середина XI века. В настоящее время текст грамоты № 753 еще не имеет удовлетворительного полного прочтения. Он ожидает более пристального внимания со стороны германистов*»[38]. Я вполне согласен с тем, что предложенное прочтение неудовлетворительно, хотя полагаю, что в данном случае обращаться к германистам преждевременно: одна буква прочитана неверно, две буквы не замечены вовсе и потому не вошли в читаемый текст, к ясной букве неоправданно приковано внимание, а штрихи над буквами, равно как и «орнамент», не имеют отношения к немецкому тексту, а написаны отчасти руницей, отчасти кириллицей.

Ясно, что при такой деформации исходного немецкого текста он не имеет смысла. Путь, по которому пошли эпиграфисты, завел их в тупик: «*Хорошо вычленяются лишь слова GEFAL IM 'попади (или выпади) ему', 'пусть попадет (или выпадет) ему', указывающие на немецкое (а не скандинавское) происхождение записи (ввиду наличия приставки GE- и формы дательного падежа единственного числа IM). Если в грамоте действительно имеется инициал P, первое слово записи предстает как древненижненемецкое (= древнесаксон-*



Рис. 103. Мое чтение надписи на новгородской грамоте № 753

ское) **PIL** *'стрела' (современное немецкое* **PFEIL**). *Слова 'стрела ему попади' в этом случае должны истолковываться как магическое заклинание, записанное с целью принести гибель врагу. Если инициал истолковывается как T, первым словом текста оказывается* **TIL** *(сравни в средненижненемецком* **TIL** *'цель', древневерхненемецком* **ZIL**, *готском* **TILARIDS** *'стремящийся к цели' (надпись на копье). Если перед* **GEFAL** *стоит просто* **IL**, *истолкование первого слова менее ясно. Удовлетворительный смысл мог бы дать корень* **ILL** *(сравни древнеисландское* **ILL-** *'зло', также в сочетании с корнем* **FALL-** *—* **ILL-FELLI** *'несчастье', 'несчастный случай'); но он характерен именно для скандинавских языков, а из западногерманских языков представлен (в качестве скандинавского заимствования), по-видимому, лишь в древнеанглийском. Не имеет до сих пор надежного истолкования также заключительное* **KIE**. *Может быть, это слово можно связать со средненижненемецким* **KEIE (KEIGE)** *'дротик, метательное копье'. При чтении первого слова как* **TIL** *эта версия дала бы общий смысл В ЦЕЛЬ ПОПАДИ У НЕГО КОПЬЕ.*

А.В. Назаренко (устное сообщение) предложил интерпретировать здесь **KIE** *как отрицательное наречие с таким же* **K-**, *как в современном немецком* **KEIN**. *В этой версии документ предстает не как губительное, а напротив, как охраняющее заклинание: СТРЕЛА (?) НЕ ПОПАДИ ЕМУ НИКОГДА. Однако эту гипотезу крайне трудно согласовать с этимологией немецкого* **KEIN**, *которое восходит к древневерхненемецкому* **DIHHEIN, NIHHEIN**, *— как потому, что от предполагаемого* ***DIHHIE, *NIHHIE** *'никогда' не сохранилось никаких следов, так и по хронологическим соображениям: в середине* **XI** *века усеченной формы* **KEIN**, *по-видимому, еще не было. С другой стороны, если допустить, что в тексте грамоты №* **753** *стоит не* **K**, *а* **N** *(смотри выше), данная версия становится совершенно правдоподобной: в отличие от* **KIE** *слово* **NIE** *заведомо существовало»*[40].

Очень любопытный пассаж: какой-то житель Новгорода пишет на берестяной грамоте на древненижненемецком СТРЕЛА НЕ ПОПАДИ ЕМУ НИКОГДА. Зачем? Если это оберег, то почему он начертан на левой начальной части бересты, как если бы предполагалось что-то записывать дальше? Но почему этот оберег начертан для НЕГО, а не для СЕБЯ? И кто этот ОН? Таких недоуменных вопросов можно задавать множество; и на них не будет дан ответ по одной причине: данная дешифровка ложна. Меня всегда удивляла способность эпиграфистов давать целый каскад пояснений, когда они не могут вскрыть простенькую суть. А тут авторы дешифровок просто фонтанируют, сопоставляя древневерхненемецкий со средненижненемецким и древнеисландским, демон-

стрируя блестящую эрудицию в знании средневековых немецких диалектов. И это при всем том, что в чтении русских средневековых текстов (а их книга посвящена именно русским, новгородским средневековым грамотам) они совершенно не курсе того, что существовала руница (а работы по ней публикуются уже более 10 лет, но не удостаиваются внимания академиков), и что на данной грамоте знаки нанесены двумя почерками разной толщины и, следовательно, могут означать два разных шрифта. (Как-то непроизвольно закрадывается мысль, что назначение академической науки — не поиск истины, а ошеломление читателя эрудицией. Дескать, пусть я не понимаю сути написанного, но зато поглядите, как великолепно я разбираюсь во всем остальном!)

А я исхожу именно из русских начертаний. Кроме того, считаю, что в немецком тексте после IL написана не буква G, а буква S, так что первое слово является женским именем ILSE. Я также читаю две буквы латиницы в третьей строке, незамеченные эпиграфистами, принимая их за лигатуру KN, так что немецкую часть надписи я читаю так: **ILSE FAL IM KIEKN**, что можно передать на современном немецком языке как *ILSE FALL IM KIEKEN*, а по-русски как *СЛУЧАЙ ИЛЬЗЫ: В РАЗГЛЯДЫВАНИИ*. Кстати, большой словарь немецкого языка дает помету при глаголе KIEKEN: «*нижненемецкое, Берлинское — глядеть, глазеть*»[41]. Так что Ильза — девушка, на которую «глазеют» (здесь глагол с типично берлинским «проглатыванием» E в конце слова субстантивировался в существительное среднего рода, а слово IM — не местоимение IHM, ЕМУ, а предлог, слитый с артиклем в дательном падеже). Иными словами, перед нами описана особа легкого поведения с Запада, на которую «глазеют» мужчины (такое понимание вытекает из первого осмысления. Однако оно не последнее).

Более тонким шрифтом нанесена русская часть текста. Над первой строкой я читаю не знаки ударения, а слоговой знак ДЕ, а буквы латиницы IL при этом можно прочитать как знак ВЪ (букву L), и знак КА (букву I с надстрочным «знаком ударения»). Получается слово **ДЕВЪКА**, то есть *ДЕВКА*, что вполне уместно при характеристике Ильзы.

На первой строке начертан слоговой знак ПО, на третьей строке сначала идет кирилловская лигатура ХО, потом попытка начертать слоговой знак ТЬ, и в конце слоговой знак ТИ. Тем самым смешанным (и потому тайнописным) способом начертано слово **ПОХОТИ**, не нуждающееся в переводе. Итак, перед нами *ДЕВКА ПОХОТИ*, то есть *ПРОСТИТУТКА*. Понятно, что русским текстом сказано прямо то, на что намекает немецкий текст. Так что перед нами некая записка-памятка:

Ильза — проститутка, смотри, не замарай репутацию! Возможен, однако, и иной общий смысл: *Ильза — проститутка. Может пригодиться*. Но из получившегося весьма неприглядного общего смысла высказывания возможен и второй вариант чтения второго слова: не FALL, а FAL(LOS). Тогда надпись можно прочитать как **ILSE: FAL(LOS) IM KIEKN** (*ИЛЬЗА: ФАЛЛОС НА РАЗГЛЯДЫВАНИЕ. ДЕВКА ПОХОТИ*). Так что теперь слово ГЛАЗЕЕТ относится не к мужчине, а к женщине: глазеет она. При таком чтении можно заподозрить некое оральное сношение со стороны Ильзы, что было довольно удивительно для новгородца XI века. Так что если в данном отрывке и идет речь о «стрелах», то совсем в ином смысле. Понятно и то, что при довольно высоком уровне нравственности на Руси в средние века писать подобные строки открытым текстом было бы опрометчиво. На мой взгляд, на грамоте № 753 нанесено два текста, один сделан кем-то на немецком языке (возможно, сводником, рекламирующим прелести Ильзы), а другая — либо потенциальным клиентом, либо тоже сводником, но уже новгородцем. Именно поэтому на бересте оставлено место справа: если клиент заинтересуется, он может написать правее свои пожелания, скажем, заказать девушку на определенное время. В таком случае перед нами находится не столько грамота-записка, сколько «бланк заказа» на обслуживание.

В связи со сказанным несколько напыщенно звучат заключительные строки эпиграфистов: «*Несмотря на все эти трудности, грамота № 753 оказывается чрезвычайно важным свидетельством присутствия в Новгороде середины XI века посетителей из Германии, равно как и того, что они пользовались тем же материалом и теми же приемами письма, что и новгородцы*»[40]. Да уж, средневековый вариант современного Plattdeutsch по поводу ДЕВКИ ПОХОТИ Ильзы — «*чрезвычайно важное свидетельство посетителей из Германии*». Как чудесно, что и о «ночных бабочках» писали вульгарным нижненемецким диалектом, пользуясь «*тем же материалом и теми же приемами письма, что и новгородцы*»! И какие замечательные «*посетители из Германии*» приезжали к новгородцам в XI веке! Кстати, а почему эпиграфисты считают, что посетители были из Германии? Имя Ильзе является скорее прибалтийским, ибо немецким будет имя Эльза, да и характер поведения Ильзы больше напоминает некоторых прибалтиек, чем немок. С Прибалтикой контактировала прежде всего Пруссия, которая и соприкасалась с нижненемецким диалектом. Так что немецкий язык части надписи еще не свидетельствует о том, что ее автором был немец.

Промежуточный итог. Рассмотрев 15 смешанных надписей на берестяных грамотах, можно прийти к некоторым выводам. Прежде всего

на значительной части смешанных текстов роль слоговых знаков весьма скромна. Так, на поплавках с названиями Ильиной улицы речь идет лишь о слоговых знаках ЛИ и НА, совпадающих с кирилловскими буквами по своим начертаниям, а на надписи НАШЕЙ в виде описки проскользнул знак W вместо букв ШЕ. Далее в трех случаях повторяется слоговой знак НЪ, когда речь идет о долгах, НА КОМ сколько гривен числится. Правда, в третьей из этих грамот уже фигурирует и знак НЕ, запечатлевший оплошность кредитора, который забыл записать, сколько гривен числится на Ионе. На поминальных грамотах слоговым способом записывается число чтений, ДЬВА, а также и выделенное место, СЕ и ВОТЪ. Такова половина грамот.

На другой половине роль слоговых надписей значительнее. Так, одна из грамот слоговым способом дублирует имя автора надписи, Иванка, в виде слова ИВАНКА. Другая просто подразумевает владельцев — НЕ МНЕ. Третью эпиграфисты прочитали с ошибками, не поняв слоговых знаков и не заметив имя ОСКАРЬ. Четвертая и пятая связаны с тайнами; одна из них в качестве ангела называет языческого бога ЯРИЛО, а другая предлагает передать средства С НОВГОРОДА ЧЕРНЦУ. Седьмая представляет собой характеристику владельца: СЕ ЛУШЕВАН, ШКОЛЯР, МАЗИЛКА НЕМОЙ. Наконец, на восьмой грамоте слоговыми знаками начертано ДЕВКА ПОХОТИ, что дает ключ к пониманию надписи на нижненемецком. Таким образом, здесь слоговые надписи являются либо ключевыми словами, без которых текст можно понять превратно, либо вообще самим текстом.

Интересно, что имена чаще пишутся не слоговым способом, а единственное слоговое начертание имени присутствует в грамоте, где все христианские ангелы поименно названы кирилловским способом, и только Ярило — слоговым. Вполне понятно, что традиция начертания слоговым способом языческих имен не могла исчезнуть внезапно; что же касается имен христианских, то они в основном пришли на Русь вместе с кирилловской графикой.

Приведенные примеры показывают, что слоговых текстов среди грамот не так уж мало. Правда, я здесь продемонстрировал далеко не все грамоты, содержащие слоговые знаки, а лишь те, которые несли в себе имена и не слишком обширный текст. У меня в запасе есть еще ряд грамот, как слоговых, так и смешанных, в которых нет имен, либо имена представляют собой малозначащую часть текста. Но о них речь пойдет впереди. Пока же ясно, что в XI веке крупно и более предпочтительно писали руницей в особо важных случаях (НЕ ПИСАЛ), возникали настоящие описки в виде слоговых вставок в обычные слова, начертанные кириллицей (НАШЕЙ), а также новгородцы предпочита-

ли слоговым способом писать целые слова (ДЕВКА ПОХОТИ) явно, тогда как в XII веке эта тенденция была продолжена, но в виде тайнописной лигатуры (ГДЕ ЯРИЛО), тайнопись проникает и к детям (СЕ ЛУШЕВАН), и в то же время юридический термин долга (НА ком-то столько-то гривен долга) писался по традиции слоговым знаком весьма даже явно. В XII–XIII вв. слоговыми знаками все еще пользуются для указания количества поминаний на записках (ДВА), обозначения частей привычных слов, например названия улицы (ИЛЬИНА), в имени человека (ФОМА), хотя иногда пишут имя руницей и почти полностью (ОСКАРЬ), и все еще прибегают к тайнописи (С НОВГОРОДА — ЧЕРНЦУ). Но уже впервые встречается буквенное чтение слогового знака (МААРИЯНА). Для меня это означает такой уровень внедрения кириллицы, когда она полностью уравнялась в сознании новгородцев с руницей. В XIV веке руница на грамотах применяется уже только «для себя» — для дублирования крупными знаками кирилловских начертаний (ИВАНКА). Так что на берестяных грамотах в XI веке руница не только употреблялась, но и пользовалась несколько большим престижем по сравнению с кириллицей, была письмом номер один, тогда как к XII веку заняла прочное второе место после кириллицы, а к XIV веку уже стала считаться письмом не публичным, но чисто домашним. Таково место руницы в наиболее яркой разновидности письменности — берестяных грамотах. А каково было положение вещей в других видах эпиграфики? Это мы сейчас рассмотрим, обратив внимание на надписи на дереве и кости.

Бондарные знаки. Из надписей на дереве весьма любопытно рассмотреть бондарный знак русских мореходов XVI–XVII вв. из приполярного города Мангазея[42] (рис. 104). Вероятно, каждый моряк имел на корабле свою бочку с продуктами или личными вещами (в последнем случае это мог быть рундук — сундук с округлыми боками, набранный из лотков и скрепленный железными обручами, как бочка). Эти изделия надо было подписывать. На рисунке мы видим смешанную надпись.

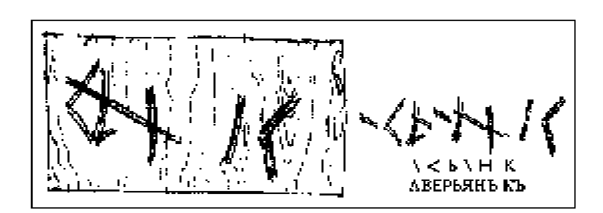


Рис. 104. Мое чтение надписи на рундуке из Мангазеи

Я читаю надпись **АВЕРЬЯНЪ КЪ**, то есть как владельческую надпись, поясняющую, что хозяином кадки является человек по имени *АВЕРЬЯН* и имеющий фамилию, начинающуюся с буквы К. Она выполнена весьма изящно; ее основу составляет косая черта, передающая звук А в начале и в предпоследней части слова, плавно переходящая в перекладину конечного знака НЬ. У знака РЬ петелька разорвана. Возникает впечатление, что и рундучки других моряков подписаны аналогично, то есть содержат полное начертание имени и одну букву фамилии (или вообще не содержат фамилии). Таких надписей в цитированном источнике приводится еще 3 (2–4) [42] (рис. 105).

В первом случае я полагаю, что надпись следует перевернуть, чтобы более жирный шрифт второго знака читать прежде. Тогда получается надпись из двух знаков, первый из которых ШЕ/ЖЕ, а второй — КА, что дает слово **ЖЕКА**, то есть *ЖЕНЯ*, уменьшительное от *ЕВГЕНИЙ*. Далее имеется надпись в две строки, где первые два знака — руница, третий знак (во второй строке) неопределен, а четвертый — буква. Все же, полагаю, что поскольку третий знак принадлежит к имени, он — слоговой. Тогда надпись будет **РАДИКЪ Л.** (или **РАДИКЪ П.**). Радик — это уменьшительное от *РОДИОН*. Наконец, последнюю надпись я читаю как **ИГОРЬ** (знак РЬ начертан в виде лигатуры с Г с поворотом на 90°), где мужское имя *ИГОРЬ* начертано полностью и не сопряжено с инициалом фамилии.

Таким образом, моряки из Мангазеи подписывали рундуки со своими личными вещами либо полным именем (АВЕРЬЯН, ИГОРЬ), либо уменьшенным (ЖЕКА, РАДИК). Поскольку моряков на корабле было немного, имена вряд ли повторялись, а если они повторялись (как в случае Аверьяна и Радика), личные вещи различались лишним знаком — инициалом фамилии. Тем самым продемонстрирована интересная практика, прямо противоположная современной: сейчас мы пишем

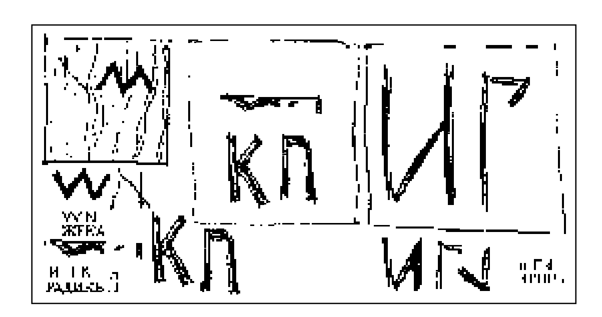


Рис. 105. Мое чтение надписей на рундуках из Мангазеи

фамилии и инициалы имени, а три века назад писали имена и инициалы фамилии.

Весьма красивую прорись (при очень темной фотографии) удалось получить для крышки кадушки первой половины XIII в. из Новгорода[43] (рис. 106). Второй знак представляет собой лигатуру, доставившую много неприятностей эпиграфистам. Я не вполне соглашаюсь с чтением А.А. Медынцевой **ОТНЬ**, полагая, что хотя буква Е видна не отчетливо и слита в лигатуру с Т, она все же существует, и на нее оставлено место. Поэтому я читаю **ОТЕНЬ** (*ОТЦОВ*). А.В. Арциховский читал первую лигатуру как глаголическую букву М, а все слово — как **МНЬ** (*МЕНЬ, НАЛИМ*), с чем я не согласен. А нижняя часть надписи, на мой взгляд, представляет собой традиционное слово **ПЬЧАТЬ** (*ПЕЧАТЬ*). Наличие печати или слова ПЕЧАТЬ являлось удостоверением надписи.

Так что в данном случае собственником кадушки является отец, что и закреплено надписью ПЬЧАТЬ.

Владельческая надпись на ноже из Дрогичина. В польском городе Дрогичине была найдена костяная рукоятка ножа XII–XIII вв. с русской надписью (рис. 107). Первоиздатель читает ее **ЕЖЬКОВЪ НОЖЪ, А ИЖЕ И ХТО УКРАДЕТ, ПРОКЛЯТЪ**[44], полагая, что нож принадлежал россиянину. «*Следует подчеркнуть все более обнаруживающиеся торговые отношения с Русью. О масштабах их свидетельствует, например, число пломб, найденных в Дрогичине, который был пунктом перевозки товаров*»[44].

Я читаю надпись кирилловскими буквами чуть подлиннее, **ЕЖЬКОВЪ НОЖЪ, А ИЖЕ И ХТО УКРАДЕТ, ПРОКЛЯТЪ ОН**, а затем ее продолжение руницей, — **ВЕРОЙ ИНОЙ** (*ЕЖИН НОЖ, А ЕСЛИ КТО И УКРАДЕТ, ОН ПРОКЛЯТ, ИНОВЕРЕЦ*). Я усматриваю полонизмы в написании (Ъ после Ж, Y вместо У), имени (ЕЖИ вместо ЮРИЙ), в упоминании ИНОЙ ВЕРЫ (то есть православия вме-



Рис. 106. Мое чтение надписи на крышке кадушки из Новгорода

сто католицизма у предполагаемого воришки). Скорее всего речь идет о поляке, торговавшем с русскими и общавшемся с ними устно (ХТО вместо КТО), хотя и знавшем слоговое письмо (ВЕРОЙ ИНОЙ). Русские за рубежом, оставленные без привычного присмотра, действительно были весьма вороваты (вспомним, что даже Петр I, выезжая за рубеж, велел членам своей свиты зашить карманы, дабы не подвергаться искушению взять то, что плохо лежит).

Надпись на подвеске. На «Замковой горе» Мстиславля в слое XIII века была выкопана подвеска из розового шифера, где первоиздатель отметил буквы НТА, Ж, Р и В[45] (рис. 108). На мой взгляд, вместо последних букв имеются слоговые знаки КЪ и НЕ/НЯ. Я читаю кирилловскую надпись **НЪТАША** (имя владелицы), что означает *НАТАША*, обращая внимание на слоговое чтение первого знака. Слово НАТАША означает уменьшительную русскую форму от женского имени НАТАЛЬЯ, здесь стоит в родительном падеже. Перед этим словом начертано **МОЛУ** (*МОЛЮ*). Другую надпись я читаю как чисто слоговую, **КЪНЯЖЬВА**, что означает притяжательное прилагательное от слова *КНЯЗЬ*. Наконец, последнее слово — **ЛЯЛЯ**, то есть, возможно, нечто вроде слова *КУКОЛКА*. Не исключено, что НАТАША была наложницей князя. Раньше я читал эту надпись как смешанную, **ОБОЖАНЕ** (*ОБОЖАНИЕ*), где незамкнутый круг можно принять и за букву О, и за слоговой знак БО. А еще ранее я читал данную надпись несколько иначе: НАТАША, ЖЕНЕ[46].

Промежуточный итог. Рассмотрев 7 надписей, из которых 4 на рундуках относятся к XVI–XVII вв., одна надпись на дереве к XIII в., к тому же периоду надпись на подвеске и к XII–XIII вв. — надпись на ручке ножа, можно сказать, что до надписей моряков обычно имена людей писались буквами кириллицы, а фамилия или прозвища —

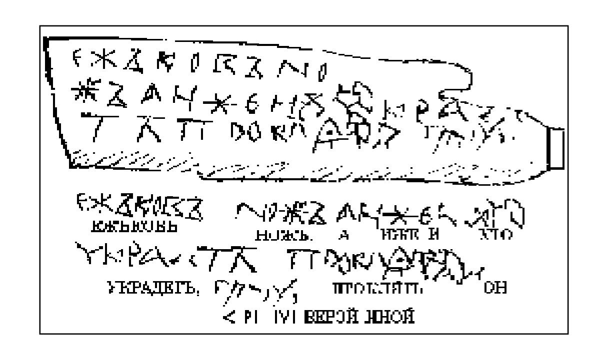


Рис. 107. Мое чтение надписи на ноже из Дрогичина

руницей. Так и в этом случае: и слово НАТАША, и слово ЕЖКОВ, и слово ОТЕНЬ (ОТЧИЙ) начертаны кириллицей. А на крышках рундуков моряков имена АВЕРЬЯН, ЖЕКА, РАДИК и ИГОРЬ начертаны либо целиком руницей, либо лишь с одной кирилловской буквой (И в слове ИГОРЬ), тогда как инициалы фамилии — буквами кириллицы. Эту инверсию традиции я объясняю себе тем, что имя писали кириллицей, а фамилию руницей в средние века лишь в официальных случаях. Тут же, когда речь шла о моряках в полярных широтах, то есть о людях, которые имели возможность заходить в иностранные порты, надпись руницей ассоциировалась не только с Родиной, но и была своеобразной тайнописью для всех иностранцев. Кроме экипажа, ее никто не мог прочитать. Кстати, ее уже основательно забыли и на Руси. Вместе с тем, для меня XVI–XVII вв. — это последний период бытования руницы, когда она еще встречалась, но уже с ошибками, да и на географической и социальной периферии Руси. Теперь к этим признакам добавилось еще обращение традиции: руницей стали писать имя, и притом в полном написании, а кириллицей — фамилию, инициально.

Владельческие надписи на пряслицах. Почти каждая женщина в средние века должна была прясть и ткать на всю семью. В процессе прядения нить наматывалась на веретено, а чтобы оно крутилось не рывками, а плавно, на него насаживали грузик — пряслице. Но так называют его современные археологи. А как оно называлось раньше? Окончательный ответ на этот вопрос дал Б.А. Рыбаков для русского образца. Но он был третьим, кто читал надпись на пряслице из Киевского клада 1885 года, найденного недалеко от Софийского собора (рис. 109). Первым ее прочитал Н.П. Кондаков как **ТВОРН NЪ ПРЯМО- (А ПО) СЛЬNЬ**[47] (*ТВОРИ НЕ ПРЯМО, А ПО (ДВИЖЕНИЮ) СОЛНЦА*). Знак после ЮСА МАЛОГО был принят за М.



Рис. 108. Мое чтение надписи на подвеске из Мстиславля

Это чтение в 1929 году было поправлено болгарским исследователем, будущим академиком Кристо Миятевым по аналогии с надписью на пряслице из Преслава (Болгария), где он прочитал **ЛОЛИН ПРЯСЛЕН** – на **МОТВОРИН ПРЯСЛЕНЬ**[48]. Следовательно, К. Миятев был первым, кто ввел в науку слово ПРЯСЛЕН, а Б.А. Рыбаков – первым, кто ввел слово ПРЯСЛЕНЬ. Тем самым выяснилось, что грузик для прядения называется на Руси ПРЯСЛЕНЬ, в Болгарии – ПРЯСЛЕН. А через 17 лет Б.А. Рыбаков исправил чтение с МОТВОРИН на ПОТВОРИН[49]. Слово ПОТВОРА означает не имя, а ЧАРОДЕЙСТВО, ВОЛШЕБСТВО. По поводу этого названия Б.А. Рыбаков пишет следующее: «*Надпись можно понять только как определение принадлежности данного веретена какой-то чародейке, знахарке. Сама она едва ли могла пометить свою вещь таким рискованным способом... Следует допустить, что, очевидно, владелица пряслица была неграмотной и не знала о том, как коварно была подписана кем-то ее вещь*»[50]. – У меня, однако, возникает другое предположение: что вещь вовсе не принадлежала знахарке, но побывала в ее руках по просьбе владелицы. Тем самым пряслице было, например, защищено от чар недоброжелателей. Наконец, Ф.П. Филин заметил, что в слое ПОТВОРИН на конце стоит не Ъ, а Ѣ, что дает родительный падеж от имени ПОТВОРИНЯ[51]. Однако такое имя не известно, кроме того, как он сам отмечает, имя должно быть ПОТВОРЫНЯ, а не ПОТВОРИНЯ. Я же считаю, что косая черта на надписи является просто случайной царапиной.

Можно согласиться с А.А. Медынцевой в ее замечании о том, что «*это прочтение становится эталоном для многих других надписей на пряслицах, обозначающих название предмета и имя владелицы в притяжательной форме*»[52]. Действительно, теперь очень многие надписи начинают хорошо пониматься с точки зрения такой модели. Однако А.А. Медынцева не обращает внимания на то, что различия в

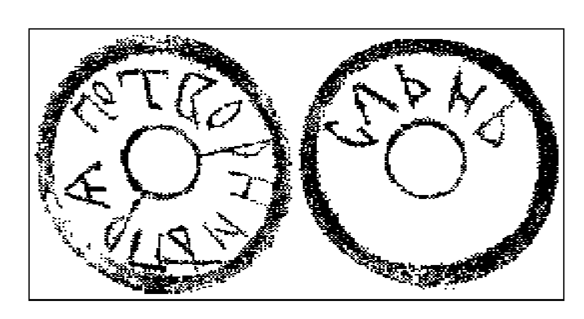


Рис. 109. Киевское пряслице

написании между ПРѦСЛЕНЬ и ПРАСЛЕНЬ, между ПРѦСЛЕНЬ и ПРѦСЛЕН могут оказаться весьма полезными в выявлении диалектных или языковых различий далекого прошлого. Так что чтение такой стандартной надписи может принести довольно интересную информацию.

Ошибки в чтении. Как ни парадоксально, но именно владельческие надписи дают большое количество ошибочных чтений современными исследователями. Казалось бы, человеческих имен не так уж много, и всегда есть возможность усомниться в их неверном понимании — но нет, практика эпиграфистов показывает, что это не так. Причин тому много, например, слитное или раздельное начертание слова или пережитки слоговой графики, а также незнание древних имен и прозвищ.

Публикуя этот подраздел, я отнюдь не желаю продемонстрировать свое отличие от других исследователей, а тем более свое какое-то преимущество; я часто ошибаюсь точно так же, как и все, и в ряде случаев честно пишу, что прежде читал знаки иначе, то есть заблуждался, а моя особенность состоит разве что в наличии опыта чтения слоговых знаков руницы, которого нет у моих коллег. Но если бы этого опыта у меня не было, я читал бы точно так же, как и они. Поэтому я отношусь к проделанной ими до меня работе с глубочайшим уважением.

Начнем с одного из пряслиц Белоозера. Л.А. Голубева пишет о нем: «*Пряслице с надписью «НАМАЛЕ» найдено нами в 1959 году в Белоозере в горизонте первой половины XII века (№899) (рис. 110). Это пряслице битрапецеидальное, выточено из темно-розового овручского шифера... Широкие и крупные буквы вырезаны четко и хорошо читаются. По характеру начертания букв надпись выполнена уставом XI–XII вв. По содержанию она может представлять собой женское имя Намала в дательном падеже. Такое чтение предложила А.А. Медынцева*»[53].

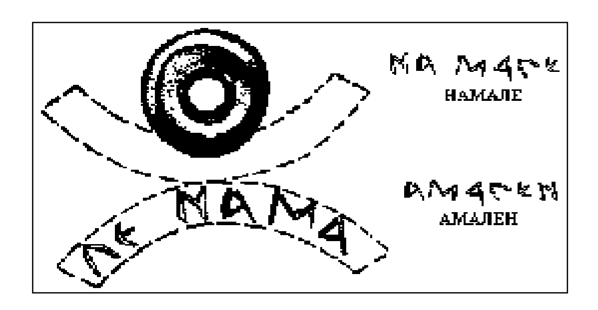


Рис. 110. Чтения надписи на пряслице Белоозера

Казалось бы, тут все ясно. Позже, в 2000 году, А.А. Медынцева помещает описание этого пряслица под № 20 и замечает: «*Надпись из шести букв четко прочерчена по нижней боковой поверхности пряслица. Начало и конец ее разделяются пустым пространством, читается она легко: НАМАЛЕ. По содержанию надпись представляет собой женское имя «Намала» в дательном падеже (конечный Ѣ заменен Е). Имя, вероятно, с помощью частицы «на» образовано от засвидетельствованного древнерусскими источниками женского имени «Малуша» и мужских типа «Мал», «Малък» и т.д. Таким образом, надпись является традиционной дарственной, состоящей из одного имени в дательном падеже...*»[54].

Что же тут не так? Меня смущает, во-первых, имя НАМАЛА, во-вторых, «частица» НА. Я такой частицы не знаю (есть частицы -ТО, -ЛИБО, -НИБУДЬ и т.д., равно как есть предлог и приставка НА) и никогда не встречал имя НАМАЛА. Правда, целый раздел я посвятил именам нарицательным, которых тоже никогда не встречал; но так они читаются на памятнике. Казалось бы, и тут чтение однозначное. Однако, как мне думается, данная надпись не простая, а выполнена женщиной, знакомой с руницей. А в ней ЛЕ и ЛИ пишутся одинаково, и надпись НАМАЛЕ и НАМАЛИ графически различаться не будут. Ну, а теперь логично переставить букву Н из начала в конец слова, чтобы получить другое чтение, АМАЛИН. В этом случае мы получаем хорошо известное женское имя АМАЛЯ и его притяжательное прилагательное мужского рода АМАЛИН. Итак, я читаю **АМАЛЕН** со смыслом *АМАЛИН*. Что же касается автора надписи, то, как мне кажется, такая перестановка первой буквы назад получилась не по недосмотру, а сознательно. В книге «Лад Сварожий», которую я обсуждаю в разделе о рунице в книгах, такой тип кодирования встречается как отличительная черта именно данной книги. Однако до данного пряслица он не находил соответствия в практике бытового письма. Теперь же на пряслице № 899 мы видим его в действии. Таким образом, это пряслице хотя и демонстрирует кирилловские прекрасно читаемые буквы, но организовано оно по правилам чтения руницы. Вот пример рефлексов слоговой письменности в кириллице!

Затем любопытно чтение надписи на пряслице № 29 (рис. 111), которое до работы А.А. Медынцевой мне в поле зрения не попадалось. О нем эта исследовательница сообщает следующее: «... *Пряслице с надписью обнаружено в раскопе у церкви Григория Богослова. Оно так же изготовлено из розового шифера, битрапецеидально по форме. На боковых гранях прочерчена отчетливая надпись МИЛЕШИ ПРАЛЕНЬ. Последние две буквы перенесены на нижнюю грань из-*

за выбоины на верхней, уже существовавшей к моменту нанесения надписи. Это также типичная для пряслиц владельческая надпись. Некоторое затруднение вызывает прочтение имени владелицы. Последние три буквы слова объединены в лигатуру, причем следует учесть, что черта, соединяющая буквы «Ш» и «Н», не случайна, а аккуратно нанесена тем же инструментом. Имя можно прочитать как МИЛЕШИ или МИЛЕШИН (в именительном падеже МИЛЕШНЯ или МИЛЕША). Оба прочтения вероятны и являются производными от широко известных в древнерусских письменных источниках имен с основой «Мил», женских и мужских: Милонег (тысяцкий, 1177 г.), Милята (новгородец, 1215 г.), Милошко, Милешко Милава и т.д... Если следовать порядку букв, можно прочесть МИЛЕШНИ. Но по контексту предпочтительнее вариант МИЛЕШИН ПРЯСЛЕНЬ при допущении перестановки в имени двух последних букв. Лигатура в окончании не характерна для надписей на пряслицах. Вероятно, первоначально было начертано МИЛЕШИ ПРАЛЕНЪ, «Грамотное» написание должно быть МИЛЕШѢ (род. п. ед. ч. ж. р., мягкая разновидность). В надписи есть и другие ошибки: отсутствует вертикальная поперечная черта у буквы ЮС МАЛЫЙ, пропущена буква С в слове ПРЯСЛЕНЬ. Можно предположить, что автор (Милеша?) еще не слишком хорошо овладела письмом, и кто-то исправил ошибку в имени, добавив соединительную черту между буквами Ш и Н. Другое исправление на твердом материале было невозможно. Так появилась необычная лигатура с инверсией букв... Палеографическая дата надписи— середина—вторая половина XII в.»[55].

Как видим, эпиграфист А.А. Медынцева провела большую работу по пониманию надписи, хотя, конечно, не все аспекты она учла; в частности, она не исходила из возможности слогового написания некоторых знаков. С моей точки зрения, буква Ш была прочитана автором надписи как слоговой знак ША/ШЬ, после которого вполне логичным шел слоговой знак Н с чтением НЪ, так что вначале было написано **МИ-**

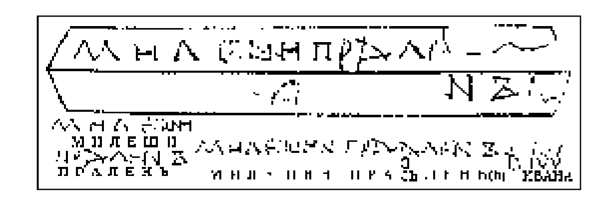


Рис. 111. Чтение А.А. Медынцевой и мое надписи на пряслице из Ростова Великого

ЛЕШН в смысле *МИЛЕШЬНЪ*. Слово МИЛЕША является уменьшительным от женского имени, возможно, МАЛАНЬЯ, слово МИЛЕШИН — притяжательным прилагательным от имени МИЛЕША. Но позже было решено сделать надпись целиком кирилловской, и между Ш и Н была врисована буква И. Далее, на мой взгляд, написано не ПРА, а ПРЯ, хотя у ЮСА МАЛОГО и отсутствует вертикальная черта, как верно отметила А.А. Медынцева. Правая черта ЮСА выполнена кривой, что вместе с местами ее пересечения выглядит как зеркальный слоговой знак СЬ. Так что СЬ тут не пропущен. Единственной ошибкой оказывается твердое окончание слова ПРЯСЬЛЕНЪ, что и было замечено, и на строке с окончанием НЪ, но левее, помещен Ь, хотя и лежа. Так что неверное написание ПРЯСЛЕН**Ъ** исправлено на правильное ПРЯСЬЛЕН**Ь**.

К сожалению, А.А. Медынцева не прокомментировала два знака после слова ПРЯСЛЕНЬ, равно как и лежащий Ь. Между тем они могут рассматриваться как не полностью написанное слово **ИВАНА**, где ИВАН — русское мужское имя, что означает, видимо, что пряслень Милеши подарен Иваном. Так что я прихожу к выводу, что надпись с самого начала была верная с точки зрения смешанного письма, кроме знака Ъ вместо Ь. Позже была исправлена и эта оплошность. Тем самым пряслице подписано по всем правилам этого жанра, и возможные ошибки следует адресовать не автору надписи, а нам, ее читателям.

А вот еще один пример наличия сложностей при кажущейся очевидности. Так, пряслице, найденное в 1935 году (рис. 112) в Вышгороде, Б.А. Рыбаков характеризует как «...*маленькое, остроребберное, очень изящное. Надпись вырезана мелко:* ***НЕВЕСТОЧ****. В этом слове естественнее всего видеть прилагательное от слова НЕВЕСТА — невесточь, невестин пряслень. Если это так, то писавший сделал три ошибки: 1) первая буква написана в обратную сторону; 2) четвертым знаком должно быть* **Ѣ**, *а не Е; 3) последний знак не дописан; должно быть Ь. В исправленном виде надпись выглядела бы НЕВЕСТОЧЬ*»[56].

С этим чтением соглашается и А.А. Медынцева, которая лишь объясняет ошибки автора надписи: «*зеркальные*» *начертания некоторых*

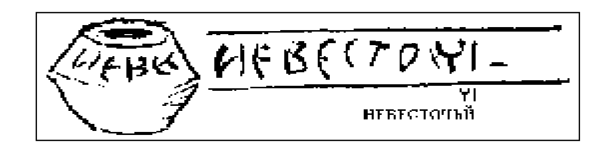


Рис. 112. Мое чтение надписи на пряслице из Вышгорода

букв часто встречаются в памятниках эпиграфики, «дуга» конечного Ь могла быть просто стерта, а в замене Ѣ на Е, вероятно, отразилась диалектная черта. Датировка надписи затруднительна, можно принять дату, предложенную исследователями — XII век»[57]. Я согласен с объяснением двух первых ошибок, но не вижу третьей. На мой взгляд, тут нет недописанной буквы, но есть знак гласного руницы, что дает основание заподозрить и предшествующий знак в том, что он является не буквой, а знаком ЧА/ЧЬ. В таком случае, чтение должно быть не НЕВЕСТОЧЬ, а **НЕВЕСТОЧЬЙ**, то есть *НЕВЕСТОЧИЙ*. Такое чтение ближе к современному звучанию прилагательного.

Следы руницы. Представляет интерес рассмотрение и таких текстов, где, казалось бы, имеются только кирилловские буквы.

Пряслице (рис. 113) было найдено в 1968 году на склоне Старокиевской горы в г. Киеве при раскопках под руководством П.П. Толочко; он же предложил чтение **ѦНКА ВЪДАЛА ПРѦСЛЕНЪ ЖИРЪЦѢ**, то есть *ЯНКА ПОДАРИЛА ПРЯСЛЕНЬ ЖИРКЕ*[58]. — А.А. Медынцева отмечает лишь известность имени Янка и вероятность имени ЖИРОСЛАВА, от которого образована уменьшительная форма ЖИРКА. «*Пряслице в настоящее время утеряно, поэтому о палеографических особенностях надписи мы можем судить лишь по прориси*, — отмечает исследовательница. — *Надпись отличается некоторой небрежностью, вероятно, из-за трудности процарапывания мелких букв по твердой поверхности, поэтому представлены различные варианты их начертания: в одном случае N имеет форму латинской, в другом — мачты ее расположены на разных уровнях, перекладина приподнята. Петли Ъ в двух случаях треугольны, в одном (в имени Янка) петля слегка изломана, перекладина Н наклонена, Ц несколько выходит за нижний уровень строки, перекладина Ѣ расположена на уровне строки, петля ее несколько «набухла», у буквы Р в обоих случаях вертикальная линия выходит в нижнее межстрочное пространство, головка его треугольна — все эти признаки свидетельствуют, скорее, в пользу датировки XII–XIII вв., чем XI–XII вв. Но архаично Ж — звездообразное, в виде трех пересекающихся*

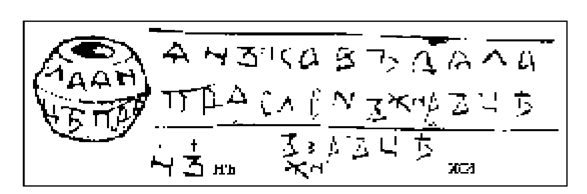


Рис. 113. Пряслице со Старокиевской горы и мое чтение двух его знаков

черточек. Такая форма характерна для древнейших памятников эпиграфики. Очевидно, ошибочно в прориси буква А в слове ВДАЛА превращена в ѧ за счет случайной черточки. Для датировки данной надписи важно отметить сохранение слабого редуцированного Ъ (ЯНЪКА, ВЪДАЛА, ЖНРЪЦЕ). Это обстоятельство, как и стратиграфическая дата, позволяют отнести надпись к XI–XII вв.»[59]. Я привел эту несколько длинную цитату не только для того, чтобы показать, как тщательно надо обследовать каждую букву, чтобы дать точную палеографическую датировку, но и с другой целью — отметить отсутствие указаний А.А. Медынцевой, с одной стороны, на вертикальный штрих с маленькой перекладинкой между буквами Ъ и К в слове ЯНКА, а с другой стороны — на начертание ЖИ мелким шрифтом в слове ЖИРЪЦЕ. Все это — следы руницы.

В первом случае автор надписи, как мне кажется, дал свою слоговую транслитерацию кирилловскому сочетанию букв НЬ, начертав вверху поясняющий его знак руницы; во втором — напротив, сначала начертал знак руницы З со значением ЖИ, затем начертал РЬЦН, что образовало слово ЖИРЬЦЕ, а затем переделал З в Ъ, удлинив вертикальный штрих. А поскольку между З и Р оставалось достаточно большое свободное место, буквы ЖИ можно было вписать сюда не слишком мелким почерком. Так что тут, напротив, транслитерирован (то есть переписан знаками иной системы) рунический знак З как ЖИ. Тем самым эта надпись дает нам понять, что в конце XI века даже в стольном граде Киеве можно было оставлять в надписи парочку слоговых знаков; однако к XII веку, по крайней мере, второй из них исправили на Ъ, а в промежуток между Ъ и Р вписали ЖИ. Это дает мне основание считать данное пряслице памятником двух эпох, хотя их и разделяет всего несколько десятков лет: в более раннюю кирилловские слоги пояснялись знаками руницы (слог НА); в более позднюю, напротив, знаки руницы заменялись на кирилловские слоги (слог ЖИ).

Такую же «доводку» мы видим и на пряслице из Друцка, которое Л.В. Алексеев прочитал КНѦЖИНЪ[60] (рис. 114).

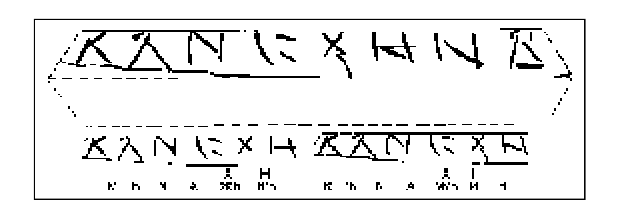


Рис. 114. Пряслице из Друцка и два его ранних начертания

А.А. Медынцева считает надпись отчетливой и замечает, что «*своеобразную форму имеет Ж— средняя черта ее обозначена лишь в нижней части буквы, за ней по ошибке написана* **N**, *которая затем исправлена на Н. Чтение сомнений не вызывает, надпись (княжин, а не княгинин), очевидно, указывает на дарителя— князя. Л.В. Алексеев датировал надпись XII–XIII вв. на основании стратиграфических данных. Об этом времени говорят увеличенные петли и сокращение верха букв К, Ъ*»[61]. Я тоже соглашаюсь с таким чтением, но полагаю, что в подобном виде надпись существовала не изначально, а после двух исправлений. Свою версию последовательных начертаний я изложил на рисунке.

С моей точки зрения, сначала было начертано слово **КЪНЯЖЬНЪ** (*КНЯЖИН*), где два последних знака были слоговыми. Затем, стремясь увеличить число букв кириллицы, владелец переделал знак руницы Н на букву N и уточнил слово, которое теперь стало выглядеть как **КЪНЯЖЬИН**. Однако в нем отсутствовал Ъ; кроме того, знак Х, приобретя внизу вертикальную черту, уже можно было принять за букву Ж. Поэтому соседний знак теперь уже можно было принять за Н, что требовало дописывания уже двух букв, N и Ъ, что и было сделано. Так появился третий и окончательный вариант, **КЪНЯЖИНЪ**. Хотел бы также отметить, что понимаю все надписи КНЯЖИН не как дарительные, а как владельческие: девушкам из мастерских князя выдавалось княжеское имущество, что и оформлялось соответствующей надписью.

Следы кириллицы. А теперь предлагаю рассмотреть противоположный случай: наличие на пряслице следов кириллицы, что можно усмотреть на другом пряслице из Вышгорода, найденного Б.А. Рыбаковым в 1935–1937 гг. (рис. 115).

Этот эпиграфист полагал, что хотя надпись не поддается дешифровке, но с известными допущениями можно прочесть ее как имя ИУЛИА-

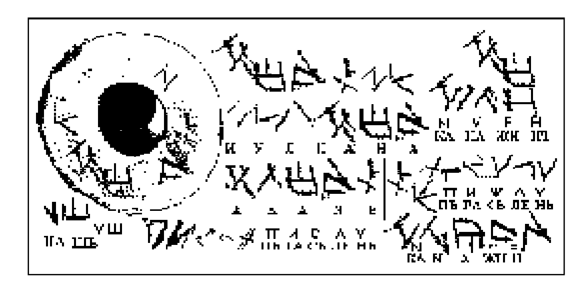


Рис. 115. Чтение Б.А. Рыбаковым, А.А. Медынцевой и мною надписи на пряслице из Вышгорода

НА[62]. Рисунка со своим чтением он не дал, поэтому что именно он принимал за те или иные буквы, можно лишь догадываться. На рисунке я даю свою версию его чтения, показав выше саму надпись. Понятно, что никакого текста ИУЛИАНА здесь нет. По мнению А.А. Медынцевой, «*несмотря на относительно хорощую сохранность, надпись разобрать трудно. На боковой поверхности ясно виден орнамент из перекрещивающихся черточек, на плоской — отчетливо читаются отдельные буквы, среди них* А *и* N, *последняя — Е. Чтение затрудняет то обстоятельство, что буквы начерчены не в одну строку, а довольно беспорядочно: начало — одна буква над другой, по мере вращения пряслица, конец — в строку. Первая буква — вероятно* Ж, *начерченный с большим наклоном, плохо просматривается верхняя горизонтальная черта — скорее всего случайная, вторая буква начерчена «в колонку» над первой, вероятно это* I *— с высокой правой чертой; третья и четвертая буквы, как уже отмечалось, читаются ясно, — это* А *и* N, *последняя — Е, но способ начертания ее необычен, дуга ее начерчена в два приема. Далее — едва видные царапины, скорее всего случайного происхождения. Таким образом, с известной долей вероятности можно прочитать имя (*Ж*) Л*А*N(Е), при этом нет уверенности в прочтении первой и последней букв. Датировка надписи затруднительна, но если она правильно прочитана, следует отнести ее к XI–XII вв., так как в ней использован* Ж, *что является признаком не позже первой половины XII в., архаично и начертание Л — с высокой правой чертой*»[63].

Здесь я, пожалуй, впервые вынужден сделать упрек отечественным эпиграфистам: хотя они дают превосходные фотографии или прориси самого документа с текстом, при чтении не предлагают никаких пояснений в виде рисунков, почему-то полагая, что читатель и сам отлично разберется, какую часть надписи за какую букву они принимают. Однако часто такое отождествление сделать просто невозможно. Я, например, на всем предложенном тексте в упор не вижу никакой буквы Ж. Тем более что А.А. Медынцева и фотографию пряслица поместила настолько темную, что знаки там скорее угадываются, чем видятся. Я бы тут поставил в пример профессионалам того же любителя-энтузиаста Г.С. Гриневича, который подписывал каждый знак (хотя чаще всего читал неверно). Получается, что эпиграфисты чудесно выполняют чужую работу, в данном случае археолога, чье дело — публикация документа, но игнорируют собственную, где необходимо проводить как транскрипцию, так и иногда (а в случае руницы — обязательно) и транслитерацию надписи — именно на рисунке, а не только в основном тексте сопровождающего описания. Что ж, раз нет транскрип-

ции, придется ее сделать за А.А. Медынцеву, хотя у меня нет уверенности, что я выделяю именно те буквы, которые она имела в виду.

Если я правильно понял, эта исследовательница игнорирует знак, стоящий перед Ж; во втором знаке, больше похожем на Ж, усматривает Ж и на нем же находит еще и букву Л, начерченную «в колонку», но не отмечает наличие лигатуры Ж и Л; в третьем знаке находит А, но не сообщает, что эта буква повернута на 180°, на знаке N не отмечает наличие наклонной черты внизу, на букве Е не указывает прогиб в обратную сторону. Иными словами, словесное описание знаков, мягко говоря, крайне далеко от совершенства. Опять-таки, речь идет не о том, правильно ли произведено чтение (чуть ниже мы увидим, что оно не имеет ничего общего с реальностью), ибо каждый эпиграфист имеет право на ошибку, но вот давать плохие описания и вообще не давать рисунка с пояснением своего чтения профессионал права не имеет, иначе можно подумать, что он плохо знает свое ремесло.

Итак, рассмотрев то, что предложила А.А. Медынцева в качестве чтения (к очень большому сожалению, я вынужден пользоваться моей версией, за отсутствием подлинника А.А. Медынцевой), я прихожу к неутешительному выводу, что лишь Л и А еще как-то похожи на себя, остальные знаки, как это ни прискорбно, другие. Но иного результата получиться и не могло, ибо перед нами — попытка кирилловского чтения текста, написанного руницей. До сих пор я обычно находил аргументы, извиняющие исследователей, и прежде всего — незнание самого существования руницы. В данном случае я такого аргумента привести не могу: мои книги и брошюры продавались в Институте археологии РАН, где работает А.А. Медынцева, а в телефонном разговоре со мной, когда я исполнял обязанности заведующего кафедрой в одном негосударственном вузе, а она преподавала курс истории, Альбина Александровна сообщила, что она не может вести преподавание именно потому, что трудится над той самой монографией, которую я постоянно цитирую в данном разделе, и что о моих работах она не только слышала, но даже знает их весьма хорошо. Это было в сентябре 1999 года. Так я убедился в том, что она о существовании руницы знает, но признавать ее как славянское письмо Руси не желает. Что ж, вольному — воля! Хотя, возможно, насчет воли я поторопился — ведь признав существование руницы, эпиграфист должен пересмотреть все свои бывшие чисто кирилловские чтения на возможность обнаружения в них остатков слогового славянского письма, и многие из них окажутся неверными. А на это по собственной воле вряд ли кто пойдет.

Эти рассуждения не избавляют меня от необходимости прочитать надпись, и я охотно это делаю. Но прежде хочу заметить, что она, на

мой взгляд, имела два этапа написания и на первом выглядела как чисто слоговая, без единой буквы. Начало чтения было верно указано А.А. Медынцевой, но, на мой взгляд, тогда еще не было ни Ѧ, ни N. Правда, вместо Ѧ существовал знак Н. И центральная лигатура разлагалась на знаки КА НА ЖИ НЪ, что образует слово **КЪНЯЖИНЪ** в смысле *КНЯЖИН*. Дальше может следовать только слово **ПЪРЯСЬЛЕНЬ**, и я его действительно нахожу, но после определенных поисков. Прежде всего начертан знак ПЪ в виде Π с высокой левой мачтой, выходящей за уровень крыши. Далее следует знак, который на фотографии у А.А. Медынцевой выглядит как одна темная вертикальная черта; однако, приглядевшись, можно видеть, что процарапан, но не обведен темным знак N, который я принимаю за зеркальное отражение знака И с чтением РЯ. Затем следует чистое пространство, за которым можно видеть знак Y с чтением СЬ. Однако фрагменты этого знака тоже могут быть прочитаны: левый – как ЛЕ (с разворотом на 270°), правый – как НЬ. В результате получается искомое чтение **ПЪРЯСЬЛЕНЬ**. Особенностью именно данной надписи является то, что это слово содержит слог СЬ в виде знака СИ, тогда как обычно используется знак СЕ. Правда, при таком моем чтении остаются несколько непрочитанных знаков, как их можно прочитать, я показываю на рисунке внизу слева – как **НАШЬ ПЪРАСЬЛЕНЬ**. Но тут смущает несколько моментов: во-первых, если пряслень является КНЯЖИМ, то он не может быть НАШИМ, во-вторых, слово ПРЯСЛЕНЬ уже есть, в третьих, если в данной местности слово ПРЯСЛЕНЬ произносят как ПРЯ, то и пишут ПРЯ, а не ПРА. Следовательно, либо мое чтение неверное, либо надпись в процессе ее написания менялась и была не такой, как я прочитал. Я придерживаюсь второго предположения.

Возможно, что надпись была вначале короче, содержала большое свободное пространство между первым и вторым словом. Позже, однако, видимо в связи с расширением использования кириллицы кто-то, не обязательно автор первой надписи, прочитал второй знак как букву N, и решил, что дальше нужна буква Ѧ. Ее он и переделал из знака Н, но, по ошибке, кверху ногами (на моем рисунке я ставлю эту букву в нормальном положении). Но теперь потребовалось дописать ЖИНЪ, что и делается в виде лигатуры из слогового знака ЖИ и кирилловской буквы N. Так что теперь в слове **КАНЯЖИНЪ** два знака руницы превратились в две буквы, и были дописаны еще один знак и одна буква. Что же касается слова **ПЪРЯСЬЛЕНЬ**, то оно осталось без изменения. Итак, процесс кириллизации затронул и этот памятник, и я тоже нахожу в нем две буквы, упомянутые А.А. Медынцевой, Ѧ и N, но читаю текст совсем иначе.

Как видим, вроде бы чисто кирилловские надписи оказываются при ближайшем рассмотрении таковыми только во вторую очередь, а вначале они были слоговыми. И эти реликты слоговых начертаний на них сохранились, что дает возможность определить, что было раньше, а что позже. Такого рода остатки слоговых начертаний с кириллицей можно сопоставить с рукописями-палимпсестами, где ранние начертания одного шрифта были смыты и записаны более поздними написаниями другого шрифта. И подобно палимпсестам такого рода начертания то руницей, то кириллицей очень важны для истории письма.

Ложные чтения. А тут речь пойдет о довольно сложной для дешифровки, но на первый взгляд очень простой, чисто кирилловской надписи. Пряслице (рис. 116) было приобретено в Старой Рязани у случайных лиц и накануне Великой Отечественной войны передано в Рязанский исторический музей. Н. Порфиридов, не публикуя надписи, дал чтение **КНѦЖО ЕСТЬ**[64]. Впервые прорись надписи была опубликована Б.А. Рыбаковым, который отметил: «*Полученная мною из Рязанского областного музея фотография и прорись надписи убеждают в ошибочности такого предположения*»[65]. Я реконструирую это чтение под цифрой 1.

Поскольку не было ни прориси, ни транскрипции, я предлагаю и то и другое. На мой взгляд, чтение начато со второго знака, который принят за К (как если бы Порфиридов знал, что в рунице N обозначает КА). Далее находится как бы очень наклоненная вправо буква N, в которой при очень большом желании можно усмотреть перевернутую и слитую с правой развилкой букву Ѧ. Затем следует Ж и лигатура ЭО, которая в обратном порядке может быть понята как ОЕ. Два последующих знака вряд ли напоминают С и Т, равно как и первый знак, перенесенный в конец, вряд ли есть Ь. Так что если с чтением КНЯЖО с крайне большими натяжками еще как-то можно согласиться, то чтение ЕСТЬ принять ни в коем случае нельзя.

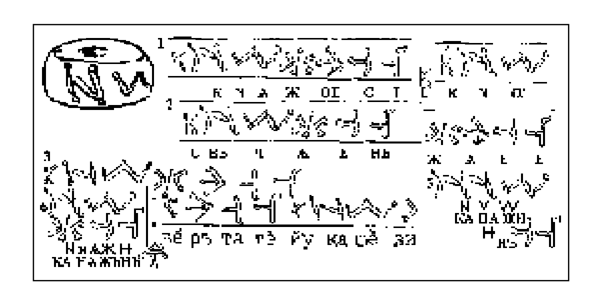


Рис. 116. Моя версия чтения Н. Порфиридовым надписи на пряслице из Рязани

Затем данную надпись читал И.А. Фигуровский. Его чтение настолько удивительно, что заслуживает особого внимания. Хотя он тоже не подписывает свое чтение на прориси[66], его можно себе представить, что я и делаю под цифрой 2. У Фигуровского получилось какое-то небывалое слово, **СВЬЧЖЕНЬ**! Что бы оно могло означать, а равно и куда подевалась лигатура после Ж, совершенно непонятно. Неясно и то, откуда в русском языке сочетание звуков ЧЖ, характерное для китайского (например, в слове ЧЖУН ГО – Китай). Словом, чтение не только неудачное, но просто комичное (им можно пугать детей: не балуйся, а то придет СВЬЧЖЕНЬ и тебя заберет!). Из любых неудачных чтений это, как мне кажется, наиболее неудачное.

К помощи руницы прибег Г.С. Гриневич, который решил, что перед ним чисто слоговой текст. Однако, судя по его транслитерации (которую, к его чести, он никогда не забывает делать), он смещает начало чтения, разбивая букву Ж на две половинки, первую из которых читает ВЕ, а вторую – ВИ[67]. Поясняет он свое чтение так: «*В давние времена пряжа прялась из кудели при помощи веретена. На веретено, для ускорения вращения, надевали керамическое или каменное колечко – пряслице («решек»). Пряли, собравшись в одной избе; и при разборе веретен и пряслиц из большой кучи каждая пряха стремилась найти свое пряслице, с которым она привыкла работать, и потому пряхи старались отличать пряслица, подписывая их.* **ВЕРТАТЕ КАШЕВИ** (*ВОЗВРАТИТЕ КАШЕВИ*), *– просит пряха по имени КАШЕВА (от слова «каша»?), жившая когда-то в Старой Рязани*»[68]. В этом пассаже масса неточностей и фантазий автора. Пряслице служило не для ускорения вращения, а для его равномерности, как обычный маховик; пряслица чаще всего делали из шифера или глины, а не из камня; ни из каких источников, кроме неверного чтения Г.С. Гриневичем текстов на других пряслицах, не известно название РЕШЕК; слово ВЕРТАТЕ не употребляется – есть слово ВЕРНИТЕ; слово КАШЕВИ – не существительное, а притяжательное прилагательное от слова КАША; пряхи, чаще всего крестьянки, пряли в своем собственном доме, и скорее всего именно хозяйка и была единственной пряхой, которая никому ничего не должна была возвращать и которая не имела чужих инструментов прядения; кроме того, часто на пряслицах вырезались сокровенные мысли женщины, которые не предполагают наличия посторонних глаз. Таковы общие возражения, но есть и частные: в тексте пояснения пропущено местоимение ЙУ (Ю), что означает ЕЕ в винительном падеже, и не случайно, ибо ПРЯСЛЕНЬ (или даже РЕШЕК по Гриневичу) – это ОН, но никак не ОНА, и в тексте должно было стоять ВЕРТАТЕ ЕГО (а не Ю) КАШЕВИ. Странно и

наличие двух букв ЯТЬ в тексте руницы, которая таких тонкостей не различала. Наконец, женское имя КАША или КАШЕВА науке не известно. Я также не понял, зачем следовало разрывать букву Ж и читать не только с середины слова, но даже с середины буквы.

Когда после журнальной статьи вышла монография Г.С. Гриневича, рассуждения о дешифровке надписей на пряслицах стали пространнее. «*На пряслenах часто употреблялись слова «отдавать», «относить» или писали имя владелицы. Так, в зашифрованной надписи на пряслене из Великих Лук (Эрмитаж) написано: ВОДАИ СИЛИЧИ»; на Черниговских пряслenах, опубликованных Г.Ф. Корзухиной в книге «Русские клады», знаками кирилловской письменности сделаны подобные надписи «Вонеси Вупности», «Вонеси Белоснези»; на пряслене из Киева написано «Потворин пряслень»; на пряслене из Дунайской Болгарии — Лолин пряслень, и т.п... Пряслен, найденный при раскопках Старой Рязани, известен в литературе как «княжий». Действительно, если начинать чтение надписи со знака, написание которого отвечает букве К кирилловского письма, то можно прочитать слово КНЯЖЕ. Но, во-первых, начало надписи, нанесенной по кругу таким образом, что ее начало и конец смыкаются, четко обозначено разделительным знаком, а во-вторых, надпись выполнена не кириллицей, а знаками письменности типа «черт и резов»....* ***ВЕРТАТЕ ЙУ КАШЕВИ****. Перевод текста. 1-й вариант: ВОЗВРАТИТЬ ТЕПЕРЬ (ТОГДА) КАШЕВИ. 2-й вариант: ВОЗВРАТИТЬ ЕЕ КАШЕВИ*»[69]. На этом комментарий кончается, и узнать, что за предмет подразумевается под местоимением ЕЕ, не представляется возможным. Далее, возникает естественный вопрос, почему средняя мачта Ж принимается за разделительный знак, и почему не попытаться прочитать пока неясные знаки за словом КНЯЖЕ? Почему нет комментариев к слову ВЕРТАТЕ? Почему нет ссылок на наличие слова КАШЕВА хотя бы в каком-нибудь памятнике письменности? Подобные вопросы можно было бы множить и множить, и вряд ли Геннадий Станиславович смог бы на них ответить, потому что его использование руницы в данном случае было ложным. Но не совсем; как я покажу ниже, подозревать, что текст вначале был написан руницей, все-таки можно. Хотя и с совершенно другим чтением.

А какое чтение предлагает А.А. Медынцева? Она пишет: «*На пряслице написано КNwЖѦЭЭ... Очевидно, третий знак — не буква, а особый тамгообразный знак, часто встречаемый на других предметах, в том числе и на плинфах*[70]. *При таком допущении получается КNЖѦЕЕ, то есть КNѦЖЕЕ — буквы Ѧ и Ж поменялись местами, что легко объясняется письмом справа налево. То есть надпись*

обозначает принадлежность: КНЯЖЕЕ (ПРЯСЛЕНЕ). Такое прочтение сложной для расшифровки надписи в настоящее время подтверждается хорошо читаемой надписью из Друцка КНЯЖИН»[71]. Как видим, надпись по ходу обсуждения трансформируется: сначала из нее выбрасывается ОМЕГА как «особый тамгообразный знак», потом молча ЭЭ становится ЕЕ, затем ЖѦ трансформируется в ѦЖ потому что якобы автор надписи стал писать справа налево, наконец, ПРЯСЛЕНЬ меняет свой род, становясь ПРЯСЛЕНЕ. Почему ей «очевидно», что третий знак — тамгообразный, я не знаю; но это — предельно четко выписанный знак руницы ШЕ/ЖЕ или ШИ/ЖИ. Так что меня такое чтение, равно как и мотивация исследовательницей действий автора надписи, не устраивает. Не мог средневековый автор надписи, находясь в здравом уме, начертать КНООЖЯЭЭ, имея в виду КНЯЖИН. И даже если у него получилось что-то не совсем верное с современной точки зрения, это требует объяснения. Вместе с тем хочу обратить внимание читателя на то, что профессионалы читают все же довольно близко к тексту, КНЯЖО ЕСТЬ и КНООЖЯЭЭ, а не ВЕРТАТИ Ю КАШЕВИ и тем более не СВЧЬЖЕНЬ. В этом, видимо, и состоит отличие специалистов от любителей. Кроме того, А.А. Медынцева постаралась датировать пряслице: «звездообразную» букву Ж она отнесла к X–XI вв., но букву N из-за более поднятой перекладины — к более позднему времени, XI–XII вв. На мой взгляд, этот факт и отсутствие Ъ после К свидетельствуют лишь о переделке чисто рунического начертания в кирилловское и потому не являются независимыми признаками. Так что я склоняюсь в сторону более ранней даты.

С моей точки зрения, надпись, как и на предыдущем пряслице из Вышгорода, является тем редким примером реликта руницы в кириллице, на котором следует остановиться особо. То есть вначале она была чисто слоговой; об этом говорит размер знаков руницы, превышающий размер более поздних букв. Вначале был начертан знак КА, причем левая мачта была начертана с разрывом, чтобы правую с отрогом можно было бы прочитать как НА, в полном соответствии с надписью на пряслице из Вышгорода. Затем был начертан знак W со значением ЖИ, и на довольно большом удалении — НЪ. Тем самым первая надпись звучала **КАНАЖИНЪ**, что означает *КНЯЖИН*. В таком виде пряслице существовало некоторый срок, затем надпись стали переписывать с руницы на кириллицу. Сначала начертили букву Ж, но она ничем не отличалась от слогового знака ЖА; зато второй знак можно было прочитать как N. Но теперь надпись выглядела как **КАНЖЬНЪ**, и между Н и Ж необходимо было поставить Ѧ. Его и поставили, но в лежачем положении и после Ж, поскольку между Н и Ж места не

было, что теперь стало читаться как **КАНѦЖЬНЪ** в смысле *КНЯЖИН*. А знак КА стал пониматься как буква N, перед ней была начертана буква К меньшего размера. Теперь реально было написано **КЪНЖѦНЪ**, со слоговыми знаками ЖЬ и НЪ, но понималось по-прежнему как *КНЯЖИН*. Так что при всех трансформациях надписи, так и не дошедшей до чисто кирилловского начертания, ибо два знака в ней так и остались руницей, значение сохранялось одним и тем же, *КНЯЖИН*. Поэтому найденное А.А. Медынцевой значение *КНЯЖЕЕ* я считаю неточным, хотя отдаю дань уважения ее стремлению найти приемлемое решение при полном игнорировании руницы как системы славянского письма. Но упорное нежелание признавать существование руницы, а также вытекающее отсюда незнание того, что текст мог переписываться с одного начертания на другое, уводит ее в сторону от верного решения. И эти примеры чтений для меня являются образом того, на что способны полные фантазеры (СВЧЬЖЕНЬ!), любители руницы, игнорирующие кирилловское чтение (ВЕРТАТЕ Ю КАШЕВИ), историки (КНЯЖО ЕСТЬ), профессионалы по кириллице, игнорирующие руницу (КНООЖЯЭЭ) и, наконец, специалисты по двум видам письма (КАНАЖИНЪ-КЪНЖЯНЪ). Комментарии, как говорится, излишни!

Как видим, пряслиц с надписью КНЯЖИН было достаточно много, и они в разных городах вначале подписывались руницей, а позже часть знаков исправлялась на буквы кириллицы, иногда удачно, иногда не очень.

Рассмотрим и еще одну надпись, тоже как бы чисто кирилловскую. А.А. Медынцева пишет о ней так: «*В Старой Рязани В.А. Городцовым найдено еще одно пряслице (рис. 117) с надписью легко читаемой:* ***МОЛОДИЛО****. Пряслице находится в коллекции ГИМ. Впервые об этой надписи упоминает Н. Порфиридов, опубликована она Б.А. Рыбаковым*[72]*, который объяснил ее как мужское имя. Имя «Молодейко» зафиксировано исследователями для XVI века, так что трактовка этой хорошо читаемой надписи сомнений не вызывает. Геометрический стиль почерка, широкие, почти квадратные буквы,*

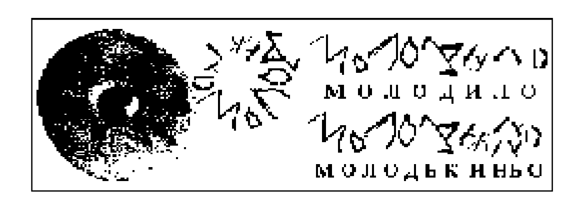


Рис. 117. Мое чтение надписи на пряслице из Старой Рязани

Н с горизонтальной перекладиной позволяют отнести ее к XI–XII векам. Стратиграфической даты пряслице не имеет»[73]. Это чтение я дал на рисунке вверху.

Меня сразу удивило «неканоническое» чтение, ибо, кроме как о «молодильных яблоках» я ничего не слышал, а тем более мужское имя Молодило мне было совершенно неизвестно. Да и в этом случае должно было бы быть написано МОЛОДИЛИН. А не кроется ли ошибка в самом чтении? У меня уже стала некоторой приметой публикация эпиграфистом фотографии, на которой ничего разобрать невозможно, — стало быть, есть что скрывать. И действительно, вглядываясь в надпись, я увидел, что кроме толстых штрихов существуют еще и тонкие резы, образующие внутри буквы Н букву Ь, а из правой мачты той же Н — букву К. Затем следуют два слоговых знака, I и НЬ, что дает чтение **МОЛОДЬКИНЬ** (*МОЛОДКИН ПРЯСЛЕНЬ*). И лишь позже, видимо, была дописана буква О, чтобы переделать НЬ в Ъ с предполагаемым чтением **МОЛОДЬКИНЪ** (ПРЯСЛЕНЬ). Как известно, МОЛОДКА — это женщина, недавно вышедшая замуж. Вероятно, ей положено было получать новое пряслице от мужа (либо купленное, либо переданное матерью мужа). Однако, поскольку знак НЬ остался, чтение стало **МОЛОДЬКИНЬО**. Так что чтение МОЛОДИЛО, не вызывавшее сомнений у А.А. Медынцевой, у меня их не только вызывает, но и дает возможность дать иное чтение; на рисунке я помещаю его внизу. Как видим, здесь нет имени женщины, но зато указано, что она молодка, то есть недавно вышла замуж. Тем самым ее пряслице, благодаря подписи, стало отличаться от прясლиц пожилых женщин. Опять получается, что без знания руницы невозможно правильно прочитать, казалось бы, чисто кирилловскую надпись. Однако эти знаки здесь неявные.

Новгородские памятники. Теперь обратимся к памятникам с явными знаками руницы. Рассмотрение начнем с целой серии пряслиц из Новгорода, опубликованных В.Л. Яниным. Первая из надписей нанесена на пряслице из розового шифера, найденном в 1983 году на Троицком раскопе в слое XIII века[74] (рис. 118).

В.Л. Янин читает текст НЕДҺЛЕ на одной строке и КИНЕ на другой. Слово **ПРѦСЛЕНЬ**, написанное кириллицей же, он не замечает, как и лигатуру на верхней строке. Я, однако, читаю это слово, хотя две первые буквы лежат на боку (и тем самым читаются сверху вниз), Ѧ перевернут вверх ногами, буква С зеркальная, слог ЛЕ написан лигатурой и зеркален, последний слог НЬ также написан лигатурой и лежит. Такой способ написания показывает, что было два автора надписи, один из которых хорошо знал кириллицу, но не писал слоговым письмом; другой закончил первую строку слоговой лигатурой КИНЬ (КИНИ)

и написал как бы кирилловскую транслитерацию слогов буквами, где П и Р мыслились как первый слог, перевернутый ЮС — как второй; буква С, напоминающая слог СЬ, — как третий, ЛЕ — как четвертый, и НЬ — как пятый. Судя по уверенным линиям первой руки и весьма приблизительным и слабым второй, первая пряха была сильной и грамотной женщиной, тогда как вторая, вероятно, — либо старой, либо немощной и не имеющей хорошего знания кирилловской грамоты.

Таким образом, перед нами находится смешанный текст из кириллицы и слоговых знаков. Слоговой лигатурой КИНИ написано окончание кирилловского слова НЕДЕЛЬ. Красивой кириллице противопоставлена настолько плохая кириллица слова ПРЯСЛЕНЬ, что В.Л. Янин не смог его прочитать. Тем не менее, именно это слово является настоящей находкой для палеографа, ибо здесь показан почерк человека, переходящего со слоговой письменности на буквенную и пишущего буквы по слогам. То есть ЛЕ написан целиком зеркально, что затрагивает не только начертание знаков, но и их последовательность. Так что те особенности, которые отличали надписи на пряслицах из Друцка, Вышгорода и Старой Рязани, а именно — переход со слогового на кирилловское начертание, отмечены и здесь. И, как и прежде, А.А. Медынцева только повторяет чужое чтение, не замечая ничего, кроме слова НЕДҺЛЬКИНЕ[75].

Слово НЕДЕЛЬКА не объясняется. Я полагаю, что речь идет о прозвище мужчины, владельца пряслица. Возможно, что это прозвище дано лодырю, отлынщику ОТ ДЕЛА. В форме НЕДЕЛЬКА слово звучит мягко, не то что ЛОДЫРЬ или ЛЕНТЯЙ.

Второе пряслице из розового шифера найдено в 1952 г. на Неревском раскопе в слое XII века[76] (рис. 119). В.Л. Янин читает слово в две строки как ФЕНИЩ и ЕНИ, но допускает чтение и бустрафедоном[76], что дало бы ФЕНИЩИНЕ, т.е. **ФЕНИЩИНЬ**. «*В этом случае имя*



Рис. 118. Пряслице из Новгорода № 24 и мое чтение его надписи

хозяйки пряслица — Фенишка (производное от Фекла, Федора, Федосья и т.п.)»[76]. Меня, однако, подобное чтение не устраивает, поскольку имя Фенишка или Фенище неизвестно. Неизвестно мне и кирилловское написание бустрафедоном. Первый знак, на мой взгляд — вовсе не Ф, незамеченным оказался и последний знак текста. Поэтому я предлагаю другое чтение. Первый знак, принятый за Ф, разлагается на слоговые знаки ДЕ, ЧА и ВИ, что вместе с кирилловской буквой Е дает слово ДЕВИЧАЕ, т.е. **ДЕВИЧЬЕ**. Второе слово — чисто кирилловское, хотя написано в две строки; читается нормально, слева направо, а не бустрафедоном: **НИЩЕНИ**. Третье слово написано слоговыми знаками: между буквой Щ и крестом помещен знак ПЪ, остальные знаки расположены правее. Сначала помещена лигатура из РЯ и СЬ, слитых в верхней строке, и ЛЕ, подписанного внизу. Далее следует одиночный знак НИ, написанный с разрывами; кроме того, левая нижняя палочка у него оказалась по ошибке написанной справа от знака. Суммируя все знаки, получаем слово **ПЪРЯСЬЛЕНИ**, множественное число от слова ПРЯСЛЕНЬ.

В результате полный текст гласит: **ДЕВИЧАЕ НИЩЕНИ ПЪРЯСЬЛЕНИ**, что можно понять как *ДЕВИЧЬИ НИЩЕНСКИЕ ПРЯСЛЕНИ*. Как видим, текст оказался более информативным. Из него следует, что пряслице могло отличать зажиточных прях от бедных; вероятно, зажиточными были замужние женщины, тогда как девушки оставались бедными. Стыдясь своего положения, одна из девушек так и охарактеризовала свое пряслице — НИЩЕНСКОЕ. При этом она осудила не столько свое личное пряслице, сколько сам тип подобных пряслиц, для чего использовано множественное число. (Как увидим ниже, для единственного числа используется не слоговой знак НИ, а слоговой знак НЕ.) Вероятно, НИЩЕНСКИМ можно назвать этот грузик цилиндрической формы, тогда как биконическая форма, самая распространенная, считалась «богатой». Что же касается слова ДЕВИЧАЕ вместо ДЕВИЧИИ или ДЕВИЧИЕ, то написание ЧА вместо ЧИ является традицией руницы. То же самое мы видели и при написании

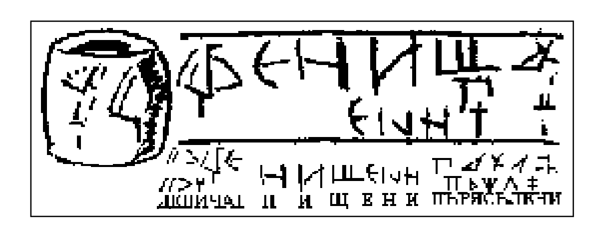


Рис. 119. Пряслице из Новгорода № 22 и мое чтение его надписи

НЕВЕСТОЧАИ вместо НЕВЕСТОЧИИ на пряслице из Вышгорода. И, разумеется, А.А. Медынцева соглашается с трактовкой ФЕНИЩЕНИ, соглашаясь и с датировкой XII веком[77]. Опять-таки, неприятие руницы мешает правильному пониманию текста, имеющего смешанное начертание.

Следующее пряслице из розового шифера было найдено в 1986 году на Троицком раскопе в слое XII–XIII вв.[78] (рис. 120). По мнению В.Л. Янина, на пряслице вырезан текст **БАБИНЬ ПРѦСЛЬНЬ** (*БАБУШКИНО ПРЯСЛИЦЕ*), где он возвращается к предыдущему чтению[79]. Странно, но в перечне А.А. Медынцевой (№ 26) по этой надписи нет комментариев.

На мой взгляд, верно чтение второго слова, тогда как в первом пропущен слоговой знак Я, играющий роль разделительного Й, и, кроме того, существует знак в виде уголка после Ь слова БАБИНЬ. Поэтому я читаю весь текст как **БАБУИНЬКИ ПРѦСЛЬНЬ** (*БАБУШЕНЬКИНО ПРЯСЛИЦЕ*). Прежде я читал этот текст как БАБЬИНЬ II. Здесь, таким образом, отличие составляют два знака руницы, передающих очень теплое отношение внучки к ее бабушке. Эта деталь быта, однако, осталась незамеченной при чисто кирилловском чтении надписи.

Для сопоставления рассмотрим еще одно пряслице с похожей надписью. Памятник найден в Витебске в слоях XI–XII вв.[80] (рис. 121). На нем четко читается БАБИНО ПРѦСЛЬНЕ и, кроме того, сделана добавка, похожая на кирилловскую букву Е, которая при ближайшем рассмотрении оказывается слоговым знаком. Я разворачиваю его на 90° вправо и читаю ТЬВОЙ. Окончание О в слове БАБИНО и Е в слове ПРѦСЛЬНЕ означают рефлексы слоговых знаков НО и НЕ, их следует исправить на НЪ и НЬ. Получается надпись **БАБИНЪ ПРѦСЛЬНЬ ТЬВОЙ**, то есть сначала было *ПРЯСЛИЦЕ БАБУШКИ*, а затем, когда она его подарила внучке, начертала более привычным ей слоговым способом **ТЬВОЙ**, то есть *ТВОЕ*. Раньше я читал



Рис. 120. Пряслице из Новгорода № 23 и мое чтение его надписи

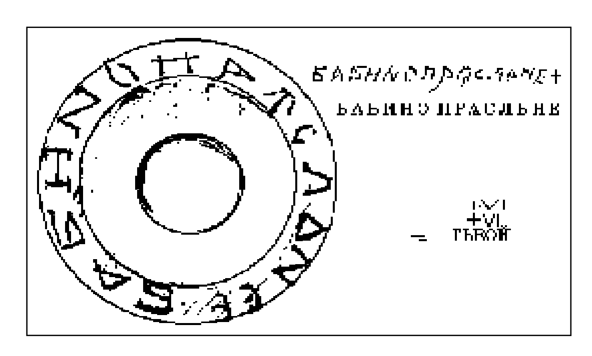


Рис. 121. Пряслице из Витебска и мое чтение его надписи

слоговую лигатуру как знак **ПЕ**, и понимал надпись как **БАБИНЪ ПРЯСЛЕНЬ ПЕРЬВЫЙ** (*БАБИНО ПРЯСЛИЦЕ ПЕРВОЕ*). А еще раньше я читал этот знак как лигатуру ДИТЯ, что не совсем согласуется со словом БАБИН. Говоря о моих более ранних и не вполне удачных чтениях, хочу показать читателю, что я ничуть не лучше профессиональных эпиграфистов и что у меня тоже не все получается сразу.

Пряслице из Любеча. Б.А. Рыбаков среди прочих предметов XII–XIII вв. отмечает: «*Крайне интересна надпись на миниатюрном шиферном пряслице (рис. 122), которое найдено в уцелевшем углу землянки, перерезанной большой клетью и, следовательно, относящейся к более раннему времени, чем 1147 год, когда погибла сама клеть, уничтожившая большую часть землянки. Надпись такова:* ІВАНКЪ СЪЗLДЪ ТЕ ЕЮ ОДНА ДЩ, *ИВАНКО СОЗДАЛ ТЕБЕ ЭТО, ЕДИНСТВЕННОЙ ДОЧЕРИ. Палеографически надпись датируется концом XI – началом XII вв., это подтверждает и датировку стратиграфическую*»[81]. Обращают на себя внимание два несоответствия:



Рис. 122. Мое чтение надписи на пряслице из Любеча

графическое (знак V на пряслице стал буквой L) и смысловое (слово *пряслице* в форме ПРЯСЛЕНЬ имеет мужской род, и если речь идет о нем, то надо говорить не ЕЮ, а ЕГО). Кроме того, сомнительно, чтобы надпись начиналась на нижней строке, а потом переезжала на верхнюю, оставив на прежней строчке одну букву О; написание слова ОДНА как ОДИНА неизвестно. Не проще ли предположить, что на верхней грани начертано начало текста, а на нижней – его окончание?

При таком предположении я читаю на верхней грани **ДИНА ДЩ** (владельческая надпись), а над буквой Щ и ниже – начало слова ИВАНКО в виде слоговых знаков **ИВА**. Затем на нижней грани это же слово начертано кириллицей, **ИВАНКЪ СЬЗДЪ ТЕ ЕЮ О...** Я понимаю слово СЪЗДЪТЕЕЮ как СЪЗДЪТЕЛЮ; в букве Ю для человека, владеющего руницей, находится как бы два знака, ЛЮ и ВО, так что на конце слова надо было начертить L (с чтением ЛЮ) и Ю (с чтением ЛЮ и ВО), то есть удвоить L. Как часто бывает в случае удвоения, удвоился не тот знак, а предыдущий, что и дало начертание СЪЗДЪТЕЕЮ вместо СЪЗДЪТЕЛЮ. Буква О относилась к началу следующего слова, например, предлога ОТЪ. Так что всю надпись я читаю как **ДИНА, ДЩ ИВА(НЪКА) ИВАНЪКЪ, СЪЗДАТЕЕЮ О...**, что означает *ДИНА, ДОЧЬ ИВАНКО, СОЗДАТЕЛЮ О(Т ВСЕГО СЕРДЦА)*. Эта надпись, несомненно, владельческая, и начертана, видимо, владелицей, то есть Диной Ивановной, благодарящей за щедрый подарок Создателя. Слово ИВАНКО – не только уменьшительная форма от мужского имени ИВАН, но и передающая низкое происхождение Ивана; имя ДИНА используется на Руси в качестве женского и сегодня.

Еще одно пряслице из розового шифера было найдено в 1984 году на Троицком раскопе в слое XII–XIII вв.[82] (рис. 123). Чтение В.Л. Янина – **НАСТОКИНЕ**, что означает, что хозяйку звали *НАСТКА* (уменьшительное от «Настасья»). На мой взгляд, оказалась непрочитанной целая лигатура со словом **ПРЯСЛЕНЬ**, как показано на рисунке. Причем слово ПРЯСЬЛЕНЬ образует лигатуру из знаков руницы. С чте-

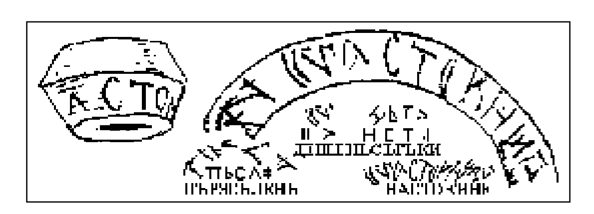


*Рис. 123. Пряслице из Новгорода № 21
и мое чтение его надписи*

нием НАСТОКИНЕ в смысле НАСТЪКИНЬ я согласен. Объяснение тому, почему О надо читать как Ъ, а Е как Ь, весьма просто: это рефлексы (то есть пережитки) руницы, перенесение ее орфографии на кириллицу. Однако начало слова НАСТОКИНЕ содержит две вертикальных, слегка прогнутых мачты, за которыми виден знак V, слегка развернутый вправо, что позволяет усмотреть в них начертание знаками руницы слова **ДЕВЫ**, а конец слова НАСТОКИНЕ от буквы Н позволяет узреть в оставшихся знаках слово **НЬСЪТЪКИ** (*НАСТКИ*). Таким образом, здесь, как и в случае с пряслицем Недельки, слово ПРЯСЛЕНЬ, равно как и ДЕВЫ НАСТКИ, осталось непрочитанным эпиграфистами, специализирующимися на кириллице. Слово НАСТКА- означает не просто уменьшительную форму от женского имени АНАСТАСИЯ, но и подчеркивает зависимое положение этой молодой женщины, иначе имя звучало бы НАСТЯ.

Пряслице из Старой Рязани. А.Л. Монгайт, описывая селище в Борках под Рязанью, отмечал: «*Среди отдельных находок на Борковском славянском селище следует отметить серию шиферных пряслиц, среди которых в особенности замечательны два, найденных В.И. Зубковым. Одно, обнаруженное в 1945 году, сплошь покрыто нацарапанными значками, среди которых выделяется изображение квадратов с отходящими черточками. Второе пряслице, 1958 г., содержит надпись* ***ПРѦСЛНЬ ПАРАСИИ*** *(КРОМ № 6294). По палеографическим данным пряслице может быть датировано XI — началом XII века. Надпись содержит женское имя, вероятно, имя владелицы, и названии предмета: ПРЯСЛЕНЬ ПАРАСИН*»[83] (рис. 124).

А.А. Медынцева поняла истолкование значения (*ПРЯСЛЕНЬ ПАРАСИН*) как чтение (хотя чтение было выделено жирным шрифтом и гласило **ПРѦСЛНЬ ПАРАСИИ**) и стала возражать, что читать надо **ПРѦСЛНЬ ПАРАСИИ** (№ 18); она также отметила пропуск Ь после Л[84]. Вообще говоря, невнимательное отношение к текстам предшественников возможно у каждого эпиграфиста, так что я пока не

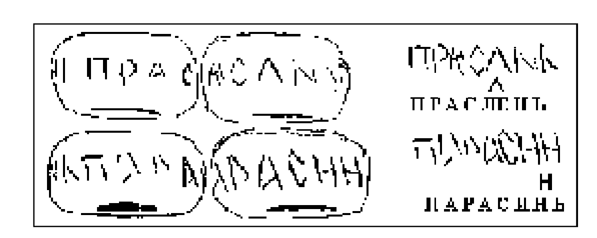


Рис. 124. Пряслице из Старой Рязани и мое чтение его надписи

заостряю на этом внимания. Меня больше привлекают реликты написания руницей.

С моей точки зрения, автор надписи вставил два знака руницы: слово ПРЯСЛЕНЬ написано с последними звуками не ЛНЬ, а с ЛЕНЬ, где L — слоговой знак ЛЕ, и не ПАРАСИИ, а ПАРАСИНЪ. Так что мое чтение надписи — **ПРѦСЛЕНЬ ПАРАСИНЪ.** Человек, привыкший писать слоговыми знаками, вставил в кирилловскую надпись слоговые знаки ЛЕ и НЪ против своей воли, в качестве описки. Как ни странно, более верное значение предложил археолог А.Л. Монгайт, а не эпиграфист А.А. Медынцева, хотя последняя читала «буквально», букву за буквой. Это пример того, как человек, исходящий из более широкого понимания, может в конечном итоге оказаться гораздо ближе к истине, чем буквалист. И дело, разумеется, не в конкретном результате, ибо по большому счету нам не так уж и важно, как Парася (Прасковия или Параскева, в обиходе также Паша) подписала свое пряслице почти тысячу лет назад. Нас интересует, насколько можно доверять чтениям признанных специалистов, раскрывающих богатство грамотности, а через него и культуры средневековой Руси. И у меня поначалу к ним было полное доверие, я лишь хотел проверить по этим эталонам свои предположения. К сожалению, выяснилось, что **почти все чтения, мягко говоря, не точны.**

Белорусские памятники. В Белоруссии подписных пряслиц было найдено довольно много. Рассмотрение начнем с шиферного пряслица, найденного Зденеком Дурчевским в 1937–1938 гг. в старом замке г. Гродно[85]; Л.В. Алексеев и А.А. Медынцева относят его к XIII веку (рис. 125).

На пряслице достаточно легко читается **ГИ (ГОСПОДИ), ПОМОЗИ РАБЕ** на нижней строке и **СВОЕЙ** на верхней. Дальнейшая надпись, однако, вызывала разночтения у разных эпиграфистов. Зденек Дурчевский читал ...**СВОЕ И НЕ ДАЙ**[86], Н.Н. Воронин повторил это чтение[87], Л.В. Алексеев читал ...**СВОЕЙ И ПОДАЙ**[88], В.Л. Янин предложил самое оригинальное чтение ...СВОЕЙ ИЕЛѢ НѢ [89]. На наш

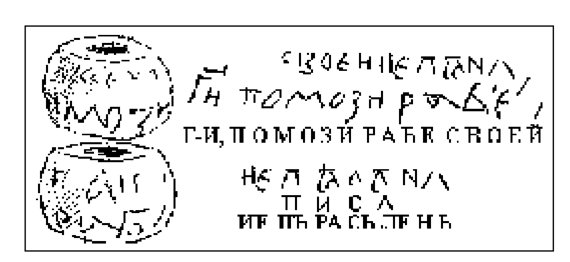


Рис. 125. Пряслице из Гродно и мое чтение его надписи

взгляд, все чтения неприемлемые, поскольку исходят из кирилловского написания последнего слова, тогда как в данном случае слово написано преимущественно слоговыми знаками. Кроме того, эпиграфисты предполагали, что на данном пряслице содержится отступление от владельческой формулы НАСТАСТЬИН (или еще чей-то) ПРЯСЛЕНЬ.

А что предлагает А.А. Медынцева? Она пишет: «*Вероятно, мы должны согласиться с общим прочтением В.Л. Янина: действительно, указанные им факты говорят о том, что на пряслице записана обычная молитвенная формула... Вызывает сомнение прочтение имени «Елене» — как* ***ИЕЛАНИ.*** *Возможно, что на пряслице написано и другое имя, и не обязательно христианское... Легче всего прочесть спорное имя на пряслице как НЕДАН[ѣ]. Женское имя «Недана» могло быть параллельно к мужскому «Недан»... Хотя полной уверенности в прочтении имени нет...*»[90] (№13). Итак, эпиграфист А.А. Медынцева усматривает здесь гипотетическую НЕДАНУ.

Мое чтение последнего слова показано на рисунке внизу. Первый знак читается как ПЬ, второй знак представляет собой лигатуру, в которой можно опознать знаки РА, СЬ и ЛЕ, далее следуют кирилловские буквы Н и Ь, тоже образующие слог. В результате получается знакомое слово ПРЯСЛЕНЬ, но в написании **ПЪРАСЬЛЕНЬ.** Написание ПРА вместо ПРЯ можно считать белорусским отличием (подобно тому как белорусы произносят слово ТРЯПКА как ТРАПКА). Предпоследнее слово, написанное кириллицей, есть ИЕ в значении ЕЕ, и это тоже рефлекс руницы, где Е и И различаются не всегда. Тем самым, вся запись читается, с нашей точки зрения, так: **ГИ, ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕЙ, ИЕ ПЪРАСЬЛЕНЬ**, то есть *ГОСПОДИ, ПОМОГИ РАБЕ СВОЕЙ! ЕЕ ПРЯСЛЕНЬ*. Так что нет здесь слов НЕ ДАЙ, ПОДАЙ, ИЕЛЕНЕ, НЕДАНЕ, а есть обычные слова ЕЕ ПРЯСЛЕНЬ. На мой взгляд, и этот пример говорит не в пользу классического кирилловского чтения, ибо надпись на самом деле смешанная (рис. 126).

Другое шиферное пряслице найдено в Пинске в 1964 году при раскопках окольного города и палеографически датировано XII веком[91]. Автор находки читает **НАСТАСЬИНО ПРАСЛЪН**[92], хотя на кирилловском изображении ясно видно иное написание, НАСТАСИНО, без

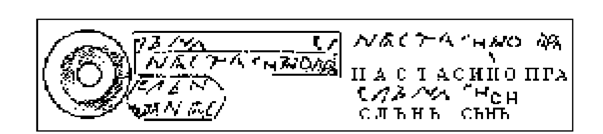


Рис. 126. Пряслице из Пинска и мое чтение его надписи

разделительного Ь. Между тем чтение П.Ф. Лысенко абсолютно верное, хотя и не совсем кирилловское, поскольку на следующей за И букве Н содержится дополнительный косой штрих. Он может читаться слоговым способом в значении И. Так что и здесь присутствует, хотя и в замаскированном виде, слоговой знак. Подозрение падает и на очень маленькую букву С, которая вместе с Н читалась раньше как СЬНЪ. Отметим также, что П.Ф. Лысенко не обратил внимания на Ь в конце слова ПРАСЛЕНЬ, которое опять-таки написано через ПРА, а не ПРЯ. Мое чтение будет **НАСТАСЬИНО ПРАСЛЕНЬ**, то есть *НАСТАСЬИН ПРЯСЛЕНЬ*. Тем самым мое чтение довольно близко к чтению П.Ф. Лысенко.

А что же А.А. Медынцева? Она полагает: «*Рядовая несогласованность (при этом конечное* ***О*** *в имени читается отчетливо) заставляет предположить, что последняя буква —* ***Е****... Еще одна небольшая поправка: в слове «пряслень» третья буква — Ѧ, как видно по сохранившимся чертам, нижняя вертикальная черточка могла и не сохраниться*»[93]. Таким образом, чтение А.А. Медынцевой — **НАСТАСИНО ПРѦСЛЕНЕ** (№ 14). Как видим, А.А. Медынцева читает белорусские надписи по-русски, исходя из установленной презумпции русского звучания всех восточноевропейских надписей 800–900 лет назад. В этом смысле она полностью разделяет парадигму современного языкознания и полагает, что если начертано А, то все равно это буква Ѧ. Как шутят физики, если факты не укладываются в господствующую теорию, тем хуже для фактов. А между тем начертание ПРА вместо ПРЯ у белорусов говорит за то, что расхождение между русскими и белорусами в области языка начались гораздо раньше того срока, какой принимается во внимание современной исторической диалектологией.

Пряслице из Теребовля. Это битрапецевидное пряслице было найдено в 30-х годах XX века с короткой надписью (Р) ОМАДИНЪ[94]. А.А. Медынцева отмечает: «*Первая буква неясна. При публикации надписи Л.В. Алексеев предположил, что на пряслице указано имя владелицы в притяжательной форме и предложил два варианта реконструкции имени: «Ромада» или «Команда». По мнению В.Л. Янина, первое имя вполне вероятно, так как до сих пор существует фамилия РОМАДИН, производная от этого имени... Можно предположить еще одну реконструкцию имени НОМАДА, расшифровав первую букву как испорченное* N. *Все три имени в других древнерусских источниках не встречаются, но предпочтительнее является все же первый вариант реконструкции РОМАДИН [ПРЯСЛЕНЬ], при этом следует предположить, что в надписи начерчено Р — в строке и с треу-*

гольной головкой, а черты в виде ИЖИЦЫ, зафиксированные прорисью, случайны»[95]. Надпись датируется XI–XII вв (рис. 127).

Я полагаю, что неясная первая буква как раз буквой и не является. Это — слоговой знак РО, а точнее — лигатура слоговых знаков РО и МА. Иными словами, надпись на пряслице наносилась трижды. Первый раз, вероятно, веке в IX, был составлен первый знак в виде лигатуры с чтением РОМА. Далее, веке в X, под влиянием наступающей кириллицы, появилось второе начертание из линейнах знаков РО, МА, ДИ и НЪ, написанных с большими пропусками между ними. Теперь вместо лигатур руницы имелось линейное письмо из отдельных прореженных слоговых знаков. Наконец, в конце XI — начале XII века произошло третье редактирование надписи, когда между знаками руницы, которые теперь понимались как согласные буквы, произошла вставка гласных букв. Между РО и МА была вставлена буква О; места для нее было мало, и потому она вышла довольно узкой. Слоговой знак ДИ был исправлен в А с довольно наклоненной диагональю, а справа пририсована буква Д. Наконец, знак Н стал пониматься как кирилловская буква И, и правее от него были начертаны буквы N и Ъ. Так что датировка эпиграфистов относится лишь к последней редакции надписи. Хочу вместе с тем отдать должное проницательности эпиграфистов, которые все однозначно предпочли чтение РОМАДИНЪ любому другому, несмотря на неясность первого знака.

Пряслице из Ростова Великого. В Ростове Великом помимо пряслица № 29 было обнаружено и пряслице № 28[96] (рис. 128). Хотя оно было извлечено из слоя XVII века, обстоятельства показывают, что оно попало в верхний горизонт из лежащих ниже отложений. О нем А.А. Медынцева пишет так: «*Пряслице розового шифера имеет зонную форму, верхняя и нижняя поверхности покрыты мелкими выбоинами.... Начало надписи читается легко: СЕ ПРАСЛЕНЬ. Продолжение во втором ряду, где следует ожидать упоминание имени, повреждено. Начальные 4–5 букв слова забиты, уцелело лишь окончание, написанное тем же почерком —...ИОНИ[Н] О, причем предпоследняя буква также уничтожена. Полностью имя прочесть не удается. Вероятно, это притяжательная форма женского имени, оканчивающегося на*

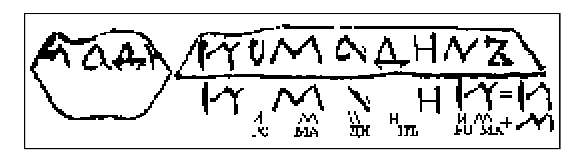


Рис. 127. Пряслице из Теребовля и мое чтение двух первых вариантов надписи

-ИОНА, -ИОНИЯ, например, такого как ЕРМИОНИЯ (18 сентября старого стиля) или женских параллелей к таким именам, как ИЛЛАРИОН или ИРОДИОН. Полностью надпись (ее сохранившаяся часть) читается так: СЕ ПРЯСЛЕНЬ... ИОНИ[Н] О (это пряслень...ионино). По форме это типичная владельческая подпись на пряслице. Имя, вероятно, было сбито при смене владелицы»[97].

Прежде всего не совсем ясно, чему верить, описанию или рисунку. На рисунке «забитые» знаки идут в верхней строке после слов СЕ ПРЯСЛЕНЬ, из текста описания они идут во второй строке. Кроме того, на рисунке текст СЕ ПРЯСЛЕНЬ дан через ПРЯ, то есть ясно виден ЮС МАЛЫЙ, тогда как в описании упоминается слово ПРАСЛЕНЬ через А. Чему верить? Я полагаю, что верить следует рисунку, а не тексту А.А. Медынцевой. Перед нами простая небрежность, которой не следует придавать значения.

На мой взгляд, надпись наносилась по меньшей мере в два этапа. Сначала был нанесен знак **СЕ** (позже переделанный в Е) и слово **ИВОНИНЬ** одними слоговыми знаками, то есть надпись была целиком руничная. Это означало: *ЭТО — ИОНИНЬ* (ПРЯСЛЕНЬ). Тем самым владельцем пряслица был мужчина по имени ИОНА; либо он был дарителем. Позже произошла переделка надписи руницей в надписи кириллицей: слева была написана буква С, знак СЕ переделан в букву Е, в пространство между первым и остальными знаками вписано слово ПРЯСЛЕНЬ. Но дальше знаки руницы, передававшие имя, оказались начертанными слишком близко друг к другу, их забили, а имя ИОНЫ начертали на второй строчке, **ИОНИНЕ**. На вторую строчку пришелся и последний забитый знак написания руницей. Что же касается двух знаков в виде точек в конце верхней строчки, то это, как я полагаю, те самые «мелкие выбоины», о которых писала А.А. Медынцева.

Два ложных имени (рис. 129). На пряслице из Вышгорода[98] первоиздатель усматривает надпись **БЛЯТЫ**, производя неизвестное до сих пор имя БЛЯТА от слова *БЛЯДЬЯ* и сопоставляя его с именами гер-

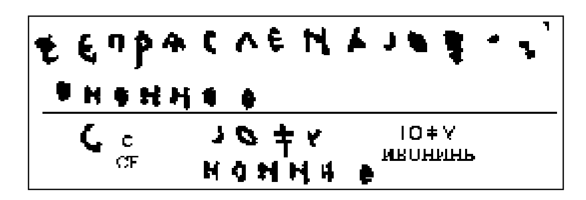


Рис. 128. Пряслице из Ростова Великого и мое чтение его надписи

манских сказочных героинь Frigg, Holda (Huld), Frau Holle[99]. А на памятнике письменности XII–XIII вв. с Ленковецкого городища[100] нацарапаны всего три буквы Т, ЮС МАЛЫЙ и Б, почему первоиздатель даже не строил предположений относительно значения надписи. На мой взгляд, тут написано то же самое, что и в предыдущем случае, но читать надо справа налево. Если бы эпиграфисты занялись и этой надписью, они опять пришли бы к имени БЛЯТЫ. Между тем такого имени нет, и оно вряд ли возможно. При этом сначала идет кирилловская буква Б в слоговом значении, потом — слоговой знак ЛИ (у второй надписи он берется как внешняя часть ЮСА МАЛОГО), потом — ЮС МАЛЫЙ, и затем либо буквы ТЫ, либо соответствующий знак руницы с наклонной крышей. Поэтому я читаю **БЫЛИ ЯТЫ** в обоих случаях, что означает *БЫЛИ ВЗЯТЫ (ВЗАЙМЫ)* — но на первой надписи есть еще добавка из мелких знаков руницы — **ДЬЛЯ ТАНИ** (то есть *ДЛЯ ТАНИ*). Слово *ТАНЯ* — уменьшительная форма от женского имени *ТАТЬЯНЫ*. На втором пряслице я показал, какой порядок букв был бы при чтении слева направо.

Раньше я ошибался, допуская на надписи обидное для пряхи слово, укоряющее ее в недостойном поведении и начертанное на ее орудии прядения. Но теперь я полагаю, что надписи на пряслицах об их происхождении делала старшая женщина в семье в том случае, если пряслице было у кого-то одолжено; более того, она даже помечала, для кого именно из дочерей (или невесток) она одолжила пряслице (в данном случае — для Тани). Интересно и наличие у первой буквы Б слогового чтения.

Промежуточный итог. Рассмотрено 20 надписей на пряслицах смешанного типа, где, однако, преобладает кирилловское начертание. И авторы находок этих археологических памятников, и более поздние эпиграфисты пытаются прочитать их только кирилловским способом, что почти всегда приводит к определенным трудностям. Правда, пока эти трудности подаются как простые разночтения разных исследователей. На мой взгляд, однако, **они носят системный характер** и не зависят

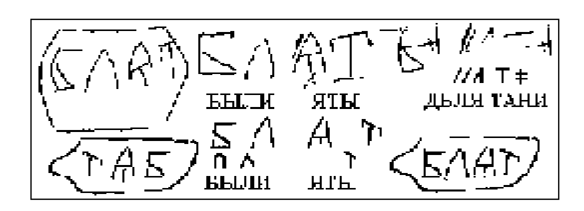


Рис. 129. Мое чтение надписей на пряслицах из Вышгорода и Ленковец

от конкретного исследователя. А именно: эпиграфисты и археологи стараются прочитать не то, что начертано, а то, что можно понять с позиций кирилловского начертания, что и плодит всякого рода странные слова типа НЕВЕСТОЧЬ, НЕДАНА, ФЕНИЩИН, МИЛЕШН, НАМАЛА, ИУЛИАНЕ, КНООЖЯЭЭ, МОЛОДИЛО, СОЗДАТЕЕЮ, БЛЯТЫ, ТЯБ и прочее вместо НЕВЕСТОЧИЙ, ЕЕ ПРЯСЛЕНЬ, ДЕВИЧЬИ НИЩИИ, МИЛЕШИН, АМАЛИН, КНЯЖИН ПРЯСЛЕНЬ, КНЯЖИН, МОЛОДКИН, СОЗДАТЕЛЮ, БЫЛИ ЯТЫ и т.д. Конечно, эти полуфабрикаты лучше, чем чистые фантазии типа ВЕРТАТЕ Ю КАШЕВИ или типа слова-монстра СВЧЬЖЕНЬ, однако и они не создают впечатления благополучия в области кирилловской эпиграфики. И особенно досадно, что надписи подгоняются под то, **что должно быть** с позиций принятых на сегодня в лингвистике и эпиграфике положений, **а не считаются первоисточниками, чей уровень достоверности выше наших принятых схем.**

При этом больше всего замечаний пришлось в персональный адрес А.А. Медынцевой, которая взяла на себя нелегкий труд собрать и рассмотреть основной массив русских надписей XI–XIII вв. Разумеется, поскольку она идет вслед за другими археологами, дополняя и несколько изменяя их чтения, она и оказывается тем «крайним», который чаще всего получает от меня критические замечания. Но критикуя ее чтения, я никоим образом не имею ничего лично против нее. Напротив, судя по тонким ее замечаниям, касающимся согласования слов, отсутствующих в чтениях, произведенных до нее, по великолепному знанию начертаний отдельных букв кириллицы, что ей помогает в сложных случаях, и по ряду других факторов, она на сегодня является лучшим из отечественных профессионалов в области кирилловской эпиграфики. Но только кирилловской, тогда как славянская эпиграфика не только включает в себя глаголицу (а об этом – речь впереди), но и, как я пытаюсь показать в данной работе, она в значительной степени пронизана руницей. И все перечисленные чуть выше «странные слова» – результат игнорирования руницы, которая присутствует в надписях, но в упор не замечается той же А.А. Медынцевой, с которой она была знакома.

Тут мы сталкиваемся с тем, что называется в науковедении «господством старой парадигмы». Автор теории научных революций Томас Кун ввел весьма любопытное положение о том, что только человек, разделяющий ту или иную парадигму, является членом научного сообщества. Как только он выходит за ее рамки, научное сообщество от него избавляется. Иными словами, критика парадигмы самоубийственна для члена научного сообщества. И даже если по каким-то парамет-

рам конкурирующая научная теория оказывается лучше, это рассматривается как просто ее небольшой успех в частностях, но не более того. В конце концов, каждому дано право ошибаться или, точнее, позволять себе некоторые неточности, а за неточности никто не несет большой ответственности. Иное дело — выступление против парадигмы.

К парадигме современной эпиграфики относится то, что у славян в средние века на Руси ничего кроме кириллицы и очень редко — глаголицы, **никакого иного собственного письма не было**. При этом допускается, что отдельные знаки могли заимствоваться из других письменностей, но это заимствование не образовывало системы. Так что мои попытки обосновать существование третьего, и, как я буду доказывать в своих последующих исследованиях, первого по времени и по значению для более ранних эпох слогового письма славян, руницы, выходят за это «азбучное положение» современной славянской эпиграфики и потому сразу ставят меня вне современного научного сообщества (с этим я уж многократно сталкивался). Так что по правилам хорошего тона на меня просто не следует обращать внимания. Ведь в хороших изданиях не обращают внимания на дешифровки И.А. Фигуровского, Н.В. Энговатова, Г.С. Гриневича и других «любителей». Так что я вполне возможно могу быть удостоен термина «энтузиаст» (подразумевается «непрофессионал»), который не стоит упоминания. А то, что я объясняю происхождение неясных знаков — это мое личное дело. Кроме того, я затрагиваю и весьма важное положение лингвистики, а именно: что славяне V–VI вв. н.э. говорили на одном языке (то есть у них было общеславянское единство), а позже, веке в X–XII, такое же единство было у восточных славян, которые тоже говорили на едином восточнославянском языке. Следовательно, **никакого различия в языке между русскими и белорусами в это время не было**. А я показываю, что предки современных русских писали на пряслицах слог ПРЯ, тогда как предки белорусов писали ПРА, что, разумеется, было чисто диалектным различием. Так что хотя разных восточнославянских языков, русского и белорусского, еще не было, но разница между русским и белорусским диалектами уже существовала. Эта моя «вольность» в отношении парадигмы лингвистики ставит меня и вне научного сообщества в области лингвистики. Так что обвинительный приговор мне содержит как минимум два пункта моих прегрешений.

Конечно, через какое-то время, скажем, лет через 50–70, и эпиграфика, и лингвистика откажутся от сегодняшних положений «под давлением вновь открытых фактов», но я уже до тех светлых дней не доживу. Пока я как раз и демонстрирую эти «вновь открытые факты», по которым оба сегодняшних положения науки оказываются неприемлемыми.

Попробуем теперь посмотреть, как распределены эти факты во времени. Наиболее ранние надписи были выполнены чисто руничным способом, а затем они переделывались, чтобы стать кирилловскими. К первым пряслицам с явно выраженной лигатурой из двух знаков руницы относится пряслице из Теребовля; лигатура гласит РОМА и означает РОМА(ДИНЪ). Вероятно, так пряслице было подписано в IX веке. Затем, веке в X, под влиянием наступающей кириллицы надпись становится линейной с большими пробелами между знаками: РО МА ДИ НЪ. Каждый пробел между знаками вполне может принять еще 1—2 знака. Наконец, в середине или конце XI века в эти пробелы вписываются согласные, а знаки переделываются (вписаны Д и NЪ, переделан знак ДИ на А). Но первый знак РО все еще читается как слоговой и потому не исправляется. Буква О вписывается в последнюю очередь, когда слоговые знаки понимаются как согласные. Судя по берестяной грамоте № 553, это случилось для Новгорода на рубеже XII—XIII вв. Так что последняя, четвертая, правка случилась еще век спустя.

Я обращаю внимание на то, что предлагаемое мною объяснение является единственно возможным. Считать, что первый знак в виде И составлен из Р с треугольной головкой, а черты ИЖИЦЫ нанесены случайно, не представляется возможным по двум причинам: во-первых, знаки И и М образуют лигатуру из знаков руницы с чтением РОМА- (так что никакой случайности тут нет), тогда как И никоим образом не напоминает Р; кроме того, пряслице из Теребовля дает образец закономерности, прослеживающейся и на ряде других памятников письменности.

Иными словами, я предполагаю, что **надписи на пряслицах первоначально были нанесены не в том виде, в котором они до нас дошли**, а сформировались по меньшей мере в 3—4 этапа. На первых порах, в IX веке, когда развернулась деятельность Кирилла и Мефодия, на Руси продолжали писать руницей, причем **считалось нормой составление лигатур из 2—3 знаков**, передающих начало имени типа РОМА. Позже появилась кириллица как линейное письмо; руница преобразилась, показав, что она вполне принимает этот вызов и из письма лигатурного, усложненного стала письмом линейным, перейдя в свою противоположность, **письмо с просветами между знаками**, это дает надпись типа РО МА ДИ НЪ; это случилось, видимо, в X веке. Затем следует этап **заполнения пробелов буквами кириллицы и чтения оставшихся знаков руницы как букв кириллицы**; этому периоду соответствует начертание с единственным пробелом РО МАДИНЪ где-то во второй половине XI века. Наконец, в XII веке **знаки руницы начинают читаться**

как согласные буквы и после них ставятся гласные кириллицы. Такова схема эволюции, которая вырисовывается из анализа пряслица из Теребовля. Поэтому для подтверждения схемы есть смысл рассмотреть новые примеры.

К такого рода надписям я бы отнес начерк на пряслице из Старой Рязани КНЯЖИНЪ, выполненный задолго до X века, видимо, в IX веке (и при этом не обязательно в Рязани). Вначале я думал, что она состояла из 4 знаков руницы: КА, НА, ЖИ, НЪ; ниже я покажу, что это произошло чуть позже. Затем, когда кириллица стала господствующим типом письма, надпись была исправлена путем добавления букв кириллицы в оставленные между знаками промежутки, так что некоторые бывшие знаки стали читаться как буквы (например, КА стала Н), но не очень умело, и стала выглядеть как КНЕЖЯН, где Е и Я оказались лежачими. (На самом деле лежачее Е было в свое время знаком ЖИ.) Кириллица тогда только еще входила в обиход, и ее буквы было можно употреблять в том числе и в лежачем положении. Это произошло, видимо, не в середине XI века, как я предположил ранее, а позже. С тех пор надпись не исправлялась; возможно, пряслице было утеряно. Однако под влиянием сопоставления данной надписи с надписью из Теребовля можно предположить, что первая состояла из одной лигатуры в виде знака N с пробелом между левой мачтой и остальным телом знака, ибо оставшаяся часть имела самостоятельное чтение НА. Тем самым первоначальная лигатура могла означать КАНА, то есть КАНА (ЖИНЪ). А с X века появилась надпись знаками руницы КА НА (слитые в лигатуру), ЖИ (за которым следовал большой пропуск) и НЪ, то есть надпись второго этапа КАНАЖИНЪ в смысле КНЯЖИН. К третьему этапу можно отнести дописывание маленькой буквы К в начале слова, начертание Ж и разделение последнего знака НЪ на две буквы, ИН и начало Ъ (горизонтальная черта от Ъ пририсована к правой мачте Н). Однако последнее удалось не вполне, буква Н (то есть И) получила наклонную левую мачту, а слоговой знак НЪ имел левую мачту, лигатурно соединенную с правой мачтой И. И наконец, на четвертом этапе левая мачта Н (И) была переделана в ЮС МАЛЫЙ, причем лежачий, что говорит о том, что его писала иная рука. С этого момента и знак W (ЖИ) стал читаться как лежачая буква Е. Таким образом, надпись стала целиком кирилловской, хотя и довольно странной.

Третий случай той же закономерности можно видеть на пряслице из Вышгорода, где окончательная надпись XII века может быть прочитана как КАНЯЖИН ПЪРАСЛЕНЬ. Но по сути дела это лишь четвертый этап, на котором ЮС МАЛЫЙ в слове КАНЯЖИН был начертан вверх ногами. Более века ранее на этом месте стоял знак НЪ

из лигатуры КАНАЖИНЪ, а слово ПЪРАСЬЛЕНЪ было начертано тоже в виде лигатуры. Иными словами, с моей точки зрения, третий этап, то есть выстраивание надписи из линии слоговых знаков с пробелами между ними, тут был пропущен. А пропущен он был потому, что вместо надписи начального этапа КАНА(ЖИНЪ) ПЪРА(СЬЛЕНЪ) автор надписи начертал лигатуры полнее: КАНАЖИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЪ, так что все знаки были налицо; позже вписывать буквы было некуда, ибо для них не оставалось пробелов. Так что и в данном случае действует предложенная мной схема.

Она же действует и для пряслица из Друцка, где первоначально находился лишь один знак-лигатура N, то есть КАНА(ЖЬИНЪ), на втором этапе была дописана на большом расстоянии лигатура X и I (ЖЬИ) и знак Н (НЪ); на третьем перед знаком N были начертаны буквы КЪ, а знак Н пытались переделать в лигатуру букв НЪ, добавив к левой мачте косую черту. Но затем вместо этого справа начертали NЪ. На четвертом между буквами N и лигатурой ЖЬИ (которая теперь стала пониматься как плохо начерченная буква Ж) был вставлен ЮС МАЛЫЙ, впрочем, весьма плохого начертания.

Я нахожу остатки первоначальной слоговой надписи и на пятом примере — на пряслице из Ростова Великого, где поначалу имелся знак руницы МИ (нынешняя левая мачта и часть средней в букве Ш), лигатурно соединенный со знаком ЛЕ (середина нынешней буквы Ш) и знаком ШИ; это образует первоначальное чтение МИЛЕШИ. На втором этапе к этому слову было подписано другое: знак ПЪ, от него на большом расстоянии лигатура РУ и СЬ (знак РУ имел в данном случае чтение РА, а СЬ было зеркальным), далее ЛЕ и очень близко — НЬ. На второй строке при этом чертятся два знака руницы, РА и лигатура из ЗЬ и ВЕ, образующих слово РАЗЬВЕ. Иными словами, у владелицы уже возникает сомнение в принадлежности пряслица к Милеше. На третьем этапе лигатура МИЛЕ переделывается в букву Ш, правее чертится буква Н (И), так что слоговая лигатура МИЛЕШИ превращается в ШИ с непонятным диагональным соединительным элементом между буквами; левее пишутся буквы МИЛ, а орнаментальный хвост знака МИ превращается в верхнюю часть буквы Е. В слове ПРЯСЛЕНЬ между знаками ПЪ и РА размещается буква Р, так что лигатура РУ и СЬ теперь читается как А (странного начертания), новую букву С вставить забывают (то есть лигатура РАСЬ все еще не забыта), ЛЕ превращается в Л, НЬ — в Е, РА — в N, ЗЬВЕ — в Ъ. Но вместе с тем подписывается руницей и имя нового владельца — ИВАНА. На четвертом этапе в слоговой надписи ИВАНА из слогового знака НА делается лигатура букв Н и А. Так что здесь мы видим, что пере-

дача пряслица из рук в руки может привести к смене имени владельца; МИЛЕШУ заменяет ИВАН.

Интересно, что на пряслице из Ростова Великого (№28) А.А. Медынцева допускает смену владелицы, так что замена МИЛЕШИ на ИВАНА — вещь понятная и допускаемая эпиграфистами. Что же касается самого этого пряслица, то, судя по тому, что начальное его начертание не содержало лигатур, оно было создано во второй период, когда надписи руницы писались из разрозненных знаков с пробелами. Далее руничная надпись СЕ ИОНИНЬ была заменена на кирилловскую СЕ ПРЯСЛЕНЬ ИОНИНЕ. Так что правка тут происходила всего один раз, но зато сопровождалась частичным забитием ряда знаков руницы.

Чисто руничной была надпись на седьмом примере — на пряслице из Новгорода, где владелица написала ДЕВИЧАИ ПЪРЯСЛЕНИ. И это было сделано на первом этапе. Второй этап был пропущен, ибо на лигатурах места для линейного письма руницей вразрядку не нашлось. Зато на третьем этапе в слове ДЕВИЧАИ было добавлено окончание Е в виде буквы кириллицы, и кирилловскими же буквами в две строки было начертано слово НИЩЕНИ. Четвертого этапа тоже не последовало. Эпиграфисты прочитали надпись неверно, как ФЕНИЩЕНИ, что неудивительно, ибо кириллицей начертана лишь середина всего текста.

Весьма своеобразно пряслице из Любеча, где вначале вразрядку было начертано имя ИВА(НА), что позволяет отнести эту надпись ко второму этапу. Она оказалась надстрочной. А затем появилась подстрочная надпись третьего этапа: ДИНА, ДОЧЬ ИВАНКЪ, СОЗДАТЕЛЮ О... Следовательно, между первым владельцем и второй владелицей прошло одно поколение, пряслице перешло от отца Иванко к его дочери Дине и, следовательно, между вторым и третьим этапом в данном случае могло пройти от 15 до 30 лет. Это показывает высокую динамику перехода от линейной руницы к кириллице. И все же на третьем этапе допускается существование отдельных руничных знаков, в данном случае ЛЮ в слове СОЗДАТЕЛЮ. Это позволяет уточнить дату III этапа.

Девятый пример нам дает пряслице из Новгорода с надписью НАСТОКИНЕ ПРЯСЬЛЕНЬ, где надпись ПРЯСЛЕНЬ ДЕВЫ НАСТКИ - выполнена в виде лигатуры из знаков руницы, тогда как слово НАСТОКИНЕ начертано кириллицей. Тут вначале существовала надпись ПЪРЯСЬЛЕНЬ как лигатура из знаков руницы, маркирующая первый период. Заметим, что никакой конкретной владелицы у него в это время еще не было. Затем появилась надпись линейными знаками руницы вразрядку ДЕВЫ НАСЪТЬКИ на втором этапе. А поскольку окон-

чательная кирилловская надпись НАСТОКИНЕ датируется концом XII – началом XIII века, ее можно отнести к четвертому этапу. К тому времени Настка не только перестала быть «девой», но и осталась в памяти как пожилая женщина X, быть может, XI веков.

В качестве десятого примера можно отметить пряслице из Гродно, на котором было первоначально начертано вразрядку ПЬ, затем лигатура из РА и СЬ и, далеко от них, ЛЕ. Это позволяет отнести надпись ко второму этапу. Позже было начертано ГИ, ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕИ, ИЕ кириллицей, а руничное начертание слова ПЬРАСЬЛЕ исправлено на кирилловское ПРАСЛЕНЬ. Это позволяет отнести надпись к четвертому этапу, поскольку не осталось никаких смешанных начертаний и поскольку последняя дата, к которой отнесена надпись – XIII век. А одиннадцатый пример – это надпись на пряслице из Киева со Старокиевской горы, где сейчас читается ЯНКА ВЪДАЛА ПРЯСЛЕНЪ ЖИРЪЦЕ; но на нем можно найти следы более ранней надписи, выполненной тонкими линейными слоговыми знаками вразрядку ЯНЪ-КА на верхней строке и ЖИРЪ на нижней. Это соответствует второму этапу, тогда как на третьем эти надписи были пополнены кириллицей, но не уничтожены. А.А. Медынцева показала, что надпись можно датировать рубежом XI–XII веков, что как раз характерно для третьего этапа. Двенадцатый пример – это надпись руничной лигатурой ТЬВОЙ, которая позже, на третьем этапе, была заменена надписью БАБИНЪ ПРАСЛЕНЬ. Так что к рубежу XI–XII вв., которым датируется данная надпись, первая владелица, должно быть, уже осталась в прошлом или позапрошлом веке, да и новая передарила этот предмет своей внучке.

Интересными представителями третьего этапа являются пряслица из Вышгорода и Ленковец. Странно, что А.А. Медынцева не включила их в свой обзор, – я полагаю, только из-за того, что не согласна была с именем БЛЯТЫ, но не знала, как прочитать иначе. Слова БЫЛИ ЯТЫ начертаны хотя и кириллицей, но со слоговым чтением Б как БЫ, с чтением Л как ЛИ и с лигатурой (во втором случае) между ЛИ и ЮСОМ МАЛЫМ. Кроме того, оставлена чисто слоговая приписка ДЬЛЯ ТАНИ. Хотя пряслице не датировано, можно предположить, что это конец XI – начало XII в. Интересно также отметить обратное начертание строки в надписи с Ленковецкого городища ТЯБ в смысле БЯТ, где имелось в виду БЛЯТЫ, а читалось БЫЛИ ЯТЫ. Таковы особенности третьего этапа, когда кириллица вошла в моду, а толком писать и читать ее буквы обычные пряхи еще не научились.

К концу XI – началу XII в. относится пряслице из Рязани с надписью ПРЯСЛЕНЬ ПАРАСИНЪ; слоговыми знаками являются ЛЕ

в первом слове и конечный НЪ во втором. Как мы только что видели, частичное использование знаков руницы является показателем третьего этапа, стало быть, данная датировка и есть время третьего этапа в Рязани.

Третий пример надписи только третьего этапа — надпись на пряслице, найденном на Княжей горе — НЕВЕСТОЧАЙ, где руницей начертаны два последних слога ЧА и Й. А.А. Медынцева отметила трудность датировки этого памятника письменности и очень осторожно отнесла его к XII веку. По нашей схеме третий этап включал в себя как конец XI, так и начало XII века, так что опять-таки можно убедиться в высоком профессионализме этой исследовательницы. Далее можно вспомнить надпись из Новгорода НЕДЕЛЬКИНЕ ПРЯСЛЕНЬ, где, видимо, наиболее ранней является безобразная по качеству кирилловская надпись ПРЯСЛЕНЬ на второй строке, принадлежавшая скорее всего пожилой женщине, после которой новая владелица начертала слово НЕДЕЛЬКИНЕ отчасти кириллицей, НЕДЕЛЬ, отчасти руницей, КИНЕ. А позже перенесла и на нижнюю строку кирилловскую транслитерацию КИНЕ. Заметим, что все три надписи уложились в один третий этап, где первая, вероятно, принадлежала матери, а вторая и третья — дочери. Кстати, имя НЕДЕЛЬКА, как мне кажется, представляет собой прозвище мужчины, который и мог подарить женщине такую бытовую ценность, как пряслице. А в случае с надписью из Пинска слова НАСТАСЬИНО ПРАСЬЛЕНЬ содержат два слоговых знака — СЬНЪ вначале и букву I (И) в лигатуре с N позже. Это позволяет сказать, что пряслице было подписано на третьем этапе, но затем дотянуто до четвертого. Наконец, шестым примером оказывается надпись из Белоозера АМАЛЕН, где хотя знаков руницы нет, но орфография памятника (начертание -ЕН вместо -ИН) характерна именно для руничного знака. Так что это — третий этап, что и подтверждает датировка началом XII века. Шестым примером служит пряслице из Витебска с надписью БАБУИНЬКИ ПРЯСЛЕНЬ, где знаки У и КИ — слоговые. Седьмым — пряслице из Старой Рязани с надписью МОЛОДКИНЪ, где КИ и НЪ слоговые, — это опять-таки рубеж XI–XII вв. А последним, восьмым, примером оказывается пряслице из Друцка, где слово КНЯЖЬИНЪ начертано кириллицей с тремя последними знаками руницы.

Таким образом, предложен новый способ эпиграфической датировки, основанный на трех способах начертания: два — чистой руницей, третий — смешанным письмом и четвертый — чистой кириллицей, где отлично датирован третий этап концом XI — началом XII в. Второй и первый этапы могут быть датированы лишь из общих соображений соответственно X и IX веками. Однако в них следует разобраться более подробно.

Чисто руничные надписи. А далее я отхожу от преимущественно кирилловских начертаний и начинаю рассматривать надписи, выполненные преимущественно руницей. Так, в Гродно было найдено еще одно «*шиферное пряслице с процарапанными знаками, некоторые из которых носят явно буквенный характер*»[101] (рис. 130), однако, помимо изображения самого текста[102], о пряслице нет более никаких данных, а общий вид пряслица и место нанесения на нем надписи отсутствуют.

На мой взгляд, надпись в одну строку выполнена смешанным письмом. Поскольку я не обнаружил попыток ее дешифровки, мне пришлось прочитать ее впервые. Начинается надпись первым слогом, выполненным кириллицей, где читается МА. Затем следует лигатура из слоговых знаков ЛА и НЪ, а затем И и НО, что дает слово **МАЛАНЪИНО** или **МАЛАНЪИНЪ** (в слоговом письме НО и НЪ обозначаются одним знаком). Затем следует лигатура из слоговых знаков, которая может быть прочитана как ЛЕНЪ. Возможно, что ЛЕНЪ есть неумелое написание имя ЕЛЕНЫ в уменьшительно-ласкательном виде как ЛЕНЫ. Однако это предположение следует отбросить, так как имя владелицы пряслица уже обозначено: это *МАЛАНЬЯ* — распространенное на Руси полное женское имя. Следовательно, ЛЕНЪ есть конечный фрагмент слова ПРАСЛЕНЪ, которое и должно следовать за обозначением имени хозяйки. Тогда появляется мысль о том, что начальное написание слова, ПРАС, было помещено где-то в другом месте, скажем, на верхней строке. Однако Н.Н. Воронин, весьма скрупулезный исследователь, не нашел каких-то иных знаков на пряслице. Следовательно, надпись ПРАС должна содержаться в уже имеющемся тексте. Единственной кандидатурой на такую роль является лигатура НЪИ в слове МАЛАНЪИН; и действительно, как видно из рисунка, из нее можно вычленить и ПЪ, и РА (если немного приблизить правую мачту НЪ к левой). А знак СЬ можно выделить из лигатуры ЛЕ и НЪ (учитывая кривизну правой мачты знака ЛЕ и предполагая зеркальность СЬ). Таким образом, получается стандартная владельческая надпись, **МАЛАНЬИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЪ** (*ПРЯСЛИЦЕ МАЛАНЬИ*). Обращает на себя внимание твердое окончание НЪ в двух словах вместо ожидаемого там же НЬ. Это, как мне кажется, отражение бело-



Рис. ***130.*** *Пряслице из Гродно и мое чтение его надписи*

русского произношения. Я бы датировал данную находку третьим этапом, то есть рубежом XI–XII вв.

Ложное имя богини. Следующее пряслице из розового шифера найдено в 1957 г. при раскопках детинца древнего Друцка (рис. 131). Л.В. Алексеев читает на нем слово НИКА, замечая при этом, что смысл его «*может быть понят лишь в том случае, если мысленно дополнить штрихи, которые не вышли у пишущего. Он, вероятно, имел в виду начертать широко распространенное в древней Руси греческое слово НИКА, означавшее тогда победу православия над язычеством. Этот девиз православной религии того времени писался на многих предметах – чаще всего на связанных с христианским культом*»[103]. Вполне соглашаясь с этим эпиграфистом по последнему поводу, я тем не менее не могу причислить пряслице к предметам религиозного культа, а потому крайне удивлен помещению простой пряхой имени богини Ники на предмет домашнего ремесла. Да и откуда знать исследователю XX века замыслы пряхи, жившей 8 веков назад? А.А. Медынцева, однако, полагает, что «*читается слово ЛИЛА – вероятно, женское имя. В древнерусских источниках оно не отмечено, но в Болгарии сохранилось до наших дней*»[104]. Такое сильное расхождение между археологом и эпиграфистом в чтении встречается редко, что говорит о трудности понимания начертания. Датируется пряслице А.А. Медынцевой XIII веком якобы по буквам Л и А (последнему знаку надписи), в согласии со стратиграфической датировкой (предмет был найден между бревнами помоста XIII века). На мой взгляд, надпись сделана много раньше.

Мне представляется, что предложенное археологом домысливание линий на пряслице приводит к тому, что желаемое выдается за действительное; как мы уже видели, одним из самых распространенных слов на подписных пряслицах является название самого предмета – ПРЯСЛЕНЬ. Вероятно, оно здесь и написано, на что указывает второй знак,

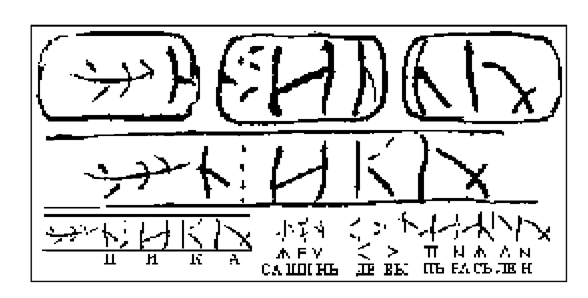


Рис. 131. Пряслице из Друцка и чтение его надписи Л.В. Алексеевым и мною

имеющий как кирилловское чтение И, так и слоговое чтение РА. Тогда первый знак должен быть ПЬ, и действительно, его можно узреть, хотя и с сильно наклоненной крышей и в очень приплюснутом виде. Это сокращение по вертикали образовалось за счет помещения над ПЬ трех штрихов, образующих в слоговом письме слово **ДЕВЫ**. Предпоследний знак — лигатура, где отчетливо просматривается знак ЛЕ; последний знак надписи можно, хотя и с трудом, принять за очень небрежно написанную букву N. Образуется слово ПРА-ЛЕН, где отсутствует только слог СЬ. Этот слог можно заподозрить в предпоследнем знаке, обладающем некоторой кривизной, так что перед нами не просто ЛЕ, а лигатура СЬ-ЛЕ. Что же касается пальметы «украшения», то ее целесообразно поставить вертикально, и тогда один ее конец даст знак руницы СА, а другой ШИ и НЪ, что образует слово **САШИНЪ**. Слово *САША* — уменьшительное от женского имени *АЛЕКСАНДРА*. На мой взгляд, надпись **САШИНЪ ПЪРАСЛЕ** была начертана на первом этапе, на втором в серединку было вписано слово ДЕВЫ (читаемое «вверх ногами», но зато начертанное вразрядку), на третьем была приписана небрежная буква N. Начертание ПРА вместо ПРЯ выдает белорусский диалект. Следовательно, надпись ПЪРАСЬЛЕ появилась где-то в IX веке, надпись САШИНЪ — в X, надпись ДЕВЫ — в начале XI, дописана буква N — в конце XI века. А в XIII веке пряслице было выронено и закатилось между бревнами помоста, где пряха его не смогла найти.

Поскольку знаков, обозначающих смягчение конечного звука Н, не видно, я даю окончательную транскрипцию этой надписи как **САШИНЪ ДЕВЫ ПЪРАСЬЛЕНЪ** (*САШИН ДЕВИЧИЙ ПРЯСЛЕНЬ*).

Пряслице из Минска. Еще одно пряслице XI–XIII вв. было найдено при раскопках Минска (рис. 132). Археолог В.Р. Тарасенко пишет о серии из трех находок так: «*На трех пряслицах имеются узоры в виде насечек. Одно, наиболее интересное из них, было найдено на глубине 5,0–5,25 м... Узоры эти, может быть, представляют собой изображения знаков собственности. На таких пряслицах изве-*



Рис. 132. Пряслице из Минска и мое чтение его надписи

стны не только условные знаки собственности, подобные имеющимся на минском пряслице, но даже целые надписи с упоминанием имени владельца, чаще владелицы данного пряслица, поскольку прядение было делом женщины»[105]. Как видим, В.Р. Тарасенко не считает «узоры» минского пряслица надписью, полагая, что перед ним находится сложный знак собственности, не имеющий чтения. На мой взгляд, однако, перед нами – довольно небрежно выполненная надпись руницей. Для ее чтения изображение следует перевернуть, причем некоторые части на разные углы. Тогда будет ясно, что почти все знаки надписи – слоговые. Достаточно просто читаются два первых, КЪ и ЛА; у третьего, ВЪ, одна из линий оказывается под строкой. Далее можно выделить две параллельных линии, ДЕ; наконец, видна мачта с двумя большими горизонтальными линиями, НИ. Получается слово **КЪЛАВЪДЕНИ** или **КЪЛАВЪДЕНЬ**, то есть притяжательное прилагательное от женского имени КЛАВДИЯ. Намного хуже читается основное слово, оно скорее угадывается. Первый знак больше напоминает ЛЕ, чем ПЬ; второй знак очень мелкий, но зато весьма правильный, это РА; третий вычленяется из лигатуры как СЬ. Остальные знаки приходится вычленять с поворотами: так, из предпоследнего знака помимо СЬ вычленяется ЛЕ, но для этого знак надо перевернуть на 180°; а оставшуюся прямую мачту соединить с положенным на бок последним знаком, предварительно выпрямив его, и тогда получится лигатура двух кирилловских букв, НЕ.

Так читается слово ПЪРАСЬЛЕНЕ, где кирилловское окончание НЕ выполняет роль слогового НЬ. В результате получился текст **КЪЛАВДЕНЬ ПЪРАСЬЛЕНЬ** (*ПРЯСЛИЦЕ КЛАВДИИ*). Полагаю, что основная надпись была сделана в первый период внедрения кириллицы, поскольку перед нами – сложная лигатура, не расчлененная на отдельные хорошо читаемые знаки. Второй этап здесь отсутствует, на третий было добавлено окончание НЕ, стало быть, эта правка третьего этапа пришлась на конец XI – начало XII в. Это не противоречит стратиграфической датировке.

Памятники из Белоозера. Из 667 найденных здесь пряслиц 86 оказалось подписных, но интерес с точки зрения чисто руничного начертания представляют лишь те, которые были опубликованы, например, пряслице №9-г (из группы с геометрическими знаками) XIII в.[106] (рис. 133). Разумеется, эти надписи не только никто не читал, но и не принимал их за письменные начертания. Честно говоря, и у меня пока не сложилось окончательного представления о том, что все читаемые мною ниже тексты действительно начертаны руницей, поэтому мое чтение именно пряслиц из Белоозера я для себя считаю до некоторой степени

условным — то есть я показываю, как можно было бы прочитать эти надписи, если допустить, что они начертаны руницей.

Поскольку первоиздательница Л.А. Голубева поделила их на три группы, я буду придерживаться той же классификации, и после сообщения их номера (по нумерации Л.А. Голубевой) буду ставить индекс, соответствующий группе, то есть «г» для группы «пряслиц с геометрическими знаками», «к» для «пряслиц с крестовидными знаками» и «б» для «пряслиц с буквенными знаками». Но я придерживаюсь этой классификации только для передачи ее нумерации; на самом деле все знаки (за очень редким исключением) я признаю слоговыми (с той степенью условности, о которой сказано выше), а не геометрическими линиями, не крестами и не буквообразными фантазиями прях.

На пряслице №9-г надпись сделана в две строки; на второй строке нанесены, на мой взгляд, две параллельные линии с поперечным штрихом вверху. Первый знак представляет собой лигатуру, которая разлагается на слоговые знаки, образующие слово ПЪРАСЬЛЕНЪ; из двух других слагается слово ЛИДИНЪ. Получается чтение **ЛИДИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЪ**, то есть *ПРЯСЛИЦЕ ЛИДИИ*, где ЛИДИЯ — распространенное на Руси женское имя. Поскольку знаки руницы соединены здесь в лигатуру, они относятся к первому этапу бытования кириллицы на Руси; признаков последующих этапов я здесь не нахожу. Поэтому на мой взгляд надпись произведена значительно раньше даты находки. Иными словами, пряслице использовалось несколько веков, прежде чем было потеряно.

На пряслице №6-г[107] XI в. (рис. 134) опять можно увидеть характерный знак ЛИ, за которым следуют знаки ДИ, И, и на верхней грани — И, НО, И; далее следует лигатура с чтением РУСЬ, и еще два знака, которые я читаю как ВО и ДЬ. В целом надпись можно прочитать как **ИНОЙ, ЛИДИИ, РУСЬ-ВОДЬ**. Таким образом, у этой Лидии был не один прясленъ, а не менее двух; а жила она в месте сопри-

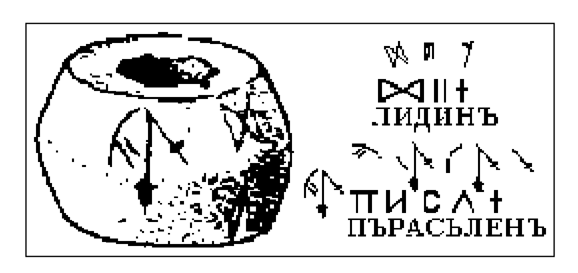


Рис. 133. Пряслице из Белоозера № 9-г и мое чтение его надписи

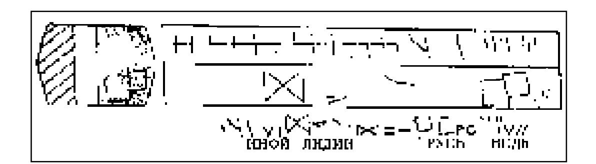


Рис. 134. Мое чтение надписи на пряслице № 6-г из Белоозера

косновения русских с водью. И хотя этот пряслень найден в слое на два века более раннем, характер начертания знаков руницы относится ко второму этапу распространения кириллицы, следовательно, надпись тут нанесена позже, чем на предыдущем грузике пряхи, где-то веке в X.

Можно рассмотреть еще десять пряслиц. Первое из них, XI в., было отнесено к группе памятников с крестовидными знаками[108] (рис. 135).

На мой взгляд, тут написано слово **РУСЬ** (оно мне неоднократно встречалось именно в таком обратном расположении знаков; в Белоозере жили различные этносы, и потому русские метили свои вещи словом РУСЬ для отличия от вещей соседей). Далее следует два креста и вертикальная палочка с перекладиной, которую можно прочитать как **ТЕТИНЪ** (слово ПРЯСЛЕНЬ здесь подразумевается). Мне думается, что слово РУСЬ, начертанное в виде лигатуры из знаков руницы, относилось к первому периоду бытования кириллицы на Руси, тогда как слово ТЕТИНЪ из знаков руницы с большими пробелами между ними — ко второму. Так что пряслице до его потери тоже могло служить более века.

На следующем памятнике XII в. с двумя крестами[109] (рис. 136) тоже можно прочитать слово **ТЕТИНЬ**; второй крест со значением ТИ изображен помельче, а последний слог отнесен на вершину ТЕ. Далее вставлено два сложных знака. Первый из них, на мой взгляд, является прекрасным образцом слогового курсива, который встречается крайне редко; все слоговые знаки здесь написаны слитно друг с другом, как

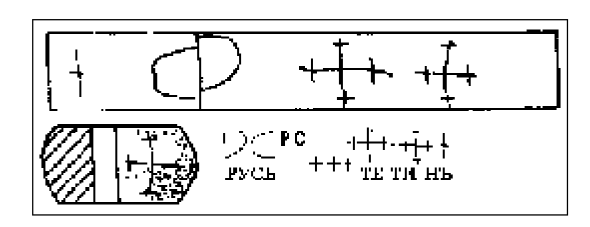


Рис. 135. Пряслице из Белоозера № 2-к и мое чтение его надписи

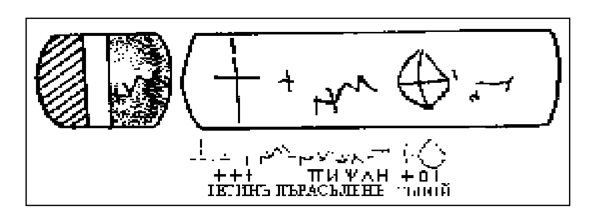


Рис. 136. Пряслице из Белоозера № 2-г и мое чтение его надписи

и положено рукописным почеркам. Лигатура представляет собой три зигзага, перечеркнутых вертикальной палочкой в нужном месте; эта палочка служит правой мачтой первого знака ПЬ, левой мачтой следующего знака РА и центральной мачтой знака СИ (с чтением СЬ); последний зигзаг образует слог ЛЕ. Получается слово ПЬРАСЬЛЕ. Завершением его, на мой взгляд, является крайне правый знак. Далее можно прочитать ВОТЪ или ТЪВОЙ (правее есть маленький вертикальный значок).

Вполне возможно, что сначала это был **ПРЯСЬЛЕНЪ ТЪВОЙ** (*ТВОЕ ПРЯСЛИЦЕ*), поскольку оба слова состоят из небрежно выполненных лигатур знаков руницы, но затем, по мере того, как менялись поколения владелиц, тетя подарила его племяннице, сделав надпись **ТЕТИНЪ** (*ТЕТИН*). Как видим, в Белоозере была традиция дарить пряслице племяннице, а вторая надпись сделана знаками руницы вразрядку с большими пробелами между ними. Только по признакам начертания и возможно отличить, какая из надписей старше.

Это мнение подтверждается и пряслицем № 3-к XII века, на котором есть надпись первого периода **ДЕВЫ** и надпись второго периоде **ТЕТИ**, надписью второго этапа на пряслице № 9-к XII века (рис. 137), на котором я также читаю **ТЕТИ**, что подразумевает *ПРЯСЛИЦЕ ТЕТИ*, и на пряслице № 13-к XII века[110], где начертано слово **ТЕТИНЪ** ско-

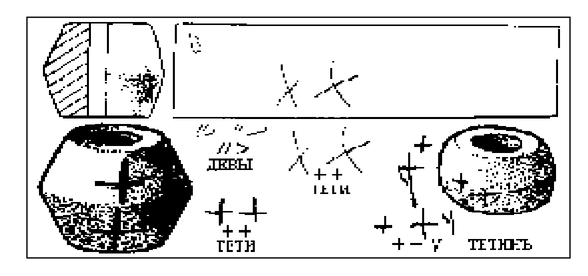


Рис. 137. Мое чтение надписи на пряслице № 9-к из Белоозера

рее всего способом первого этапа. Так что часто пряслица переходили от тети к племяннице.

Пятый и шестой памятники XII века[111] (рис. 138) содержат одно и то же имя. На первом из них (на рисунке вверху) всего три знака, слагающиеся в слово **ТАНИНЬ**, то есть *ТАНИН*; легко догадаться, что подразумевается слово ПЪРЯСЛЕНЬ. А слово ТАНИН — притяжательное прилагательное от уменьшительной формы ТАНЯ распространенного русского женского имени ТАТЬЯНА.

На другом памятнике (на рисунке внизу) надпись нанесена в две строки. Я начинаю чтение с верхней строчки, где обе лигатуры из знаков руницы разлагаются в три знака с одинаковым чтением **ТЬВОЙ** (ПРЯСЛЕНЬ). Иными словами, этот грузик для прядения по меньшей мере дважды давался в собственность двум пряхам. Третья пряха его подписала — **ТАТЬЯНЫ**. Судя по тому, что все три надписи были сделаны лигатурами из рунических знаков, это произошло в первый период распространения кириллицы; в данном случае мы имеем основания полагать, что этот период продолжался не менее трех поколений. Что же касается второго периода, то линейной руницей вразрядку начертано слово **ДЕВА**, но только оно одно. Наконец, последним по времени является слово **ТАНЬЯ**, то есть *ТАНЯ*, написанное довольно странно: вроде бы буквами кириллицы, но с очень большими промежутками между буквами Т и А и с лигатурой из знаков руницы на конце. Вероятно, надпись была сделана в начале второго периода, когда знак Т был слоговым с чтением ТА, а слоговая лигатура была вполне допустима. Позже, в третий период, была добавлена буква А. Так что эта последняя надпись могла быть начата до надписи ДЕВА, а закончена позже. Такое могло быть, например, если бабушка Татьяна решила подарить свое пряслице внучке Тане, но когда та подрастет, а пока передать, например, более старшей внучке, пока еще девушке. В любом случае второй период представляется не слишком большим, в 1–2 поколения.

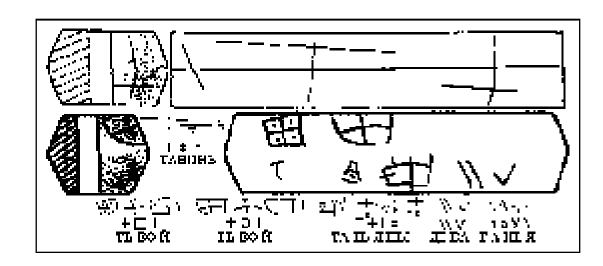


Рис. 138. Пряслица из Белоозера № 8-к и 4-г и мое чтение их надписей

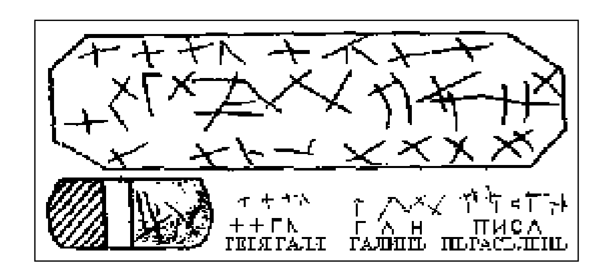


Рис.139. Мое чтение надписи на пряслице № 5-к из Белоозера

Памятник очень сложный, предполагает владение им по меньшей мере пяти женщин. Я не сразу вышел на правильное чтение надписи, читая вначале **ПЪРЯСЬЛЕНЪ ТАТЬЯНИНА ДЬВА** (*ПРЯСЛИЦА ТАТЬЯНИНА ДВА*).

На пряслице того же XII века[112] (рис. 139) начертано очень много крестов, которые затемняют основную надпись. Я полагаю, что большинство из них означают слово **ТЕТЯ**, и по крайней мере в одном месте – **ТЕТЯ ГАЛЯ**. Кроме того, я читаю слова **ГАЛИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЬ** (*ГАЛИНО ПРЯСЛИЦЕ*), где слоговые знаки разведены, а букв нет. Судя по тому, что лигатуры присутствуют в ряде знаков, а часть знаков начертана довольно далеко друг от друга, надпись сделана где-то в конце первого и начале второго периода распространения кириллицы, то есть, возможно, в начале X века, хотя утеряно было оно пару веков спустя. Слово ГАЛЯ – уменьшительная форма от распространенного русского имени ГАЛИНА.

Еще на двух пряслицах начертаны имена[113] (рис. 140). Так, на пряслице XII века № 1-г можно видеть лигатуру с чтением **ТЬВОЙ** и два широко расставленных знака руницы с чтением **САРЫ**. Надпись *ТВОЙ* относится к первому этапу распространения кириллицы, надпись *САРЫ* – ко второму. А вот на пряслице 1-к начертан только один знак. Если же предположить, что при вращении грузика его можно встретить повторно, то получается надпись из двух одинаковых и далеко

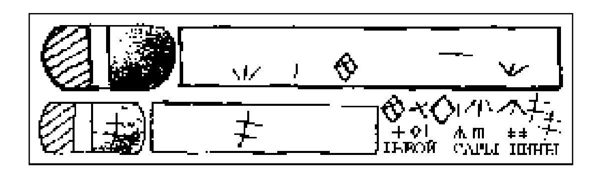


Рис. 140. Мое чтение надписей на пряслицах № 1-г и 1-к

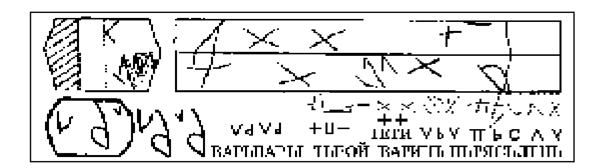


Рис. 141. Мое чтение надписи на пряслицах № 6-к и 12-б

расположенных друг от друга слоговых знаков. Я читаю слово **НИНЫ**, то есть владелицу звали *НИНА*. Но если НИНА — полная форма распространенного русского имени, то имя САРА в наши дни можно считать уменьшительной формой от еврейского женского имени САРРА. Впрочем, имя САРРА могло встретиться в святцах.

Одно и то же имя повторяется на двух пряслицах[114] (рис. 141). На одном из них, XII века № 6-к, где изображение на прориси опубликовано перевернутым на 180°, я вначале читаю слово ТЬВОЙ, начертанное лигатурой слоговых знаков, но иначе, чем на предыдущих надписях. Далее следуют слоговые знаки широкого расположения, образующие два слова, **ТЕТИ** и **ВАРИНЬ**. Наконец, в конце надписи помещена одна, а в начале другая лигатура из слоговых знаков, образующие слово **ПЪРЯСЬЛЕНЬ**. На мой взгляд, к первому этапу распространения кириллицы на Руси относится надпись *ТВОЙ ПРЯСЛЕНЬ*, тогда как знаки слова *ВАРИ* даны в более тесном расположении, чем знаки слова *ТЕТИ*. Следовательно, второй владелицей была Варвара, а затем — чья-то племянница (не обязательно Варвары). Лишь век спустя пряслице было утеряно. Зато другое пряслице, № 12-б, датируется XI веком. На нем можно прочитать слово **ВАРЬВА(РИ)** (*ВАРВАРЫ*). Судя по очень широкому расположению слоговых знаков, эта надпись была сделана во второй период бытования кириллицы на Руси. Имя ВАРЯ — уменьшительная форма широко распространенного на Руси женского имени ВАРВАРА.

Можно рискнуть также и прочитать надпись на пряслицах 10-б и 5-б XI века[115] (рис. 142). На первом пряслице мы видим один знак РЫ, и даже двойное его чтение дает странное слово РЫРЫ, чего быть не может. Однако на слоговой знак РЫ очень похож знак СА, и я рис-

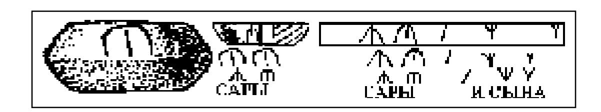


Рис. 142. Мое чтение надписей на пряслицах № 10-б и 5-б

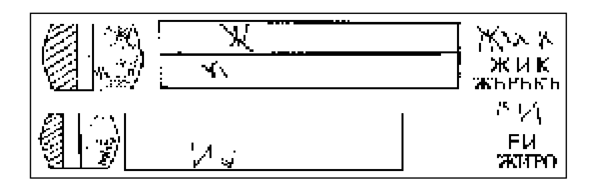


Рис. 143. Мое чтение надписей на пряслицах № 2-б и 4-б

кую предположить, что тут начертано слово **САРЫ**. От второго пряслица сохранилась только нижняя половинка, на которой хорошо читаются знаки руницы **САРЫ И СЫНА**. Тем самым, из надписи следует, что сын тоже включался в число владельцев пряслица, что довольно странно. Обе надписи выполнены слоговыми знаками вразрядку, относясь ко второму периоду вхождения кириллицы в письменность Руси. Возможно, что этот период и в самом деле приходился на весь XI век, но не на его конец. Вновь встречается уменьшительный вариант женского имени САРРА.

Два пряслица XII века, № 2-б и 4-б[116] (рис. 143), содержат по два знака, которые в обоих случаях можно прочитать, лишь перевернув надпись на 180°. На первом из них я читаю слово **ЖЬРЬКЪ**, на втором — **ЖИРО**, что означает в обоих случаях недописанное или уменьшенное женское имя *ЖИРОСЛАВА*. Обе надписи можно отнести ко второму этапу внедрения кириллицы на Руси, ибо знаки руницы начерчены раздельно.

Три пряслица, найденные в слоях XI–XIII вв., надписи на которых были сделаны ранее, показаны на рисунке — это 9-б, 11-б и 13-б[117] (рис. 144). На первом из них начертан один знак, на втором — два таких же знака. На мой взгляд, эти знаки руницы следует перевернуть на 180°, и тогда становится ясно, что это знаки ЛО/ЛА. Так я и читаю в этих двух случаях, **ЛОЛА**, хотя данное женское имя скорее всего произно-

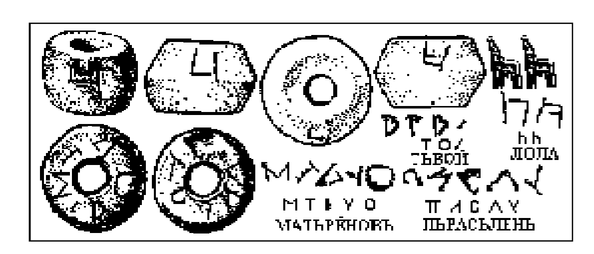


Рис. 144. Мое чтение надписей на пряслицах № 9-б, 11-б и 13-б

силось *ЛЁЛЯ*. Конечно, можно было бы пойти по пути современной орфографии и писать LL, однако тут было бы возможно и иное чтение, ЛЯЛЯ. Так что выбор грамматологических средств средневековыми пряхами был верным. Что же касается третьего пряслица, то на нем нанесено две надписи: одна в виде лигатуры знаков руницы, ТЪВОЙ, то есть ТВОЙ, а другая — **МАТЪРЁНОВЪ** на одной стороне и **ПЪРАСЬЛЕНЬ** (знаки расположены не подряд) — на другой стороне. Тем самым вторая надпись, выполненная руничными знаками вразрядку (и отчасти вразбивку) говорит, что перед нами — *МАТРЁНОВ ПРЯСЛЕНЬ*. Так что первую надпись можно отнести к первому этапу внедрения кириллицы, а вторую — ко второму. Имя МАТРЁНА принадлежит к числу широко распространенных на Руси женских имен. Однако, несмотря на очевидность такого чтения, я к нему пришел не сразу. Вначале, когда я еще только учился читать знаки руницы, я полагал, что тут начертано **МОЛЕМО ВО ВОДИ** (*МОЛИМ В ВОДЕ*), хотя совершенно неясно было, зачем пряхе следовало молиться в воде, и в связи с чем возникло такое большое количество грамматических несоответствий (МОЛЕМЪ вместо МОЛИМЪ, ВО ВОДИ вместо ВЪ ВОДЕ). Затем я полагал, что начало чтения следует перенести на один знак раньше, а изогнутую букву Т надо воспринимать со стороны ее шипов, то есть как ЖИ, и читал **ИМО ЖИВЕЙ БЫ Я**, что было не совсем понятно, но что-то вроде *БЫЛ БЫ Я ЖИВЕЕ*; впрочем, это чтение настолько притянуто за уши, что вряд ли стоит его особо комментировать. Наиболее удачным мне показалось чтение **МОЙ ВЬСЕЛЫЙ ПЪРАСЬЛЕНЬ** (*МОЕ ВЕСЕЛОЕ ПРЯСЛИЦЕ*); что уже похоже на истину: тут верно прочитано слово ПЪРАСЬЛЕНЬ и правильно определен первый слог. Во всяком случае, такое, третье, решение я опубликовал, вспомнив и два предыдущих[118]. На этом примере видно, как непросто происходит чтение и осмысление казалось бы явных знаков.



Рис. **145.** *Мое чтение надписей на пряслицах* **3**-*б и* **6**-*б*

Следующей парой являются одно пряслице XII века и одно — XIII века, 3-б и 6-б[119] (рис. 145). Обе надписи опубликованы перевернутыми «вверх ногами», так что я их разворачиваю на 180°. На первом начертаны два знака руницы вразрядку и один в виде лигатуры. Сначала следует прочитать лигатуру как более древнюю надпись, она гласит **РОМАНЪ**, то есть первоначальным собственником пряслица был мужчина по имени *РОМАН*. Вторая надпись из знаков руницы дана вразрядку, размер знаков помельче, хотя стилизован так же, и она гласит **ДАРЪ**, то есть *ДАР*. Стало быть, после Романа пряслице было подарено кому-то, но, возможно, и не Романом, а его наследниками. Эта вторая надпись относится ко второму периоду бытования кириллицы на Руси. На другом пряслице на первый взгляд перед нами узор из сплошных букв Ж, однако такое впечатление обманчиво. Этот «узор» состоит из двух слов **ЖЕНЬСЬКЪ**, между которыми отдельными намеками (то есть фрагментами слоговых знаков) передано слово **ПЪРАСЬЛЕНЬ**. Таким образом, перед нами *ЖЕНСКИЙ ПРЯСЛЕНЬ*. Фрагментация слоговых знаков встречается тут впервые. На мой взгляд, фрагментация является логическим продолжением письма знаками руницы вразрядку и является альтернативой перехода на кириллицу, так что ее можно считать вторым вариантом третьего этапа внедрения кириллицы. Правда, его продолжительность не вполне ясна.

Следующая надпись на пряслице XII века 7-б является весьма полной[120] (рис. 146). Поскольку, как и все предыдущие, никто до меня ее не брался прочитать, приходится ссылаться на мои собственные исследования. Эта надпись притягивала мое внимание еще десять лет назад, поскольку была достаточно длинной и содержала, казалось бы, большой репертуар слоговых знаков. Однако, несмотря на вроде бы логич-

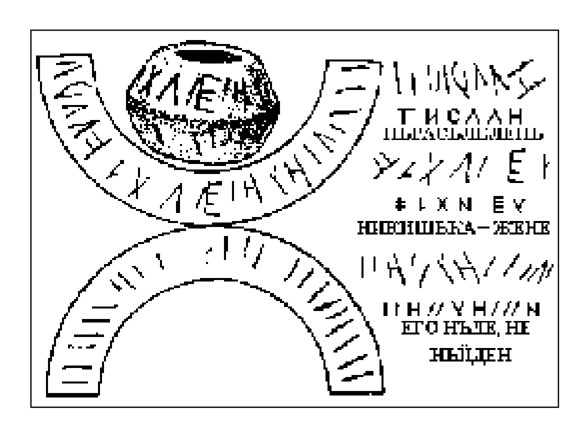


Рис. 146. Мое чтение надписи на пряслице 7-б

ные варианты прочтения, она долго не поддавалась верной интерпретации. Вначале я читал буквально, подобно тому, как сейчас поступают кирилловские эпиграфисты, и обращал внимание только на первую строку. Это была вообще одна из первых надписей, на которой я решил проверить силлабарий Г.С. Гриневича. У меня получился такой текст: **НЕ ЖАЛЕЙ ЖЕ ИНУ, НИ НЪЙ ЛУДИ, И ИЛИ В ЛЕЛЕ ЖЕ** (*НЕ ЖАЛЕЙ ЖЕ ИНУЮ (ЖЕНЩИНУ), НИ ЕЕ ЛЮДЕЙ, И ИДИ ТОТЧАС ЖЕ*). Получалось некоторое распоряжение, которое непонятно зачем было начертано на пряслице. Но поднаторев немного в чтении надписей руницей и отказавшись от силлабария Г.С. Гриневича, перейдя на собственный, я предложил уже другое чтение, где слова более напоминают русские: **НУ И ЛЮДИ! ДЕЛО СЪЕЛО ЛУЧИНУ, ЗЪЛЫЕ ЖЕ И НОНЕ** (*НУ И ЛЮДИ! ДЕЛО НЕ СТОИЛО И ВЫЕДЕННОГО ЯЙЦА, ЗЛЫЕ ЖЕ И СЕГОДНЯ*). Такой результат устроил меня гораздо больше, и я опубликовал его во второй части своего обзора по истории дешифровки славянского слогового письма[121].

Однако сейчас меня не устраивает и этот текст. Прежде всего, весь корпус пряслиц Белоозера не содержит никаких иных надписей, кроме владельческих, поэтому было бы странно, если бы только одно из них имело иную направленность. Далее, на этом пряслице я усматриваю фрагментированное начертание знаков руницы, что я прежде не принимал во внимание. Наконец, после неясного первого знака далее идут привычные знаки с чтением СЫЕ, что сразу же наталкивает на чтение всего окружения как слова ПЪРАСЬЛЕНЬ, что я и проделал. Что же касается всего остального, то это, как говорится, дело техники. Я читаю вначале слово **ПЪРАСЬЛЕЛЕНЪ**, то есть *ПРЯСЛЕНЬ* (слог ЛЕ поставлен дважды по описке). Далее я читаю слово **НИКИШЬКА – ЖЕНЕ** (*НИКИШКА – ЖЕНЕ*), где первое слово является уменьшительным вариантом мужского имени НИКИФОР. Таким образом, данный подарок Никифор делает своей жене. Дальнейшие слова приходится читать, обращая внимание и на нижнюю строку; последним знаком оказывается кирилловская буква N, и они таковы: ЕГО НЪДЕ, НЕ НЪЙДЕН, то есть *ЕГО НАДЕ, НЕ НАЙДЕН*. Тем самым, полная надпись гласит: ПРЯСЛЕНЬ. НИКИШКА – ЖЕНЕ ЕГО НАДЕ. НЕ НАЙДЕН. Последняя приписка говорит о том, что пряслице либо куплено, либо выменено, но не найдено.

Судя по неуверенным начертаниям и описке, Никишка писал не на трезвую голову. Именно поэтому к концу надписи он стал залезать на нижнюю строку, а потом и вовсе зачертил нижнюю строку палочками. Возможно, что и подарок пряслица был одним из его актов примирения с женой, но весьма недолгим. Судя по фрагментированию слоговых

знаков и присутствию одной кирилловской буквы (N), надпись относится к третьему периоду вхождения кириллицы в письменность Руси.

Отмечу сразу, что такой разнобой в чтении вызван довольно сложным для интерпретации начертанием знаков. Пряслица из Белоозера вообще сложны для дешифровки, а уж данное пряслице — особенно. Понимаю, что за эту серию моих чтений меня вполне можно критиковать, однако предпочитаю дать хоть какие-то чтения (с оговорками), чем не дать никаких.

Следующие несколько пряслиц, 10-г, 11-г, 13-г и 15-к, содержат по одному имени[122] (рис. 147). Первое из них, XIII века, содержит один знак треугольной формы и две лигатуры с чтением **ТЪВОЙ**, причем внутри первой помещаются очень мелкие значки, которые при объединении дают слово **ПЪРЯСЪЛЕНЬ**. Таким образом, первая лигатура может быть понята как *ТВОЙ ПРЯСЛЕНЬ*. Внутри второй лигатуры размещено слово из очень мелких, почти сливающихся с нижней чертой (два фрагмента мелких знаков я специально дал в увеличенном виде) двух первых букв кириллицы и остальных трех знаков руницы, что образует слово **КОЛЯШИНЪ** — притяжательное прилагательное от уменьшительной формы *КОЛЯ* мужского имени *НИКОЛАЙ*. Так что в данном случае владельцем пряслица был Николай. Второе пряслице XII века сохранилось лишь в виде верхней части; на нем можно прочитать слово **ЛИДЫ** в виде лигатуры. Как и прежде, *ЛИДА* — это уменьшительная форма женского имени *ЛИДИЯ*. Заметим, что и слово ЛИДЫ, и слово ТВОЙ были начертаны в виде лигатур, то есть относятся к первому этапу распространения кириллицы на Руси, а вот слово ПРЯСЛЕНЬ не только вразрядку, но и вразбивку, и смешанная надпись КОЛЯШИН указывают на начертание в третий этап. Пряслице 13-г XI века тоже содержит лигатуру из знаков руницы, она помещена «вверх ногами», и я воспроизвожу ее с разворотом на 180°, читая **КЪЛАВЪДИНЬ** (*КЛАВДИН*), притяжательное прилагательное от женского имени *КЛАВДИЯ*. Вероятно, до утери это пряслице слу-



Рис. 147. Мое чтение надписей на пряслицах №10-г, 11-г, 13-г и 15-к

жило своим хозяйкам не менее века. Наконец, на пряслице 15-к XIII века можно видеть большой знак руницы Ж, где к средней мачте пририсован знак руницы РЬ, а к правой — знак КИ. Эту лигатуру я читаю **ЖЬРЬКИ** (*ЖИРЬКИ*), родительный падеж от уменьшительной формы *ЖИРЬКА* женского имени *ЖИРОСЛАВА*. Здесь пряслице до своей утери проработало около трех веков.

Чтобы закончить с рассмотрением чисто руничных надписей из Белоозера, обратим внимание на пряслице № 7-г XII века (рис. 148), на котором можно выделить по меньшей мере три надписи, две из них процарапаны, а третья глубоко выгравирована[123]. Все надписи по сути одинаковы. Только гравировка обозначает слово **ВИТИ**, вторая надпись — то же самое, а третья — **ВИТИНЬ**. Тем самым написаны производные от уменьшительной формы *ВИТЯ* мужского имени *ВИКТОР*. Судя по тому, что гравировка представляет собой лигатуру знаков руницы, а два остальных начертания линейны, именно гравировка явилась начальной, произведенной в первый этап внедрения кириллицы в русскую письменность, а два других процарапывания следует отнести ко второму этапу. Наконец, в августе 1999 года директор историко-художественного музея города Белозерска переслала мне прориси четырех хранящихся в музее пряслиц для чтения надписей; одно из них оказалось с именем. Меня удивило то, что слоговые знаки были на них представлены не только вразрядку, но и фрагментами; это был первый случай, когда я познакомился с начертанием такого типа. Я дешифровал все четыре надписи и опубликовал результаты[124]. Правда, теперь я несколько скорректировал чтение надписи на втором пряслице и читаю ее **УШЬЛО КЪ СЪЛАВЕ** (*УШЛО К СЛАВЕ*). Под *СЛАВОЙ* имеется в виду не нынешняя уменьшительная форма от ряда мужских имен типа *СВЯТОСЛАВ, ВЯЧЕСЛАВ, РОСТИСЛАВ* и т.д., а полное мужское имя, какое встречается на ремесленных изделиях. Датировать надпись можно третьим периодом, то есть рубежом XI–XII вв.

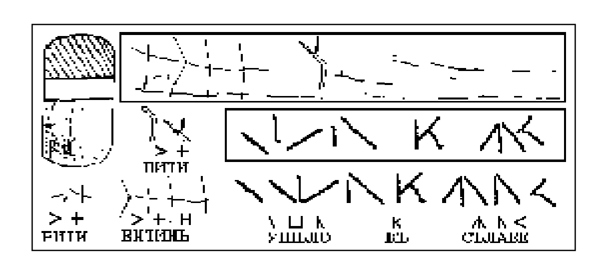


Рис. 148. Мое чтение надписей на пряслицах из Белоозера

До меня эти памятники письменности из Белоозера никто не читал, предполагая, что перед ним находятся какие-то кресты и каракули, так что здесь я впервые прочитал довольно большой пласт чисто руничных начертаний.

Памятник из Пскова. Шиферное пряслице с процарапанным рисунком и надписями было обнаружено в Пскове в слоях XI–XII вв.[125] (рис. 149). На пряслице изображен рисунок, причем рисунок детский. Слева хозяйка наблюдает за прядением, справа пряха в правой руке держит, видимо, кудель на прялке и сучит нитку. В отличие от современных представлений обе женщины стоят, так что в те времена, видимо, пряли стоя. Возможно, что в качестве пряхи автор надписи изобразила себя.

Дешифровка памятника весьма сложна, хотя на строчке расположено всего три лигатуры. Первая лигатура содержит буквы С и А, то есть СА; оставшийся знак изображен вертикально вместо горизонтального нормального положения, когда он должен был быть прочтен как ШЕ. Таким образом, по нашей версии первая лигатура разлагается на знаки СА и ШИ. Вторая лигатура намного сложнее, и первое, на что падает взгляд, это знак НА/НЬ, чем завершается первое слово, **САШИНЪ**. Это слово является притяжательным прилагательным от уменьшительной формы *САША* женского имени *АЛЕКСАНДРА*.

Второе слово нетрудно предположить, ибо это будет слово ПРЯСЛЕНЬ в том или ином начертании. Слоговой знак ПЬ вычленить можно из центра лигатуры, но он оказывается и наклоненным, и опрокинутым одновременно. Далее, возможно вычленить знак РА, а затем и СЬ, ЛЕ и букву N, что образует слово ПЪРАСЬЛЕН, как показано на рисунке. Что же касается рисунка прялки, то его тоже можно понять как надпись и разложить на составные части, что дает слово ДЕВИЧАЙ. Окончательное чтение, которое мы приводим впервые, это **САШИНЪ ПЪРАСЬЛЕН ДЕВИЧАЙ** (*САШИНО ДЕВИЧЬЕ ПРЯСЛИЦЕ*). Наличие лигатур слоговых знаков указывает на первый период внедрения кириллицы в письменность Руси, тогда как приписывание последней буквы N говорит в пользу того, что последняя правка была произведена в третий период, на рубеже XI–XII вв.



Рис. 149. Пряслице из Пскова и мое чтение его надписей

Пряслице из Липлявы. Липлява — это село на левом берегу Днепра, правее устья Роси, недалеко от Золотой Рощи. Описывая найденное там пряслице (рис. 150), Б.А. Рыбаков отмечал наличие надписи: «*Написаны две буквы, «уН» на верхней поверхности и И на боковой. Боковая поверхность закрыта своеобразным орнаментом из заштрихованных прямоугольников*»[126]. Понятно, что Борис Александрович столкнулся с неизвестным типом письма и не знал, как реагировать. Я читаю: **НОНЪ ПЪРАСЬ**, что означает *НОНЫ ПРЯСЛЕНЬ*, то есть *ПРЯСЛИЦЕ НОНЫ*. Слово НОНА — это уменьшительная форма не очень распространенного на Руси женского имени НОННА. Хочу обратить внимание на то, что часть Украины в то время входила в Литву. Что же касается особенностей начертания, то знаки руницы начертаны не только вразрядку, то и вразброд, что является показателем третьего периода бытования кириллицы на Руси. Слово ПРЯСЛЕНЬ часто было недописано, что мы и видим в данном случае. Так что надпись нанесена скорее всего в начале XII века.

Неопубликованные памятники. Надписей на неопубликованных памятниках со словом ПРЯСЛЕНЬ у меня оказалось два (рис. 151). Прорись их мне любезно предоставила эпиграфист Е.А. Мельникова, за что я ей приношу искреннюю благодарность; в Новгородском музее оно числится найденным в Козьмодемьянском раскопе, в квадрате А 41-III; его низ обломан.

Чтение начнем со второго знака, который читается как слог КА; косой крест в данном случае мы понимаем как лигатуру прямого креста со значением ТИ и слога НЬ. Две параллельные черты, уходящие под обрез верхней кромки мы принимаем за слог ПЪ, далее следует разорванный по диагонали слог РА, диагональ его же образует слог СЬ; далее идет маленький слоговой знак ЛЕ и завершается все буквой N в смысле Н. В результате получается надпись **КАТИНЬ ПЪРАСЬЛЕН** (*ПРЯСЛИЦЕ КАТИ*). КАТЯ — уменьшительная форма от популярного на Руси женского имени ЕКАТЕРИНА. Особенностью начертания является соединение лигатур с линейным начертанием вразрядку, с частичной фрагментацией знаков и наличием конечной буквы N. Это означает, что исправления в пряслице вносились несколько

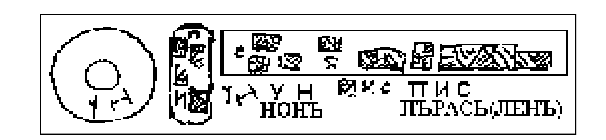


Рис. 150. Мое чтение надписи на пряслице из Липлявы

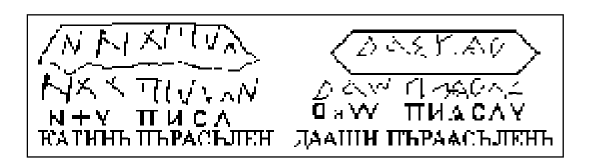


Рис. 151. Пряслица из Новгорода и мое чтение их надписей

раз, так что первая подпись возникла на первом этапе, а затем исправления вносились на втором и третьем этапах распространения кириллицы на Руси.

Другое неопубликованное пряслице найдено в Новгороде на Неревском раскопе в 1953 году, № КП 25292. Чтение простое: первые два знака – зеркальный слоговой знак ДА и буква А, дальше идет слоговой знак ШИ, развернутый вертикально, затем лигатура их ПЪ и РА, затем ЮС МАЛЫЙ, слоговой знак СЬ. После этого надо вернуться к ЮСУ и прочитать на нем ЛЕ и НЬ, что вместе дает надпись **ДААШИ ПЪРАЯСЬЛЕНЬ** (ДАШИ ПЪРАСЬЛЕНЬ, *ДАШИНО ПРЯСЛИЦЕ*). Странное удвоение гласных звуков вызвано тем, что сначала надпись был чисто слоговой, но потом были вставлены буквы А и ЮС МАЛЫЙ. Это пряслице, судя по широкой расстановке знаков руницы в линию, было помоложе предыдущего, ибо начальная надпись была нанесена во второй период внедрения кириллицы. А буквы кириллицы вставлены уже в четвертый период бытования, когда слоговые знаки стали восприниматься как согласные буквы.

Еще одно пряслице розового шифера было мне отдано на исследование 03.03.1997 года студентом московской Академии труда и социальных отношений Деверилиным Алексеем Юрьевичем, который нашел его вблизи от раскопов проф. Д.А. Авдусина в Смоленске в слое XII–XIII вв. после окончания раскопок (рис. 152). С точки зрения кирилловской графики на пряслице читается надпись **ГАНИМИРА** с латинским R, что весьма странно. Имя ГАНИМИРА неизвестно, к тому же



Рис. 152. Пряслице из Смоленска и мое чтение его надписей

обычно на пряслицах имена стоят в притяжательных формах. На мой взгляд, перед нами опять смешанная надпись, где «буква М» на самом деле является лигатурой знаков ПЬ и РА слогового письма. Далее следует знак в виде буквы N, которую пока читать не будем. Якобы латинская R представляет собой лигатуру из зеркального слогового знака СЬ и буквы Ь; далее следует ЛЕ, а перед этими двумя знаками находится кирилловская буква N. Такое странное расположение знаков объясняется, видимо, тем, что автор надписи сначала написал ГАНИ ПРАСЛЕ, (где РА и СЬ зеркальны), а потом спохватился и дописал два окончания НЬ и НЬ; но первое НЬ наехало на П и дало лигатуру в виде буквы М, а второе НЬ совпало с зеркальным знаком СЬ. Так что никакой латинской буквы R в данном тексте нет, а имеется обычная владельческая надпись **ГАНИНЬ ПЪРАСЬЛЕНЬ** (*ГАНИНО ПРЯСЛИЦЕ*). (Интересно, что годом позже своей дешифровки я встретил удивительное примечание профессора В.Н. Демина, посетившего Смоленский музей: «*Получается какая-то непривычная смесь из русских и нерусских начертаний. А то, что подобное сочетание знаков совсем не случайность, свидетельствует надпись XII века на пряслице, которое экспонируется здесь же, в Смоленском музее: ГАРНМNR. Семь букв, из них две явно латинские — N и R, а остальные пять — Г, А, Р, Н и М — можно интерпретировать по-всякому... Таким образом, на Руси использовался и смешанный алфавит!*»[127]). И это действительно так, только алфавит был не кирилловско-латинским, а рунично-кирилловским. Женское имя ГАННА нехарактерно для русских, хотя имеется у западных славян; не надо забывать, что в средние века Смоленск и его округа входили в Литву, где могли бытовать славянские, но не русские имена. ГАНА — уменьшительная форма женского имени ГАННА и само это имя также в форме ХАННА являются славянскими разновидностями популярного на Руси женского имени АННА.

Безымянное пряслице. Весьма сложные начертания на пряслице, заимствованные из книги по истории культуры Древней Руси[128]. В основу своего чтения И.А. Фигуровский положил глаголицу, очищенную от петель. В результате у него получилось чтение ВОДАЙ МОЛВЕ[129], где первый знак больше похож на Л, чем на V, второй знак напоминает глаголическую букву А (крест), но не О; Д глаголическое тоже здесь неузнаваемо и т.д. Короче говоря, нет ни одной буквы глаголицы, которая напоминала бы знаки данной надписи, рис. 152.

На мой взгляд, перед нами опять совокупность слоговых знаков. Чтение начинается с «сеточки» справа, которая разлагается на слоговые знаки ПЬ, РА и СЬ, затем идет ЛЕ и лежащий на боку знак НЬ.

Остальные знаки читаются проще, не составляя лигатур. Общее чтение — ПЪРАСЬЛЕНЬ ТЕТИНЪ ИНОЙ[130].

Промежуточный итог. Итак, рассмотрено 58 пряслиц с преимущественно слоговыми знаками на них, что даже по числу перекрывает все так называемые «кирилловские» надписи, приведенные в самой компетентной на сегодня сводке А.А. Медынцевой, где собраны данные о 30 надписях. Из них у нее лишь 14 сопровождаются прорисями или фотографиями, тогда как у меня — все. Но из ее 30 упомянутых надписей 20, как мы видели, имеют либо большее, либо меньшее касательство к слоговым знакам; полагаю, что и из не рассмотренных мною остальных 10 значительная часть тоже содержит знаки руницы. Тем не менее часть надписей я сознательно не рассматривал — там, где не упоминается имя владельца. Существует не менее двух десятков пряслиц с надписями ПЪРЯСЬЛЕНЬ или СЕ ПЪРЯСЬЛЕНЬ, кроме того, есть не менее десятка надписей с высказываниями самих прях, но об этом речь впереди, в других разделах. Здесь же, приводя эту статистику, я хочу показать, что чисто руничных надписей на пряслицах больше, чем чисто кирилловских, а последних по большому счету крайне мало. Так что не читая знаков руницы, **мы тем самым игнорируем основную часть надписей на пряслицах во всей Руси.**

Интересно отметить, что если вспомнить все 58 пряслиц, упомянутые в этой главе, то мы встретим известные на Руси женские имена: ЯНКА, ЖИРКА (трижды), ДИНА, НАСТКА, НАСТАСЬЯ, ПАРАСЯ, ТАНЯ (дважды), ТАТЬЯНА, МАЛАНЬЯ, САША (дважды), КЛАВДИЯ (дважды), ЛИДА, ЛИДИЯ (дважды), ГАЛЯ, НИНА, НОНА, ВАРЯ, ВАРВАРА, МАТРЁНА, КАТЯ, ДАША, ВЕРА. В принципе этот список почти ничем не отличается от современных имен и вполне понятен без комментария. Но по разу встречаются также имена ГАНА, МИЛЕША, АМАЛЯ и дважды — САРА; они воспринимаются не вполне русскими. На пряслицах можно встретить также мужские имена — ИВАН, ИВАНКО, ИОНА, РОМАН, НИКИШКА, КОЛЯША, ВИТЯ, СЛАВА, СТЕПАН, ЯКОВ и прозвища: НЕДЕЛЬКА, РОМАДА. Прозвища — только мужские.

Главный же результат состоит в том, что чтение надписей, выполненных руницей, показывает их полную идентичность надписям, сделанным кириллицей, что ставит предположение о замене одного типа славянского письма на другое на прочное научное основание. Следовательно, читая руницу, мы просто расширяем то, что было заложено чтением кириллицы, но имеем теперь возможность ходить не только по асфальтированным дорогам, а и по любым тропинкам русской письменности.

Косвенно подтвердилась и моя хронология чисто слоговых надписей, предложенная в предыдущих промежуточных итогах. Хотя мне не встретились надписи на пряслицах, относящиеся к IX–X вв., когда, как я полагаю, и возникли первый и второй этапы, я получил несколько примеров третьего этапа, датированных уже не концом, а по меньшей мере серединой XI века. А поскольку это наиболее ранние из раскопанных пластов города, они не могут нам сообщить более ранние даты. Вообще говоря, стратиграфическая дата нам сообщает только время утери пряслица, которое использовалось к тому моменту не столько десятки, сколько сотни лет. Так, если предположить, что женщина начинала прясть в 15, а кончала в 65 лет, ее «послужной список» исчислялся 50-ю годами домашней работы прядения, так что наличие 5 владелиц, как мы видели на одном из пряслиц, означает, что оно могло находиться в работе порядка 250 лет. Если же владелиц было больше, срок пребывания пряслица в деле мог насчитывать 3–4 века, а в отдельных случаях и того больше. Поэтому стратиграфическая дата определяет только время выхода пряслица из рабочего использования, но никак не время его подписи. А это время, как я показал, различно для кирилловской и руничной частей. Пока что в эпиграфике считается хорошо, когда палеографическая и стратиграфическая даты совпадают. Я же развожу эти даты во времени, полагая, что палеографическая дата должна быть всегда старше стратиграфической, а для надписей руницы — тем более.

Обилие владельческих надписей показывает, что пряслица были важным рабочим инструментом пряхи и несомненно являлись ее собственностью. На уровне дома такого рода собственнические отношения закреплялись письменно: путем процарапывания на самом инструменте имени владелицы. Тем самым регулировались рабочие отношения внутри дома. Я хочу обратить на это особое внимание: **все время существования средневековой Руси, начиная с ее ранних этапов, отношения собственности внутри семьи регулировались письменно.** Это потрясает широтой и глубиной распространения грамотности. Но позже, когда собственниками пряслиц становятся мужчины, которые априорно не участвуют в процессе прядения, функция пряслиц меняется: они становятся не только орудием производства, но и объектом экономических отношений, предметом, сдаваемым в аренду. И тут сфера правоотношений расширяется: теперь в правовые отношения включается квартал, улица, возможно, небольшой город. И это отражается в надписях на пряслицах: с одной стороны, они становятся подробнее (уже указывается фамилия или прозвище), с другой — малозаметными (как бирка на современной казенной мебели). Так что сфера пись-

менности как документального оформления правоотношений расширяется. Если бы все пряслица не имели надписей (а таких большинство среди находок), мы ничего такого не смогли бы узнать. Но чистые (от надписей) пряслица бывали, видимо, там, где отношения собственности были само собой разумеющимися, скажем, все пряслица принадлежали старшей женщине, а после ее смерти или отхода от обязанностей прядения по справедливости распределялись между молодыми. И если каждое пряслице внешне отличалось от другого, их вполне можно было запомнить и не путать. Так что и неподписные пряслица не противоречат предполагаемой системе домашних отношений собственности.

Изучая пряслица, мы видели, что данные по ним хорошо согласуются с данными по берестяным грамотам. Так, начиная с XII века, кирилловские надписи становятся предпочтительными, но это соответствует IV этапу внедрения кириллицы. Пряслица помогли нам вначале выдвинуть гипотезу о трех более ранних этапах, а затем и частично подтвердить ее конкретными примерами.

Как видим, наличие рунично-кирилловских и чисто руничных надписей именно на пряслицах помогает нам понять процесс вытеснения руницы кириллицей. Более подробно мы поговорим об этом в конце данного раздела. А теперь рассмотрим надписи на других носителях, и прежде всего — на сосудах и на литейной формочке.

Корчага из Киева. При строительстве метро в Киеве, в 1975 году, на Подоле найдена небольшая корчага грушевидной формы с круглым дном и массивными ручками (рис. 153). По мнению археологов, надпись кириллицей на ней гласит **МСТСЛВЛ КРЧГЪ**, то есть *МСТИСЛАВЛЬ КОРЧАГ*[131]. Я же понимаю эту надпись иначе.

На мой взгляд, за исключением буквы В все остальное — это знаки руницы. Естественно, что и буква В в таком случае является просто иначе написанным знаком V со значением ВЪ, так что мое чтение будет **МЪСЬТЪСЬЛАВЪЛЬ КЪРЪЧАГЪ** (*МСТИСЛАВЛЯ КОРЧАГА*, а не КОРЧАГ). Датировалась корчага вначале XIII, позже —



Рис. 153. Корчага из Киева и граффито из Софийского собора Новгорода

XII веком. Интересно послушать, что говорят эпиграфисты об этом силлабическом письме, то есть о начертании одних согласных. Вот что по этому поводу думает А.А. Медынцева, опровергая предположение о том, что амфора принадлежала Мстиславу Романовичу, занявшему великокняжеский престол в 1214 году: «*Особенностью надписи является исключение всех гласных букв, кроме конечного Ь. Такая особенность надписи уже настораживает, хотя действительно, как предполагает С.А. Высоцкий, это могло произойти просто по недостатку места между двумя ручками*[132]. *Исключение гласных букв напоминает особое «врахиграфское» письмо, в котором обозначались лишь согласные, а гласные передавались черточками и другими знаками. Этот способ характерен и для древнееврейских надписей. Исключение гласных звуков, как и разноформатные Г и Ь в конце, говорят о том, что ему* (Мстиславу. — *В.Ч.*) *были знакомы рукописные приемы сокращения письма, которые становятся многочисленными с XII века, достигая широкого распространения в памятниках XIV века, особенно скорописных*...»[133]. Итак, оказывается, дело не в системе письма, а конкретно в авторе надписи. Либо он каким-то сверхъестественным образом знал о системе сокращенного письма, принятой двумя веками позже, либо слишком начитался древнееврейских авторов, либо по слабости памяти забыл поставить черточки вместо гласных, применяя «врахиграфское» письмо, либо, наконец, никак не мог прочертить надпись дециметром ниже, где ему не мешали никакие ручки корчаги — все эти предположения кажутся доктору исторических наук А.А. Медынцевой достойными уважения. Кроме, естественно, самого простого — отголосков иной системы письма.

Любопытно, что на перстнях XI века из Полоцка написано: КЗ ВСЛВ ПЛТСК и КЗ БРСЪ, что означает КНЯЗЬ ВСЕСЛАВ ПОЛОТСКИЙ и КНЯЗЬ БОРИС[134]. Это от недостатка места на щитке перстня или от усердных штудий иврита повелели князья своим ювелирам нанести такие «врахиграфские» надписи? А как быть с граффито АКЬЛ ЕПСКПА в смысле АКИЛЫ ЕПИСКОПА на стенах Софийского собора в Новгороде[135], который опубликовала сама А.А. Медынцева? Тоже места на стене не хватило для полной надписи? Разумеется, это предположение не выдерживает критики. Так что лукавит уважаемая коллега, полагая, что только некий Мстислав из Киева по странности характера стал писать одними согласными. В начале данного раздела мы видели надписи на новгородских грамотах и ЦРН в смысле ЦЕРНИЦЫ, и ОСКАЬ в смысле ОСКАРЬ, и ряд других, так что подобное написание было для XI века скорее **нормой**, чем исключением. Более того, это как раз подпадает под мое понимание третьего эта-

па внедрения кириллицы: кириллица вытесняет руницу, но пока читается слоговым способом. Это-то и производит впечатление консонантного письма, то есть письма одними согласными. Напомню еще раз, что, разумеется, А.А. Медынцева, которая уверила меня, что **хорошо знает** мои работы, да и без меня прекрасно осведомлена о стиле кирилловского письма этого периода, просто **не желает допустить и мысли** о существовании иной письменности на Руси, кроме кириллицы. Ведь ее так не учили! *И если факты доказывают обратное*, то, как говорится в шутках из области методологии науки, *тем хуже для фактов*!

Черепки из Полтавы. Еще одним доказательством против предыдущего чтения А.А. Медынцевой служит опубликованное ею же чтение иного текста, на этот раз на черепках. В 1980 году при обследовании селища у села Чусовка на правом берегу реки Сулы в Полтавской области были найдены два фрагмента амфоры, которые вполне подошли друг к другу[136] (рис. 154). «*В первой строке хорошо сохранилась первая буква К* (у А.А. Медынцевой написано «правая», но полагаю, что это опечатка. — *В.Ч.*), *затем две буквы повреждены, отчетливо виден* **Ү** *с глубокой округлой чашечкой и верхняя часть еще одной буквы, по-видимому, А. Вторая строка читается легко: ПРО(К) ОУПОВ[А] — повреждена лишь буква К, но она легко восстанавливается по сохранившимся штрихам, последняя отсутствующая буква дополнена по смыслу. Судя по сохранившимся чертам, на втором месте мы должны прочесть Р, аналогичное начертанию этой буквы из второй строки, на третьем — вытянутое остроконечное О. Итак, читается обычная надпись: название сосуда и имя собственника в притяжательной форме* ***К(РО) Ч(А) [ГА] / ПРО(К) ОУПОВА[А].*** *Имя, вероятно, производное от христиан-*

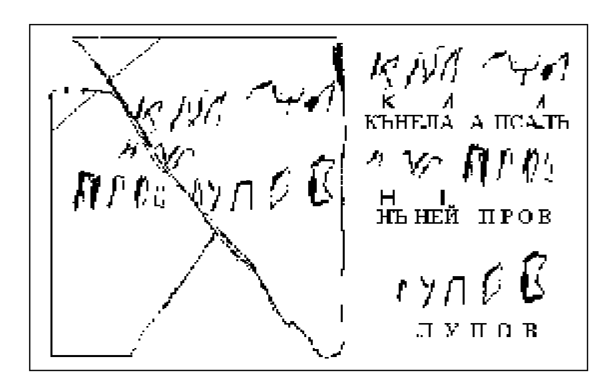


Рис. 154. Мое чтение надписи на черепках из Полтавы

ского «Прокопий, Прокоп», особенностью является наличие «У» вместо ожидаемого «О», вероятно, по аналогии с другими русскими именами, такими, как, например, «Прикуп»... Надпись, с учетом всех особенностей, можно отнести к XII–XIII вв., более точная датировка затруднительна»[137].

Хотя к этому тексту была приложена очень хорошего качества фотография, я, к сожалению, не смог найти на ней на верхней строке после КА никакого РО, зато увидел две совсем иные буквы. Оказалось, что между верхней и нижней строками имеется промежуточная строчка с тремя знаками на ней, не отмеченная исследовательницей. Не нашел я также никаких поврежденных букв в нижней строке, зато в ее середине обнаружил большое пустое пространство между буквами. Поэтому мое чтение весьма отлично от чтения А.А. Медынцевой. Я читаю: **КАНЕЛА, А ΥЛЪ НЪ НЕЙ ПРОВ ЛУПОВ** (*КАНЕЛА, А ПИСАЛ НА НЕЙ ПРОВ ЛУПОВ*). Под канелой, как я выяснил в разделе о новых названиях, понимается небольшая кана, то есть амфора с горлом средней величины. Слово ПИСАЛ часто сокращалось до ΥЛЪ; в данном случае имеется буква кириллицы ПСИ и знак руницы ЛЪ. Имя ПРОВ известно у русских как мужское имя, что же касается фамилии или прозвища, то оно не от названия увеличительного стекла ЛУПЫ, а от глагола ЛУПИТЬ. Обращает на себя внимание двойное использование буквы N в качестве слога НЕ, хотя в рунице для этого существует знак **Ɏ**. Стало быть, в данном случае мы имеем перенесение на буквы слоговых чтений, не совпадающих с названием этой буквы (буква N называется **НА**Ш, а читается **НЕ**). Но при чтении КАНЕЛА начертано все же KNЛ, а затем буквально ΛΨΛ, и это сочетание KNLΛΨΛ как раз опровергает домыслы о нехватке места для письма или о начитанности писца текстами из иврита — это типичное консонантное письмо, то есть письмо одними согласными. Похоже, что такой стиль начертаний в данный период был даже модным.

Формочка из Киева. Фрагмент 1/3 каменной формочки для литья височных колец была обнаружена в 1936 году во время работ Киевской археологической экспедиции АН УССР на территории усадьбы Петровского недалеко от Десятинной церкви[138] (рис. 155). «*На внешней стороне формочки была прочитана надпись МАКОСИМОВ[Ъ] — имя владельца. Б.А. Рыбаков предположил, что в древнерусском языке литейная форма обозначалась существительным мужского рода, например, МАКСИМОВ КОЛЫБЬ*[139]», отмечает А.А. Медынцева[140].

Я начертил данный рисунок по отличной фотографии на вклейке (рис. 73) из монографии А.А. Медынцевой. С сожалением могу отметить, что поперечную надпись на формочке она не упоминает, хотя не

заметить ее невозможно. Поэтому, соглашаясь на этот раз с чтением исследовательницы, я дополняю его, прочитав два слова перед именем и изменив в имени Ъ на Ы: **ЖЕСЬТЬКЪВЫ ЛЕКИ МАКОСИМОВЫ** (*ФОРМОЧКИ ДЛЯ УКРАШЕНИЙ МАКСИМОВЫ*). Таким образом, здесь основной текст начертан руницей, и только имя — кириллицей. Аналогичная надпись на формочке из Серенска датируется XIII веком, так что, возможно, эта надпись была сделана в то же время (А.А. Медынцева допускает также, что МАКСИМ из Киева и из Серенска был одним и тем же лицом). Но эта дата, как я теперь понимаю, относится лишь к периоду утери формочки Максимом; подпись мастера кириллицей была сделана раньше, а надпись поперек формочки руницей — одним из предков (или знакомых) Максима где-то до середины XI века, ибо характер рунической надписи позволяет отнести ее ко второму периоду внедрения кириллицы в русскую письменность. Что же касается предположения Б.А. Рыбакова о мужском роде слова «формочка», равно как и о примере такого слова в виде КОЛЫБЬ, то я считаю их неверными, поскольку, как было выяснено ранее, формочка называлась раньше ЛЕКА, и это слово — женского рода. И слово МАКСИМОВЪ прочитано неверно — начертано МАКСИМОВЫ, во множественном, а не единственном числе. Такова плата за незнание руницы.

Граффити на стенах храмов. Эти надписи вряд ли можно считать владельческими — скорее они обозначают принадлежность того или иного лица данному храму и являются, так сказать, «списочными», характеризуя отдельных персонажей данного прихода и его администрацию. С одним из таких граффито мы уже познакомились — оно было посвящено епископу Акиле. Кроме того, существуют и «дружеские шаржи» на некоторых клириков, их доброе вышучивание, где подписи носят несерьезный характер. Иногда надписи составлены кем-то, выступающим от первого лица, но делающим совершенно неподобающие

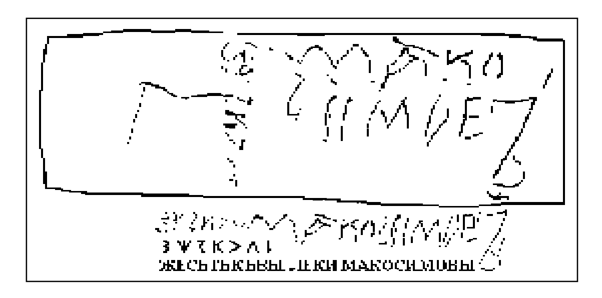


Рис. 155. Мое чтение надписи на формочке из Киева

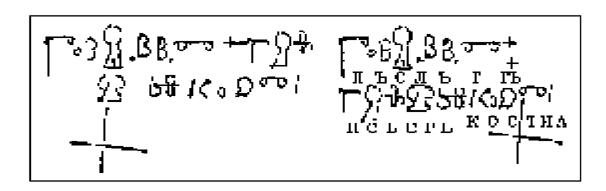


Рис. 156. Мое чтение граффито из Софии Новгородской

и претенциозные заявления. В подобного рода текстах содержится много интересной информации.

В Софии Новгородской имеются смешанные надписи и более широкого плана: кирилловско-глаголически-слоговые, примером чего служит текст на рисунке[141] (рис. 156). Первоиздатель читает его ПЪСЪЛЪ...ЛЪ...КОСТА[142]. Я читаю **ПЪСЪЛЪ ТТЪ ПСЪСРЬ КОСТИА** (*ПИСАЛ ТУТ ПИСАРЬ КОСТЯ*). Слоговым является первый знак лигатуры, второй знак слова ТТЪ, в виде +; в слове ПИСАРЬ ошибочно удвоен слог СЬ, что тоже указывает на слоговое мышление автора надписи. Обращаю внимание на то, что тремя видами письменности владел именно писарь, а не обычный клирик. Так что данная надпись — простое бахвальство писаря: он может писать как буквами кириллицы, так и буквами глаголицы. А слоговой знак выпал просто в результате описки. В этой надписи из архива В.В. Суслова, относящейся к тому же храму[143] (рис. 157), первоиздатель читает ВОЯТА в верхней строке и САИЧ(?) в нижней[139]. На мой взгляд, в этой двухстрочной надписи присутствуют знаки руницы и буквы кириллицы и глаголицы. Слева вверху начертана глаголическая буква А, а чуть правее, прильнув к ножке «грибка» слева, находится С. Затем читается горизонтальная линия как И руницы, потом «грибок» как буква С глаголицы, далее — прилепившийся к ножке «грибка» справа знак руницы ВИ, а чуть ниже — ЧЬ. Правее расположена лигатура из знаков руницы ВО и ЛЪ, ниже которых — буква кириллицы ПСИ; еще правее — лигатура из ЮСА МАЛОГО и знака КЪ руницы.

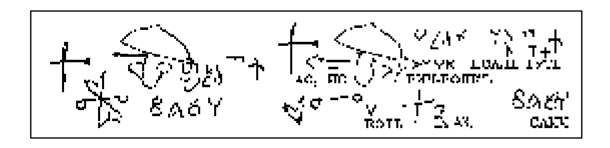


Рис. 157. Мое чтение граффито Софии Новгородской в прориси В.В. Суслова

На нижней строке расположена лигатура в виде красивого креста, где можно выделить знаки ВО – руницы, ТЪ – глаголицы, А (в центре) – глаголицы, З (лежащее внизу – кириллицы). Справа из букв глаголицы С, И и кириллицы А, Ч, начертано слово САИЧ. В результате получается текст **АС, ИС(А) ВИЧЬ-ВОЯКЪ ПСАЛЪ ТУТЬ. ВОТ АЗ, САИЧ** (*Я, ИСАИЧ-ВОЯКА ПИСАЛ ТУТ. ВОТ Я, ИСАИЧ*). Перед нами – надпись-ребус от нечего делать во время церковной службы; скорее всего от чужого имени, Исаича, писал опять какой-нибудь писарь, возможно – тот же самый КОСТЯ, поскольку слово ТУТЬ написано почти так же, и поскольку опять надпись выполнена тремя шрифтами – кириллицей, глаголицей и руницей. Первый раз в слове ИСАИЧ пропущена буква А, а вместо второго И начертано ВИ, второй раз в слове ИСАИЧ пропущена первая буква И; но тут, вероятно, отражено подлинное произношение отчества, САИЧ. Отчество вместо имени и именование ВОЯКОЙ, а не ВОИНОМ призвано создавать комический эффект. Вероятно, один писарь создал такой вот «дружеский шарж» на другого писаря, который был в состоянии разгадать этот ребус.

Вероятным продолжением надписей писаря-шутника послужил и такой текст, изданный В.Н. Шляпкиным под № XLI[143] (рис. 158). А.А. Медынцева читает тут ДЯДЯТА ДОБЪ КРОТЪКЪ. На мой взгляд, здесь опять присутствует очень характерное слово ТУТЬ, начертанное почти так же, как и на иных надписях, то есть с первым глаголическим Т с чтением ТУ и со слоговым ТЬ, оформленным, однако, очень похоже на глаголическую букву А (но во всех граффито писаря Кости буква АЗ пишется крупнее и без ограничительных штрихов).

Мое чтение, однако, отличается от чтения А.А. Медынцевой: **ДЯДЯ ТУТЬ ДОБЪРЪ, КРОТОКЪ** (*ДЯДЯ ТУТ ДОБР И КРОТОК*). Под «дядей» скорее всего имелся в виду знакомый писарю клирик, отличавшийся бурным нравом, но тихо молившийся в стенах храма, и граффито представляет собой такую же шуточную надпись, как и предыдущие. Так что я не поддерживаю чтения имени ДЯДЯТА. По смешанным кирилловско-руничным надписям мы знаем, что вкрапление

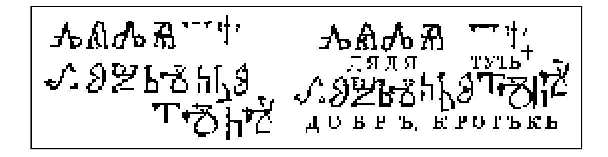


Рис. 158. Мое чтение граффито в прориси В.Н. Шляпкина

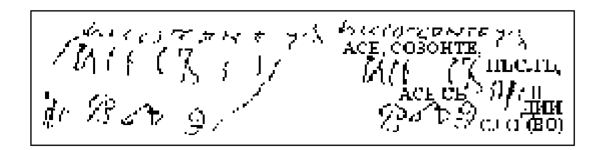


Рис. 159. Мое чтение граффито из Юрьева монастыря Новгорода

отдельных знаков руницы в кириллицу происходило на третьем этапе внедрения руницы в письменность Руси, и, как я полагаю, то же самое будет справедливо и для глаголицы. По этим соображениям я датирую три граффито Софии Новгородской рубежом XI–XII веков.

В Георгиевском соборе Юрьева монастыря Новгорода найдено граффито XII века[144] (рис. 159), которое читается первоиздателем как А СЕ СОЗОНЕ ѰЛ(Ъ), А СЕ... ИСЛО [там же]. Я читаю **АСЕ, СОЗОНТЕ, ПСЛ, АСЕ СЪДИИ СЛО(ВО)** (*Я, СОЗОНТЬ, ПИСАЛ, Я СОДЕЯЛ СЛОВО*). Созонт, видимо, тоже писарь. Слоговым знаком обозначен слог ДИ в слове СЪДИИ, глаголицей — слово СЛОВО. Текст, видимо, начертан тремя системами письма сознательно, ибо Созонт «вначале создал слово», как Бог-отец. Полагаю, что именно поэтому надпись шуточная.

На граффито XII века из Софийского собора Полоцка нет глаголицы[145] (рис. 160). Первоиздатель не читает даже кирилловский фрагмент. Слоговыми знаками и буквой О написано **ОТЪЦА** (или **ОТЬЦЬ**) **САКОВА**, кириллицей — **ПЕТЪРЪМА** (*ПЕТЕРИМА*).

Слово САКОВ, видимо, в наши дни звучит как ИСАКОВ. Слово ОТЕЦ, вероятно, означает не родство, а наименование священника. Так что здесь помечено место для надписи (или надпись) отца Петерима Исакова. Интересна слоговая лигатура для обозначения слова ОТЕЦ; видимо, так ее писали до введения кириллицы. Любопытно также и то, что фамилия писалась тоже традиционными знаками, и только имя предпочитали писать новым способом, буквами кириллицы.

Вернемся к Софии Киевской. В Михайловском приделе при входе в алтарь имеется надпись XII века[146] (рис. 161). На ней первоиздатель читает АННА ЛУКА, замечая при этом: «*Любопытно полнозначное*

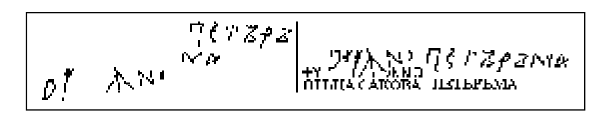


Рис. 160. Мое чтение граффито из Софийского собора Полоцка

построение записи. Сначала написано имя «Анна», под ним стоит сложная лигатура, состоящая из буквы У и стоящего над ним Л. Окончание имени «Лука» написано снова в строку под лигатурой. Подобное написание, вероятно, свидетельствует о знакомстве автора с колончатыми надписями, которые обычны в произведениях монументальной и станковой живописи»[147]. Я предлагаю другое объяснение вертикальному расположению надписи: вертикально выделены те ее элементы, которые можно прочитать слоговым способом. Поэтому наряду с чтением **АНА ЛУКА** можно прочитать также **АНА ЛИ СУКА?**, что означает не просто двойное чтение, но своеобразный графический каламбур, который имеет смысл: *АННА-ЛУКА. НЕ СУКА ЛИ АННА?.* Это означает, что Анна заподозрена в недозволенных связях с Лукой.

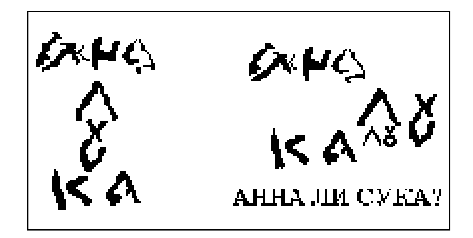


Рис. 161. Мое чтение граффито Софии Киевской

Подписи под рисунками. Это еще один вид надписей, упоминающий имена персонажей, но, как правило, в шутливой форме, ибо мы имеем дело с шаржами.

Рассмотрим еще одно граффито из храма Софии Киевской (рис. 162). В апсиде Георгиевского придела на южной стене «*выцарапано довольно примитивное изображение вооруженного человека. На голове его конический шлем, в правой руке стрела или короткое копье, в левой как будто лук. Глаза, рот и нос нарисованы схематически. Справа заметны остатки надписи. Примерно на уровне глаз крупными буквами написано «КОМ..?» Далее буквы надписи повреждены*»[148]. Первоиздатель читает имя ГЕОРГИ, сопоставляя данный рисунок с рисунком новгородского мальчика Онфима. Мне тоже кажется, что в дан-

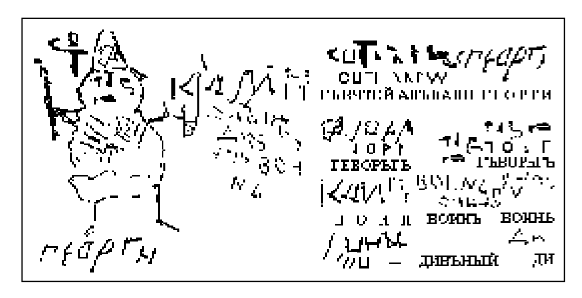


Рис. 162. Граффито из Софии Киевской и мое его чтение

ном случае почти детский рисунок Георгия, однако надписей имеется несколько, как слоговых, так и смешанных, причем они повторяют друг друга. При этом интересно видеть слово СЬВЯТОЙ в слоговом начертании – так читается текст слева от шапки. На самой шапке можно разложить лигатуру на отдельные знаки, которые образуют слово ГЕВОРЬГИ. Да и лицо образует аналогичное слово – ГЕВОРЬГЪ. Но лучше всего – изображение руки с копьем, в начертании которого можно прочитать слово АЛЬКАШЬ. Вероятно, последнее слово образовано от слова АЛКАТЬ; АЛЪКАШЬ – АЛЧУЩИЙ.

Поэтому полную надпись, опустив повторы, можно прочитать как **СЬВЯТОЙ АЛЪКАШЬ ГЕВОРЪГЪ. ГЕОРГИЙ, ВОИНЪ ДИВЪНЫЙ** (*СВЯТОЙ АЛКАШ ГЕОРГ. ГЕОРГИЙ, ВОИН ДИВНЫЙ*). Скорее всего в этом изображении можно видеть дружеский шарж на Георгия, выполненный в детской манере и несколько раз, как слоговым, так и буквенным способом повторяющий (в том числе и в лигатуре на головном уборе) доблести Георгия; сам Георгий тут со змеем не борется, а является пухлым человечком с тощими ножками. Таким образом, перед нами «дружеский шарж» на какого-то клирика Георгия, который, видимо, злоупотреблял спиртным. Из-за этого он, разумеется, был и плохим воином, что и отмечает его пересмешник.

Другое граффито найдено на Золотых Воротах Киева. Изображена подпись под рисунком XI–XII вв.[149] (рис. 163), где первоиздатель читает ОСКЪ МА КОН[Ь] и НИКУЛА[150]. Кто такой Оск и какого коня он «ма» (имеет), из рисунка совершенно неясно.

Я предлагаю другое чтение: помимо имени **НИКОЛА** (верх буквы О в его имени стерся) еще и либо **ОСКЪ**, либо **ОСЬКЪРЬ – МОЙ ДИАКОНЪ** (*ОСЬКАР – МОЙ ДЬЯКОН*). Имя ОСЬКАР является мужским именем, широко известным в Европе, но не частым у русских. Таким образом, карикатурное страшилище есть ОСЬКАР, а собака, чей хвост оно топчет, – Николай. Надпись трудна для чтения потому, что центральная лигатура допускает разные чтения; я сам прежде читал **СКОНЧА, ЯК ОНЕ** (*ОКОНЧИЛ, КАК ОНИ*), хотя такая надпись оставляла тоже массу неясностей. Теперь же ясно, что речь идет об

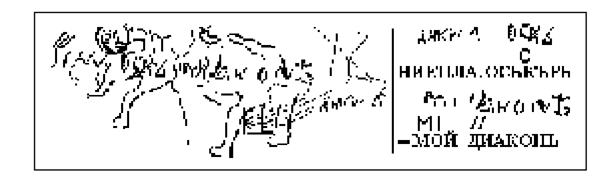


Рис. 163. Мое чтение граффито Золотых Ворот

обычных юношеских «дразнилках», где ОСЬКАР — скорее всего послушник, возведенный его приятелем Николой в сан дьякона; а Никола — мирянин, которого Оська изобразил в виде лающего пса (на рисунке показан лишь фрагмент «Николы»).

Промежуточный итог. Рассмотрены граффити числом 10; из них одно на черепке, одно на формочке, остальные на стенах. Сразу можно сказать, что без учета руницы их смысл был понят превратно. Так, надпись КОРЧАГА ПРОКУПОВА оказалась на деле надписью КАНЕЛА, А ПИСАЛ ПРОВ ЛУПОВ; вместо подписи МАКСИМОВЪ (КОЛЫБЬ) было начертано ЖЕСТКОВЫ ЛЕКИ МАКСИМОВЫ, надпись ПЪСЪЛЪ ЛЪ КОСТА превращается в ПЪСАЛЪ ТТЪ ПСЪСРЬ КОСТИА, то есть ПИСАЛ ТУТ ПИСАРЬ КОСТЯ; вместо ВОЯТА САИЧ на стене явно видится АС, ИСВИЧ-ВОЯКЪ, ПСАЛЪ ТУТЪ. ВОТ АЗ, САИЧ. То есть больше половины последней надписи эпиграфисты не прочитали. Далее, вместо надписи ДЯДЯТА ДОБЪ КРОТЪКЪ на самом деле начертано ДЯДЯ ТУТЬ ДОБРЪ, КРОТЪКЪ, вместо А СЕ СОЗОНЕ ПСЛ, А СЕ...ИСЛО на стене процарапано АС, СОЗОНТЕ, ПСЛ, АС СЪДИИ СЛО(ВО), вместо нечитаемой надписи — ОТЬЦА САКОВА ПЪТЪРЪМА; вместо АНА-ЛУКА — АНА ЛИ СУКА, вместо ГЕОРГИ — СЬВЯТОЙ АЛЪКАШЬ ГЕВОРЪГЪ. ГЕОРГИЙ, ВОИНЪ ДИВЪНЫЙ, вместо ОСКЪ МА КОН[Ь] и НИКУЛА — надпись ОСЬКЪРЬ — МОЙ ДИАКОНЪ и НИКОЛА. Тем самым, ряд надписей либо читался не в том смысле, либо не в том объеме, либо вообще не читался. Поэтому незнание руницы эпиграфистами приводит их к очень большим просчетам именно при чтении граффити.

С другой стороны, нужно быть признательными А.А. Медынцевой за то, что она подняла пласт глаголических надписей Софии Новгородской, показав, что такие надписи на Руси существовали. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось, что эти надписи включают в себя не только буквы кириллицы, но и знаки руницы, а по содержанию являются надписями профессионалов в области письма — писарей, которые обязаны были их знать по роду службы. Надписи на стенах с присутствием букв глаголицы означают их хвастовство друг перед другом. Больше ни одна категория населения глаголицей не пользовалась.

К большому удивлению, эпиграфисты не поняли шуточный характер дружеских шаржей, карикатур клириков друг на друга в тех изображениях и подписях, которые были нанесены на стены церквей, поскольку не могли прочитать, например, сочетания слов СЬВЯТОЙ АЛЪКАШЬ (полагаю, это слово было образовано не от арабского AL KOHOL, а от русского глагола АЛКАТИ, то есть ЖЕЛАТЬ ПИТЬ; существует русское слово АЛЧУЩИЙ, то есть ЖАЖДУЩИЙ). Сло-

вом, возникло впечатление, что данный раздел эпиграфики пока что разработан достаточно поверхностно, несмотря на то, что его начали осваивать с начала XX века.

Надписи на изделиях из металла. Этот раздел был бы неполным без анализа изделий из металла, на которых тоже часто имеются различного рода владельческие или иные надписи, связанные с именами. При анализе ряда надписей следует иметь в виду, что тут каждый нанесенный знак был строго продуман, так что никаких описок или случайных начертаний здесь не могло быть в принципе. Так что наличие руницы на этого рода изделиях было бы особенно доказательно.

Клеймо кузнеца. Одна из древнейших русских надписей в виде инкрустации дамасской проволокой нанесена на меч, обнаруженный в конце XIX века в станице Фощеватая под Миргородом (рис. 164). А.Н. Кирпичников прочитал ее **ЛЮДОТА** или **ЛЮДОША** на одной стороне и **КОВАЛЬ** (*КУЗНЕЦ*) на другой[151].

Реально же на надписи видно только начало имени, ЛЮДО..., а в пространство до конечной буквы А укладывается не одна буква Т или Ш, а 2 или 3 буквы. Так что, соглашаясь с чтением КОВАЛЬ и с чтением ЛЮДО..А, я не согласен, что это ЛЮДОТА или ЛЮДОША. Меч датируется X веком. А.А. Медынцева пишет по этому поводу следующее: «*Эта надпись — клеймо русского оружейника. Значение ее очень велико, так как она является доказательством собственного производства мечей на Руси в конце X — первой половине XI в. Кроме того, эта надпись широко используется как свидетельство грамотности русских ремесленников-оружейников уже в эту древнейшую пору. Однако нельзя забывать и о том, что клеймо оружейника — это свидетельство грамотности и русских воинов того времени, так как в противном случае в таком клейме не было необходимости*»[152].

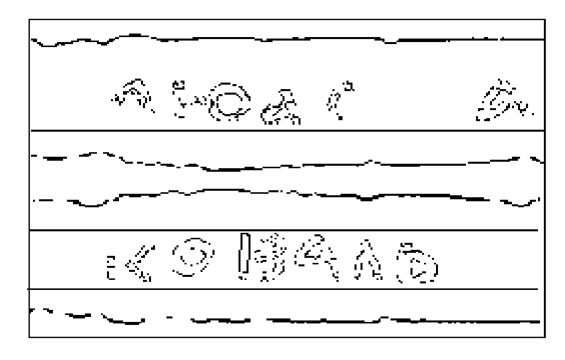


Рис. 164. Прорись надписи на мече из-под Миргорода

Долгие годы эта надпись считалась древнейшей. «*Но в недавнее время А.Н. Кирпичников обратил внимание на обломок меча (рис. 165), временно заменявший в витрине Национального музея в Киеве экспонат, взятый на выставку. Ранее меч находился в фондах музея среди депаспортизированных находок. Его точное происхождение не известно, удалось лишь установить, что ранее он находился в коллекции Музея древностей Киевского университета и был найден, судя по данном каталога, в Киевском уезде в 1894 году. Более подробных сведений об обстоятельствах находки меча установить не удалось. По предположению А.Н. Кирпичникова, он был обнаружен в дружинном погребении киевской округи, так как именно в эти годы в печати сообщались сведения о неоднократных подобных находках, поступавших в различные музейные собрания Киева. Это предположение подкреплено наблюдениями о намеренной порче меча (отсутствует навершие рукояти, перекрестье сбито с первоначального места, а в нижней части клинка отчетливо видны вмятины от ударов), что типично для языческих погребений. В процессе очистки клинка от коррозии исследователь заметил на одной стороне кириллические буквы высотой до 2,5 см, а на другой — столь же крупные геометрические знаки. Буквы и знаки были наведены в процессе ковки в горячем виде отрезками дамасской проволоки. На главной стороне клинка, на поверхности дола, удалось прочесть буквы СЛАВ... — как предполагает А.Н. Кирпичников — начало имени типа Славута, Славомир и т.д.*»[153].

Действительно, на одной грани клинка меча видно слово СЛАВ..., тогда как на другой я не вижу никаких геометрических знаков — только знаки руницы. Между тем, по мнению А.Н. Кирпичникова, дата но-

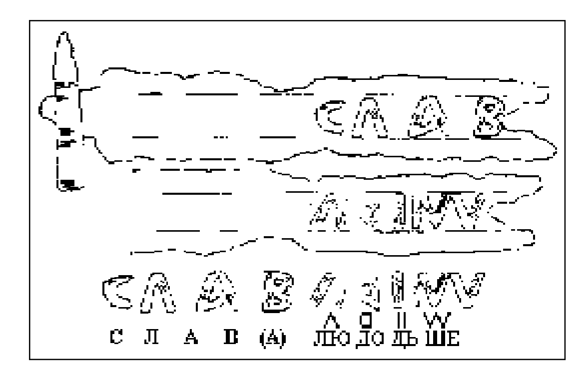


Рис. 165. Мое чтение надписи на мече из Киевского музея

вой находки должна быть удревнена по сравнению с мечом из станицы Фощеватая примерно лет на 50 (середина или третья четверть X века). Таким образом, эта вторая надпись оказывается древнейшей на металле на территории Руси.

Надпись на обороте клинка оказалась весьма удовлетворительной сохранности и представляет собой одну строку из 4 знаков. Осталось лишь ее прочитать, что я охотно и делаю. На одной стороне вначале читаю **СЛАВ(А)**, на другой – **ЛЮДОДЬШЕ**, где ЛЮДОДЬША – имя кузнеца в дательном падеже. Иными словами, начертана либо здравница в честь изготовителя, либо, что более вероятно, некий СЛАВА передал клинок (или секрет мастерства) Людодьше. Но так ли это? Не правильнее будет читать **СЛАВ(Ы) ЛЮДОДЬШИ**? Вероятно, это последнее предположение и будет верным, ибо мы уже видели на пряслицах и других предметах, что имена людей старались писать кириллицей, тогда как фамилии или прозвища все еще по-старинке, руницей.

Сразу можно обратить внимание на то, что на клинке из станицы Фощеватая мастера звали ЛЮДО...А, что понималось как ЛЮДОТА или ЛЮДОША. А здесь речь идет о ЛЮДОДЬШЕ. Не один ли и тот же это мастер? Я полагаю, что один. Но почему ЛЮДОДЬША, а не ЛЮДОДИША или ЛЮДОДЕША? Думается, что на надписи ЛЮДО ... А можно было начертать лишь ЛЮДОДЬША, а большее число знаков просто заняло бы больше места. И только Ь удобен для надстрочного расположения, все прочие предпочитали писать в строку (и тогда места для ДИШ или ДЕШ между ЛЮДО и А уже слишком мало). Интересно, что отметив такое имя, я не стал задумываться над тем, что оно означает, и считал свою задачу выполненной. Однако, когда на Национальной конференции славистов в Москве в июне 2002 года в моем докладе я упомянул, в частности, и об этом чтении, одна из слушательниц задала вопрос, что означает данное имя, и я честно признался, что не знаю. Но для меня это был знак того, что эпиграфическая работа до конца не доведена, и что мало прочитать слово – требуется его еще объяснить. До сих пор мне встречались имена известные, существующие и в наши дни. Теперь встретилось нечто, о чем даже трудно сказать, имя это или прозвище. И, подумав, я, как мне кажется, нашел приемлемое решение.

В самом деле: многих французских королей звали *Людовиками*. Однако это имя известно и в Италии, там оно звучит как *Лодовико*; известно оно и в Германии, трансформировавшись в *Людвига*. Теперь представим себе, что кто-то на Руси назвал своего сына Людовиком. Возникает вопрос, как его будут звать в семье или в ближайшей окру-

ге, пока он еще маленький? *Людик*? *Люндик*? *Людодик*? Вполне возможно! Такой способ словообразования в русском языке существует, например, *Светлана-Светик, Игорь-Игорёк, Эдуард-Эдик* (в последнем случае возможен даже вариант *Додик*). Так что, опираясь на модель *Эдуард-Додик,* можно предположить и вариант *Людовик-Людодик*. Нетерпеливый читатель мне скажет, что это — не объяснение, ибо нужно объяснить имя не *Людодик*, а *Людодьша*. Что ж, я готов. Русский язык по части антропонимики является одним из сложнейших, и его почти никогда не устраивает один уменьшительно-ласкательный вариант имени, так что Анна превращается и в *Аню*, и в *Анюту*, и в *Нюру*, и в *Нюсю*, и даже в *Нюшу* и *Нюшку*. Иными словами, на суффикс *-ют-* наслаивается еще суффикс *-уш-*. Так что для русских недостаточно модели *Наталья-Ната-Натик*, им подавай еще и *Наташу*; кроме ряда слов *Виктор-Витя-Витёк,* они хотят видеть еще и имя *Витюша*; им мало слов *Иоанн-Иван-Ваня*, они в диалектах дошли до имени *Ваньша*. По этой модели получения вторичного уменьшительного имени из *Додика* вполне может возникнуть имя *Додьша*, а из *Людодика* — *Людодьша*.

Правда, на Руси детей *Людовиками* не называют. Кроме того, если есть уже имя *Слава*, то, следовательно, второго имени быть не должно. Стало быть, *Людовик* — это прозвище. Возможно, в юности будущий кузнец чем-то напоминал француза, или даже конкретного *Людовика*. Но такого *Людовика*, которого ласково звали *Людодиком*, и даже еще более ласково *Людодьшей*. Это прозвище позже и закрепилось. Что же касается имени *Слава*, то оно по аналогии с современной традицией кажется уменьшительным. Я тоже так думал, пока не прочитал на ремесленных изделиях двух имен мастеров как *Слава*. Следовательно, для средневекового уха это имя звучало как полное, равно как и имя *Яр* или *Ярило*. Для нас же теперь полным является лишь составное имя *Ярослав*, от которого мы производим уменьшительное имя *Слава*.

Тем самым удалось узнать полное обозначение мастера: СЛАВА ЛЮДОДЬША. И если в середине X века еще можно было оставить традиционное начертание руницей хотя бы на одном слове, то в конце X века все слова следовало писать кириллицей. Так что для середины X века характерно **смешанное письмо**. По нашей относительной хронологии, смешанное письмо характеризует третий этап внедрения кириллицы в русскую письменность; он закончился, как мы видели выше, на рубеже XI и XII веков. Но эта дата означала конец периода. Теперь же мы получили дату начала периода: конец X века. Следовательно, третий этап продолжался с конца X по конец XI века, а до него писали преимущественно руницей, причем линейно и вразрядку, подражая бук-

венному письму. А еще ранее писали традиционно, превращая лигатуру рунических знаков в ребус, требующий долгой разгадки.

Надписи на гривнах с острова Готланд. Ряд серебряных гривен в составе русского клада был обнаружен в 1967 году в Люмелюнде на острове Готланд. Они были перенумерованы, а сотрудник Исторического музея Стокгольма Улоф Брукс сфотографировал их и передал скандинавистке Е.А. Мельниковой, которая, в свою очередь, передала их А.А. Медынцевой. Я же сделал прориси по этим фотографиям.

На гривне № 5 (рис. 166) начертаны знаки, которые А.А. Медынцева прочитала как **СЕЛѦТ(А)**. «*Конечная буква не просматривается, очевидно, она повреждена эрозией металла, но восстановление ее сомнений не вызывает. Надпись представляет собой мужское имя Селята*», — отмечает исследовательница[154]. На мой взгляд, сомнения вызывает не только последняя буква А, но и вся интерпретация надписи, поскольку имя СЕЛЯТА кажется весьма странным, тем более начертанное на деньгах.

Сначала я тоже читаю СЕ, затем идет лигатура из знаков руницы с чтением ЛЕТО, далее — действительно Ѧ, а затем слоговой знак Т с чтением ТА, так что тут никакая буква А не стерта, ее просто никогда не было. А ниже начертана лигатура из ПО и ЛЬ и, наконец, знак НА- (под ТА). Все вместе читается **СЕ ЛЕТО ЯТА. ПОЛЬНА** (*В ЭТОТ ГОД ВЗЯТА. ПОЛНА*). Так что человека, отдававшего серебряный слиток либо в рост, либо взаймы, интересовало, не был ли изъят кусок гривны за время ее отсутствия — нет, не был. Об этом и сделана нижняя запись, ПОЛЬНА. Ни о каком Селяте здесь речь не идет, это «мужское имя» есть фантазия эпиграфиста.

То же самое можно сказать и о надписи на другой гривне оттуда же, № 8 (рис. 167). Здесь А.А. Медынцева читает **ТИХОТ(А) ҮЪ**. «*Пос-*

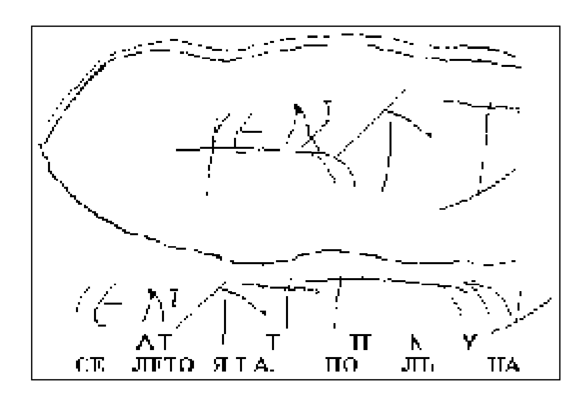


Рис. 166. Мое чтение надписи на гривне № 5

ледняя буква имени отсутствует, от последней, Т, сохранилась отчетливо различимая горизонтальная черта, что позволяет с уверенностью восстановить всю букву. Надпись представляет собой мужское имя, образованное от старославянского прилагательного ТНХЪ + суффикс = **ota** *и сокращенное YЪ — писал. Имя «Тихота» может происходить и от основы канонического имени «Тихон», но ранняя датировка надписи делает предпочтительным первый вариант. Из палеографических особенностей надписи можно отметить пропорции букв, близкие к квадрату, и горизонтальную перекладину буквы Н, подтверждающие датировку —* ***XI*** *— первая половина* ***XII*** *в.»*[155]. Такая решительность и уверенность меня удивляют еще больше, чем в предыдущей надписи, ибо тут, на мой взгляд, вообще нет ни одной кирилловской буквы, так что все чтение, равно как и основанная на нем датировка — чистейшая фантазия. Я вообще не понимаю, какой смысл на гривне сообщать, что ПИСАЛ ИМЯРЕК? Это же не забор! К тому же действительно есть русское мужское имя ТИХОН, но откуда взялось имя ТИХОТА?

На мой взгляд, если уж кто и писал на гривне, то ростовщики или иные финансисты того времени. Пометок на гривне много, и самыми старыми и затертыми являются надписи справа, образующие нечто вроде «домика». На фронтоне у него начертаны три знака, которые я читаю **ВЫЛИТА** (*ВЛИТА*). По всей видимости, на этой гривне после возвращения из чужих рук отсутствовала часть веса, и ей влили часть серебра заново. Ниже, на уровне «окошек домика», читается **НАЛЕЙ**, а еще ниже — **ЛЕЙ**. Я это понимаю как повторное обнаружение нехватки части веса после очередного возврата гривны. Только после этого есть смысл читать основную и самую крупную часть надписи, которую я понимаю как **ПОЛЪНЪ ЗАЛИТА И НОГАТА** (*ЗАЛИТА ДО ПОЛНОТЫ, И (СВЕРХ ТОГО — ЕЩЕ) НОГАТА*). Под ногатой понимается мелкая денежная единица. Иными словами, просьба о дополнительной заливке серебра не только выполнена, но и перевыполнена.



Рис. ***167.*** *Мое чтение надписи на гривне №* ***8***

Еще одна гривна — № 9 (рис. 168). О ней А.А. Медынцева пишет: «*Надпись на этой гривне была опубликована и получила исчерпывающее объяснение*[156]. *Она состоит из имени БЫЛѦТА. Ее особенностью является наличие небольшой вертикальной черты после знака Л, которая позволяет прочесть имя как БЫNѦТА. Й. Налепа, ссылаясь и на чтения Р. Якобсоном знаменитой Гнёздовской надписи, объяснил ее как знак смягчения, характерный для русских памятников. Повторное исследование памятника Е.А. Мельниковой позволяет предпочесть второй вариант прочтения... С датировкой надписи XI — первой половиной XII века можно полностью согласиться*»[157]. На мой взгляд, оба чтения, исходящие из предположения об имени собственном, — фантазии эпиграфистов, подобно надписям СЕЛѦТ(А) и ТИХОТ(А). Здесь написано: **БЫЛА ѨТА** (*БЫЛА ВЗЯТА*). И никакого БЫЛЯТЫ-БЫНЯТЫ.

Наконец, на гривне № 4 (рис. 169) А.А. Медынцева вычитывает слово **НЛНѢ**. «*Это мужское каноническое имя (Илия), где Ѣ передает ꙖА, как в глаголических и некоторых старославянских письменных памятниках*»[158]. — И вновь я не вижу упомянутой надписи. На мой взгляд, тут начертано: **БЫЛИ ѨТЫ 2 РАЗА**. И отдельно вновь крупной лигатурой подчеркнуто: **2 РАЗА**. Это означает: *БЫЛИ ВЗЯТЫ 2 РАЗА*. И вновь — никакого Ильи.

Итак, все 4 мужских имени — СЕЛЯТА, БЫЛЯТА-БЫНЯТА, ТИХОТА и ИЛЬЯ — были «выужены» из надписей типа «БЫЛА ЯТА» А.А. Медынцевой и Й. Налепой не только благодаря их «заданности» на чтение имен владельцев, но и потому, что смешанные рунично-кирилловские тексты были прочитаны как чисто кирилловские. Особенно странно видеть неверное чтение надписи **БЫЛА ѨТА**, где, казалось бы, кроме одного знака ЛА, все остальные оказываются буквами кириллицы.

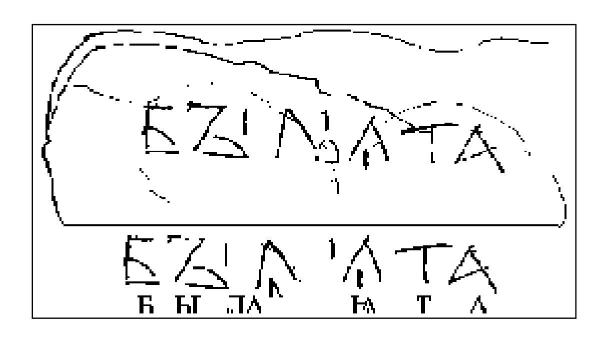


Рис. 168. Мое чтение надписи на гривне № 9

Вызывает сомнение и такая фраза А.А. Медынцевой из ее общего заключения: «*Надписи на слитках новгородского типа с русскими именами, вероятно, оставлены русскими купцами, торговавшими с Готландом*»[158]. Во-первых, **ни одного имени** при ближайшем рассмотрении мною на слитках не обнаружено. Во-вторых, сам характер надписей говорит о выдаче гривен заказчикам и характеризует ростовщические (ссуду под процент), но не торговые операции, так что речь идет не о купцах. В-третьих, ссуды давались в течение нескольких лет продолжительностью на год, что никак не согласуется с наездами купцов в Готланд – речь идет о конторе, занимавшейся ростовщической деятельностью **постоянно**. Наконец, ниоткуда не следует, что надписи оставлены именно на Готланде – гораздо логичнее предположить, что сделаны они были в одном из русских государств и отданы в залог в одну из европейских ростовщических контор (по сегодняшнему – банков), хотя бы и на Готланде.

В связи со сказанным представляет несомненный интерес попытаться разглядеть клейма, следы которых имеются на всех слитках, кроме первого (рис. 170). Наиболее отчетлив след клейма на последнем слитке, где их нанесено не менее трех; тут удается даже разобрать отдельные знаки. К сожалению, знаки вверху мне разобрать не удалось. Но зато знаки внизу образуют отчетливое слово ПЕЧТ, то есть ПЕЧАТА, затем в лигатуре можно прочитать слово ВЛИКЪ и вроде бы ЛИТЬВА. Тем самым на клейме я уверенно читаю **ПЕЧ(А) ТА. В(Е) ЛИКЪ**, и менее уверенно – **ЛИТЪВА** (*ПЕЧАТЬ. ВЕЛИКАЯ ЛИТВА*) – название государства, которому принадлежали слитки. Так что, несмотря на русский язык надписи и новгородский тип гривны, государственная принадлежность слитков, если верно мое чтение, – литовская.

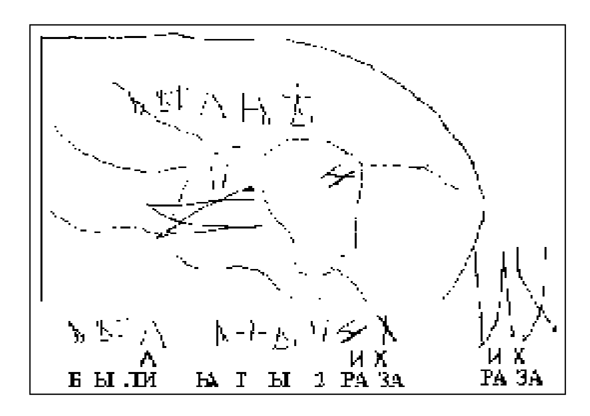


Рис. 169. Мое чтение надписи на гривне № 4



Рис. 170. Мое чтение надписи на печати гривен

Из всего рассмотрения можно сделать вывод о неудовлетворительном чтении гривен с острова Готланд шведским эпиграфистом Й. Налепой и отечественной эпиграфисткой А.А. Медынцевой.

Надписи на металлических чашах. В конце прошлого века в составе киевского клада была найдена западноевропейская чаша с латинской надписью[159] (рис. 171). На поддоне чаши процарапано несколько знаков и две русские надписи – **КНѦЖѦ** и **СПАСОВА** (вторая надпись начертана над перечеркнутой первой). К сожалению, никто из эпиграфистов не пытался прочитать знаки. Так, Б.А. Рыбаков обращал внимание на то, что надпись указывает на принадлежность чаши князю, а не княгине. А.А. Медынцева уточняет датировку надписей, полагая, что первая относится к XI–XII, а вторая – к XII–XIII вв[160]. На мой взгляд, оба некирилловские дополнения к кирилловским надписям представляют собой лигатуры из знаков руницы, которые вполне можно прочитать. Кроме того, на букве Ж заметны более тонкие штрихи, видимо, относящиеся к ранней и чисто слоговой надписи, которую сейчас реконструировать трудно. Вероятно, было записано руницей слово **КНѦЖѦ**. Что же касается слоговой надписи, то ее вполне можно прочитать.

С моей точки зрения, верхняя лигатура читается **ПЬЧАТЬ** (*ПЕЧАТЬ*), а нижняя – **ЧАРА** (первый слог состоит из буквы Ц со слоговым чтением ЧА). Иными словами, сначала было начертано слово **КНѦЖѦ** слоговым способом, затем буквами **КНѦЖѦ ЧА** (и добавлено руницей **РА**) **16** (16 – инвентарный номер у князя). Наличие



Рис. 171. Надпись на чаше из Киева

Ц вместо Ч, возможно, передает северный (псковско-новгородский) диалект автора надписи. Позже чаша была передана в дар церкви Спаса, и появился церковный штемпель – **СПАСОВА ПЪЧАТЬ.**

На другой чаше, из Чернигова, найденной в 1985 году среди клада чаш европейской работы[161] (рис. 172), имеется и краткая надпись-граффито, которую А.А. Медынцева читает **КУНѦЖА ГЮРЬЕВА**[162]. На мой взгляд, однако, тут действительно начертано **КЪНѦЖА ГЮРЬЕВА** (Ъ вместо У по причине, указанной ниже), но не только.

Здесь имеется, с одной стороны, дополнительная диагональ в букве N, а с другой стороны, большой знак в виде И (РЬ руницы). Поэтому представляется, что поначалу надпись была целиком слоговой. Лигатура в виде И уже существовала, но первая надпись содержала всего три знака. Первый знак выглядел, как сейчас, К, но читался КЪ. Затем шел знак НА в виде У; это из него позже был переделан знак Ъ, который от неумелой переделки стал выглядеть как Ѫ. Наконец, шел знак Х с чтением ЖА. А лигатура в виде И разлагалась на свои составные части, что давало в сумме текст: **КЪНАЖА ГЮРЬЕВА**, который позже, в конце XII – начале XIII века был начертан кириллицей. Следовательно, первоначальный текст руницей был начертан раньше. И, поскольку этот руничный текст представляет собой линейную надпись вразрядку, я отношу его ко второму периоду бытования кириллицы на Руси и тем самым датирую концом Х – концом XI вв. Этот пример интересен тем, что позволяет воочию убедиться в том, что нам открылось при анализе надписей на пряслицах: существование вначале чисто рунических надписей, которые позже были переделаны в надписи кирилловские. Более надежного доказательства того, что именно у славян и именно те же самые тексты выглядели прежде в записи руницей, а затем кириллицей, трудно себе представить.

Промежуточный итог. Рассмотрено 9 надписей на металле: 2 на мече, 2 на металлических сосудах и 5 – на гривнах с острова Готланд. Руница помогла прочитать имя и прозвище кузнеца как СЛАВЫ ЛЮДОДЫШИ, чем была снята неопределенность между чтением ЛЮДОТА и ЛЮДОША; на чашах были прочитаны слова ПЕЧАТЬ и

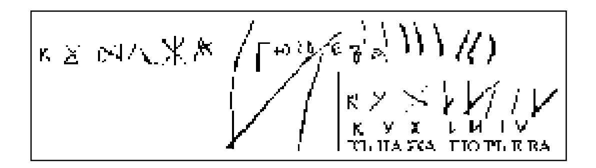


Рис. 172. Надпись на чаше из Чернигова и мое чтение ее первоначальной надписи

ЧАРА 16, а также выявлена более ранняя надпись знаками руницы того же текста КЪНАЖА ГЮРЬЕВА. Но самые интересные последствия принесло чтение надписей на гривнах из Готланда: выяснилось, что вычитанные там якобы имена владельцев СЕЛЯТА, БЫЛЯТА, БЫНЯТА, ТИХОТА и ИЛЬЯ являлись вариантами неудовлетворительного чтения в основном **кирилловских** выражений СЕГО ЛЕТА или БЫЛИ-ЯТЫ. Всего один знак руницы делал надпись читаемой неверно даже таким опытным профессионалом, каким является А.А. Медынцева. Зато никому из эпиграфистов не пришло в голову прочитать знаки на печатях и открыть на них подлинное имя собственное ЛИТВА. Таким образом, именно в надписях на металле преимущество новой эпиграфики, учитывающей руницу, над старой, ее не признающей, оказывается наиболее убедительным. С другой стороны, соответствующие разделы старой эпиграфики, в частности надписи на гривнах, становятся наиболее сомнительными.

Общий итог. Рассмотренный весьма богатый материал (93 вещи) позволяет сделать довольно много выводов относительно как самих текстов, так и их начертаний. Начавшись с простого любопытства — как обозначались в X–XII веках имена собственные, данное исследование переросло в выделение нескольких этапов параллельного сосуществования руницы и кириллицы, и стало ясно, что руница под влиянием кириллицы перестала изображаться на письме в виде замысловатых лигатур-ребусов, а вытянулась в строку, да еще с утрированно большими промежутками между знаками, а далее даже в некоторых случаях стала изображаться и в виде несоприкасающихся фрагментов рунических знаков. Но закончилась эра руницы тогда, когда ее знаки перестали читаться как слоговые, а стали восприниматься как согласные. Напротив, кириллица поначалу вошла в обиход с чисто слоговым чтением, что выглядело как кирилловское консонантное письмо, затем стала перемежаться знаками руницы, далее стала обходиться без них, но сохранила некоторые черты их орфографии (колебания в начертании ЛЕ/ЛИ, Ъ/О и Ь/Е) и, наконец, утвердилась полноправно.

Что же касается содержания надписей, то выяснилось, что имена собственные содержались не только в текстах владельческих или дарительных, но и в поминальных, заглавных, долговых, молитвенных, подписных и пояснительных. Выяснилось, что содержание таких текстов примерно одинаково и не зависит от того, каким шрифтом — руницей, кириллицей или глаголицей — они выполнены. Это означает, что, с точки зрения средневекового русского, все типы начертаний были равноправны. Вместе с тем надписи руницей всегда старше по времени, чем надписи кириллицей.

Рассмотренные выше примеры позволяют представить себе следующую картину. Сначала надписи делались только руницей. При этом длительный период ее существования на средневековых русских памятниках письменности мною был поделен на два более мелких: период руничных лигатур и период руничных линейных надписей. Затем какая-то часть надписи стала выполняться кириллицей. Затем оставшиеся знаки руницы стали исправляться на буквы кириллицы. Наконец, появились чисто кирилловские надписи, содержащие, однако, странности, которые можно объяснить только с позиций руницы. Таким образом, было выделено по меньшей мере 4 этапа и некоторая последовательность во времени появления каждого из них. Позже стало возможным попытаться хотя бы приблизительно очертить сущность и временные рамки каждого из них, что и было сделано при подведении промежуточных итогов. Но к этому можно еще кое-что добавить.

Начнем с последнего примера. Чаша из Чернигова имела к концу XII века полностью кирилловский текст, но прежде, в период X–XI вв., могла иметь предполагаемую мною чисто слоговую надпись из линейных знаков руницы вразрядку. Что касается чаши из Киева, то слово ЦАРА (ЧАРА) могло появиться в середине того же XI века, а позже его могли пополнить кирилловским словом КНЯЖЯ. Слово СПАСОВА появляется где-то в конце XII века одновременно со словом ПЬЧАТЬ, которое пишется руницей просто по старинке, как традиция, но не как начертание, одинаковое в правах с кириллицей. В этих примерах последняя дата, определенная методами славянской палеографии для кириллицы, представляется до некоторой степени приемлемой, тогда как дата по рунице в принципе не может быть определена методами кирилловской палеографии, ибо руничные даты много старше. Я исхожу из того, что меч, найденный в станице Фощеватой и имеющий на двух сторонах клинка чисто кирилловские надписи, датируется эпиграфистами концом X века, тогда как наличие одной надписи руницей на мече из Киева принадлежит клинку, изготовленному на полвека ранее. Так что налицо нестыковка, разрыв примерно в век. Мне трудно сказать, кто прав: эпиграфист, специализирующийся на оружии, А.Н. Кирпичников или эпиграфист-палеограф А.А. Медынцева. Поскольку данные этих исследователей расходятся примерно на 100 лет, вероятно, будет разумным предположить, что истина лежит посередине, и данные Кирпичникова следует приблизить к нам на 50 лет, а данные Медынцевой, напротив, на 50 лет удревнить. Тогда для Киева получатся примерно такие даты: середина X века — чисто слоговые надписи (конец второго периода бытования кириллицы); конец X века — наличие и руницы, и кириллицы в одном и том же тексте (то есть начало третьего этапа);

начало XI века — исправление знаков руницы на знаки кириллицы; конец XI — начало XII века — чисто кирилловские надписи, но с рудиментами руницы (конец третьего этапа). Что же касается Новгорода, то его этапы начертаний сдвинуты примерно на век позже Киева. Таковы общие рассуждения, исходя из рассмотренных памятников. Более точные хронологические рамки первого и второго этапов можно будет определить, обратившись к самым древним надписям.

Однако эти общие представления можно несколько уточнить. Первая надпись, отмеченная Эль Недимом, арабским путешественником, скопировавшим на Кавказе образец русского письма руницей, относится к дате его путешествия, к 987 году, то есть отстоит по времени на год от крещения Руси. Тогда надпись была чисто слоговой. При этом в целом она была линейной, но содержала в начале и в конце по слоговой лигатуре и не имела начертания вразрядку. Следовательно, за полтора десятилетия до конца X века мы наблюдаем промежуточный типа начертания, уже не сплошь лигатурный и уже линейный, но еще не вразрядку. Следовательно, классический второй этап начинается чуть позже, вероятно, на рубеже X–XI вв.

В связи с официальным крещением Руси к нам пришла и болгарская книжность, выполненная кириллицей, а с ней — и старославянский язык (древнеболгарский язык в его солунско-константинопольском диалекте). Следовательно, массовое официальное внедрение кириллицы можно датировать 988 годом. Вместе с тем можно предполагать, что первые слова, которые стали писать кириллицей на Руси вне богослужебной книжности, были вначале христианские имена, а затем и имена вообще, независимо от их происхождения. Так что первые смешанные надписи должны были появиться на Руси в последнее десятилетие X века. Видимо, к этому времени и относится меч из Киева с надписью СЛАВЫ ЛЮДОДЫШИ, где прозвище еще пишется руницей, а славянское имя Слава — кириллицей. Пряслице из Киева с именем Жирцы, которое А.А. Медынцева удревнила на сто лет (перенеся датировку с XII на XI век), поначалу еще имело некоторые следы руницы, но позже, к XII веку, уже выглядело вполне кирилловским. Так что если к концу X века в Киеве появились первые кирилловские начертания, сосуществующие с руницей (а это — начало третьего этапа), то в начале XI века таких смешанных надписей было много, причем постепенно доля кирилловских букв возрастала, а с XII века кирилловское начертание стало единственно возможным. И видеть чисто руничную надпись в начале XI века в Киеве было бы странным.

Но так было в Киеве. А вот недалеко от него, в Вышгороде, в начале XI века еще писали руницей КАНАЖИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЬ, и лишь

к концу века часть знаков исправили на кирилловские. Вероятно, все процессы трансформации письма вблизи Киева начались на полвека позже и шли менее быстро. Примерно в то же время, то есть в начале XI века, смешанные тексты появляются и в Новгороде, о чем говорит надпись НАШЕЙ со слоговым знаком ШЕ, а также отрицание НЕ вместе с кирилловским именем ИОНА и кирилловской надписью ПСЛЪ. С другой стороны, слоговые знаки встречаются в новгородских грамотах и в XII веке, например в имени ЯРИЛЫ, причисленного к ангелам, но это уже сознательная тайнопись. Чисто руницей как тайнописью начертана и грамота конца XII века СЬ НОВЪГОРОДА — ЧЕНЬТЬСУ. Однако простые прихожане допускают в поминальных записках описки, читая кирилловские буквы как знаки руницы еще в XIII веке, а на бытовых предметах, например на ведрах, по традиции пишут такие совпадающие с кириллицей знаки руницы даже в XV веке. Из этого можно заключить, что даже несмотря на сдвиг примерно в 50 лет, в конце XII века и в Новгороде перешли на кириллицу, но, в отличие от Киева, тут еще помнили руницу, и социальные верхи пользовались ей как тайнописью, а низы — как традиционным начертанием. В этой связи интересна берестяная грамота XII века новгородского мальчика Лушевана, где основная надпись в виде довольно небрежных зигзагов выполнена КРУПНО и СВЕРХУ руницей, а МЕЛКО и ВНИЗУ — кириллицей. Это означает, что в XII веке в новгородских школах изучалась сначала все-таки руница, и лишь затем кириллица.

В конце XI века в ряде мест преобладает слоговое начертание с вкраплениями кирилловских букв, например, в тексте КЛАВДЕНЬ ПРАСЛЕНЬ только ЛЬ и НЕ на конце последнего слова в Минске, в надписи САШИН ПРЯСЛЕНЬ ДЕВИЧАЕ из Пскова — лишь две буквы СА в первом слове, МОЙ ДИАКОНЪ со знаками руницы МО, И и ДИ в граффито на Золотых воротах в Киеве и ЦРА (ЧАРА) со знаком РА на чаше из киевского клада. Что же касается далекого от столиц Белоозера, то там все надписи XI века — целиком слоговые, например, ЛИДИНЪ ПЪРАСЬЛЕНЪ, ЛИДИНЪ ИНОЙ — РУСЬ-ВОДЬ, а первые кирилловские буквы появляются только в XII веке. То же наблюдается и в изделиях русскоязычной Литвы, найденных на шведском острове Готланд: в конце XI века чисто слоговая надпись гласит ПОЛЪНЪ, ЗАЛИТА И НОГАТА. Вероятно, к этому же веку относится и первая надпись на чаше из Полтавы КЪНАЖА ГЮРЬЕВА.

В XI веке возникает так называемое консонантное написание, например ЦРА в Киеве, КЗ ВСЛВ ПЛТСК и КЗ БРСЪ в Полоцке, или АКЪЛ ЕПСКПА в Новгороде, а также ПЪСАЛЪ ТТЪ ПСЪСРЬ

КОСТИА. На грамотах XII века из Новгорода мы читаем МАРИИ ЦРН или ОСКЬ (ОСКАРЬ). В XII веке можно прочитать надпись МСТСЛАВЛ КРЧГЪ на амфоре из Киевского Подола. В Полтаве на амфоре начертано КНЛ/ΨЛ.

В XII веке в Белоозере встречается первая кирилловская надпись АМАЛЕН; в середине и конце XII века слоговые знаки все еще встречаются как привычные в Ростове Великом (МИЛЕШИН ПРЯСЛЕНЬ ИВАНА), в польском Дрогичине (надпись на ноже ВЕРОЙ ИНОЙ), в Вышгороде (НЕВЕСТОЧИЙ), в Друцке (КНЯЖИН) и в Витебске (БАБИНО ПРЯСЬЛЬНЕ ТЬВОЙ), в Гродно (ИЕ ПРЯСЛЕНЬ и МАЛАНЬИН ПРЯСЛЕНЪ), в Старой Рязани (МОЛОДЬКИНЬ), в Новгороде (ДЕВИЧАЕ НИЩИЕ ПРЯСЛЕНИ; БАБУИНЬКИ ПРЯСЛЕНЬ), в Смоленске (ГАНИНЪ ПРАСЛЕНЬ). На юге Руси к XI–XII вв. относится надпись на пряслице из Теребовля РОМАДИНЪ, где в XI веке появляется ее слоговая версия РОМА, а в XII – кирилловское оформление слова.

В том же XII веке появляется такое любопытное явление, как проекция неразличений окончаний в рунице между Ъ и О и Ь и Е на кириллицу. Так, в Витебске слово БАБИНО означает БАБИНЪ, а ПРЯСЛЬНЕ – ПРЯСЛЬНЬ; в Новгороде слово НАСТОКИНЕ означает НАСТЪКИНЬ (при лигатуре из руницы слова ПЪРЯСЬЛЕНЬ); АСЕ, СОЗОНТЕ вместо АСЬ (АЗ), СОЗОНТЬ в Юрьевом монастыре Новгорода; в Пинске слово НАСТАСЬИНО употребляется в смысле НАСТАСЬИНЪ, в Минске вместо КЛАВДИНЬ ПРАСЛЕНЬ пишется КЛАВДИНЬ ПРАСЛЕНЕ; слоговое чтение буквы Л как ЛЕ в слове ПРЯСЬЛЕНЬ в Старой Рязани (ПАРАСИН ПРЯСЛЕНЬ), АМАЛЕН вместо АМАЛИН в Белоозере. К этому же веку относится и двойное чтение: кирилловское АННА-ЛУКА и слоговое АННА ЛИ СУКА в Софии Киевской.

В конце XII – начале XIII в. появляется еще более любопытное явление – слоговое чтение букв, например БΛ как БЫЛИ (на пряслицах из Вышгорода и с Ленковецкого городища), а также буквенное чтение слоговых знаков: РОМАДИН (при правильном чтении – РООМАДИН) на пряслице из Теребовля или ДАШИН ПРЯСЛЕНЬ (буквально ДААШИН ПРАЯСЛЕНЬ) на пряслице из Новгорода, МААРИЯНА на грамоте этого же времени из Новгорода.

Таким образом, если отвлечься от стольного Киева, где все процессы шли гораздо быстрее, картина смены одной графики письма другой будет выглядеть так: в X веке **предпочтительна руница**, хотя **уже появляются кирилловские буквы** (преимущественно в именах собственных), для XI века характерно **смешанное письмо** без какого-либо пред-

почтения, а также **консонантный стиль**, представляющий собой просто замену слоговых знаков на соответствующие согласные буквы (консонантное письмо с этой точки зрения является кирилловским по форме, но слоговым по содержанию). В XII веке кириллица доходит до самых отдаленных уголков Руси, и, хотя **консонантный стиль заменяется на письмо с гласными**, гласные ставятся в соответствии не с произношением, а с особенностями слоговой графики (колебания О/Ъ, Е/Ь, ЛЕ/ЛИ). В это же время закладывается **слоговое чтение отдельных букв**, совпадающих в начертании со знаками руницы: С-СЕ, Л-ЛЬ или ЛИ, М-МА, Ь-РЬ и т.д., сохраняющееся по XV век (Новгород). В том же XII веке руница становится забытым письмом, а потому и **тайнописью** для правящей административной элиты и духовенства. Наконец, к XIII веку складывается **буквенное чтение** слоговых знаков. Таким образом, к концу четвертого века бытования на Руси буквенное письмо осознается населением как основное, а руница — как уже несколько чуждое, устаревшее. Однако еще в XVII веке, через триста лет после такой переориентации населения, на самой периферии Руси, на полярном острове Фаддея, можно встретить слоговую надпись АВЕРЬЯНА К и другие надписи на рундуках. Так что весь период перехода от одного письма к другому представляется в виде длительного процесса, занявшего 7 веков: с X по XII — эпоха наступления кириллицы; XIII — век осознания, что именно кириллица является основой славянской письменности на Руси, и с XIV по XVII век — эпоха вытеснения руницы сначала из бытового, а затем и тайнописного письма, а затем и эпоха забвения руницы. Окончательно руница перестала пониматься в XVIII веке. А в XIX веке были обнаружены ее памятники, которые поставили ученых в тупик: о таком виде письма они никогда не слышали. Иными словами, то, что когда-то понималось как очень быстрый переход от одной формы письма к другой, на деле оказалось многовековой историей.

Таковы выводы по эволюции письма, но к ним надо добавить и выводы по современному состоянию эпиграфики. И прежде всего следует отметить, что чтение кирилловских надписей, относящихся к X—XII, а отчасти к XIII вв. весьма слабое, поскольку совершенно игнорирует возможность существования руницы или ее влияния на кириллицу. Чего стоят чтения БЫЛЯТ(А) вместо БЫЛА ЯТА (Й. Налепа), СЕЛЯТ(А) вместо СЕ ЛЕТО ЯТА, ТИХОТ(А) вместо ПОЛЪНА. ЗАЛИТА И НОГАТА, ИЛИЕ вместо БЫЛИ ЯТЫ 2 РАЗА (А.А. Медынцева), БЛЯТА вместо БЫЛА ЯТА (В.М. Зоценко), ИМЮН вместо НАШЕИ (А.В. Арциховский), ИЛАРИОНА вместо МАРИАНА (В.Л. Янин), НЕВЕСТОЧЬ вместо НЕВЕСТОЧЬЙ (Б.А. Рыбаков), КРОЧАГА

вместо КАНЕЛА, А ПСЛ (А.А. Медынцева, Ю.Ю. Моргунов), КОМ... вместо ВОИНЪ (С.А. Высоцкий)!

Но так производится чтение тогда, когда знаки руницы принимаются за буквы кириллицы. А чаще всего говорится о том, что ИМЕНА НЕРАЗБОРЧИВЫ (В.Л. Янин), ГРАМОТА НЕ ДОПИСАНА, С ОБЕИХ СТОРОН ПУСТЫЕ МЕСТА (А.В. Арциховский), ПИСАВШИЙ СДЕЛАЛ ТРИ ОШИБКИ (Б.А. Рыбаков), БУКВА N НАПИСАНА ПО ОШИБКЕ; ТРЕТИЙ ЗНАК — НЕ БУКВА, А ОСОБЫЙ ТАМГООБРАЗНЫЙ ЗНАК, ЧАСТО ВСТРЕЧАЕМЫЙ НА ПРЕДМЕТАХ (А.А. Медынцева), СМЫСЛ МОЖЕТ БЫТЬ ПОНЯТ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ МЫСЛЕННО ДОПОЛНИТЬ ШТРИХИ, КОТОРЫЕ НЕ ВЫШЛИ У ПИШУЩЕГО (Л.В. Алексеев), ОТМЕТИНЫ НА ПРЯСЛИЦАХ СЛУЖИЛИ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ И ЗНАКАМИ СОБСТВЕННОСТИ, СВОЕГО РОДА ТАМГАМИ (Л. А. Голубева); КРЕСТЫ, НЕСОМНЕННО, ИМЕЛИ АПОТРОПЕИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. УВЕЛИЧЕНИЕ ИХ ЧИСЛА, ОЧЕВИДНО, ДОЛЖНО БЫЛО УСИЛИТЬ ОХРАНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. НЕ ИСКЛЮЧЕН И ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ, И ТАМГООБРАЗНЫЙ ХАРАКТЕР ИЗОБРАЖЕНИЙ (Л.А. Голубева), СЕМЬ БУКВ, ИЗ НИХ ДВЕ ЯВНО ЛАТИНСКИЕ — N и R, А ОСТАЛЬНЫЕ ПЯТЬ — Г, А, Р, Н и М — МОЖНО ИНТЕРПРЕТИРОВАТЬ ПО-ВСЯКОМУ (В.Н. Демин), БУКВА НЕЯСНА (А.А. Медынцева), ИМЕЛСЯ НЕДОСТАТОК МЕСТА МЕЖДУ РУЧКАМИ (С.А. Высоцкий), БУКВЫ НАДПИСИ ПОВРЕЖДЕНЫ (С.А. Высоцкий), вместо надписи — ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ЗНАКИ (А.Н. Кирпичников). Заметим, что за всеми этими восклицаниями эпиграфистов (как профессионалов, так и любителей) кроются неизвестные для них знаки руницы.

Таким образом, проведенное мной исследование не только ввело в научный оборот дешифровку памятников письменности, написанных руницей, но и помогло исправить те кирилловские чтения, которые были ошибочными в силу игнорирования определенных участков надписи, начертанных руницей. Но главное, конечно же, что удалось понять, как и когда кириллица заняла место руницы на Руси. Иными словами, без чтения смешанных надписей невозможно понять общий процесс внедрения кириллицы на Руси и тем самым — общий процесс развития славяно-русской эпиграфики. Хотя, разумеется, многие детали этого процесса пока еще не выявлены, и особенно — существование самых ранних образцов письма на Руси. Они-то наверняка должны содержать руницу! Но для этого необходимо провести самостоятельное исследование.

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ НАДПИСИ

Итак, нам следует уточнить распределение ролей между кириллицей и руницей, рассмотрев древнейшие кирилловские надписи. Но что означает слово «древнейшие»? Под древнейшими русскими надписями понимаются надписи X века, поскольку наиболее ранних из кирилловских у нас сегодня нет. Одну из них мы уже рассмотрели — это надпись кузнеца (коваля) Славы Людодьши. Однако надпись на мече, опубликованная в специальной археологической литературе, не привлекла большого интереса широкой научной общественности. Гораздо больший резонанс имела надпись на корчаге из Гнёздова, информация о которой была помещена в «Вестнике АН СССР». Поскольку надпись выглядела довольно странной, к ее осмыслению устремилось множество исследователей. К большому сожалению, никто из них не знал руницы и даже не подозревал, что как раз для X века руница особенно характерна, так что даже не глядя на сам шрифт можно было почти безошибочно сказать, что все трудности с этой надписью вызваны попытками прочитать руницу как кирилловский текст. Тем не менее такие попытки были, и они по-своему весьма поучительны. Наиболее полный материал по данной проблеме был собран А.А. Медынцевой[1], которая к тому же предложила и свою интерпретацию. Поэтому я просто воспроизведу ее текст, давая в некоторых местах свой комментарий, затем изложу свои попытки первоначального понимания надписи, и, наконец, дам версию, которая на сегодня мне представляется наиболее убедительной. Правда, текст оказывается насыщенным лингвистической терминологией и может показаться несколько сложным для неподготовленного читателя.

Датировка корчаги из Гнёздово. На больших сосудах для хранения вина и масла, так называемых корчагах, довольно часто встречаются зарубки, метки, отдельные буквы. Более редкой находкой являются надписи. К таким надписям принадлежит и древнейшая из известных до сего дня надпись на корчаге из Гнёздова[2] (рис. 173). За пятьдесят лет, прошедших со времени находки древнейшей русской надписи, появилось немало работ, как в нашей стране, так и за рубежом, посвященных ее расшифровке. К сожалению, нельзя считать и сегодня, что надпись получила полное прочтение и объяснение. Существуют несколько вариантов прочтения, что предполагает и разное толкование надписи, ее палеографические особенности сравниваются как с греческим письмом, с древнейшими кирилловскими рукописями, так и с глаголическими. Такое разнообразие мнений говорит о том, что мы еще очень далеки от окончательной расшифровки надписи. В специ-

альной статье И. Еленский рассмотрел все известные к тому времени варианты расшифровки и пришел к выводу, что «*все они не удовлетворяют по разным причинам: одни противоречат фонетическим, другие — морфологическим или вообще грамматическим закономерностям древнерусского языка, третьи не подтверждаются данными древнерусской лексикологии*»[3].

Положение осложняется еще и тем, что первоначальная дата кургана, где была найдена корчага с надписью, казалось бы бесспорная, — первые десятилетия X в., — изменяется на более позднюю как самим первооткрывателем, Д.А. Авдусиным, так и некоторыми другими авторами. Поэтому представляется необходимым еще раз остановиться на датировке комплекса, на вариантах расшифровки надписи, на ее палеографических особенностях.

Надпись была обнаружена в 1949 г. в кургане № 13 в Лесной группе Гнёздовского курганного могильника[4–6]. На громадном кострище кургана, содержащем остатки мужского и женского трупосожжений, были разбросаны черепки гончарного сосуда, умышленно разбитого при похоронах. Сосуд удалось склеить, на двух его черепках, совпавших при склеивании, удалось обнаружить надпись, получившую затем широкую известность. По обряду погребения, вещам и найденным монетам данный комплекс, а следовательно, и надпись были датированы первой четвертью X века. Особенно важны для датировки были монеты. Всего монет — арабских дирхемов — было найдено пять. Остатки первого дирхема неопределимы, второй относится к династии Аббасидов, дата чеканки третьего — вторая половина VIII — начало IX в., четвертый датируется 848/49 г., пятый — 907/08 г. Лишь один из них,

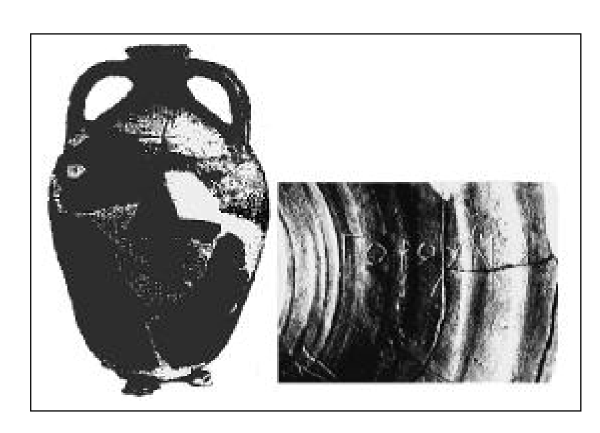


Рис. 173. Общий вид корчаги из Гнёздово и ее надписи

второй, имел припаянное ушко и, следовательно, входил в состав ожерелья, остальные использовались в качестве денег. Даже если принять для третьего дирхема наиболее позднюю дату чеканки — начало IX в., получается, что он был в обращении не менее 100 лет. Поэтому первооткрыватель надписи Д.А. Авдусин имел основания считать, что между временем чеканки последнего дирхема и временем захоронения прошел очень небольшой срок, и отнести дату насыпки кургана к первой четверти X в.[7]

Таким образом, первоначально датировка кургана не вызывала сомнений. Но десять лет спустя Г.Ф. Корзухина высказала замечания относительно датировки кургана. Сомнения были высказаны в примечании, но тем не менее получили некоторое распространение. Поскольку датировка комплекса чрезвычайно важна, необходимо привести это примечание полностью (все, что касается даты кургана № 13). «*Для временного определения амфор интересующего нас типа я пользуюсь очень обобщенной датой, IX–X вв., так как, во-первых, в работах, посвященных хронологической классификации амфор Северного Причерноморья, для указанного периода хронологические определения ясны самим авторам далеко не во всех подробностях... Во-вторых, при определении верхней временной границы для амфор данного периода исследователи были введены в заблуждение заниженной датировкой Гнёздовского кургана с амфорой, время насыпки которого Д.А. Авдусин в своих первых публикациях ошибочно отнес к первой четверти X в. На самом деле курган был насыпан позже, не ранее второй половины X в. Основания для передатировки данного кургана не могут быть изложены в настоящей заметке, поскольку эта тема не имеет прямого отношения к рассматриваемому здесь вопросу*»[8].

Какие основания были у автора приведенной цитаты считать дату заниженной, так и осталось неизвестным, и теперь это выяснить вряд ли удастся. Но несколько позднее некоторые исследователи высказали соображения по уточнению датировок отдельных вещей, найденных в комплексе кургана № 13. Так, А.Н. Кирпичников обратил внимание, что меч из этого комплекса несколько отличается от типа «Е», характерного для IX в. Отличие заключается в несколько ином оформлении орнамента рукояти — более крупных ячейках с особыми проволочными выкладками. Мечи подобного типа А.Н. Кирпичников датировал «зрелым X веком»[9]. Другое уточнение касается даты черепаховидной фибулы, найденной в кургане. По наблюдениям В.С. Дедюхиной, такие фибулы в Гнёздове относятся к X в., чаще всего ко второй его половине[10]. Вероятно, эти, а может быть, и какие-либо другие уточнения имела

в виду и Г.Ф. Корзухина. Что же касается высказанных ею сомнений в датировке амфоры, на которой обнаружена надпись, то вряд ли они основательны, так как А.Л. Якобсон специально пишет по поводу амфор VIII–IX вв.: «*К этой же группе следует присоединить и амфору с русской надписью «горухща», найденную в Гнёздовском могильнике... очень близкую по форме к приведенным амфорам из Тиритаки, Коктебеля, Саркела и Пролетарского. Такого рода амфоры, происходящие из Саркельского городища, связаны с хазарскими слоями... и относятся ко времени не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины X в.*»[11]. Обращение к материалам Саркельского городища подтверждает датировку амфор, аналогичных гнёздовской, второй половиной IX – первой половиной X в.[12] То, что А.Л. Якобсон в датировке подобных амфор исходил отнюдь не из даты кургана № 13, отмечал и Д.А. Авдусин[13]. Тем не менее Д.А. Авдусин в этой работе счел необходимым несколько «омолодить» дату кургана № 13. Основанием для пересмотра датировки, помимо уточнений, о которых упоминалось выше, послужило наличие в комплексе кургана № 13, кроме лепных сосудов и гончарных привозных горшков переходных форм. По данным того времени, переход к гончарному кругу в Гнёздове относился к середине X в. Поправки датировок вещей и наличие сосудов переходных форм послужили основанием для более поздней, чем начало X в., датировки. Но при этом Д.А. Авдусин отмечает, что скорее этот курган следует датировать серединой X в., чем второй половиной, так как наличие аббасидских монет, датировка саркельских амфор временем не позднее середины X в. и маловероятность большого разрыва в датировке мечей с мелкими и крупными ячейками на рукоятках не позволяют намного «омолаживать» дату кургана. Таким образом, дата кургана была перенесена ближе к середине X в.

В последние десятилетия специально изучались керамические материалы из Гнёздова. В результате оказалось, что гончарный круг появился в Гнёздове гораздо ранее, чем предполагалось, — на рубеже первой и второй четвертей X в., т.е. в 920–930 гг.[14] Эти результаты имеют значение и для датировки комплекса с надписью, так как по их данным следует, что этот курган возведен не позже 930-х гг. Исследователи снова вернулись к первоначальной дате кургана – первой четверти X в., данной по показаниям находок монет[15].

Таким образом, в настоящее время нет оснований сомневаться в датировке кургана: монеты, вещевые находки, керамика, обряд погребения свидетельствуют о насыпке кургана в первые десятилетия X в. Следовательно, и надпись на корчаге следует датировать приблизительно этим же временем, и она до сих пор остается древнейшей славянской

надписью, найденной на территории Древней Руси. Но если в вопросе датировки погребального комплекса кургана № 13, а следовательно и надписи, достигнута за последние годы определенная ясность, то прочтение и интерпретация ее до сих пор далеки от удовлетворительных значений.

Варианты чтения надписи. Существует несколько вариантов прочтения: **ГОРОУХЩА, ГОРОУШНА, ГОРОуХ ҮЛ, ГОРОУН'А, ГОРОУНЩА, (ГОРѪЩА).** Различное прочтение предполагает и различное толкование надписи: как обозначение содержимого сосуда — горчичное семя или горчичное масло, нефть (горючее) или как имя владельца корчаги. В упоминавшейся выше работе И. Еленского систематизированы наблюдения над большинством прочтений, которые сведены к шести вариантам и четырем толкованиям. К каждому варианту он приводит свои комментарии, исходя в основном из исторической грамматики и исторической лексикологии русского языка. Рассмотрим их в хронологической последовательности с учетом его и моих комментариев.

Гипотеза горчицы. Первое прочтение было предложено М.Н. Тихомировым и Д.А. Авдусиным: **ГОРОУХЩА,** что должно было, по их мнению, означать «горчицу», горчичное семя, или какую-либо пряность. Первоиздатели определили надпись как древнейший памятник русской письменности, показывающий, что письменность Руси восходит к началу X в., и эта письменность была кирилловской. М.Н. Тихомиров и Д.А. Авдусин дали палеографический анализ надписи, сравнив ее с надписью Самуила 993 г. и некоторыми эпиграфическими и рукописными памятниками X–XI вв.[16] От себя добавлю, что это чтение в наши дни поддерживает и смоленский историк В.В. Ильин, считавший, что именно из Смоленска «пришло к нам самое подлинно русское слово ГОРОУХЩА»[17]. Вообще широкой научной общественности наиболее известна именно эта первая версия.

Гипотеза «горушны». Таким образом, главное в прочтении первоиздателей — определение ее как древнейшей русской кирилловской надписи (по букве Ш). Однако, почти сразу с уточнением прочтения выступает П.Я. Черных[18]. Он усомнился в прочтении первоиздателей как несоответствующем нормам русского языка (сочетания **ХЩ** и **ХШ** были невозможны) и предложил свое: **ГОРОУШНА,** прочитав предпоследний знак в надписи как лигатуру, в которой Х посажена на правую мачту Н, так как на левой мачте места для нее недостаточно. По его предположению, слова «горухща» в русском языке не было, а было слово «горуха» и производное от него: «горушица», «горушьно» (им., вин. падеж мн. числа ср. рода от прилагательного «гороушьно»[19]). В проч-

тении П.Я. Черных новым являлось, помимо определения исходного слова, признание лигатуры Ш + Н. По его мнению, слитное написание соседних букв наблюдалось в кирилловском письме с самого начала его существования (в древнерусских памятниках начиная с Остромирова евангелия), а в надписях следует ожидать использование лигатур еще в большей степени[20]. П.Я. Черных также определял надпись как кирилловскую (по букве Ш) и считал, что она обозначает содержание сосуда — горчичные зерна. Вопрос о целесообразности появления на тризне такого огромного количества горчичных зерен им не рассматривался.

Чтение, предложенное Д.А. Авдусиным—М.Н. Тихомировым, с поправкой П.Я. Черных, стало очень популярным. Появилась даже специальная статья Ю.М. Золотова, предложившего гипотезу о практическом применении зерен горчицы при погребальном обряде в Древней Руси[21]. Однако и новый вариант прочтения вызвал возражения лингвистов. Ф.В. Мареш отметил, что трудно поверить, что предпоследний знак представляет вязь Ш + Н, так как эти буквы могли быть связаны в последовательности Н + Ш, не говоря уже о том, что вязь в кириллице X—XII вв. встречается очень редко. Он предположил, что на гнёздовской корчаге написано два слова: **ГОРОУХ** (имя) ΥЛ (писал)[22].

Гипотеза писца Гороха. Однако этот вариант неубедителен, так как допускает начертание греческого («как кирилловского Ψ»[22]) и, во-вторых, предполагает утрату редуцированных звуков, то есть Ь или Ъ в конце слова и в слове «пьсал». И. Еленский специально рассмотрел первые три варианта прочтения надписи с точки зрения истории редуцированных, так как все перечисленные варианты предполагают их утрату. Он отмечает, что в древнейших русских памятниках очень последовательно передавались редуцированные гласные во всех позициях, дольше всего они удерживались именно в суффиксальных и префиксальных морфемах. Об исчезновении Ь в таком слове, как «горушьна», можно говорить не ранее конца XI в. Чтение Мареша также предполагает утрату редуцированных — в конце слова и в корне, в то время как в глаголе «писать», по мнению Еленского, можно говорить об исчезновении Ь в корне **pьs* только во второй половине XI в.[23] Так что в X веке такие явления еще не наблюдались.

Эти возражения очень существенны, так как для начала X в. трудно объяснить отсутствие глухих их утратой. Даже допускавшееся ранее некоторое «омоложение» надписи не объясняет пропуска редуцированных, поскольку в таком случае курган следовало бы датировать не ранее рубежа XI—XII вв. Теперь же, когда мы снова возвращаемся

к первоначальной датировке, это возражение относительно пропуска редуцированных становится еще более серьезным. И. Еленский приводит и несколько возражений лексического порядка. По его мнению, предполагаемое праславянское слово *gorьcica, *gorьk — не существовало в древнерусском языке, не было, вероятно, и слова *горуха* (горюха), так как единственный пример взят из списка XII в. с древнеболгарского оригинала. Это слово могло стать известным, по мнению И. Еленского, только после принятия христианства и распространения древнеболгарской литературы, т.е. не ранее XI в.[24] Против чтения Мареша И. Еленский возражает еще по одной причине: употребление глагола «писать» на глиняном сосуде без следов другого текста и всяких украшений маловероятно по смыслу. Однако это возражение несущественно, так как известно множество надписей такого содержания на стенах и предметах, без всякого другого текста. Но соображения его относительно редуцированных заслуживают пристального внимания.

Нефтяная гипотеза. Принципиально новое чтение и понимание надписи было предложено Г.Ф. Корзухиной. Она предположила, что в гнёздовской надписи допущена ошибка, а поскольку писец писал по твердому материалу, то он не мог ее исправить. Лишней оказывается либо буква Х, либо Ш, следовательно, должно быть написано либо «горуха», либо «горуща». Если принять первый вариант прочтения, то мы должны бы признать, что корчага использовалась для хранения не горчичного семени, а горчичного масла. Однако Г.Ф. Корзухина на основании того, что первой была написана буква «Х» и добавлено затем «щ», склоняется к чтению «гороуща», что должно обозначать что-то «горящее», горючую жидкость. Находки в Приазовье и Причерноморье амфор с остатками нефти из местных источников дали основание Г.Ф. Корзухиной высказать предположение, что в гнёздовской амфоре была привезена с юга нефть, а надпись — обозначение содержимого — именное причастие «горючая»[25]. Эта гипотеза о содержимом гнёздовской корчаги получила некоторое признание[26–27], однако Д.А. Авдусин решительно возражал против такого понимания надписи. По его мнению, нефть, привезенная в корчаге за сотни верст, обошлась бы слишком дорого, а нефтяной светильник вряд ли имел бы преимущества перед масляными. Предположение М.Г. Рабиновича, что привозную нефть использовали для изготовления греческого огня или разжигания погребального костра, также маловероятно, с точки зрения Д.А. Авдусина, так как, кроме корчаги с надписью, ни одного черепка подобного сосуда в Гнёздовских курганах нет. Следовательно, массовый завоз нефти под Смоленск и ее использование для освещения и т.д. маловероятны[28].

К настоящему времени в Причерноморье обнаружено множество (исчисляется сотнями) остатков амфор не только со следами нефти, но и с надписями: nafqa. Поэтому не представляется странным, что подобная корчага с аналогичной славянской надписью могла попасть и в Гнёздово, хотя широкое использование нефти предположить трудно. Прочтение Г.Ф. Корзухиной гораздо важнее не объяснением надписи, а именно прочтением «гороуща», что дало новое направление в ее исследовании. А.С. Львов, учитывая прочтение Г.Ф. Корзухиной, предложил свое, представляющее попытку объединить два наиболее общепринятых прочтения. По его мнению, сначала на корчаге было написано: **гороуща** и лишь позднее переправлено на **гороунша** (**гороунща**). При этом он допускает, что это слово могло восприниматься как в значении «горючее», так и «горчица», первоначально надпись была сделана для обозначения понятия «горючая жидкость», затем в целях уточнения ее переделали на «гороунша», чтобы передать старославянское «горунще» — горящее[29]. А.С. Львов предлагает и свой палеографический анализ надписи. По его мнению, начертания букв гнёздовской надписи отражают ту стадию развития кириллицы, когда в нее включались глаголические буквенные знаки для обозначения специфических славянских звуков, стилизованные под греческие унициальные буквы. Поэтому палеографические особенности надписи: «Щ» в строке, удлиненную вертикальную линию «А» и особенно круглое широкое «О» А.С. Львов объясняет влиянием глаголического письма. И. Еленский обращает внимание на противоречивость гипотезы А.С. Львова. Во-первых, вопреки мнению А.С. Львова, имеющееся в древнерусском словаре слово «горущьно, горющьно», если и могло быть переделкой древнеболгарского «горушьно», то оно не могло быть известным живой, народной речи, так как характеризовало церковный, литературный язык. Оно не могло быть образовано от субстантивированного причастия «гороуща» по той причине, что в древнерусском языке такого причастия не было, а было причастие «горя», «горячи» с вариантом «горя», «горючи»[30]. Затем И. Еленский отмечает, что если переделка надписи вызвана необходимостью передать древнеболгарскую форму **ГОРѬЩЕ**, то остается непонятным, чем яснее древнерусского славянину это слово, чем первоначальное «гороуща». Кроме того, так же справедливо указывается, что А.С. Львов в начале своей работы выражает несогласие с чтением П.Я. Черных, допускающего лигатуру, а позднее, без дополнительных объяснений, допускает наличие лигатуры Н + Ш (при исправлении надписи). Специальный абзац уделяется критике предположения А.С. Львова о влиянии глаголицы на графику гнёздовской надписи[31]. Искусственный характер такого сравнения

достаточно убедительно продемонстрирован И. Еленским, только нужно отметить, что следует он, вопреки его мнению, именно от умозрительного заключения, основанного на работах И. Гошева о постепенном развитии кириллицы путем включения в нее глаголических букв для передачи специфических славянских звуков. И. Еленский выражает свое согласие с этим положением, якобы доказанным И. Гошевым. Однако, как следует из пересмотра материалов преславской Круглой церкви, не существует ни одного фактического подкрепления гипотезы И. Гошева, так как все протокирилловские буквы фальсифицированы[32]. В то же время особенности начертаний гнёздовской надписи, а именно широкое «О», хорошо объясняются влиянием греческого унициала рубежа IX–X вв. и X в., как это отмечает И. Еленский и убедительно показали первые издатели надписи Д.А. Авдусин и М.Н. Тихомиров[33].

Гипотеза горилки. Новое прочтение Г.Ф. Корзухиной было принято некоторыми другими исследователями. О. Неделькович в работе, посвященной истории редуцированных, то есть Ь и Ъ, коротко отметила в ряду других примеров наличие декомпонованного юса, то есть Ѭ без I, в русской надписи «gorunsta»[34]. Из этого короткого замечания вытекает, что автор присоединяется к чтению **гороунша** (с лигатурой **Н + Ш**), но при этом сочетание ОУ + Н считается декомпонированным Ѭ древнеболгарского слова **ГОРѬЩЕ**, буква **Щ** дешифруется как древнеболгарское љt. Это прочтение было предложено, наверное, на основе положения, высказанного годом ранее В. Мошиным. Наиболее вероятным он считал прочтение **ГОРОУНЩА**, где группа ОУН может представлять одну из фаз декомпонирования старославянского (древнеболгарского) Ѭ. В. Мошин предположил, что в начале X в. у жителей Верхнего Поднепровья сохранялся элемент носового произношения. Смысл слова он объяснил как обозначение крепкого алкогольного напитка, домашней водки, по аналогии с современным польским – gorącza и украинским – горилка[35]. Это объяснение было бы вполне приемлемым, тем более что в русских источниках встречается термин «вино горелое, горючее, жженое», означающее водку, спирт. Однако этот термин отмечен только в поздних источниках, с XVI–XVII вв.[36] В более ранних источниках он, как и «водка»[37], не встречается. Древнерусские источники в качестве алкогольных напитков неоднократно упоминают вино, мед, а данных о винокурении не содержат. Таким образом, толкование В. Мошина не подтверждается лексическими и историческими данными.

Критика чтения ГОРОУНША. По поводу наличия декомпонированного носового звука И. Еленский пишет, что О. Неделькович (чте-

ние В. Мошина ему, очевидно, осталось неизвестно) сопоставляет письменно зафиксированные данные разных славянских языков, в то время как носовые гласные имели различную судьбу в каждом отдельно взятом славянском языке. Относительно древнерусского языка установлено, что носовые исчезли еще в середине IX в., и их исчезновение хорошо отражено у Константина Багрянородного. Другие же примеры (латинские и греческие) давно истолкованы исследователями как свидетельство сохранения носовых до начала X в. в некоторых сербских говорах. Таким образом, и в гнездовской надписи логичнее предположить передачу «носового» звука группой «оун», чем стадию декомпонирования носовых гласных. И. Еленский добавляет также, что чтение О. Неделькович зачеркивает все надежды интерпретировать гнёздовскую надпись как русскую, отводя ее к древнеболгарскому источнику[38]. Действительно, при таком прочтении — наличии носового звука, группы љt (Щ), — понимание слова как «gorunљta», древнеболгарского причастия от глагола «гореть», указывает именно на болгарский источник надписи. Можно было бы согласиться с таким прочтением и считать надпись на привозном сосуде древнеболгарской, если бы таким путем снимались все возражения, и текст получил бы полное объяснение. Но и такое прочтение отнюдь их не снимает. Прежде всего приходится признать наличие в надписи лигатуры (N + Ш), что мало вероятно для такого раннего времени. Затем, если текст — болгарский, то логичнее всего ожидать вместо группы ОУН написание Ѫ, специально предназначенного для передачи носового звука. Написание ОУН на месте предполагаемого носового скорее говорит о том, что писец не знал этой буквы и передал носовой звук подходящим сочетанием (как в латинских грамотах). Затем многие авторы выражают сомнение в наличии буквы Щ (љt) в первоначальной кириллице. В древнейших кирилловских рукописях (Саввиной книге и Супрасльской рукописи — X–XI вв.) используется сочетание *шт*[39].

Таким образом, и обращение к древнеболгарскому источнику не только не снимает спорных моментов, но ставит перед исследователями новые вопросы.

Гипотеза ГОРЯЧИХ ЩЕЙ. Тут я выхожу за пределы обзора И. Еленского к весьма свежей гипотезе. Ее высказал горячий энтузиаст эпиграфики, бывший разведчик, которому приходилось шифровать донесения, а ныне пенсионер Александр Григорьевич Егурнов. Его взгляд на ситуацию таков: «*До сих пор нет единого мнения о том, что в действительности говорится в надписи на корчаге и о чем говорят другие знаки, начертанные на ней. Ими являются: латинская буква N и 4 параллельные черточки, начертанные парами, одна*

над другой. Что касается самой надписи, то начальные буквы— ГОРО, не вызывают сомнения в своем значении; буква, по виду У, трактуется по-разному; совмещенные буквы— латинская буква **N**(*АШ*) *и буква — по виду буква кириллицы Щ, но с удлиненной средней черточкой— тоже вызывают различные трактовки. В результате этого, как уже упоминалось выше, допускались различные прочтения: «гороухща», «гороушна» и другие. Учитывая, что в древности надписи писались лаконично, с неоднократным использованием одних и тех же букв, а также совмещением их, надпись читается ГОРОЦ НА ЩА, то есть ГОРЯЧИЕ ЩИ (в польском языке слово ГОРЯЧЕЕ звучит как ГОРОНЦЕ). В данном случае, по сравнению с польским, произведена перестановка буквы Ц, значит, это слово не польское, а близкое к нему по звучанию и адекватное по смыслу. В X веке в пограничных с Польшей местностях, по-видимому, в отличие от польского, ГОРЯЧЕЕ звучало не ГОРОНЦЕ, а ГОРОЦНЕ. Что же касается отдельных знаков, нанесенных на корчаге, то мы видим отдельную латинскую букву* **N** (*АШ*), *а чуть поодаль— 4 параллельных черточки, начертанные парами, одна над другой (4 единицы). Таким образом, полностью гнёздовская надпись читается* ***ГОРОЦНА ЩА НА 4 ЕДНОКА****, что соответствует современному звучанию ГОРЯЧИЕ ЩИ ДЛЯ ЧЕТВЕРЫХ ЕДОКОВ*»[40].

В этом чтении смущает сразу несколько моментов. Во-первых, откуда взялось слово ЕДНОКА, если знаки, его образующие, ни разу не упоминались А.Г. Егурновым. Во-вторых, откуда взялся предлог НА перед цифрой 4, ибо и об этом знаке или знаках речи не было. В-третьих, насколько известно, первые блюда возникли в Новое время как некий рационально-экономный способ питания, когда остатки от предыдущей трапезы клались в бесплатную воду и там варились; в X веке дело с питанием обстояло лучше, и ЩИ, видимо, еще не были изобретены, как и остальные первые блюда. Кроме того, форма ЩА вместо ЩИ не зафиксирована ни одним источником. Наконец, как справедливо заметил и сам эпиграфист, форма ГОРОЦНА не является ни русской, ни польской; неизвестна она и ни в одном диалекте русского или польского языков. Получается, что из 4 слов надписи 2 придуманы самим эпиграфистом, одно является анахронизмом, а оставшееся, хоть и выглядит славянским, не является ни русским, ни польским. Что же касается цифры, то она может быть просто чтением случайных царапин. Во всяком случае, ясно, что даже если предположить, что порция щей составляет где-то около половины литра жидкости, на 4 едоков требуется всего около двух литров, тогда как емкость корчаги из Гнёздово — несколько десятков литров. В таком случае порция горячих щей

на четверых только закроет дно, и жидкость начнет испаряться в окружающее свободное пространство корчаги. А тогда их сохранить горячими не будет никакой возможности. Так что чтение Егурнова не удовлетворяет ни эпиграфике, ни истории культуры, ни элементарным представлениям о назначении сосуда.

Гипотеза ГОРУНА. Особняком от перечисленных вариантов прочтения стоит расшифровка гнёздовской надписи, предложенная Р.О. Якобсоном. Автор подошел по-новому к ее чтению, предположив, что спорный знак надписи представляет собой букву Н с диакритическим знаком йотации, прочел надпись как родительный падеж принадлежности славянского личного имени Горун-gorunja-**гороун'а**[41]. Имя Горун засвидетельствовано славянскими источниками, наличие имени владельца на корчаге объяснимо, такое прочтение снимает противоречия лексического или грамматического порядка, поэтому этот вариант получает признание, особенно среди филологов. В. Кипарский, полностью присоединяясь к прочтению Р. Якобсона, развивает его мысль дальше и считает, что все буквы надписи — греческие и, следовательно, если письменность на Руси существовала до христианизации, то она была греческой[42].

А.А. Медынцева отмечает также, что ряд дополнительных аргументов в поддержку чтения Р. Якобсона были недавно высказаны О.Н. Трубачевым[43]. Он объяснил отвердение р' палатального (то есть РЬ) особенностью смоленского говора и высказал твердое убеждение, что смоленская надпись носит явно славянский характер и принадлежит архаической кириллице. По поводу необычного знака для обозначения мягкости согласного Трубачев высказал предположение о том, что он ведет свое происхождение не от кирилловской традиции, а от глаголической (так называемый гачековый способ). Эпиграфистка отметила, что при всей новизне и привлекательности такого объяснения, связывающего гнёздовскую надпись с древнейшей кирилло-мефодиевской письменной традицией, оно пока не подтверждается графическими материалами: первые знаки мягкости появились в чешском письме значительно позже, во времена Яна Гуса (XV в.), и были они простыми точками. От себя добавлю, что диакритические знаки в целом кириллице не свойственны, она предпочитает вводить или новые буквы, или лигатуры, поэтому я не вижу в данной гипотезе никакой привлекательности.

Отметим, что эту точку зрения А.А. Медынцева разделяла за три года до написания более обстоятельного обзора, дав его краткую версию, которую закончила такими словами: «*Если надпись отнести к содержимому корчаги, то скорее всего она должна обозначать гор-*

чичное масло. Но больше оснований предположить, что на корчаге записано имя владельца — Горуна, Горунши. Сакральность обычая разбивать принадлежавший умершему сосуд при насыпке кургана позволяет предположить, что в кургане №13 был похоронен владелец корчаги (Горун?), воин-купец (в составе погребального инвентаря находятся и весы), ходивший в далекие торговые экспедиции по пути «из варяг в греки»»[44]. Вообще говоря, данный выбор для такого крупного эпиграфиста, как А.А. Медынцева, был странным; судя по тому, как критично она подошла к оценке гипотезы болгарского академика Ивана Гошева по поводу протокириллицы, она не склонна присоединяться к чужому мнению, пока не потрогает все собственными руками и не выработает собственного взгляда. Вероятно, в этом случае у нее просто не было времени для надлежащего вхождения в проблему. Поэтому ее последующий демарш и отсутствие ссылки на процитированную публикацию можно считать оправданными. Продолжим рассмотрение ее аргументации.

На ее взгляд, и чтение Р. Якобсона тоже не объясняет всех особенностей надписи. Прежде всего, как отмечает И. Еленский, нельзя согласиться с наличием знака мягкости в виде поперечной черточки с двумя вертикальными чертами (как буква Ш) на правой мачте «Х». «*Этот «знак» не совпадает ни с одним из знаков мягкости, известных славянской палеографии*»[45]. Более того, представляется весьма проблематичной возможность использования диакритического знака в надписи на корчаге, относящейся к тому же к началу X в. Даже древнейшие славянские рукописи содержат крайне ограниченное количество надстрочных знаков и лишь в немногих случаях они указывают на фонетические особенности. К таким звуковым особенностям относится обозначение мягкости согласных, что встречается в Супрасльской рукописи, Хиландарских листах, Изборнике 1073 г. и некоторых других[46]. Однако эти значки имеют вид небольшой дуги или крючка и ничем не напоминают знак на правой мачте N гнёздовской надписи. Трудно представить, чтобы изысканный графический прием использовался в «бытовой» надписи. Скорее мы могли бы ожидать написания **ГОРОУNІѦ** (кирилловский вариант) или GOROUNIA (запись греческими унциальными буквами). Следовательно, и в этом варианте чтения мы должны допустить наличие необычного диакритического знака для передачи йотированного звука.

Таким образом, ни один из предложенных к настоящему времени вариантов прочтения нельзя признать удовлетворительным, хотя, кажется, испробованы все возможные комбинации. К приведенным выше вариантам можно добавить еще лишь один, при котором шестой знак рас-

шифровывается как лигатура N + ш, соответственно порядку начертания букв. При таком прочтении получаем имя с окончанием на -ша: «ГОРОУNША», производное от имени Горун[47]. Имена на -ша (Ратьша, Путьша) встречаются уже в самых древнейших летописных текстах и эпиграфике первой половины XI в. — Словиша, Людоша. Такое прочтение допустимо по графике (лигатура в обычном порядке N + ш) и смыслу, но не может считаться удовлетворительным по тем же причинам, что и чтение «ГОРОУNША»: мы должны признать наличие лигатуры и пропуск глухого, что трудно допустить для начала X в., хотя к настоящему времени «бытовые» надписи иногда дают несколько иную картину фонетических и графических процессов, чем канонические рукописи. Нужно отметить, что примеры лигатур в надписях, относящихся к X в., все же имеются. Прежде всего мы должны вспомнить о старославянской Варошской надписи, датированной 996 г.[48] В надписи, вырезанной на камне, сообщается о смерти епископа (или попа) Андрея 17 февраля 6504 г. (996), изобилующей титлами и выносными буквами, встречаются и лигатуры, в том числе **N+Р+Н**, **А+У+Р**. Но аналогии этой надписи не слишком надежны, прежде всего потому, что она сохранилась лишь в прориси, к тому же некоторыми другими исследователями относилась к 1016 г. Таким образом, как датировка, так и начертания некоторых букв вызывают сомнения, поскольку не находят аналогий в других славянских надписях X в. (древнеболгарских), сохранившихся в подлиннике. Все же, если и можно допустить наличие лигатуры с некоторыми оговорками, ссылаясь на пример Варошской надписи и новгородской конца X в. (см. с. 209), то гораздо труднее объяснить при этом еще и пропуск глухого.

Шестой знак надписи. Нетрудно заметить, что разночтения вызывает истолкование шестого знака гнёздовской надписи: одни исследователи предлагают читать его как лигатуру двух букв, другие считают, что предшествующие ОУ плюс этот знак передают декомпонированный носовой звук, третьи — как букву Н со знаком мягкости необычной формы, некоторые — как ошибочное написание.

Строго говоря, этот знак, , не находит близкого соответствия ни в кириллице, ни в греческом письме: необычно, как это уже отмечалось исследователями, начертание N или X (при первом варианте прочтения) и Ш тоже необычной формы, если согласиться с наличием этой буквы, не говоря уже о лигатурном прочтении. Для А.А. Медынцевой больше всего шестой знак (именно так мы его должны воспринимать, если судить по расстоянию между буквами) напоминает некоторые тамгообразные знаки, встречающиеся в Причерноморье и Хазарии[49, 50], где она находит в них почти полное соответствие. Все

варианты расшифровки предполагают либо пропуск глухого звука и наличие лигатуры, либо присутствие необычного графического знака вместо йотированной буквы, либо передачу носового звука не специально предназначенной для него в кириллице буквой, а сочетанием графически необычным. Однако, несмотря на новизну такого подхода, А.А. Медынцева даже приблизительно не предполагает, что эти знаки могли бы означать и для чего они вставлены в текст, так что чтением такое предположение назвать нельзя. Наличие нескольких предположений как раз и указывает на бессилие эпиграфиста.

Надпись как ранняя кириллица. Возможные допущения при расшифровке касаются специфически славянских звуков: или пропуска глухих, или передачи носового, или йотированного звуков. Бесспорным для многих эпиграфистов остается положение, что надпись славянская, представляющая скорее всего производное от «ГОР**Ѣ̌**ТН». Поэтому для них выглядит логичным предположение Л.П. Жуковской, что она представляет собой вариант «неустроенного» славянского письма, когда для передачи славянской речи использовалось письмо или греческое, или вариант кириллицы, где уже был знак Ш или Щ, но еще отсутствовали глухие или носовые[51]. Л.П. Жуковская также допускает, что софийская азбука представляет собой вариант славянизированной греческой азбуки и делает попытку применить ее к прочтению надписи на корчаге из Гнёздова, делая следующие допущения: 1) что диграф ОУ означает славянский звук «У» без обозначения мягкости предыдущего согласного, 2) что набор линий, которые исследователи читают как **ХЩ** или **NЩ,** передает восточнославянский **Y**, для которого еще не было придумано особой буквы, 3) что слово «горюча» представляет собой субстантивированное существительное в предметно-собирательном значении типа «чернила», «румяна» и т.д.[52] Как видим, и эти допущения касаются специфически славянских звуков, таким образом, объяснение надписи как варианта «неустроенного» славянского письма вытекает из этих особенностей. К сожалению, это предположение до тех пор, пока не будут найдены другие надписи этого типа, остается лишенным фактического подтверждения. А я от себя добавлю, что для буквы **Y** не нужно было придумывать особого знака, поскольку в рунице такой знак уже давно существовал и передавал слог ЧА. Так что никаких ухищрений, придуманных Л.П. Жуковской, для передачи звука Ч не требовалось, он перешел в кириллицу прямо из руницы. Кроме того, мне пока еще не встретилось ни одного текста, выполненного репертуаром софийской азбуки. Возникает впечатление, что это нововведение киевлян не получило никакого распространения.

Трактовка как N. Возможно, полагает А.А. Медынцева, что знак означает только букву N, превращенную автором надписи в тамгу — знак собственности. В таком случае имя читается: ГОРУНА, т.е. *корчага Горуна*. Такое чтение снимает все противоречия фонетического и лексического характера. Подкрепляется оно и наличием в текстах на корчагах знаков собственности. При таком прочтении следует признать, что знак собственности включен в надпись из-за сходства с буквой N. Это предположение подтверждается более крупными размерами этого знака по сравнению с другими буквами. Скорее всего на амфоре был начерчен знак , и лишь затем он был включен в имя «ГОРОУНА» или «ГОРОУН'А». Знаки собственности на корчагах встречаются гораздо чаще, чем надписи, но единственный случай включения знака в текст представляет до сих пор неизданная и полностью не прочитанная надпись IX–X вв. на известковом блоке из монастырского комплекса близ с. Равна (Болгария), где знак собственности включен в слово «аминь» вместо М. Но другие случаи включения тамгообразных знаков в текст не известны.

Здесь я вынужден вмешаться с резким возражением, ибо слово «тамга» в 90% случаев обозначает не знаки собственности, а слоговые значки руницы, то есть читаемый текст. По сути дела вся эта книжка посвящена (в терминологии А.А. Медынцевой) «*включению тамгообразных знаков в кирилловский текст*».

Далее А.А. Медынцева переносит в свою новую работу уже процитированный выше текст из прежней работы, но идет дальше. Сакральность обычая разбивать сосуд, принадлежавший умершему, при погребении широко засвидетельствована славянской этнографией. Из этого следует, что в кургане №13 был похоронен владелец корчаги — Горун (?), воин-купец (в составе погребального инвентаря находились и весы), ходивший в далекие торговые походы по пути «из варяг в греки»[44]. Корчага стандартной вместимости также была необходима ему при торговых операциях. Против такого понимания надписи говорит то обстоятельство, что в древних славянских языках, в отличие от современного русского, отношение принадлежности выражалось не родительным падежом, а притяжательным прилагательным. Это подтверждается материалами берестяных грамот и надписей. Древнейший бесспорный пример использования конструкции с родительным падежом в берестяных грамотах относится к концу XIII в., хотя случаи возможного двусмысленного толкования известны с XI–XII вв.[53] Не исключено, что в разговорной речи использование родительного падежа для обозначения принадлежности появилось гораздо раньше, чем это засвидетельствовано письменными памятниками. Кроме того, мож-

но допустить, что слово Гороуна — женское имя в им. п. ед. ч., указывает на принадлежность корчаги женщине, но сакральность обычая разбивать при погребении сосуд, принадлежащий именно владельцу (считается, что женщины, погребенные со знатными воинами, были рабынями), говорит против такого предположения.

Объективные трудности. Отсутствие материала для сравнения делает пока невозможным аргументированный палеографический анализ, полагает А.А. Медынцева. Можно присоединиться к авторам (Д.А. Авдусин, М.Н. Тихомиров, И. Еленский), находящим аналогии в греческом унциале IX–X вв. («широкоформатное» О в некоторых древнеболгарских надписях X в. (надпись Самуила 993 г.), Р с маленькой головкой). Необычным для памятников такого типа является написание «ижицы» и «А» с длинным хвостом, выходящим за линию нижней строки. Обычным для надписей X в. (как славянских, так и греческих на славянской территории) является написание «малоформатных» ИЖИЦЫ и А. Особенно это наблюдение касается последней буквы. Впрочем, она встречена один лишь раз и поэтому не исключено, что длинный «хвост» буквы получился у писца случайно. Форма этой буквы в гнёздовской надписи, как отмечает и А.С. Львов, несколько отличается от формы, отраженной в прориси первоиздателей. Эта же прорись обычно публикуется и в других работах. На самом деле она имеет несколько иные начертания, чем изображается обычно на снимках, но эти изменения касаются не формы головки, как это считал А.С. Львов, а правой черты, которая в действительности продлена немного вверх. Таким образом, петля буквы примыкает к вертикальной черте, немного отступив от начала. Несколько иная форма «А», где петля и спинка смыкаются под углом, появилась под влиянием ретушированной (при издании) фотографии, где ретушью этот отрезок черты выделен не был и исчез при печатании. Форма этой буквы ближе к тем, какие обычно встречаются в надписях X в. Аналогию представляет «А» второй строки греческой надписи Али-ата Стратилата из Круглой церкви в Преславе[54, 55]. Но другие буквы «А» этой надписи помещаются в строке. Более близкие аналогии не известны, отмечает А.А. Медынцева.

Свидетельство бессилия эпиграфистов. Эту часть работы А.А. Медынцевой я передам как прямое цитирование: «*Графические особенности надписи, не позволяющие пока ее достоверное прочтение, не позволяют и дать ее окончательное толкование. Вероятно, меньше всего данных считать, что в амфоре хранились горчица или какая-либо другая пряность. Другие надписи (см. ниже) недвусмысленно указывают, что в таких амфорах на Руси хранилось чаще всего вино, а иногда масло. Если надпись отнести к содержимому корчаги, то скорее*

всего она обозначает горчичное масло[56]*. Но больше оснований предположить, что на корчаге записано имя владельца — Горуна, Горунши.*

Так или иначе, до тех пор, пока не появились новые данные, нужно констатировать факт, что Гнёздовская надпись — славянская, написана в начале X в. письмом с определенными графическими особенностями, не находящими в настоящее время однозначного объяснения»[57]. Полностью соглашаясь с таким выводом, я, однако, полагаю, что такие новые данные я уже предоставил; и, хотя сейчас я пошел дальше прежнего чтения, нахожу, что и оно заслуживает того, чтобы быть представленным в историографии дешифровки данного текста. Эти новые данные — **обязательное включение в тексты X века знаков руницы.**

Гипотеза «горячей каши». Мое первое небольшое сообщение в сборнике МГУ было посвящено кирилловско-слоговому чтению древнейшей русской надписи X века из Гнёздова, так называемой ГОРОУШИ[58] (рис. 174). Для понимания смысла текста необходимо проанализировать содержимое кан (хотя этот сосуд часто считают амфорой или корчагой, на нем стоит знак N, знак каны). Обломки кан X–XI вв. со знаками я скопировал из работы С.А. Плетневой[59] — они показаны на рисунке на позициях 2, 3, 4, 5. Я их читаю: МАСЛО, МОЛОКО, КАШЕ (КАША) и КЪШЬ (КАША). Так что в канах хранили не только масло и молоко, но и жидкую кашу (видимо, типа манной). Кстати, знак позиции 5 очень похож на конец надписи из Гнёздова. Тем самым, как мне показалось, вопрос о чтении решается в принципе: надпись смешанная.

Можно представить, что текст наносился в два этапа. Вначале появилась лигатура слоговых знаков N и Ш, что означало слово КАША (КАШЬ). Затем решили дописать второе слово буквами кирил-



Рис. 174. Мое первоначальное чтение надписи на корчаге и черепках других сосудов

лицы, слово ГОРЯЧА. Однако при этом сделали две ошибки: под влиянием слогового письма для передачи слога РА или РѦ писец использовал слог РО (в слоговом письме РА, РѦ и РО не различаются), а вместо кирилловских букв ЧА удовольствовался слоговым знаком ЧА, похожим на букву У. Так что начертание ГОРОУ означает ГОРЯЧА. И закончил добавлением к слогу ШЬ буквы А для чтения КАША (а не КАШЬ). Итак, древнейшая русская надпись есть надпись смешанная, и она гласит: ГОРЯЧА КАША. Она соответствует и здравому смыслу, и надписям на других сосудах. Так я полагал в 1998 году[58].

Сейчас, однако, не отказываясь от того, что надпись смешанная и что надо читать почти половину ее как знаки руницы, я нахожу, что тогда поступил половинчато, будучи в определенной степени подвержен полемике, разгоревшейся вокруг кирилловской части надписи. И не устраивает меня именно то, что я предположил, что на кане начертан содержащийся в ней предмет. Для КАШИ сосуд великоват так же, как и для горчицы; перетаскивать кашу с места на место в таких масштабах — вещь довольно сомнительная, а чтение ГОРОУ как ГОРОЧА все-таки является большой натяжкой. Но главное — у меня не было под рукой полной картины всех знаков амфоры, и я находился в неестественных для эпиграфиста условиях. Поэтому теперь следовало искать иное решение.

Гипотеза распорядительной надписи. Честно говоря, пока не было хороших фотографий самой надписи, говорить о каком-либо точном чтении было весьма опрометчивым. Поэтому я весьма благодарен А.А. Медынцевой за очень контрастное и крупное воспроизведение надписи, сделанное ею в работе 1998 года[60] (рис. 175). На этой фотографии вид-



Рис. 175. Гнездовская надпись с более высоким разрешением

ны не только те знаки, к которым привыкли исследователи, но и по меньшей мере еще две надписи, о которых почему-то никто не сообщал (вот оборотная сторона полемики: введя в обсуждение только крупные знаки, исследователи забыли, что существуют и более мелкие). Одна из них, расположенная выше прочерченной и гораздо мельче ее, скорее всего наносилась очень слабо, возможно керамическим черепком, и потому едва заметна; она до некоторой степени повторяет основную надпись и потому может быть существенным подспорьем в ее истолковании. Другая же надпись заметна и расположена между привычной надписью и знаком N — она содержит не очень отчетливый знак М, затем с большим трудом виден глубокий и потому весьма черный вырез в виде L и, наконец, еще правее — знак ᛏ, который тоже скорее угадывается, чем различается. Еще правее — опять чередование знаков М и L, поднимающихся вправо вдоль трещины и находящих свое завершение в едва заметном знаке N, расположенном под буквой У, правее и на одном уровне с низом ее хвоста. Очевидно, что эти три надписи ускользнули от внимания исследователей.

Конечно, при сканировании этого изображения невозможно добиться той же степени четкости и контрастности, но все же верхняя надпись и некоторые части нижней становятся видными. Воспроизвожу прорись видимых мне надписей на специальном рисунке (рис. 176). При этом наблюдаю еще одиночный знак в виде N внизу. Вполне возможно, что на амфоре существуют и еще какие-то знаки, и даже справа от самого правого Н угадывается нечто вроде К и N, а внизу вроде бы есть еще парочка знаков в виде М, но в этом я не уверен. Единственно, что я могу сказать, так это то, что менее глубоко прочерченных знаков, а также знаков от следов краски на данной корчаге гораздо больше, чем тех знаков глубокой прорези, которые в свое



Рис. 176. Прорись надписи на гнёздовской корчаге

время выявил Д.А. Авдусин, и нужны хорошие фотографии для их выявления.

Теперь есть возможность прочитать данные надписи (рис. 177). Вначале – отдельно стоящая буква N, которая читается **КАНЪ** или **КАНА** (эти слова я уже читал многократно в разделе о забытых русских словах). Есть и надпись КАНЪ покрупнее – она самая правая. Затем я читаю две нижние надписи как **МОЛОКО** и **МОЛОКА**. Уже эти две надписи снимают такие прежние чтения, как ГОРЧИЦА, ГОРЮЧАЯ, ГОРЕЛКА, НЕФТЬ и КАША, поскольку тут хранилось молоко. Верхняя надпись читается **КАНЪ ЯТЪ**, то есть *КАН ВЗЯТ, ОПУСТОШЕН*. Возможно, что где-то должна быть следующая надпись типа ЛЕЙ, НАЛЕЙ, ЗАЛЕЙ. И действительно, мы находим эти слова на основной надписи в виде лигатуры.

Если рассмотреть центр лигатуры основной надписи, то она образует слоговой знак ЛИ. Ее правая половинка образует знак ЗА, левая – знак ЛО. Еще левее, образуя лигатуру со слоговым знаком ЛО, находится знак ТЕ. Таким образом, лигатуру можно прочитать как слово ЗАЛИТЬ, но еще имеются знаки руницы ЛО слева и КА справа.

Теперь можно прочитать всю надпись. Сначала читаются буквы кириллицы, ГОРО, а затем – знак руницы ЛО. Потом – ЗАЛИТЬ. Наконец, знак руницы КА, потом букву Н наверху его правой мачты и, в заключение, самую правую букву А. Итак, получается надпись **ГОРОЛО ЗАЛИТЬ КАНА** (*ЗАЛИТЬ ГОРЛО КАНА*). Надпись ГОРОЛО в качестве ГОРЪЛО вполне соответствует надписи НАСТОКИНО в смысле НАСТЪКИНО, то есть начертание РО вместо РЪ отражает неразличение этих слогов в письме руницей. Слово КАНЪ на этой амфоре в данном случае повторено в четвертый раз, и оно вполне согласуется с предшествующей надписью КАНЪ ЯТЪ в смысле КАН ПУСТ. Раз КАН ПУСТ, стало быть, требуется его залить. При этом

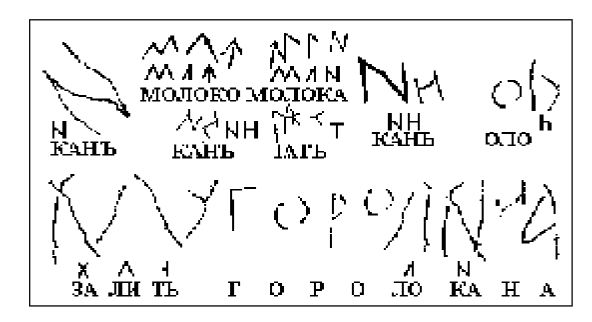


Рис. 177. Мое чтение второстепенных и основной надписи корчаги из Гнёздово

надпись требует заливки по самую пробку, включая горловину. Так что никаких внутренних противоречий эта надпись не содержит. Неоднократность употребления слов КАНЪ и МОЛОКО означает, что надписи со временем стирались, и их требовалось возобновлять. Я могу предположить, что слово КАНЪ в данном контексте означало ТОЛЬКО КАН, ПОСУДА и, следовательно, являлось требованием заливки. После заливки надпись КАНЪ стирали и писали МОЛОКО или КАНЪ МОЛОКА. Так было дважды. На третий раз начертали: КАНЪ ЯТЪ. И после этого появилась надпись, вызвавшая столько трудов при ее чтении: ГОРОЛО ЗАЛИТЬ КАНА. Но теперь залили в последний раз, ибо, выпив содержимое, данную посуду разбили при насыпке кургана.

Как видим, опять перед нами несколько разных надписей, соответствующих разным периодам внедрения кириллицы в русскую письменность. На первом этапе существуют чисто руничные надписи в виде крупных лигатур. На втором этапе надпись должна была бы выглядеть как руничная линейная, однако мы нигде не видим следов такого написания. Зато на третьем этапе надпись носит смешанный рунично-кирилловский характер, что мы и видим. И мы знаем, что этот период продолжался от середины X до конца XI века. К тому же кириллица здесь дана вразрядку, с частичной фрагментацией букв (факт, который нами был отмечен для руницы; аналогичный факт для кириллицы известен не был). Слово ГОРОЛО может иметь два чтения, оба смешанных, но по одному, уже рассмотренному здесь, последний слог ЛО оказывается образован из слога ТЬ надписи ЗАЛИТЬ, и из левого фрагмента знака ЛИ руничной лигатуры. Согласно второму чтению, последний слог ЛО образован вертикальной трещиной, диагональным отростком и самой левой диагональю слоговой лигатуры. Я этот случай поместил на рисунке своего чтения справа вверху как сочетания буквы О со слогом ЛО.

Эта наиболее ранняя русская надпись по-своему весьма интересна. Прежде всего, она состоит из нескольких слов, а не одного-двух: двух слов МОЛОКО, из пяти слов КАНЪ и из слов ЯТ, ЗАЛИТЬ и ГОРЛО — всего из 10 слов. Прежде же исследователи читали максимум одно, очень редко — два. Таким образом, эпиграфисты видели в лучшем случае пятую часть реального текста. Далее, оказывается, что в данном сосуде находилась не ГОРЧИЦА, не НЕФТЬ, не ГОРИЛКА, не ЩИ, не КАША, а МОЛОКО. Так что кан имел самое простое бытовое назначение. Именно поэтому оба слова начертаны руницей. Да и вообще, на 7 букв кириллицы (ГОРО из слова ГОРОЛО, НА из слова КАНА и Я из слова ЯТЬ) приходится 17 слоговых знаков — вдвое больше.

Это означает, что **наиболее древняя кирилловская русская надпись была встроена во вдвое более крупный текст руницы**. А из этого следует не менее важный вывод о том, что **кирилловские надписи X века без знания руницы читать и понимать невозможно**. Так можно объяснить, почему за полвека самые крупные слависты, бравшиеся за интерпретацию этой надписи, не могли дать удовлетворительного чтения и толкования. Ситуация неопределенности может продлиться как угодно долго без привлечения к чтению руницы.

Представляет интерес выяснить, почему слова содержат буквы кириллицы. Это, во-первых, слово ЯТЪ, которое пишется через йотованный ЮС МАЛЫЙ. Без этой буквы запись руницей /Т можно прочитать и УТЪ, и ОТЪ, и ИТЪ, и ЕТЪ, так что кириллица дает гораздо большие возможности. С другой стороны, написано слово ГОРОЛО, которое при записи ГИL может иметь разные чтения типа КОРАЛЪ, КОРОЛЬ, ГЪРАЛО, ГОРАЛЪ и т.д. Надпись ГОРОЛО дает более точную запись. Наконец, подпись двух последних букв НА в надписи КАНА определяет родительный падеж, тогда как при надписи NH чтение может быть двояким: и КАНЪ, и КАНА. Поэтому если более ранние начертания слова КАНЪ делались руницей, в последней надписи для слога НА применены буквы. Но буква Н имела столь низкую перекладину и была так вытянута по горизонтали, да заодно и скошена, что эпиграфисты ее не узнали. К тому же она была надета на вертикальную линию, что и обусловило ее чтение как Ш.

Итак, без знания руницы эпиграфисты смогли правильно прочитать только 5 букв, ГОРО и А, из, по крайней мере, 37 современных букв данной надписи (на самом деле их, вероятно, намного больше). Но по ним они не смогли определить подлинного смысла надписи, выдвигая самые фантастические предположения. Надеюсь, теперь, узнав, что в кане находилось молоко, причем неоднократно, можно предположить, что поток гипотез закончится и на дешифровке данной надписи можно будет поставить точку. Залив сосуд в последний раз, его разбили, так что новой надписи о том, что он пуст, не сделали.

Прежде чем перейти к рассмотрению следующего древнейшего памятника русского письма, приведу полную надпись в том порядке, который, как мне кажется, отражает последовательность заливки сосуда и потребления из него молока: **КА(НЪ)** (иными словами, ПУСТ); **МОЛОКО** (ЗАЛИТ); **КА(НЪ)** (ПУСТ); **КАНЪ МОЛОКА** (ЗАЛИТ); **КАНЪ ЯТЪ, ЗАЛИТЬ ГОРОЛО КАНА** (ПУСТ). Все эти бытовые записи не несут в себе никаких противоречий по поводу еров (Ь и Ъ), шипящих или палатальных (смягченных) звуков. Надписи стандартны, весьма банальны, и приведенные выше замечательные доводы

лингвистов кажутся странными рассуждениями по довольно никчемному поводу. Вместе с тем они великолепно иллюстрируют тезис замечательного методолога науки Томаса Куна о том, что чем больше неверная парадигма пытается отстоять свое право на существование, чем точнее она пытается объяснить очередное открытие, тем плачевнее получается результат. В одном разделе мы уже встречались с псевдоименами типа СЕЛЯТА, БЫЛЯТА, БЛЯТА и даже ОСКАЬ — и все они получились в результате игнорирования руницы. Теперь ГОРЛО КАНА стало ГОРУХШЕЙ, ГОРУШНОЙ, ГОРИЛКОЙ, ГОРУНОВЫМ ПИСАНИЕМ, только не тем, чем надо. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что если будет найдена еще более древняя надпись, содержащая некоторые буквы кириллицы, то ее чтение будет еще более разнообразным и затейливым, но абсолютно неверным. Впрочем, и данный памятник, на котором эпиграфисты блестяще продемонстрировали свою эрудицию, но так и не смогли дать верного чтения из-за ложной презумпции о кирилловском характере этой да и любой древнейшей надписи, достаточно впечатляет.

Полагаю, что такой печальный урок следует запомнить, чтобы сразу же иметь в виду наличие руницы в любой древнейшей надписи, сколь бы она ни казалась кирилловской по виду.

Надпись на амфоре из Тмутаракани. А.А. Медынцева сообщает, что эта надпись, очевидно, не менее важная для истории русской культуры, чем предыдущая, осталась почти незамеченной. Сам текст, вернее, фрагмент его, обнаружен на обломке массивной ручки амфоры при раскопках древней Тмутаракани экспедицией под руководством Б.А. Рыбакова в слоях X в.[61] (рис. 178). Местонахождение фрагмента в настоящее время неизвестно. Сохранилась фотография в отчете Таманской экспедиции за 1952–1953 гг.[62] Сохранились только три буквы надписи: ...**БЛТ**. Перед буквой Б виден небольшой штрих от предшествующей буквы, это могла быть В, Z, С, Г, Р или какая-либо другая буква, сейчас сказать трудно. Важно отметить, что сохранившиеся буквы — конец какого-то слова. Насколько можно судить по фотографии, массивная плоская ручка принадлежала амфоре «с воротничком». В Саркеле амфоры такого типа появляются в конце хазарского — начале русского периода, т.е. во второй половине X в.[63] Неизвестно, что

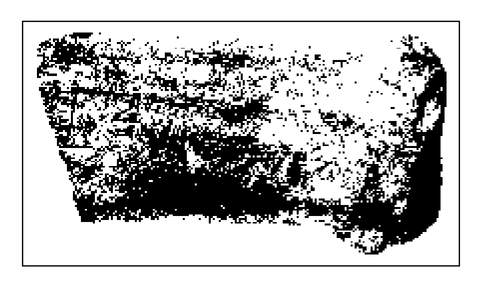


Рис. 178. Рисунок на ручке амфоры из Тьмутаракани

означают эти буквы, но наличие буквы «Б» и стратиграфия позволили Б.А. Рыбакову говорить о русских надписях в Тмутаракани X в. Действительно, буква Б — одна из особенностей кирилловского алфавита, передающая специфически славянский звук. Однако исследователи уже давно отметили, что в некоторых греческих рукописях IX–X вв. (Порфирьевская псалтырь 862 г. Евангелие 924 г.) встречается написание греческой «виты», напоминающее кириллическое Б, что и позволило высказать предположение о происхождении славянского «Б» из этой графической разновидности «виты»[64]. Таким образом, строго говоря, наличие этой буквы не может полностью гарантировать славянскую принадлежность надписи, тем более что на конце надписи отсутствует Ъ. Однако написание Б, «виты» в упомянутых греческих памятниках, отличается определенными особенностями: при сравнительно маленькой «неразвитой» верхней части она имеет довольно большую нижнюю петлю, таким образом, эта разновидность «виты» представляет как бы ту же букву, но с недописанной верхней частью[65]. Древнейшие начертания кириллического Б, напротив, при маленькой петле имеют далеко выдающуюся верхнюю горизонтальную линию, с обязательной отсечкой. Именно такой формы Б представлено на тмутараканском фрагменте надписи. Близкую аналогию представляют некоторые начертания Б надписи Самуила 988 г.[66] и болгарских надписей X в. (пока не изданных) из Равны.

Таким образом, сравнительная редкость особенного начертания «виты», местонахождение в «русском» слое Тмутаракани, начертание буквы, аналогичное древнейшим кириллическим памятникам, относят надпись на ручке амфоры из Тамани к славянским кирилловским. Л, целиком умещающееся в строке, с маленькой остроугольной головкой типично для кириллических (болгарских) памятников X в. и греческих надписей того же времени и является хорошим датирующим признаком. На Руси такая форма встречается и в начале — первой половине XI в. (надписи на монетах Владимира, подпись Анны Ярославны). Таким образом, надпись при незначительном количестве букв все же обладает достаточно выраженными датирующими признаками. Совпадение даты стратиграфической и палеографической позволяет отнести ее к X в., а характер ручки амфоры указывает на время не ранее второй половины века. Конечно, нужно иметь в виду, что надпись найдена не в комплексе, а в культурном слое, а палеографические и археологические даты не обладают четкими границами. Однако сочетание признаков указывает на вторую половину X в. как наиболее приемлемую дату. Особенностью надписи является отсутствие Ъ. Это может быть следствием сокращения, хотя, как правило, для славянских надписей

этого времени конечный Ъ обязателен, но может отражать ту стадию, когда в славянском письме использовалась разновидность «виты» для передачи Б, а буквы для обозначения глухих еще отсутствовали, т.е. одну из разновидностей «неустроенного» славянского письма греческими буквами. К сожалению, фрагментарность надписи заставляет осторожно отнестись к этому предположению и не позволяет понять смысл написанного.

Чтение надписи эпиграфистами. Как можно предположить по сохранившимся буквам, полагает А.А. Медынцева, это окончание какого-то слова, так как на ручке имеется еще достаточно места, оставшегося неиспользованным, скорее всего это окончание имени. Русские и вообще славянские имена с таким окончанием не типичны, в то время как имена с компонентом «ат» — «отец» часты в тюркских языках, достаточно вспомнить имя болгарского хана «Бат-бай»[67]. Но, конечно, фрагментарность надписи не дает возможности высказать аргументированные предположения. Возможно, перед нами окончание и славянского имени: на костяной стреле из Новгорода тоже написаны буквы **БЛТ**, истолкованные как инициалы владельца (XII–XIII вв.) [68]. Но, хотя о содержании надписи мы можем лишь делать предположения, наличие славянской надписи в слое X в. древней Тмутаракани заслуживает внимания как одно из немногих прямых свидетельств использования письменности уже в это время. На этом А.А. Медынцева заканчивает свое небольшое рассмотрение надписи, так и не дав приемлемых чтений.

Мое чтение. Как и в предыдущем случае, я начинаю с пристального всматривания в фотографию, где можно найти дополнительные знаки. Всего я нахожу 8 групп, хотя на самом деле их, видимо, больше. Помимо надписи, похожей на БАТ, имеется слева целая группа, которую А.А. Медынцева приняла за остаток какой-то буквы; внизу расположена третья группа. Еще две группы размещены правее. Наконец, совсем справа можно увидеть еще три группы: вверху, чуть ниже, и внизу (рис. 179).

Как обычно, начнем чтение с второстепенных надписей. Одна из них гласит **МОЛОКЪ** (*МОЛОКО*). На двух других можно прочитать **СЬЛИТО** (*СЛИТО*). Как видим, здесь вместо слова КАНЪ писали СЬЛИТО, чтобы обозначить, что сосуд пуст и его можно заливать снова. Кроме того, дважды написано слово **ЛОЗОВА РУСЬ**. Мне это словосочетание попадалось, оно обозначало РУССКОЕ КНЯЖЕСТВО В КРЫМУ. Впервые я познакомился с этой надписью, когда прочитал узор на бляшке из Херсонеса, которую встретил в работе Гезы Фехера[69]; на рисунке я помещаю узор этой бляшки и его чтение справа внизу. На

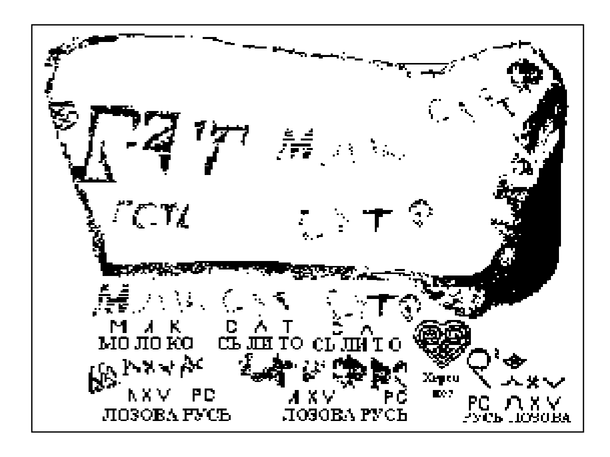


Рис. 179. Мое чтение второстепенных надписей и надписи на бляшке из Херсонеса

ней я прочитал надпись **РУСЬ ЛОЗОВА** (*РУСЬ ВИНОГРАДНАЯ*), и понял, что речь идет о славянском названии Крыма в X веке. И вот это же словосочетание мне встречается на ручке амфоры из Тмутаракани, которая тоже находится в Крыму.

Теперь можно перейти к чтению основной надписи на ручке амфоры из Тмутаракани (рис. 180). Я считаю, что буква Б читается слоговым способом; до сих пор мне встречалось только одно ее чтение — как БЫ. Далее следует лигатура из кирилловских букв Л и А, что образует слово БЫЛА. Далее я вижу два слоговых знака, ГО (зеркальный) и ТА. Все это читается как **БЫЛА ГОТА**, то есть *(ПРЕЖДЕ) ПРИНАДЛЕЖАЛА ГОТУ*. Эта интерпретация подтверждается надписью ниже, чисто кирилловской (где, однако, не видно правой части последней буквы): ГОТА. Эта надпись оправдывает начертание ЛОЗОВА РУСЬ: необходимо было отличить, какие вещи принадлежали готам, а какие — русским крымчанам.

Как видим, надписи на сосудах вовсе не отличаются по характеру исполнения от надписей на пряслицах или металлических изделиях. Опять мы видим начальное написание руницей, а затем исправление



Рис. 180. Мое чтение основной надписи на ручке амфоры из Тмутаракани

руницы на кириллицу. Поскольку все тексты вначале не содержали никаких лигатур слоговых знаков, а располагались в линию, я полагаю, что они относятся ко второму периоду вхождения кириллицы в русскую письменность, то есть появились до середины X века. И если эта надпись упоминает готов, значит, они в небольших количествах могли встречаться в Крыму еще в начале X века. Но на надписи встречается и единственная буква А в кирилловском чтении, тогда как буква Б читается слоговым способом, БЫ. Это, на мой взгляд, показатели начала третьего периода, после середины X века; период заканчивается только рубежом XI–XII вв.

Надписи из Саркела – Белой Вежи. В Саркеле – Белой Веже встречается несколько надписей на керамических сосудах и их фрагментах X века. Всего таких фрагментов 6, опубликованных М.И. Артамоновым[70] (рис. 181). Правда, черепку, показанному на рисунке, «не повезло». Так, А.А. Медынцева пишет о нем: «*Это небольшой обломок плечика глиняной ангибированной амфоры. На нем отчетливо читаются глубоко вырезанные буквы* ***РПРО****, далее – тамгообразный знак, правая часть которого не сохранилась. Фрагмент небольшой, поэтому трудно сказать, отдельная это запись или часть разграфленной записи-сетки*»[71]. При этом она, вслед за Р.А. Симоновым[72], полагает, что на этом фрагменте помещены цифровые расчеты (РП-180, РО-170). На мой взгляд, однако, для таких выводов оснований нет. Прежде всего, здесь нет букв, хотя именно этот черепок больше всего напоминает буквы кириллицы. Здесь находится типичная надпись руницей, лишь по ошибке принятая за кириллицу (пока у меня не было под рукой хороших фотографий, я принимал данную надпись за смешанную и читал ОПРОС). Теперь, однако, на фото отчетливо видно, что четвертый знак представляет собой ромб, являющийся лигатурой из верхнего и нижнего знаков. Верхний я развернул на 180°, нижний сохранил. Кроме того, имеется очень незначительный фрагмент нулевого



Рис. 181. Мое чтение надписи из Саркела

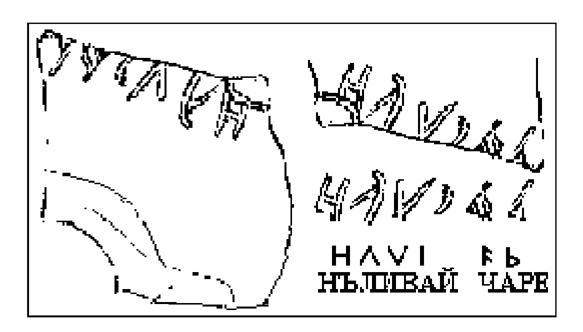


Рис. 182. Мое чтение второго черепка из Саркела

знака. Восстановив предполагаемый знак, я прочитал данную надпись как **КЪРУПОРУШЬКА** (*КРУПОРУШКА*), небольшая ручная слабая мельница для получения крупы. Таким образом, кириллическая внешность этого текста оказалась обманчивой.

Обманчива и внешность другого черепка (рис. 182), хотя тут уже наряду со знаками, внешне кириллическими, попадаются и более необычного вида. Для чтения надпись следует развернуть на 180°. Тогда можно прочитать надпись **НЪЛИВАЙ ЧАРЕ** (*НАЛИВАЙ ЧАРКИ*). Иными словами, речь идет о каком-то празднике, на котором пьют вино, и к виночерпию обращаются не только устно, но и письменно.

На третьем черепке (рис. 183) из Саркела—Белой Вежи можно видеть две надписи, выполненные в разной манере. Одна, глубокая, выполненная двойным контуром, гласит **НЪЛЕ(Й)** (*НАЛЕЙ*). Она вполне соответствует надписи на втором черепке и предполагает письменное обращение к виночерпию. Вторая надпись процарапана неглубоко и развернута на 180° относительно первой; я читаю ее **КАНЪЛА НЪ УЛИ(ЦЕ)** (*КАНЕЛА НА УЛИЦЕ*). На мой взгляд, вторая надпись — распорядительная, и она сделана раньше первой. Кто-то распорядился поставить канелу на улице города, чтобы ее содержимым мог пользо-



Рис. 183. Мое чтение третьего черепка из Саркела

ваться любой желающий. Судя по надписи на втором черепке, содержимым канелы было вино. Обычай выставлять бочки вина на улице был связан с завоеванием какого-либо города; тогда солдаты имели возможность пить безо всякого ограничения. В данном случае X века можно предположить, что речь идет о завоевании Саркела воинами князя Святослава. Вероятно, те воины, которые уже еле держались на ногах и не могли самостоятельно подойти к виночерпию, посылали посыльного, но такого, чьим словам не было веры, например, ребенка, зато протягивали ему черепок с написанной просьбой о том, чтобы налить еще одну чарку вина. Видимо, этим объясняется начертание слова НАЛЕЙ на самом краю черепка от уже разбитой уличной канелы (пьяный не очень отчетливо понимает, в какой части черепка следует писать), а также кривое начертание мачт у Н — рука уже не могла выводить прямые линии. С точки зрения Г.В. Вернадского, именно в 963, а не в 965 году, как указано в «Повести временных лет», Святослав атаковал хазар, взяв Саркел (Белую Вежу) [73], стало быть, эти два черепка показывают, какова была письменность солдат Святослава после завоевания города. Конечно, есть еще по крайней мере три прелюбопытнейших черепка того же времени и из того же Саркела, начертанные солдатами Святослава, однако их имеет смысл проанализировать уже как более или менее пространные записки в разделе о переписке, которым я хотел бы завершить эту книгу. Сейчас, для характеристики наиболее древних образцов кириллицы, найденной на территории Руси, достаточно и этого.

Подтверждение поздних походов Святослава. О том, как Святослав занял болгарские земли, Г.В. Вернадский повествует так: «*В 967 году Святослав напал на Болгарию, ведя за собой не менее чем сорокатысячную армию, имея Калокира во главе шестнадцатитысячного вспомогательного подразделения греков. К осени северная Болгария была наводнена русскими, и Святослав создал свой зимний штаб в Переяславце (Малый Преслав), крепости, которая обеспечивала контроль за дельтой Дуная*»[74]. Завоеванная земля, по мнению Б.А. Рыбакова, представляла собой «остров русов» в Болгарии, однако, поскольку Болгария той поры простиралась далеко на север, он обнаружил эти земли на территории современной Румынии, к северу от Констанцы (Константы), дав соответствующую карту с заштрихованным «островом русов». Ее фрагмент я помещаю[75] (рис. 184).

На карте видно, что южнее Переяславца, примерно в 30 км, находится город Киевец. Отождествить эти два города с современными поселениями крайне сложно, ибо на современной карте этой же местности показаны сплошные болота и озера. Но два русских города имеют названия

со значением. Переяславец или Преславец — это (по названию) МАЛЫЙ ПРЕСЛАВ, тогда как просто ПРЕСЛАВ — это столица Болгарии. Киевец (по названию) — это МАЛЫЙ КИЕВ, тогда как просто КИЕВ — это столица Руси. Вероятно, из Преславца удобно решать проблемы Болгарии, из Киевца — проблемы Руси. Во всяком случае, так мог замысливать эти города Святослав. К сожалению, у нас нет достоверных сведений не только об их планировке, но даже об их существовании.

И вот тут мне необычайно повезло. Как-то мне попалась на глаза статья археолога Михаила Венделя о раннесредневековой керамике с вырезанными украшениями, относящейся к румынской местности Латрус-Кривина[76] (рис. 185). Уже слово «Кривина» свидетельствовало о славянском субстрате данной местности. В статье приводилось изображение плитки из обожженной светло-красной глины диаметром 140 мм, причем археолог полагал, что такого типа плитки встречались и в поздней античности и служили крышками сосудов. На существование кирилловской надписи исследователь внимания не обратил. Разумеется, я скопировал изображение, тем более что на его поверхности я заметил также лигатуру руницы.

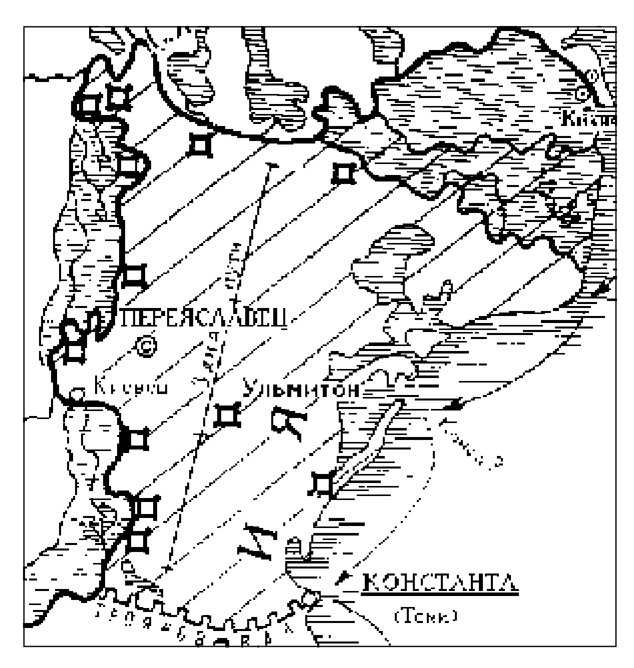


Рис. 184. «Остров русов» (отвоеванный Святославом кусок Болгарии) по Б.А. Рыбакову

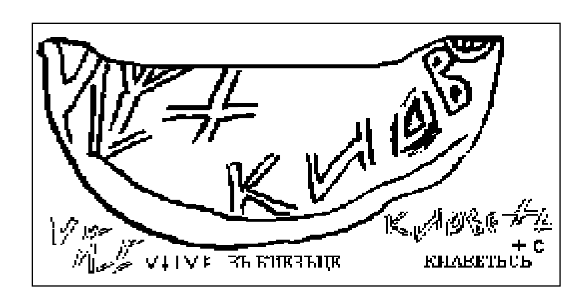


Рис. 185. Надписи на крышке сосуда из Латрус-Кривины и мое их чтение

Надписи две, одна из них, кирилловская, размещена справа и читается КИАВЕ, хотя левее, прямо над К, расположен большой крест, имеющий слоговое чтение ТЬ, а его фрагмент вполне может быть прочитан как СЬ. Получается слово **КИАВЕТЬСЬ**, в котором несложно узнать название города – *КИЕВЕЦ*. Неужели же это тот самый Киевец? Но почему КИАВЕТЬСЬ, а не КИЕВЕЦ? Полагаю, что тут мы имеем дело с иной орфографией. Ударение падало, как и сейчас, на первый слог, который начертан правильно, КИ. Но как изображать правильно безударную гласную? Думается, тут никакой договоренности не существовало, и каждый был волен выбирать такое написание, какое ему хотелось. Поэтому можно было написать КИЕ, КИИ, КИА с равными правами, как это было в слоговой графике, где ставился просто знак гласной, а какой именно – должен был решать читатель. А почему ТЬСЬ, а не ЦЬ? А так было принято в слоговой графике. И эти правила перенесли на кириллицу. Но возникло это правило в рунице не на пустом месте. Дело в том, что в рунице звукам ЦЬ и ЧЬ соответствовал один знак. Поэтому если писать его на конце, то можно будет прочитать и КИЕВЕЦ, и КИЕВЕЧ, а последнее можно будет понять как КИЕВИЧ – ЖИТЕЛЬ КИЕВА. А вот если написать КИЕВЕТЬСЬ, то тут уже ошибки не будет. Так что из этой надписи мы понимаем, насколько точно ранняя кириллица воспроизводила особенности графики слогового письма.

Что же касается руничной надписи, то это – лигатура, что позволяет нам отнести ее к первому периоду бытования кириллицы. Правда, крышка – не пряслице, где поверх одной надписи можно процарапать другую. Крышка изготавливалась одновременно вся, и обе надписи появились в один день. Слоговым способом начертано **ВЪ КИЕВЪЦЕ** (*В КИЕВЦЕ*). Таким образом, обе надписи практически идентичны. Интересно то, что при Святославе, когда должен был начаться

второй этап трансформации руницы, то есть этап линейного письма вразрядку, этого, по крайней мере в Киевце, не происходит: там слишком сильны славянские традиции, и новомодный стиль не перенимают даже солдаты Святослава. Впрочем, надписи на черепках линейны и нелигатурны, но не вразрядку. Иными словами, солдаты за 4 года до прихода в Переяславец уже отошли от письма лигатурами, так что на крышке из Кривины мы видим, вероятно, торжественный стиль, то есть уже архаичные начертания.

Итак, существование Киевца подтверждается данной археологической находкой. Равно как и пережиточное существование архаического стиля руничных лигатур, который я отношу к первой эпохе. Разумеется, я сообщил об этой дешифровке печатно в 1997 году[77]. Правда, тогда еще центральный крестик я относил к слоговой части надписи.

Сложность проблемы. Я подхожу почти к концу данной главы и нахожу, что упираюсь в некий предел, за которым ничего не видно, хотя цель не достигнута. В самом деле, в отличие от более позднего времени ситуация по X веку в области эпиграфики почти идеальная: надписей мало, и большинство из них — датированные. Я знаю чисто слоговую надпись Эль Недима 988 года, самую позднюю из них. Только что была рассмотрена надпись из Киевца, вероятно, 968 года, то есть двумя десятилетиями раньше. Еще на 5 лет раньше, в 963 году, были созданы тексты по меньшей мере второго и третьего черепков в Саркеле. К середине X века можно отнести надпись на корчаге из Гнёздово и надпись Людодьши на мече. И все эти надписи я именую «третьим этапом распространения кириллицы на Руси». А где же хотя бы второй? Ведь более ранняя кириллица на Руси неизвестна; что же касается древнейшей плитки из Преслава 880–890 гг., то она является древнейшей для Болгарии, но ее кириллица ничем не отличается от кириллицы Руси X века, той самой, которую я отнес к третьему периоду. А ведь более ранних кирилловских надписей просто нет!

Следовательно, что-то неверно в самой концепции. Внимательно вглядевшись в проблему, я понял, что речь идет о терминологии: под «кириллицей» в ее противопоставлении рунице я постоянно имел в виду более широкое противопоставление буквенного письма слоговому. А понятие «буквенного письма» включает в себя помимо кириллицы еще и глаголицу, и латиницу, и греческие начертания, и тюркские руны болгар. Следовательно, второму этапу развития буквенного письма могло соответствовать нечто из названного списка. Причем относиться именно к Святославу, являясь необходимой подсказкой. И такая надпись нашлась.

Печать Святослава. При раскопках Десятинной церкви была найдена печать Святослава в виде свинцового оттиска[78] (рис. 186). Святослав стал княжить с 962 года, закончив в 972 году, так что его печать не намного моложе черепков с образцами надписей его солдат. Однако бытовая письменность, как и устная речь, передают именно то, что существует на данный момент, тогда как печать, несомненно, отражает традицию. Что же мы видим на этой традиции? С одной стороны, центральный знак Святослава, с другой стороны — легенду в виде двух слов. Центральный знак представляет собой слоговую лигатуру, которую я отношу к первому периоду распространения буквенного письма на Руси, тогда как легенда, выполненная линейными знаками с большим расстоянием между ними, столь же несомненно относится ко второму периоду. Так что на данном образце письменности нам удалось зафиксировать второй период бытования букв, правда, не синхронно самой печати, а в качестве пережитка более раннего времени.

Итак, я читаю первую половину надписи, выполненную слоговыми знаками как **КЪНАЗЬ СЬВАТО** (*КНЯЗЬ СВЯТО*), тогда как вторая половина легенды начертана греческими буквами и гласит **STLAOS**. Таким образом, нужная подсказка сделана: теперь ясно, что до появления кириллицы как славянского буквенного письма его место занимало письмо греческое, но только такие знаки, которые могли помочь в передаче славянских звуков. Остальные же знаки оставались руничными. Тем самым ясно, что второй период бытования буквенного письма заканчивается в середине X века смешанным рунично-греческим начертанием. Смешанное письмо удачно ликвидирует трудности руницы: плохую передачу гласных звуков. Теперь можно было писать славянским начертанием, то есть руницей, но помечать гласные буквы в некоторых случаях. Тем самым соблюдается славянская этническая принадлежность письма, и в то же время возникает возможность читать его

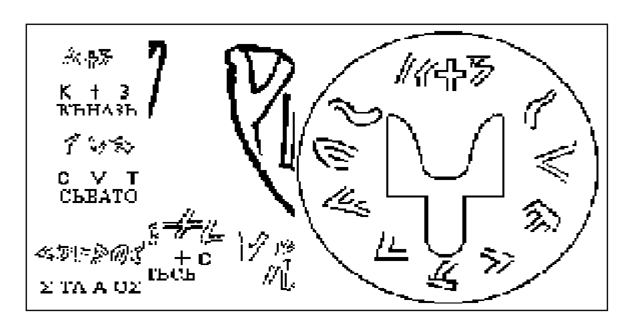


Рис. 186. Печать Святослава из Десятинной церкви и мое чтение ее легенды

в реальном масштабе времени. Что же касается более древнего состояния, а именно лигатур, то они на государственных надписях тоже остаются, но в центре, как дань традиции. Лигатуры гораздо больше соответствуют славянской традиции, но для их чтения требуются определенные затраты времени, их невозможно читать с той же скоростью, как письмо буквенное, но зато они обладают по меньшей мере тремя другими функциями: они представляют собой единое целое, весьма гармоничное; они в духе славянских традиций; они сакральны. Так что они в принципе не вписываются ни в какие комбинации с письмом буквенным. Следовательно, первый период внедрения буквенных надписей в письменность Руси должен был состоять в том, что эти чужеродные буквы должны были передавать слова не на русском языке, а на том языке, из которого они заимствованы, то есть наряду со славянскими лигатурами должны были бы употребляться переводы славянских текстов на латинский или греческий языки.

Печати князей с греческими надписями. В.Л. Янин отмечает факт «*несомненной ориентации русской буллы на византийский обычай, выражавшийся в употреблении на Руси в течение пяти столетий свинцовой вислой печати, которая господствовала в тот же период в Византии*»[79]. Так, в частности, он сообщает о печати Андрея-Всеволода (1078–1093), на которой начертано +κ[υρι]ε βοηθει τωσωδρουλο ’Ανδρεα τωσβλαδω, что означает «*Господи, помози рабу своему Андрею Свладу*». А на печати Владимира-Василия (1073–1125) греческая надпись гласит Σφραγι[ιζ] Βασιλ[ε]ιο τον πανευγενεστατου αρχοντοζροσιαζ τον Μονομαξ[ου], то есть «*печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха*»[80]. Таких печатей много, я наугад выбрал только две из них (рис. 187). Глядя на эти оттиски, можно отметить, что надписи линейны, не содержат пробелы между словами и, кроме того, часть слогов у них выпущена. Этим они очень напоминают слоговые надписи, где концевые знаки часто тоже опускались, и пробелы не делались ни между словами, ни между отдельными знаками.

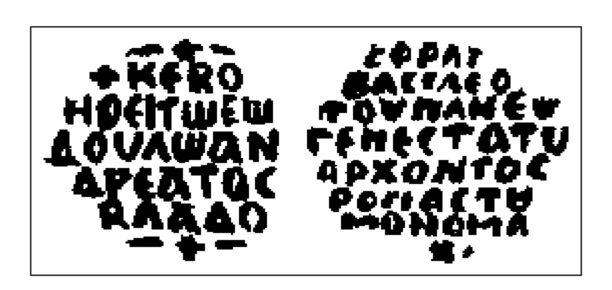


Рис. 187. Греческие печати русских князей

Правда, печати относятся к XI–XII вв., когда они так выглядели по традиции. Но сама традиция складывалась, несомненно, гораздо раньше. Теперь, после того как стало ясным, как выглядела чисто греческая надпись на русских печатях, можно представить себе, что на первом этапе развития буквенного письма на Руси сошлись две традиции, которые сосуществовали параллельно. Одна — славянская, согласно которой наиболее важные тексты записывались руницей в ее лигатурном варианте. Другая — византийская (а Византия в то время являлось первой страной в области культуры, так сказать, «законодательницей мод», в том числе и в области оформления деловых бумаг), здесь господствовал греческий язык. Для того чтобы не потерять своего славянского лица, требовалось оставить руницу, но реформировать ее настолько, чтобы она могла быть состыкована с греческим письмом Византии. Эта задача была решена на втором этапе, когда руница была преобразована в линейное письмо с большими пробелами между знаками; с другой стороны, так стали писать и греческими буквами. И печать Святослава, полуруничная, полугреческая, показывает, как был установлен этот паритет между славянскими слоговыми и византийскими буквенными знаками. Получилась «боевая ничья», когда руница по форме знаков и по их расположению приблизилась к греческим буквам, а греческие буквы стали перемежаться знаками руницы. Однако такой компромисс не вполне мог устроить славян, поскольку с традиционной руницей соединялись греческие буквы. На третьем этапе место греческих букв заняли буквы кириллицы, часть которых, как я показал в своей первой книге о загадках славянской письменности[81], уже состояла из знаков руницы, но в буквенном чтении. Теперь, на третьем этапе, надписи содержали поначалу немного букв кириллицы, а сама кириллица имела на первых порах слоговое чтение (консонантные надписи), но с каждым десятилетием их процентное содержание увеличивалось и в конце руничными остались лишь последние 1–2 знака слова. Наконец, на четвертом этапе знаки руницы стали пониматься как чисто согласные звуки, то есть получили буквенное чтение.

Общий итог. Рассмотрение наиболее ранних 7 смешанных надписей (в дополнение к 93, рассмотренным в предыдущей главе), позволяет сказать, что в общем и целом концепция четырех периодов внедрения буквенного письма в письменность Руси подтверждается. При этом сама концепция несколько трансформировалась. Если вначале я считал, что фактором, вызвавшим изменение руницы, с самого начала была кириллица, то под давлением фактов вынужден был признать, что таким фактором явилась греческая буквенная письменность, которая сначала применялась вместе с греческим языком параллельно рунице, затем стала

сопрягаться с руницей в таких случаях, когда поясняла лишь второстепенные звуки, а основу чтения слова задавала руница, и лишь с третьего периода была заменена кириллицей, которая, в свою очередь, явилась компромиссом между греческими буквами и знаками руницы. Таким образом, шел процесс взаимного сближения двух видов письма, причем на первых двух этапах основным письмом была руница, на третьем значение руницы и кириллицы уравнялось, а на четвертом ведущим видом письма стала кириллица. Это привело с одной стороны к исправлению руничных надписей на кирилловские, а с другой — к потере слоговыми знаками слогового чтения. Иными словами, на четвертом этапе внедрения буквенного письма на Руси потребность в рунице отпала. Это, однако, не означает, что руница сразу же исчезла — хотя в официальной письменности так и случилось — она ушла на социальную периферию, в быт и в тайнопись, где пережиточно продержалась еще несколько веков.

Что же касается так называемых «наиболее древних надписей» с позиций кириллицы, то они относятся к X веку и соответственно к третьему периоду предложенной нами относительной хронологии. А это означает, **что чисто кирилловских надписей в этот период не было и быть не могло**, в чем мы и убедились, рассмотрев ряд наиболее интересных текстов. А между тем все эти надписи пытались прочитать вовсе без руницы, что, разумеется, не привело к удобоваримому результату. Впрочем, такое было легко предположить. Удивило меня другое: во всех случаях эпиграфисты ограничивались изучением только наиболее яркого фрагмента надписей, не обращая внимания на остальные их части. Говоря современными аналогиями, они как бы читали только заголовки газет, мало понимая их содержание, но не считая нужным читать мелкий шрифт — вместо этого они предпочитали заменять одну фантазию на другую. Предположения выстраивались не столько по степени близости к истине, сколько по академическим званиям творцов гипотез. В результате керамическая фляга с молоком, называемая тогда на Руси каной или канелой, оказалась почему-то «корчагой» (другим классом сосудов), который содержал либо горчицу, либо нефть, либо еще что-то. Еще раз хочу подчеркнуть, что не очень сетую на эпиграфистов за незнание руницы (что поделаешь, если они, доктора исторических наук, и сами не додумались, и готовый результат не приняли!), но **не могу им простить невнимание к мелким второстепенным надписям**, которые, так сказать, вплотную подводят к решению основной проблемы.

Еще раз хочу подчеркнуть, что словосочетание «наиболее древние надписи» приемлю только с позиций кириллицы, ибо руницей писали

и в X, и в более ранние века, и выяснение смысла того, какие надписи с позиций руницы считать наиболее древними, увело бы нас слишком далеко. Я намерен решать эту проблему, но в рамках другой книги. Так что с позиций руницы отнесение «наиболее древних надписей» к X веку является заведомой ложью. Но и понимание того, что в X веке существовали наиболее древние кирилловские надписи, является полуправдой, поскольку тексты писались кириллицей лишь отчасти, а отчасти писались руницей. А на печати Святослава мы вообще не видим кириллицы, хотя исследователи полагают и эту надпись древнейшей кирилловской. Тут вместо кириллицы помещены греческие буквы. Так что понятие «древнейшие кирилловские надписи» обретает подлинный смысл лишь с того момента, когда в текстах, кроме кириллицы, не применяются никакие иные знаки, и прежде всего знаки руницы. А это происходит лишь с XII века. К двум предыдущим векам имеет смысл применять термин «древнейшие смешанные надписи», допуская, что наряду с руницей могли применяться буквы кириллицы, глаголицы, греческого и латинского алфавитов. Так было бы с научной точки зрения точнее. Однако такое понимание нарушило бы красивую картину, рисуемую современной наукой в соответствии с высказываниями Храбра: якобы славяне никакого письма до Кирилла не имели, а потом Бог-человеколюбец послал им святого Кирилла, и тот их просветил грамотой. Так якобы было во всех славянских странах, и так якобы было на Руси. Стало быть, сначала письма не было вовсе, а затем кириллица появилась во всей своей мощи.

Мои выводы портят эту красивую картину демонстрацией промежуточных форм, уже не чисто рунических, но еще и не чисто кирилловских. Вместо резкой смены тьмы и света я показываю массу полутонов, заявляя о постепенном, на протяжении IX–XII вв., расширении позиций кириллицы и соответственно сужении позиций руницы, о переделке знаков руницы на буквы кириллицы на одних и тех же надписях, короче говоря, о сложном процессе смены одной знаковой системы на другую. Уверен, что эта смена систем письма была не только не единственным сдвигом в трансформации культуры средневековой Руси, но и вообще манифестировала гораздо более глубокие преобразования русской ментальности, закончившиеся переходом от славянского язычества к византийскому православию (вероятно, через промежуточный, но еще официально не оформившийся римский католицизм). В рассматриваемый период складывается и весьма своеобразная форма русского двоеверия, доходящая до почитания в одном храме как Христа с Николаем Мирликийским, так и Перуна с Велесом (этот ма-

териал я намерен дать в следующей книге). А само существование двух вер одновременно можно связать с предположением о борьбе в политической жизни Руси двух начал: старого, восходящего к власти жрецов, характерной для племенного строя, и нового — власти князей и их дружин, знаменующей переход к государственности. И борьба между системами письма в графике лишь отражала борьбу между двумя способами общественного устройства Руси, где руница была, с одной стороны, традиционной и освященной мифологией, а с другой стороны, слишком сложной для чтения и потому неудобной. Но трансформации внутри руничного написания показывают, что у этого письма на какое-то время существовали внутренние резервы, что из лигатурных монограмм оно вполне могло стать линейным, да еще с большим пробелом между знаками, а затем было способно к начертанию совместно с греческими и кирилловскими буквами. И если бы к этому времени княжеская власть потерпела поражение, руница могла бы вернуться вновь.

И последний вывод. Многие исследователи отмечают, что внедрение кириллицы на Руси в X—XI вв. происходило необычайно бурно, что совершенно не напоминает поведение бесписьменного народа. Раньше я полагал, что ответ заключался в существовании руницы, письма иного принципа отражения звуков, но все же письма. Теперь я считаю, что существование руницы, безусловно, явилось предпосылкой, но только общей — частной же предпосылкой было прохождение двух периодов сосуществования слоговой и буквенной письменности. Особенно важен второй период, на котором преобразованная в линейное разреженное письмо руница стала гораздо более удобочитаемой, чем прежде; с другой стороны, сопрягаемая с ней в пределах одного слова греческая письменность создавала прецедент буквенного чтения. Теперь можно было спокойно заменять греческие буквы на очень похожие на них буквы кириллицы. Так что предпосылки для бурного развития кирилловской книжности на Руси оказались значительно более весомыми, чем думалось прежде.

Конечно, две главы, посвященные владельческим надписям и надписям наиболее древним по кирилловскому исчислению, поневоле оказались сборными: тут и граффити на посуде, и процарапывание денежных знаков, и отметины на ремесленных изделиях, и гравировки на пряслицах. Правильнее было бы каждому виду предметов уделить свою главу. Позже так и будет сделано, но там будут решаться уже иные проблемы. Пока же я лишь продемонстрировал читателю, как изложенный богатый материал помогает решать проблемы эволюции письма, эволюции начертаний и трансформации значений.

Итак, предложенная мной схема в своем общем виде подтвердилась. Однако по-прежнему вне пределов рассмотрения остался весьма важный вопрос о рунице первого периода: какой она была? И дело вовсе не в том, что надписей IX или VIII веков на Руси нет — они есть, но их рассмотрение сразу выводит нас в более ранние периоды культуры Руси; этим я займусь в другой книге. А здесь я хочу рассмотреть надписи, хотя и сформировавшиеся в первом периоде, но пережиточно (то есть по традиции) сохранившиеся до гораздо более позднего времени. Я имею в виду так называемые «княжеские знаки», то есть с точки зрения классической эпиграфики некие странные и весьма характерные узоры, которые можно ставить в соответствие с годами правления того или иного князя (в качестве, так сказать, его «знака собственности»), а с моей точки зрения, представляют собой некую лигатуру из слоговых знаков. Пока что бастион «знаков собственности», который возвели эпиграфисты на пути к чтению средневековых надписей, покоится на мощном монолите «княжеских знаков», которые хотя и означают принадлежность к тому или иному князю, но не читаются. Так что если удастся расчистить этот завал, дальнейшее наступление на позицию «никакой собственной письменности у славян до Кирилла» пойдет гораздо легче. Но как эти знаки образовывались? Имели ли они какое-либо отношение к имени князя или к названию его княжества? Можно ли понять схему их образования и создать такие знаки в наши дни? Попробуем разобраться в этой проблеме.

«КНЯЖЕСКИЕ ЗНАКИ» — СУТЬ И ВЫМЫСЕЛ

Проблема «княжеских знаков» в археологической литературе пока окончательно не решена. Сначала под княжескими знаками понимали гербы на монетах, потом ряд похожих знаков на изделиях того времени, в частности, на постройках, позже — любые символы сходных очертаний. Получалось, что этими знаками широко пользовались не столько князья, сколько ремесленники. Я поставил перед собой задачу разобраться в природе этого явления. Кроме того, я хотел бы понять принцип, по которому эти знаки образовывались, чтобы относить к ним некоторые лигатуры знаков руницы вполне сознательно.

Я много раз смотрел на «княжеские знаки», и никаких мыслей они у меня не рождали. Так было до тех пор, пока мне на глаза не попался «княжеский знак», начертанный на кивории князя Андрея Боголюбского[1] (рис. 188). Мне показалось, что слева я вижу букву Б, а справа — Г, и что в слоговом чтении они дают надпись БОГО — начальные слоги

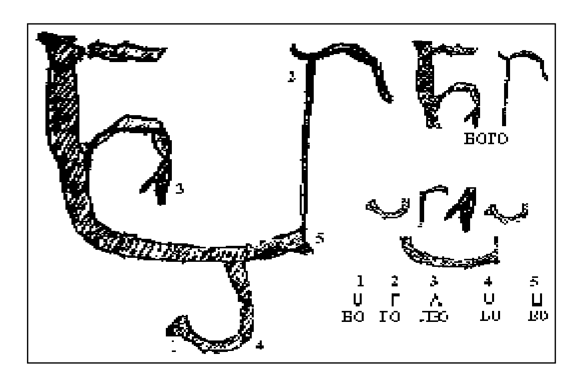


Рис. 188. Мое чтение княжеского знака Андрея Боголюбского

слова БОГОЛЮБОВО. Впрочем, это могло быть и слово БОГОЛЮБСКИЙ. Всматриваясь в контуры знака, я пришел к выводу, что отдельные его фрагменты образуют собой знаки руницы, а при их выстраивании в определенном порядке (на рисунке, заданном нумерацией) получается слово **БОГОЛЮБОВО**. Так я понял, что княжеский знак представляет собой некоторую лигатуру, которая читается с позиций руницы и имеет ограниченное чтение с позиций кириллицы. Иными словами, княжеский знак — просто монограмма князя.

Своими предположениями я поделился с эпиграфистом-скандинавистом, доктором исторических наук Еленой Александровной Мельниковой, работавшей в Институте российской истории РАН. Она ответила, что княжеские знаки вовсе не должны читаться, что они в какой-то степени соответствуют обычным нечитаемым знакам собственности, и что мне следует получше изучить историю вопроса, чтобы своими странными фантазиями не поставить себя в неудобное положение. Я изучил, насколько смог, историю вопроса, однако мысль о том, что княжеские знаки просто должны читаться, не только не прошла, но стала укрепляться и получать все новые подтверждения.

Гипотезы Карла Болсуновского и В.Л. Янина. Одним из первых стал читать княжеские знаки Карл Болсуновский. Так что обращение к истории вопроса показало мне, что я не только не занимаюсь «фантазиями», но и действую прямо-таки в духе первопроходцев. Назвав эти знаки «загадочной фигурой», он напоминает, что на греческих монетах часто изображались подобные монограммы, типа тех, что представлены на рисунке[2] (рис. 189); первая из них представляет собой медную монету Боспора (возможно, отчеканена во времена Евпатора), и ее монограмму можно разложить в надпись ВАСИЛЕВС, позиция

2 на рисунке. Аналогично, взяв монограмму Владимира, позиция 3, ее следует читать точно так же, ВАСИЛЕВС, позиция 4.

Так возникла его гипотеза читаемых знаков. С моей точки зрения, идея разложения монограммы на отдельные составляющие абсолютно верна, и я только что продемонстрировал именно такой подход. С другой стороны, Карл Болсуновский, дав свое чтение, хотя и не погрешил против истины, но раскрыл не основной смысл клейма. По сути дела Болсуновский дал **греческое** прочтение **русской** надписи. В принципе, если бы он продолжил свою деятельность и попытался бы разлагать на составляющие все новые и новые образцы, то, вероятно, понял бы основные значения каждого из входящих знаков, однако он ограничился данным примером. К тому же клейма — вещь крайне сложная для анализа, для их чтения дешифровщик должен созреть, прочитав несколько сотен более простых надписей. Обращение к эпиграфической деятельности Карла Болсуновского наполнило меня уверенностью в том, что я нахожусь на правильном пути. Только читать надо не по-гречески, а по-русски.

Затем «княжеские знаки» привлекли рассмотрение В.Л. Янина, который посвятил им специальную статью. В ней он отмечает «*полное тождество*» знака на Золотых воротах Владимира и знака на кивории Боголюбово[3]. Мне это показалось странным, и я на всякий случай решил сравнить эти знаки. Найдя «знак княжеских мастеров» на Золотых воротах Владимира (рис. 190), я увидел, что чтение этих знаков будет совершенно иным, чем чтение знака на кивории из Боголюбова. Так что их отождествление неправомерно.

На самом так называемом «княжеском знаке» можно прочитать слова **НЕБЕСЪ. БОГА БЕЧАТА** (*НЕБЕСНОГО БОГА ПЕЧАТЬ*). Знак

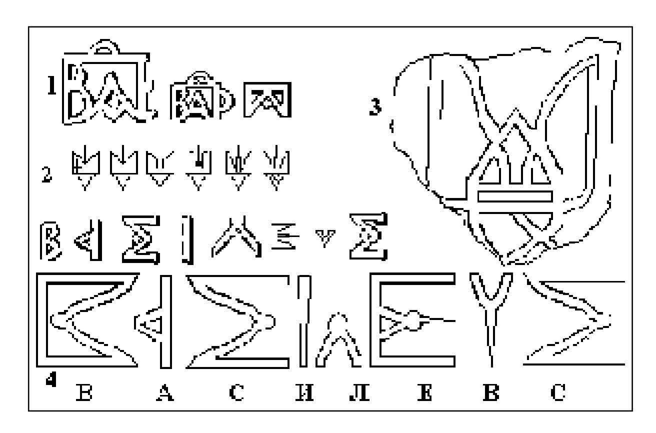


Рис. 189. Чтение княжеских знаков К. Болсуновским

рядом читается как **УТЕШЕНЪЯ НОВЫХЪ ЛЕТЪ** (*УТЕШЕНЬЯ - НОВЫХ ЛЕТ*). Таким образом, на знаке читаются составляющие его элементы, но вовсе не так, как на монограмме Боголюбова, и этот знак можно отнести к категории религиозных печатей. Иными словами, на мой взгляд, знак из Боголюбово действительно является княжеским, а знак на Золотых воротах – просто ПЕЧАТЬЮ. Тем не менее В.Л. Янин продолжает разыскивать знаки с надписью ПЕЧАТЬ, чтобы продемонстрировать сходство. Эта деятельность полезна, ибо помогает выявить ряд клейм сходного вида; однако без прочтения надписи такого рода анализ проходит как бы вслепую, что может привести на ложный путь. Во всяком случае, если с точки зрения руницы и могут существовать достаточно грубые отождествления (например, БА и БО, БЕ и БИ), то для знаков из Боголюбова и Владимира даже они различны, так что В.Л. Янин производит их еще более грубое отождествление.

Получилось, что я как раз занял среднюю позицию. Если К. Болсуновский полагал, что княжеские знаки читаются, и притом наиболее тонким способом, то есть с помощью буквенного письма, то В.Л. Янин посчитал, что они вовсе не являются монограммами, а оказываются просто механическим соединением некоторых постоянных элементов. Эти постоянные элементы не имеют чтения, и потому сама задача их прочтения с этих позиций оказывается бессмысленной. Так что его позиция является вовсе не самой ранней и не самой удачной, но самой удобной для археологов и историков, с которых таким образом снимается задача чтения надписи. Что же касается моей позиции, то она – промежуточная, ибо я тоже полагаю, что знаки читаются, но не бук-

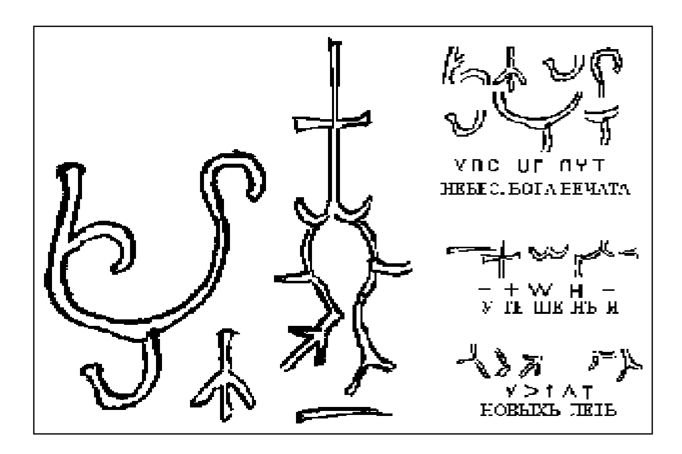


Рис. **190.** *Мое чтение знаков на Золотых воротах Владимира*

венно (или, точнее, и буквенно тоже, но во вторую очередь), а слоговым способом. Зато моя позиция для традиционной науки весьма странная, ибо я читаю с помощью руницы, само существование которой наукой не принято. Получается порочный круг: чтобы доказать существование руницы, я читаю в том числе и «княжеские знаки», а они, как принято последователями В.Л. Янина, «не читаются», так что мое чтение княжеских знаков в их глазах не подтверждает существование руницы, а существование руницы, по их же взглядам (даже если они признают ее существование), не может вести в принципе к чтению «нечитаемых» княжеских знаков. Но В.Л. Янин хотя бы признает возможность разложения княжеских знаков на отдельные элементы.

То, что сложный княжеский знак может быть разложен на элементы, В.Л. Янин решил продемонстрировать иначе, чем К. Болсуновский. С его позиций, из одного княжеского знака, принадлежащего князю-отцу, может возникнуть другой, принадлежащий князю-сыну, за счет выделения одного из элементов более сложного знака[4]. Схема остроумная, однако до звуковых значений В.Л. Янин не дошел, полагая, что таковых и не было, и «чтением» это можно назвать весьма условно. Между тем в основу данного пунктирного знака положен чуть более сложный знак, начертанный на стене кивория в Боголюбово, который действительно имеет слоговое чтение БЕЧАТА. А заключенное Яниным в рамку можно прочитать как РУ, или БО, или ВО; но односложных имен на Руси не было, так что придуманный Яниным знак относится к чисто гипотетическим. На самом деле сын обладал иным именем, чем отец, и из слоговых знаков его имени возникала монограмма, которая никакого отношения к монограмме отца не имела. То, что В.Л. Янин понимал под «княжескими знаками», оказывается очередной вариацией графического оформления слова БЕЧАТА или ПЪЧАТЬ. Следовательно, если гипотеза К. Болсуновского в основе была верной, но разложение следовало вести не по греческим буквам, а по славянским слоговым знакам, то предположение В.Л. Янина было неверно в своей основе; кроме того, он причислил к «княжеским» совершенно посторонние монограммы. Для доказательства этого рассмотрим те знаки, кото-

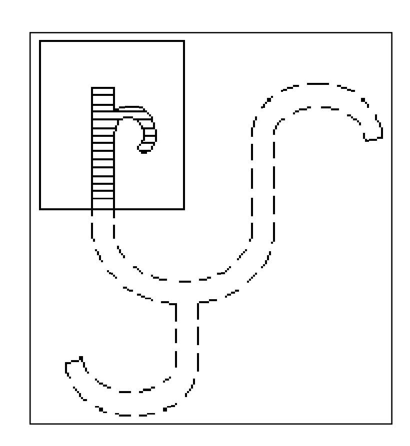


Рис. 191. Схема образования знаков производной группы по В.Л. Янину

рые анализировал В.Л. Янин, за исключением уже рассмотренного знака на кивории в Боголюбово.

Чтение монограмм на печатях (рис. 191). Приводятся монограммы на изображениях св. Николая XI–XII вв.[5], позиция 1, св. Михаила из Новгорода[6], позиция 2, Юрия Долгорукого[7], позиция 3, св. Иоанна[8], позиция 4. Я читаю их **БЕЧАТА**; **БЕЧАТА, ТЪБЕРЬ, РУСЬ**; **БЕЧАТЬКИ** и **БЕЧАТА, РУСЬ** (ПЕЧАТЬ, ПЕЧАТЬ, ТВЕРЬ, РУСЬ, ПЕЧАТКИ и ПЕЧАТЬ, РУСЬ), позиции 8–11. Я не вижу тут никакого знака, связанного как конкретно с каким-то князем, так и с титулом КЪНЯЗЬ вообще; напротив, перед нами, так сказать, гербовая печать Руси, которая и демонстрируется на важнейших оттисках учреждений (а изображенные святые были, видимо, небесными покровителями соответствующих храмов). Так же и в нынешнее время: любое учреждение, кроме внутренних печатей, имеет и одну гербовую.

Тут мы видим также (рис. 192) печать св. Василия[9], позиция 5, св. Дмитрия[10], позиция 6, архангела Гавриила[11], позиция 7. Все они имеют одинаковое чтение, **ТЪБЕРЬ, РУСЬ** (*ТВЕРЬ, РУСЬ*), позиции 12–14 на рисунке. Тем самым обозначено Тверское княжество в составе Руси. Таким образом, данная печать может быть на современном языке охарактеризована не как общегосударственная, а как областная; ее можно назвать «княжеской», ЛИШЬ в смысле принадлежности – не князю, а княжеству.

Продолжая чтение (рис. 193) на иной печати царя Константина, монограмму можно разделить на два знака, позиция 1[12]. Я читаю **РУНА**, позиция 8, то есть *СЛОГОВОЙ ЗНАК*. Слово РУНА придает надпи-

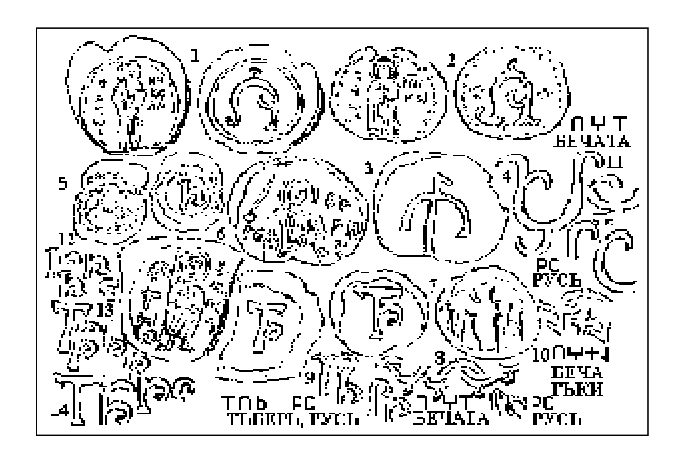


Рис. 192. Мое чтение знаков на печатях из разных мест

си сакральный характер, но совершенно не имеет отношения ни к князю, ни к княжеству, поэтом данную монограмму никоим образом нельзя считать «княжеским знаком». А на печати св. Георгия видно несколько отдельно стоящих знаков помимо лигатуры, позиция 2[13]. Я полагаю, что основой лигатуры является Тверской областной знак и читаю **ТВЕРЬ, РУСЬ РУНОВА**, позиция 9. Как раз три отдельно стоящих знака и читаются РУНОВА, причем НО передано как кирилловская буква N. Вероятно, в этом состояла ошибка мастера, изготовлявшего чекан: кириллица уже имела широкое распространение. На печати Иоанна Предтечи имеется лигатура, позиция 3[14]. Я читаю ее **РУНОВЕ РУСЬ**, то есть *РУНИЧЕСКАЯ РУСЬ*, позиция 10. Возможно, такую монограмму можно считать официальной печатью всей Руси, но не светской, а сакральной, духовной. Опять-таки она не имеет отношения ни к князьям, ни к княжествам.

Монограммы на пломбах. На них мы видим знакомые начертания. На первой пломбе, позиция 4[15], мы видим надпись **ЖИВА** на одной стороне и **РУНА** на другой, позиция 11. На другой, позиция 5[16], я читаю надпись **БЕЧАТА, РУСЬ**, позиция 12. На третьей, позиция 6[17], читаю надпись **БЕЧАТА, РУНА**, позиция 13. Итак, в первом случае мы имеем символ сакральности, во втором и третьем — общегосударственные печати Руси, но не княжеские знаки. А на перстне из Галича — знакомую монограмму, позиция 7[18], которую я читаю **БЕЧАТА, ГАЛИЧЬ**, позиция 4. Эту монограмму можно считать княжеской в смысле областной Галицкой печати.

Монограммы Владимира. Рассмотрим теперь серию монограмм Владимира, опубликованную К. Болсуновским по клеймам на монетах. Мы видим целую серию изображений одного типа, позиции 1–6[19]. Все они читаются одинаково, **ВЪЛАДИМЪРЕВА БЕЧАТА** (*ВЛАДИМИРО-*

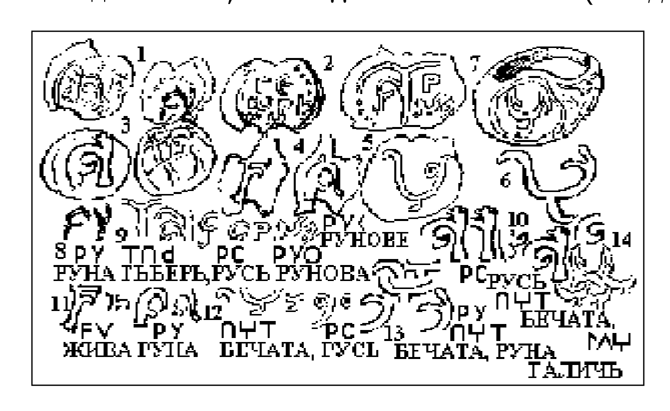


Рис. 193. Мое чтение монограмм на печатях

ВА ПЕЧАТЬ), позиции 7–14. При переворачивании на 90° вправо мы видим кирилловскую букву В, первую букву имени Владимира. Поэтому у меня нет сомнений в том, что данные монограммы действительно являются княжеским знаком Владимира. После распада СССР эти монограммы легли в основу герба Республики Украина. Еще одну монограмму Владимира мы видим на металлическом изделии из Мартыновского клада Киевской губернии, позиция 13[20] (рис. 194). Монограмма Владимира находится наверху надписи и читается **ВЪЛАДИМЪРЪ**, позиция 4. Остальная часть надписи выглядит как **КЪНАСЬ, ЖИВИНА РУСЬ, ПЕЧАТА.** Итак, речь идет о *ВЛАДИМИРЕ-КНЯЗЕ*, однако не о ВОЛЕВОЙ РУСИ, как тогда называлась Киевская Русь, а о *ЖИВИНОЙ РУСИ*, то есть части сербских и болгарских земель, которые со времен Святослава с его походом на Болгарию принадлежали Руси. Впрочем, к ЖИВИНОЙ РУСИ причисляли себя и новгородцы.

Еще одна монограмма изображена на так называемой «печати Изяслава», древнейшей (по В.Л. Янину) печати Новгорода, позиция 15[21]. Раньше я уже читал надпись легенды как **ГРАМОТА ВОЛОДИМЕРЬСЬКА**, где слово *ГРАМОТА* было написано кириллицей, а слово *ВОЛОДИМЕРЬСЬКА* – слоговыми знаками. Теперь я читаю монограмму как **ВЪЛАДИМЪРОВА БЕЧАТА**, позиция 16, отмечая при этом необычайно ясное начертание имени Владимира (по сути дела тут знаки в монограмму так и не сливаются), а также наличие на печати креста. При этом крест – типично католический, со слегка покосившейся перекладиной (для того чтобы обозначать слог НА в слове КЪНАЗЬ). Тем самым эта монограмма относится к периоду, когда Владимир принял христианство. При повороте на 90° вправо можно ви-

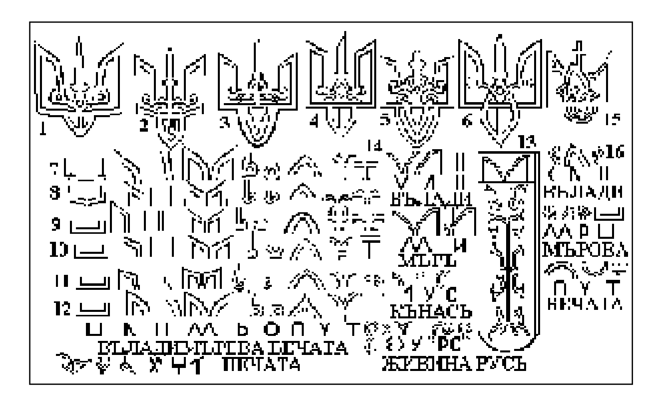


Рис. 194. Мое чтение монограммы Владимира

деть букву В, но в дополнение к этому вершина правой части монограммы без поворота образует букву Л, а вершина левой части — букву А; кроме того середину монограммы можно принять за букву Д, а крест — за стилизованную букву?, наконец, общий вид монограммы похож на букву М, что дает начало имени ВЛАДИМИРА — ВЛАДИМ. Можно заподозрить и существование конечной буквы Р этого имени, если серединку рассмотреть повернутой на 90° вправо. Иными словами, после принятия Владимиром христианства на Руси монограмма князя стала походить на греческую надпись: слоговые знаки имени почти не сливаются, образуя как бы «мелкий шрифт», тогда как греческие буквы создают вензель «крупного шрифта». Этим реформатор хотел показать, что он, с одной стороны, не изменил традиции создавать слоговые монограммы, но с другой стороны, они получили более внятное начертание и возможность быть прочитанными и по-гречески.

Монограммы Владимира Ольгердовича, Святополка и Ярослава (рис. 195). К. Болсуновский представляет монограммы еще одного Владимира, Ольгердовича, позиции 1 и 2[22]. Для чтения их необходимо перевернуть на 180°. Я читаю **ВЪЛАДИМЪРОВА БЕЧАТЬ**, позиции 8 и 9 (*ВЛАДИМИРОВА ПЕЧАТЬ*). Слово КЪНЯСЬ на ней отсутствует, зато удвоено количество крестов по сравнению с монограммами других князей (у Владимира Святославича креста в монограмме нет). Возможно, что каждый крест обозначает принадлежность христианству; тогда два креста означают, что христианами были как этот правитель, так и его отец. При повороте уже перевернутого на 180° изображения еще на 90° вправо видна буква В, что отличает настоящий княжеский знак. Таким образом, данные монограммы мы относим к княжеским знакам.

Рассматривает К. Болсуновский и монограммы Святополка, позиции 3–5[23]. Для чтения их необходимо повернуть на 90° вправо. Я чи-

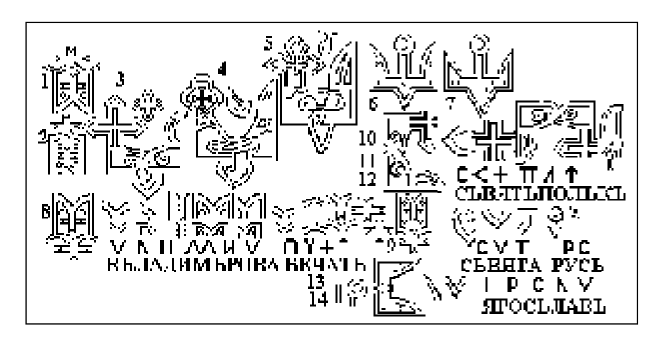


Рис. 195. Мое чтение монограмм Владимира, Святополка, Ярослава

таю **СЬВЯТОПОЛЬКЪ**, позиции 10–12; однако там же читается и надпись **СЬВЯТА РУСЬ** и, кроме того, на каждой монограмме имеется крест. Обращаю внимание на то, что, как и на монограмме Владимира Ольгердовича, этот крест – католический, а не православный. Поскольку при повороте на 90° вправо читается не только первый слог СЬ, но и буква С имени *СВЯТОПОЛК*, данная монограмма удовлетворяет требованию быть княжеским знаком. Можно обратить внимание на то, что крест изображен двойным, то есть внутренний крест обведен наружным; кроме того, надпись *СВЯТА РУСЬ* еще усиливает приверженность князя новой религии.

Наконец, К. Болсуновский приводит и монограммы Нежинского типа, приписываемые Ярославу-Георгию, позиции 6–7[24]. Монограмма читается комбинированно. Первая половина слова, ЯРО, читается без поворота монограммы; вторая, СЫЛАВЪ, требует поворота вправо на 90°, позиции 13–14. Буквы Я при повороте на 90° не получается, хотя получается буква С. Но при повороте на 180° буква отдаленно напоминает ЮС МАЛЫЙ, с которого в принципе может начинаться имя ЯРОСЛАВ. Заметим, что тут нет ни креста, ни слов СВЯТА РУСЬ, ни имени Георгия, то есть князь был язычником. Буква С, видимая сбоку, наталкивает на предположение, что этот князь был несвободен и подчинен другому князю, чье имя начиналось на букву С.

При проведении археологических раскопок в Киеве в 1973 г. на Подоле в районе Житного рынка в срубе X века был обнаружен обломок ребра крупного животного с тамгообразными знаками на обеих плоскостях, позиции 1 и 3[25] (рис. 196). Знаки были опознаны как монограммы Владимира. Действительно, это предположение можно подтвердить, разложив монограммы на составляющие слоговые знаки, так что получается текст **ВЪЛАДИМЪРОВА (ПЬЧАТЬ)**, позиции 2 и 4. При повороте на 90° вправо монограммы выглядят как буква В. В слое X века Саркела было обнаружено изделие из кости с монограммой, как казалось исследователю, Святослава Игоревича, позиция 5[26] (тот же рис.). На наш взгляд, однако, поскольку при повороте на 90° вправо читает-

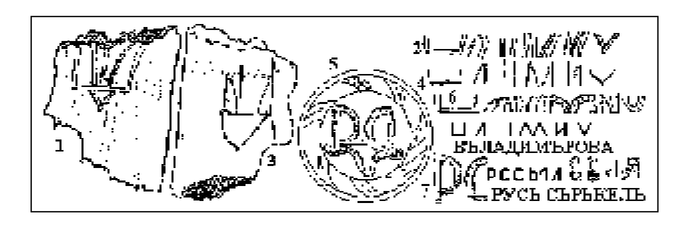


Рис. 196. Мое чтение монограмм Владимира на кости

ся буква В, перед нами монограмма Владимира, несмотря на отсутствие третьего зуба. Я читаю не только слово **ВЪЛАДИМЪРОВА**, позиция 6, но и слова **РУСЬ, СЪРЬКЕЛЬ**, позиция 7. Сходство с монограммой Святослава тут действительно есть, однако монограмма Святослава при повороте на 90° вправо выглядит как буква С. К сожалению, исследователь вслед за В.Л. Яниным неверно определил и другую монограмму Владимира, № 9 (К-326) как монограмму Изяслава.

На ныне утерянной биллоновой подвеске XI в. из Новгорода (рис. 197), позиция 1, видна монограмма Владимира. Я читаю ее **ВЪЛАДИМЪРЕВА БЕЧАТА, РУСЬ, ЖЕСЬТЬ** (*ПЕЧАТЬ ВЛАДИМИРА, РУСЬ, УКРАШЕНИЕ*), позиция 2. На обороте этой подвески надпись будет прочитана в разделе об украшениях. Тем самым подвеска была ювелирным украшением.

На бронзовой битрапециевидной подвеске из урочища Победище близ Старой Ладоги (рис. 198) изображены две монограммы; я читаю первую, на лицевой стороне, позиция 1[28]. Б.А. Рыбаков атрибутировал монограммы как знаки княжеской администрации. На мой взгляд, эта монограмма имеет чтение **ВЪЛАДИМЪРЬ, ПЪЧАТА, РУСЬ** (*ВЛАДИМИР, ПЕЧАТЬ, РУСЬ*), позиции 3 и 4.

Монограмма Олега из Старой Ладоги. На той же подвеске изображена вторая монограмма, позиция 2[29]. Я читаю ее **ВОЛЕГЪ**, позиция 5, **БЕЧАТЬ ЖЕСЬТОВА**, позиция 6 (*ОЛЕГ, ПЕЧАТЬ ЮВЕЛИРНАЯ*). Интересно, что на одной и той же подвеске помещены печати двух князей.

Монограмма Святослава. Мы с ней встречались на одной из печатей (Печать Святослава) X века, найденной в 1912 г. на территории Десятинной церкви в Киеве Д.В. Милеевым, позиция 1[30] (рис. 199), где

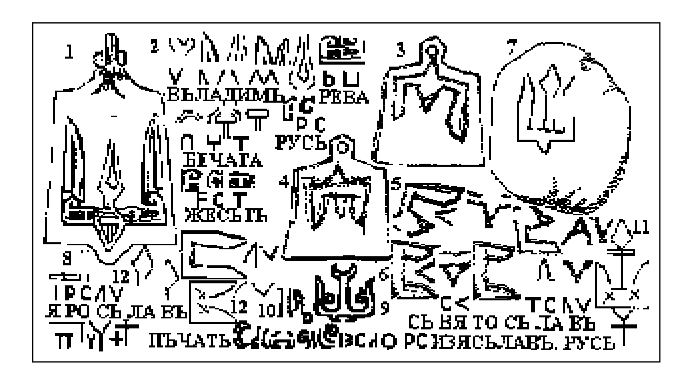


Рис. 197. Мое чтение монограмм из Новгорода и Пскова

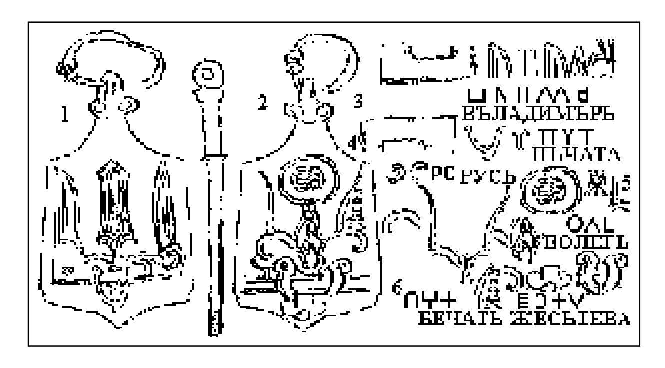


Рис. 198. Мое чтение монограмм на подвеске из Старой Ладоги

мы прочитали легенду как КЪНЯЗЬ СЬВАТО, позиция 2, CTLAOS, позиция 3. Теперь я читаю монограмму в центре как **СЬВЯТОСЬЛАВЪ**, позиция 4. Поскольку слоговой знак СЬ совпадает с кирилловской буквой С, эта монограмма отвечает условиям княжеского знака, хотя, возможно, Святослав, не признававший христианства, к этому и не стремился. На другой монограмме Святослава из Киева, позиция 5 и 6[31], полный текст легенды читается **ЛЕТО ЖЕ 21 ВЪЛАДЫКИ КЪНАСЯ СЬВЯТОСЬЛАВА 6468** (*ГОД ЖЕ 21 ВЛАДЫКИ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА 960*), позиции 7 и 8. Монограмму на обеих сторонах печати я читаю так же, как и предыдущую, **СЬВЯТОСЬЛАВЪ**, позиция 9.

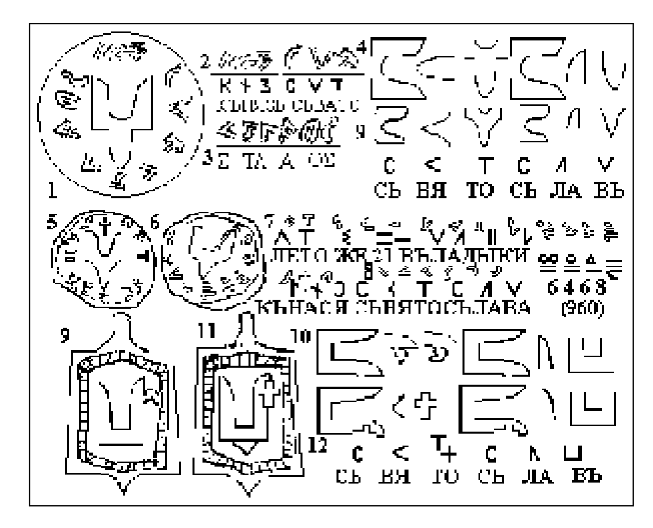


Рис. 199. Мое чтение монограмм Святослава

Это тоже княжеский знак по всем признакам. В Новгороде в 1980 г. на Троицком раскопе была найдена костяная трапециевидная привеска с монограммой Святослава как на одной, позиция 3, так и на другой стороне, позиция 4[32]. Я читаю обе монограммы **СЬВЯТОСЬЛАВЪ**, позиции 5 и 6. Они отличаются от первых двух только наличием выступа ЛА в качестве намека на средний зуб, что не мешает при повороте монограммы на 90° вправо видеть букву С, так что перед нами действительно княжеский знак. В Пскове в слое XI в. была найдена подвеска с княжескими знаками, позиции 9 и 11[33]. На каждой стороне мы читаем одно и то же имя, **СЬВЯТОСЬЛАВЪ**, позиции 10 и 12. Вместе с тем на одной подвеске есть христианский крест, который соответствовал положению Святослава в качестве сына христианки Ольги, тогда как на другой стороне его нет.

Монограммы Ярослава. На каменной заготовке рыболовного грузила из Новгорода был обнаружен знак в виде трезубца, позиция 7[34]. Я читаю его **ЯРОСЬЛАВЪ**, позиция 8, и считаю княжеским и идентичным первым двум. Еще одна монограмма помещена на костяной пластинке лука из Таманского городища, позиция 11[35]. Предполагается, что она принадлежит Мстиславу Владимировичу[36]. Я читаю ее **ЯРОСЛАВА ПЪЧАТЬ**, позиция 12, и считаю идентичной предыдущим. Против чтения МЬСЬТИСЬЛАВЪ говорит середина знака, где можно узреть Я, РО, ВО, ТО, но не ТИ.

Монограмма Изяслава. Данную монограмму В.Л. Янин приписывает Изяславу, позиция 9[37]. На мой взгляд, это соответствует действительности, ибо монограмма читается мной как **ИЗЯСЬЛАВЪ, РУСЬ**, позиция 10. При чтении кириллицей середина монограммы может быть прочитана как И, а все тело при повороте влево на 90° — как З, что образует начало имени *ИЗЯСЛАВА*. Так что данная монограмма может быть признана княжеским знаком.

Монограмма Ярополка. Ряд монограмм (рис. 200) помещен в работе двух авторов, рассмотревших клейма на голосниках XI–XII вв., позиция 1[38]. Для чтения монограмма должна быть перевернута на 180°. Тогда ее действительно можно прочитать **ЯРОПОЛЬКЪ**, позиция 2. В этом перевернутом виде она напоминает ЮС МАЛЫЙ или букву А, и в этом смысле минимально удовлетворяет требованию княжеского знака.

Монограмма Олега. Монограмму Олега, позиция 3[39], можно прочитать, также перевернув изображение на 180°. Я читаю ее **ВОЛЪГЪ**, то есть скорее *ВОЛГА*, чем *ВОЛЕГ*, позиция 4. При том же повороте на 180° самым верхним знаком монограммы оказывается кружок О, что напоминает о кирилловской записи имени Олега. Поэтому можно го-

ворить о минимальном соответствии данной монограммы требованиям, предъявляемым к княжескому знаку.

Интересно отметить, что, судя по кирилловской букве О, имя это произносилось в X веке как Олег, тогда как слоговая запись сохранила более архаичный вариант написания ВОЛЪГЪ. Отсюда следует, что при таком написании еще более архаичное произношение могло быть оглушенным, ВОЛЪКЪ. Но в таком случае перед нами очевидная находка потерянного имени. Дело в том, что у всех славян было в большом почете имя ВОЛК: у сербов оно трансформировалось в ВУК, у болгар — в ВЪЛКО, у русских весьма популярна фамилия ВОЛКОВ. Однако имени ВОЛК на Руси не было, хотя широко известно былинное имя ВОЛЬГА. Теперь ясно, что в записи ВОЛЪГЪ—ВОЛЪКЪ это имя фигурирует в своем раннем фонетическом облике и тем самым позволяет утверждать его наличие в русской культуре.

Это имя небезразлично с позиций славянской мифологии, ибо ВОЛК был прежде всего оборотнем, живя то в виде человека, то в виде животного или другого существа. Удивительна и монограмма этого имени, напоминающая острогу-трезубец; а острога является родной сестрой рогатины, с которой охотники ходили на медведя и, возможно, на волка. Словом, эта монограмма достойна особого пристального внимания.

Монограмма Олега-Владимира. Эта монограмма помещена под именем Изяслава, позиция 5[40]. На мой взгляд, однако, никаких данных за такое чтение нет. Прежде всего нет такого фрагмента монограммы, который бы в вертикальной плоскости напоминал З; кроме того, для чтения второй половинки имени, -СЛАВЪ, было бы необходимым иметь двузубец, а не трезубец монограммы. Наконец, сама монограмма удивительно напоминает монограммы Олега и Владимира одновременно. Поэтому я ее и читаю **ВОЛЪГЪ-ВЪЛАДИМЪР, КИЕВЪ, РУСЬ**, позиция 6. При поворачивании на 90° вправо видны буквы О и В, начала

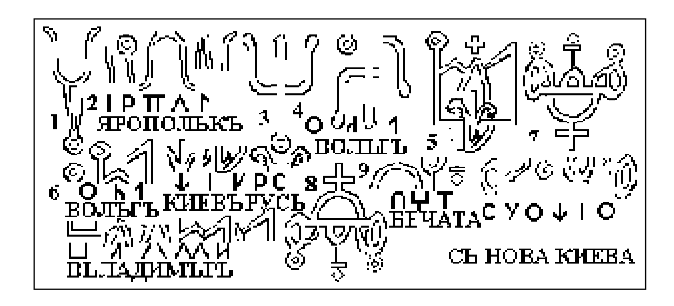


Рис. 200. Мое чтение киевских монограмм

имен Олега и Владимира. Эта монограмма тоже весьма интересна, как сплав языческой монограммы Олега (заметим, что она тут размещена правильно, кружочком О вверх) с христианской монограммой Владимира (о христианстве говорит равноконечный крест вверху). Здесь тоже есть над чем поразмышлять. При этом это уже второе изображение подобного рода; первое нам встретилось на монограммах из Старой Ладоги, нанесенное на обе стороны одной подвески. Предполагалось, что следующая монограмма принадлежит Мстиславу, позиция 7[40]. В таком случае мы должны были бы видеть наличие буквы М в одном из ракурсов данной монограммы, чего мы, однако, не наблюдаем. Кроме того, на мой взгляд, монограмму следует повернуть на 180°, позиция 8. В таком случае ее центр читается как **БЕЧАТА** (*ПЕЧАТЬ*), а строчная надпись как **СЬ НОВА КИЕВА** (*ИЗ НОВОГО КИЕВА*), позиция 9. Иными словами, здесь отсутствует имя князя. Тем самым данную монограмму никоим образом нельзя принять за княжеский знак в смысле персональной принадлежности конкретному князю, хотя она вполне могла служить любому из князей в качестве неперсонифицированной киевской печати.

Монограмма Мстислава. Она была нанесена на деревянный цилиндр № 1 1055–1076 гг. из Новгорода с надписью *Емьця гривны 3*, позиция 1[41] (рис. 201). В принципе прочитать слово **МЪСЬТИСЬЛАВЪ** слоговыми знаками на ней можно, позиция 2, однако кирилловская буква М на ней не усматривается ни прямо, ни после ее поворотов. В то же время довольно легко прочитать слово **БЕЧАТА** (*ПЕЧАТЬ*). Поэтому, хотя данная монограмма, вероятно, действительно принадлежит Мстиславу, мы бы ее охарактеризовали все же не как княжеский знак, а более осторожно, как печать Мстислава.

Монограммы Глеба. Они обе нанесены на деревянный цилиндр № 3 1059–1083 гг. из Новгорода, позиция 3 и 4[42] (тот же рис.). Я их читаю **РУСЬ, ГЛЕБЪ**, позиция 5. Слово БЕЧАТА здесь вычитать невозможно; что же касается кирилловского чтения, то только при очень большом воображении данный знак можно принять за букву Г. Поэтому данные монограммы можно принять за княжеские знаки с большой

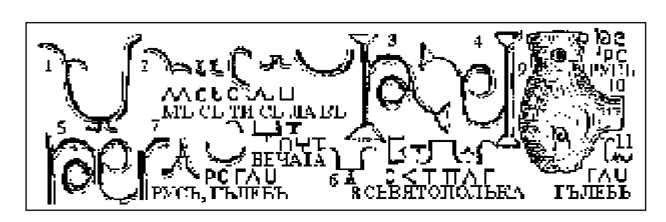


*Рис. **201**. Мое чтение ряда монограмм*

натяжкой. На костяном предмете XII–XIII вв. из Рюрикова городища (изображение которого мы повернули на 180°) можно видеть монограмму, позиция 9[43] (тот же рис.). Я читаю ее так же, **РУСЬ, ГЪЛЕБЬ**, позиция 10.

Монограмма Святополка. В статье В.Л. Янина можно видеть и монограмму Святополка Изяславовича, позиция 6[44] (тот же рис.). Я читаю ее **БЕЧАТА**, позиция 7 **СЬВЯТОПОЛЬКА**, позиция 8. Вместе с тем при повороте на 90° можно видеть букву С, совпадающую со слоговым знаком СЬ, что является признаком княжеского знака. Поэтому данную печать вполне можно считать княжеским знаком. Итак, завершая рассмотрение данной статьи В.Л. Янина, можно отметить, что знаки Святослава, Ярополка, Владимира, Святополка и Ярослава им выявлены абсолютно верно; знак Изяслава Владимировича, на наш взгляд, не подтверждается, ибо читается нами ВОЛЪГЪ-ВЪЛАДИМЪРЪ; подтверждается также чтение знаков Изяслава Ярославовича, Святополка и Глеба; что же касается знака Мстислава, то он хотя и содержит слоговое чтение, но не имеет чтения кирилловского, что, вероятно, означает отсутствие его притязаний на международное признание. Заметим также, что кресты на схеме Янина содержатся только в монограммах Святополка Ярополковича и Олега-Владимира; иными словами, только эти правители манифестировали свою христианскую принадлежность.

Пломбы и печать из Белоозера (рис. 202). В Белоозере обнаружены свинцовые пломбы XI–XII вв. дрогичинского типа, позиции 1 и 7 и костяная печать, позиция 9, с монограммами[45], которые я читаю **ПЕЧАТА, РУСЬ**, позиции 2, 8 и 10 (*ПЕЧАТЬ, РУСЬ*). Две другие пломбы по характеру изображений похожи друг на друга, позиции 3 и 5[46], и потому читаются одинаково, **ПЬЧАТЬ**, позиции 4 и 6 (*ПЕЧАТЬ*). Еще две пломбы тоже напоминают друг друга, позиции 11 и 13[47], и я читаю их одинаково, **БЕЧАТЬ**, позиции 12 и 14 (*ПЕЧАТЬ*).

Монограммы перстней из Чернигова (рис. 203). В селе Городище Хмельницкой области были найдены перстни-печатки XII в.[47]. На щитке

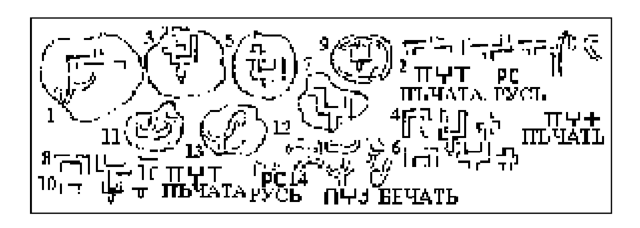


Рис. 202. Мое чтение монограмм из Белоозера

первого из них, позиция 1, я читаю **ЧЕРЬНЫГИВЪ, ПЪЧАТА**, позиция 2, а на щитке третьего, позиция 5, — **ЧЕРЬНЬГОВЪ, ПЪЧАТА**, позиция 6, что означает *ЧЕРНИГОВ, ПЕЧАТЬ*. На втором перстне оттуда же, позиция 3, — **ЖЕСЬТЬЧАТА ПЪЧАТА**, что означает *ЮВЕЛИРНАЯ ПЕЧАТЬ*, позиция 4. На мой взгляд, следующие монограммы оттуда же весьма похожи, позиции 7 и 9[48], поэтому я их читаю одинаково, **БЕЧАТЬ** (*ПЕЧАТЬ*), позиции 8 и 10.

Монограммы перстней из Киева № 1–2 (тот же рис.). В Киевском кладе XII–XIII вв. были найдены перстни, позиции 11 и 13[49], содержащие монограммы, которые я читаю **БЕЧАТЬНА** (*ПЕЧАТНАЯ*), позиции 12 и 14.

Общий итог. Рассмотрев 55 вариантов «княжеских знаков», что, вероятно, составляет лишь небольшую часть от их опубликованного массива, я пришел к выводу, что для них можно установить критерии, а именно: 1) они должны представлять собой лигатуру из слоговых знаков, передающих имя князя и 2) при каком-то повороте монограммы содержат одну или несколько начальных кирилловских букв того же имени. Тогда перед нами действительно имеется «княжеский знак», то есть имя князя, например, СВЯТОСЛАВ или ВЛАДИМИР.

Выяснилось, что существуют и «княжеские знаки» второго рода, то есть названия княжеств, например, ТЬБЕРЬ, которые вовсе не являются именем князя. Как правило, эти названия передаются в весьма архаичном написании. На мой взгляд, юридическая ценность таких знаков ниже, ибо они свидетельствуют не о личной воле того или иного князя, но о воле администрации того или иного княжества.

Наконец, мы убедились также в том, что часто в качестве «княжеских знаков» исследователи понимали слово ПЕЧАТЬ в разных вариантах его написания (БЕЧАТА, ПЪЧАТА, ПЪЧАТЬ), где не было ни-

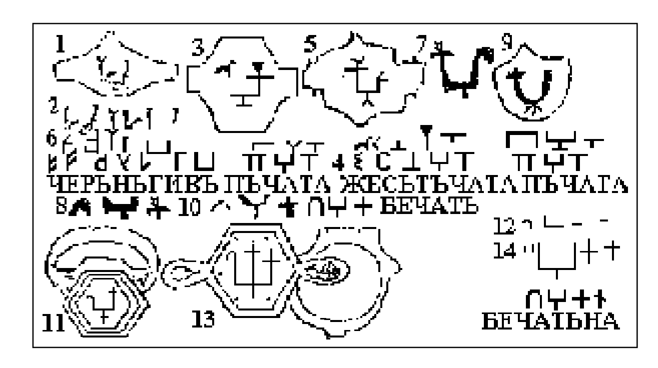


Рис. 203. Мое чтение монограмм из Чернигова и Киева

какой информации ни об имени князя, ни о названии княжества. Однако употребление слова ПЕЧАТЬ свидетельствует о подтверждении подлинности какого-либо события или документа, но уже со стороны местной администрации.

Тем самым мое первое предположение о том, что «княжеские знаки» читаются, подтвердилось, тогда как гипотезы К. Болсуновского и В.Л. Янина — нет. Теперь можно сказать, что «княжеские знаки» составляют высшую ступень в удостоверении подлинности факта; знаки княжеств — среднюю, печати — низшую, отсутствие печати означает отсутствие такого удостоверения.

Но таковы результаты по решению конкретной задачи определения «княжеских знаков». Теперь в нее внесена ясность. Я же хотел обратить внимание на то, что «княжеские знаки» показывают нам воочию один из видов руничных монограмм — в данном случае монограмм имен князей и монограмм названий княжеств. В качестве особого вида текстов руницы они вполне дожили до XIII века, в то время как обычные надписи, начертанные даже руницей вразрядку, к этому времени уже столетие как были исправлены на кирилловские. И в этом есть большой смысл, понятный нам и сегодня. Правда, сегодня мы очень ценим название предприятия, выпускающего популярный товар, и особенно — его логотип, то есть чаще всего то же название, но начертанное особым шрифтом и с некоторой выдумкой. С этой точки зрения монограмма князя, начертанная руницей, как раз и есть «логотип» князя. Руница очень хорошо обслуживала эту потребность в кратких, выразительных и в то же время читаемых знаках. Даже в случае длинных имен князей число знаков не превышало 5–6, а если учесть, что какие-то из них повторялись, их было всего 3–4. При графической лаконичности руницы сочетание нескольких знаков создает в таких случаях неповторимый узор. Кириллица для подобной функции подходит гораздо хуже, ибо 10–12 букв при наложении создают трудно воспринимаемую мешанину, ведь каждая буква обладает большим числом графических элементов, чем знак руницы. Поэтому переход на кириллицу не привел к улучшению логотипов, но лишь к их ухудшению, что и продлило срок существования руничных княжеских знаков.

ВЫВЕСКИ И УКАЗАТЕЛИ

Хочу обратить внимание читателей на то, что ни один археолог не нашел ни одной вывески или указателя средневековой Руси. В наши дни, когда даже квартиры имеют небольшие таблички на дверях, на ко-

торых сообщается, например, «доктор права Иванов А.А.», на улицах прикреплены массивные указатели с их названием и ночной подсветкой, учреждения имеют крупные, отливающие золотом вывески, а магазины размещают над входом метровых размеров буквы, чтобы их было видно за версту, возникает законный вопрос: а как же было с этим вопросом в средние века? Неужели же люди ходили как в темном лесу, и только расспрашивали друг друга, где находится нужный храм, городская управа, как называется улица, где парадный, а где черный вход в дом, куда привязывать лошадей, куда отводить их на водопой и так далее? Неужели жители городов никак не помечали многочисленные двери, чтобы знать, куда какая ведет? Все это кажется чем-то странным, не соответствующим высокому уровню культуры, который проявляли те же люди в других областях быта. В самом деле, если владельческие знаки ставились на чем угодно, даже на посуде, и тем самым все вокруг должны были знать, кому принадлежит даже такая бытовая мелочь, то каким же образом оставались без названия несравненно более крупные каменные здания?

Как и во многих других случаях, эти вопросы — свидетельство не средневекового, а вполне современного невежества. В средние века было все — и таблички, и вывески, и указатели. Просто мы их не видим. Точнее, видим, но принимаем за другое. Так, рассматривая старинные здания, построенные из тоненьких средневековых кирпичей (такой кирпич археологи называют *плинфа*), исследователи находят массу каких-то непонятных надписей. Зачем они нужны? В своей монографии о грамотности Руси А.А. Медынцева посвятила этой проблеме шестой раздел второй главы. Вот что она пишет по этому поводу: «*На многих кирпичах, использовавшихся при строительстве древнерусских храмов и гражданских сооружений, сохранились различные клейма и знаки мастеров. Исследователи, столкнувшись с ними, давали время от времени их описания и истолкование, но до сих пор они остаются малоисследованными, и назначение меток и знаков еще полностью не выяснено. Первая попытка классификации знаков на кирпичах была сделана И.М. Хозеровым*[1]*. В наше время работу по классификации, выявлению назначения знаков на кирпичах продолжил Л.А. Беляев*[2]*. И.М. Хозеров разделил все известные знаки на две группы: выпуклые значки, оставляемые вырезами на одном из бортов формы для кирпича, маленькие вдавленные значки на плоской (постелистой) стороне кирпича, оставляемые специальной печаткой. Л.А. Беляев уточнил классификацию, выделив третий тип: метки, нанесенные на сырой кирпич пальцем или каким-либо инструментом, иногда процарапанные по обожженному кирпичу*»[3]. Понятно ли читателю, что

интересует археологов? Выпуклые значки или вдавленные! Ибо назначение меток «полностью не выяснено». Ну, а не полностью?

«*В результате изучения знаков и меток исследователи пришли к выводу, что традиция клеймения кирпича была принесена греческими ремесленниками, участвовавшими в организации строительства первых древнерусских каменных зданий. Причем, как правило, греческие ремесленники ставили клеймо с указанием имени императора или жертвователя. На Руси эта традиция столкнулась с широко применявшимся клеймением гончарных изделий, что привело к новому способу клеймения кирпичей при помощи рельефного оттиска[4]. Среди множества знаков исследователи давно отмечали знаки, напоминающие буквы кириллицы или глаголицы, например, среди руин Успенского собора Киево-Печерской лавры найдено около 140 кирпичей с такими знаками[5]. Но не всегда знак, напоминающий букву, воспринимается как инициал владельца или вообще как буква. Систематическое изучение рядов знаков показало, что многие из них имеют только внешнее сходство с буквами[6]*»[7]. Итак, согласно размышлениям археологов, знаки на кирпичах понимаются как клейма, восходящие к двум источникам — к греческим клеймам строителей и к русским клеймам на гончарных изделиях. На мой взгляд, хотя первое возможно, а второе менее вероятно, основная часть надписей на кирпичах не имеет отношения ни к тому, ни к другому. И назначение этих надписей — совершенно иное.

Первые чтения. Я стал читать надписи на кирпичах довольно давно, с лета 1994 года, но специальных публикаций на эту тему не делал, поскольку были более важные на тот момент направления исследований. Но все-таки одну опубликованную дешифровку я сделал. Она касается двух изображений на кирпичах[8] (рис. 204).

Правда, сейчас я бы внес маленькое уточнение, заменив И на Э и читая первую надпись **СЕ ЭРОТА РОТОНДА** (*ЭТО — РОТОНДА (БОГА ЛЮБВИ) ЭРОТА*). Тем самым первое изображение[9] было ничем иным, как вывеской чего-то вроде дома терпимости в Путивле; вторую надпись[10] из Трубчевска я читаю по-прежнему, **СЬТОЛБ**

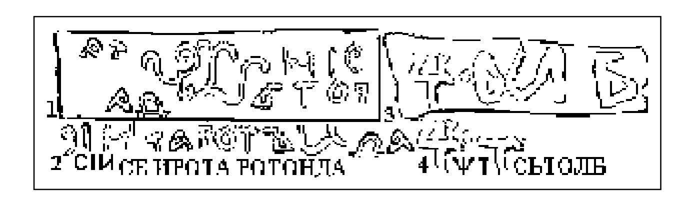


Рис. 204. Мое чтение надписей на кирпичах Путивля и Трубчевска

(*СТОЛБ*). Это — предупреждение тем, кто мог бы не заметить выступающего строения и удариться о него лбом. Обе вывески сделаны смешанным способом, то есть руницей и кириллицей, но первая надпись более запутана и даже зеркальна. Чтобы ее мог прочитать лишь тот, кто этого очень хочет. Кстати сказать, кирпич принадлежал Путивльскому храму и относился к XII веку. Некоторые исследователи предполагали наличие храмовой проституции на Руси, но этому не было доказательства. Теперь оно есть. Что же касается моей замены Э на И, то в свое оправдание скажу, что слоговой знак I мог обозначать любой гласный звук, и я поначалу предположил первое, наиболее вероятное чтение I как И, что давало слово ИРОТ. Я заподозрил, что так назван известный библейский царь ИРОД, и дальше не стал вникать, могла бы русская церковь построить ротонду в честь Ирода, или нет. Но теперь мне ясно, что к Ироду отношение у православных всегда было отрицательным за то, что именно в его правление произошла казнь Спасителя, и кощунственно было бы строить в его честь ротонду при храме. А вот построить ротонду для соединения православных христиан с благочестивыми христианками религия того времени, пронизанная языческими традициями, считала вполне нормальным. И греческая мифология вкупе с греческими строителями тут были бы весьма кстати.

Словом, как бы ни трактовать чтение одного знака из 12, **принадлежность этой надписи к вывеске с названием учреждения** не меняется. И, как видим, речь тут не идет ни о греческом имени строителя, ни о византийском императоре, ни о других клеймах, «напоминаю-

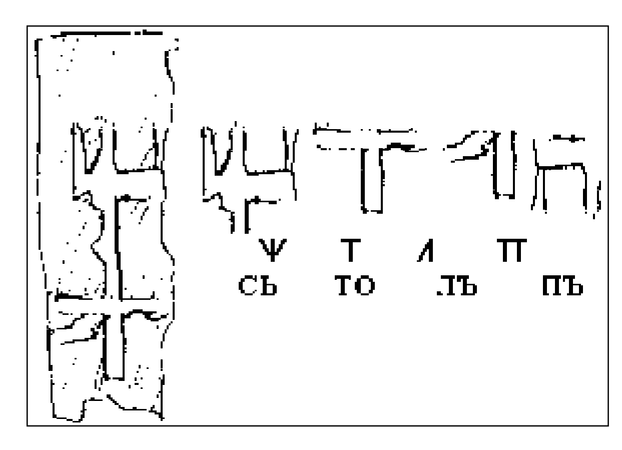


Рис. 205. Мое чтение надписи на кирпиче из Смоленска

щих буквы, но буквами не являющихся». Буквы тут и являются буквами кириллицы, но они перемешаны со знаками руницы. А **вторая надпись является табличкой**; мы бы и сегодня повесили аналогичную, написав, правда, немного пространнее: ОСТОРОЖНО, СТОЛБ! И это тоже не клеймо строителя.

Впрочем, надпись, встречающаяся однажды, — это еще слабое доказательство. Что ж, я готов предоставить аналогичные сюжеты. Сначала — в подтверждение второй таблички. Так, при раскопках на Соборной горе в Смоленске была найдена плинфа, которую издатель (Д.А. Авгусин из МГУ) поместил вертикально (и правильно сделал), хотя изображение назвал «знаком Рюриковичей»[11] (так археологи называют непонятные для них лигатуры из знаков руницы) (рис. 205).

Я читаю надпись **СЬТОЛЪП** (*СТОЛП*). Как известно, столпами в архитектуре называют колонну, поддерживающую своды. В данном случае лигатура составлена только из знаков руницы, и последний знак дан вверх ногами, но таковы были обычные, допустимые нормы руничной орфографии. Так что смысл ее все тот же: ОСТОРОЖНО, СТОЛБ!

Надписи Успенского храма. Теперь надпись как вывеска. Речь идет о надписи-штампе на плинфе из Успенского собора Старой Рязани. Ее читали два эпиграфиста, А.Л. Монгайт[12] и А.А. Медынцева[13] (рис. 206). Сначала я приведу ее изображение, а потом — чтения.

К сожалению, эпиграфисты полагают ниже своего достоинства подписывать буквы изображения стандартными буквами кириллицы (то есть транскрибировать); я это считаю не «причудами гения», а отсутствием элементарного профессионализма. Поскольку, с моей точки зрения, тут вообще нет букв, то приходится гадать, какой из знаков первый исследователь принял за Я и К, а вторая — за Н и К; допус-



Рис. 206. Чтения надписи на плинфе из Рязани А.Л. Монгайтом и А.А. Медынцевой

каю, что это были **разные** знаки, как это следует из моей попытки реконструировать их чтения. А эпиграфисты думают, что читатель — не дурак, и сам поймет, какой знак за какую букву они принимают. На мой взгляд, этот Яков — из той же серии, что Бынята, Селята и Тихота, вычитанные, как и поручик Киже, из совершенно не такого текста. Однако хочется понять логику коллег, чтобы самому не наплодить очередных «Яковов». Итак, сначала процитирую первого исследователя: «*Большая часть кирпичей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера ЯКОВ ТВ..., вероятно, ТВОРИЛ*»[12]. Теперь второго: «*При раскопках Успенского собора в Старой Рязани на нескольких кирпичах были обнаружены надписи однотипного содержания. Надпись была сначала вырезана на деревянной форме и поэтому отпечаталась на боковой части кирпичей «зеркально». Чтение ее затрудняет это обстоятельство и «смазанность», «непропечатанность» отдельных букв. А.Л. Монгайт прочел ее как имя мастера,* ***ЯКОВ ТВ...*** *(ЯКОВ ТВОРИЛ — делал). На изданной фотографии одной из надписей (местонахождение кирпичей в настоящее время не установлено) читаются следующие буквы (справа налево)* ***НКОВ(Ъ) Т(В).*** *Не «пропечатались» полностью верхние части букв Ъ и В, но чтение в целом приемлемо. Пропуск А в имени ИАКОВ вполне вероятен. Датировка надписи затруднена ее плохой сохранностью и краткостью, поэтому наиболее надежна дата архитектурная — середина XII века*[12]»[13]. Итак, якобы архитектор отпечатал в нескольких экземплярах свое имя, то ли ЯКОВ, то ли ИКОВЪ, причем в обратную сторону (такой малости предусмотреть не смог!), фамилию или прозвище не дал. Все это в высшей степени странно! Традиции, как можно судить по украшениям (эта глава у меня идет несколько дальше), были таковы, что фамилия или прозвище указывались непременно, например, УКРАШЕНИЕ МАСТЕРА ПРОТАСОВА или КУЗНЕЦ ГЕОРГИЙ НОСКОВ. Так и тут мас-



Рис. **207.** *Мое чтение надписи Успенского собора Рязани*

тер должен был написать ЗОДЧИЙ ИВАН ПЕТРОВ. И никаких «ТВОРИЛ».

Ну, а что думаю я? А что никакой кириллицы тут нет и в помине, что перед нами нормальная надпись руницей, но читать ее нужно не по фотографии, которая выявляет лишь распределение света от осветительных приборов по поверхности кирпича, а по прориси, где специально подчеркиваются существенные детали. Поэтому я предлагаю сразу и прорись, и мое чтение надписи (рис. 207).

Прежде всего хочу обратить внимание на то, что надпись на самом деле выглядит несколько длиннее тех знаков, которые видны на фотографии, и читается она вполне нормально, слева направо. Два первых знака опознать трудно, но затем следуют привычные лигатуры, которые разлагаются на вполне приемлемые слова: **РУСЬ. РАЗАНЬ. ВЕЛИКИ СЬБОРЪ ВУСЬПЕНЪСЬКЪЙ.** В современной орфографии это выглядело бы так: *РУСЬ. РЯЗАНЬ. ВЕЛИКИЙ СОБОР УСПЕНСКИЙ*. Ну, а сейчас мы бы написали чуть иначе: РОССИЯ. РЯЗАНЬ. ВЕЛИКИЙ УСПЕНСКИЙ СОБОР. Как видим, разница очень невелика.

Такова вывеска Успенского собора, сделанная в нескольких экземплярах. Кстати, читатель видит, что я не оставляю прорись на усмотрение желающих, а приписываю внизу по крайней мере еще три строки от себя, чтобы каждый этап дешифровки был виден, и чтобы, если я не прав, мне могли бы сказать, где именно. Но я вернусь к работе А.Л. Монгайта еще раз, чтобы продемонстрировать его предыдущий рисунок из той же статьи[15].

На кирпичах верхнего ряда слева от щели видны две лигатуры (рис. 208). Левая читается справа налево как **ВОЙДИ**!, а правая слева на-



Рис. 208. Мое чтение надписей на кирпичах Успенского собора

право — как **ВЫЙДИ**! Сегодня мы бы написали чуть иначе, ВХОД и ВЫХОД. Так что слева был вход, справа выход, как это и до сих пор принято в помещениях, например в метро. Надписи же сделаны по возможности симметричными, чтобы они выглядели красиво. Такова была графическая эстетика тех дней. И таковы были таблички входа и выхода.

Я помещаю внешний вид реконструкции южного фасада Успенского собора[16] (рис. 209), чтобы читатель мог видеть, как примерно выглядел этот храм. А заодно и многие похожие храмы, чьи надписи на плинфе я хотел бы прочитать.

Надписи Борисоглебского храма. Если уж речь зашла о Рязани, то есть смысл остановиться на кирпичах Борисоглебского собора и их надписях. Исследователи отмечают, что «*на торцах некоторых кирпичей Борисоглебского собора оттиснуты рельефные знаки кирпичей. Полагают, что ими отмечали партии кирпича для загрузки печи при обжиге, хотя это не единственное решение вопроса*»[17].

На камнях Борисоглебского собора я вначале рассмотрел (рис. 210) группу однотипных надписей, которую читаю, разлагая лигатуры, так: **КОНЬ, КОНЬ, МОНАХЪ, КОВАЛЬ, КОНАШЬКА, КОНАКИ** (*КОНЬ, КОНЬ, МОНАХ, КУЗНЕЦ, КОНЯШКА, КОНЯ-*

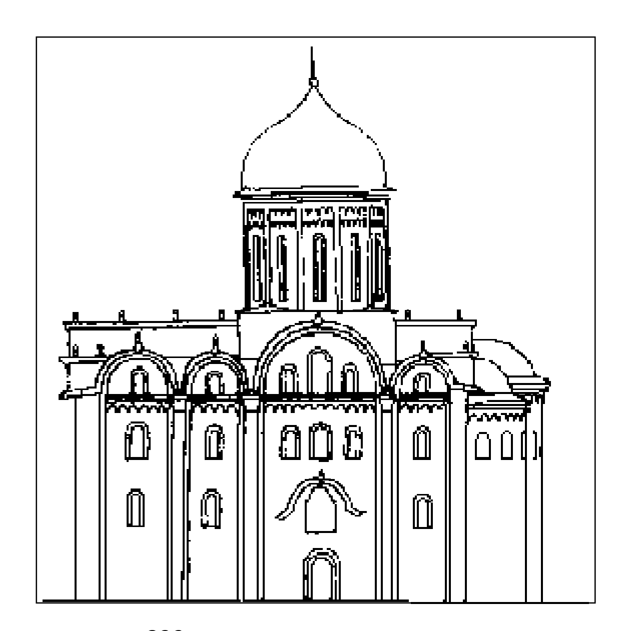


Рис. 209. Реконструкция южного фасада Успенского собора

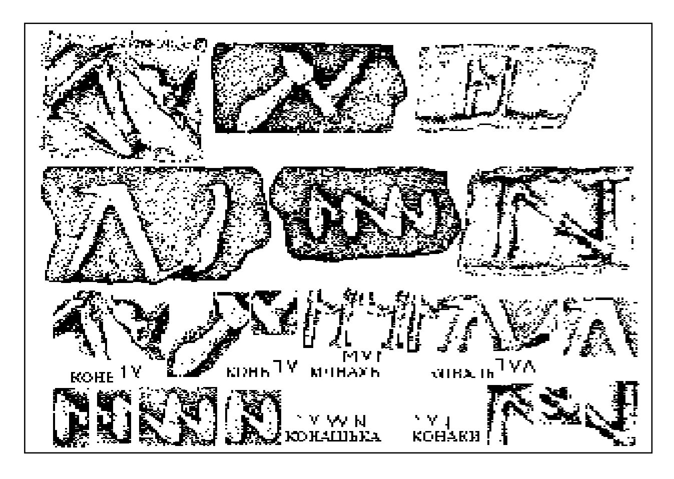


Рис. 210. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

КИ). Иными словами, речь идет о месте размещения лошадей возле собора и, говоря современным языком, о *месте остановки транспортных средств*. Ну и, разумеется, о первой *техпомощи* в виде кузнеца и о духовной помощи со стороны монаха. Так что ни о каких значках в качестве меток для кирпичей определенной партии при обжиге тут речь не идет.

Еще один кирпич того же собора я скопировал из двух источников — из книги двух авторов о древней столице Рязанской земли[17] и из монографии А.Л. Монгайта о Рязани[18] (рис. 211). Эти рисунки имеют отношение к одному и тому же сюжету, но начертание каждого графического элемента у них разное. И, кроме того, второй рисунок содержит слева один лишний элемент, отсутствующий на первом рисунке. Сопоставив обе лигатуры, я разъединил их на составные части и про-



Рис. 211. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

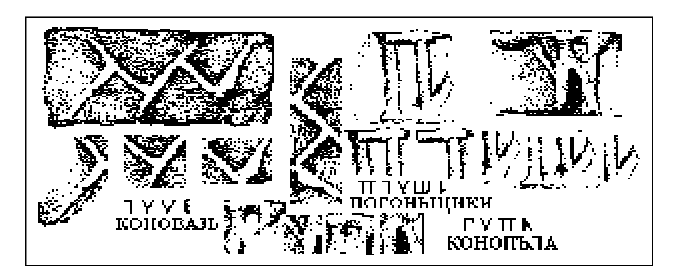


Рис. 212. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

читал каждый знак руницы; у меня получилась надпись **ВЫПЪРЯГЪ НА КАРЕТЕ** (*ВЫПРЯГ (ЛОШАДЕЙ) ИЗ КАРЕТНОЙ УПРЯЖИ*). Таким образом, было предусмотрено не только место «остановки» лошадей, но и обозначалось место, где разрешалось выпрягать уставших и запрягать свежих лошадей. Так что в данном случае мы имеем дело опять с вывеской.

Продолжим рассмотрение еще нескольких знаков на кирпичах того же собора[17] (рис. 212). На одном из кирпичей я читаю слово **КОНОВАЗЬ** (*КОНОВЯЗЬ*), что означает уже «парковку» лошадей, а не их остановку. Если места высадки были небольшими, но многократными, то коновязи достаточно быть одной, но обширной.

Другое слово — **ПОГОНЬЩИКИ** (*ПОГОНЩИКИ*). Видимо, так назывались те служители храма, которые помогали сдвигаться тяжелым повозкам; а для верховых дворян они оказывали услугу: брали под узцы лошадь и отводили к коновязи, где и привязывали ее на время моления хозяина. Позже они, видимо, по сигналу хозяина, отвязывали и подводили ее к господину. Наконец, на одном кирпиче можно прочитать слово **КОНОПЪЛА** (*КОНОПЛЯ*), так что здесь было место торговли коноплей.

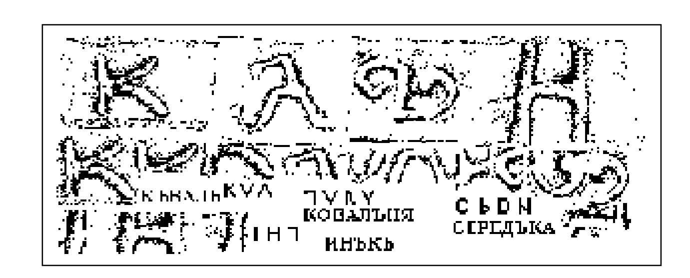


Рис. 213. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора



Рис. 214. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

На следующих кирпичах[17] (рис. 213) я читаю **КОВАЛЬ, КОВАЛЬНЯ, СЕРЕДЪКА** и **ИНЪКЪ** (*КУЗНЕЦ, КУЗНИЦА, СЕРЕДИНА* и *ИНОК*). Понятно, что кузнецы могли делать мелкий ремонт прямо на месте (они соответствуют нынешним автомеханикам), поэтому их требовалось несколько человек, тогда как кузница (нынешняя аналогия – авторемонтная мастерская) была нужна всего одна. Ряд людей предпочитали оставить лошадей посередине площади перед храмом, чтобы было примерно одинаково вести лошадь к любым из дверей – заранее трудно было понять, откуда может выйти хозяин. Что же касается надписи ИНОК, то это слово обозначает местонахождение монаха; при пострижении обычный человек становился как бы иным. Монахи выполняли ряд особых функций и могли потребоваться мирянам.

На следующих пяти кирпичах того же собора[19] (рис. 214) я читаю **ВЪНИЗЬ** и **ВЪНИ(ЗЬ)** (*ВНИЗ*); это означает, что ехать или идти следует под уклон; затем на одном кирпиче читается **НЫТЬРАВО**, а на двух других – **ВЪЛЕВО** (*НАПРАВО* и *НАЛЕВО*). Это весьма распространенные и сегодня указатели направления движения.

На пяти других кирпичах (рис. 215) читаю: на двух **ЗАЙДИ**, на остальных трех – **ВОЙДИ**. Таким образом, в средние века любили

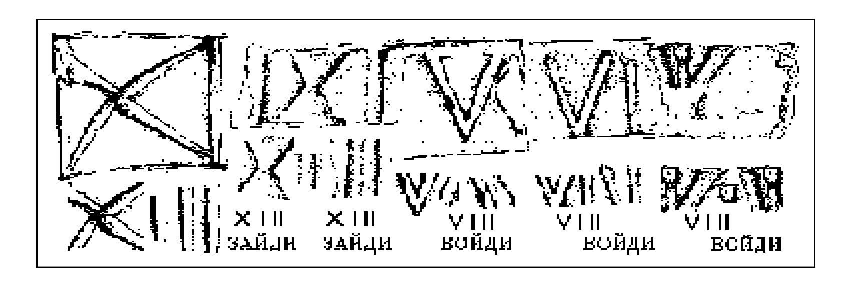


Рис. 215. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

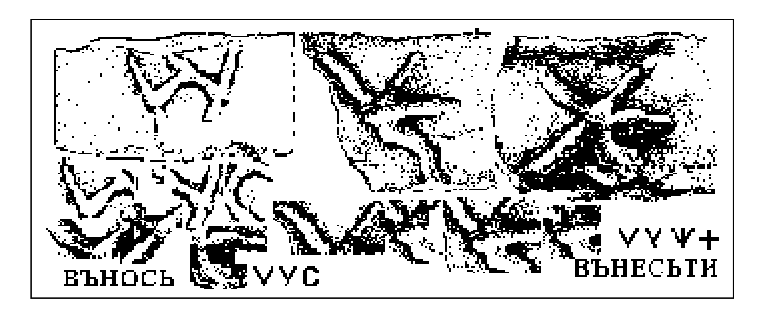


Рис. 216. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

писать не существительные ВХОД или ВЫХОД, а глаголы в повелительном наклонении.

Следующие три надписи[20] (рис. 216), на мой взгляд, имеют отношение к одной из функций православного храма – отпеванию покойников. Для внесения гроба и вынесения его из церкви должны существовать специальные двери, на которые и указывают данные таблички. На первой и третьей я читаю **ВЪНОСЬ** (*ВНОС*) (так что изредка встречаются и имена существительные), на второй – **ВЪНЕСЬТИ** (*ВНЕСТИ*).

Что же касается выноса гроба, то табличка для указания на это действие выглядит весьма замысловато.

На этой серии табличек [20] (рис. 217) читаю: **ВЫНЕСЬТИ УСОПЪШИХЪ**, а также **ТЕЛО** и **ТЕЛО**. Таким образом, выход с гробом оформлялся как табличка *ВЫНЕСТИ УСОПШИХ*, а каждое место для гроба внутри церкви имело табличку *ТЕЛО*. А место, с которого полагалось выносить гроб после отпевания и приколачивания крышки, обозначалось табличкой **ВЪЗАЛЪ** (*ВЗЯЛ*).

На трех следующих кирпичах Борисоглебского собора[20] (рис. 218) читаю надписи **ЗАЙТИ**, **БОЛАЩИ** (*БОЛЯЩИЕ*) и **РОВЪ** (*РОВ*).

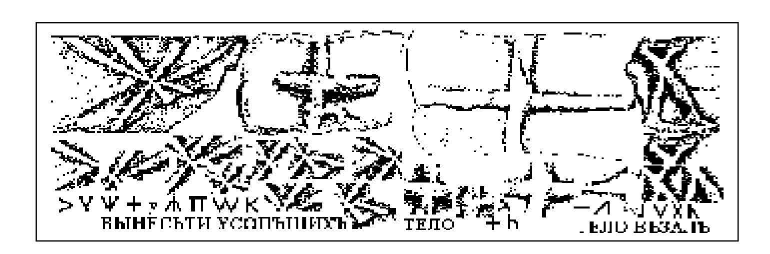


Рис. 217. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора



Рис. 218. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

Первый является обозначением входа в одно из помещений храма, второй – места сбора больных, жаждущих исцеления, второй указывает на начало рва возле храма, куда можно при неосторожности упасть.

Еще три надписи оттуда же[21] (рис. 219) читаю **ТЕЛЕГА СЬДЕСЬ** (*ТЕЛЕГА ЗДЕСЬ*) (знаки СЬ – зеркальные). Эта вывеска означает место остановки телег. На следующем кирпиче читается просто **СЬДЕСЬ** (*ЗДЕСЬ*), где оба знака СЬ опять зеркальные. Наконец, на третьем кирпиче я читаю надпись **ПОВАРЬ** (*ПОВАР*). Полагаю, что это была не монастырская трапезная, а бесплатная раздача еды для нуждающихся.

Три последних надписи на кирпиче (рис. 220) читаются так: **ВЫЙТИ**, **ГОРОДЪ** и **КОНОВЯЗЬ**, причем на надписи *ГОРОД* имеется стрелочка, указывающая влево. Следовательно, дорога из церкви в город Рязань проходила слева от выезда из церкви.

Кроме того, знаки были обнаружены не на торцевой, а на верхней поверхности кирпича (рис. 221). Было бы интересно прочитать и их.

На них я читаю: на большей **ПАЛАТЫ ГОРЕ** (*ПАЛАТЫ НАВЕРХУ*), а на меньшей – **РОТОНЪДЫ ПЪРАМО** (*РОТОНДЫ ПРЯМО*). Слово ПАЛАТЫ могло обозначать покои для клириков высокого ранга, тогда как смысл одной из ротонд мы уже выяснили выше. Однако, возможно, что существовали ротонды и для других целей.

Тем самым прочитаны 42 из 44 надписей. Из двух непрочитанных одна представляет собой обломок с лигатурой, и по сохранившемуся фрагменту трудно решить, что было начертано на целом кирпиче. Второй – треугольник, образованный из 6 треугольников меньшего размера, и представляет собой не надпись, а символ.

Теперь есть смысл рассмотреть ряд кирпичей Путивльского храма XII века.

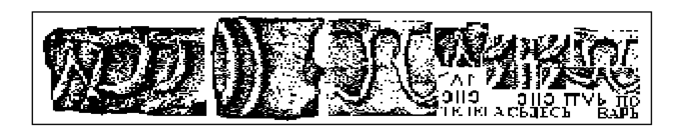


Рис. 219. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

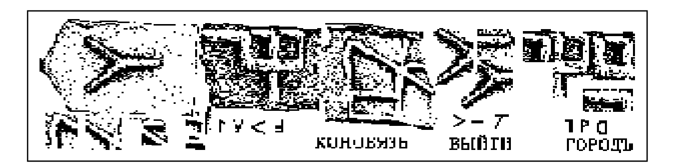


Рис. 220. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

Надписи Путивльского храма. Первую надпись (рис. 222) принимаю за христианские символы; два креста, как мне кажется, изображают какую-то очень большую святыню, возможно, алтарь. Либо это вообще символ православной церкви. Следующий знак я поначалу тоже принял за символ, но оказывается, его можно разложить на слово **ПОВОРОТЫ**, что соответствует функции указателя. Далее дважды встречается слово **ЛИКЪ** (*ЛИК*), что указывает на место расположения иконы. Два кирпича имеют довольно простую в начертании лигатуру, которую тем не менее разложить на части было довольно трудно; мне кажется, что ее чтением будет **МАТЕРЬ БОЖИЯ**. Далее в виде положенной на бок буквы Т мне представляется указатель **НАПРАВО**; сейчас мы для этих целей используем стрелочку ®. Следующую лигатуру я читаю **СЬПАСЬ** (*СПАС, СПАСИТЕЛЬ*). Две оставшиеся надписи читаются **ЛЕВАЯ** и **ЛИКИ**. Таковы значения еще 10 надписей. Хочу обратить внимание на то, что если в Успенском и Борисоглебском соборах надписи представляли собой наружные указатели, упорядочивавшие деятельность людей перед храмом, то тут мы имеем дело с указателями внутренними, находившимися в интерьере.

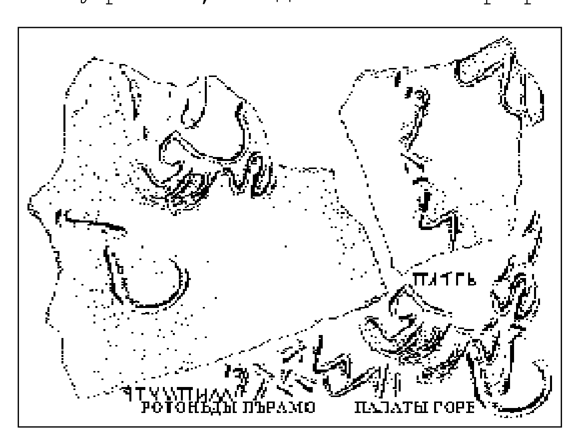


Рис. 221. Мое чтение надписей на кирпичах Борисоглебского собора

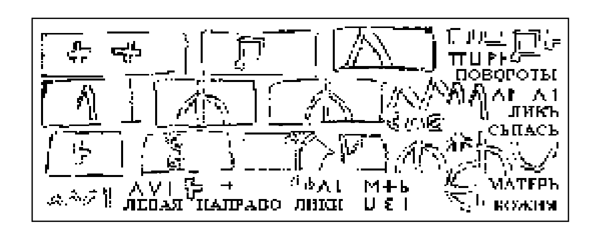


Рис. 222. Мое чтение надписей на кирпичах Путивльского храма

Надписи Иоанно-Предтеченского храма. Ряд надписей XI–XII вв. был обнаружен и на плинфах Иоанно-Предтеченской церкви при раскопках Киевского Подола[22] (рис. 223).

Правда, почти ничего нового по сравнению с тем, что мы уже видели, тут нет. Трижды повторяется надпись входа **ВОЙДИ**, начертанная справа налево (в последнем случае археолог по ошибке опубликовал надпись с разворотом на 180°), что позволяет думать, что это было сделано умышленно. Иными словами, такова была традиция ради симметрии с надписью ВЫЙДИ. Слова **МАТЕРЬ БОЖИЯ** начертаны на двух кирпичах, и с разворотом нижней части на 180° по сравнению с кирпичами Путивльского храма. Есть здесь и надпись **ЛИКЪ**, тоже знакомая. Новой оказывается надпись **ХС**, которую можно принять и за **IC ХС**, обычную аббревиатуру *ИИСУСА ХРИСТА*, но она вполне соответствует по смыслу надписи СПАС. Несмотря на повтор, эти надписи весьма важны для того, чтобы показать, что набор указателей в храмах был стандартным. В данном случае кирпичи опять были взяты из интерьера.

А на последних 9 кирпичах из той же церкви[23] (рис. 224) (верхний ряд рисунка) можно прочитать наряду со старыми и несколько новых надписей. Так, вначале речь идет об иконе Спасителя, и это место помечено инициалами **IC**. Другое место помечено почти так же, **БОГЪ IC** (*БОГ ИИСУС*). Затем начертано слово **БОЖИЙ**; следующий кирпич археолог поместил не рядом, так что потерялось слово **ЛИКЪ**;

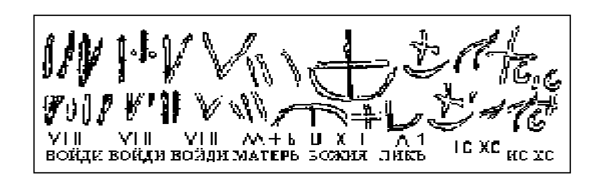


Рис. 223. Мое чтение надписей на кирпичах Иоанно-Предтечинской церкви



Рис. 224. Мое чтение надписей на кирпичах Иоанно-Предтечинской церкви

на мой взгляд, полная надпись должна была звучать *БОЖИЙ ЛИК*. Следующую надпись из лигатуры и отдельно стоящего знака я начинаю читать с него, читая тем самым справа налево слова ИКОНА-ЛИКЪ; поскольку речь не идет о конкретном святом, вероятно, тут должна была помещаться икона регионального святого. А вот далее место предназначалось для персонифицированного святого: на кирпиче начертано **СЬВЯТОЙ ПЕТЪРЪ** (*СВЯТОЙ ПЕТР*). Далее я читаю слово **ВОЙДИ** (*ВХОД*), но уже нормально, слева направо. Далее следуют две весьма красивые лигатуры, одну из которых я читаю **ПАПЕРЪТЬ** (*ПАПЕРТЬ*), а другую я не мог прочитать чисто слоговым способом и прочитал как надпись смешанного письма, **ХОРЫ**. Последняя надпись нам уже знакома, это **ЛИКЪ** (*ЛИК*).

До сих пор мы рассматривали надписи на кирпичах православной церкви, но есть возможность проанализировать и кирпичи католического храма.

Надписи на кирпичах Каложского храма. На кирпичах этой церкви, видимо, тоже XII века, можно прочитать ряд надписей (рис. 225). Первую лигатуру я читаю как **СЬПАСЬ** (*СПАС, СПАСИТЕЛЬ*). Если на лигатуре Путивльского храма она располагалась вертикально, то тут она размещена горизонтально. Далее следует знак в виде Мальтийского креста. Мне представляется, что таково обозначение католического храма, в отличие от обозначения православного храма как короткого равноконечного креста, +. Две лигатуры подряд, несколько разной формы,



Рис. 225. Мое чтение надписей на кирпичах Каложской церкви

я читаю как слово **ИНЬКЪ** (*ИНОК*, монах). Из этого сразу видно, что здесь были зарисованы кирпичи внутренних стен. Затем идет знакомая лигатура, читаемая **ВЪЛЕВО** (*ВЛЕВО*), и новое слово **ЛИТЬВА** (*ЛИТВА*); Гродно в то время входило в Русь-Литву. Последнюю лигатуру я читаю как слово **ЛИКИ** (либо *ИКОНЫ*, либо *СКУЛЬПТУРЫ*). Как видим, пока надписи католического храма совпадают с таковыми храма православного.

На 9 следующих кирпичах надписи имеют в основном новый характер (рис. 226). Прежде всего две надписи подряд читаются **ВЪ ДАРОНОСИЦЫ**, слегка различаясь начертанием знаков (варианты я обозначил в транскрипции, поместив их чуть выше строки). Следовательно, здесь находилась лестница, или дверь, ведущая в помещение, где хранились дароносицы. Затем «жирным шрифтом» две лигатуры, над которыми пришлось поломать голову. Надпись я читаю **СЬВАТЫЕ ВЪРАТА**, то есть *СВЯТЫЕ ВРАТА*. Не уверен, что это ЦАРСКИЕ ВРАТА православной церкви. Два других знака совершенно ясны: надпись **ЧАРА**. Затем опять четыре знака, над которыми пришлось изрядно поломать голову. Эти лигатуры я читаю как **НОВЫ ВЫЙТИ, НОВЫ ВОЙТИ** (*НОВЫЙ ВЫХОД–НОВЫЙ ВХОД*). Затем лигатура, прочитанная как **ВЫЙТИ–ВОЙТИ** (*ВЫХОД–ВХОД*). При этом обращаю внимание на то, что на первом месте в перечислении в обоих случаях ставится выход, а не вход, как принято сегодня. Наконец, в двух случаях читаю лигатуру как **ЕЛЕЙ**; так обозначено место хранения *МИРА* или место для *МИРОПОМАЗАНИЯ*. Как видим, здесь обозначены прежде всего места интерьера, со свойственными католической церкви реалиями — святыми вратами, дароносицами, елеем и так далее.

Надписи на кирпичах Нижнего храма. В Гродно сохранились руины Нижней церкви, разрушенной в 1183 году. На ее кирпичах тоже сохранились надписи[25] (рис. 227).

В надписях на кирпичах Нижней церкви можно прочитать знакомое слово **ЛИКИ**, затем новое слово **ГОРЕ**, что означает *НАВЕРХУ-*

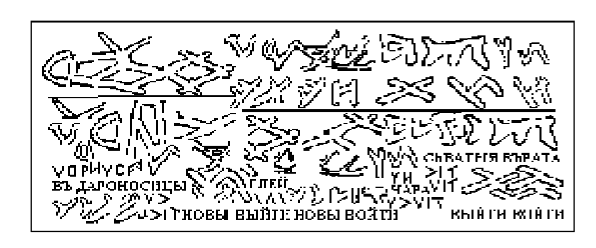


Рис. 226. Мое чтение надписей на кирпичах Каложской церкви

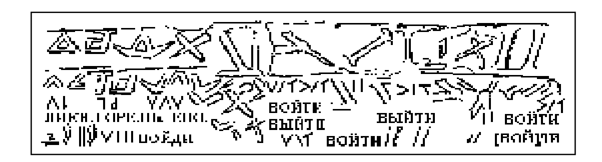


Рис. 227. Мое чтение надписей на кирпичах Нижней церкви Гродно

(кстати, читается справа налево и оба знака развернуты влево, так что смысл знака не просто «наверху», а *НАВЕРХУ СЛЕВА*). Далее читается слово **ВЪЛЕВО** (*ВЛЕВО*), начертанное чуть иначе, затем — **ВОЙТИ-ВЫЙТИ**, потом дважды слово **ВЫЙТИ**, начертанное по-разному, и вслед за ним — **ВОЙТИ** и **ВОЙДИ**. Далее — опять ВОЙТИ и заключительный фрагмент слова **[ВОЙ] ДИ**. Так что новых слов тут практически нет.

На продолжении кирпичей (рис. 228) читаю: **ИНЪКЪ, ВЫЙТИ, ВЪНЕСЬТИ ГЪРОБЪ** (*ИНОК, ВЫЙТИ, ВНЕСТИ ГРОБ*). Последняя надпись подтверждает мое предположение, высказанное при чтении кирпичей других церквей, о том, что слово ВНЕСТИ сочетается со словом ГРОБ. Затем уже известная надпись **ВЪ ДАРОНОСЬЦЫ**, но с дополнением *ИДИ*. Наконец, слово ВОЙДИ. Итак, уже знакомые слова начали повторяться.

Надписи на кирпичах храма Трубчевска. В районном центре Брянской области, городе Трубчевске, были обнаружены кирпичи XII–XIII вв. от существовавшей тогда церкви. На кирпичах имеются надписи[26] (рис. 229), которые я читаю: **МОЛИТЪВЪНЪНЪКЪ**, то есть *МОЛИТВЕННИК* — место нахождения молитвенника; четырежды в разных начертаниях слово **ИНОКЪ** или **ИНЪКЪ** (*ИНОК, МОНАХ*) — так обозначено местонахождение монахов, из чего следует, что храм размещался на территории монастыря. Далее следует **ВЫЙТИ–ВОЙТИ** (*ВХОД–ВЫХОД*); очень любопытная надпись **ВЫЙДИ КЪ БОГОЯВЛЕНЕЮ**; это — особый *ВЫХОД К ПРОЦЕССИИ БОГОЯВЛЕНИЯ* (здесь применена обычная орфография руницы, где

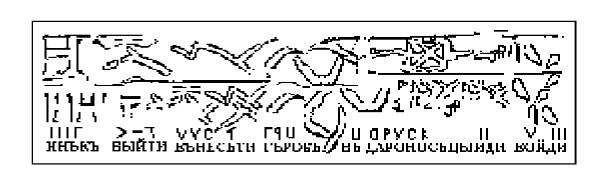


Рис. 228. Мое чтение надписей на кирпичах Нижней церкви Гродно

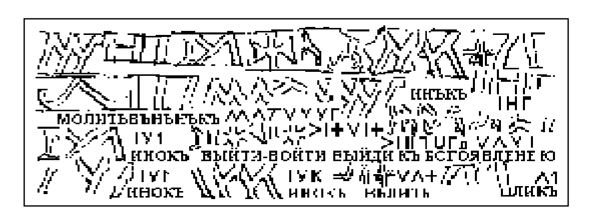


Рис. 229. Мое чтение надписей на кирпичах церкви Трубчевска

слоговой знак НИ часто заменяли на знак НЕ); наконец, **ВЪЛИТЬ** (*ВЛИТЬ*, видимо, святой воды) и **ЛИКЪ** (*ЛИК, ИКОНА*). То есть тут выявляются некоторые реалии монастырского храма.

Надписи на кирпичах храма Смоленска. Ряд надписей на кирпичах церкви XII века из Смоленска опубликовал Д.А. Авдусин (рис. 230). При этом он заметил, что «*между археологами нет единого мнения о значении этих знаков. Одни их считают своеобразной «фабричной маркой» ремесленника, другие видят в них знак заказчика. Существуют и варианты этих мнений. Неразрешенность вопроса, его недостаточная исследованность в значительной степени объясняются невниманием к публикациям клейм и знаков*»[27]. Полностью соглашаясь с этим исследователем в отношении невнимания и вместе с тем понимая, что без знания руницы чтение этих знаков невозможно, я опять подчеркиваю, что знаки не отражают ни клейма ремесленника, ни клейма заказчика. Что же касается конкретных кирпичей[28], то на них я читаю знакомые слова: **ПОЙТИ, ЛИКИ, ЛИТЪВА, ЛИКЪ-ИКОНА** (*ПОЙТИ, ЛИКИ, ЛИТВА, ЛИК-ИКОНА*). Встречаются тут и слова **ГОРОДЪ, ИНОКЪ, КОВАЛЬ, ВОЙДИ** (*ГОРОД, МОНАХ, КУЗНЕЦ, ВХОД*).

На другой части кирпичей (рис. 231) можно прочитать **ВОЙДИ, И ВОЙДИ, ЛИКЪ** и новое слово **УГОЛЪ** (*ВХОД, ЕЩЕ ВХОД, ЛИК* и *УГОЛ*). Возникает впечатление, что эти надписи со внутренних стен храма. Однако тут же можно прочитать надпись **КАРЕТЫ**, которая относится скорее к наружной части, хотя это мог быть выход



Рис. 230. Мое чтение надписей на кирпичах храма Смоленска



Рис. 231. Мое чтение надписей на кирпичах храма Смоленска

из церкви к каретам. Остальные слова – **ВОЙДИ** и **НАПЪРАВО** - комментариев не требуют.

На оставшейся части кирпичей надписи (рис. 232) как будто говорят в пользу их принадлежности к наружной стене. Тут я читаю: **КЪ РЕКЕ, ВЪ КАРЕТНУЮ, ВОЙДИ СЬ СЕВЕРЪ** и **КОЛЕСЪ** (*К РЕКЕ, В КАРЕТНУЮ* (*МАСТЕРСКУЮ*), *ВОЙДИ С СЕВЕРА* и *КОЛЕСА*). Предложение входить с северного входа, возможно, было обусловлено тем, что южный вход мог быть как раз приспособлен в качестве выхода к каретам, а также в сторону каретной мастерской вкупе с мастерской колесника. Что же касается выхода к реке, то, вероятно, ею был Днепр, на котором построен Смоленск.

Я не ставил своей задачей создать энциклопедию всех надписей на кирпичах, когда-либо опубликованных археологами; я лишь хочу понять общую тенденцию таких надписей. Полагаю, что две церкви Рязани, две церкви Гродно, церкви Путивля, Трубчевска и Смоленска дали достаточно представительный материал по вывескам и указателям. Конечно, остается еще много непрочитанных кирпичей из храмов, но теперь уже можно примерно догадываться, что именно на них начертано. Поэтому я перехожу к другим сюжетам – исследованию надписей на кирпичах княжеских замков. В отличие от культовых центров, храмов, замки представляют собой образцы каменной архитектуры светской направленности.

Кирпичи Гродненского замка. Целую монографию городу Гродно посвятил Н.Н. Воронин. В нем, в частности, есть публикация медной таблички и двух кирпичей с надписями[29] (рис. 233), которые я считаю



Рис. 232. Мое чтение надписей на кирпичах храма Смоленска

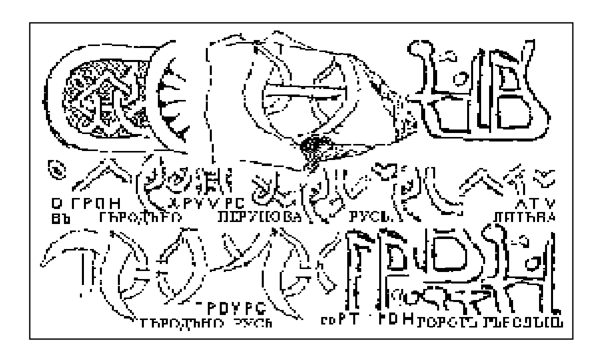


Рис. 233. Вывески с названием города Гродно и мое их чтение

вывесками с названием самого города. На медной табличке в виде узора начертано: **ВЪ ГЪРОДЪНЪ, ПЕРУНОВА РУСЬ, ЛИТЪВА** (*В ГРОДНО, ПЕРУНОВА РУСЬ, ЛИТВА*). А на кирпичах я читаю: на первом – **ГЪРОДЪНО, РУСЬ** (*ГРОДНО, РУСЬ*), а на втором – **ГОРОТЪ ГЪРОДЪНЪ** (*ГОРОД ГРОДНО*). Полагаю, что с точки зрения средневековой эстетики все три надписи необычайно красивы.

Что же касается стандартных надписей на кирпичах (рис. 234), то на одном указателе написано **ГОРОДЪ**, на двух других – **ГРОДНО** и **ГЪРОДЪНЪ** (*ГОРОД* и *ГРОДНО*). Эти надписи я отношу к деловому, достаточно строгому стилю. В том же стиле выполнены и остальные надписи: две надписи **РЪНОКЪ** (*РЫНОК*), надпись **ВЪЛЕВО** (*ВЛЕВО*), **ВОДА** и символ *КРУТОЙ ПОВОРОТ*.

На других кирпичах (рис. 235) можно прочитать надписи **КЪ КАВАЛЪНЕ** (*К КУЗНИЦЕ*), а также надписи **СЬВОЗЬ**, дважды **ГОРОДЪ, ЛИТЪВА, РОВЪ, ТОЧЬКЪ, ВЬЕХАЛЪ** (*СВОЗ, ГОРОД, ЛИТВА, РОВ, ТОЧИЛЬЩИК, МЕСТО ПАРКОВКИ*). Здесь же помещены и два символа: *ПЕРЕКРЕСТОК* и *ЗИГЗАГ*.

Еще ряд кирпичей содержит надписи (рис. 236): **МОЛОКО, ИНЪКЪ, КОВАЛЬ, МУСОРЪ, РЕКА** и **СЬТОЙ** (*МЕСТО ПРОДАЖИ МОЛОКА, МОНАХ (ИНОК), КУЗНЕЦ (КОВАЛЬ), МЕСТО*

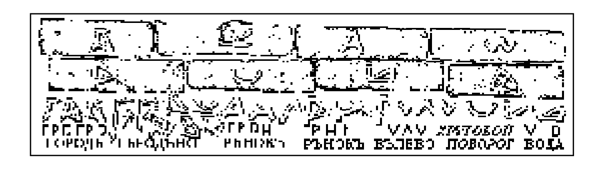


Рис. 234. Мое чтение надписей на кирпичах замка Гродно



Рис. 235. Мое чтение надписей на кирпичах замка Гродно

ВЫБРАСЫВАНИЯ МУСОРА (*ПОМОЙКА*), *РЕКА* и *СТОЙ!* (*МЕСТО ДОСМОТРА ПРИЕХАВШИХ*)). Кроме того, имеется два символа-указателя дорожного движения: *ДВИЖЕНИЕ ВЛЕВО* и *МЕДПУНКТ*. Словом, вполне в духе современных городских указателей.

Полагаю, что существовало довольно много таких чисто символических указателей на кирпичной брусчатке[30] (рис. 237), которые мы сейчас рассмотрим подробнее.

Прежде всего полагаю, что кирпичи были развернуты не поперек, а вдоль движения. Тогда развилка справа находилась ближе к зрителю и означала его направление движения. Следующая линия, искривляющаяся вверх или вниз, при таком расположении означала легкий поворот направо или налево, тогда как короткий перечеркивающий ее отрезок означал пересечение с поперечной улицей. Мои цифры 1–11 соответствуют нумерации знаков Н.Н. Воронина, а цифра 12 соответствует знакам 30–35 Воронина. Более конкретно знак 1 означает *ПРЯМО, СЛЕГКА НАПРАВО*, знаки 2, 3 и 5 – *ПРЯМО ДО ПОПЕРЕЧНОЙ УЛИЦЫ*, знаки 4, 6, 7, 8 и 11 – *ПРЯМО, ПЕРЕСЕКАЯ ПОПЕРЕЧНУЮ УЛИЦУ* (при этом возможны небольшие повороты вместе с дорогой), знаки 9 и 10 – *МИМО РАЗВИЛКИ ДО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С ГЛАВНОЙ МАГИСТРАЛЬЮ*; знак 12 – *ОБЪЕЗД ВПРАВО*. Уже это свидетельствует о существовании в XII веке в Гродно правил дорожного движения. С другой стороны, не следует забывать о том, что это была не Киевская или Новгородская Русь, а Русь-Литва.

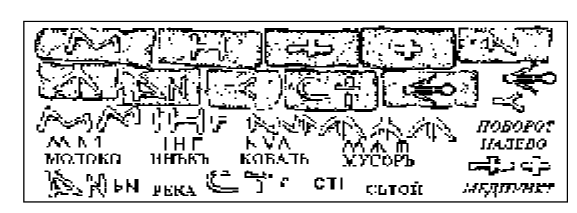


Рис. 236. Мое чтение надписей на кирпичах замка Гродно

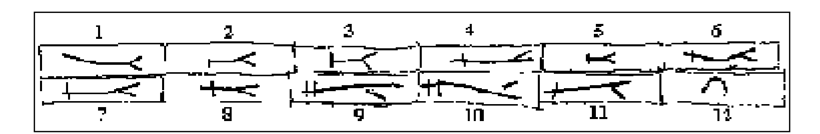


Рис. 237. Знаки дорожного движения на брусчатых кирпичах Гродно

Дальнейшую часть знаков (рис. 238) я развернул так, как их должен был видеть участник дорожного движения. Кирпичи, которые у меня пронумерованы с 13 по 30, соответствуют кирпичам в нумерации Н.Н. Воронина с 11 по 29 за вычетом знака 15 в виде **Э**, что соответствует движению *ВПРАВО В ОБЪЕЗД С ПЕРЕСЕЧЕНИЕМ*, но не какому-то письменному тексту. Все же остальные изображения передают текст, начертанный руницей. Его я читаю так: знак 13 – **ПУТЬ** (*С ПЕРЕСЕЧЕНИЕМ*), 14 – **ЖЬДАТЬ** (*ЖДАТЬ*, вариант знака *СТОЙ*), 15 – **ВЪЛЕВО** (*ВЛЕВО*), 16 – **ГОНИ**! (аналог указателя современных скоростных трасс), 17 – **ТЪПЪРУ**! (*ТПРУ*, возглас извозчика, тормозящего лошадь, соответствует современной надписи ТОРМОЗИ!), 18 – **ЛЕДЪ** (*ЛЁД*, при обледенении карета может пойти юзом, а лошадь – поскользнуться и даже упасть), 19 – **ТЬРОГАЙ**! то есть (*ТРОГАЙ*! соответствует современной вывеске ОСТАНОВКА ЗАПРЕЩЕНА), 20 – **ЖЬДИ** (*ЖДИ*), 21 – **ВЪЛЕВО** (*ВЛЕВО*) (после пересечения с улицей, отходящей вправо, и по достижении основной магистрали), 22 – **ЧЬЛЪНЪ** (*ЧЕЛН*, *ЛОДКА*, иными словами, ВПЕРЕДИ ПРИСТАНЬ), 23 и 24 – **ЖЕСЬТЬ** (*УКРАШЕНИЯ*, торговля сувенирами), 25 – **ВЫСЪКИЙ** (*ВЫСОКИЙ*, возможный проезд под мостом или аркой), 26 – **И ПЪРЯМО** (*И ПРЯМО*, видимо, после показателя поворота), 27 – **СЬТОЙ** (*СТОЙ*), 28–30 –

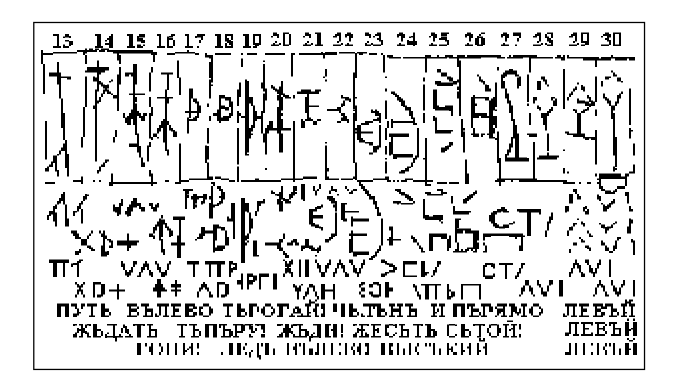


Рис. 238. Мое чтение знаков дорожного движения из Гродно

ЛЕВЫЙ (наличие левого поворота; обозначение пунктиром первого знака, видимо, подчеркивает не обязательность, а лишь возможность такого поворота). Поскольку правые повороты особо не обозначены, они, следовательно, возможны всегда, тогда как левые помечены специальным знаком; из этого я делаю вывод о наличии **правостороннего движения** в средние века. Как и в наши дни.

Следующая партия знаков с 31 по 42 (рис. 239) соответствует знакам с 36 по 47 в нумерации Н.Н. Воронина. И уже первый кирпич необычен. На нем размещено что-то вроде карты из двух параллельных прямых улиц с 5 пересечениями и двумя диагоналями. Слева, возможно, обозначены места парковки гужевого и верхового транспорта, справа — объезд. Подрисуночную подпись прочитать довольно сложно, поскольку при таком обилии пересечений появляется множество вариантов знаков; я предпочитаю прочитать текст кирпича 31 как слова **ПЪЛАНЪ СЬВОДЬНЫ** (*ПЛАН СВОДНЫЙ*). Это, разумеется, не карта, но все же схема. До сего момента я и помыслить не мог, что в XII веке можно было увидеть схему проезда по ряду улиц!

На кирпиче 32 тоже читается два слова, **НИЖЬНЕ ВУЛИЦЫ**, то есть *НИЖНИЕ УЛИЦЫ*. Поскольку Гродно стоит на реке Немане, полагаю, что НИЖНИЕ УЛИЦЫ — это те, которые примыкают к реке. А затем следуют односложные надписи: 33 — **ВЬЕЗЪЖАЙ**, то есть *ВЪЕЗЖАЙ*, 34 — **ИЗЬВЬВЫ** (*ИЗВИВЫ*), 35 — **ВЫЕДИ** (*ВЫЕЗЖАЙ*), 36 — **ЗАЕЗЬЖАЙ** (*ЗАЕЗЖАЙ*), 37 — **ВЪНИЗЪ** (*ВНИЗ*), 38 — **ЧИНИ** (место мелкого ремонта повозок), 39 — **ВЬНИЗ** (*ВНИЗ*), 40 — **ЧАЙ** (*ЖДИ*), 41 — стрелочка влево, то есть *НАЛЕВО*, 42 — **ВЬВОДИ** (*ВВОДИ* имеется в виду КОНЯ) — возможно, речь идет о крытой коновязи. Так что тут начертаны весьма интересные знаки дорожного движения.



Рис. 239. Мое чтение знаков дорожного движения из Гродно

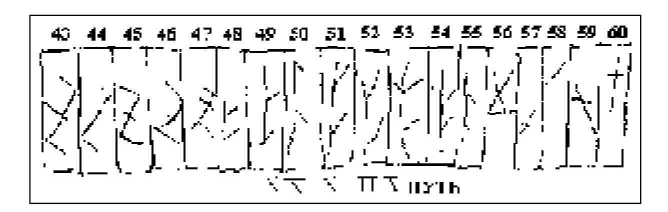


Рис. 240. Мое чтение знаков дорожного движения из Гродно

На следующих кирпичах 43–60 (рис. 240), соответствующих кирпичам 48–65 нумерации Н.Н. Воронина, обозначены *ЗИГЗАГИ* (43–47), *РАЗВИЛКИ* (48–55) и *ПЕРЕСЕЧЕНИЯ* (56–60). Прочитать тут можно разве что слово **ПУТЬ**, применимое ко многим знакам.

Кирпичи 61–80 (рис. 241) соответствуют кирпичам 66–85 нумерации Н.Н. Воронина. На них я читаю слова: 61 – **РОВЪ** (*РОВ*), 62 – **ЗАКУТЪКИ** (*ЗАКУТКИ*), 63 – **ЗЬКУТОКЪ** (*ЗАКУТОК*), 64 – **ЗАКУТЪКИ** (*ЗАКУТКИ*), 65–69 – **ВОЙДИ**, а далее следуют знаки без подписей. Кирпич 70–71 показывает справа двойной чертой некий объект, не являющийся дорогой, в котором я подозреваю реку, так что предполагается *ОБЪЕЗД* набережной, но ПУТЬ не обозначен, стало быть, хорошей дороги вдоль реки нет. Кстати, при правостороннем движении все объекты изображаются справа от ездока. Далее на кирпичах 72–75 показаны планы построек, вероятнее всего, господских каменных домов, и на кирпиче 72 косым крестом указано место остановки экипажа. А на кирпичах 76–79 показаны, как мне думается, дороги в парках при господских домах. На кирпиче 79 пешеходная тропинка, на которую знак зовет: **ВОЙДИ**. И на последнем кирпиче 80 можно прочитать слово **РЕКА** и **ВОЙДИ**, так что тут показана тропинка от реки в парк.

Наконец, в последней серии знаков мои номера кирпичей с 81 по 95 (рис. 242) соответствуют номерам с 86 по 100 в нумерации Н.Н. Воро-

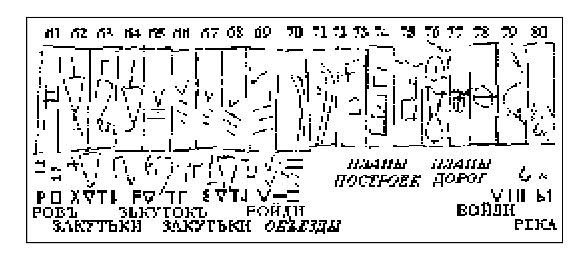


Рис. 241. Мое чтение знаков дорожного движения из Гродно

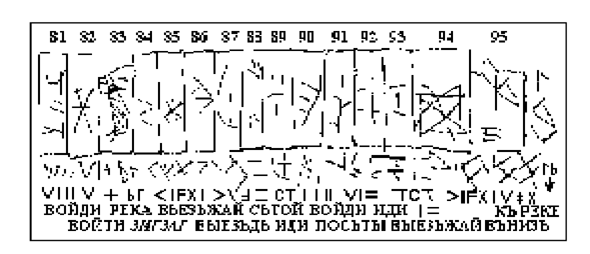


Рис. 242. Мое чтение знаков дорожного движения из Гродно

нина. Здесь несколько надписей повторяются, например, 81, 88 и 91 – **ВОЙДИ**, 86 – **ВЫЕЗЬЖАЙ**, и 94 – **ВЫЕЗЬЖАЙ ВЪНИЗЪ** (*ВЫЕЗЖАЙ* и *ВЫЕЗЖАЙ ВНИЗ*), 89, 93 и 94 – **ИДИ**. Остальные указатели не повторяются, но передают уже известные сюжеты. Так, на кирпиче 82 я читаю **ВОЙТИ**, 83 – **РЕКА**, 84 – *ЗИГЗАГ*, 86 – **ВЫЕЗЬДЬ** (*ВЫЕЗД*), 87 – **СЬТОЙ** (*СТОЙ*), 91 – **ПОСЬТЫ** (*ПОСТЫ*), 95 – **КЪ РЕКЕ** (*К РЕКЕ*). На этом знаки на кирпичах брусчатки в Гродно исчерпываются.

Кирпич из Владимира. Конечно, было бы заманчивым рассмотреть знаки на кирпичах нехрамовых зданий еще нескольких городов. Такая возможность есть. Тот же Н.Н. Воронин исследовал и некоторые другие сооружения, например, постройки города Владимира. Из всех знаков на кирпиче особенно выразителен один[31] (рис. 243).

Я читаю надпись **ВЪЛАДИМЪРЪ** (*ВЛАДИМИР*), и полагаю, что данный кирпич содержит название города, начертанное лигатурой из знаков руницы. К сожалению, у меня нет примеров из других русских городов, но полагаю, что все они на основных магистралях при въезде в черту города имели кирпичи с такого рода торжественными названиями города.

Блоки из Каменец-Подольска. В замке Каменец-Подольска оказалось возможным датировать знаки на камнях с точностью до десятилетия. Археолог, правда, считала их «*знаками каменщиков на белока-*

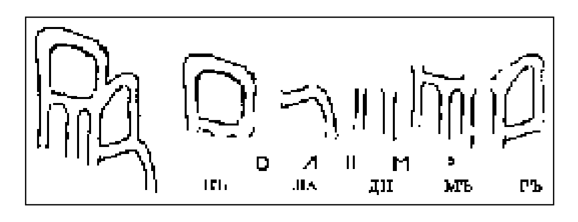


Рис. 243. Мое чтение надписи на кирпиче из Владимира

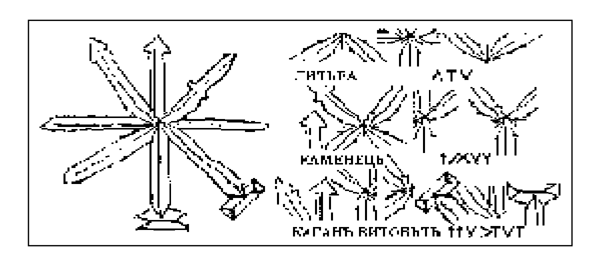


Рис. 244. Мое чтение лигатуры на блоке замка Каменец-Подольска

менных блоках деталей башни Рожанки и пристроек»[32]. Конечно, в каком-то смысле все камни, оставленные на строительных материалах, являются «знаками каменщиков», однако они ставятся вовсе не для внутренних потребностей каменотесов. Данные знаки интересны тем, что они выбиты, а не прочерчены по сырой глине и не налеплены сырой глиной; она вытесаны на белом камне. Однако их суть от этого не изменилась. Выделено три периода: знаки 1395–1399 гг., знаки 1401–1410 гг. и знаки 1495–1505 гг. Таким образом, строительство башни велось с конца XIV по начало XVI века.

Сначала рассмотрим первую серию знаков раннего периода (рис. 244); она содержит одну очень большую и красивую лигатуру и 3 лигатуры помельче.

На основной лигатуре я читаю: **ЛИТЪВА, КАМЕНЕЦЬ, КАГАНЪ ВИТОВЪТЪ** (*ЛИТВА, КАМЕНЕЦ, КАГАН ВИТОВТ*). Таким образом, перед нами парадная надпись с названием города и страны, а также правителя. Интересно, что в этот период соперничества Витовта с Ягайло (Ягелло) Витовт официально именовался великим князем (magnus dux), а Ягелло – верховным князем (supremus dux). По-русски же его на данном блоке титуловали КАГАН. Значительная часть современной Украины входила тогда в Великое княжество Литовское, в том числе и Подолия.

На блоках (рис. 245) ранней серии построек я читаю надписи **ТЕЛЕГИ, ПОСЪТОЙ** и **ВОРОТЫ** (*ТЕЛЕГИ, ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР* и *ВОРОТА*). Тем самым был обозначен средневековый «гараж», место для приезжих, и въездные ворота. Вторая серия построек содержала одну и ту же надпись в разном графическом оформлении – **ЧЬЛОВЪКИ** (*ЧЕЛОВЕКИ*). Я это понимаю как название ЛЮДСКИХ, то есть построек для слуг.

Третья серия построек дала 8 надписей (рис. 246). Тут я читаю: **НЪВЕСЬ** (*НАВЕС*), **ВЫЕЗЪДЪ ВЬ СЕЛО** (*ВЫЕЗД В СЕЛО*),

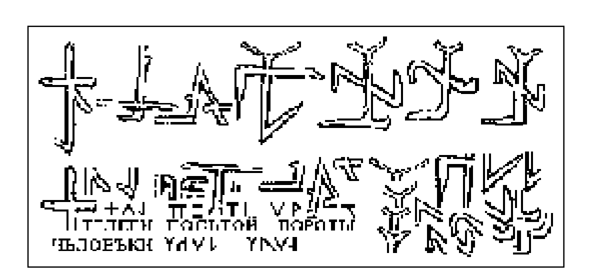


Рис. 245. Мое чтение лигатур на блоках замка Каменец-Подольска

БЕРЕЗА (вероятно, дерево было столь красивым и так любимо хозяевами, что возле него была сооружена каменная беседка), **КОТЕЛЬ** (*КОТЕЛ* — или, говоря современным языком, КОТЕЛЬНАЯ, для отопления), дважды начертано слово **ВЕНИКИ** (вероятно, как для метел, так и для бани), **КОНОВЯЗЬ** (для коней гостей и постояльцев), а также **ВОДОПЪРОВОДЪ** (ВОДОПРОВОД, вероятно, тоже местный, как и отопление). Таким образом, имеется довольно внушительный ряд вспомогательных помещений и служб.

Надписи Каменец-Подольского замка, в отличие от замка Гродно, рассчитаны на само господское хозяйство, а не на нужды города. Тут имеется комплект новых надписей, которые прежде не были известны.

На этом, однако, надписи на кирпичах и плинфах не заканчиваются. Есть смысл посмотреть также некоторое количество смешанных и чисто кирилловских надписей.

Плинфа из Полоцка (рис. 247). Еще один вид надписей демонстрирует плинфа из Софийского собора Полоцка. С большим удовольствием я процитирую по ее поводу мнение А.А. Медынцевой: «*Достоверные русские надписи на плинфах относятся к середине XI века. Одна из них, №3, найдена в Полоцке в 1972 году. При реставрационных*

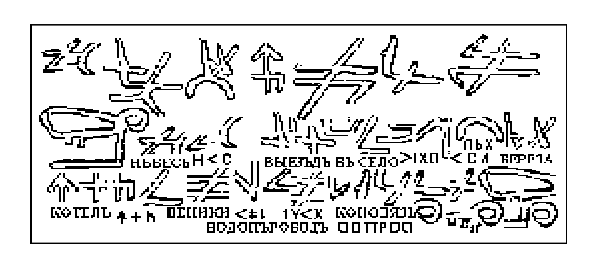


Рис. 246. Мое чтение лигатур на блоках замка Каменец-Подольска

работах в Полоцком Софийском соборе обнаружена плинфа (размеры ее не указаны), на плоской постельной части которой по сырому кирпичу прочерчены несколько букв и знаков. Буквы и знаки расположены в середине плинфы. Хотя читаются они легко, смысл надписи понять трудно. Сначала читается буква А в зеркальном варианте, далее отчетливо В. Над буквой начерчен ЮС МАЛЫЙ. На третьем месте Ч с округлой чашечкой. Чашечка занимает меньше высоты буквы. Легко читаются О и следующая за ней N. Последняя буква не ясна: это или О, написанное необычно: правая ее часть образована изломанной под углом линией, или головка остроугольного Р. Буква В с равновеликими петлями еще раз начерчена отдельно в верхней части плинфы, при этом по отношению к надписи она оказывается как бы лежащей «на боку». Под надписью сложный знак, напоминающий монограмму, и Ь, повернутую «вверх ногами». Таким образом, на плинфе читается АѦВЧqN(О). При публикации надписи Г.В. Штыхов, ссылаясь на мнение С.А. Высоцкого, писал, что в середине надписи находятся две буквы— цифры под титлом Сq, что означает 99, а сама надпись читается А ЯВНО. Таким образом, речь идет о количестве плинф: на 99-й сделана надпись-пометка, что очередная будет сотая[33]. Действительно, цифры в середине надписи трудно истолковать иначе, чем 99, тем более что над ними просматривается титло. Вместе с тем чтение А ЯВНО сомнительно, во-первых, потому что буквы-цифры вписаны в середине слова, затем отсутствует Ъ, необходимый после В. Вероятно, ***достоверно прочесть эту надпись в настоящее время нельзя*** (выделено мной. — *В.Ч.*). *Но следует отметить, что все буквы, встретившиеся в надписи, имеют цифровое значение (1, 2, 99, 50, 70). Непонятно, что они обозначают, вероятно, буквы 99 выделены титлом, так как обозначают одну цифру. Титла над другими буквами нет... Кажется,*

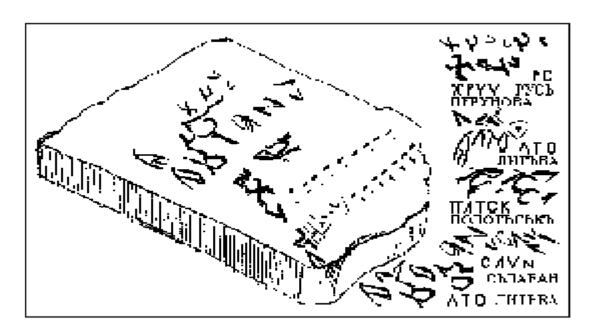


Рис. 247. Мое чтение надписей на плинфе Софийского собора Полоцка

что на плинфе бегло записаны какие-то цифровые расчеты, смысл которых понять трудно»[34].

Честно говоря, я вообще не вижу букв в этой надписи — она вся сделана руницей. На всякий случай я сделал прорись, чтобы отметить вообще все неоднородности поверхности, включая, возможно, и случайные царапины. Первое, что бросается в глаза, так это отсутствие титла. Есть некоторая трещина, выше которой руницей начертано **ПЕРУНОВА**; а слово **РУСЬ** помещено левее и ниже черты. Выражение ПЕРУНОВА РУСЬ мне встречалось неоднократно уже в главе «Украшения» (я ее подготовил к печати раньше, чем данную главу), и оно означает *ЛИТВУ*. И тут нет ни малейшего противоречия, ибо тогда Полоцк входил в Литву. Это же выражение, **ПЕРУНОВА**, дублируется жирными знаками и в нижней части плинфы. А еще ниже, у самой нижней кромки слева начертано слово **ЛИТЪВА**, то есть *ЛИТВА*. Это же слово повторяется еще троекратно: один раз лигатура напоминает ЮС БОЛЬШОЙ, другой раз — зеркальное начертание А и третий — якобы В. А то, что принимается за Ч, есть случайное совпадение дужки от знака СЬ (от слова РУСЬ) и вертикальной черты, означающей гласный звук. Скорее всего он читается У, ибо последующая надпись гласит **СЬЛАВАН** (*СЛАВЯН*). Тем самым строка якобы букв кириллицы является совокупностью лигатур руницы с чтением *ЛИТВА, ЛИТВА У СЛАВЯН*. А лежачая лигатура ниже этой строки разлагается на знаки руницы, образующие слово **ПОЛОТЪСЬКЪ**, то есть *ПОЛОЦК*. Таким образом, прочитаны все значащие знаки надписи, так что прочесть эту надпись в настоящее время можно.

Это уже не первый случай, когда люди, профессионально читающие кириллицу, не могут определить непонятные знаки, и вместо того, чтобы честно сказать, что тут применяются какие-то другие системы письма, начинают придумывать выражения типа А ЯВНО или цифровые значения 1–2–99–50–70, немного напоминающие телефонный номер середины XX века. С моей же точки зрения, надпись ПОЛОЦК ничуть не хуже аналогичной надписи ВЛАДИМИР или

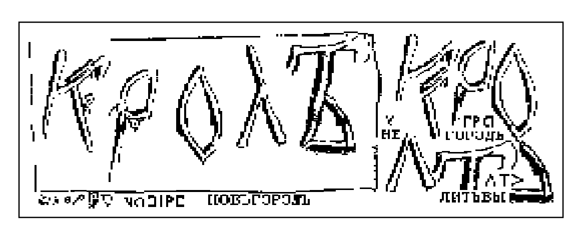


Рис. 248. Мое чтение надписи Софийского собора Новгорода

ГРОДНО, только в данном случае она не налеплена на плинфу, а прочерчена на ней.

Стена Софийского собора. Относительно этого текста (рис. 248) А.А. Медынцева замечает: «*Следующая надпись, №4, формально не относится к надписи на плинфах, но по существу – она прочерчена по сырой облицовочной глине (цемянке) в процессе строительства – должна рассматриваться вместе с ними. Речь идет о надписи, начерченной по сырой цемянке на стене лестничной башни Софии Новгородской*[35]*. Надпись состоит из слова* ***КРОЛЪ.*** *Лестничная башня входила в первоначальный замысел собора, ее строительство должно относиться к 1045–1050 гг. Тем самым надпись датируется 1050 г. КРОЛ, – вероятно, имя, которое с учетом русского полногласия должно звучать как КОРОЛЬ. В письменных источниках известны прозвища КОРОЛЬ, КОРОЛЬКО*»[36].

И опять я оказываюсь настолько невезучим, что не вижу тут никаких кирилловских букв. Более того, под якобы буквами К и Р находится смешанная надпись **NОВЪГОРОДЪ** (*НОВГОРОД*). А первый знак надписи, похожий на букву К, представляет собой лигатуру из двух знаков, нижнего ГО и верхнего НЕ. Второй знак – РО, третий – ДЬ. Они образуют слова **НЕ ГОРОДЪ** (*НЕ ГОРОД*). Якобы буква Л оказывается слоговым знаком ЛИ, а якобы Ъ – лигатурой ТЪ и ВЫ, что вместе образует слово **ЛИТЪВЫ** (*ЛИТВЫ*). И полная надпись выглядит так: НОВГОРОД – НЕ ГОРОД ЛИТВЫ. И в отличие от литовских надписей слово НОВГОРОД едва заметно, тогда как НЕ ГОРОД ЛИТВЫ – прежде всего бросается в глаза. Возможно, надпись была сделана для посетителей, которые расспрашивали новгородцев, почему у них многие вещи происходят не так, как в соседней Литве.

А имя КОРОЛЬ, видимо, следует отнести к именам Селяты, Быняты, Тихоты и Якова. Их нет на надписях, они – плод фантазии эпиграфистов.

Кирпич Успенского собора. При разборке руин Успенского собора Киево-Печерской лавры был обнаружен кирпич с надписью (рис. 249).

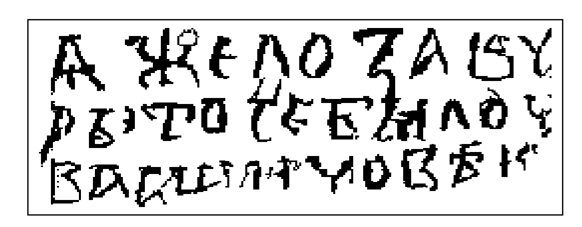


Рис. 249. Надпись на плинфе Успенского собора Киево-Печерской лавры

Собор был построен в 70-е годы XI века. Опять предоставлю слово А.А. Медынцевой: «*На плинфе толщиной около 4,3 см, длиной 28,5 см и шириной около 25 см (если судить по сохранившейся части и расположению надписи) по сырой глине четкими крупными буквами прочерчена надпись в три строки. Правый край плинфы утрачен, но надпись при этом почти не пострадала. При издании был прочитан следующий текст: Я ЖЕЛО... ЗАВО РЫТО СЕ БЫЛО ВАЕШИ ЧОВЕК. Содержание надписи объяснялось приблизительно так: «человек (делал) что-то железным предметом (пислом?)», так как «ЖЕЛ» — железо, ВАЕШИ ЧОВЕК — ваятель, скульптор, то есть запись мастера о свое работе, возможно, скульптурной (М.В. Холостенко, 1975)* [37].

Позднее Высоцким было предложено новое, исправленное прочтение и более обоснованный перевод: ЯЖЕ ЛОЗА ВО/РЫТО СЕ БЫЛО Ч/[ЬТО] ВАЕШИ ЧОВЕК[Ъ], (КАК ЛОЗА ВРЫТО СЕ БЫЛО, ЧТО СОЗДАЛ (ВАЯЛ) ЧЕЛОВЕК). Содержание надписи он объяснил как религиозно-символическое, в духе христианского мировоззрения сравнение постройки церкви с лозой, посаженной в землю.

Но возможно и несколько иное прочтение надписи. Текст восстанавливается легко, так как утрачено лишь по одной букве в конце второй и третьей строки: ЯЖЕ ЛОЗА ВО/РЫТО СЕ БЫЛО/ [ЧУ] ВАЕШИ ЧОВЕК[Ъ]. Перевод надписи затруднен нестандартностью содержания и сложным синтаксическим оборотом»[38]. Перевод А.А. Медынцевой примерно такой: СЛЫШИШЬ ЧЕЛОВЕК, ЧТО (КАК?) ЛОЗА ЭТО (ПЛИНФА) БЫЛО ВРЫТО?[39] Меня такое понимание крайне смущает: строители не врывают плинфу, а кладут, письменную речь не слушают, а читают, да и сравнение стены с лозой явно натянуто.

В данном случае я не хочу сказать, что надпись выполнена руницей, — нет, она выполнена кириллицей с небольшим количеством знаков руницы, но незнание руницы не дает возможность полноценно читать и кирилловские надписи.

Я скопировал прорись из книги А.А. Медынцевой (рис. 250), добавив по опубликованной тут же фотографии те детали, которые она

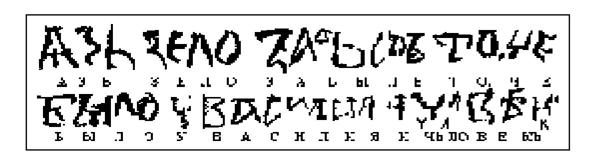


Рис. 250. Мое чтение надписи на плинфе Успенского собора

упустила и которые не позволили ей верно прочитать надпись. Поэтому мое чтение совсем иное (ЮС БОЛЬШОЙ я заменяю буквой Я, а ЯТЬ — буквой Е): **ЯЗЬ ЗЕЛО ЗАБЫ/ЛЪ ТО, ЧЕ БЫЛО У/ ВАСИЛИЯ И ЧЬЛОВЕКЪ** (*Я СОВСЕМ ЗАБЫЛ ТО, ЧТО БЫЛО У ВАСИЛИЯ И ЛЮДЕЙ*). Как видим, тут нет никаких синтаксических премудростей, никакой ЛОЗЫ и ничего ВРЫТОГО, ИЗВАЯННОГО или УСЛЫШАННОГО. Зато есть знаки руницы ЧЬ, ЛО и КЪ. И нет никакой формы ЧОВЕК, на основании которого А.А. Медынцева датирует надпись XII веком, равно как и мены Ъ на О в слове ВРЫТО, ибо нет такого слова.

Прозрачен и смысл: если под Василием понимать Велеса (а такое понимание было скорее нормой, чем исключением, хотя чаще поминали Власа, а не Василия), то данная надпись говорит о монашеском обете новых христиан Руси: Я СОВСЕМ ЗАБЫЛ ТО, ЧТО БЫЛО У ВЕЛЕСА И ЛЮДЕЙ. Иными словами, монахи Лавры, видя эту надпись Успенского собора, ежедневно повторяли свое забвение язычества и тем самым безраздельную веру в Христа как молитву.

Общий итог. Если в разделе о владельческих надписях еще как-то можно было догадаться о смысле надписи благодаря вкраплению в них кирилловских букв, то надписи на кирпичах не просто начертаны руницей, они еще представляют собой очень изобретательные лигатуры! И потому о них сломали себе зубы все без исключения эпиграфисты. Я вообще считаю, что надписи кирпичей и плинф должны стать образцово-показательными при изучении руницы.

Попытки чтения руницы кирилловским способом эпиграфистов ни к чему хорошему на приводят: название Успенского собора Рязани читается задом наперед как ЯКОВ, надпись НЕ ГОРОДЪ ЛИТЪВЫ понимается как КРОЛЪ, а надпись У СЬЛАВАН и ПОЛОТЪСЬКЪ читается как А ЯВНО или 99–50–70! Я прочитал 3 смешанных надписи, название Успенского собора Рязани и 2 его надписи, 42 надписи Борисоглебского храма Рязани, 10 надписей Путивльского собора, 15 надписей Иоанно-Предтеченской церкви, 15 надписей Каложского храма, 17 надписей Нижней церкви Гродно, 9 надписей церкви Трубчевска, 22 надписи храма Смоленска, 3 таблички Гродно, 28 надписей на кирпичах замка Гродно и 95 надписей-указателей на брусчатых кирпичах, 1 надпись Владимира, 16 надписей Каменец-Подольска и 3 надписи, принимаемые за чисто кирилловские — всего 282 надписи. В то же время из всего этого богатства А.А. Медынцева привела фотографии всего 4-х надписей (еще 2 она обсудила «заочно»), что составляет 1,4% от представленных здесь. И при этом все 4 были прочитаны ею неверно! Но ведь я не ставил исключительной цели собрать все опубликован-

ные археологами надписи на кирпичах — мне было достаточно лишь показать, что они означают. Вообще-то их опубликовано во много раз больше, чем я показал. А Медынцева попыталась собрать все, читаемое кириллически.

Это сравнение я привожу вовсе не для дискредитации нынешнего поколения эпиграфистов, а лишь для того, чтобы можно было наглядно видеть, к чему приводит игнорирование альтернативной славянской письменности, каковой была руница.

Но таковы результаты конкретных чтений. Я же показал более непростительную слабость нынешней эпиграфики и археологии, которые определили надписи на кирпичах по их функции **в принципе неверно**! Предположения о том, что надписи на кирпичах и плинфе представляют собой просто метки строителей, индексацию партий кирпича при обжиге, имена византийских императоров, инициалы заказчиков, оказались несостоятельными. И никаких других гипотез эпиграфисты, археологи и историки не выдвинули. С другой стороны, ни один археолог не обращал внимание на удивительную оплошность наших средневековых предков: отсутствие каких-либо указаний на вывески городов, названия построек, названия частей интерьера, обозначений различных входов и выходов, объяснений проезда по большому городу и т.п. Это было удивительным. Как выяснилось, археологи вовсе не чувствовали никаких неудобств по поводу таких очевидных промашек наших предков, поскольку это прекрасно вписывалось в их понимание средневековья: писали кириллицей, но не так уж часто и не по таким ничтожным поводам.

Возвращаясь к самим надписям на камнях, и теперь уже не обращая внимания на мнение «профессионалов», которое, как мы видим, не имеет ничего общего с действительностью, можно констатировать, что в Средние века на Руси существовали вывески, дорожные указатели и таблички нескольких родов. Прежде всего это были надписи с названием города: ПОЛОЦК, КАМЕНЕЦ, ВЛАДИМИР, ГРОДНО, НОВГОРОД, РЯЗАНЬ. Правда, среди проанализированного материала оказалось лишь три города Великоруссии — Владимир, Рязань и Новгород, и три города Литвы-Белоруссии, но у меня нет сомнения в том, что вывески с названием города имелись везде, в каждом городе. И на протяжении X–XIII вв. эти надписи традиционно писали руницей. Насколько я понимаю, тем самым обеспечивался славянский колорит русских и литовских городов. Эти тексты весьма интересны для историков, поскольку дают также привязку названия города к названию страны, причем названию как современному, так и древнему, например, КАМЕНЕЦ, ЛИТВА, или ПОЛОЦК, ЛИТВА, ПЕРУНОВА РУСЬ;

ГРОДНО, ПЕРУНОВА РУСЬ, ЛИТВА; РЯЗАНЬ, РУСЬ. По мере накопления материала это дает возможность уточнить границы между славянскими странами в тот или иной исторический период.

Далее, имелись названия строений: ВЕЛИКИЙ СОБОР УСПЕНСКИЙ, РОТОНДЫ, ПАЛАТЫ, КОВАЛЬНЯ, КАРЕТНАЯ. Интересно, что иногда на строении указан правитель, при котором оно сооружено, это дает возможность уточнить дату постройки, например, КАГАН ВИТОВТ. К сожалению, мне не попались названия улиц. Это, разумеется, не означает, что улицы не имели названий или никак не обозначались, но указывает на то, что обозначение улиц было каким-то иным. Может быть, их писали на дощечках, а не на кирпичах, и эти дощечки пока не обнаружены археологами.

Зато вызывает удивление наличие плана города, ПЛАНА СВОДНОГО, на котором были обозначены НИЖНИЕ ВУЛИЦЫ. Помимо них, указывались направления на РЫНОК, К КОВАЛЬНЕ, на СВОЗ, к РЕКЕ и ЛОДКАМ, обозначен РОВ, ПУТЬ, ВЫЕЗД, МЕСТО РЕМОНТА, а также многочисленные ЗАКУТКИ, ИЗВИВЫ и ПОСТЫ. Даются приказания типа ВЫЕЗЖАЙ, ЗАЕЗЖАЙ, СТОЙ, ТПРУ, ГОНИ, ТРОГАЙ, ЖДИ. Вблизи соборов были определены места РЫНКА, ПОГОНЩИКОВ, КОНЕЙ, КОНОВЯЗИ, ВЫПРЯГА КАРЕТ, просто КАРЕТ, ТЕЛЕГ, КОЛЕС, ПОВАРА, КУЗНЕЦА, МОНАХА, ИНОКА, ВНОСА и ВЫНОСА УСОПШИХ, место БОЛЯЩИХ и сбора МУСОРА. Обозначены были места, где можно было купить МОЛОКА или посмотреть на УКРАШЕНИЯ. Все это позволяет надеяться на то, что в те дни существовали и карты города. Предваряя повествование, замечу, что такая карта города, начертанная на гальке, действительно была обнаружена, но не в литовско-белорусском Гродно, а в русском городе Рязани, причем с подписями основных объектов и с выходными данными ремесленников. Об этом я буду подробно рассказывать в разделе о ремесленных изделиях.

Обращает на себя внимание продуманность и организованность площади перед храмом. И опять повторяюсь, что я не ставил перед собой цели дать полный корпус всех возможных уличных надписей; наверняка их было гораздо больше. Я лишь наметил репертуар таких надписей, который в дальнейшем несомненно будет расширен.

Весьма много попалось внутренних надписей, обозначающих детали интерьера. Прежде всего это обозначения многочисленных входов и выходов, которые, оказывается, давались не по-современному, то есть не в виде существительных типа ВХОД, ВЫХОД, ПРОХОД, а в повелительной форме глаголов: ВОЙДИ, ЗАЙДИ, ИДИ, ВЫЙДИ, ВОЙДИ С СЕВЕРА, ВЫНЕСИ ГРОБ, или в виде инфинитивов, ВЫЙТИ,

ВЫНЕСТИ УСОПШИХ, СНОВА ВОЙТИ, СНОВА ВЫЙТИ. Это — свидетельство очень большой архаики надписей. В них есть что-то трогательное, поскольку повелительная форма второго лица единственного числа предполагает личное обращение к человеку: ВОЙДИ! Уже инфинитив кажется гораздо более отстраненным и потому казенным, ВОЙТИ! А субстантивация глагола вообще устраняет всякое личностное начало, персональное или казенное, обозначая только функцию, ВХОД. Так что перед нами не просто воскресли иные языковые формы общения с посетителем, но и элементы совершенно иной, уже утраченной культуры письменного общения.

Интересно, что указателей в интерьере довольно много: НАПРАВО, ВЛЕВО, ВНИЗ, ГОРЕ (ВВЕРХ), ПРЯМО, ПОВОРОТЫ, однако чаще всего посетителя информируют в храмах, куда он попадает: перед ним могут находиться многочисленные ЛИКИ, или ЛИКИ-ИКОНЫ, в том числе СПАС, ИИСУС ХРИСТОС, МАТЕРЬ БОЖЬЯ, СВЯТОЙ ПЕТР. Обозначено было также место, где находились СВЯТЫЕ ВРАТА, ДАРОНОСИЦЫ, ЕЛЕЙ, ТЕЛА УСОПШИХ, ПАПЕРТЬ, ХОРЫ, МОЛИТВЕННИК, ВЫХОД К БОГОЯВЛЕНИЮ, место набора СВЯТОЙ ВОДЫ. Иными словами, организация внутреннего пространства храма тоже была продумана, и посетитель получал о ней информацию.

Существовали надписи и в сельской местности, которые обозначали ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР (ПОСТОЙ), ВОДОПРОВОД, НАВЕС, ВОРОТА, ВЫЕЗД В СЕЛО, ВЫЕЗД В ГОРОД, МЕСТО ЧЕЛЯДИ, БЕРЕЗУ, КОНОВЯЗЬ, КОТЕЛ С ГОРЯЧЕЙ ВОДОЙ, ВЕНИКИ, то есть информировали приезжего и тут.

Нашим предкам не чужды были и надписи-лозунги типа НОВГОРОД — НЕ ГОРОД ЛИТВЫ или Я СОВСЕМ ЗАБЫЛ ТО, ЧТО БЫЛО У ВЕЛЕСА И ЛЮДЕЙ. Правда, тут применялась уже не чисто руница, а смешанное письмо.

Наконец, была идеографическая информация типа современных знаков дорожного движения. Переводя графику в слова, можно сказать, что существовали знаки ЗИГЗАГИ, РАЗВИЛКИ, ПЕРЕСЕЧЕНИЯ, ОБЪЕЗД ВПРАВО, ПЕРЕСЕЧЕНИЕ С ПОПЕРЕЧНОЙ УЛИЦЕЙ, ПЕРЕСЕЧЕНИЕ С ГЛАВНОЙ МАГИСТРАЛЬЮ, а также множество других.

В отличие от современных знаков, находящихся выше головы пешехода и водителя, надписи средневековой Руси находились внизу, у основания домов и стен или даже на брусчатке мостовой, чтобы человек их видел, не поднимая головы. Возможно, что названия улиц размещались выше и потому не сохранились. Правда, размеры этих надписей были невелики, и прочитать их можно было только находясь в

непосредственной близости от них. Но это как раз и соответствовало особенностям средневекового города, по нашим меркам весьма немноголюдного. Скорости движения экипажей тоже были невелики, и кучер вполне успевал прочитать графический или руничный указатель, начертанный на брусчатке.

В любом случае, данный раздел дает сведения весьма большого интереса. С точки зрения письменности мы тут видим надписи, выполненные исключительно слоговыми знаками (очень редко смешанного письма), которые тем самым очерчивают сферу своего почти монопольного употребления. А с точки зрения археологии мне удалось показать совершенно неожиданный и неизвестный пласт средневековой культуры: наличие табличек и указателей.

УКРАШЕНИЯ

Украшения ценились во все времена, особенно среди женщин. Так обстояло дело и на Руси в средние века. Часто на ювелирных изделиях встречались надписи, сделанные, как правило, особенно тонко или особо изобретательно. Это могли быть инструкции по применению, названия вещи или девиз заказчика. В любом случае, они дают образцы надписей руницей. Кроме того, поскольку украшения носили лишь весьма состоятельные горожанки, жены и дочери бояр и вельмож, на них могут встретиться какие-либо надписи, касающиеся и Новгорода, и Руси.

В данном разделе под украшениями я понимаю прежде всего различные металлические или костяные изделия женского костюма — височные кольца (колты), заколки, гребешки, сережки, браслеты, перстни, привески, а также некоторые красивые вещи домашнего обихода, например, скатерти с узорами. Вот им и будут посвящены разделы данной главы.

Рассмотрение начнем с украшений для головы, с височных колец.

Височные кольца. Специфическим средневековым женским украшением были височные кольца — колты (рис. 251). Слово КОЛТ имеет корень КОЛ, тот же самый, что и в слове КОЛЬЦО, но если КОЛЬЦО — это маленький КОЛ, то КОЛТ — большой КОЛ. На рисунке я поместил две реконструкции головных украшений знатной горожанки[1]; слева — из монографии о Рязани, справа — из иллюстрированного пособия[2]. О колтах М.В. Седова пишет следующее: «*Колт — головное женское украшение, преимущественно городское. Они были широко распространены в конце XI–XIII в. Колты подвешивались на цепочках или лентах к головному убору. Они всегда бывают внутри*

полыми — возможно, в них вкладывалась ткань, смоченная душистыми маслами. Известные нам колты из кладов обычно изготовлены из ценных металлов — золота и серебра — и украшены перегородчатой эмалью, чернью, сканью и зернью. Это были украшения городской знати. В подражание им в конце XII века стали появляться недорогие украшения, похожие по форме и рисунку на первые, но исполненные иной техникой, — литьем в жестких имитационных литейных формах. Литые колты получили широкое распространение среди городского населения. Однако до недавнего времени колты, отлитые в имитационных литейных формах, были почти неизвестны. Объяснялось это малой изученностью древнерусского города, а также плохим состоянием самих изделий: они изготавливались обычно из оловянисто-свинцовых сплавов, которые плохо сохраняются в тех слоях, где нет органики»[3]. Височные кольца имели разные формы, у каждого племени свои; так, вятичи имели семилопастные кольца, некоторые из них несли на себе славянские слоговые знаки.

Очень красивый семилопастный колт XI в. из земли вятичей изображен на рисунке (рис. 252) слева[4]. На трех его самых крупных лопастях помещены в два ряда слоговые знаки, причем сначала читается верхний ряд, а затем — нижний. Надпись гласит: **КОЛЬТ ТЪСАРЪ** (*КОЛТ ЦАР(СКИЙ)*). Следует обратить внимание не только на правописание слова ЦАРСКИЙ через ТС вместо Ц, но и на написание слова КОЛЬТ вместо КОЛЬТ, которое показывает, что слово КОЛТ произносилось с мягким ЛЬ, как КОЛЬТ. Это мягкое ЛЬ удержалось в слове КОЛЬЦО, но отвердело в слове КОЛТ. Таким образом, мы сталкиваемся с непривычным, более древним написанием слова.



Рис. 251. Реконструкция головных уборов знатной горожанки

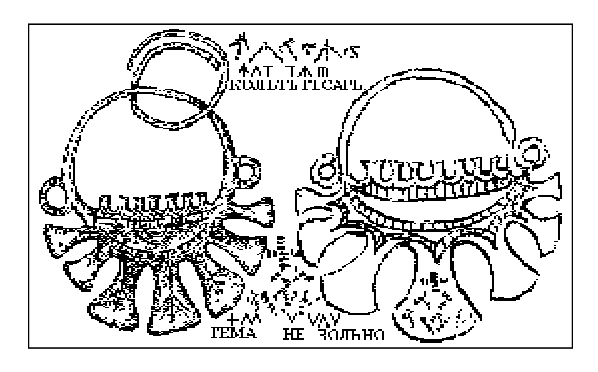


Рис. 252. Мое чтение надписей на семилопастных колтах

На колте XI–XII вв. из села Покров Подольского района Московской области, рисунок справа, знаки нанесены только на центральную лопасть[5]. Их можно прочитать, хотя они выполнены в виде узора, повторяясь и слева, и справа: **ТЕМА НЕ ВОЛЬНО** (*ТЕМЯ НЕ СВОБОДНО*). Видимо, были колты, которые зацеплялись друг за друга на темени (на предыдущем колте видна дополнительная застежка сверху) и полностью его закрывали.

На рис. 253 слева представлен колт XII в. из Владимирских курганов[6]. Знаки изображены на лопастях (через одну) и также в две строки. Верхняя строка читается как **ЖЕСТЬ**, средняя – **ТЕМЕНИ**, нижняя – **ЗАНИЖЕНЫ**. Видимо, это означает, что колт прикреплялся к темени, но не к его верху, а ниже. Иными словами, колты с лопастями подвешивались много выше колтов других типов, но ниже темени.

Показаны также щитки двух других колтов. На верхнем щитке колта XII–XIII вв. из села Бочарово[7] можно прочитать: **НОСИ Ю, ЖЕСЬТЬ** (*НОСИ ЕГО, УКРАШЕНИЕ*). Очевидно, слово КОЛЬТ было женского рода. Такую надпись сделал, видимо, даритель. На втором щитке колта

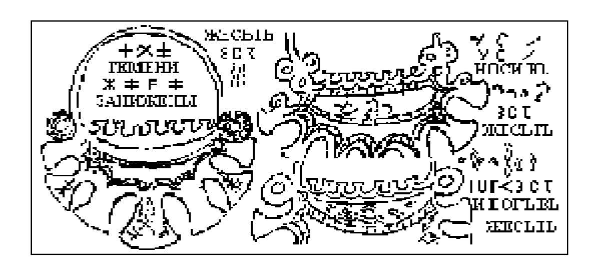


Рис. 253. Мое чтение надписей на щитках колтов

из вятичского кургана[8], справа внизу, сделана надпись **И БОГЪ ВЬ ЖЕСТЬ** (*И БОГ В УКРАШЕНИЕ*). Это, видимо, означает доброе пожелание хозяйке колта. Эти чтения несколько отличаются от того, что я опубликовал ранее[9].

Следующий колт рубежа XI–XII вв. был найден в кургане № 24 села Доброе (Суворовский район Тульской области) [10] (рис. 254). Надписи на его лопастях видны как светлые части на более темном фоне; однако я показываю их при чтении как темное на светлом. На дальней лопасти справа я читаю слово **НИЗЬКА** (*НИЗКО*). Имеется в виду опять-таки заниженное его положение при носке. На следующей лопасти ближе к центру я могу обнаружить только надпись СЬТЬ, что является фрагментом слова **(ЖЕ) СЬТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*). А дальше на каждой лопасти начертано по одному знаку, и вместе они читаются **КЪЛЬТЪ** (*КОЛТ*).

На другом колте, найденном в 1863 году в одном из курганов Московской губернии[11], можно прочитать надпись **ЧАЙ**, что значит *ЖДИ, НАДЕЙСЯ*! А на колте XIII века из другого Подмосковного кургана[12] имеется несколько надписей на разных лопастях: **ДЫЛЯ КОСЬ, ТЕБЕ, РУСЬ СЛАВАНЪ** и **РЕЗЕНЬ** (*ДЛЯ КОС, ТЕБЕ, РУСЬ СЛАВЯН* и *РЯЗАНЬ*). Слово ТЕБЕ означает, что колт продавался как подарочный.

Еще на одном колте бывшего Серафимо-знаменского селища на реке Рожае Московской области[13] (рис. 255) можно видеть украшение на щитке и на лопастях. На щитке я читаю надпись **ЖИВЪНА РУСЬ, РЕЗЕНЬ** (знаки слова РУСЬ я повернул на 90° вправо, а знаки РЯ и ЗЕ – на 180°), что означает *ЖИВИНА РУСЬ, РЯЗАНЬ*. Таким образом, можно утверждать, что Подмосковье снабжалось колтами из Рязани. На лопастях справа и слева от центральной можно прочитать надпись **ЗАНИЖЬНЪ** (*ЗАНИЖЕН*), а на центральной лопасти – предложение **ЗАНИЗЬТЬ ЗЕЛО** (*ОЧЕНЬ ЗАНИЗИТЬ*). Тем самым и здесь предлагается носить такой тип колта очень низко. Вероятно, таков был тогда стиль моды.

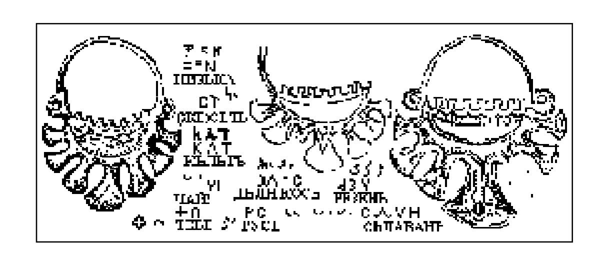


Рис. 254. Мое чтение надписей на колтах из разных мест

Другой экземпляр XII века того же типа без указания на место находки (можно подозревать, что это – та же Московская область) приводит Антон Платов; на его взгляд, этот вятичский колт демонстрирует Ингуз – руну Даждьбога[14]. Почему славянский бог пользуется германскими рунами вместо славянской руницы – совершенно неясно. Автор на этот счет высказывается так: «*На мой взгляд, абсолютное большинство священных знаков исходного Футарка можно было бы, при желании, отыскать в традиционных системах священных символов самых разных народов – от Австралии и Африки до европейского Севера. Правда, такое исследование могло бы стать темой скорее книги, нежели небольшой статьи; здесь же я хочу лишь продемонстрировать инвариантность рунических знаков на одном-единственном примере – на примере руны Ингуз (22-я руна классического древнескандинавского Футарка) – руны плодородия, посвященной светлому Фрейру, скандинавскому богу плодородия, подобному античному Аполлону*»[15]. Итак, основанием для германского чтения славянских надписей Платову послужило горячее желание видеть в славянской культуре германскую. Руна Ингуз имеет вид ᛝ и естественно, что под нее можно подвести любую лигатуру из знаков руницы ЗЪ-ЖЬ.

Итак, колты содержат как надписи, включающие название самого предмета, в данном случае КОЛЬТЪ, так и его разновидности (ЦАРСКИЙ), место изготовления, условия ношения (НЕСВОБОДНОЕ или ЗАНИЖЕННОЕ ТЕМЯ) и пожелания дарителя.

В отношении следующего колта М.В. Седова замечает: «*Еще один колт с ажурной каймой в виде ряда арочек, подчеркнутых ложной зернью, относится, видимо, к рубежу XII–XIII веков. Он отлит из биллона, в центре щитка помещена фигура птицы, окруженная рядом треугольников*»[16]. Как раз треугольники, на мой взгляд, и образуют надпись (рис. 256). Сверху можно прочитать слово **РУНОВЪ**, а внизу – **КОЛЬТ** (*КОЛТ С НАДПИСЬЮ*).

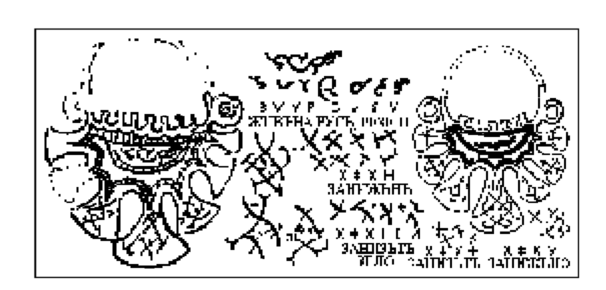


Рис. 255. Мое чтение надписей на колтах из Московской области

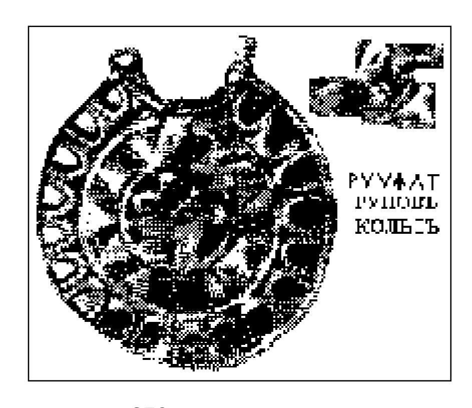


Рис. 256. Мое чтение надписи на колте из Новгорода

При этом для знака КО пошло два треугольника, знак ЛЬ образован треугольником острием вверх, а знак ТЪ — из деформированного треугольника.

Колт по его изображению на формочке. В некоторых случаях надписи можно прочитать не на самих дошедших до нас колтах, а на формочках, предназначенных для их отливки. Такова, например, формочка из Серенска[17] (рис. 257).

На ней я читаю **РУСЬ, РУНОВЫ ЖЕСЬТЬКИ** (*РУСЬ, УКРАШЕНИЯ С НАДПИСЯМИ*). Понятно, что украшения с надписями имели сакральное значение и ценились выше, чем украшения без надписей. Это чтение я опубликовал[18].

Колт из Чернигова. На колте XII–XIII вв. из черниговского клада, найденного в 1876 году, археологи обнаружили портрет Александ-

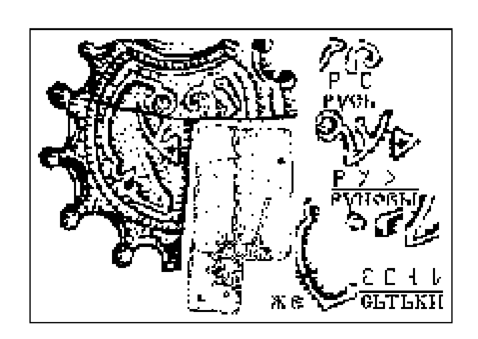


Рис. 257. Мое чтение узора на формочке для отливки колта из Серенска



Рис. 258. Мое чтение надписей на колте из Чернигова

ра Македонского[19] (рис. 258). На мой взгляд, узоры колта представляют собой надписи, которые я читаю так: верхнюю – **РУСЬ**, среднюю – **КИЕВЪ**, нижнюю – **СЬЛАВАНЪ** (*КИЕВ СЛАВЯН*). Иными словами, колт изготовлен в Киеве, а не в Чернигове, где он был найден.

Колт из городища Слободка. В городище Слободка в верховьях Оки был найден клад, зарытый в середине XIII века, видимо, при наступлении войск Батыя в 1238 году[20] (рис. 259). В числе серебряных украшений клада были найдены и два колта, видимо, составлявшие пару. На мой взгляд, как черные перегородки внутри щитков, так и одинарные и двойные контуры образуют надписи, которые в последнем случае гораздо лучше прослеживаются на левом украшении (рис. 260).

Черные знаки образуют слово **СЬЗЬДЕЛЬ** (*СУЗДАЛЬ*), а также слово **РУСЬ**. Таким образом, на колтах обозначено место изготовления. Далее читаю надписи на левом колте. Вначале можно прочитать тексты, начертанные одинарным контуром, это слова **ПЕРЪВЫЕ ВЬЖАТЫ ВИТЪКИ** (*ПЕРВЫЕ ВИТКИ ВЫДАВЛЕНЫ*). Очевидно, изготовители колта предупреждают пользователей о том, что витая проволока начинается не с самого верха, а чуть ниже; а наверху витки фальшивые, они выдавлены. Двойным контуром начертано слово

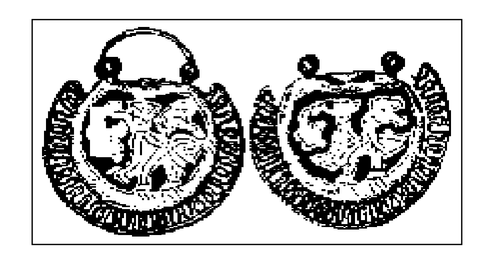


Рис. 259. Общий вид колтов из городища Слободка



Рис. 260. Мое чтение надписей на колтах из Слободки

ЖЕСЬТЬ, то есть *УКРАШЕНИЕ*. Наконец, можно прочитать одиночным контуром слово **ПОЛУДЫ**, что можно понять как *ПРИПАЯННОЕ*. Таким образом, остальная часть проволоки припаяна к телу колта. Как видим, Суздаль распространял свои изделия не только в ближайшей округе, но и гораздо дальше.

Довольно искусным и праздничным выглядит серебряный колт с изображением фантастического зверя из клада, найденного в 1970 году в Старой Рязани[21] (рис. 261). Это – очень дорогое и высокопрофессиональное украшение, и исследователи, говоря о нем, напоминают о замечательной «*технике высокой скани*» рязанских ювелиров. Я читаю на колте надписи, выполненные черную: **ЖЕСЬТЬ ЖЕНЪСЬКА, РЕЗЕНЬ** (*ЖЕНСКОЕ УКРАШЕНИЕ, РЯЗАНЬ*). Вероятно, хитросплетения узелков на изображении зверя тоже образуют некий текст, но он пока плохо различим. Важно другое: и такое высококачественное изделие имело надпись руницей, что повышало его свойства в качестве амулета.

Рясна. Весьма своеобразными предметами являются рясна. «*Это женские височные украшения, состоящие из конусовидной, украшенной сканью головки, к которой прикреплялись цепочки, перемежающиеся и заканчивающиеся ажурными бляшками. Рясна крепились к головному убору или повязке-очелью, спускаясь до плеч по обеим сторонам лица. На Русь они попали, видимо, из Византии и в домонгольское время получили довольно широкое распространение в княжеско-боярской среде. Прекрасные образцы этих украшений, выполненные из золота и серебра в технике филиграни,*

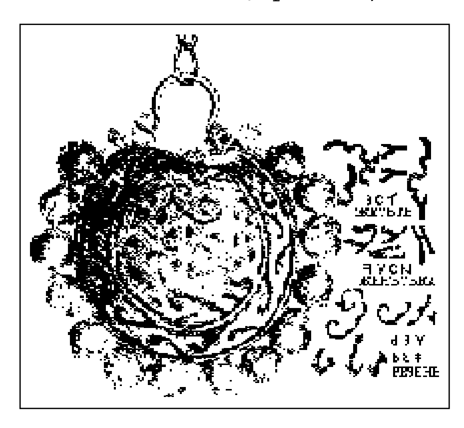


Рис. 261. Мое чтение надписей на колте из Старой Рязани

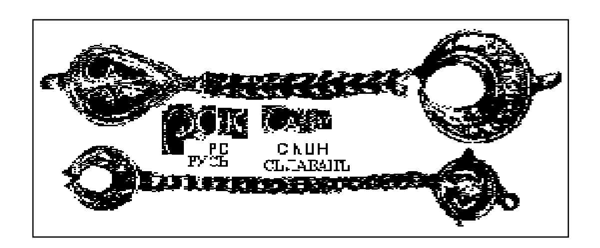


Рис. 262. Мое чтение надписей на ряснах из Новгорода

хорошо известны по находкам в кладах конца XII — начала XIII века из Старой Рязани, Смелы и Мартыновки (Киевской губернии), Мирополя (Житомирской губернии), с. Кресты (Тульской губернии), а также из Ярополча»[22]. Первый фрагмент золотых рясен (рис. 262) найден на Михайловском раскопе в слое 1125–1180 гг. Я читаю на нем слова **РУСЬ СЪЛАВАНЪ** (*РУСЬ СЛАВЯН*). Другой обрывок найден в слое 1210–1230 гг.; я читаю на нем просто **РУСЬ**.

Последняя находка оттуда же представлена ажурным звеном длиной 2,4 см из слоя второй половины XII века (рис. 263). Я читаю это узелковое письмо как **РУСЬ СЛАВАНЪ СЬ НОВЪГОРОДА ТО СЬКЪЛАВЫ** (*РУСЬ СЛАВЯН ИЗ НОВГОРОДА — ЭТО СКЛАВЫ*). Мне кажется, что перед нами очень важное свидетельство тождества словен из Новгорода со склавами из надписей первого тысячелетия н.э. Сами новгородцы помнили об этой исторической преемственности и отмечали ее на украшениях женщин новгородской элиты.

Любопытное украшение XI–XII вв. из клада 1891 г. деревни Демшино имеет подвеску на височное кольцо (рис. 264). Археологи предположили, что надпись на подвеске является куфической, то есть арабской стиля «цветущий куфи»[23]. На мой взгляд, ничего арабского тут нет, надпись выполнена смешанным письмом, содержащим славянские слоговые знаки и буквы кириллицы (НЬ), и я вначале прочитал ее



Рис. 263. Мое чтение надписи на рясне из Новгорода

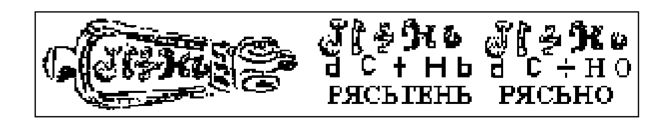


Рис. 264. Мое чтение надписи на рясне

РЯСЬТЕНЬ[24]. Слово РЯСТЕНЬ мне было неизвестно, но я мог его понять по аналогии: ПЕРСТ-ПЕРСТЕНЬ, РЯСНО-РЯСТЕНЬ. Иными словами, решил я, РЯСТЕНЬ — это нечто, надеваемое на РЯСНО. В таком случае это новое слово.

Однако теперь я понял, что ошибся и принял слогоразделитель «÷» в слове **РЯСЬ÷НО** за знак «+», то есть слог ТЕ. Так что правее я дал новое чтение. На рясне просто написано *РЯСНО*, что вполне соответствовало средневековой традиции писать название вещи на самой вещи. Здесь, пожалуй, интересно и то, что руницу приняли за арабскую надпись (то же произошло и с надписью на чашке весов, о чем у меня идет речь в главе о ремесленных изделиях), и то, что симметричная надпись получилась из сочетания руницы с кириллицей через слогоразделитель.

Привески. Другим типом украшений были привески. М.В. Седова полагает, что «*нагрудные и поясные привески были необходимым атрибутом женского костюма X–XIII веков. Они играли роль не просто украшений, но в значительной степени амулетов-оберегов, имевших магический смысл. Они должны были охранять их обладательниц от злых духов. Привески носили на груди или на поясе, в составе ожерелий и отдельно — на ремешке или шнуре. В Новгороде привески встречены во всех слоях, однако наибольшее их количество приходится на X–XI вв., когда языческие представления были еще очень*

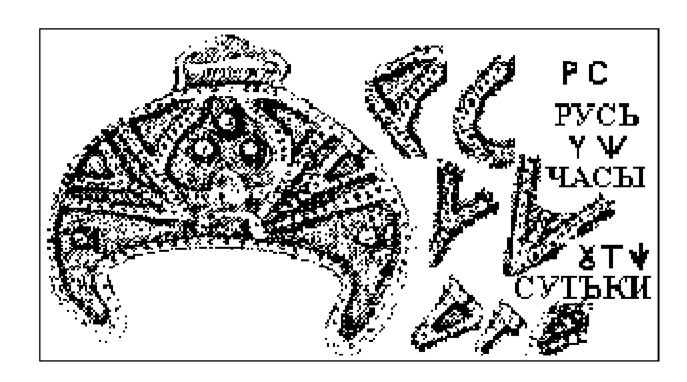


Рис. 265. Мое чтение надписей на луннице из Новгорода

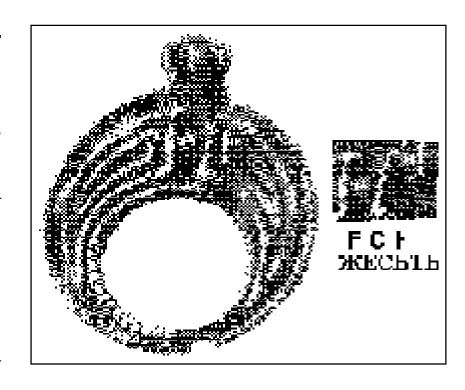


Рис. 266. Мое чтение надписи на второй луннице из Новгорода

сильны. Часты среди привесок языческие символы небесных светил: изображения полумесяца, солнца (круга, ромба). Позднее, с исчезновением язычества, на привесках появляются изображения святых. Назначения этих изображений те же, что и раньше, то есть охранение от несчастий. Часты также изображения символических животных и птиц (коня, утки и др.), предметов быта (ложек, ключей, ножей и пр.)»[25]. Амулеты-обереги с явно выраженными свойствами оберегов я представляю отдельно; если же привески только считаются оберегами (археологами), их целесообразно рассмотреть в данном разделе.

Лунницы. Среди разных типов привесок выделяются привески-лунницы, «*привески в виде полумесяца, символизирующие луну, — типичное и наиболее распространенное славянское украшение. На Руси они получили широкое распространение в X веке и просуществовали вплоть до XIII века*»[25].

Так, на широкогорлой луннице X века из Новгорода[26] (рис. 265) я читаю слова **РУСЬ, ЧАСЫ** и **СУТЪКИ**. Первое слово находится в центре, левый контур узора; второе слово начертано левее, и слоговой знак ЧА вставлен в слоговой знак СЫ; третье слово начертано справа, и в центре композиции помещена лигатура из знаков СУ и ТЪ, ниже которой помещен знак КИ. Таким образом, на луннице изображена символика времени.

На другой, замкнутой луннице XIII века из Новгорода[27] (рис. 266), я читаю слово **ЖЕСЬТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*). Так что в данном случае лунница рассматривалась только как украшение вне зависимости от ее календарного смысла.

Рассмотрим и третью лунницу, найденную в слое IX в. в кургане 4 села Труханово под Смоленском[28] (рис. 267). На ней можно прочитать в виде орнамента три слова: **РУСЬ СЛОВАНЪ** и **ЖЕСТЬ** (*РУСЬ СЛАВЯН, УКРАШЕНИЕ*).

Как видим, и в данном случае речь идет только об украшении, но не о его календарном значении. Когда я публиковал чтение надписи на этой луннице, я сделал ошибку в чтении второго слова, а привеску принял за сережку[29].



Рис. 267. Мое чтение надписи на луннице из села Труханово

В слое X–XI вв. города Ярополча Залесского найдена формочка для отливки лунницы[30] (рис. 268). Я читаю надпись на ней – **ТЕБЕ**, понимая данное украшение как подарок.

При раскопках курганов в Костромском Поволжье было найдено более 60 лунниц XI–XIII вв., причем к характерным формам относятся также сомкнутые лунницы, в частности, с крестовидной серединой. Некоторые изображения были опубликованы, и из них я выбрал 4 с узорчатыми надписями[31] (рис. 269). Узоры я читаю: на первой луннице – **КОСЬТЪРОМА** (*КОСТРОМА*), на второй – **ТО РУСЬКЪЙ БОГЪ** (*ТО – РУССКИЙ БОГ*), на третьей – **РУСЬ**, на четвертой – **ЖЕСЬТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*). За исключением выражения ТО – РУССКИЙ БОГ, все остальные представляют собой стандартный набор надписей. А последний текст меня заинтересовал, и я решил выяснить, какой бог имеется в виду. Для этого решил тщательнее проанализировать знак СЬ, уже развернутый на 90° влево. Его основание читается как ВЕ, левая сторона – как СЕ, правая – как опрокинутое «вверх

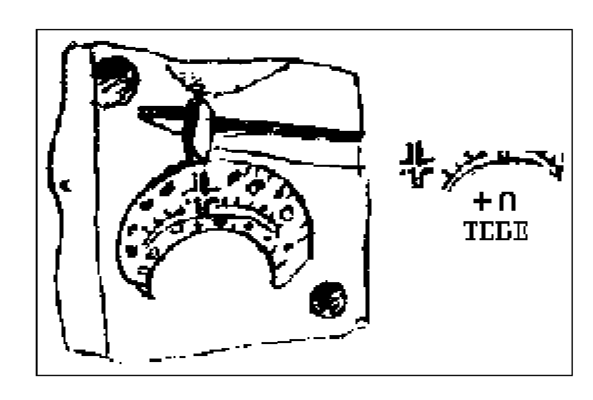


Рис. 268. Мое чтение надписи на луннице из Ярополча



Рис. 269. Мое чтение надписей на лунницах из Костромы

ногами» ЛЕ, а вместе эти три знака образуют слово **ВЕЛЕСЬ** (*ВЕЛЕС*). Следовательно, полный текст этого узора будет *ВЕЛЕС, ТО - РУССКИЙ БОГ*. Правы те исследователи, которые связывали лунницы с язычеством. На данном примере эта связь видна явно.

Миниатюрные предметы. Другим типом привесок являются привески-амулеты в виде миниатюрных предметов быта и оружия. «*В эту категорию привесок входят амулеты в виде ложечек, топориков, ножей и ключей,* — отмечает М.В. Седова. — *Часто их находят вместе, в составе набора-оберега. В курганах Северной Руси они найдены только в женских погребениях, в районе плеч или у пояса*»[32]. Я бы добавил сюда и привески в виде миниатюрных гребней; одну из них рассмотрю ниже, вместе с гребнем из Пскова.

Привески-ложки. Имели смысл символа благосостояния и довольства. В Новгороде найдены три привески-ложечки X—XII вв. На двух из них[33] (рис. 270) есть надписи. Я сделал прориси, поскольку на фотографиях надписи почти неразличимы. Тексты читаются одинаковые: на круглой ложке внизу начертано **РУСЬ**, а на ручке — **НЬВЪГОРОДЪ** (*НОВГОРОД*). На продолговатой оба слова нанесены внизу и в несколько ином написании: **РУСЬ, НОВЪГОРОДЪ.**

Привеска-топорик и привеска-ножны. По мнению М.В. Седовой, они относятся ко времени несколько более позднему, чем привески-ложки,

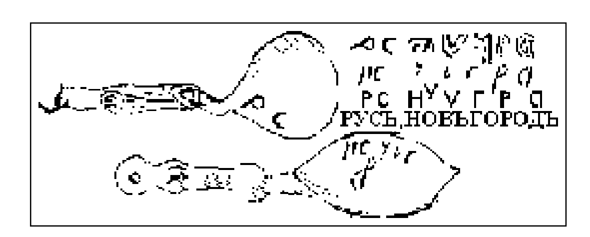


Рис. 270. Мое чтение надписей на привесках-ложках

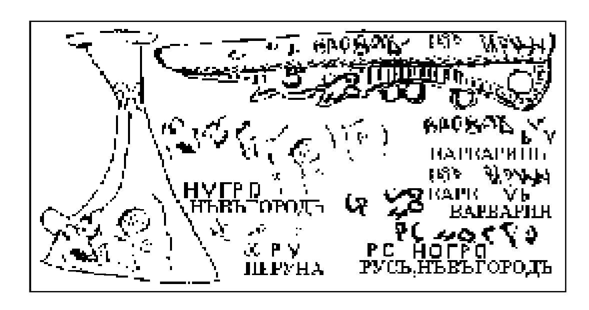


Рис. 271. Мое чтение надписей на привесках из Новгорода

то есть топорик к XI, а ножны – к XII – началу XIII века. Рассмотрим эти женские украшения из Новгорода[34] (рис. 271), на которых явно видны надписи, отлитые вместе с самими привесками.

На привеске-топорике можно прочитать слова **НЪВЪГОРОДЪ** (*НОВГОРОД*) и **ПЕРУНА**, что означает, что данная привеска воспроизводит *ТОПОР ПЕРУНА*. По характеру рабочей части видно, что это – боевой топор воина. На привеске-ножнах можно прочитать слово **ВАРВАРИНЬ, ВАРВ** и **ВАРВАРИН**, что, видимо, означает посвящение данной вещицы *СВЯТОЙ ВАРВАРЕ*, христианской святой. Не исключено, что привеска-ножны была местом для хранения иголок или каких-то иных тонких продолговатых предметов. Кроме данной надписи, на ней читается и иная: **РУСЬ, НЪВЪГОРОДЪ** (*РУСЬ, НОВГОРОД*).

Надписи на игольниках. О том, что форма привесок-ножен представляет собой игольник, можно прочитать в статье Л.А. Голубевой об игольниках[35] (рис. 272). Там же приведено несколько изображений таких привесок, чьи пространственные детали, как мне кажется, являются надписями. Так, на самой левой привеске, найденной у деревни Ванша и хранящейся в Эрмитаже, можно прочитать надпись, образованную насечкой на ободке, ступенькой ребра и верхним закруглением, как

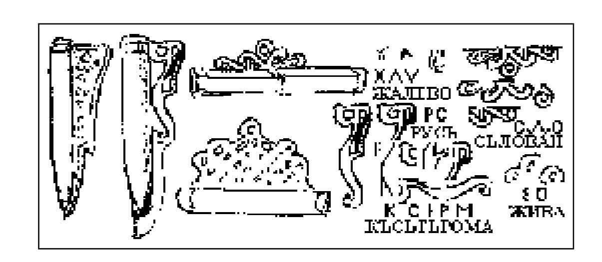


Рис. 272. Мое чтение надписей на игольниках

ЖАЛЕВО (*ИГОЛКА*). Игольник рядом, найденный в раскопках Г.М. Девочкина в бывшем Костромском уезде, содержит декоративную деталь, которую можно прочитать как **РУСЬ, КЪСЬТЬРОМА** (*РУСЬ, КОСТРОМА*). На верхнем игольнике горизонтального расположения справа, найденном в деревне Ильино, я читаю слово **СЫЛАВАН** (*СЛАВЯН*, где последняя буква N – кирилловская). На объемном узоре последнего игольника, найденного в бывшем погосте Озерском Олонецкой губернии, можно прочитать слово **ЖИВА** – знак принадлежности Олонецкой губернии к Живиной Руси. Тем самым таким или иным способом на этих игольниках помечены места их изготовления.

Трапециевидная привеска из Новгорода. Эта привеска была найдена в 1954 году в Новгороде и хранилась в музее исторического факультета МГУ, где и была утеряна. Ее изображение (рис. 273) с лицевой стороны В.Л. Янин опубликовал в 1956 году[36], а с обратной стороны – А.А. Молчанов в 1976 году[37]. Привеска была отлита из низкопробного серебра или биллона. О ее надписи Ю.К. Кузьменко писал следующее: «*Надпись нанесена острым предметом вдоль основания трапеции. Сохранность ее, по словам А.А. Молчанова, хорошая. А.А. Молчанов склонен считать надпись скандинавской рунической тайнописью[37]. Он сопоставляет ее с надписью на ребре коровы, найденной в Новгороде в 1956 году, которую А.Ф. Медведев считает рунической тайнописью[38]. Рунической считает надпись на ребре и Е.А. Мельникова, включившая ее в свод рунических надписей, найденных на территории СССР. Она, правда, предполагает, что это не тайнопись, а ряд комбинированных рун[39]. Думается, однако, что вывод о руническом характере надписи на ребре коровы преждевременен, так как в Скандинавии аналогичных надписей не найде-*

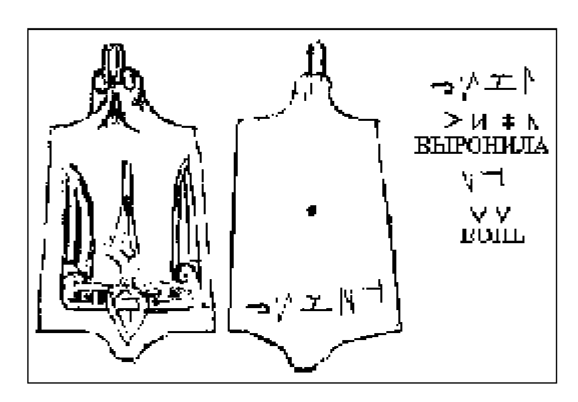


Рис. 273. Мое чтение надписи на трапецевидной привеске из Новгорода

но (ни в виде тайнописи, ни в виде комбинированных рун). Нет рунических аналогий и надписи на подвеске со знаком Рюриковичей.

Иных интерпретаций надписи на подвеске не предлагалось, и, по-видимому, до сих пор ее продолжают считать рунической... Повернув подвеску набок и читая сверху вниз, мы обнаруживаем следующие буквы кириллицы: **TZNS***Г... В принципе возможно прочтение этой монограммы как ряда цифр:* *T***=300, Z=7, N=50, S=6,** *Г***=3,** *однако последовательность этих цифр остается малопонятной, и к тому же в надписи отсутствуют знаки (титла или точки), указывающие на то, что буквы используются в цифровом значении. Мы предполагаем, что эта монограмма построена на использовании названий букв (Т—ТВЕРДО,* **Z** *— ЗЕМЛЯ,* **N** *— НАШ,* **S** *— ЗЕЛО, Г — ГЛАГОЛЬ). Согласовав эту надпись, мы получаем фразу ТВЕРДА - ЗЕМЛЯ НАША ЗЕЛО, ГЛАГОЛЬ*»[40]. Мне эти попытки считать обычную русскую надпись скандинавской тайнописью, цифрой **356+7+3** или утверждением об особой твердости нашей земли кажутся весьма забавными. Конечно, человек, нанесший ее руницей, писал не очень искусной рукой и потому не выдерживал размеры знаков; предпоследний знак у него был лигатурой. Но в остальном он ничуть не погрешил против нормальных знаков руницы, начертав самый обычный текст: **ВЫРОНИЛА ВОНЪ**, то есть *ВЫРОНИЛА НАПРОЧЬ*. Вполне понятно, что знатная горожанка, привесившая к себе несколько такого рода украшений, могла случайно обронить одну из них, так что нашедший пометил этот экземпляр своим скорым граффито. Вероятно, вещь предназначалась для возврата владелице, возможно, за некоторое вознаграждение.

Трапециевидные привески из Новгорода такого типа обычно имеют на себе изображения княжеских знаков. Он присутствует и на данной, причем знак святого Владимира. Правда, более подробную информацию об этом я даю в разделе о княжеских знаках.

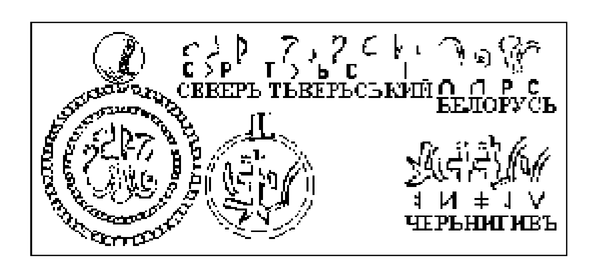


Рис. 274. Мое чтение надписей на монетовидных привесках

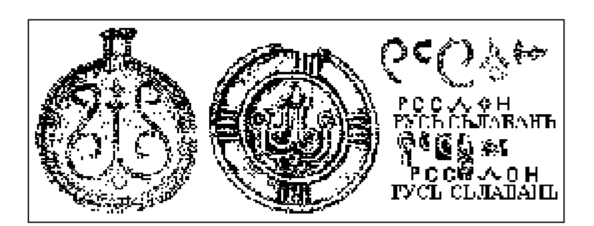


Рис. 275. Мое чтение надписей на привесках из Новгорода

Две монетовидные привески. Следующий тип привесок — монетовидные (рис. 274). В Новгороде была найдена «*монетовидная привеска с изображением процветшего креста*» XII–XIII вв.[41]. На наш взгляд, на ней нет никакого изображения креста, а есть надпись в два ряда **СЕВЕРЪ ТЪВЕРЬСЬКИЙ, БЕЛОРУСЬ** (знак ВЕ зеркальный, знак РЬ опрокинут вверх ногами), т.е. *СЕВЕР ТВЕРСКОЙ, БЕЛОРУСЬ*. Так что в Новгород попало изделие с севера Тверского княжества, входившего в состав Белоруси. На другой подвеске XII–XIII в. из Чернигова[42] можно прочитать слово **ЧЕРЪНИГИВЪ** (*ЧЕРНИГОВ*), название города. Два этих чтения я опубликовал[43].

Еще две привески из Новгорода (рис. 275). Об этих привесках М.В. Седова пишет: «*С начала XIII и до начала XIV в. в женском уборе получают распространение привески с изображением процветшего креста. Эти украшения, литые в двусторонних каменных формах, изготовлялись из сплава олова и свинца*»[44]. Действительно, на этих двух привесках видно изображение процветшего креста, и, однако, в то же самое время это — надпись руницей. Оба текста идентичны: **РУСЬ СЬЛАВАНЪ** (*РУСЬ СЛАВЯН*). Получается, что монетовидные привески если и содержат надписи, то о национальной принадлежности.

И еще две привески из Новгорода. Эти две привески принципиально ничем не отличаются от двух предыдущих; они тоже найдены в Новгороде[45] (рис. 276). Да и тексты на них примерно те же; на вто-



Рис. 276. Мое чтение надписей на привесках из Новгорода

рой начертано **РУСЬ СЬЛАВАНЪ** (*РУСЬ СЛАВЯН*), тогда как на первой текст чуть длиннее и гласит **ЖИВИНА РУСЬ СЬЛАВАНЪ, IС Х НИКА** (*ЖИВИНА РУСЬ СЛАВЯН, ИИСУС ХРИСТОС, НИКА*). Так что монетовидные привески имеют примерно одинаковые надписи.

Привеска из Зубцова. В городе Зубцове Тверской области, на реке Вазузе, археологи нашли монетовидную привеску XI–XII вв.[46] (рис. 277).

Надпись из тела птицы гласит: **БОЖЕ**! Это значит, что перед нами оберег. Узор слагается в текст: **БЕЧАТА СЬ РУСИ ВАЗУЗИНЕ** (*ПЕЧАТЬ ВАЗУЗИНА С РУСИ*). То есть привеска была одновременно и оберегом, и печаткой. Это чтение я опубликовал[47].

Привеска из Гнёздово. Летом 1993 года в Гнёздове под Смоленском был обнаружен клад домонгольского времени, куда входило 389 предметов, и среди них монетовидная литая привеска (рис. 278). Т.А. Пушкина пишет, что ее диаметр составляет 27 мм и на ней «*изображен изогнутый, с резко вывернутой назад головой шагающий влево зверь. Лентообразный язык, выпущенный из открытой пасти, оплетает заднюю часть его туловища. Двупалые лапы упираются в рамку подвески. Изображение дополнено несколькими завитками, расположенными внизу между туловищем зверя и рамкой и напротив его морды слева вверху. Ушко отлито вместе с подвеской*»[48].

На мой взгляд, на привеске имеются надписи. Основную надпись составляют лапы зверя, где можно прочитать слова **СЬМОЛЕНЬСЬКЪ РУСЬ** (*СМОЛЕНСКАЯ РУСЬ*). За ухом зверя находится слоговой знак ЖЕ, низ туловища образует слоговой знак СЬ, наконец, морда зверя кусает слоговой знак ТЬ. Эти знаки составляют слово **ЖЕСЬТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*). Наконец, на нижней части туловища зверя нанесены знаки руницы и кириллицы, которые я отдельно показываю крупным планом. Они составляют лигатуру, которую можно разложить на составляющие по едва заметным чертам. В целом этот фрагмент надписи читается **ВЪ СЬМОЛЕНЪСЬКОЙ РУСИ** (*В СМОЛЕНСКОЙ*



Рис. 277. Мое чтение надписи на обереге из Зубцова



Рис. 278. Мое чтение привески из Гнездово

РУСИ). Обращаю внимание на то, что самостоятельные княжества и области Руси тоже назывались Русью, но с определенным прилагательным — Вазузина Русь, Смоленская Русь.

Привески из Костромы. Ряд монетовидных привесок XI–XIII вв. был найден в курганах Костромы (рис. 279). Исследователи отмечают: «*Имели не только декоративное значение и круглые подвески. Их носили как обереги, связанные с древними представлениями о солнце как о божестве, посылающем на землю жизнь и плодородие... Интерес представляют особенности использования подвесок в разных районах. В западном и восточном они, как и везде на Руси, входили в состав ожерелий. А в центральном регионе местная традиция определила преимущественное использование таких украшений в головном уборе: их находили обычно на черепах умерших. Некоторые подвески насаживались на бронзовые височные колечки*»[49]. На рассматриваемых привесках я читаю: на левой — **РУСЬ, СЬЛАВАНЕ, БОГАЧИ** (*РУСЬ, СЛАВЯНЕ-БОГАЧИ*). Вероятно, данная привеска была талисманом для получения богатства. На правой — **КЪСЬТЬРОМА, ВОЛЕВА РУСЬ** (*КОСТРОМА, СВОБОДНАЯ РУСЬ*).

Привески поселений Плещеева озера. Плещеево (Клещино) озеро обладает рядом курганов и могильников, раскопанных археологами. Среди украшений в них были найдены, в частности, и монетовидные привески X–XIII вв., четыре из которых мы сейчас рассмотрим[50]

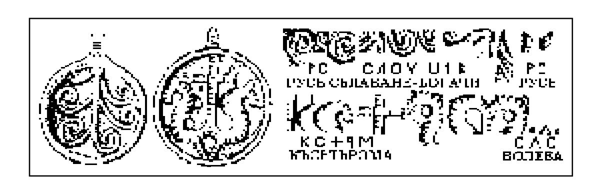


Рис. 279. Мое чтение надписей на привесках из Костромы



Рис. 280. Мое чтение надписей на привесках из поселений Плещеева озера

(рис. 280). Первая из них представляет собой изображение какого-то святого, мною увеличенное. Нимб переходит в зигзаг, в котором я подозреваю знак руницы. Чтобы выявить надпись, я поворачиваю изображение на 90° влево и обращаю в цвете. Теперь видно, что нимб представляет собой огромный знак СЬ, переходящий в знак МО. Остальные знаки находятся поблизости, образуя слово **СЬМОЛЕНЬСЬКЪ** (*СМОЛЕНСК*). Следовательно, местом изготовления был не Ростов, не Ярославль и не Суздаль, а Смоленск. Справа, над левым плечом святого имеется очень мелкое изображение, которое я читаю **МОЛИ ЛИКЪ СЬТЬ РУСИ** (*МОЛИ, ЛИК СВЯТОЙ РУСИ*). Таким образом, среди привесок были и маленькие иконки.

На другой привеске (рис. 281), изображение которой я тоже обращаю в цвете, можно прочитать **ЖЕСЬТЬ, РУСЬ, СЬМОЛЕНЬСЬКЪ, ЛИТЬВА** (*УКРАШЕНИЕ, РУСЬ, СМОЛЕНСК, ЛИТВА*). Не следует забывать, что Смоленск в то время входил в Литву, так что его изделие считалось литовским.

На третьей привеске можно заподозрить существование надписей в виде темных элементов на светлом фоне, но еще больше их выявляется при обращении цвета и повороте изображения на 90° вправо. Здесь я читаю такие надписи, как **ЖЕСЬТЬ ТЪВЕРЬСЬКА СЬЛАВАНЪ** (*УКРАШЕНИЕ ТВЕРСКОЕ СЛАВЯН*), а также **ПЕРУНОВА РУСЬ** и **СТЪВОЛЪ СЪЛАВАНЪ ПЪРУНА** (*СТВОЛ СЛАВЯН ПЕРУНОВОЙ РУСИ*). Тверские украшения мне пока не встречались, и я не знал, что Тверское княжество тоже относилось к Перуновой, а не к Живи-

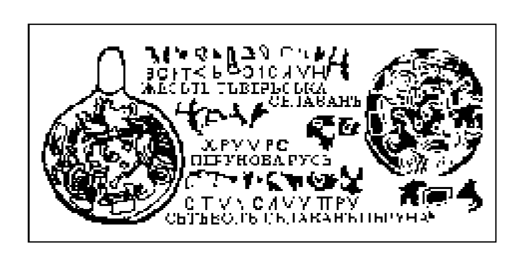


Рис. 281. Мое чтение надписей на привеске из Смоленска

ной Руси. Но теперь я узнал, что его славяне не просто были славянами именно Перуновой Руси, но и составляли их ствол, тогда как остальные являлись лишь ветвями этого ствола.

Привеска типа змеевика (рис. 282). Вообще-то змеевики я рассматриваю в главе о мелких предметах языческого культа, однако данная привеска скорее стилизована под змеевик, чем им является. О нем М.В. Седова пишет следующее: «*Наиболее древним из найденных при раскопках является бронзовый змеевик XI века, обнаруженный на усадьбе «А» в постройке №10. На лицевой стороне его помещено изображение святого воина, скорее всего Георгия. По-видимому, змеевик должен был охранять хозяина в ратном деле. На оборотной стороне амулета помещена наиболее древняя змеиная композиция, в которой змеи как бы вырастают из туловища медузы Горгоны*»[51]. Странно, что тут ничего не говорится о надписях. На лицевой стороне надписи различаются с трудом, но все же можно левую часть лица принять за лигатуру из слоговых знаков, образующих слово **СЬВЯТЪ** (*СВЯТОЙ*). Справа, в районе левого плеча можно различить весьма плохую надпись слова **ВОИНЪ** (*ВОИН*, обычное написание — ВОИНЬ). Правое плечо вроде бы содержит знак ГЪ, под которым, кажется, имеется знак ВО в виде О, так что, возможно, тут следует ожидать начертания руницей слова **ГЕВОРЫГИЙ**, однако знаки внизу изображения настолько нечеткие, что их крайне сложно прочитать. Во всяком случае, версии, что тут начертано словосочетание *СВЯТОЙ ВОИН ГЕОРГИЙ*, они не противоречат.

Знаки на оборотной стороне читаются много лучше. Я читаю тут слова **ЯРОСЬЛАВЬЛЬ**, **ЖИВИНА РУСЬ** и **СЬЗЬДЕЛЬ** (*ЯРОСЛАВЛЬ*, *ЖИВИНА РУСЬ* и *СУЗДАЛЬ*). Возможно, что привеска отлита по формочке из Ярославля, но в Суздале. Интересно сочетание в змеевике христианского святого и как бы змей.

Привеска из кости. В Белоозере найдена костяная привеска X–XIII вв.[52] (рис. 283). Я читаю: **ЖЕЛАЮ ЖЕ МУЖА ЗОЛОТОГО.** Это

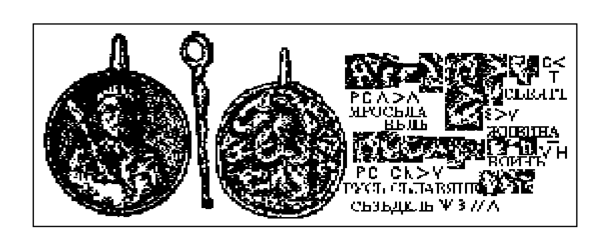


Рис. 282. Мое чтение надписи на привеске из Суздаля



Рис. 283. Мое чтение надписей на костяной привеске

чтение я опубликовал[53]. Как видим, эта надпись на привеске очень отличается от обычных, ибо тут писали дарители. В данном случае таковыми могли быть люди старшего возраста, например, крестная мать, желающая счастливого супружества своей крестной дочери; тетка, бабушка и вообще любая женщина, желающая счастья девушке.

Железный предмет из Приладожья. В Приладожье в слоях XII века был найден железный предмет неизвестного назначения с зигзагообразным узором, покрывающим две его грани[54] (рис. 284). С моей точки зрения, предмет является украшением, а узор является надписью. Она читается. Внизу начертано две буквы кириллицы, К и У, далее следуют знаки руницы, ЛО и НЪ, что образует слово **КУЛОНЪ** (*КУЛОН*). На верхней строке выделяется крупный знак ШЕ, остальные слоговые знаки мелкие, образующие слово **ШЕЙНЫЙ**. Таким образом, перед нами ювелирное изделие – ШЕЙНЫЙ КУЛОН. Я не знал и не читал в литературе, что русские женщины носили кулоны еще в далеком XII веке. Теперь этот факт установлен.

Надписи на гребешках. Надписи имелись и на других предметах из кости, рога и дерева, служащих женскими украшениями, например, на гребнях, чему были посвящены опубликованные мной небольшие заметки. Так, в слое начала XIV в. в Новгороде был обнаружен костяной гребень с надписью[55] (рис. 285). На мой взгляд, надпись, выполненная весьма затейливо, слоговым курсивом в виде двух монограмм, имеет два направления чтения: вертикальное и горизонтальное. Вертикально читается слово **ВЬСЬТЪРЕЧА** (*ВСТРЕЧА*, знак С – зеркальный),

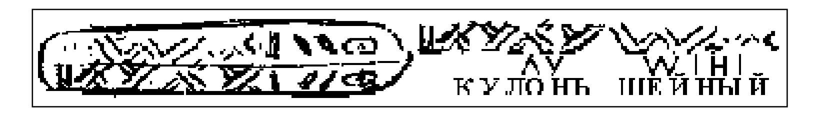


Рис. 284. Мое чтение надписей на кулоне из Приладожья

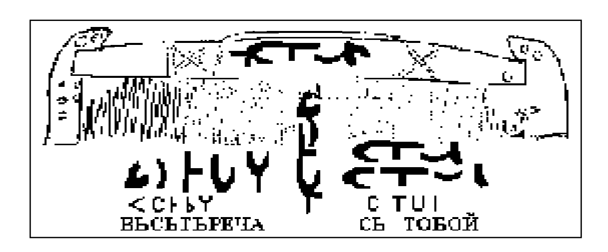


Рис. 285. Мое чтение надписи на гребне из Новгорода

горизонтально — несколько уменьшенная в размерах надпись **СЬ ТОБОЙ**. На мой взгляд, этот гребень подарил жених своей невесте в память о первой встрече. Затейливый порядок чтения и лигатуры затрудняют ее понимание, что можно считать признаком тайнописи, понятной только дарителю и его возлюбленной. Это чтение я опубликовал[56].

В следующей заметке речь идет о другом гребешке, начала IX в., из Тимеревского могильника под Ярославлем[57] (рис. 286), содержащем надпись, о которой археолог ничего не сообщает.

Вначале я прочитал эту надпись: **СЬ МИЛОЙ ЖИВУ**[58], полагая, что ее сделал, видимо, любящий муж, подаривший жене гребень по этому поводу. Однако теперь, пересматривая чтение, я понял, что неоправданно переставил знаки; если же их прочитать в том порядке, как они начертаны, надпись получается иной: **СЬ ТЕСЬМОЙ**, то есть *(НОСИТЬ) С ТЕСЬМОЙ* (знак С — зеркальный). Тем самым владелица гребня сделала для себя памятку, что этот гребень удачнее всего выглядит в комплекте с лентой в косе.

На деревянном гребне XII века из Белоозера видно граффито[59] (рис. 287). Я прочитал его вначале по вертикали **ПЕСЕНО** (*ПЁСИНО, ДЛЯ ПСА*) [60], не обращая внимания на косую царапину справа. Вероятно, этим гребнем расчесывали собачью шерсть. Однако теперь мне пред-

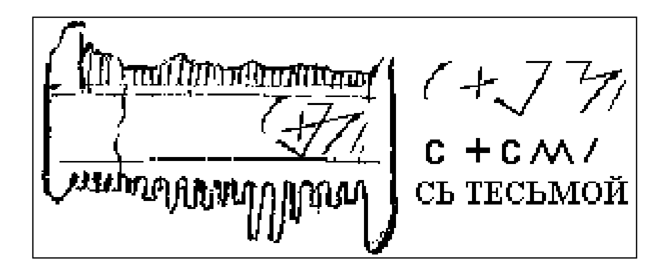


Рис. 286. Мое чтение надписи на гребне из Тимерево

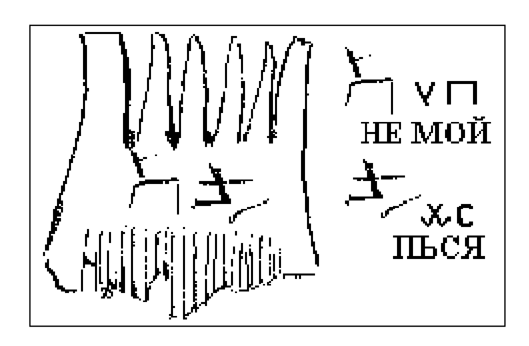


Рис. 287. Мое чтение надписи на деревянном гребне из Белоозера

ставляется, что случайных царапин тут нет, а надпись читается **НЕ МОЙ – ПЬСЯ** (*НЕ МОЙ – ПСА*). Суть от этого, однако, не изменилась, ибо хозяйка все равно не считает гребень для пса своим.

На гребне из Старой Ладоги IX–X вв. (рис. 288) одна и та же надпись повторена дважды, образуя множество пересечений и тем самым сильно затрудняя чтение[61]. Я читаю надпись как **ЗЬБАСЬТИКЪ** (*ЗУБАСТИК*). Так нежно назвала орудие расчесывания волос, видимо, только любящая хозяйка.

Весьма интересный складной костяной гребень X–XI вв. был обнаружен в Мозырском районе Белорусского Полесья[62] (рис. 289). На двух его раздвигающихся створках нанесен один и тот же несимметричный узор, который я читаю **КЪЖА ЗАНОВО** (*ФУТЛЯР ЗАНОВО*). Вероятно, гребень после некоторой эксплуатации отдавался в ремонт, после чего его футляр (КОЖА, КОЖУХ) был изготовлен заново, и об этом сообщает надпись. Возможно, что такой дорогой подарок был сделан любящим мужем, который его и отремонтировал, заказав новый футляр (взамен утерянного). Гребни,

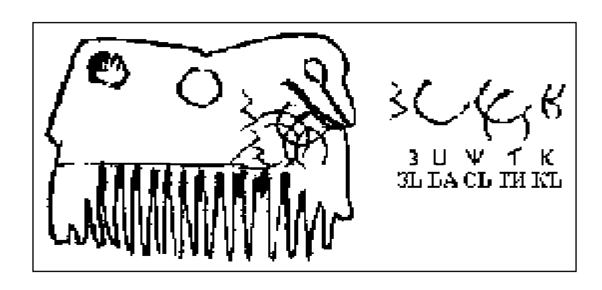


Рис. 288. Мое чтение надписи на гребне из Старой Ладоги

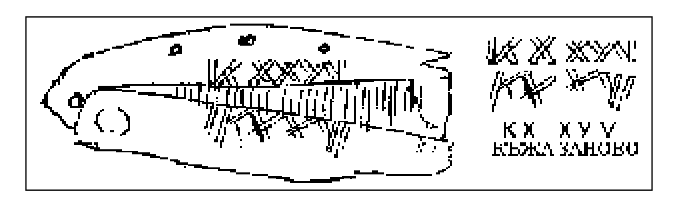


Рис. 289. Мое чтение надписи на гребне из Полесья

видимо, высоко ценились, если на них полагалось иметь кожаные футляры.

В селище Гнёздилово-2 под Суздалем был найден костяной гребень X века с граффито в двух местах[63] (рис. 290). Первая надпись читается снизу вверх, но получается слово ЧЬТИ, что непонятно. Вероятно, к числу знаков следует отнести и выступ над надписью, который является знаком СЬ зеркальным. Тогда надпись читается. Вторая надпись представляет собой лигатуру из трех знаков. Весь текст читается как **ЧЬСЬТИ ЛОВЬКО** (*ЧЕСАТЬ УДОБНО*). Вероятно, такой надписью пометила гребень его хозяйка, которой было удобнее всего расчесывать волосы именно этим гребнем.

Роговой гребень IX–X вв. был найден в деревне Городищи Вологодской области[64] (рис. 291). У него хорошо сохранились зубья; верх был отделан фигурками двух коней. Надписи нанесены двойным контуром слева и справа, напоминая рыбью чешую. Чтение левого фрагмента производится сверху вниз и слева направо, чтение правого — снизу вверх и справа налево.

Я читаю на левом фрагменте: **СЬЛОВО ЛАДЫ – ТО БОГА** (*СЛОВО ЛАДЫ – ЭТО СЛОВО БОГА*). На правом фрагменте: **МОЛИТЬ СЬ ЛЮБОВУ** (*МОЛИТЬ (ЛАДУ) С ЛЮБОВЬЮ*). Поскольку Лада была богиней согласия, видимо, этот гребень был подарен женщине ее мужем, призывающим к прекращению семейных ссор. Вероятно, женщина была довольно сварливой. Кроме того, не очень верующей в языческих богов, поскольку муж просит ее молиться с любовью.

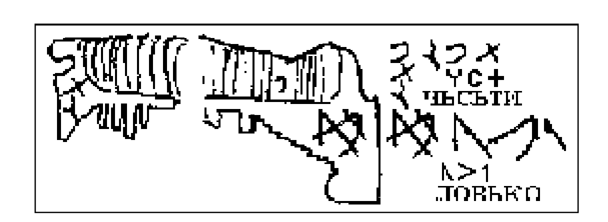


Рис. 290. Мое чтение надписи на гребне из Гнездилово



Рис. 291. Мое чтение надписи на гребне из-под Вологды

Надпись на костяном гребне XI–XII вв. из-под Ярославля[65] (рис. 292) может читаться по-разному в зависимости от положения гребня. Мне кажется, что нормальное положение определяется знаком З наверху, позволяющим прочитать сначала слово **ЖЕНЯ**, которое я понимаю как имя владелицы, а затем слово **ВЪШИ** (*ВШИ*), которое означает, что гребень применяется только для вычесывания накожных паразитов.

Тем самым гребень имеет лечебное назначение и не предназначен для повседневного ношения в волосах.

На костяном гребне XI–XIII вв. из Полоцка (рис. 293) надписи нанесены с двух сторон, причем с лицевой стороны в виде прямоугольных знаков, а на обороте — в виде витого шнура[66]. Тем не менее можно прочитать оба текста. На лицевой стороне я читаю: **НЬВЪ ЛУКОМЪЛЪВЪ ГЪРЕБЪНЬ** (*НОВЫЙ ЛУКОМЛЕВ ГРЕБЕНЬ*), а на обратной — **МОЛИТЪВЕНЕНЪ** (*ДЛЯ МОЛИТВЫ*). Вероятно, хозяйка вставляла его в косы в дни посещения церкви. Слово ЛУКОМЛЕВ означает, что он был приобретен не в Полоцке, а в Лукомле.

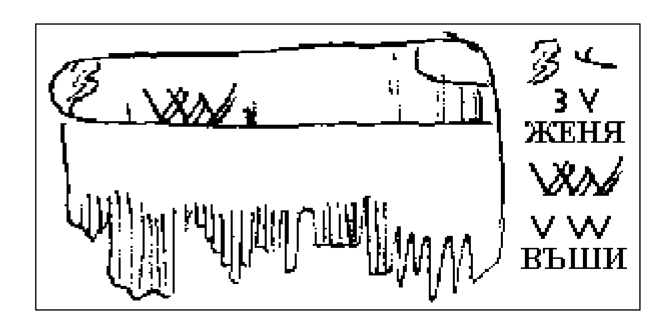


Рис. 292. Мое чтение надписи на гребне из-под Ярославля

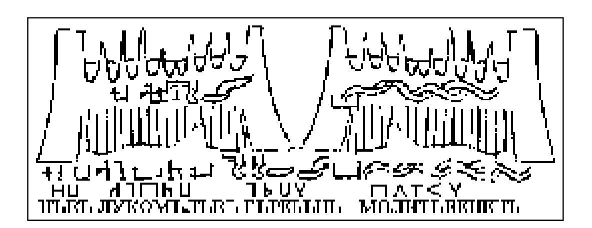


Рис. 293. Мое чтение надписей на гребне из Полоцка

Костяной гребень из города Камно Псковской области[67] (рис. 294) имеет красивую верхнюю часть в виде голов утки и селезня, что, естественно, повышает его стоимость. На гребне есть две надписи: одна, нижняя, нанесена при изготовлении и расположена в строку в виде зигзагообразного узора, другая расположена выше и создана пользователем. Эта верхняя надпись читается **ГЪРЕБЕНЬ СЬВАТА** (*ГРЕБЕНЬ СВАТА*). Следовательно, гребень девушке подарили во время сватовства. Именно поэтому на его вершину нанесено два зооморфных изображения – это намек на то, что и девушка образует с парнем пару. Надпись изготовителя выглядит натяжкой с позиций русского языка: **ЗАКАЛИ ВОЛОШИ** (*ЗАКОЛИ ВОЛОСЫ*). Вероятно, так в то время произносилась эта фраза на псковском диалекте. Подтверждение этому мы находим в таких словах М.В. Седовой: «*Исследуя берестяные грамоты Новгорода, А.А. Зализняк отметил, что иногда в них, как и в других некнижных источниках, встречается так называемое «шепелявенье», то есть мена* (з) *с* (ж) *и* (с) *с* (ш). *Особенно оно характерно для псковских памятников и говоров. В Новгороде самый ранний пример такой мены встречен в надписи на куске свинца XII века*»[68].

Рядом помещена гребнеобразная подвеска из янтаря VIII–IX вв. (тот же рис.), якобы из Литвы (хотя в статье упоминаются гребни с



Рис. 294. Мое чтение надписей на гребне из Камно и подвески из Пскова

«горбатой» спинкой из Пскова) [69]. Интересно то, что на ней начертано практически то же самое, **СЬКАЛИ ВОЛОШИ** (*СКОЛИ ВОЛОСЫ*). Поскольку на этой подвеске переданы особенности псковского диалекта, а также особенности конструкции гребня из Пскова, я полагаю, что и само изделие было создано в Пскове. А кусок янтаря, действительно, мог быть привезен из Литвы. Любопытно тут то, что подвеска воспроизводит гребень именно Пскова, вместе с особенностями надписи и ее орфографией.

Гребень из Суздаля. Говоря об этом гребне XII–XIII вв. (рис. 295), М.В. Седова отмечает: «*Продукция косторезов представлена многочисленными находками гребней, рукояток ножей, булавок, проколок, накладок и пр. Многие образцы изделий косторезного ремесла отличаются высоким профессионализмом, декоративностью и художественностью исполнения*»[70].

Гребень найден вблизи Ризоположенского монастыря Суздаля и содержит две надписи: одну в виде узора, нанесенную при изготовлении, и другую, процарапанную ниже владельцем. При изготовлении начертано слово **РУСЬ** многократно, в виде непрерывного узора; владелица процарапала слово **СЬЗЬДЕЛЬ**, то есть *СУЗДАЛЬ*, где знаки руницы образуют лигатуру, которую следует поворачивать в разные стороны для чтения надписи.

Булавки. Как отмечает М.В. Седова, «*булавки служили застежками верхней одежды. Соединяясь между собой цепочками, булавки придерживали края плаща, платка или длинной женской безрукавки. Булавки считаются характерной деталью костюма западно-балт-*

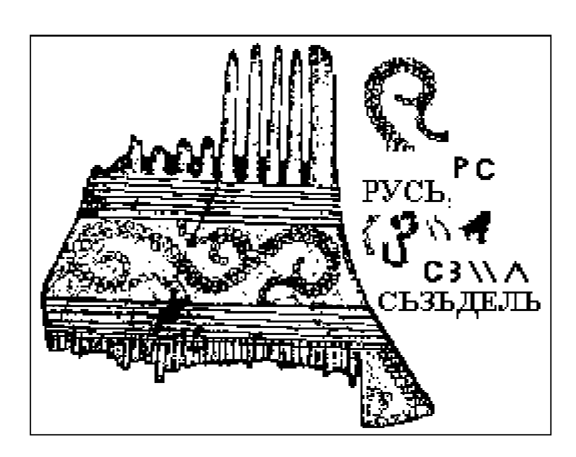


Рис. 295. Мое чтение надписей на гребне из Суздаля

ских племен, воспринятой и западно-финскими племенами. Особое распространение получили они у эстов и води. Поэтому на территории славян они почти не встречаются. Исключение составляют северо-западные славянские земли и особенно Новгород, в котором найдено 64 булавки различных типов. Наиболее древними являются формы, происходящие из Прибалтики: булавки с треугольными, крестовидными и двуспиральными головками»[71].

В монографии М.В. Седовой о ювелирных изделиях Новгорода представлено несколько конкретных видов одежных булавок; некоторые из них обладают головкой, в которую вставлено проволочное кольцо, и тем самым они имеют право именоваться булавками, поскольку действительно напоминают БУЛАВУ в миниатюре. Другие же, которые я показал на рисунке[72] (рис. 296), имеют иную форму головки, и потому называются иначе. На первой же из них я прочитал слова **ЖЕНЪСЬКИ ЗЬКОЛЪКИ, ЖЕСТЬ**, что означает *ЖЕНСКИЕ ЗАКОЛКИ, УКРАШЕНИЕ*. Таким образом, они назывались заколками, а не булавками. На других экземплярах можно прочитать слова **ЖЕСЬТЬ, ЗЬКОЛЪКИ** и **ЗЬКОЛЪКА** (*УКРАШЕНИЕ, ЗАКОЛКИ* и *ЗАКОЛКА*).

Фибулы. Еще одним типом заколок являлись фибулы, которые, по мнению М.В. Седовой, «*составляют одну из наиболее распространенных категорий украшений. Ими пользовались как мужчины, так и женщины, ими застегивали и верхнюю, и нижнюю одежду. Древнейшее их упоминание в русских письменных источниках относится к*

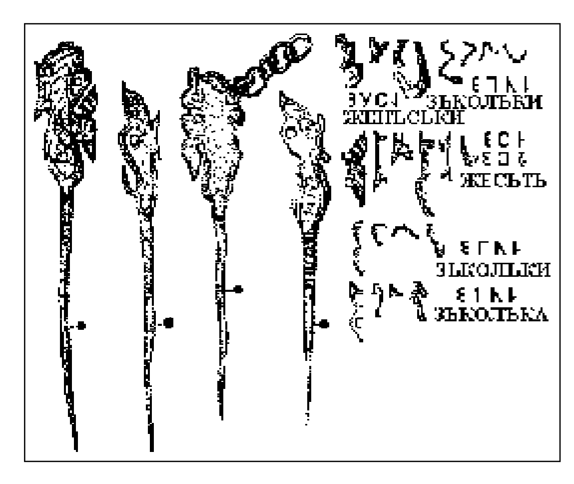


Рис. 296. Мое чтение надписей на булавках Новгорода

945 году — они названы СУСТУГАМИ (от слова стягивать). Но преимущественно фибулы были украшением балтов и финно-угров. В славянских памятниках они встречаются там, где славяне соприкасались с балтским и финно-угорским населением, то есть на северо-западе и северо-востоке Руси. В южнорусских землях их почти нет. В Новгороде, в слоях X–XV вв., найдены 130 различных фибул и 23 язычка к ним. Основная масса обнаружена в слоях X–XII вв. Фибулы делятся на типы: скорлупообразные, подковообразные и кольцевые»[73].

Вначале рассмотрим подковообразную фибулу и пряжку из слоя XI века Суздаля[74] (рис. 297), хотя различие между ними едва заметно. На фибуле у основания язычка я читаю **СЪЗДАЛЬ** (ЛЬ начертано буквами кириллицы, остальное — руницей), а на нижнем полукружии — **СЪЛАВЯНЕ**. На верхнем полукружии читается слово **РУСЬ**. На пряжке, которую я помещаю с разворотом на 180° против оригинала, я читаю слово **КЪРУЖЕЛЬКЪ** (можно читать и ЖЕ и ЖИ), то есть *КРУЖИЛКА*. Так, видимо, называлась в то время КРУГЛАЯ ПРЯЖКА.

Далее посмотрим на надписи на иной пряжке XI века из Суздаля[75] (рис. 298). На верхней части слева все знаки слиты воедино и неразличимы, зато справа можно вычленить знаки руницы, образующие слова **ПЕСЬТЪРА** и **МОЛОДИЦА** (ДИЦА написано буквами кириллицы), так что перед нами, видимо, название типа пряжки. На язычке (при повороте на 180°) можно прочитать вверху **РУСЬ**, внизу **ЛИТЪВА**, что является названием Северо-Западной Руси, позже оформившейся в Великое княжество Литовское. На продолжении язычка имеется весьма плохо начертанная надпись с очень неясными знаками, и можно скорее догадаться, чем увидеть, надпись **КЪРУЖЬЛЪКЪ** (*КРУЖИЛКА, КРУГЛАЯ ПРЯЖКА*). На нижней части справа видна надпись **РУНОВА** (*СО ЗНАКАМИ РУНИЦЫ*). Наконец, на нижней части слева видна лигатура, где различимы лишь три первых знака как **ВЕЛИКО**; вероятно, это начало словосочетания ВЕЛИКО КЪНЯЖЕСТВО ЛИТЪВА, однако, как я уже говорил, знаки в этой лигатуре неразли-

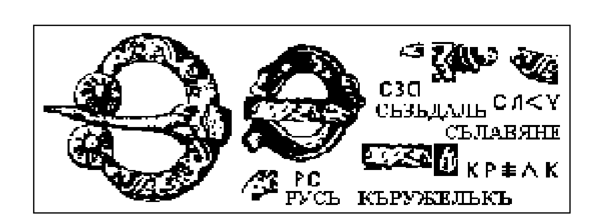


Рис. 297. Мое чтение надписей на фибуле и пряжке из Суздаля

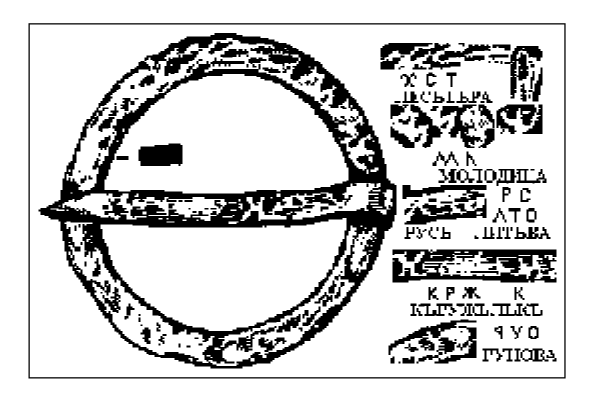


Рис. 298. Мое чтение надписей на пряжке из Суздаля

чимы, хотя последний является знаком ВА, а перед ним с огромным трудом можно угадать и ТЬ, и ЛИ. Таким образом, перед нами находится предмет импорта из соседней славянской страны.

Напротив, на серебряной фибуле из кургана XI века № 96 из Суздаля[76] (рис. 299) можно прочитать слова **СЪЗЬДЕЛЬ, РУСЬ**, то есть *СУЗДАЛЬ, РУСЬ*. Так что перед нами изделие местного производства.

По сравнению с рассмотренными весьма скромной смотрится крупная подковообразная фибула конца XI века из Новгорода[77] (рис. 300). Надписи на ней невооруженным глазом не просматриваются, поэтому приходится прибегать к технике микрочтения, то есть давать большие увеличения фотографии. Надписи сосредоточены в верхней части фибулы. Прежде всего у нижней кромки читается (рис. 301) **ПЪРУНЪ, РУСЬ ПЪРУНА** (*ПЕРУН, РУСЬ ПЕРУНА*). Такое название некоторого района Руси я встречаю впервые. А справа у нижней кромки той

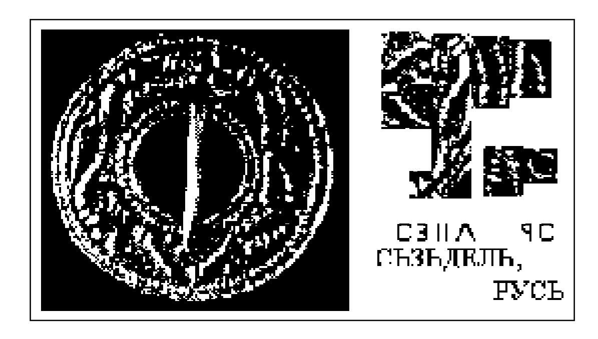


Рис. 299. Мое чтение надписи на фибуле из кургана 96

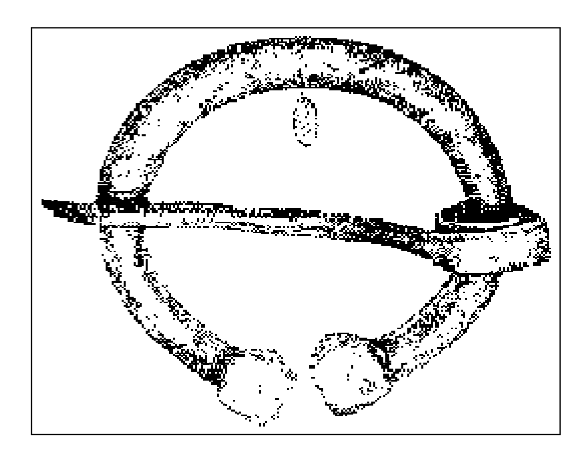


*Рис. **300**. Фибула из Новгорода*

же верхней части кольца можно прочитать **МАША, ТО МАША - СЪМЪРЪНОВА** (*МАША — ЭТО МАША СМИРНОВА*). Далее справа у верхней кромки — любопытное изречение: **ЖЕНАМЪ СУДАРЯ ПОЛЮБИТЬ УМЕРЕТЬ** (*ЖЕНЩИНАМ СУДАРЯ ПОЛЮБИТЬ — УМЕРЕТЬ*). Из этого следует, что Маша Смирнова была не из благородного сословия; впрочем, о том же говорит и бедность застежки.

Внизу фибулы, у ее развернутых краев можно видеть слева надпись **ЖЕСЬТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*), а справа, на другой стороне, можно прочитать название **МАСЬТЬРА ПЪРОТАСОВА** (*МАСТЕРА ПРОТАСОВА*). Здесь впервые можно видеть подпись мастера. Кроме того, фибула оказывается чем-то вроде паспорта для женщины.

Еще на одной подковообразной фибуле из Новгорода, относящейся к середине XIII века, вообще практически не видно никаких надписей[78] (рис. 302). При увеличении, однако, несколько раз встречаются



*Рис. **301**. Мое чтение надписей на подковообразной фибуле из Новгорода*

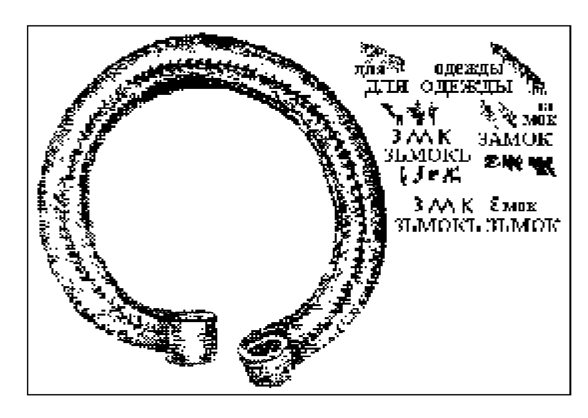


Рис. 302. Мое чтение надписей на фибуле из Новгорода

надписи **ЗЬМОКЪ** (*ЗАМОК*, в том числе и в кирилловском написании) и *ДЛЯ ОДЕЖДЫ*. Из этого следует, что данную фибулу изготовили не на заказ, ее продали как обычное ремесленное изделие.

Очень интересной оказалась большая фибула XII–XIV вв., найденная в Кексгольмских могильниках В.И. Равдоникасом[79] (рис. 303). Поднимая вопрос о местной культуре, этот археолог пишет: «*Иной облик имеет культура, представленная в западной части Карело-Финской ССР памятниками XII–XIV вв. Это уже вполне карельская культура, и корни ее надо искать не на Западе, а на Востоке*»[80]. В этом смысле археолог абсолютно прав, приводя в качестве примера данную фибулу, ибо узор на ней имеет чисто русский характер и может быть прочитан.

На фибуле прежде всего читается верхняя часть, но с разворотом на 90° вправо. Я читаю: **СЬВЯТАЯ КОРЕЛА**, и чуть ниже **РУСЬ-КЪРЕЛА** (*СВЯТАЯ КАРЕЛА* и *РУСЬ-КАРЕЛА*). Оказывается, наряду

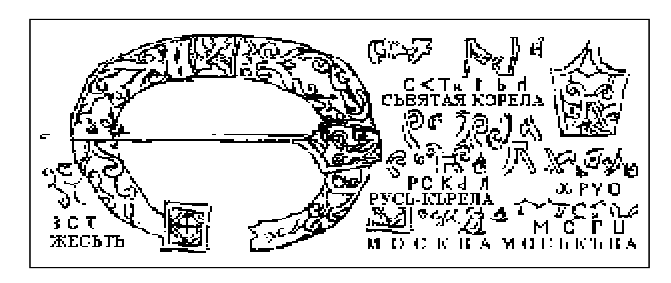


Рис. 303. Мое чтение фибулы из Кексгольмских могильников

с Русью-Литвой существовала и Русь-Карела! На основании язычка последняя надпись несколько продлена, образуя текст **РУСЬ-КЪРЕЛА ПЕРУНОВА** (*РУСЬ-КАРЕЛА ПЕРУНОВА*). Тем самым понятие ПЕРУНОВА РУСЬ географически расширяется от Прибалтики до Карелии, и это выражение я теперь уже не буду однозначно связывать только с Литвой.

Внизу правое основание фибулы обломано, но предположив, что оно в точности соответствует левому, и продолжив чтение узора вправо, я впервые обнаруживаю близкое моему сердцу название города: **МОСКВА**! Это слово начертано кириллицей, однако другое точно такое же слово, но в исполнении руницей, я нахожу на основании язычка: **МОСЬКЪВА**, то есть *МОСКВА*. Это название я считаю местом изготовления. Иными словами, фибулу для «святой Корелы» изготовили в Москве, которая, видимо, и начала постепенно проникать туда, конкурируя с Тверью.

В отношении кольцевой фибулы, найденной в слое 60—90-х годов XIV века в Новгороде (рис. 304), исследовательница высказывает предположение, что она является западноевропейским импортом. «*На ней изображены в двух местах две руки в рукопожатии. По кольцу... идет круглая надпись IAIVIANяXI. Такие застежки носили общеевропейский характер. Встречены они и в Карелии, где датируются периодом около 1300 года. Аналогичная застежка найдена в Шотландии, еще одна находится в музее в Вене, место ее происхождения неизвестно. Вероятно, фибулы с латинскими надписями и изображениями сплетенных рук были привозными, западноевропейской работы*»[81].

Высказывание крайне любопытно. Впервые из этой цитаты я узнал, что в латинском языке, оказывается, была буква Я; с моей точки

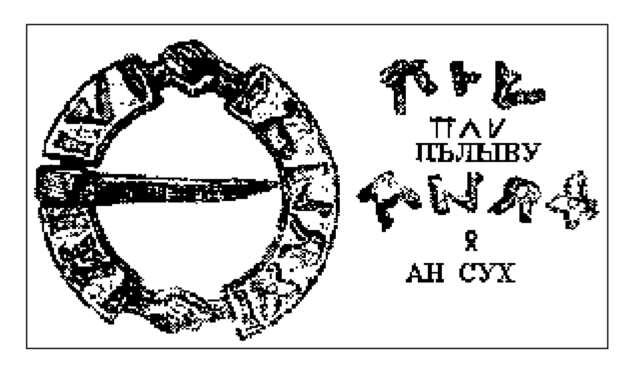


Рис. 304. Мое чтение надписи на фибуле из Новгорода

зрения, вообще трудно найти язык, в котором было бы 4 буквы «И» в одном слове; к тому же совершенно неясно, как можно было бы перевести данное выражение с латыни. Что же касается происхождения и распространенности, то фибулы такого вида могли быть отлиты в том же Новгороде, а из него попасть и в Карелию, и в Шотландию, и в Вену. На мой взгляд, латыни тут вовсе нет, а знаки в виде I служат просто ограничителями слогов или слов. В остальном же надпись начертана смешанными знаками, то есть кириллицей и руницей. Я читаю надпись так: **ПЫЛЫВУ, АН СУХ**, то есть *ПЛЫВУ, НО СУХ*. В таком случае, фибула застегивала скорее всего плащ моряка (и это помогает понять, как она оказалась у берегов Шотландии и в городе на Дунае). В итоге никакой буквы Я в надписи нет, а есть лишь слоговой знак СУ, прочитанный Седовой как Я, а также лигатура ПЫЛЫ, прочитанная как А.

Эта фибула интересна тем, что слоговые знаки здесь впервые пишутся таким же шрифтом, как и буквы латиницы (что и смутило исследовательницу).

Сердцевидных фибул в Новгороде найдено всего две. Изображение на рисунке 305 относится к первой четверти XIII века; «*она литая ажурная размерами 4,5 на 3,5 см, с узким ободком на насечке. В контуры застежки вписаны две человеческие фигуры, как бы тянущиеся друг к другу. Манера изображения позволяет видеть в фигурах Тристана и Изольду. В.П. Даркевич считает возможным местом изготовления застежки Германию*[82]»[83]. По предыдущей фибуле мы уже видели, что предположение об импорте, сделанное по формальным признакам, может и не подтвердиться.



Рис. 305. Мое чтение надписей на сердцевидной фибуле из Новгорода

Так получилось и на этот раз. Уже первые слова, начертанные на плече и груди мужчины, а именно **ЖЕСЬТЬ** и **РУНЪ** (*УКРАШЕНИЕ* и *РУНА*) говорят об отечественном месте изготовления фибулы. Вдоль обрамления фибулы слева дважды читается имя **ТРИСТАН**, а над круглым отверстием и частично в его окантовке можно различить слово **ИСОЛЬТА** (*ИЗОЛЬДА*). Тем самым подтверждается атрибуция фибулы как изображение Тристана и Изольды. На вытянутой руке женщины читается слово **ВЪ БАРМОЧКЕ** (*НА ПРИВЕСОЧКЕ*). Под ягодицей женщины вновь встречается слово **ЖЕСТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*), но в другом оформлении знаков руницы. Наконец, на ее груди можно прочитать слова **РУНЕ** и **ГЪДОВ** (*РУНЫ* и *ГДОВ*). Таким образом, фибула носила сакральный характер, раз на ней помещались надписи, а изготовлена она была не в Новгороде, а в Гдове. Указание на конкретный русский город является самым сильным подтверждением того, что перед нами отечественное изделие.

Теперь мне понятна ошибка Даркевича: существование застежек на сюжеты литературных персонажей Западной Европы с местом изготовления в Гдове просто ошеломляет. Если бы я не прочитал надписи, я бы тоже не поверил в это.

Вторая сердцевидная фибула рубежа XII–XIII вв. (рис. 306) «*с неясным растительным орнаментом по краям*» тоже найдена в Новгороде[84]. На мой взгляд, орнамент больше напоминает животных, чем растения, и именно позы этих животных и образуют надписи. Я читаю верхнюю надпись как **ЖЕСЬТЬ СЬЛАВАНЪ** (*УКРАШЕНИЕ СЛАВЯН*), наклонную часть справа как **МАЛО ПО МАЛУ**, наклонную часть

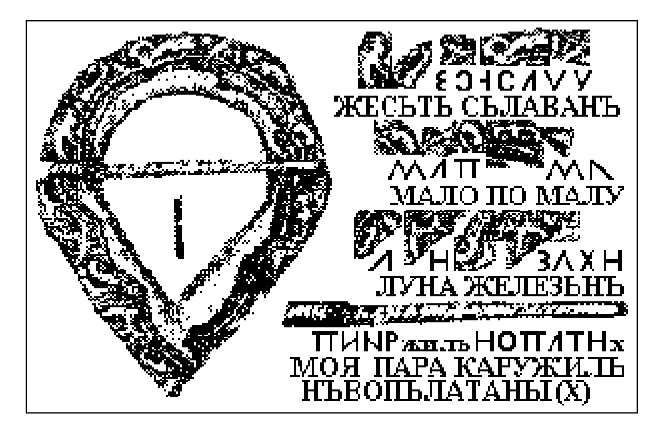


Рис. 306. Мое чтение надписей на второй сердцевидной фибуле

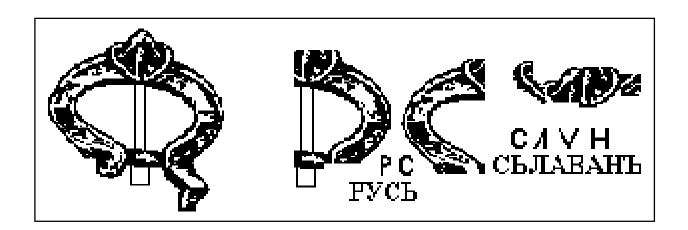


Рис. 307. Мое чтение надписи на пряжке из Суздаля

слева как **ЛУНА ЖЕЛЕЗЪНЪ** (*ЛУНА ЖЕЛЕЗНАЯ*). На язычке нанесена очень мелкая смешанная надпись, где скорее угадывается, чем читается текст **МОЯ ПАРА КАРУЖИЛЪ НЪВОПЪЛАТАНЫ(Х)** (*МОЯ ПАРА КРУГЛЫХ ФИБУЛ НОВОПЛАТЯНЫХ*). Все надписи изготовлены заранее в расчете на неизвестных и не слишком взыскательных покупательниц. В любом случае фибулы, вероятно, были рассчитаны на различные слои общества, разную цену и разный вкус.

Перейдем теперь к исследованию пряжек от мужских ремней.

Славянская пряжка. В наиболее ясном виде надпись на вершине пряжке мне удалось разглядеть лишь на одном экземпляре из Суздаля[85] (рис. 307), хотя менее ясные очертания можно было встретить на экземплярах из ряда других мест. Язычка у найденного экземпляра пряжки нет, я его мысленно восстанавливаю, и тогда читаю слово **РУСЬ**, а верхний узор – как слово **СЪЛАВАНЪ** (*СЛАВЯН*). Можно сказать, эта модель пряжки являлась общерусским изделием.

Гораздо менее распространен другой тип пряжки, тоже найденной в Суздале[86] (рис. 308), где читается тот же текст, но с немного иным характером размещения знаков и с иным начертанием знака ВА. Это тоже **РУСЬ СЪЛАВАНЪ** (*РУСЬ СЛАВЯН*).

В отличие от многих других украшений на пряжках любили писать их владельцы, оставляя граффити. Вот, например, еще одна пряжка из Суздаля[87] (рис. 309). Хотя надпись при прориси М.В. Седовой была

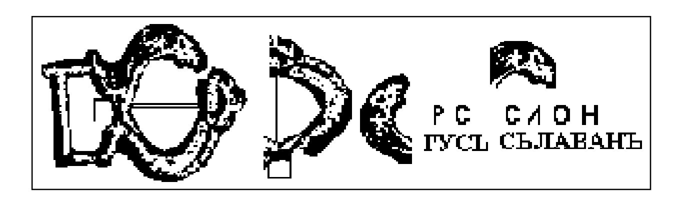


Рис. 308. Мое чтение надписи на другой пряжке из Суздаля



Рис. ***309.*** *Мое чтение граффито на пряжке из Суздаля*

покрыта штриховкой, осложняющей ее выделение, тем не менее текст при большом увеличении оказалось возможным различить. Он гласит: **ПЪРЯЖЬКЪ ВЫСУРЕНА, ЗАВАРЕНА МЪНЕ НЪ РАДОСЬТЬ** (*ПРЯЖКА ОСВИНЦОВАНА, ЗАВАРЕНА МНЕ НА РАДОСТЬ*). Два слоговых знака РЯ и знак ДО — зеркальные. Это — довольно длинный текст для небольшого галантерейного изделия. Таким образом, владелец не просто приобрел пряжку, но еще и отдал ее на дополнительное покрытие свинцом и заварку, то есть ликвидацию мельчайших трещин. Вероятно, пряжки в те времена были не только дорогими изделиями, но и предметом престижа.

На пряжке первой четверти XI века из Новгорода[88] (рис. 310) можно прочитать отлитый внизу узор как слово **ТЪВОЙ** (*ТВОЙ*), а также узор справа, который слагается в слово **НЪВЪГОРОД** (*НОВГОРОД*).

В сопках урочища Победище близ Старой Ладоги была найдена металлическая пряжка второй половины первого тысячелетия н.э.[89] (рис. 311). На двух сторонах пряжки имеется граффито. Я читаю надпись **ПЬРЯЖЬКА ЛИТА** (*ПРЯЖКА ЛИТА*, а не кована).

На пряжке из кургана у села Ботвиновка Гомельской области, найденной в слое XI века, можно видеть граффито[90] (рис. 312). Штрихи — нарочито линейные. Я читаю надпись так: **ГОМЕЛЯ НОВЫ ВЪПЪРЯГЪ**



Рис. ***310.*** *Мое чтение надписи на пряжке из Новгорода*

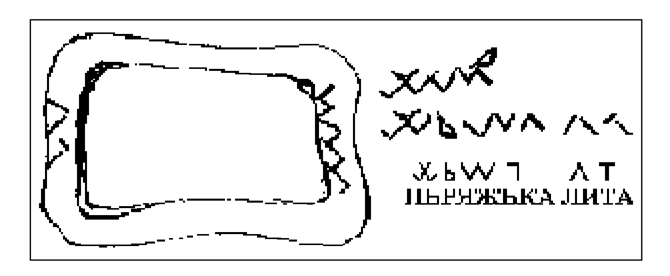


Рис. 311. Мое чтение надписи на пряжке из Старой Ладоги

КЪНЕВОЙ (*ГОМЕЛЯ НОВАЯ УПРЯЖЬ КОНСКАЯ*). Тем самым пряжка относится к конской упряжи. Для получения «красивого» начертания владелец пошел на определенное искажение знаков, а знак ПЬ положил на бок.

Железная пряжка из Старой Рязани была найдена в мастерской В-3 «двора металлурга» постройки 13 и относилась к началу XIII века[91] (рис. 313). Надписи находятся на язычке, верхней и нижней кромке пряжке, но читаются при ее повороте на 90° вправо. Здесь я читаю такие слова: на язычке, руницей – **СЪЛАВАНЕ. БОГЪ**; смешанным письмом – **СИЛА**, что означает перечисление ценностей средневековья: *СЛАВЯНЕ, БОГ, СИЛА*. На верхней кромке повернутой пряжки справа читаются слова (при увеличении изображения и обращении цветов): **РАБОТА КОВАЛЯ**, а на нижней кромке при разложении граффито, что можно сделать только условно, – **НОСКОВА**. Это означает *ИЗДЕЛИЕ КУЗНЕЦА НОСКОВА*. Тем самым впервые прочитана информация не пользователя, а изготовителя. Возможно, что этот «коваль Носков» был одним из мастеров «двора металлурга». Как видим, наряду с литыми пряжками существовали и пряжки кованые.



Рис. 312. Мое чтение граффито на пряжке из Гомеля

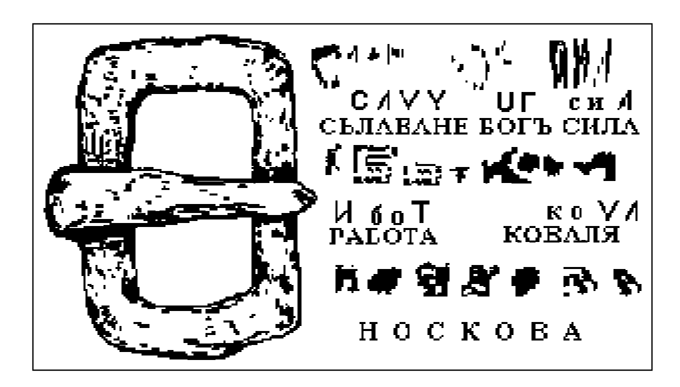


Рис. 313. Мое чтение надписи на пряжке из Старой Рязани

Там же найдена и еще одна железная пряжка округлой формы[92] (рис. 314). Почти все надписи нанесены на широкий язычок, и на первый взгляд читаются и в прямом и в перевернутом положении. Тем не менее большинство надписей можно прочитать при повороте изображения на 90° вправо и при обращении цветов. Получившуюся при этом лигатуру я изобразил отдельно.

Надписи гласят: **КОВАЛЬ** (кириллица) **РУНЪ** (руница) **ГЕОРГИ НОСКОВ** (вязь кирилловских букв) (*КУЗНЕЦ НАДПИСЕЙ — ГЕОРГИЙ НОСКОВ*). Тем самым не только подтверждается фамилия или прозвище мастера-кузнеца, но еще и сообщается имя — Георгий. При повороте язычка на 180° можно прочитать слово **РУНА**, начертанное знаками руницы, а также на круглом ободке пряжки — слово **ЖЕСЬТЬ**. Это означает — *НАДПИСЬ, УКРАШЕНИЕ*.

На пряжке X–XI вв. из Ростова Великого[93] (рис. 315) можно прочитать ряд надписей. Ими прежде всего занят левый верхний угол, где начертано руницей **ПЪРЯЖЬКА 1** (*ПРЯЖКА 1*), и чуть ниже —



Рис. 314. Мое чтение надписей на другой пряжке из Старой Рязани

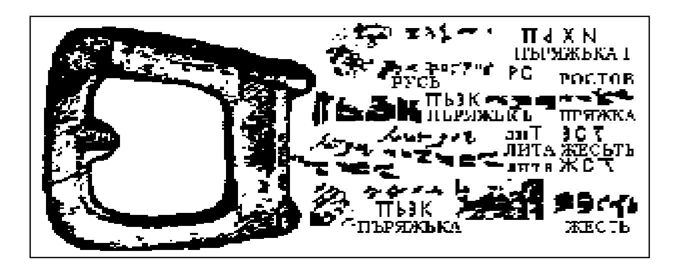


Рис. 315. Мое чтение надписи на пряжке из Ростова

РУСЬ, а затем кириллицей **РОСТОВ**. На верхней части рамки пряжки я читаю крупные знаки руницы **ПЪРЯЖЬКЪ** (*ПРЯЖКА*), и ту же надпись мелкими буквами кириллицы, **ПРЯЖКА**. Чуть ниже, на приливе с правой стороны левой части рамки пряжки, читаю слова, начертанные смешанным способом: **ЛИТА ЖЕСЬТЬ** (*ЛИТОЕ УКРАШЕНИЕ*). Ту же надпись, но несколько более крупными буквами и знаками можно прочитать внизу верхней рамки пряжки, но в чуть ином начертании знаков. На правой части рамки пряжки наверху можно прочитать слово **ПЪРЯЖЬКА** (*ПРЯЖКА*), а внизу — слово **ЖЕСТЬ**, начертанное кириллицей. Обращаю внимание на то, что слово ЖЕСТЬ впервые встречается в кирилловском начертании, что подтверждает мои чтения этого слова руницей. Имя изготовителя или владельца найти не удалось.

Поясные накладки. К поясному набору относятся также поясные накладки. На одной из них, середины XV века из Новгорода[94] (рис. 316), узор представляет собой знаки руницы, оформленные в красивый печатный шрифт. Для чтения накладку необходимо повернуть на 90° вправо, и тогда три знака окажутся один над другим в столбик. Я читаю эти три знака как слово **ПАВЪЛА** (*ПАВЛА*). А в последнем знаке ЛЪ весьма небольшими буквами кириллицы начертана и фамилия владельца: СЕДОВА. Очевидно, что владелец специально заказал накладку со своим именем. Так что если пряжка несла название города, то накладка давала информацию об имени и фамилии владельца. Тем

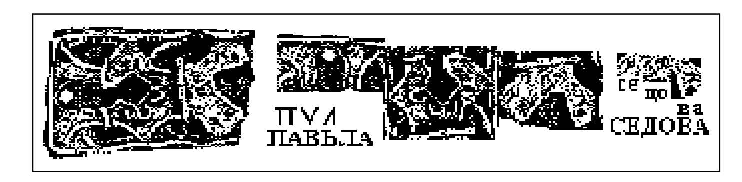


Рис. 316. Мое чтение надписи на накладке из Новгорода



Рис. 317. Мое чтение надписи на другой накладке из Новгорода

самым, поясная накладка была чем-то вроде нынешнего паспорта, разумеется, только для состоятельных граждан.

На другой накладке, второй половины XV века из Новгорода[95] (рис. 317), имя читается на центральном щитке. Крупными буквами кириллицы можно прочитать имя, **ПЕТР**, тогда как фамилия начертана знаками руницы в самом низу щитка. Она читается **ЧЬСЬТОВЪ** (*ЧИСТОВ*).

Я развернул накладку так, чтобы правильно читалось имя ПЕТР, горизонтально, тогда как в монографии М.В. Седовой она помещена вертикально. Судя по сложности композиции накладки, Петр Чистов был весьма состоятельным человеком.

На третьей накладке из Новгорода, относящейся ко второй половине XI века[96] (рис. 318), можно прочитать надпись из полукружий и несимметричных знаков как **РУСЬЛАН** (буква N – кирилловская) **МОГИЛА** (*РУСЛАН МОГИЛА*). Эта накладка на 4 века старше первых двух и указывает на существование стойкой традиции подписи паспортных данных на поясном наборе.

Найдена поясная накладка и в Старой Рязани, в раскопе 20, в первом-втором пласте, относящихся к концу XII века[97] (рис. 319). Очерта-

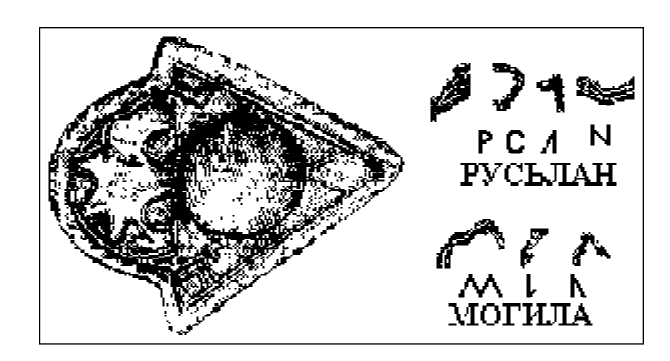


Рис. 318. Мое чтение надписи на третьей накладке из Новгорода



Рис. 319. Мое чтение надписи на накладке из Старой Рязани

ния накладки очень замысловатые, что наводит на мысль о том, что они представляют собой надпись. И действительно, они слагаются в текст **ВЪ РУСЬ БОГА ЖИВЫ**. Надпись В РУСЬ вместо РУСЬ означает, что Рязань не входила в территорию Живиной Руси, являясь соседним княжеством.

Для чтения я развернул накладку на 90° влево и читал все тексты вдоль нижней кромки, ибо в других местах надписей не было. Слева надпись была сделана светлым на темном фоне, после ее обращения я узрел лигатуру, из которой выделил знаки со значением **РЕЗЕНЬ** (*РЯЗАНЬ*). Ниже чередованием темных и светлых знаков в две строки начертано слово **МОГИЛЬЩИКЪ**. Такова была профессия владельца пояса. Имя и фамилия даны внизу, в правой части положенной на бок накладки. Первая буква А дана надстрочно светлой, остальные начертаны в строку смешанным письмом, фамилия дана знаками руницы в две строки. Я читаю **АЛЕКСАНДЬРЪ НИКАШЕВЪ** (*АЛЕКСАНДР НИКАШЕВ*). Таким образом, впервые на поясной накладке встречено указание на профессию ее обладателя, и эта профессия вовсе не относится к благородному сословию. Но и накладка не отличается фантазией.

В Старой Рязани была найдена и еще одна накладка, видимо, XII–XIII вв.[98] (рис. 320). Правая часть лицевой стороны покрыта светлым узором, я обращаю его в темный.

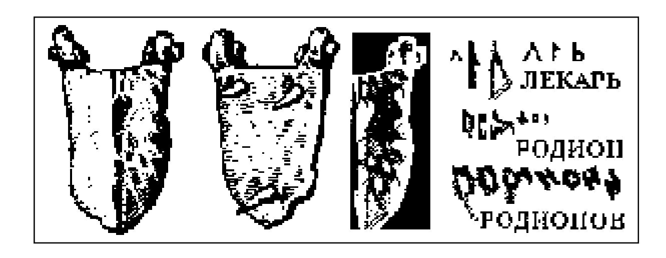


Рис. 320. Мое чтение надписи на второй накладке из Старой Рязани

Надпись нечеткая, слита в лигатуру, но с левой стороны по вертикали, под буквами, нанесены слоговые знаки, читаемые как слово **ЛЕКАРЬ**. Основная же лигатура составлена из двух слов: в верхней строке кириллицей начертано имя **РОДИОН**, тогда как при чтении снизу вверх получается фамилия или прозвище, **РОДИОНОВ**.

В Суздале в слое XI века был найден целый поясной набор из пряжки и трех накладок. На пряжке я явных надписей не обнаружил. Зато поясные накладки в количестве трех имели узоры[99] (рис. 321), которые, на мой взгляд, представляют собой знаки руницы. Имя и фамилия повторяются на двух накладках, хотя несколько варьируют в написаниях. Имя читается **РУСЬЛАНЪ** (*РУСЛАН*), а фамилия – **ЛЕГЪКОМЫСЪЛОВЪ** или **ЛЕГЪКАМЫСЬЛОВЪ** (*ЛЕГКОМЫСЛОВ*). На третьей пластине можно прочитать название города – **СЪЗЬДЕЛЬ** (*СУЗДАЛЬ*). Таким образом, обладателем пояса был Руслан Легкомыслов из Суздаля. У меня возникло впечатление, что на поясе обязательно было не менее двух накладок, где имя и фамилия владельца писались в разной графике, составляя как бы разные графические вариации на одну тему, тогда как на третьей накладке обозначался город. Из этого следует, что найденные в Новгороде и Рязани поясные комплекты – не полные.

Хотя о том, что поясные накладки фактически играли роль паспорта для состоятельных людей, мне прежде читать не приходилось, однако я ничуть не удивился такому факту, поскольку черпал основные данные о названиях тех или иных областей Руси в средние века именно из чтения узоров на поясных накладках[100].

Поясные кольца. Разновидностью поясных накладок и вместе с тем самостоятельной частью поясного набора являются поясные кольца; в некоторых случаях они могут играть и роль пряжки. На кольце середины XIII века из Новгорода[101] (рис. 322) справа и слева от вертикальной оси кольца можно прочитать фамилию **ДЮЖЕВЪ** (*ДЮЖЕВ*) в двух различных начертаниях руницей. Внизу же помещено имя, тоже начертанное руницей, **СЕМЕНЪ** (*СЕМЕН*).

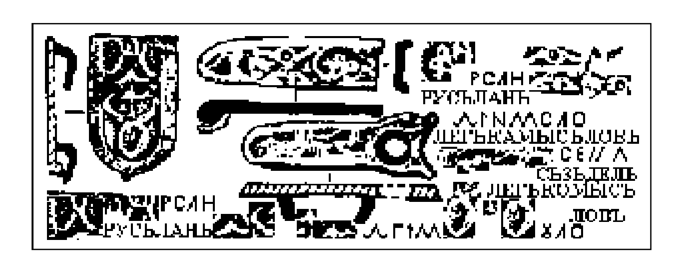


Рис. 321. Мое чтение надписи на поясных накладках из Суздаля

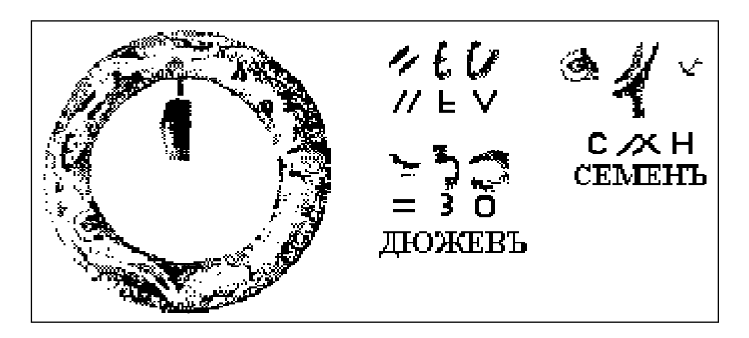


Рис. 322. Мое чтение надписи на кольце из Новгорода

На другом кольце из Новгорода, относящемся к концу XII века[102] (рис. 323), можно прочитать слово **ГЪДОВЪ** (*ГДОВ*), в самом низу.

Это означает, что владелец кольца был жителем не Новгорода, а Гдова. Крупными знаками руницы внизу кольца, стилизованными под узор, можно прочитать фамилию **ЗЪЛОБИНЪ** (*ЗЛОБИН*). Имя начертано правее, причем дважды, один раз едва различимыми буквами кириллицы, более светлыми, чем фон, а затем смешанным начертанием, темными знаками руницы с некоторыми буквами кириллицы — **МАКЪСИМ** (*МАКСИМ*, причем прежде всего бросается в глаза сокращение МАКС). Так что житель Гдова Максим Злобин проживал в Новгороде.

Еще одно поясное кольцо было найдено в раскопках кургана Верхогрязья на земле вятичей и относится к промежутку XI–XIII вв.[103] (рис. 324); оно весьма богато орнаментировано, что создает впечатление о состоятельности его владельца.



Рис. 323. Мое чтение надписи на втором кольце из Новгорода



Рис. 324. Мое чтение надписей на кольце из кургана Верхогрязья

Чтение, однако, не подтверждает этого первого впечатления. Надпись на кольце смешанная, то белая на черном фоне, то черная на светлом. Здесь читается гораздо больше того, что нам встречалось прежде. Текст гласит: **АНДРЕЕВЪ ЛАВЬРЪ. ТО ПАНЬСЬКАЙ КОНЮХ, НО СЬ БАРЪМОЙ ЛУННЕЙ. ЛАВЬРЪ КЪНЮХ ПАНЪВЪ, НО ВЪ РУСИ СЬЛАВЯНЪСЬКАЙ – ЛОВЪКЪСЬТЬ**! Это означает: *АНДРЕЕВ ЛАВР. ЭТО ПАНСКИЙ КОНЮХ, НО С ПРИВЕСКОЙ-ЛУННИЦЕЙ. (ХОТЯ) ЛАВР КОНЮХ ПАНОВ, НО В РУСИ-СЛАВЯНСКОЙ – ЛОВКОСТЬ*! Итого 17 слов, что для поясного кольца, видимо, является рекордом. Обращает на себя внимание существование пана у вятичей, что удивляет даже конюха. С другой стороны, барский конюх Лавр Андреев был, очевидно, человеком не только достаточно состоятельным, чтобы заказать такое пышное поясное кольцо, но и несомненно грамотным.

На оплавленном поясном кольце из кургана сожженного села Лебедка[104] (рис. 325) начертано несколько надписей. Прежде всего внизу слева смешанным письмом начертано имя, а под ним первой темной, а затем светлыми буквами кириллицы фамилия – **ПАНЪТЕЛЕЙМОНЪ ИГЛИНСКОЙ** (*ПАНТЕЛЕЙМОН ИГЛИНСКИЙ*). (Фамилия «Иглинской» представляет собой, видимо, искаженное слово «Ильинской».)



Рис. 325. Мое чтение надписей на кольце из кургана Лебедки

Чуть выше по кольцу имя Пантелеймона начертаны во второй раз. А вот внизу справа начертаны дополнительные сведения: **СЬМЕРЬТЬ – ЧЕЛОВЪКЪ СЬВЕТЪЛА ВАСЬЛИЯ МАКЪСИМОВИЧА** (*С МЕРД – ЧЕЛОВЕК СВЕТЛОГО (КНЯЗЯ) ВАСИЛИЯ МАКСИМОВИЧА*). Возможно, что слово ЧЕЛОВЕК указывает на то, что Пантелеймон был слугой при дворе князя Василия Максимовича. Окончание фамилии на -ОЙ вместо -ИЙ, вероятно, свидетельствует о переносе ударения на конец слова.

Итак, во второй раз мы видим, что на поясном кольце сохранились сведения о зависимом человеке. Не являются ли надписи на поясных кольцах свидетельством как раз о сословной принадлежности их владельца? Такая гипотеза выглядит правдоподобной: состоятельные люди заказывают свой личный поясной набор из 2–3 накладок, тогда как конюхи и слуги довольствуются одним поясным кольцом.

На другом кольце из курганов Лебедки (рис. 326), деформированном от огня еще сильнее[105], можно прочитать имя **МАТВЕЙ** и фамилию, начертанную 4 раза, **МЪРЕШКА** (*МРЕШКА*, происходящую, видимо, из слова УМРЕШКО). Дважды начертано слово **КЪНЮХ** (*КОНЮХ*, причем во второй раз как **КОНЮХ**) и, кроме того, дважды начертано слово РУСЬ, и один раз дано ее прилагательное **ГОСЬПОДЬСЬКА** (*ГОСПОДСКАЯ*). Пока сказать трудно, является ли этот эпитет именем собственным земли вятичей, поскольку он встречен впервые. Во всяком случае, он соотносится с понятием В РУСЬ, прочитанном на изделии из Старой Рязани, то есть Господская Русь – это не Русь одного из славянских богов.

Как видим, данный случай опять подтверждает нашу гипотезу. Однако для того, чтобы предположение перешло в уверенность, необходимо рассмотреть много большее число случаев.



Рис. 326. Мое чтение надписей на другом кольце из кургана Лебедки

Два поясных кольца было найдено в Гнёздове летом 1993 года в составе клада. Т.А. Пушкина сообщает, что «*кольца отлиты из низкопробного серебра, диаметр их около 30 мм. Внутреннее пространство кольца занимает округлая площадка, соединенная с тремя сердцевидными фигурами, расположенными на самом кольце. На поверхности центральной площадки одного из колец помещена фигура в виде треугольника с вогнутыми сторонами... На втором кольце орнамент не читается*»[106]. Я как раз и хочу прочитать этот нечитаемый орнамент.

На нем начертано три слова: два руницей и одно кириллицей (рис. 327). Для этого я, как обычно, увеличиваю изображение и обращаю цвета. Надпись гласит: **ИЗЪ СЬМОЛЕНЪСЬКЪГО МЕСТЕЧКА** (*ИЗ СМОЛЕНСКОГО МЕСТЕЧКА*). На левой каемке сверху с большим трудом удалось прочитать слово **СМОЛЕНСКА**, отлитое кириллицей, а напротив, на перемычке между центральным кругом и каймой справа, буквами слово **СЫН**. Внизу, на нижней аналогичной перемычке, руницей начертано слово **РУСЬ** и, головой вниз, вроде бы кирилловское слово **ПОКРОВА**. Пока выражение РУСЬ ПОКРОВА нам не встречалось. Можно предполагать наличие и еще нескольких слов, но на данном рисунке их прочитать не удается.

О втором поясном кольце Т.А. Пушкина говорит, что его декор в виде треугольника с вогнутыми сторонами (рис. 328) «*образован дугами, концы которых составляют стилизованный растительный узор на сердцевидных выступах кольца*»[107]. С моей точки зрения, весь этот узор читается как слова **ВЬ РУНАХ. РУСЬ ВОЛЕВА** (*В НАДПИСЯХ. РУСЬ СВОБОДНАЯ*). Тем самым, владелец предупреждает возможного читателя о том, что на его поясном кольце имеются надписи. С другой стороны, Смоленск в рассматриваемое время не отно-

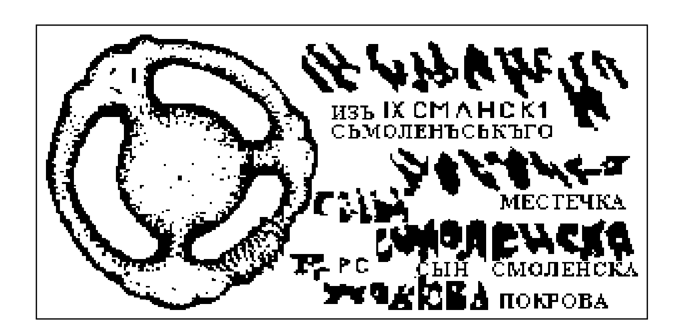


Рис. 327. Мое чтение надписей на поясном кольце из Гнездово

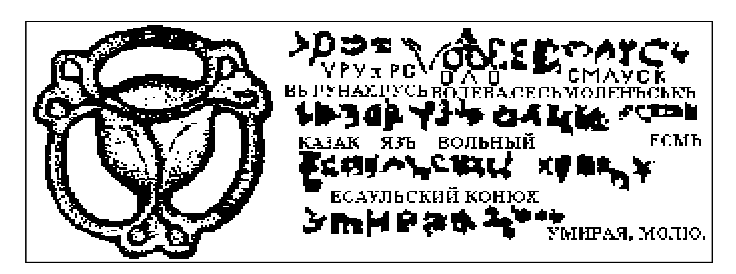


Рис. 328. Мое чтение надписей на втором поясном кольце из Смоленска

сился ни к Литве-Руси, ни к Живиной Руси. На левом кольце можно прочитать смешанную надпись **СЕ СЬМОЛЕНЪСЬКЪ КАЗАК ВОЛЬНЫЙ ЕСМЬ**, а на правом кольце – **ЕСАУЛЬСКИЙ КОНЮХ** (*ВОТ Я – ВОЛЬНЫЙ КАЗАК СМОЛЕНСКА, ЕСАУЛЬСКИЙ КОНЮХ*). А справа внизу с очень большим трудом можно различить слова, начертанные кириллицей – **УМИРАЯ, МОЛЮ.** Есть, видимо, и другие слова, но их я прочитать не смог.

Обращает на себя внимание вычурное начертание знаков, наличие массы завитушек, как в латинском готическом шрифте. Сами поясные кольца очень напоминают баранки рулевого колеса нынешних автомобилей. В голове плохо укладывается предложенная Т.А. Пушкиной датировка по аналогиям – IX–X в.

В Старой Рязани при раскопках Южного городища был обнаружен обширный могильник конца XI – начала XII в. В погребении 5, мужском, у бедра была найдена лировидная пряжка XI века и два поясных кольца[108], однако надписи на пряжке и первом кольце нечитаемы. На втором кольце после обращения цвета (рис. 329) с большим трудом можно прочитать на верхней половине слова, начертанные кириллицей, **ЛЕРМОНТОВ РОДИОН**, а также руницей – **ВЪ РЕЗЕНЕ** (*В РЯЗАНИ*). На нижней половине с очень большим трудом читаются



Рис. 329. Мое чтение надписи на поясном кольце из Старой Рязани

два слова, написанные смешанным письмом, **ЛЕКАРЬ** и **ЖЕСТЬ** (*УКРАШЕНИЕ*). Таким образом, в могиле покоится лекарь Родион Лермонтов. Фамилия, или прозвище, конечно, вызывает подозрение, но надпись читается с большим трудом, и не исключено, что при повторных исследованиях в чтение могут быть внесены изменения.

Поясные бляшки. Еще одной деталью поясного набора выступали поясные бляшки – оттиснутые или отлитые украшения, пришиваемые к поясу.

В качестве примера рассмотрим четыре бляшки из Черной и Белой Руси (рис. 330). Они относятся к таким городам, как Слоним и не которым другим, известным как города Черной Руси[109], а также к Минску из Белой Руси[110]. На первых бляшках есть название города – **СЬЛОНИМЪ** (*СЛОНИМ*), а также дважды **СЛОНЕМЪ** (*СЛОНИМ*). Следовательно, эти бляшки – из Слонима, а из других городов бляшек нет. На второй бляшке я читаю, кроме того, **РУСЬ СЬЛАВАНЪ** (*РУСЬ СЛАВЯН*). На третьей бляшке можно прочитать **ПЕРУНОВА РУСЬ**. Наконец, на четвертой надпись гласит **СЬКЪЛАВИНЬСЬКА И ВОЛЕВА РУСЬ** (*СВОБОДНАЯ РУСЬ СКЛАВИНОВ*). Эта последняя находится на территории нынешней Германии, в Мекленбурге. Стало быть, четвертая бляшка является предметом импорта.

Еще две поясных бляшки происходят из слоя IX–X вв. Михайловского могильника Ярославского Поволжья [111] и XI–XIII вв. из Старой Ладоги[112] (рис. 331). На первой бляшке можно прочитать слова **ЯРОСЬЛАВЬЛЕВА СЕВЕРЬНА РУСЬ** (*СЕВЕРНАЯ РУСЬ ЯРОСЛАВА*), тогда как на второй – **ПЪРУНЕВА РУСЬ СЬЛАВАНЪ** (*ПЕРУНОВА РУСЬ СЛАВЯНЪ*). Следовательно, Ладога входила в Прибалтику.

Общий итог. Основным выводом данной главы является положение о том, что **все узоры на средневековых украшениях Руси были текстами**, исполненными смешанным или чисто руничным письмом. Преимущественно руницей наносились на украшения и



Рис. 330. Мое чтение надписей на бляшках из Черной и Белой Руси

граффити владельцев. В этом смысле не создавалось нечто принципиально новое, но лишь продолжалась многовековая традиция Руси. В данной главе рассмотрены и прочитаны узоры на 10 семилопастных и 6 прочих колтах, на 4 ряснах и 8 лунницах, 8 миниатюрных и 1 трапецевидной привеске, на 10 монетовидных привесках и одном кулоне, 11 гребнях и одной привеске в виде гребня, на 4 заколках, на 19 фибулах и пряжках, на 6 поясных накладках и 8 поясных кольцах, 6 поясных бляшках, 11 пластинчатых и 7 створчатых браслетах, 30 перстнях, на двух накладках неизвестного назначения, на трех образцах кружев и двух образцах узоров на скатертях, то есть всего на 160 предметах. Таким образом, выборка предложена весьма репрезентативная.

О чем же пишут на украшениях? Прежде всего там представлено само слово УКРАШЕНИЕ, которое тогда писалось как **ЖЕСЬТЬ**. Что же касается каждого из типов украшений, то для них имеется свой набор надписей. Так, на колтах нередка надпись КОЛТ, иногда с пояснением (РУНОВ, ЦАРСКИЙ, ДЛЯ КОС), и сообщается место изготовления; три колта помечены Рязанью, один — Киевом, еще один — Суздалем; на остальных указание на места изготовления отсутствуют. Найдены они были: рязанские в Подмосковье, киевские в Чернигове, суздальские в Суздале. Другие надписи предлагают носить эти украшения, надев ленту с ними не на темя, а ниже. Остальные надписи являются дарительными (ТЕБЕ) или благопожелательными (БОГ В ЖЕСТЬ, НОСИ Ю, ЧАЙ). В принципе тут нет никаких проблем, кроме одной: неясно, что означает надпись НА ТЕМЕНИ ЗАНИЖЕНЫ. Поначалу я полагал, что речь идет о том, чтобы носить тесьму с колтами не на темени, а ниже; но сейчас я думаю, что речь идет о моем неверном чтении, точнее о неверном выборе из двух возможностях чтения. Слоговой знак Х может быть прочитан и как ЖА/ЖЬ, и как ЗА/ЗЪ, так что вместо ЗАНИЖЕНЫ можно прочитать и ЗАНИЗАНЫ. Иными словами, предлагалось ЗАНИЗАТЬ или УНИЗАТЬ украшениями не только виски, но и темя. И слово НИЗКА на колте, найденном в Тульской области, может означать часть цепи из колтов, нанизанных на одну

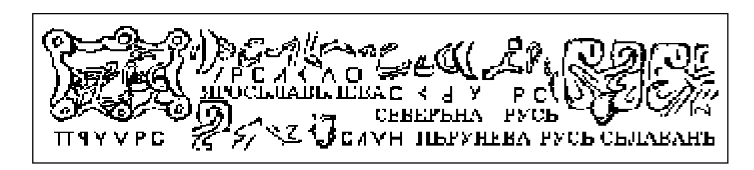


*Рис. **331**. Мое чтение надписей на поясных бляшках из Ярославля и Ладоги*

ленту. Колты другого типа упоминают наличие надписей, РУН (что обладает магическими свойствами), и принадлежность места их изготовления к Руси, будь то Киев или Рязань. Кроме того, есть на колтах и элементы рекламы, например, когда сообщается, что первые витки на колтах выдавлены, а другие припаяны оловом.

На ряснах упоминается Русь славян и помещено важное сообщение о том, что славяне из Новгорода — это *склавы*. До сих пор название *склавинов* мне встречалось только на фигурках божков из Ретры, где на территории нынешней Германии жили славяне-редарии (бодриты), судя по этнониму, потомки ретов. Следовательно, *словене* Новгорода оказываются потомками *склавинов* севера Германии. Вообще говоря, ряд лингвистов подозревали, что предки новгородцев относились к западным славянам; теперь мы имеем важное эпиграфическое подтверждение этого. Разумеется, пока оно единично, далеко идущие выводы делать рано, но само по себе даже единичное утверждение такого рода представляется весьма интересным. Возможно, что оно может каким-то образом пролить свет и на особенности новгородского диалекта.

При чтении надписей на привесках-лунницах, о которых многие исследователи говорят как о пережитках язычества, было любопытно узреть надпись РУСЬ, ЧАСЫ И СУТКИ. Как известно, часами и сутками ведал особый славянский бог, Числобог. Исследователи отмечают, что «*жрецы Числобога ведали тайные, древние науки счета дней, месяцев, лет. Они содержали в порядке большие солнечные и лунные часы, которые посвящены были загадочному Числобогу. Перед храмом его высаживали множество самых разнообразных цветов, которые открывали свои венчики в разное время суток, от раннего утра до позднего вечера. И узнать, который теперь час, можно было, поглядев на эти удивительные цветочные часы, равных которым по красоте не создано до сих пор*»[159]. Возможно, что данную привеску-лунницу могли носить почитатели Числобога. На остальных лунницах можно прочитать место их изготовления, Русь, и их принадлежность к украшениям.

На миниатюрных привесках в виде ложек, топориков и игольников можно прочитать место их изготовления, РУСЬ, НОВГОРОД или РУСЬ, КОСТРОМА. Возникает впечатление, что миниатюрные привески могли означать не столько украшение, сколько сувенир, приобретенный паломниками в Новгороде или Костроме соответственно. Тем самым, если привески остального типа являлись подлинными украшениями, то привески-миниатюры были аналогами современным значкам, которые с удовольствием приобретают в иных городах и странах как сувениры и потом носят на одежде как символы мест, в которых побы-

вали их владельцы. Возможно, ту же роль играли и монетовидные привески, которые обозначали некий географический район, например, СЕВЕР ТВЕРСКОЙ, БЕЛОРУСЬ; ЧЕРНИГОВ; ПЕЧАТЬ С РУСИ - ВАЗУЗИНОЙ; ИЗ СМОЛЕНСКОЙ РУСИ; СВЯТОЙ ВОИН ЯРОСЛАВЛЬ, ЖИВИНА РУСЬ, СУЗДАЛЬ; РУСЬ СЛАВЯН. Впрочем, это могли быть и просто украшения, называющие географические регионы их обладателей. Тогда, глядя на украшение, можно было определить, откуда родом та или иная женщина, ибо привески носили они.

Трапецевидные привески тоже носили женщины, о чем можно судить по надписи руницей ВЫРОНИЛА ВОН. Видимо такие украшения с княжескими знаками позволено было носить наиболее знатным женщинам города. Напротив, костяная привеска, видимо, была дешевой и ее носили девушки и женщины из простого народа. Надпись ЖЕЛАЮ ЖЕ МУЖА ЗОЛОТОГО сделана от всей души дарительницей, а не изготовителем, и оттого особенно сердечна. К тому же типу относится и привеска со смешанной надписью НАТАША, КНЯЖЕВА ЛЯЛЯ, рассмотренная в главе о собственнических надписях.

Любопытно, что в XII веке славяне Приладожья знали о существовании шейных кулонов и даже при изготовлении подписали его его названием. Возможно, что такого рода предметы шли на Русь через Прибалтику, и прежде всего через Русь-Литву.

Кость и рог являются мягкими материалами, поэтому больше всего граффити мы находим на гребнях. Целая серия надписей на гребнях сделана дарителями или владельцами. Вероятно, молодой человек сделал девушке подарок, написав затейливо строки так, что они могли читаться и по вертикали, и по горизонтали; надпись гласит ВСТРЕЧА С ТОБОЙ. А на гребне из-под Вологды даритель написал СЛОВО - ЛАДЫ — ЭТО (СЛОВО) БОГА. МОЛИСЬ С ЛЮБОВЬЮ. Скорее всего, дарителем был муж, желавший жить в ладу с женой. Владелицы же помечали: С ТЕСЬМОЙ (то есть гребень гармонировал с тесьмой вокруг головы), ЗУБАСТИК (гребень напоминал фантастическое животное), ЧЕСАТЬ УДОБНО (гребень не выдергивал волосы и не причинял боли), ЖЕНИ ВШИ (владелицей была Женя, которая применяла его только для вычесывания кожных паразитов), НЕ МОЙ, ПСА (то есть гребень применялся для расчесывания собаки, и хозяйка его пометила, чтобы случайно не чесать им свои волосы и не переносить туда паразитов собаки), КОЖУХ ЗАНОВО (напоминание себе о необходимости приобрести новый футляр для складного и потому дорогого гребня), НОВЫЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ ЛУКОМЛЯ ДЛЯ МОЛИТВЫ (помечен парадный гребень для посещения церкви, чтобы его не использовать для повседневных целей). Есть и расхожие надписи из-

готовителя, например, РУСЬ, СУЗДАЛЬ или ЗАКОЛИ ВОЛОСЫ из Пскова (на котором уже сама хозяйка пометила: ГРЕБЕНЬ СВАТА). Вероятно, чтобы склонить девушку к тому замужеству, которое ей предлагали сваты, они несли ей дары, среди которых был, в частности, и гребень. А о том, что гребень был украшением, причем довольно доступным даже для небогатых людей, свидетельствует миниатюрная привеска, в точности повторяющая изображение Псковского гребня и его начертание с диалектными особенностями: ЗАКАЛИ ВОЛОШИ.

На заколках можно было прямо прочитать, что это ЖЕНСКОЕ УКРАШЕНИЕ, ЗАКОЛКА. Других надписей на них, видимо, не было. А вот фибулы как женские украшения оказались весьма многословными. Понятно, что ученое слово ФИБУЛА на Руси было неизвестно. Поэтому на фибуле из Новгорода мы находим название ЗАМОК ДЛЯ ОДЕЖДЫ. А круглая пряжка, как показывает надпись, называлась КРУЖИЛКА. Вот еще два новых старых слова, одно из которых встречается по меньшей мере на двух застежках. У красивых (и, видимо, модных) пряжек из Литвы было свое название фасона, «ПЕСТРА МОЛОДИЦА». На другой пряжке есть название места изготовления: СУЗДАЛЬ, РУСЬ. А вот на фибуле XI века из Новгорода написано РУСЬ ПЕРУНА — так называлась Прибалтика, куда, в частности, входила Литва. Так что это изделие тоже литовское. На нем удалось прочитать не только то, что это УКРАШЕНИЕ МАСТЕРА ПРОТАСОВА, но и то, что оно принадлежит МАШЕ СМИРНОВОЙ, которая даже имела свое житейское правило поведения: ЖЕНЩИНАМ СУДАРЯ - ПОЛЮБИТЬ — УМЕРЕТЬ. Почти все написано руницей, и лишь слово УМЕРЕТЬ — кириллицей, как наиболее важная часть сентенции. Зато другая фибула дает уже сентенцию изготовителя: ПЛЫВУ, НО СУХ; такое изречение очень понравилось бы морякам. А на фибуле из Новгорода, изготовленной в Гдове, можно видеть ТРИСТАНА И ИСОЛЬТУ В БАРМОЧКЕ, как иллюстрацию к западноевропейским литературным сюжетам. Я до сих пор с трудом совмещаю в своем сознании ныне почти захолустный Гдов, и сюжеты из Западной Европы, которые ныне изучают в вузах только будущие филологи.

Впрочем, фибула могла называться и ЛУНОЙ, и изготовители могли их рекомендовать ДЛЯ НОВОГО ПЛАТЬЯ. Не верится, что все это было изготовлено 900–1000 лет назад. Особенно трогательным было для меня прочесть на фибуле из Карелии слово МОСКВА как место изготовления; с другой стороны меня очень удивило, что СВЯТУЮ КАРЕЛУ осваивали москвичи, а не жители Твери, Пскова или Новгорода.

Простейшая надпись на мужской пряжке сообщает лишь принадлежность к стране: РУСЬ СЛАВЯН. Однако на многих пряжках владель-

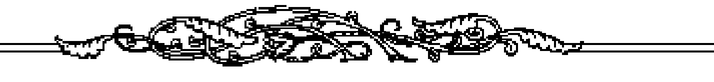
цы оставляли свои пометы. Так, на одной из них владелец начертал: ПРЯЖКА ОСВИНЦОВАНА, ЗАВАРЕНА МНЕ НА РАДОСТЬ. Тем самым пряжка отремонтирована; нам сейчас в голову не приходит делать такой грошовый ремонт и испытывать по этому поводу настолько сильную радость, чтобы выцарапывать на самой пряжке свои эмоции. Очевидно, пряжка была не дешевой, а люди хотели, чтобы их считали бережливыми. Другой владелец с грустью обнаружил, что пряжка у него литая, а не кованая, а третий пометил особо НОВУЮ ПРЯЖКУ ДЛЯ КОНСКОЙ СБРУИ ИЗ ГОМЕЛЯ, чтобы не путать ее с другими. Но чаще писали на пряжках изготовители, например, ТВОЙ НОВГОРОД, или РУСЬ, РОСТОВ, ЛИТОЕ УКРАШЕНИЕ, или СЛАВЯНЕ, БОГ, СИЛА — РАБОТА КУЗНЕЦА НОСКОВА, или КУЗНЕЦ НАДПИСЕЙ — ГЕОРГИЙ НОСКОВ.

С XI по XV век мне встретилось еще не известное в археологии явление: наличие «паспортных данных» личности на его поясном наборе, прежде всего поясных накладках, а затем и поясных кольцах. Из них можно узнать имя и фамилию (или прозвище) человека, часто его профессию, а иногда и имя его господина. Это — неоценимый новый исторический источник по идентификации персоналий далекого прошлого. Я заподозрил высокую информативность поясных наборов в 1999 году, когда рассматривал некоторые поясные бляшки, найденные на Украине, в Болгарии и Швеции из работы Гезы Фехара о якобы тюркском происхождении культуры Болгарии. Теперь же я имею возможность познакомить читателя с богатыми данными по Руси. Из поясных накладок и поясных колец мы узнаем о существовании ПАВЛА СЕДОВА, ПЕТРА ЧИСТОВА, РУСЛАНА МОГИЛЫ, СЕМЕНА ДЮЖЕВА из Новгорода, АЛЕКСАНДРА НИКАШЕВА, МОГИЛЬЩИКА ИЗ РУСИ ЖИВЫ, ЛЕКАРЯ РОДИОНА РОДИОНОВА и ЛЕКАРЯ РОДИОНА ЛЕРМОНТОВА из Старой Рязани, РУСЛАНА-ЛЕГКОМЫСЛОВА, ЛАВРА АНДРЕЕВА, ПАНСКОГО КОНЮХА, НО С ЛУННОЙ БАРМОЙ И С ЛОВКОСТЬЮ из Суздаля, МАКСИМА ЗЛОБИНА из Гдова, ПАНТЕЛЕЙМОНА ИГЛИНСКОГО, СМЕРДА СВЕТЛОГО ВАСИЛИЯ МАКСИМОВИЧА; ГОСПОДСКОГО КОНЮХА МАТВЕЯ МЕРЕШКИ из Лебедки, ЕСАУЛЬСКОГО КОНЮХА, ВОЛЬНОГО КАЗАКА СМОЛЕНСКОГО, МОЛЯЩЕГО ПЕРЕД СМЕРТЬЮ, из Смоленского местечка Покрова (имя и фамилию или прозвище прочитать не удалось) — таковы 15 примеров.

Достаточно информативны и поясные бляшки, которые уточняют наши географические познания. Из них мы узнаем, что город СЛОНИМ, относимый к Черной Руси, считал себя городом ПЕРУНОВОЙ РУСИ, то есть ПРИБАЛТИКИ. Туда же относилась и Ладога. А вот

прибалтийская РУСЬ СКЛАВИНОВ, находящаяся в Мекленбурге, считала себя ВОЛЕВОЙ, то есть СВОБОДНОЙ, и не входила в ПЕРУНОВУ РУСЬ. Город Ярославль относил себя к ЯРОСЛАВЛЕВОЙ СЕВЕРНОЙ РУСИ. Возникает впечатление, что чтение узоров на бляшках в дальнейшем очень расширит наши сведения по политической карте Европы средних веков.

Конечно, приведены только некоторые образцы украшений средневековой Руси, но по ним вполне отчетливо можно создать себе представление о том, что их старались подписывать. С одной стороны, узоры-надписи очень оживляли любой предмет, на который они налагались, с другой — наличие надписей само по себе считалось полезным с сакральной точки зрения, ибо делало предмет оберегом.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, прочитаны разные типы надписей, снят покров тайны, окружавшей многие средневековые предметы. Так что материальные древности, несущие на себе знаки славянской руницы, теперь заговорили. Что же удалось узнать нового?

Прежде всего поражает размах применения руницы. Я опубликовал лишь малую толику накопленного археологами эпиграфического богатства, а именно — надписи руницей на 30 типах предметов, чьи названия либо забылись, либо употребляются до сих пор (порядка 75 надписей); на именных предметах — на 93 вещах, на 7 «древнейших» изделиях, на 55 «княжеских знаках», 282 надписи на кирпичах, 66 — на предметах украшений, что вместе составляет 578 примеров.

Много это или мало? Напомню, что С. Гедеонов читал одну надпись, Ф. Магнусен — три, Н.А. Константинов — 7, М.Л. Серяков — порядка десятка, Г.С. Гриневич (имею в виду «восточнославянские») — порядка двух десятков, Ян Лецеевский — порядка трех десятков. Я уже не говорю о качестве чтения, просто показываю количество обнаруженных текстов с «загадочными» знаками. Если же сопоставить с итоговой работой А.А. Медынцевой по всем имеющимся памятникам кирилловской эпиграфики, то она рассмотрела 14 надписей на амфорах (в том числе и на черепках), 30 — на пряслицах, 4 — на гривнах, 2 — на литейных формочках, 5 — на стенах, 4 — на плинфах, 4 — на оружии, 5 — на чарах и чашах, порядка десятка — на окладах икон и столько же — на иконках, крестиках, змеевиках, 13 — на дереве, 3 — на монументальных произведениях; итого около 90 надписей. У меня же в среднем такое количество приходится на одну главу. И вновь я не беру во внимание качество чтения, ибо, как было показано в тексте данной книги, ряд надписей со знаками руницы А.А. Медынцева принимала за буквы кириллицы, что неизбежно вело к ошибкам. Таким образом, по числу рассмотренных примеров я более чем на порядок перекрыл наиболее компетентную на сегодня сводку данных. Так что это не просто много, а фантастически много!

Каков же основной вывод из данного исследования? Он таков: **руница существовала на Руси**, причем хронологически так: до X века монопольно (у меня рассмотрено более десятка примеров именно такого периода), но продолжала сосуществовать и параллельно кириллице до XIV века весьма активно, и до XVI — как уходящий тип письма; в XVII использовалась очень редко и с ошибками, в XVIII исчезла. При этом она пронизывала все сферы жизни общества: быт (надписи на посуде), залоговое и денежное обращение, ремесло, оружие, украшения, систему указателей, карты местности, вырезанные на камнях, княжеские знаки, берестяные грамоты, граффити в церквях. Иными словами, **руница была общерусской системой слогового письма, ни в чем не уступавшей кириллице**. Поэтому **кириллицу ни коим образом нельзя считать первой общерусской или общеславянской письменностью.**

Хотя подобный вывод прозвучал еще в моей предыдущей книге, но у него не было того, что появилось в данной: доказательности. Существование руницы на Руси в домонгольский период я в данной книге **доказал**, проведя рассмотрение по ключевым группам предметов, — везде руница либо присутствовала, либо была единственным средством передачи информации (например, на сосудах, на гривнах). Более того, я показал шаг за шагом, как происходило взаимодействие между руницей и кириллицей, когда руница на первых порах перешла от лигатур к хаотичному (гнездовому) расположению знаков, затем к линейному, еще позже — с нарочито разреженному размещению знаков, а затем, включив в себя кириллицу, стала смешанным начертанием (при этом вначале буквы читались слоговым способом, а затем слоговые знаки — как буквы). Это уже не просто констатация факта, но рассмотрение процесса в его динамике. Разумеется, доказательность процесса выше, чем доказательность единичного факта; к счастью, появляется возможность, редкая для эпиграфики, рассмотреть в деталях проблему сосуществования различных графических систем для одного языка. Так что после данной книги я считаю **сам факт существования руницы на Руси в период X–XIII вв. доказанным** со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А последствий из этого довольно много. Первое, сугубо прагматичное, весьма приятно: удается прочитать смешанные начертания «древнейших» русских надписей X века. Поскольку они не существовали без знаков руницы, современное, с позволения сказать «чтение», игнорирующее как раз этот наиболее важный компонент, приводит к тому, что надписи либо «не читаются», либо получается масса вариантов трактовки, вроде того, что просьбу залить ГОРЛО (в орфографии того

времени, ГОРОЛО) КАНА привело к разным ГОРУШНАМ, ГОРУХШАМ, ГОРОХ ПСАЛ и прочим не менее фантастическим интерпретациям. Точно так же надпись на мече, ЛЮДОДЫША, обосновывается двумя уменьшительно-ласкательными суффиксами от слова ЛЮДОВИК, тогда как официальное эпиграфическое чтение ЛЮДОТА, не учитывающее знаки руницы, таким обоснованием не обладает. А надпись Эль-Недима была вообще не прочитана до моих попыток. Так что удалось прочитать самые нечитаемые, самые трудные для чтения надписи.

Но более далекие последствия не так уж безоблачны. Прежде всего, получается, что картина культурной жизни Руси оказывается гораздо более сложной, чем это представлялось раньше. От чисто эпиграфических следствий приходится переходить к социокультурным, отслеживая эти небольшие открытия каждой главы. Так, в ходе исследования выяснилось, что 800–1000 лет назад существовала своеобразная система «паспортизации» личности, где **данные о ней располагались в поясном наборе**; а наиболее информативная часть пояса — это **поясное кольцо**, где можно прочитать имя, фамилию, иногда профессию и даже имя господина, которому служило данное лицо. Тем самым, многие могильники перестают быть хранилищем неизвестно чьих останков, в ряде случаев можно четко сказать, кто здесь был похоронен десять веков назад (и это при том, что в наши дни существует специальная лаборатория по идентификации людей, погибших несколько дней назад, — мы не знаем, чьи это останки, если тела были повреждены). При этом, как оказалось, даже сожжение не уничтожает данные на кольце, хотя само кольцо в пламене деформируется. И уж тем более кольцу не страшна вода. Вот уж воистину вечные данные: и в огне не горят, и в воде не тонут. Это в чем-то не только не уступает современному паспорту, но и с лихвой перекрывает его по части надежности хранения информации. Так что либо мы имеем дело с необъяснимой причудой средневековья, совершенно ненужной с современной точки зрения на государственность того периода, либо, напротив, мы сильно недооцениваем уровень развития социальной культуры средневекового общества Руси.

Далее, выяснилось, что городское хозяйство было неплохо спланировано, и при постройке здания говорилось, в эпоху какого правителя и в каком государстве оно строилось. На кирпичах были нанесены все необходимые вывески и указатели, вплоть до названия города в то время. Единственное, что мне пока не встретилось, это средневековое название улиц; вполне возможно, что пока археологи еще не опубликовали соответствующие оттиски на кирпичах и плинфе. Снабже-

ны указателями были и интерьеры помещений, и уличные пространства, что подчас помогает восстановить расположение различных капитальных и легких помещений. Существовали и дорожные указатели, и планы города, и даже более или менее точные карты с подписями основных сооружений города, выгравированные на гальке, как это было найдено в Старой Рязани. Короче говоря, средневековые жители Руси ориентировались по руничным надписям и не плутали по городу. И опять-таки этот факт никак не вписывается в привычную картину князей, их дружины и смердов; вроде бы ни тем, ни другим, ни третьим карты не были нужны: пришли в чужой город, взяли провожатого и прошли куда нужно. Заметим, что карту на гальке можно разве что потерять; ее невозможно ни сжечь, ни размочить, ни залить грязью, ни даже разбить (для этого потребовались бы специальные ухищрения), она тоже «вечная». А сработана она в обычной камнерезной мастерской. Каков же был уровень грамотности мастеров?

Из этих небольших примеров видно, что мы просто пристально не вглядывались в остатки материальной культуры своих предков. А не вглядывались по одной причине: мы себя считаем гораздо выше по уровню развития, чем жителей средних веков, а в этом приятном заблуждении так и хотели бы оставаться. А когда мы узнаём, что по каким-то показателям уступаем своим далеким предкам, нам становится весьма неуютно.

Еще одним открытием оказалась совершенно иная социально-политическая ситуация, чем та, которая следует из нынешних учебников истории. Оказывается, существовало ТРИ РУСИ: ПЕРУНОВА, ЖИВИНА И СТОЛИЧНАЯ. Столичная — это Московия, Живина — Новгородская и вообще Северо-Западная, но носящая имя богини Живы, культ которой процветал в неолите в районе нынешней Сербии, и Перунова, то есть Литва. При этом за понятиями ЖИВИНА и ПЕРУНОВА стоят тысячелетние традиции, тогда как СТОЛИЧНАЯ РУСЬ выглядит выскочкой. Вот реальный социально-политический треугольник русскоязычных стран, тогда как учебники нам твердят о некой прямой преемственности от Киевской до Московской Руси. Между тем, что касается кабинетного термина Киевская Русь, то он не получил подтверждения в надписях соответствующего времени: тогда писали просто КИЕВ, РУСЬ, подобно тому, как писали СУЗДАЛЬ, РУСЬ. А вот в отношении Чернигова писали иначе, СЕВЕРЯНСКАЯ РУСЬ. Иными словами, СЕВЕРЯНСКАЯ РУСЬ воспринималась как славянская **страна**, тогда как Киев — только как **город**. Или точнее, как город ВОЛЕВОЙ РУСИ. Я не берусь пока определить все тонкости этих реалий, но стало понятно, что той простой картины, которая существу-

ет сейчас, не получается. Сложности возникают и с «хазарской» крепостью Саркел, где на черепках X века мне не довелось встретить ни одной хазарской надписи — все русские, включая сведения о получение товаров из ХАЗАРИИ и направление РУССКОЙ ДАНИ В ХАЗАРИЮ. Иными словами, политическая география тех дней была несколько иной.

Самое удивительное и весьма печальное открытие заключалось в совершенно иной картине существования граффити на восточных монетах и гривнах. Существующая точка зрения о том, что на них наносились скандинавские надписи, а именно исландское слово БОГ **(GO?)** не подтвердилась, равно как и наличие на них имен собственных типа ПЕТРОВ, БЫНЯТА, СЕЛЯТА. Вместо этого выяснилось, что перечисленные ценности закладывались, то есть сдавались в залог для получения денежных ссуд, на них сначала выцарапывали слово ЗАКЛАДЕНЬ, затем высверливали имя страны, где располагалась соответствующая контора, затем перешли к штампу с печатью, где уже писали название города. Как можно было эпиграфистам не заметить существование печатей, держа гривны в руках, я только диву даюсь. Печальная сторона дела заключена в том, что русские надписи на восточных монетах до сих пор пытаются читать по-исландски, те же самые надписи на гривнах — как кирилловские, а надписи на монетах — как арабские, хотя речь идет все о той же рунице. Причем неверная точка зрения преподносится с помпой как «научная», а чтение руницы, почти полностью совпадающее с кирилловской легендой монеты, — как «фантастичная». То есть в то, что восточная монета на Руси — это исландский бог (в одном случае даже конкретно БОГ ТЮР), поверить можно и нужно, а в то, что это просто ЗАКЛАД или ЗАЛОГ, поверить нельзя, это якобы фантазия. При всем уважении к эпиграфистам, чей хлеб действительно не легок, я с таким положением смириться не могу и полагаю, что они несколько десятилетий двигались в неверном направлении.

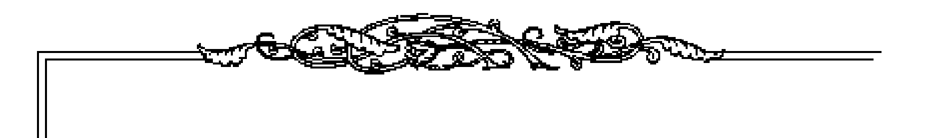
Выяснилось также, что в средние века употреблялось много слов, которые позже были вытеснены иноязычными или русскими, но иными. Существовали ЖАЛЕВЫ, ЖМЕЛА, ВЖАТЦЫ И ВЫЖАТЦЫ, ВОПИЛА, КРУДИЛА, КАНЫ, КАМОРЫ, РУЧИЦЫ, ЗАНОЗЫ, узорчатая ЖЕСТЬ, ДИЛЫ и ряд других выражений, не дошедших до нас. В этом смысле мое чтение способствовало **реконструкции лексического фонда средневекового русского языка** (его принято называть древнерусским, хотя можно читать надписи и более древние, чем средневековые). То, что подобные слова не встречаются в кирилловских текстах, понятно, ибо летописи или литературные произведения обычно не упоминают

бытовых мелочей, и чтение руницы на средневековых изделиях представляется весьма перспективным для исторической лексикологии. Вообще говоря, существовало стилистическое различие между руницей и кириллицей: первую использовали в быту и для различных обыденных сообщений, вторая представляла образец делового, литературного и религиозного слога. И подобно тому, как до XX века под словом ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК понимался прежде всего язык ЛИТЕРАТУРНЫЙ (а потому, изучив его и поехав в страну, где на нем говорили, изучившие его граждане оказывались беспомощными в бытовых ситуациях, не понимая окружающих и не имея возможности выразить свои потребности), в середине XX века для обучения уже появился ИНОСТРАННЫЙ ДЕЛОВОЙ, и только-только мы подходим к созданию курсов ИНОСТРАННОГО БЫТОВОГО. Даже первая монография «Русская разговорная речь» была выпущена Институтом русского языка АН СССР только в 1983 году. Следовательно, и в историческом плане мы сначала изучали «средневековый литературный», который был отчасти традиционно-общеславянским, отчасти церковнославянским, но закрепился под именем СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК. Что же касается «средневекового бытового», то он гораздо ближе к современному по грамматике и словообразованию, чем старославянский, однако имеет ряд лексических особенностей, которые и вскрывают надписи на рунице. Тем самым чтения надписей на рунице не противоречат чтению текстов на кириллице, а существенно дополняют их, демонстрируя другой языковой стиль и другую социальную категорию носителей языка.

Наконец, можно отметить, что несколько надписей руницей принадлежали IX, VIII и даже II векам! Это говорит за то, что все это время руница существовала и по-своему менялась. Более того, оказывается, в это время сосуществовала наряду с ней и кириллица, которая, как оказалось, по меньшей мере на 700 лет старше Кирилла! Я не стал останавливаться на этой проблеме, ибо она требует, с одной стороны, наличия подтверждающих фактов, с другой стороны, специального исторического исследования. Но если этот факт справедлив (а у меня нет причин в нем сомневаться), то наличие двух видов письма отодвигается далеко в глубь истории, заставляя совершенно иначе осмысливать культурное достояние славян.

Короче говоря, получен весьма интересный новый материал. По каждой из глав можно было бы написать отдельную монографию, с привлечением истории вопроса, существующих трактовок и новых эпиграфических данных. Но это будет уже специальное исследование, не рассчитанное на широкого читателя. А мне в данной книге хотелось

как раз апеллировать именно к широкому кругу обычных людей, не имеющих зашоренности академической науки, чтобы раскрыть наше великое культурное наследие, которое то ли не хотят, то ли не могут извлечь люди, которые по самой своей сути и профессиональному долгу должны заниматься именно этой проблематикой. Полагаю, однако, что смогу найти не только сторонников, но и последователей, считающих своей патриотической обязанностью заниматься реабилитацией славного славянского прошлого.



СЛОВАРЬ ЗАБЫТЫХ СЛОВ

Привожу здесь небольшой словарик тех слов, которые когда-то существовали в русском языке, но затем ушли из него по тем или иным причинам. Здесь приводятся как имена нарицательные, так и имена собственные, а также их возможное происхождение и дальнейшая судьба, то есть то слово, которое пришло ему на смену. Словарик будет полезен тем, кто либо забыл определенное место в тексте, где я рассматриваю это слово, либо еще не дошел до него.

БЕРЕЗАНЪ — название острова на Днепре, образованное, видимо, от прилагательного БЕРЕЗЕНЪ, то есть БЕРЕЗОВЫЙ. Современное название — БЕРЕЗАНЬ.

БЕЧАТЬ — нечто выбитое, от глаголов БИТЬ, БИЧЕВАТЬ. Множественное число — БЕЧАТА. После оглушения Б в П возникла современная форма ПЕЧАТЬ.

ВИСЕЖЬ — название всякого подвешенного (к седлу) предмета, в данном случае кистеня.

ВОИНЪ — имя собственное, раннее название города ВОИНЯ. Город-воин.

ВОПИЛО — старинное название пассатижей, чьи открытые губы напоминают вопящий рот человека.

ВЪЖАТЕЦЬ — старинное название пломбы, рисунок или надпись которой имеет вдавленный рельеф.

ВЫЖАТЕЦ — старинное название пломбы, рисунок или рельеф которой имеет выпуклый рельеф.

ВЬНО — существительное ВИНО; поскольку ударение падает на последний слог, качество второго звука не определяется, и возможно написание ВИНО и ВЕНО, ВЬНО.

ВОЛЬКОВЪСЬКЪ — раннее название города, ныне ВОЛКОВЫСК. Но не от слова ВОЛК непосредственно, а от имени собственного ВОЛЬК, ОЛЬГ, ВОЛЬГА.

ГАГЕ — название разновидности кистеня. Значение неясно.

ГОЛОСИВЪКА — существительное, обозначающее ГОЛОСНИК, резонатор в виде сосуда (типа амфоры), усиливающий звуки в церкви или других помещениях.

ГОРОЛО — кирилловское не вполне удачное написание слова ГОРЛО (СОСУДА), подражающее орфографии руницы.

ДИЛ — копытное животное, прежде всего конь. Понятие ДИЛА породило понятие КОРКОДИЛА, то есть КОРКОВОГО ДИЛА, то есть водяного КОНЯ, покрытого КОРКОЙ (чешуей); это слово в искаженном варианте стало произноситься как КРОКОДИЛ.

ДЬНЪ — прежнее название ДНА.

ЖАЛЕВО — старинное название ПРОКОЛКИ, ШИЛА, ИГЛЫ.

ЖЕСТЬ — старинное название УКРАШЕНИЯ, не обязательно из железа.

ЖИВИНА РУСЬ — первоначально неолитическое святилище богини Живы вблизи нынешнего Белграда, относящееся к археологической культуре Винча. В средние века на Руси — обозначение Новгородской области и ее соседей.

ЖМЕЛО — старинное название ПИНЦЕТА.

ЗА — предлог родительного падежа, например, БЕЧАТА ЗА НЪВО - ВИНО, то есть ПЕЧАТЬ НОВОГО ВИНА.

ЗАКЛАДЕНЬ — старинное слово для обозначения вещи, сдаваемой в ЗАЛОГ под денежную ссуду.

ЗАНОЗА — старинное название ЯЗЫЧКА на пряжке пояса.

КАДИЛО — старинное название СКАЛКИ. Первоначально, видимо, называлась КАТИЛО, затем Т озвончилось до Д.

КАНА (или КАН) — сосуд с горлом средней ширины (между широкогорлым пифосом и узкогорлой амфорой) для хранения жидкостей, прежде всего молока.

КАНЕЛА — небольшой сосуд с горлом средней ширины, уменьшенная КАНА.

КАМОРА — старинное название КАМЕРЫ, ПОМЕЩЕНИЯ в гротах и подземельях. В современном русском языке сохранилось уменьшительное слово КАМОРКА — маленькое и некомфортабельное помещение в доме.

КАТАБА — старинное название КНИГИ. По-арабски КИТАБ — КНИГА, КАТАБ — писать.

КАТЪКИЙ — прилагательное в значении КРУГЛЫЙ.

КОЛЬЦЕ — старинное наименование КОЛЬЦА. Ударение падало, видимо, на корень.

КЪЖА — КОЖА в смысле КОЖУХ, ФУТЛЯР для режущего инструмента. Ударение, вероятно, падало на последний слог, приведя к слову КОЖУХ.

КЪРУДИЛО — славянский вариант бумеранга, изогнутый снаряд для полета со вращением и движением по кривой. Неизвестно, описывал ли он полную окружность. Существительное образовано от глагола КРУТИТЬ с озвончением Т в Д.

КЪРУЖИЛКА — старинное название КРУГЛОЙ ПРЯЖКИ.

ЛЕКА — старинное название формочки для ЛИТЬЯ.

ЛЮДОДЬША — уменьшительно-ласкательный вариант имени ЛЮДОДЯ, а последнее имя — такой же вариант существования имени ЛЮДОВИК. Иными словами, мы имеем цепь ЛЮДОВИК-ЛЮДОДИК-ЛЮДОДЯ-ЛЮДОДЬША. Прозвище одного из кузнецов-оружейников Х века.

НОСЕЖЬ — название всякого переносного предмета, например, круглой печати, кистеня и так далее.

НЪВО — краткое прилагательное НОВО; поскольку начертание содержит Ъ в первом слоге, ударение скорее всего падало на второй.

НЪЖЬ ТЯПАЛЕН — старинное название ТЕСЛА. Прилагательное образовано от слова ТЯПАТЬ, подобно тому как позже существительное образовалось от близкого по смыслу глагола ТЕСАТЬ.

ПЕРУНОВА РУСЬ — старинное обозначение Прибалтики. В средние века — название русскоязычного государства ЛИТВА.

ПОЛЕСЪНЕСЬКЪ — имя города, который через форму ПЪЛЕСЪНЕСЬКЪ позже стал называться ПЛЕСНЕСК. Происходит от имени

ПОЛЕСЬЯ. Сейчас название было бы ПОЛЕСЬЕВСК, или ПОЛЕСНЕВСК, в старину назвали ПОЛЕСНЕСК.

ПОСЪТОВЪ — имя города, которое через форму ПЪСТОВЪ перешло в современное название ПСКОВ. Видимо, образовано от слова ПОСТ в современном смысле слова ПЕРЕДОВОГО ВОЕННОГО ОТРЯДА НА ГРАНИЦЕ.

ПОСЪД — существительное со смыслом СОСУД. Ударение падает на приставку.

РЕЧЬ — старинное название предмета для письма выдавливанием на бересте, соответствует латинскому названию СТИЛЬ.

РУНА — старинное название любых письменных знаков, в том числе и слоговых.

РУЧИЦА — старинное название браслета.

СТОЛИЧНАЯ РУСЬ — обозначение МОСКОВИИ, княжеств, объединившихся вокруг Москвы.

СТОЛЯРНЯ — старинное обозначение СТОЛЯРНОЙ МАСТЕРСКОЙ.

СЬВЕТИЛО — старинное название ПОДСВЕЧНИКА.

СЬПЕШИЛЫ — покрой средневековых сапог, от слова СПЕШИТЬ. В таких сапогах можно было двигаться быстрее, чем в лаптях или валенках.

ТОЛЪКАЛО — старинное название ТОЛКУШКИ.

ТЪВОРЕКЪ — старинное название ТВОРОГА.

ЩЕПОТЬ — небольшой сосудик из ЩЕПЫ, например, солонка.



ЛИТЕРАТУРА

КАК ЧИТАТЬ ЗАГАДОЧНЫЕ ЗНАКИ

1. *Чудинов В.А.* Загадки славянской письменности М., 2002

2. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки. Ч. 1 и 2. М., 2000

3. *Чудинов В.А.* Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей. М., 2000

4. *Медынцева А.А.* Грамотность древней Руси. По памятникам эпиграфики X—первой половины XIII века. М., 1999

5. *Богусевич В.А.* Розкопки на горі Киселівці // Археологічні пам'ятки УРСР, том III. Ранні слов'яни і Київська Русь. Матеріали польових досліджень Інституту археології Академії наук УРСР за 1947—1948 р. Київ, 1952, с. 71, табл. 1—2

6. *Давудов О.М.* О фальсификации истории Дагестана // МАИАР № 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001, с. 6

7. *Володихин Д.М.* Место «новой хронологии» в фолк-хистори // Сборник русского исторического общества № 3 (151). М., 2000, с. 56

8. *Ваганов П.А.* Физики дописывают историю. ЛГУ, 1984

9. *Керам К.* Боги, гробницы, ученые (роман археологии). М., 1963; второе издание — СПб., 1994

10. *Молчанов А.А.* Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980; *Молчанов А.А.* Посланцы погибших цивилизаций (Письмена древней Эгеиды). М., 1992

11. Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Сборник под редакцией И.М. Дьяконова. М., 1976

12. *Гриневич Г.С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (о результатах дешифровки праславянских рун) // Русская мысль, 1991, №1, Реутов, с. 3–28

13. *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М., 1993, 323 с.

14. *Медынцева А.А.* Грамотность Древней Руси..., с. 94

15. *Там же*, с. 92

16. *Арциховский А.В. и Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958, с. 14

17. *Гашек Ярослав*. Похождения бравого солдата Швейка. Пер. с чешского П.Богатырева. М., 1977, с. 36

18. *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПБ., 1992, с. 121, надпись 78

19. *Каргер М.К.* Киев и монгольские завоевания // СА, XI, 1949, с. 67

20. *Рыбаков Б.А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII веков // Советская археология, VI, 1940

21. *Fraehn Ch.M.* Ibn-Abi-Jakub El Nedim's Nachricht von der Schrift der Russen im X Jahrhundert n. Ch., kritisch beleuchtet // Memoirs de l'Academie de imperiale de sciences de st. Petersbourg, VI serie. Politique, Histoire, Philologie, III T., 1836, p. 513

22. [*Magnusen F.*]. Runamo og Runerne. En Commiteeberetning til det Kongelige Danske Videnskabers Selskab Samt Trende Afhandlinger angaaende Rune Literaturen, Runamo og forskjelligesaeregne (tildeels, nylig opdagelde). Kjobenhavn, 1841, S. 260

23. [*Siögren von, Dr.*] Ueber das Werk Finn Magnusens Runamo og Runerne. S.-Petersburg, 1848, S. 98

24. *Jagič V.* Zur slavischer Runenfrage // Archiv für slavische Philologie Bd V, Hf. III, 1881

25. *Ягич И.В*. Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. Графика у славян. СПб., 1911, с. 25

26. *Чудинов В.А*. Реабилитация славянских надписей. М., 1999, с. 45–46

27. *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А*. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 200, с. 5

28. *Уханова Е.В*. У истоков славянской письменности. М., 1998, с. 5

29. *Кондаков Н*. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, ч. I. СПб., 1896, с. 107 № 70

30. *Алексеев Л.В.* Древний Ростиславль // КСИА, вып. 139, 1974, с. 87, рис. 28

31. *Кучiнко М.М., Орлов Р.С*. Городищенський скарб з Волинi // Археологiя, 1982, №2, с. 102

32. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский период). Киев, 1990

33. *Покровский Н.В*. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 200, с. 266, рис. 76

34. *Янин В.Л., Зализняк А.А*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993, с. 115, надпись 24

35. *Егоров А*. Посвящение // Мифы и магия индоевропейцев. М., 1995, с. 48

36. *Русанова И.П., Тимощук Б.А*. Языческие святилища древних славян. М., 1993, с. 10–11

37. *Жилина Н.В.* Отдел славяно-русской археологии в 1990-е годы // КСИА, вып 212. М., 2001, с. 98

38. *Бычков А.А*. Энциклопедия языческих богов. Мифы древних славян. М., 2001, с. 249

39. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981, с. 70, рис. 25–10

40. *Медынцева А.А.* Грамотность Древней Руси..., с. 3–4

41. *Лихачев Дмитрий*. Тысячелетие культуры // Альманах библиофила. Вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М., 1989, с. 6

ЯРЛЫКИ И ЗАБЫТЫЕ НАЗВАНИЯ ВЕЩЕЙ

1. *Чудинов В.А.* Славянская письменность — древнейшая в мире? // Эль Кодс. Святой город. Русско-палестинский голос. М., 1994, июнь, №18 (39), с. 6

2. *Колчин Б.А., Рыбина Е.А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 215, рис. 28–2

3. *Чудинов В.А.* Возрождение интереса к первоначальной славянской письменности // Труды Государственной академии славянской культуры. Вып. 1. Россия и славянство. М., 1998, с. 109, рис. 5

4. *Дубов И.В., Виноградова М.Г., Седых В.Н.* Ярославская экспедиция // Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 59

5. *Чудинов В.А.* О русском названии проколки // Экономика, политика, культура. Сб. научных докладов. Научные доклады Московского общественного научного фонда, вып. 58. М., 1998, с. 124

6. *Cehak-Hołubowiczowa Helena*. Odkrycia zwiazane z kultem pogańskim na Sląsku we wczesnym sredniowieczu // Miedzynarodowy kongres Archeologii słowianskiej. Warszawa, 14–18. IX. 1965. T.I. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970, s. 395, рис. 3

7. *Монгайт А.Л.* Салтыковский курган // МИА № 7. Материалы по археологии Москвы. Т. 1. М., 1947, с. 85, рис. 2–1

8. *Чудинов В.А.* О славянском названии браслета // Экономика, политика, культура. Сб. научных докладов. Научные доклады Московского общественного научного фонда, вып. 58. М., 1998, с. 129

9. *Гуревич Ф.Д*. Древности белорусского Понеманья. М.-Л., 1962, с. 111, рис. 11

10. *Носов Е.Н*. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, с. 57–58, рис. 1 и 2

11. *Чудинов В.А*. О славянском названии браслета..., с. 130

12. *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981, с. 99, рис. 77–12

13. *Станкевич Я.В.* К вопросу об этническом составе населения Поволжья в IX–X столетиях // Этногенез восточных славян. т. 1, МИА № 6. М..-Л., 1941, с. 78, табл. V

14. *Чудинов В.А*. О средневековом русском названии пряжки пояса // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 130, рис. 1

15. *Кильдюшевский В.И*. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // Краткие сообщения Института археологии, вып. 183. М., 1986, с. 111, рис. 1

16. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В*. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995, с. 299, табл. 71–9

17. *Чудинов В.А*. Русские пломбы // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 131, рис. 1–2

18. *Волчкова О.К*. Охранный раскоп у церкви Нерукотворного образа на Запсковье // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 161, рис. 3

19. *Рыбаков Б.А*. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII веков // Советская археология, VI, 1940, с. 244, рис. 46 и 47

20. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 132, рис. 3–4

21. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии, № 32. Труды новгородской археологической экспедиции, т. 2. М., 1959, с. 257

22. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981

23. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 132, рис. 5

24. *Овсянников О.В., Царькова Л.А.* Охранные работы на территории Застенья и окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 131

25. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 132, рис. 6

26. *Коваленко В.П., Молчанов А.А.* Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // Российская археология, 1993, №4, с. 211, рис. 2–3

27. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 132, рис. 7

28. *Загорульский Э.М*. Возникновение Минска. Минск, 1982, с. 286, рис. 188

29. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 132, рис. 8

30. *Седова М. В*. Торговые связи Ярополча Залесского // Краткие сообщения Института археологии, вып. 135. М., 1973 с. 43, рис. 10–7, 8

31. *Алексеев Л.В*. Древний Мстиславль (райцентр Могилевской области) // Краткие сообщения Института археологии, вып.146. М., 1976, с. 46, рис. 2

32. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 133, рис. 9 и 10

33. *Рабинович М.Г*. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Кремля. М., 1971, с. 66, рис. 13

34. *Чудинов В.А*. Русские пломбы..., с. 133, рис. 11 и 12

35. *Плетнева С.А*. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989, с. 105, рис. 8

36. *Башмурина Н.И*. Описание таблиц // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические

находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса. М.-Л., 1951, с. 239, табл. IX-3

37. *Раппопорт П.А.* Трубчевск // Советская археология, 1973, №4, с. 207, рис. 2–1

38. *Чудинов В.А.* О средневековом русском названии пинцета // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 128, рис. 1

39. *Гуревич Ф.Д*. Древний Новогрудок. Л., 1981, с. 99, рис. 77–6

40. *Чудинов В.А*. О русском названии пассатижей // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК-МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 130, рис. 1

41. Крепостта Перник, VIII–XIV вв. София, 1992, с. 45, рис. 32

42. *Чудинов В.А*. О славянском названии бумеранга (?) // Экономика, политика, культура. Сб. научных докладов. Научные доклады Московского общественного научного фонда, вып. 58. М., 1998, с. 125

43. *Алексеев Л.В., Сергеева З.М.* Раскопки древнего Ростиславля и разведки в Смоленской земле // Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 79

44. *Гриневич Г.С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (о результатах дешифровки праславянских рун) // Русская мысль, Реутов, 1991, с. 11 рис. 4–4

45. *Алексеев Л.В., Сергеева З.М.* Раскопки древнего Ростиславля и разведки в Смоленской земле..., с. 87

46. *Бубенько Т.С.* Исследования в Витебске // Археологические открытия 1983 г. М., 1985, с. 382

47. *Чудинов В.А.* О русском названии предметов, носимых в руках // Экономика, политика, культура. Сб. научных докладов. Научные

доклады Московского общественного научного фонда, вып. 58. М., 1998, с. 127

48. Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада / Рэд. Кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэдактар). Мінск, 2000, с. 52

49. *Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.* Давньоруське місто Воїнь. Київ, 1966, табл. XXII-3

50. Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976, с. 186, рис. 57–37

51. *Там же*, с. 186, рис. 57–38

52. *Чудинов В.А.* О названии стержня для письма в средневековой Руси // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 129, рис. 1

53. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 285, рис. 124

54. *Гуревич Ф.Д.* Древний Новогрудок. Л., 1981, с. 58, рис. 76

55. *Петрова П.* Старобългарска петроглифна летопис // Археология, 1992, книга 4, с. 47, рис. 3

56. *Чудинов В.А.* О названии славянских слоговых знаков // Третьи культурологические чтения ИППК МГУ, М., 1998, с. 118, рис. 1

57. *Василиев Асен.* Ивановските стенописи. София, 1953, с. 12, рис. 4–6

58. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995, с. 299, табл 71

59. *Чудинов В.А.* О названии славянских слоговых знаков..., с. 119, рис. 2

60. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981, с. 142, рис. 48–8

61. *Чудинов В.А.* О названии славянских слоговых знаков..., с. 119, рис. 3

62. *Орлов С.Н.* К вопросу о древнерусской метрологии // Советская археология, 1957, №4, с. 265, рис. 2

63. *Чудинов В.А.* О названии славянских слоговых знаков..., с. 120, рис. 4

64. *Даниленко В.М.* Кам'яна Могила. Киïв, 1986, с. 75, рис. 26

65. *Чудинов В.А.* О названии славянских слоговых знаков..., с. 120, рис. 6

66. *Там же*, с. 121

67. *Фехер Геза*. Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската и старомаджарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. София, 1997, с. 19, рис. 10–1

68. *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. Том 2. М., 1996, с. 263

69. *Aleksova B.* Oъ est enterrйe Marie Paleologue? A propos de la dйcouverte faite dans une tombe // Arch. Ioug., T. III. Beograd, 1959

70. *Чудинов В.А.* О славянском названии женских подвесок к очелью // Четвертые культурологические чтения «Теоретическая и прикладная культурология». Ин-т молодежи, ИППК МГУ, М., 1999, с. 35

71. *Лабутина И.К.* Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 22, рис. 12

72. *Белов М.И.*, *Овсянников О.В.*, *Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных моряков и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981, ч. II, с. 123, табл. 49–1

73. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 томах. том 2. М., 1996, с. 51

74. *Седов В.В*. Славяне в раннем средневековье. М., 1995, с. 355, рис. 108–5

75. *Колчин Б.А*. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, с. 45, рис. 34–1

76. *Чудинов В.А*. Надписи на ремесленных изделиях // Экономика. Политика. Культура. Сборник научных работ ГУУ. Вып. 3. М., 1998, с. 117, рис. 9

77. *Каргер М.К*. Киев и монгольские завоевания // Советская археология, XI, 1949, с. 67, рис. 6

78. *Чудинов В.А*. О русском названии греческих амфор // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 124, рис. 1

79. *Голубева Л.А*. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА, вып. 135. М., 1973, с. 102, рис. 34–2

80. *Там же*, с. 102, рис. 34–5

81. *Сымонович Э.А*. Раскопки поселения Ломоватое 2 // КСИИМК, вып. 79. М., 1960, с. 24, рис. 9

82. *Рыбаков Б.А*. Надпись киевского гончара XI века // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XII. М.-Л., 1946, с. 137, рис. 42

83. *Кравченко Н.М., Корчусова В.М*. Деяки риси материальной культури пiзньоримськой Тiрии // Археологiя, 1975, №18, с. 27, рис. 5–2

84. *Гупало К.М., Толочко П.П*. Давньокипвський подiл у свiтлi нових археологiчних дослiджень // Стародавнiй Кипв. Кипв, 1975, с. 125, рис. 16

85. *Довженок В.Й*. Розкопки древнього Вишгорода // Археологiчнi пам'ятки УРСР. Том III. Раннi слов'ни i Кипвська Русь. Материали польових дослiджень Iнституту археологiп Академiп наук УРСР за 1947–1948 р. Кипв, 1952, с. 21, табл. 1

86. *Гончаров В.К.* Архкологiчнi розкопки в Кипвi у 1955 р. // Археологiя, 1957, т. Х, с. 133, табл. III

87. *Чудинов В.А.* О русском названии греческих амфор // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 123–126

88. *Кравченко Н.Н., Бугай А.С., Магомедов Б.В.* Розвiдки на Кипвщинi // Археологiчнi дослiдження на Украпне в 1969 р., вип. IV. Кипв, 1972, с. 365, рис. 2–3

89. *Артамонов М.И.* Саркел—Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.-Л., 1958. МИА, вып. 62, с. 14

90. *Симонов Р.А.* Математическая мысль Древней Руси. М., 1977, с. 18; с. 19, рис. 4

91. Архив Института археологии, р-1, № 919, рис. 100

92. *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средневековна България VII–X в. София, 1980, табл. XXI, № 48, 49

93. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики Х—первой половины XIII века. М., 2000, с. 243

94. *Рыбаков Б.А., Николаева Т.В.* Раскопки в Белгороде Киевском // Археологические открытия за 1969 год. М., 1970, с. 286, рис. 287

95. *Мельникова Е.А.* Надпись II из Белгорода // Культура славян и Русь. М., 1998, с. 194–195

96. *Монгайт А.Л.* Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК, вып. 38, М., 1951, с. 17, рис. 8–7

97. *Никольская Т.Н.* Новые данные к истории Серенска // Краткие сообщения института археологии, вып. 187. М., 1985, с. 44, рис. 2–1

98. *Чудинов В.А.* Надпись на формочке из Серенска // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 2. М., 1998, с. 295, рис. 1

99. *Каргер М.К*. Древний Киев. М.-Л., 1958, табл. XLV–XLVII

100. *Тараканова С.И*. Псковские городища // КСИИМК, вып. 62, М., 1956, с. 41, рис. 20

101. *Монгайт А.Л*. Рязанская земля. М., 1961, с. 185, рис. 73

102. *Чудинов В.А*. Докирилловская письменность славян как наследие великой древней культуры // ИППК МГУ. Вторые культурологические чтения. М., 1997, с. 28, рис. 5

103. *Носов Е.Н*. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, с. 65, рис. 24–4

104. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XIV вв. // Свод археологических источников Е-1–36. М., 1966, с. 155, табл. 22–8, с. 155, табл. 22–8

105. *Лакшин В.А.* Археологический комплекс Гнездилово под Суздалем // Краткие сообщения института археологии, вып. 195, М., 1989, с. 68, рис. 2–37, с. 68, рис. 2–37

106. *Чудинов В.А*. Надписи на стрелах и пиках // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 2. М., 1998, с. 291, рис. 1

107. *Висоцький С.* Віконна рама та шибки з Кипвськой Софии // Кипвська старовина. Щорічник. Кипв, 1972, с.57 рис 4

108. *Чудинов В.А*. Надписи на стекле // Третьи культурологические чтения ИППК МГУ, М., 1988, с. 134

109. *Хвощинская Н.В*. О новом типе курганов в могильнике у дер. Залахтовье // КСИА, вып. 150, М., 1977, с. 66, рис. 3

110. *Чудинов В.А.* Надписи и фигурные изображения ключей // Четвертые культурологические чтения «Культура и образование» ИППК МГУ и Института молодежи. М., 1999, с. 34, рис. 1–1

111. *Гуревич Ф.Д*. Древности Белорусского Понеманья. М.-Л., 1962, с. 103, рис. 79–5

112. *Мальм В.А*. Промыслы древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 123, рис. 7—4

113. *Старков В.Ф*. Очерки истории освоения Арктики. М., 1998, с. 86, рис. 40—7 и 40—8

114. Археологияя СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985, с. 242, табл. 90

115. *Овсянников О.В., Царькова Л.А*. Охранные работы на территории Застенья и Окольного городка в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 134, рис. 9—5

116. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф*. Мангазея. Материальная культура русских полярных моряков и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981, ч. II, с. 106

117. *Чудинов В.А*. Докирилловская письменность славян как наследие великой древней культуры // ИППК МГУ. Вторые культурологические чтения. М., 1997, с. 28, рис. 1

118. *Монгайт А.Л*. Рязанская земля. М., 1961, с. 227, рис. 100—13

119. *Голубева Л.А*. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 72, рис. 15—8

120. *Никольская Т.Н*. Городище у деревни Свинухово // КСИИМК, вып. 49. М., 1953, с. 91, рис. 23

121. *Cehak-Hołubowiczowa Helena*. Odkrycia zwiazane z kultem pogańskim na Sląsku we wczesnym sredniowieczu // Miedzynarodowy kongres Archeologii słowianskiej. Warszawa, 14—18. IX. 1965. T..I. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970, s. 395, рис. 2

122. *Чудинов В.А*. Надписи на польских изделиях из коры // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 2. М., 1998, с. 292, рис. 1

123. *Колчин Б.А., Рыбина Е.А*. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.М., 1982, с. 218, рис. 30—4

124. *Медынцева А., Попконстантинов К*. Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984, с. 84

ИМЕНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ

1. *Золотов Ю.М*. Чернолощеный кувшин XVII века с надписью // СА, 1959, №1, с. 285, рис. 1

2. *Йончев Васил*. Шрифтът през вековите. София, 1964, с. 171, рис. 253

3. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958, с. 62

4. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958–1961 гг. М., 1963, с. 13

5. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958–1961 гг. М., 1963, с. 9

6. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958, с. 79

7. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953–1954 гг. М., 1958, с. 60

8. *Рыбаков Б.А*. Раскопки в Любече в 1957 году // КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 27, рис. 14–3

9. *Колчин Б.А*. Новгородские древности. Деревянные изделия, кн. 1. М., 1968, с. 31, рис. 23–3

10. *Там же*, с. 108, табл. 11–1

11. *Маревская М.В*. Амфора с надписью из Новогрудка // Советская археология, 1962, №4, с. 239, рис. 1

12. *Седова М.В.* Эпиграфические находки в Суздале // КСИА, вып. 190, М., 1987, с. 9, рис. 2

13. *Арциховский А.В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 г. М., 1978, с. 163–164

14. *Там же*, с. 20

15. *Там же*, с. 37–38

16. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей. М., 2000, с. 39, С-13 и с. 76, рис. 19

17. *Арциховский А.В., Борковский В.И*. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.), М., 1958, с. 49

18. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 44, С-32 и с. 78, рис. 27

19. *Авдусин Д.А.* Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. // СА, 1969, № 3, с. 189, рис. 3

20. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 48, Р-4

21. *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.) М., 1954, с. 74

22. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 29, П-11

23. *Арциховский А.В., Борковский В.И*. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.), М., 1958, с. 14, № 89

24. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 29, П-12

25. *Арциховский А.В*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958–1961 годов. М., 1963, с. 100

26. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 48, Р-3

27. *Арциховский А.В., Янин В.Л*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978, с. 55

28. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 40, С-19

29. *Арциховский А.В, Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 г. М., 1978, с. 51

30. *Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986, с. 56

31. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 40, С-15 и с. 77, рис. 22

32. *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981, с. 46, рис. 15

33. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 40, С-18 и с. 77, рис. 22

34. *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981, с. 49, рис. 16

35. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 40, С-16 и с. 77, рис. 22

36. *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII века..., с. 46, рис. 15

37. *Чудинов В.А*. Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей..., с. 40, С-17 и с. 77, рис. 22

38. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 1990–1993 гг. // Вопросы языкознания, 1994, № 3, с. 13

39. *Чудинов В.А.* Нечитаемые новгородские грамоты // Четвертые культурологические чтения ИППК МГУ и Института молодежи «Вопросы истории культуры и краеведения». М., 1999, с. 44

40. *Янин В.Л., Зализняк А.А*. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000, с. 50

41. Немецко-русский словарь (основной), около 90 000 слов. Издание второе. М., 1993, с. 502

42. *Белов М.И. Овсянников О.В., Старков В.Ф*. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII веков. Ч.II. М., 1981, с. 25, рис. 6

43. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси по памятникам эпиграфики X—первой половины XIII вв. М., 200, с. 214, рис. 61

44. *Гензель В*. Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства // СА, 1959, №2, с. 95, рис. 8

45. *Алексеев Л.В.* Раскопки в Мстиславле // Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 357

46. *Чудинов В.А.* Надписи на женских подвесках // Четвертые культурологические чтения. Институт молодежи и ИППК МГУ, Вопросы истории культуры и краеведения. М., 1999, с. 45

47. *Кондаков Н.П.* Русские клады. т. 1, СПб., 1896, с. 125 и 127

48. *Миятев Кр*. Симеоновата църква в Преславъ и неиният епиграфичень материаль // Български Прегледъ. София, кн. 2, 1929

49. *Рыбаков Б.А*. Овручские пряслица // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1946, вып. 4, с. 28

50. *Рыбаков Б.А*. Язычество Древней Руси.М., 1988, с. 298

51. *Филин Ф.П*. ПОТВОРИНѢ ПРѦСЛЬНЬ // Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 424–426

52. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 53

53. *Голубева Л.А*. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 18, рис. 1

54. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 64

55. *Там же*, с. 65–66

56. *Рыбаков Б.А*. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 200

57. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 56

58. *Толочко П.П.* Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972, с. 115

59. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 54

60. *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 233

61. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 58, №11

62. *Рыбаков Б.А.* Овручские пряслица..., с. 29

63. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 54, №3

64. *Порфиридов Н.* Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. Ч. II: надписное пряслице из Рюрикова Городища // Материалы и исследования Новгородского исторического музея. Новгород, 1930, вып. 1, с. 35

65. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси..., с. 198, рис. 39–6

66. *Фигуровский И.А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками // Ученые записки Елецкого педагогического института, вып. 2. Липецк, 1957, с. 181

67. *Гриневич Г.С.* Сколько тысячелетий славянской письменности (О результатах дешифровки праславянских рун) // Русская мысль. Реутов, 1991, №1, с. 14, рис. 6–1

68. *Там же*, с. 13

69. *Гриневич Г.С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки // Энциклопедия русской мысли, Т. 1. М., 1993, с. 61–62

70. *Беляев Л.А.* Из истории древнерусского строительного ремесла (знаки на древнерусских кирпичах X–XIII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 442

71. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 61–62, №16

72. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси..., с. 200, рис. 39

73. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 62, №17

74. *Янин В.Л.*, *Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993, с. 115, №24

75. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 64, №27

76. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте..., с. 113, № 22

77. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 64, №22

78. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте..., с. 113, № 23

79. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Хорошев А.С.* Новгородская экспедиция // Археологические открытия 1986 г. М., 1988, с. 44

80. *Алексеев Л.В.* Три пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК, вып. 57, М., 1955, с. 130, рис. 49–4

81. *Рыбаков Б.А.* Раскопки в Любече в 1957 году // КСИИМК, вып. 79, 1960, с. 33

82. *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте..., с. 113, № 21

83. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 157, рис. 52

84. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 62, №18

85. *Durczewski Zd.* Stary zamek w Grodnie w swiete wykopalisk, dokonanych w latach 1937–1938 (оттиск из «Niemna» за 1939, №1), с.14

86. *Там же*, с. 19

87. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1939–1949 гг). М., 1954, с. 67

88. *Алексеев Л.В.* Три пряслица с надписями из Белоруссии..., с. 130

89. *Янин В.Л.* К чтению надписи на пряслице из Гродно // Советская археология, 1958, №1, с. 245

90. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 60, №13

91. *Лысенко П.Ф.* Шиферное пряслице с надписью из Пинска // Советская археология, 1966, №3, с. 250

92. *Там же*, с. 248

93. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 61, №14

94. *Алексеев Л.В.* Еще три шиферных пряслица с надписями // Советская археология, 1959, №2, с. 243

95. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 57, №9

96. *Медынцева А.А., Леонтьев Е.А.* Подписные пряслица из Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Ростов, вып V с. 157–161

97. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 65, №28

98. *Зоценко В.М.* Про один давньоруський жиночий антропоним // Археологія, 1991, №3, с. 109

99. *Там же*, с. 110

100. *Тимощук Б.О.* Давньоруська Буковина. К., 1982, с. 77, рис. 43

101. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно..., с. 44

102. *Там же*, с. 43, рис. 16–4

103. *Алексеев Л.В.* Еще три шиферных пряслица с надписями..., с. 243–244

104. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 58, №12

105. *Тарасенко В.Р.* Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) // Материалы по археологии БССР, Т. 1. Минск, 1957, с. 249, рис. 49

106. *Голубева Л.А.* Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 19, рис. 2–9

107. *Там же*, с. 19, рис. 2–6

108. *Там же*, с. 20, рис. 3–2

109. *Там же*, с. 19, рис. 2–2

110. *Там же*, с. 20, рис. 3–9

111. *Там же*, с. 20, рис. 3–8 и с. 19, рис. 2–4

112. *Там же*, с. 20, рис. 3–5

113. Там же, с. 19, рис. 2–1 и с. 20, рис. 3–1

114. Там же, с. 20, рис. 3–6 и с. 21, рис. 4–12

115. *Там же*, с. 21, рис. 4–10 и 4–5

116. *Там же*, с. 21, рис. 4–2 и 4–4

117. *Там же*, с. 21, рис. 4–9, 4–11 и 4–13

118. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки. // Славяне: письмо и имя. М., 2000, с. 86, рис. 2–86

119. *Голубева Л.А.* Граффити и знаки пряслиц из Белоозера..., с. 21, рис. 4–3 и 4–6

120. *Там же*, с. 21, рис. 4–7

121. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки..., с. 86, рис. 2–85

122. *Голубева Л.А.* Граффити и знаки пряслиц из Белоозера..., с. 19, рис. 2–10, 2–11, 2–13 и с. 20, рис. 3–15

123. *Там же*, с. 19, рис. 2–7

124. *Чудинов В.А.* Надписи на пряслицах из Белоозера // Экономика. Управление. Культура. Сборник научных работ ГУУ, вып. 6. М., 1999, с. 212–214

125. *Лабутина И.К.* Раскопки в Пскове // Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 22

126. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси..., с. 196; с. 197, рис. 38

127. *Дёмин В.Н.* Тайны земли русской. М., 2000, с. 13

128. История культуры Древней Руси. М., 1951, с. 109, рис. 69

129. *Фигуровский И.А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» // Ученые записки Елецкого педагогического института, вып. 2. Липецк, 1957, с. 181

130. *Чудинов В.А.* Славянская докирилловская письменность. История дешифровки. Часть 2 // Славяне, присьмо и имя. М., 2000, с. 82, рис. 2–67–2

131. *Гупало К.М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М.А.* Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Київа. Київ, 1979, с. 59–60

132. *Высоцкий С.А.* Граффити архитектурных памятников древнего Киева // Новое в археологии Киева. Сборник статей. Киев, 1981, с. 398–399

133. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 48, №12

134. *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк. Автореферат кандидатской диссертации. Минск, 1965, с. 35

135. *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978, с. 274

136. *Медынцева А.А., Моргунов Ю.Ю.* Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА, вып. 187. М., 1986

137. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 43–45, №9

138. *Каргер М.К.* Древний Киев. М.-Л., 1958, табл. XLV–XLVII

139. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси..., с.238

140. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 71, рис. 73

141. *Медынцева А.А*. Глаголические надписи из Софии Новгородской // СА, 1969, №1, с. 208, рис. 7

142. *Там же*, с. 206

143. *Там же*, с. 209, рис. 8

144. *Там же*, с. 208

145. *Там же*, с. 207, рис. 6–1

146. *Рождественская Т.В*. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992, с. 52, надпись 3

147. *Там же*, с. 121, надпись 78

148. *Высоцкий С.А*. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985, с. 291, табл. XXIII–115

149. *Там же*, с. 40

150. *Там же*, с. 117, запись 251

151. *Кирпичников А.Н*. Древнейший русский подписной меч // Советская археология, 1965, №3

152. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 92–93, №1

153. *Там же*, с. 93–94

154. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 69, №1

155. *Там же*, с.70, №2

156. *Nalepa J*. Den fernryska inskriptionen «Bylata» peeen av silverlarrerna frдn Lummellundaskatten. Fornvennen. Arg. 66. Uppsala, с. 270–275

157. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 70, №3

158. *Там же*, с. 70

159. *Корзухина Г.Ф.* Серебряная чаша из Киева с надписями XII века // Советская археология, 1951, вып. X

160. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 115

161. *Коваленко В.П.* Чаша князя Iгоря: Iсторія Руси-Украпни (iсторико-археологiчний збiрник). Кипв, 1998, с. 142–151

162. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 120

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ НАДПИСИ

1. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. М., 2000, с. 21–31

2. *Орлов А.С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. Дополнения (составленные М.П. Сотниковой). М., 1952, с. 224

3. *Еленский Й.* Расшифрована ли Гнёздовская надпись // Болгарская русистика, София, 1975, №5, с. 29

4. *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.* Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР, 1950, №4, с. 71–79

5. *Авдусин Д.А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. М.-Л., 1951, вып. 38

6. *Авдусин Д.А.* Отчет о раскопках Гнёздовских курганов в 1949 г. // Материалы по истории Смоленской области. Смоленск, 1952, вып. 1

7. *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.* Древнейшая русская надпись..., с. 73

8. *Корзухина Г.Ф.* О Гнёздовской амфоре и ее надписи // Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М.И. Артамонова. Л., 1961, с. 229, примеч. 18

9. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие: ч. 2. // САИ, Л., 1966, вып. Е-1–36, с. 30–31

10. *Дедюхина.* Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. М., 1967, с. 196–197

11. *Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. М., 1956, с. 59

12. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела—Белой Вежи // МИА. М.-Л., 1959, вып. 75, с. 265, рис. 50

13. *Авдусин Д.А.* Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи. Сборник в честь П.Н. Третьякова. М., 1970, с. 113

14. *Каменецкая Е.В.* Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977, с. 113

15. *Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. История. М., 1982, №1, с. 74

16. *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.* Древнейшая русская надпись..., с. 74—78

17. *Ильин В.В.* Слова, пришедшие из глубины веков // Гнёздово: история и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Смоленск, 1998, с. 62

18. *Черных П.Я.* Происхождение русского литературного языка. М., 1950, с. 398—401

19. *Там же*, с. 399

20. *Там же*, с. 401

21. *Золотов Ю.М.* О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «горушна» // Советская археология, 1964, №1

22. *Mareš F.V.* Dva objevy starych slavanských narrisů (v SSSR a v Rumunsku) // Slavia, Roč. XX. Praha, 1951, с. 507 и сл.

23. *Еленский Й.* Расшифрована ли Гнёздовская надпись..., с. 25—26

24. *Там же*, с. 25

25. *Корзухина Г.Ф.* О Гнёздовской амфоре и ее надписи..., с. 228—229

26. *Кострин.* Почему нефть называют нефтью. М., 1967

27. *Рабинович М.Г.* Судьба вещей // Наука и жизнь, 1967, №1

28. *Авдусин Д.А.* Гнёздовская корчага..., с. 112

29. *Львов А.С.* Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнёздова // Известия АН СССР, сер. лит. и яз., Т. XXX, 1971, вып. 1, с. 50–51

30. *Еленский Й.* Расшифрована ли Гнёздовская надпись..., 25–27

31. *Там же*, с. 27

32. *Медынцева А.А., Попконстантинов К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984–1985

33. *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.* Древнейшая русская надпись..., с. 74

34. *Nedeljkovic O.* Poluglasovi ъ staroslovenskim epigrafskim spomenicima // Slovo, Zagreb, 1967, Br. 17, c. 6–7

35. *Мошин В.* Најстарата кирилска епиграфика: Словенска писменост // 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 40

36. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1., с. 183

37. *Там же*, вып. 4., с. 253

38. *Еленский Й.* Расшифрована ли Гнёздовская надпись..., с. 27

39. *Гълъбов Ив.* Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980, с. 82

40. *Егурнов А.Г.* Древние русичи заговорили. М., 2001, с. 136–138

41. *Jakobson R.* Vestiges of the Earliest Russian Vernacular. VIII // Slavic World, N.Y., 1952, №1, с. 350

42. *Кипарский В.* О происхождении глаголицы // Климент Охридски: Материали за неговато чествуване по случай 1050 години от смъртта му. Сборник статей. София, 1968, с. 95, 97

43. *Трубачев О.Н*. В поисках единства. М., 1992, с. 167–177

44. *Медынцева А.А.* Надписи на амфорной керамике X–начала XI вв. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998, с. 189

45. *Еленский Й*. Расшифрована ли Гнёздовская надпись..., с. 26

46. *Карский Е.Ф*. Кирилловская славянская палеография. М., 1979, с. 229–230

47. *Медынцева А.А*. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. М., 1983

48. *Иванов Й*. Български старини из Македония. София, 1970, с. 26–28

49. *Драчук В.С*. Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1976, табл. XXI, XXVII

50. *Флёрова В.Е*. Граффити Хазарии. М., 1997, табл. XXI, №5

51. *Жуковська Л.П*. Гіпотези и факти про давноруську писемность до XII ст. // Літературна спадщина Киевськой Русі і укра?нська література XVI–XVIII ст.: Сб. статей. Киев, 1981, с. 13–14

52. *Львов А.С*. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова., с.49

53. *Зализняк А.К*. Древненовгородский диалект. М., 1995, с. 270–271

54. *Гошев Ив*. Старобългарски глаголически и кирилски надписи. София, 196, с. 154, табл. XVII

55. *Медынцева А.А., Попконстантинов К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе..., табл. XIII

56. *Жуковська Л.П*. Гіпотези и факти про давноруську писемность до XII ст..., с. 14, примечание

57. *Медынцева А.А*. Грамотность в Древней Руси..., с. 31

58. *Чудинов В.А.* О древнейшей русской надписи // Третьи культурологические чтения. Сборник кафедры культурологии ИППК МГУ серии «Науки о культуре и человеке». М., 1998, с. 127

59. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела—Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции, ч. II. Материалы и исследования по археологии, вып. 75. М.-Л. 1959, с. 243

60. *Медынцева А.А.* Начало письменности на Руси по археологическим данным..., с. 183, рис. 14

61. *Рыбаков Б.А.* Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). Доклад на V Международном съезде славистов. София, сентябрь 1963 // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 57

62. Архив ИА АН СССР. Р. 1, 919. Рис. 101

63. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Саркела—Белой Вежи // МИА, М.-Л., 1959, вып. 75, т. 2

64. *Лавров П.А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915, вып. 4, сч 1, с. 8

65. *Карский Е.Ф.* Кирилловская славянская палеография..., с. 164, рисунок

66. *Станчев Ст., Иванова В., Балан М., Боев П.* Надписът на чъргубиля Мостич. София, 1955, с. 122, рис. 13

67. *Плетнева С.А.* Хазары. М., 1976, с. 21—22

68. *Арциховский А.В.* Новгородская экспедиция // КСИИМК, вып. 27, М., 1949, с. 122

69. *Фехер Геза.* Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската и старомаджарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. София, 1997, с. с. 87, рис. 54

70. *Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции, МИА № 62. М., 1958, с. 75, рис. 54

71. *Медынцева А.А*. Грамотность в Древней Руси..., с. 243

72. *Симонов Р.А*. О происхождении и историческом развитии цифровой системы, употреблявшейся в древнерусской кириллице // История и метиодология естественных наук. М., вып. 11. Математика и мханика, с. 18–19

73. *Вернадский Г.В*. История Росси. Киевская Русь. Тверь-М., 1996, с. 52

74. *Там же*, с. 54

75. *Рыбаков Б.А*. Киевская Руси и русские княжества XII–XIII веков. М., 1993, с. 345

76. *Wendel M*. Frühmittelalterliche Keramik mit eingeritzter Verzierung // Latrus-Krivina. III Spдtantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin, 1986. Taf. 65 N 693

77. *Чудинов В.А*. Материалы по древнерусской мифологии и истории // Вестник МЭГУ, М., 1997, № 1 (7), с. 69

78. *Янин В.Л*. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1965, с. 166–168

79. *Янин В.Л*. Актовые печати Древней Руси X–XV веков, т. 1. М., 1970, с. 14

80. *Там же*, с. 168 № 15 и с. 170 № 25

81. *Чудинов В.А*. Загадки славянской письменности. М., 2002

«КНЯЖЕСКИЕ ЗНАКИ» — СУТЬ И ВЫМЫСЕЛ

1 *Воронин Н.Н*. Боголюбовский киворий // КСИИМК, вып. 13, М., 1946, с. 65, рис. 19

2 *Болсуновский К*. Родовой знак Рюриковичей, Великих князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV археологическом съезде в Чернигове. Киев, 1908, с. 7, рис. 1, 2, 3

3. *Воронин Н.Н.* Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 1. МИА, № 11, М.-Л., 1949, с. 210, рис. 6

4. *Янин В.Л.* Княжеские знаки Суздальских Рюриковичей // КСИИМК, вып. 62, 1956, с. 4

5. *Там же*, с. 11, рис. 3

6. *Там же*, с. 5, рис. 1–2

7. *Там же*, с. 5, рис. 1–3

8. *Там же*, с. 5, рис. 1–5

9. *Там же*, с. 5, рис. 1–6

10. *Там же*, с. 5, рис. 1–4

11. *Там же*, с. 5, рис. 1–7

12. *Там же*, с. 12, рис. 5–3

13. *Там же*, с. 12, рис. 5–4

14. *Там же*, с. 12, рис. 5–5

15. *Там же*, с. 12, рис. 5–6

16. *Там же*, с. 12, рис. 5–7

17. *Там же*, с. 12, рис. 5–8

18. *Там же*, с. 12, рис. 5–9

19. *Болсуновский К.* Родовой знак Рюриковичей, Великих князей Киевских..., с. 7, рис. 7, 8, 9

20. *Фехер Геза.* Ролята и културата на прабългарите. Значението на прабългарската и старомаджарската култура в изграждането на цивилизацията на Източна Европа. София, 1997, с. 73, рис. 42

21. *Янин В.Л.* Древнейшая русская печать X века // КСИИМК, вып. 57, 1955, с. 39

22. *Болсуновский К.* Родовой знак Рюриковичей, Великих князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV археологическом съезде в Чернигове. Киев, 1908, с. 7, № 15

23. *Там же*, с. 7, № 11, 12 а и 12 б

24. *Там же*, с. 7, № 13 и 14

25. *Сыромятников А.К.* К вопросу о знаке Ярополка Святославовича // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982, с. 149, рис. 1

26. *Там же*, с. 149, рис. 3

27. *Кузьменко Ю.К.* Надпись-граффито на подвеске со знаком Рюриковичей // СА, 1982, № 1, с. 247, рис. 1

28. *Петренко В.П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // КСИА, вып. 150, 197, с. 58, рис. 2–7

29. *Там же*, с. 58, рис. 2–7

30. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1965, с. 166–168

31. *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв., т. 1. Печати X–начала XIII в. М., 1970, с. 249, табл. 1–1

32. *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 151, рис. 8

33. *Лабутина И.К.* Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983, с. 21, рис. 10

34. *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде..., с. 151, рис. 10

35. *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани // МИА № 6, М.-Л., 1941, с. 215, табл. V-10

36. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XIV вв. САИ Е-1–36. М., 1966, с. 121, табл. 3–6

37. *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде..., с. 151, рис. 19

38. *Стависский В.И., Бобровский Т.А.* Клейма на голосниках XI–XII вв. // СА 1986, № 3, с. 252, рис. 3

39. *Там же*, с. 252, рис. 3

40. *Там же*, с. 252, рис. 3

41. *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде..., с. 140, рис. 1

42. *Там же*, с. 140, рис. 1

43. *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990, с. 84, рис. 34–9

44. *Янин В.Л.* Археологический комментарий к Русской Правде..., с. 84, рис. 34–9

45. *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988, с. 239, рис. 3–2, 3–6 и 3–9

46. *Там же*, с. 239, рис. 3–3 и 3–5

47. *Там же*, с. 239, рис. 3–7 и 3–8

48. *Якубовський В.I.* Давноруський скарб з с. Городище Хмельницькоi областi // Археологiя, 1975, № 16, с. 102, рис. 17–1, 17–2 и 17–3

49. *Там же*, с. 102, рис. 17–4 и 17–5

50. *Макарова Т.И.* Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М., 1988, с. 244, рис. 1–2 и 1–10

ВЫВЕСКИ И УКАЗАТЕЛИ

1. *Хозеров И.М.* Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода // Научные известия Смоленского педагогического института, Смоленск, 1929, том 5, вып. 3, с. 167–184

2. *Беляев Л.А.* Из истории древнерусского строительного ремесла: Знаки на древнерусских кирпичах X–XIII вв.) // Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 439–455

3. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X–первой половины XIII века. М., 2000, с. 83

4. *Беляев Л.А.* Из истории древнерусского строительного ремесла..., с. 440–441

5. *Холостенко М.И.* Успенский собор Печерского монастыря // Стародавний Киев. Киев, 1975

6. *Беляев Л.А.* Из истории древнерусского строительного ремесла..., с. 442

7. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 84

8. *Чудинов В.А.* Проблема дешифровки. Создание силлабария. Чтение смешанных надписей. М., 2000, с. 88, рис. 72

9. *Богусевич В. А.* Розкопки в Путивльському Кремлі // Археологія, 1963, Т. XV, с. 172, рис. 8

10. *Раппопорт П.А.* Трубчевск // Советская археология, 1973, №4, с. 214, рис. 8

11. *Авдусин Д.А.* Новый памятник Смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке) // Советская археология, 1957, №2, с. 238, рис. 9

12. *Монгайт А.Л.* Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК, вып. 38, М., 1951, с. 18, рис. 9–2

13. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 90, рис. 23

14. *Монгайт А.Л.* Старая Рязань // МИА, вып. 49. М., 1955, с. 91, рис. 60

15. *Монгайт А.Л.* Старая Рязань..., с. 90, рис. 59

16. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995, с. 112, рис. 74

17. *Там же*, с. 205; с. 206, рис. 126

18. *Монгайт А.Л.* Старая Рязань..., с. 194, рис. 106–6

19. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли...., с. 206–207, рис. 126–127

20. *Там же*, с. 207, рис. 127

21. *Богусевич В. А.* Розкопки в Путивльському Кремлі..., с. 173, рис. 9

22. *Гупало К.М., Толочко П.П.* Давно-Київський Поділ у світлі нових археологі досліджень // Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 120, рис. 11

23. *Там же*, с. 120, рис. 11 и 12; с. 125, рис. 15

24. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1939–1949 гг.) // МИА, вып. 41, М., 1954, с. 88, рис. 43

25. *Там же*, с. 121, рис. 66

26. *Раппопорт П.А.* Трубчевск..., с. 213, рис. 7

27. *Авдусин Д.А.* Новый памятник Смоленской архитектуры..., с. 237

28. *Там же*, с. 236, рис. 7 и 8

29. *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно..., с. 117, рис. 64–6; с. 126, рис. 63–2 и с. 134, рис. 74-В

30. *Там же*, с. 192–193, рис. 106 а и 106 б

31. *Воронин Н.Н.* Оборонные сооружения Владимира // Материалы и исследования по археологии Москвы., ч. 2. М.-Л., 1949, с. 233, рис. 29–8

32. *Пламеницька Е. М.* Дослідження Кам'янець-Подільського замку // Археологія, 1975, №16, с. 32, рис. 10

33. *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978, с. 138

34. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 85–86, с. 85, рис. 20

35. *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978, с. 57

36. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 86–87; с. 87, рис. 21

37. *Холостенко М.В.* Успенский собор Печерского монастыря // Стародавний Киıв. Киıв, 1975, с. 147, рис. 33; с. 148

38. *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси..., с. 87–88

УКРАШЕНИЯ

1. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995, с. 78, рис. 41

2. *Петрухин Владимир.* Славяне. Иллюстрированная мировая история. М., 1996, с. 15

3. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981, с. 18

4. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М., 1981, с. 110, рис. 40–20

5. *Беленькая Д.А., Дубынин А.Ф., Смирнов К.А., Юшко А.А.* Работы в Москве и Подмосковье // Археологические открытия 1965 г. М., 1967, с. 39

6. *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия императорской археологической комиссии. СПб., 1905, вып. 15, с. 138, рис. 127

7. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII веках // Археология СССР. Сб. М., 1982, с. 216, табл. XLII-11

8. *Там же*, с. 216, табл. XLII-6

9. *Чудинов В.А.* Русские слоговые надписи на ювелирных изделиях // Вестник МЭГУ, 1998, №1 (9), с. 81–82, рис. 8–9

10. *Никольская Т.Н*. Земля вятичей..., с. 36, рис. 14–2

11. *Гатцук А*. Исследования курганов Московской губернии в 1863 и 1864 гг. М., 1865, табл. 1–14

12. *Розенфельдт Р.Л*. Разведки и раскопки вятичских курганов в Подмосковье // Археологические открытия 1967 г. М., 1968, с. 52

13. *Розенфельдт Р.Л*. Курганы у бывшего Серафимо-знаменского селища на р. Рожае Московской области // КСИА, вып. 135, М., 1973, с. 63, рис. 17–3

14. *Платов Антон.* Знак Даждьбога (несколько слов о руне Ингуз) // Мифы и магия индоевропейцев, вып. 3, М., 1996, с. 50

15. *Там же*, с. 47

16. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 20; с. 19, рис. 5–8

17. *Никольская Т.Н*. Земля вятичей..., с. 142, рис. 48–8

18. *Чудинов В.А.* Русские слоговые надписи на ювелирных изделиях..., с. 82, рис. 12

19. *Орлов Р.С*. Художественный металл Чернигова (семантика оковки из Черной Могилы) // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Сборник научных трудов. Киев, 1988, с. 162, рис. 3–2

20. *Никольская Т.Н*. Земля вятичей..., с.165, рис. 60–1 и 60–2

21. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли..., с. 57, рис. 17

22. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода., с. 17; рис. 4

23. Археология. Древняя Русь. Быт и культура/Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1997, с. 287, табл. 41 рис. 21

24. *Чудинов В.А.* Надписи на польских и русских изделиях // Экономика. Политика. Культура. Сборник научных работ ГУУ, вып. 4. М., 1999, с. 212, рис. 8

25. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 23

26. *Там же*, с. 25, рис. 6–1

27. *Там же*, с. 25, рис. 6–12

28. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI-XIII веках // Археология СССР. Сб. М., 1982, с. 114, табл. 1–11

29. *Чудинов В.А.* Русские слоговые надписи на ювелирных изделиях..., с. 82, рис. 10

30. *Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978, с. 134, табл. 5–6

31. *Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.А., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А.* Археология Костромского края/Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома, 1997, с. 162, рис. 39

32. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 26

33. *Там же*, с. 27, рис. 7–11 и 7–12

34. *Там же*, с. 27, рис. 7–8 и 7–1

35. *Голубева Л.А.* Игольники восточноевропейского севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии восточной Европы. М., 1978, с. 200

36. *Янин В.Л.* Вислые печати из Новгородских раскопок 1951–1954 годов // МИА, 1956, № 55

37. *Молчанов А.А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД, выпуск VII, Л., 1976, с. 72

38. *Медведев А.Ф.* Загадочная надпись начала XI века из Новгорода // Славяне и Русь. М., 1968

39. *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи (серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»). М., 1977, с. 156–158, рис. 85 на с. 271

40. *Кузьменко Ю.К.* Надпись-граффито на подвеске со знаком Рюриковичей // СА, 1982, №1, с. 247, рис. 1

41. *Янин В.Л.* Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 129, рис. 6

42. *Кузнецов Г.О., Ситий Ю.М.* Феодальна садиба XII–XIII ст. на околиці Чернігова // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць, присвечений 1300-літтю Чернігова. Чернігів, 1992, с. 35, рис. 2

43. *Чудинов В.А.* Надписи на польских и русских изделиях // Экономика. Политика. Культура. Сборник научных работ ГУУ, вып. 4. М., 1999, с. 206, рис. 2

44. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 38, рис. 12–15 и 12–11

45. *Там же*, с. 40, рис. 14–5 и 14–6

46. *Юшко А.А.* Курганы у с. Высоцкого на Вазузе // КСИА, вып. 144, М., 1975, с. 57, рис. 17

47. *Чудинов В.А.* Булла из Зубцова // Экономика. Политика. Культура. Сборник научных работ ГУУ, вып. 2. М., 1998, с. 290, рис. 1

48. *Пушкина Т.А.* Новый гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996, с. 179

49. *Алексеев С.И.* и др. Археология Костромского края..., с. 163; с. 162, рис. 39

50. *Комаров К.И.* К истории населения Плещеева озера в X–XIII веках // Сообщения Ростовского музея, вып. VIII. Ярославль, 1995, с. 143, рис. 2–11 и 2–17

51. *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. М., 1997, с. 212; рис. 74–1

52. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973, с. 107, рис. 38–28

53. *Чудинов В.А.* Надписи на женских подвесках // Четвертые культурологические чтения «Вопросы истории культуры и краеведения». ИППК МГУ и Институт молодежи. М., 1999, с. 45, рис. 1

54. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XII вв. // Археология СССР. М., 1982, с. 70, табл. LVII, рис. 7

55. *Колчин Б.А.* Топография Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции, Т. 1. Материалы и исследования по археологии, вып. 55. М., 1956, с. 63, рис. 12

56. *Чудинов В.А.* Надпись на гребешке из Новгорода // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 2. М., 1998, с. 293, рис. 1

57. *Дубов И.В.* Новые раскопки Тимеревского могильника // Краткие сообщения института археологии, вып. 146. М., 1976, с. 84, рис. 8–33

58. *Чудинов В.А.* Надпись на гребешке из Тимерева // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 2. М., 1998, с. 295, рис. 1

59. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом Озере X–XIII веков. М., 1973, с. 91, рис. 26

60. *Чудинов В.А.* Надписи на ремесленных изделиях // Экономика. Политика. Культура. Сб. научных работ Издательского центра научных и учебных программ. Вып. 3. М., 1998, с. 115, рис. 6–2

61. *Кондратьева О.А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА, 166, М., 1981, с. 105, рис. 2

62. *Залашко Г.М.* Исследования в Белорусском Полесье // Археологические открытия 1982 года. М., 1984, с. 355

63. *Лапшин В.А.* Раскопки селища Гнёздилово-2 // Археологические открытия 1981 года. М., 1983, с. 68

64. *Кондратьева О.А.* Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА, 166, М., 1981, с. 104, рис. 1–6

65. Археологические исследования в РСФСР, 1934–1936 гг. М.-Л., 1941, с. 79, табл. XII–29

66. *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978, с. 47, рис. 17–19

67. *Плоткин К.М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области // КСИА, вып. 139, М., 1974, рис. 4–11

68. *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках..., с. 6

69. *Кондратьева О.А.* Средневековые гребни с «горбатой» спинкой // КСИА, вып. 187, М., 1986, с. 59, рис. 2–8

70. *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках..., с. 178; рис. 66–3

71. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 73

72. *Там же*, с. 76, рис. 26–3, 26–4, 26–5 и 26–6

73. *Там же*, с. 83

74. *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках..., рис. 29–9 и рис. 19–2

75. *Там же*, рис. 21–7

76. *Там же*, рис. 50–6

77. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 90, рис. 32–8

78. *Там же*, с. 90, рис. 32–6

79. *Равдоникас В.И*. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР // КСИИМК, вып. 7, М.-Л., 1940, с. 16, рис. 2 б

80. *Там же*, с. 15

81. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 91, рис. 33–1

82. *Даркевич В.П*. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (V–XV вв.) // САИ, вып. Е1–57, 1966, с. 34, табл. 11–8

83. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 92; с. 91, рис. 33–4

84. *Там же*, с. 90, рис. 32–5

85. *Седова М.В*. Суздаль в X–XV веках..., рис. 64–4

86. *Там же*, рис. 64–3

87. *Там же*, рис. 64–8

88. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 145, рис. 56–3

89. *Седов В.В*. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982, с. 87, табл. XXI–38

90. *Соловьева Г.Ф*. Славянские курганы у села Ботвиновка Гомельской области // КСИА, вып. 171, М., 1982, с. 77, рис. 2–5

91. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В*. Древняя столица Рязанской земли..., с. 249, табл. 21–5

92. *Там же*, с. 251, табл. 23–4

93. *Леонтьев А.Е*. Ростов в X–XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Новгород, 26–31 августа 1996 года. Том 2. Славянский средневековый город. М., 1997, с. 212, рис. 1–10

94. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 151, рис. 59–1

95. *Там же*, с. 151, рис. 59–12

96. *Там же*, с. 151, рис. 59–11

97. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли..., с. 302, табл. 74–1

98. *Там же*, с. 241, табл. 13–10

99. *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках..., рис. 28–1, 28–2 и 28–3

100. *Чудинов В.А.* Слово «Русь» на узорах // Экономика. Управление. Культура. Сборник научных работ ГУУ, вып. 7. М., 2000, с. 162–168

101. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода..., с. 151, рис. 59–14

102. *Там же*, с. 151, рис. 59–13

103. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей..., с.114, рис. 41–1

104. *Там же*, с. 30, рис. 11–15

105. *Там же*, с. 30, рис. 11–16

106. *Пушкина Т.А.* Новый гнёздовский клад..., с. 184; с. 177, рис. IV–6

107. *Там же*, с. 184, рис. IV–7

108. *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли..., с. 388, табл. 111–3

109. Предполагаемые древности Черной Руси, СПб., 1899, табл. V-4, V-15 и V-18

110. *Заяц Ю.А.* Заславль X–XVIII вв. (историко-археологический очерк). Минск, 1987

111. *Станкевич Я.В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX–X столетьях // Материалы и исследования по археологии №6. Этногенез восточных славян. т. I. М.-Л., 1941, с. 78, табл. V-3

112. *Кирпичников А.И.* Раннесредневековая Ладога (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые открытия и исследования. Л., 1985, с. 33, рис. 6–3



СОДЕРЖАНИЕ

Чудинов В.А.
Ч 84 **Руница и тайны археологии Руси.** — М.: Вече, 2003. — 432 с. (Тайны Земли Русской)

ISBN 5-9533-0140-5

Книга исследователя славянской письменности В.А. Чудинова содержит большое количество новейших дешифровок многочисленных надписей, выполненных средневековым славянским слоговым письмом — руницей. Знаки ее археологи находят на предметах домашнего обихода, украшениях, предметах языческого и христианского культов. Главная цель данного исследования — показать современному читателю высокий уровень средневековой русской культуры. Судя по берестяным грамотам и многочисленным надписям на предметах, наши предки широко пользовались письмом в быту и государственных делах. Изучение руницы и археологические открытия последнего времени еще раз доказывают, что средневековая Русь являлась одним из высокоразвитых государств Европы.

Валерий Алексеевич Чудинов

РУНИЦА И ТАЙНЫ АРХЕОЛОГИИ РУСИ

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И.М. Сорокина*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.002268.12.02 от 09.12.2002 г.
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru
www.100top.ru

Подписано в печать 25.10.2003. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 27,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № .